ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся НОРТОН

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

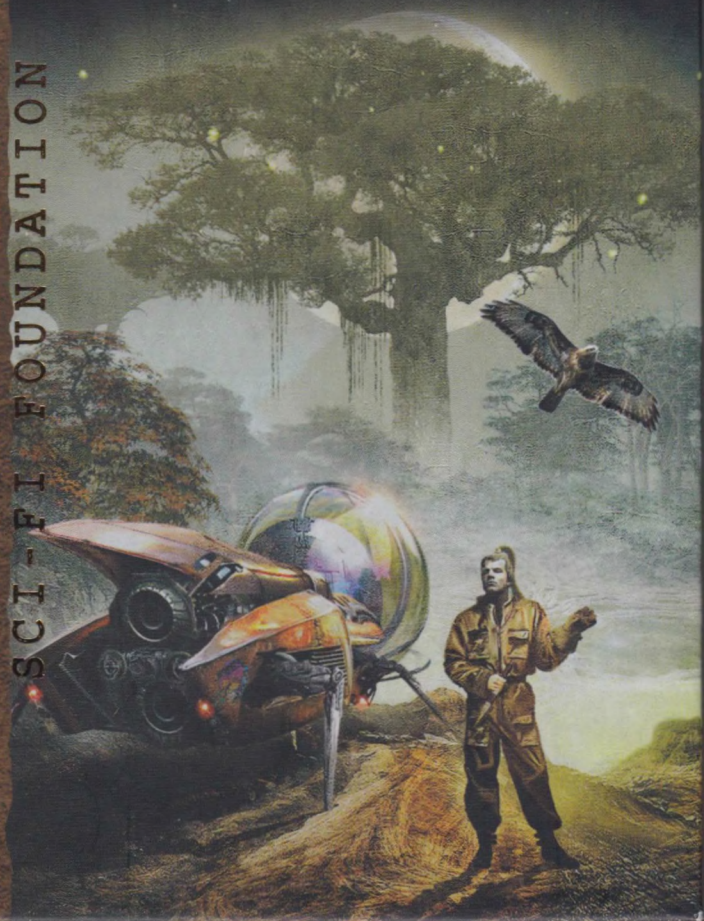
ЭКСМО

Вся НОРТОН

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

Вся

НОРТОН

Вся НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н 83

Andre Norton

STORM OVER WARLOCK
Copyright © 1960 by Andre Norton

ORDEAL IN OTHERWHERE
Copyright © 1964 by Andre Norton

CATSEYE
Copyright © 1961 by Andre Norton

JUDGEMENT ON JANUS
Copyright © 1963 by Andre Norton

VICTORY ON JANUS
Copyright © 1966 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ

Н 83 Победа на Янусе : [пер. с англ.] / Андрэ Нортон. — Москва : Эксмо, 2015. — 800 с. — (Отцы-основатели).

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников. В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Буря над планстой Колдун», «Испытания в Другом-Где», «Кошачьим взглядом» и «Суд на Янусе».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-76086-2

© Сергеев С., Арсеньев Д., Колесников О., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

БУРЯ НАД ПЛАНЕТОЙ КОЛДУН

Глава 1

БЕДСТВИЕ

Экспедиционный корпус трогов внезапно напал на лагерь терранских изыскателей за несколько минут до рассвета. Пришельцы-захватчики с методической точностью посылали видимые невооруженным глазом энергетические лучи, испепеляющие все вокруг. И единственный спрятавшийся свидетель происходящего, забравшийся в расщелину скалы немногими метрами выше, понимал, что, как только погаснет последний желто-красный энергетический луч, внизу не останется ни одного живого существа. Он изо всех сил впился зубами в обшлаг рукава, еле сдерживая пронзительный вопль ужаса и ярости, исходящий из глубин его души. Сердце готово было выскочить из груди от страха.

Чтобы не выдать себя, он вжался в узкую расщелину. Наблюдая за жуткой бойней, происходящей внизу, Шенн Ланти не в силах был пошевелиться. Сокрушительная и бессмысленно-жестокая атака трогов мгновенно лишила его сил. Одно дело — слышать рассказы о нападениях трогов, и совсем другое — быть непосредственным свидетелем их зверств. Тело Ланти содрогалось, несмотря на утепленную форму Корпуса изысканий.

До сих пор он не видел ни одного из пришельцев, а только их летающие аппараты в форме тарелок. Они могли оставаться в воздухе, пока их дальнобойные орудия сметали всех противников. Как же им удалось напрочь уничтожить силы терранцев? Судя по последнему сообщению, ближайшая база трогов находилась по меньшей мере на расстоянии двух планетных систем от Колдуна. И патрули проходили в системе Цирцеи в ту минуту, когда изыскатели отметили ее вторую планету как пригодную к колонизации. Так или иначе, жуки просочились через предполагаемый прочный кордон и теперь смогут закрепиться

на захваченной местности с обычной для них скоростью. А они захватят ее без труда, раз сумели покончить с небольшим отрядом терранцев при помощи энергетической атаки.

Месяцем-двумя позднее они, вероятно, не смогли бы этого делать. Сети были бы подняты, и с любым летательным аппаратом трогов, рискнувшим появиться в янтарном небе Колдуна, было бы сразу покончено. В гонке за выживание в качестве галактической силы терранцы имели небольшой перевес над роями врагов. Терранцам было достаточно «застолбить» обнаруженный мир и установить на его поверхности защитные сети. После этого планета становилась неприступной для жуков. Критическим становилось время между открытием планеты, пригодной для колонизации, и моментом, когда в полную силу запускалась сеть. В прошлом планеты бывали утеряны за время этой вынужденной задержки; точно так же, как Колдун был утерян для Терры сейчас.

Троги и терранцы... Больше века по планетарному времени они вели между собой беспощадную войну среди звезд. Терранцы искали планеты, чтобы колонизировать их; древняя страсть обрести собственную землю вела человечество с перенаселенных планет Солнечной системы к далеким звездам. Миров, лишенных собственной разумной жизни, пригодных для жизни колонистов, было мало, слишком мало, и были они разбросаны на огромные расстояния друг от друга. Лишь полдюжины подобных планет были обнаружены за четверть века; и из этой шестерки лишь на одной могли жить люди, не прибегая к длительной и дорогостоящей адаптации. Колдун оказался именно такой счастливой находкой, случавшейся столь редко...

Троги были хищниками-грабителями, существующими благодаря разбою. До сих пор люди никак не могли обнаружить места их постоянного обитания, равно как ни одна живая душа не знала, с какой они планеты. Наверное, они вечно обитали на своих плоских кораблях и, для того чтобы выжить, были вынуждены постоянно скитаться по вселенной, нападая и разрушая планеты, на которых они поначалу жили. Во всяком случае, теперь они стали налетчиками, опустошая беззащитные планеты, забирая себе богатства разрушенных городов, в которых не оставляли никого в живых. Хотя их временные тайные базы были разбросаны по всем уголкам галактики, они не меньше тер-

ранцев нуждались в планетах, атмосфера которой была такая же, как на Терре. Несмотря на гротескные насекомоподобные тела и совершенно чуждый разум, троги были теплокровными существами, дышащими кислородом.

После первых столкновений терранские исследователи изо всех сил старались заключить с мирный договор между двумя расами, но обнаружили, что между двумя расами нет никаких общих точек соприкосновения. Абсолютные различия в работе мозга приводили к непреодолимому непониманию сторон. В итоге терранцы терпели одно поражение за другим, до тех пор пока они не довели до ума защитные сети. С этого момента колонии находились в безопасности; по крайней мере, в тех случаях, когда хватало времени.

На Колдуне не хватило.

Последняя ярко-красная вспышка взрыва над горой развалин внизу. Шенн заморгал и чуть не ослеп от резкого света. Он до боли сжал челюсти. Это конец. Прерывисто дыша, он приподнял голову, начиная осознавать, что остался совершенно один в этом чужом негостеприимном мире, теперь находящемся под полным контролем врагов. Да, он один, без убежища, воды и пищи.

Он глубже протолкнулся спиной в узкую расщелину, которая была входом в его укрытие. Как представитель рода человеческого, Шенн вообще не производил ни на кого особого впечатления, а в эти мгновения, когда его тело сотрясала дрожь, он и не пытался с ней справиться; и выглядел сейчас даже меньше и уязвимее. Шенн уткнулся коленями в подбородок. Капюшон его куртки, смахивающей на одежду дровосека, он откинул на спину, несмотря на утренний морозец, после чего начал хлестать себя тыльной стороной ладони по губам и подбородку этаким старинным ребячьим жестом.

Никто из людей внизу, которые еще несколько минут тому назад были живы, не были ему близкими друзьями. Шенн так ни с кем и не познакомился за свою короткую бродячую жизнь. Большинство людей не обращали на него никакого внимания, кроме тех случаев, когда ему отдавались приказы, а к двоим из них Ланти относился с неприязнью — особенно к Гарту Торвальду. Лицо Шенна исказилось в болезненной гримасе, когда он вспомнил недавнее прошлое, а спустя некоторое время

гримаса исчезла, сменившись удивлением. Если бы младший Торвальд намеренно не навлек на голову Шенна неприятности, открыв клетку с росомахами, Шенна сейчас не было бы здесь — целым и невредимым, ибо в эти мгновения он находился бы внизу вместе с остальными.

Росомахи! Впервые с тех пор, как Шенн услышал грохот атаки трогов, он вспомнил причину, по которой оказался здесь, на горе. Во всей команде изыскателей Шенн Ланти считался самым незначительным. Его никто и в грош не ставил, поэтому вся грязная, утомительная и рутинная работа, не требующая технической подготовки, но которую обязательно нужно было выполнить для удобной и отлаженной работы лагеря, всегда доставалась ему. И он принимал свой «статус» охотно, просто потому, что ему очень хотелось, войти в штат Службы изысканий. Не сказать, правда, что Шенн грезил даже слабой надеждой получить в рамках службы статус «И-З-3».

Итак, в его обязанности входила чистка клеток с животными. И тут Шенн Ланти обнаружил для себя нечто новое, что-то настолько захватывающее, что большая часть тупых, утомительных работ, выполняемых им, словно перестала для него существовать. Теперь он старался скорее выполнить все остальные работы, чтобы вновь вернуться к этим очаровательным животным.

Команды изыскателей уже давно обнаружили преимущества использования мутировавших тренированных терранских животных в качестве помощников в исследовании незнакомых планет. Из биологических лабораторий или терранских ферм, где их выращивали, часто присылали таких специализированных «ассистентов». Некоторые из животных были жестокими бойцами, молчаливыми и исполнительными, и более опасными, чем оружие, которое люди носили у себя на поясе. У некоторых были пронзительные, зоркие глаза, носы намного чувствительнее человеческих; они были разведчиками намного опытнее и хитрее, чем мог когда-либо породить человеческий род. Они были созданы для разных целей. Некоторых отбирали по уму, некоторых — по размеру, других — по степени адаптации к чужим условиям, и такие животные-разведчики с Терры очень высоко ценились.

Росомахи, древние «дьяволы» северных областей Терры, впервые были использованы на Колдуне. Их сверхосторож-

ность, обостренное чувство опасности, высочайшее качество породы, делало их лучшими исследователями новых территорий. Способные разорвать на части животное, втрое превосходящее их в размерах, они считались превосходными защитниками для людей, которых сопровождали в дикие, неизведанные места. Их свирепый нрав, умение великолепно лазить по горам и плавать и, кроме того, их необузданное любопытство считались весьма ценными качествами.

Шенн начал знакомство с ними с чистки их клеток; и в конце концов эти миниатюрные медведи с коротенькими пушистыми хвостами очаровали его. И его безграничная любовь и внимание к своим питомцам стало взаимным. В присутствии Тагги и Тоги он был личностью, причем — важной личностью. Эти зубы, способные разодрать чью-либо плоть на мелкие кусочки, нежно щекотали его пальцы. Без всякого принуждения они давались ему в руки, облизывая при этом его нос и подбородок. Поэтому дважды, когда они сбегали, побег не имел успеха; оба раза Шенн находил их по следам и возвращал в лагерь и несколько раз препятствовал им делать набеги на съестные припасы команды.

Но во второй раз его застал за этим Фадакар, шеф службы управления животными, и поймал до того, как Шенн успел запереть нарушителей в клетку. Воспоминания о грязных ругательствах, которыми Фадакар усыпал Ланти, до сих пор заставляли его лицо багроветь от бессильного гнева. Все объяснения Шенна были самым отвратительным образом отвергнуты, и ему поставили ультиматум. Если он еще хотя бы один раз проявит свою нежность к питомцам, то немедленно будет отправлен на Терру на первом же корабле, причем с «волчьим» билетом, запрещающим впредь работать в этой области и выкидывающим его со службы до конца жизни.

А все из-за подлого поступка Гарта Торвальда за ночь до этого. Именно из-за Торвальда Ланти был вынужден искать сбежавших животных в кромешной темноте ночью и в полном одиночестве. Он должен был найти их и вернуть в лагерь до рассвета, прежде чем Фадакар будет проводить утренний осмотр.

Так что глупая попытка Торвальда навлечь на Шенна неприятности спасла ему жизнь.

Шенн набросил на голову капюшон, отчего его тщедушная фигура стала казаться еще меньше. Один из летательных аппаратов трогов бесшумно возник в утреннем небе, словно выплывая из тумана, едва подкрашенного янтарным цветом. Корабль на какое-то время завис над затихшим лагерем. Пришельцы, по-видимому, проверяли место своей блистательной победы над противником. И самым безопасным местом для любого терранца теперь было находиться настолько дальше от ужасных руин, оставшихся от лагеря, насколько близко в данный момент от них укрывался Шенн. Тщедушное тело Шенна стало преимуществом, ибо только благодаря своей худобе он сумел забраться в узкую расщелину на склоне скалы. Он полез туда, потому что знал все тропинки, по которым могли удрать росомахи, потому и последовал за ними по одному из их маршрутов. Несколько минут ходьбы по их хитрым, извилистым дорожкам, и вот он очутился в чашеобразной котловине и ошарашенным взором разглядывал непроходимые кусты Колдуна с пурпурными листьями. С другой стороны Ланти увидел еле заметный проход на отлогой стене горы, ведущий в еще одну котловину, не такую широкую, на которой разбили лагерь, но весьма подходящую для укрытия среди деревьев и буйно разросшихся кустов.

Легкий ветерок гулял среди деревьев, и дважды Шенн слышал шорохи, постукивания, чье-то щелкающее «клак-клак» — очень напоминающее удары теннисного мяча по ракетке. Он понял, что это пролетела какая-то птица с кожаными крыльями, обитающая в горных расщелинах. Его неожиданное появление нарушило постоянную «музыку» этих пустынных мест, где не ступала нога чужака. Ибо это «клак-клак» громко и настойчиво-угрожающе предупреждало его, что он явился охотиться не на свою территорию.

Шенн заколебался. Он понимал, что ему надо убираться из этого проклятого места, и как можно подальше от разгромленного лагеря. Тем более что совсем недалеко приземлился корабль трогов. Однако привлекшее его внимание это назойливое «клак-клак» буквально притягивало его. Наверное, умнее было бы остаться в одиночестве на вершине горы, чем рискнуть спуститься вниз в поисках укрытия, особенно тогда, когда корабль противника патрулирует окрестности.

Небольшая пыльная полянка, укрытая скалой в форме зуба, первой подсказала Ланти, что Тагги и его подруга по клетке недавно прошли перед ним, ибо он увидел отчетливые отпечатки знакомых когтей росомах. Шенн лелеял себя надеждой, что оба зверя нашли себе убежище в диких зарослях.

Он облизал пересохшие губы. Покинув лагерь тайно, Ланти не захватил с собой НЗ, и теперь Шенн сделал мысленную опись своего имущества — полевая сумка, сверхпрочная рубашка, короткая куртка с капюшоном с прилагаемыми к ней рукавицами. На груди Ланти поблескивал значок Корпуса изыскателей. На ремне пристегнута кобура с шокером, поражающим жертву электротоком, и широкий нож для рубки кустарника, а в прошитых толстенным швом карманах покоились три кредитных жетона, моток провода, чтобы запирать клетки, в которой жили росомахи, упаковка энергетических таблеток, две идентификационные и рабочие карточки и длинный кусок веревки. Ни запаса пищи и воды — спасение храбрецов, — ни дополнительных зарядов для шокера. Но все равно его куртка оттягивалась вниз из-за прикрепленного к ней маленького фонаря.

Тропинка, по которой он шел, внезапно оборвалась на самом краю скалы, и лицо Шенна исказилось от запаха, поднимающегося снизу. Несмотря на то, что означала эта вонь, Шенн спустился вниз в лощину, совершенно не боясь привлечь внимание неведомого «клак-клак». Возле скалы поднимались вонючие пары от химических минеральных источников, тем самым защищая любую птицу, гнездившуюся в этом месте.

Шенн вновь поднял капюшон и натянул на лицо прозрачную маску. Он должен уходить отсюда, чтобы найти пищу, воду, убежище. Это было волей к жизни, которая заставляла Шенна Ланти вступать в несчетное количество сражений в прошлом; это было приказом, выполняемым им с тупой решительностью.

Зловонные пары клубились вокруг, поднимаясь ввысь и обволакивая легким туманом его по пояс, но он упрямо шел вперед, двигаясь к открытой местности и чистому воздуху. Запах лавандовых кустов, окаймляющих источник, смешиваясь с ядовитыми испарениями, вызывал тошноту. Ланти видел, что кусты буквально погружены в источник, и щурился от их пурпурно-зеленого цвета. Потом он оказался в какой-то роще, а ветки

деревьев, устремленные к небу под абсолютно прямым углом, торчали из их ржаво-красных стволов.

Что-то маленькое внезапно поднялось в воздух с поросшей мхом земли, издавая тревожный пронзительный крик, и исчезло из вида так же внезапно, как и появилось. Шенн сжался между двумя деревьями и остановился. Ствол большего дерева был испещрен глубокими царапинами, кора содрана, и Шенн видел вязкую голую древесину, из которой сочилась живица, пенящийся ярко-алый сок. Это Тагги оставил свою метку, и не так уж давно.

На мягком ковре из мха когти росомах не оставили следов, но Ланти подумал, что догадался о цели животных — озеро внизу долины. Теперь Шенн начал продумывать план дальнейших действий. Троги не стали разрушать лагерь полностью; сперва они хотели убедиться в гибели всех его обитателей. Это означало, что какие-нибудь сооружения они должны использовать. Поскольку в полевом лагере изыскателей поживиться было сравнительно нечем, да еще тем, кто захватил сокровища целых городов по всей галактике. Тогда зачем им сооружения? Что нужно этим проклятым трогам? И будут ли пришельцы-захватчики находиться в оккупированном лагере еще какое-то время?

Словно воочию Шенн вновь увидел перед собой безжалостную атаку трогов. Однако с самого раннего детства ему приходилось бороться за жизнь, которая почти всегда находилась на границе со смертью — особенно в Трущобах Тира — ему приходилось использовать весь свой жизненный опыт и хитрость, чтобы сохранить свое худое маленькое тело в живых. Тем не менее, с тех пор как он оказался среди изыскателей, он больше не был совсем уж худым.

Его официальное образование было близко к нулю, однако неформальное — весьма необычное и, можно сказать, довольно обширное. А теперь, с годами работы, произошел обычный в подобных случаях процесс: Шенн пообтесался в жизни, сделался более жестким, что помогало ему во многих сложных ситуациях; он научился быстро приспосабливаться к новым жизненным условиям, в основном — опасным. Он остался один в совершенно чужом и, скорее всего, враждебном мире. Вода, пища, безопасное убежище вот что теперь самое важное. И снова, и снова его не оставляла мысль: надо как можно дальше убрать-

ся от лагеря, где он руководствовался желаниями и требованиями других. Теперь, в одиночку, он планировал свою жизнь на свободе. Позднее (его рука машинально опустилась к шокеру), возможно позднее, он сумеет найти способ извлечь пользу и от жуков.

Но сейчас он должен держаться подальше от трогов, что означало — подальше от лагеря. Вдруг сквозь аметистовую листву перед ним показалось зеленое пятно — озеро! Шенн с трудом преодолел последнюю преграду из кустарника и остановился, чтобы оглядеться вокруг. Шенн, сложив пальцы, сунул их в рот и свистнул. Глянцевая лоснящаяся коричневая голова тотчас показалась на его поверхности. Голова повернулась, черные глаза-пуговки устремились на него, короткие лапы начали взбалтывать воду. К радости Шенна, пловец подчинился его призыву.

Тагги вышел на берег, остановился на гладком сером песке на краю озера и начал неистово отряхивать с себя воду. Затем росомаха неуклюжим галопом побежала к Шенну. Неизведанное доселе чувство переполняло терранца, когда он опустился на колени и запустил обе руки в жесткую коричневую шерсть. Он ощутил теплоту в сердце, когда Тагги бурно приветствовала его появление.

— А Тоги? — спросил Ланти, словно смог бы услышать ответ. Он вглядывался в поверхность озера, но спутницы Тагги нигде не было видно.

Тупая, почти квадратная голова под его ладонью то и дело поворачивалась, черная кнопка носа указывала на север. Шенн точно не знал, насколько умны росомахи. Он подозревал, что Фадакар и другие специалисты всегда недооценивали их и оба зверя понимали намного больше, чем считалось. Теперь Шенну предстояло убедиться на деле в том, что он уже пробовал сделать несколько раз, но ни разу не доводил до конца. Поглаживая плоскую голову Тагги, Шенн думал о трогах и их нападении, пытаясь вызвать у животного ответную реакцию на собственные страх и ярость.

И Тагги среагировал. Его тихое бормотание превратилось в злобный рык, зубы зловеще лязгнули — эти жестокие зубы плотоядного зверя, его страшное оружие. Опасность... Шенн подумал «опасность». Потом поднял голову, и росомаха резко

отстранилась от него и направилась на север. Человек последовал за зверем.

Они обнаружили Тоги в небольшой пещере с неровными краями, где росомаха скрывалась от последнего прилива. Она уже плотно позавтракала, о чем говорили останки водяной крысы, которые животное предусмотрительно закопало на будущее, если снова возникнет необходимость в пище. Увидев Шенна, она посмотрела на него, и в ее глазах он прочел молчаливый вопрос.

Здесь была вода и хорошая охота. Но это место находилось слишком близко от трогов. Если один из их летательных аппаратов-разведчиков засечет их, то маленькой группе наступит конец. Поэтому лучше будет спрятаться, что и должны сделать трое беглецов. Шенн нахмурился, но не на Тоги, а на ландшафт. Он страшно устал и был голоден, но должен продолжать идти.

Из пещеры вытекал небольшой ручеек, ведущий на запад, своего рода указатель. Со своим ограниченным знанием местности, Шенн решил последовать за ручейком.

Солнце над головой образовывало на небе обычный золотой туман. Озерные гуси, собравшиеся на утренний завтрак, оставляли за собой отчетливые зеленые полоски на глянцевой поверхности воды. Озерные гуси были отличной пищей, но у Шенна не было времени на охоту. Тоги шлепала по берегу ручейка, Тагги следовал за ней. Либо они уже мысленно нашли дорогу отсюда, либо брели наугад.

Внимание Шенна привлекла какая-то бесформенная куча сломанных веток. Он свернул к ней и спустя некоторое время уже имел оружие собственного изготовления — увесистую дубину. Низко нагибаясь под ветвями, он шел вслед за росомахами.

Примерно через полчаса он тоже позавтракал. Парочку подбитых дубиной небольших птичек он связал вместе крепкой травой и подвесил к ремню. Конечно, это не деликатес, но все-таки какое-никакое мясо.

Все трое, человек и росомахи, продолжали идти по берегу ручейка к низине, пробираясь сквозь горки и холмы, изрезанные глубокими оврагами. Когда добрались до устья ручья, они увидели водопад и наконец разбили свой первый лагерь. Судя по сгущающемуся туману, Шенн понял, что можно разложить небольшой костер. Он скорее высушил, чем поджарил подбитых

птичек, после чего содрал с них кожу и отделил мясо от тоненьких косточек и наконец немного поел. Росомахи лежали бок о бок на галечнике, время от времени тревожно поднимая головы и принюхиваясь. Или просто всматривались в даль.

Внезапно из глубины глотки Тагги раздался предупреждающий рык. Шенн быстро забросал огонь костра пригоршнями песка. У него осталось время только на то, чтобы упасть лицом вниз, надеясь, что выцветшая тускло-коричневая форма сольется с цветом земли, на которой он лежал с напряженными до боли мышцами.

Совсем рядом с холмом проплыла тень. Шенн вжал голову в плечи и, казалось, сделался еще меньше. Этот страх был ему знаком еще в расщелине, когда он с ужасом ожидал, как луч, направленный сверху, лизнет по нему, как это случилось прежде с его друзьями. Троги вышли на охоту...

Глава 2

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ

Вздох потревоженного воздуха не громче бриза, однако он отозвался в ушах Шенна чудовищно громким эхом. Он не мог поверить своему счастью, когда звук постепенно начал затихать над лощиной, а после и вовсе исчез. С бесконечной осторожностью он поднял голову, по-прежнему с трудом осознавая тот факт, что продолжал лежать не дыша, пока троги и их корабль не скрылись из виду.

Но эта черная тарелка кружилась где-то в тумане, едва подсвеченном солнцем. Один из трогов мог заподозрить, что из лагеря терранцев удалось кому-то сбежать, и распорядился выслать дополнительные патрули. В конце концов, откуда пришельцы могли знать наверняка, что перебили всех в лагере, кроме одного? Все летательные аппараты-разведчики, принадлежащие лагерю, находились на земле, а погибшие так и остались на своих спальных местах, атака вполне могла казаться завершенной до конца.

Когда Шенн пошевелился, Тагги и Тоги тоже подали признаки жизни. Они быстро заходили по земле, и человек был уверен, что животные почуяли опасность. И не в первый раз Лан-

ти осознал свое похороненное в глубине души желание иметь формальное образование, которого у него никогда не было. Находясь в лагере, он только выслушивал приказы, исполнял скучную рутинную работу, чтобы «нечаянно» подслушать сообщения и разговоры лучших специалистов в своем деле. Шенну удалось накопить столько информации, что даже его цепкой памяти не удавалось переварить ее всю, равно как понять и разложить по полочкам. Это было сродни тому, когда человек пытается сложить головоломку, имея при себе только четверть ее элементов. К примеру, Шенн не знал, насколько был велик контроль над животными-разведчиками, то есть над его пушистыми или пернатыми помощниками? И была ли часть их мастерства ментальной связи между человеком и животным у них в крови или создана путем долгих тренировок?

Насколько росомахи будут повиноваться ему, особенно когда они уже не вернутся в лагерь в свои клетки, ожидающие их, как символ человеческого превосходства? Не приведет ли их путешествие по дикой природе к бунту ради приобретенния свободы? Если Шенн будет зависеть от животных, это станет серьезной проблемой. Не только их более развитые способности к охоте, чтобы добывать пищу для всех троих, но и их обостренные чувства разведчиков, намного превосходящие его, могут создать весьма тонкую стенку между жизнью и смертью.

Исследователями с Терры были обнаружены несколько крупных животных, обитающих на Колдуне. И ни одно из них (а их было пять или шесть) не проявило враждебности, если его не провоцировали к этому. Но это ничего не означало здесь, в самом сердце дикой природы, куда еще глубже забирался Шенн, не имея никаких знаний о планете, как таковой. Вероятно, им могут повстречаться какие-нибудь твари, намного хитрее и кровожаднее росомах, даже приведенных в ярость.

Тогда, раньше, в лагере это были только странные сны-видения, которые положили начало многим дискуссиям и спорам. Шенн высыпал колкий песок из сапог и задумался. Так были они или их вовсе не существовало? Можно было спорить сколько угодно, сделав окончательное заявление о чем-либо или против чего-либо, но именно странные, необъяснимые сны появились вместе с первым разведчиком, приземлившимся на этой планете.

Система Цирцеи, в которой Колдун был второй из трех планет, впервые была исследована четыре года назад одним из тех путешествующих в одиночку кораблей Службы изысканий. Все знали, что «Первые в поиске» — это странные люди, чуть-ли не мутанты терранских кровей. Их сообщения зачастую содержали странные наблюдения

Поэтому тревога относительно Цирцеи, желтой звезды солнечного типа, и ее трех планет не была ни для кого новостью. Ведьма, планета, расположенная на орбите, ближайшей к Цирцее, была слишком раскалена и потому не приспособлена для человеческого обитания без применения специальных мер. А это было очень дорогостоящее мероприятие, и поэтому Ведьму оставили в покое. Чародей, третья планета от Солнца, вся была покрыта голыми скалами и очень ядовитой водой. Но Колдун, вращающийся между своими брошенными на произвол судьбы соседями, казался как раз тем, что надо, поэтому и был отдан приказ об его колонизации.

Неожиданно изыскатель-разведчик, даже находясь в безопасном коконе своего вооруженного до зубов корабля, начал видеть сны. И эти кошмарные сны на пустой планете продолжались до тех пор, пока он не покинул планету, чтобы не сойти с ума. После, для проверки этого, на Колдун прислали второй корабль — планета была настолько идеальной для колонизации, что просто нельзя было от нее отказаться. И при этом не было череды кошмарных неестественных снов или свидетельства о каком-то потустороннем влиянии на высокочувствительное и технически сложное оборудование корабля-носителя. Поэтому вскоре туда была послана команда изыскателей, чтобы подготовить все для приема первых колонистов, и ни один из них больше не видел снов — по крайней мере, необычных. И все же нашлись те, кто отмечали, что между первым и вторым посещением Колдуна произошла смена сезонов. Первый корабль приземлился на планету летом; его преемники прибыли на Колдун осенью и зимой. Они спорили, что попытку освоения планеты нельзя считать удачной, пока Колдун не завершит свой полный годовой цикл.

Но давление со стороны Управления Эмиграции вынудило ускориться изыскателей из-за опасений, сбывшихся теперь, что на планету нападут троги. Так что большое начальство явно по-

спешило с заявлением о том, что Колдун — открытая планета. Только Рагнар Торвальд яростно протестовал против этого решения и месяц тому назад возвратился в штаб-квартиру, где с пеной у рта еще раз попытался выступить с заявлением насчет очень осторожного исследования Колдуна.

Шенн закончил отряхивать песок с плотных фабричного производства сапог, доходящих ему почти до колен. Рагнар Торвальд... Шенну снова припомнилась бетонированная площадка посадочной полосы космопорта другого мира, и вспоминал он это с чувством глубокой потери, которую никак не мог постичь до конца. Почти заканчивался второй важнейшийй день в его короткой жизни; первый важнейший день в его жизни был раньше: когда ему разрешили вступить в ряды изыскателей.

Он, спотыкаясь, брел не разбирая дороги, неся свой незамысловатый груз, вещевой мешок — очень тощий мешок, который он перекинул через худое плечо, а в глубине его души разгоралось горячее желание, стремление к какой-то заветной цели, которую он и сам толком еще не знал, и так продолжалось до тех пор, пока Ланти не осознал, что он не сможет придушить в себе это состояние дикого счастья. Его ожидал звездолет. И он — Шенн Ланти — из Трущоб Тира — недалекий человек, не закончивший даже обычной школы, — направлялся к кораблю в коричнево-зеленой форме Службы изысканий!

Потом он заколебался и никак не мог осмелиться пересечь несколько футов бетонного покрытия, отделяющего его от небольшой группы людей, одетых в точно такую же форму — только с небольшой разницей в виде знаков отличия и их рангов. Но он направлялся к ним с бессознательной самоуверенностью человека, который совершал это прежде и не один раз.

Однако пролетело мгновение, и вся группа, к его собственному стыду, стала оценивать только квалификацию одного человека — Рагнара Торвальда. В своем несчастном и вечно ущемленном детстве, а впоследствии и в потерянном юношестве Шенн никогда прежде не знал никого, перед кем стоило бы поклоняться, как перед героем. Поэтому он не смог бы дать название новому ощущению, охватившему его так внезапно; своему горячему желанию доказать на деле, что он все умеет, что он никого не подведет и что он будет занимать не только свою крохотную нишу в команде, в которую попал с таким трудом,

но будет стараться подняться еще выше и выше и станет подниматься до тех пор, пока не сможет стоять точно так же, как члены эти группы, и свободно разговаривать с высоким человеком с непокрытой головой, кажущейся золотой в лучах солнца, да, именно с этим человеком, чьи холодные серо-стальные глаза резко выделялись на загорелом лице.

Не то чтобы эти безумные мысли родились у Шенна именно в те минуты; теперь он понимал, что думал об этом и в последующие месяцы. Наверное, эти мечты были настолько же безумны, как и донесения с первого корабля-разведчика с Колдуна. Сейчас Шенн лишь хмуро усмехался своим мальчишеским надеждам и уверенности, что ему удастся совершить великие дела. В лагере один только человек никогда не обращал внимания на Шенна, и это был Гарт, младший брат Рагнара Торвальда. Шенн для него просто не существовал.

Гарт Торвальд — совершенно невыразительная — кто-нибудь сказал бы «расплывчатая» — копия своего брата. Рагнар никогда не расхаживал по лагерю с наглой улыбкой щеголя; Гарт же в своей первой миссии был всего лишь в звании кадета. Он все время пытался унизить Шенна, заставляя его осознать разницу между человеком, занимающимся ручным трудом, и офицером в полном смысле этого слова. При этом он любил размахивать своим с трудом приобретенным дипломом. Казалось, что с их первой встречи он отлично знал, как превратить жизнь Шенна в сплошные мучения.

Теперь, сидя возле погасшего костерка, вдали от разрушенного трогами лагеря, Шенн почувствовал, как пальцы впервые сжались в кулаки. Он заколотил ими по земле, представляя себе, как с ним случалось очень часто, что лупит ими по ухмыляющейся красивой физиономии Гарта, по его прекрасной лепки лицу. Никто не смог бы выжить в Трущобах Тира, не умея вовремя воспользоваться кулаками, башмаками и целой кучей всевозможных трюков, которым не обучают ни в одной академии. Шенн не сомневался, что всегда сумеет победить Гарта, если они схлестнутся. Но если бы он дал волю кулакам, не сумел бы сдержаться и клюнул бы на провокацию, то не видать ему Службы изысканий как своих ушей. Гарт же доказывал себе, что умеет разговаривать с ним, избегая любой ссоры, он мягко, но очень обидно корил его даже за самую незначительную долж-

ностную провинность, и, конечно же, рангом он был гораздо выше Шенна. Рабочему с Тира приходилось проглатывать все, за что другой бы на его месте двинул бы по физиономии. Шенн надеялся, что в своем следующем назначении его сделают членом другой команды, только не младшего Торвальда. Хотя из-за Гарта Торвальда «дань» Шенна черному списку росла с угрожающей быстротой, и с каждым днем его шанс попасть в другую команду становился все туманнее.

Шенн рассмеялся. Смех у него был горьким. Это было одной из тех неприятных вещей, о которых ему не придется больше беспокоиться. Больше у него не будет новых назначений. Троги уж как-нибудь позаботятся об этом. А Гарт... что ж, теперь больше между ними не будет ни словесных, ни кулачных стычек. Ланти поднялся. Корабль трогов исчез; они могли продолжать свой поход.

Он нашел трещину в скале, по которой можно было подняться, и поманил за собой росомах. Когда они взобрались на вершину, откуда виднелся водопад, Тагги и Тоги терлись об его бока и тихим рычанием привлекали его внимание. Казалось, они тоже нуждались в утешении, которое хотели получить от него, ибо оба зверя тоже были чужаками на этой враждебной планете, правда, относились к представителям другого вида.

Пока Шенн не имел никакой определенной цели, он продолжал идти по течению ручья по совершенно плоскому плато. Солнце жарило беспощадно, поэтому он снял куртку и перекинул ее через плечо. Тагги и Тоги медленно бежали впереди, дважды по пути поймав небольших птичек, которых с наслаждением съели. По голой стене скалы скользила чья-то тень, и терранец вновь подумал об укрытии, пока не заметил, что ее отбрасывает огромный сокол, выискивающий дичь где-то на вершине скалы. Но чтобы окончательно увериться в безопасности, Шенн снова стал искать укрытие, мысленно ругая себя за беспечность.

Только к вечеру они добрались до самого конца плато, упирающегося в крутой подъем на высокую гору с запорошенной снегом вершиной. В это время солнце светило мягким персиковым цветом. Шенн огляделся в поисках более или менее удобной тропинки, но все равно засомневался, хватит ли ему сил преодолеть ее без соответствующей экипировки. Он дол-

жен свернуть либо на север, либо на юг, хотя из-за этого ему придется отойти от ручья с живительной водой. Ночью он разбил бы лагерь прямо на том месте, где находился. Он даже еще не осознавал, насколько устал, пока не нашел некое углубление в скале, смахивающее на небольшую пещеру. И тогда Ланти забрался в нее. Разводить огонь в таком месте было слишком опасно, поэтому ему пришлось довольствоваться теми «удобствами», которые у него имелись.

К счастью, росомахи протиснулись в пещеру вместе с ним и полностью заполнили ее. Их теплые, покрытые шерстью тела окружили его со всех сторон, так что все трое образовали нечто вроде сэндвича, и он начал задремывать. Он широко зевнул и задремал, прислушиваясь к ночным звукам: пронзительным крикам птиц, свисту, рявканью... Дикая природа Колдуна жила своей ночной жизнью. Порой кто-нибудь из росомах поскуливал и беспокойно ерзал во сне.

Солнечные лучи буквально вонзились в Шенна, словно копья, и он тотчас же открыл глаза и быстро зажмурился. Потом пошевелил затекшими членами, несколько раз моргнул, отгоняя сон, неспособный в первые мгновения понять, почему нежно-белая гипсовая стена его естественного ночлега превратилась в неотесанный красный камень. И тут он вспомнил. Он был один и с бешеной скоростью выскочил из пещеры, испугавшись, что росомахи ушли прочь. Но тотчас же успокоился. Оба зверя точили когти о гальку, причем делали это с неистовым упорством, словно за этими усилиями стояла какая-то важная цель.

Острое жало вонзилось ему в тыльную сторону ладони, и Шенн стремительно отдернул руку. Оказывается, росомахи отыскали норку земляной осы и устроили охоту на ее сытных личинок, тем самым подняв всех обитателей норки «на ноги». И, естественно, приведя их в праведное негодование.

Шенн столкнулся с довольно сложной проблемой собственного завтрака. Как и всем членам команды, ему сделали уколы для поддержания иммунитета, и он принял условия игры, заведенной еще первыми исследовательскими партиями. Прививки окрестили «безопасностью». Однако теперь он пребывал в полной растерянности, не зная, сколько может продержаться человек на эрзаце натуральной пищи. Рано или поздно ему придется

проводить эксперименты над самим собой. Он уже выпил воды из ручья, предварительно не добавив в нее очистителя, но пока еще не чувствовал никаких признаков недомогания. Ручей предполагает наличие в нем рыбы. Но вместо нее он выбрал другого водного обитателя, который выбрался на берег немного позагорать. Им оказалось медлительное неповоротливое полосатое существо, с плавниками и тонкими слабыми ножками, торчащими из тела, покрытого пластинчатой броней. Очень легкая добыча для его дубины.

Шенн предложил голову и кишки существа Тоги, которая только что отошла от осиного гнезда. Она осторожно принюхалась к пище и только потом проглотила ее. Шенн развел небольшой костер и обжарил на огне зеленоватую плоть. Вкус жаркого был пресный, особенно без соли, но еда быстро заполнила пустоту в его желудке. Приободренный, Ланти пристально посмотрел на юг, надеясь обнаружить, нет ли там какой-либо воды.

В полдень его оптимизм оправдался, ибо он обнаружил ручей, а росомахи притащили откуда-то тонконогого зверька, который прятался в тени густого кустарника с пурпурными листьями. Зверек оказался намного меньше терранского оленя, с вытянутой безрогой головой и весь покрытый густой шерстью, достигающей в некоторых местах почти двенадцати дюймов длины. Шенн неумело нарубил из него нечто вроде бифштексов с неровными краями, в то время как росомахи искренне ликовали, аккуратно закапывая голову жертвы в землю.

Когда Шенн встал на колени возле ручья, чтобы умыться, он услышал знакомое «клак-клак». Он не слышал и не видел ни одного летательного аппарата с тех пор, как покинул долину с озером. Но теперь этот шум становился все громче и громче, пока не достиг оглушительной мощности, и Шенн решил, что где-то неподалеку обосновалась огромная колония птиц и ее обитатели кричат, почуяв надвигающуюся опасность.

Он по-пластунски добрался до ближайшего укрытия, направляясь к источнику шума. Если это клацанье издает разведотряд трогов, то он хотел в этом удостовериться.

Распластавшись на земле и прикрывшись ветками, терранец пристально вглядывался в вытянутую полоску песка, которая круто спускалась к югу и могла привести их к той местности,

которую они сейчас пересекали, только намного ниже их местоположения.

Клацанье раздавалось тут и там, затем оно превратилось в пронзительное стаккато призыва к войне. Шенн, делая беспорядочные движения, полз в направлении летающей, как он считал, группе, и решил, что из-за того, что они находятся наверху, в этом месте их никто не увидит. Почему бы ему просто не убраться отсюда, пока неприятности не окажутся совсем близко? Это подсказывала ему осторожность; и все-таки он колебался.

Ему не хотелось идти на север или попытаться преодолеть горы. Не-ет, юг — самый лучший путь, к тому же он не сомневался, что эта дорога была самой близкой, прежде чем он отступит назад.

С тех пор как к шуму прибавилось клацанье, а их, возможно, разыскивает враг, терранец пополз в заросли высокой травы, которая сыграла роль своего рода экрана на вершине горы. Там он быстро остановился и замер, а его руки машинально стали рыть землю.

Внизу с земли поднялся огромный клуб пара, и Шенн увидел стоящую на земле ракету, выбросившую из своего сопла ярко-красное пламя, а буйная трава мгновенно превратилась в серую кучку пепла. Внизу готовился подняться в воздух маленький разведывательный корабль. Но когда Ланти поднялся во весь рост, чтобы приветствовать его, крик застрял у него в горле. Один из стабилизаторов ракеты подкосился, и корабль накренился вбок, что не давало ему возможности совершить попытку взлета. И вдруг над низким холмом с запада появилась огромная темная тарелка трогов.

Корабль трогов приближался с невиданной скоростью, и Шенн напряженно ожидал каких-либо ответных действий со стороны корабля-разведчика. Эти крохотные быстроходные терранские корабли были благоразумно снабжены смертельным оружием, совсем не соответствующим их размерам. Шенн не сомневался, что корабль терранцев не сдаст свои позиции трогам; он даже решил, что терранцы уничтожат проклятую тарелку противника. Однако из корабля терранцев не выстрелили. Троги осторожно кружили над ним, очевидно ожидая западни. Ведь никто не стрелял! Дважды аппарат трогов отлетал

назад, туда, откуда прилетел. Когда он возвратился из своего второго полета, в янтарном небе Колдуна появилась еще одна черная точка.

Шенн ощутил головокружение, тошноту и жуткую слабость. Теперь корабль терранцев лишился всех своих преимуществ и, возможно, надежды. Троги могли разделаться с ним, разрезать сбитый корабль на мелкие кусочки при помощи своих энергетических лучей. Шенну безумно захотелось уползти куда-нибудь подальше, чтобы не стать свидетелем последней катастрофы людей, к роду которых он относился. Но внезапно его телом овладел непреодолимый ступор.

Троги начали кружить над пропащим кораблем; они издавали громкое «клак-клак», зависали над своей жертвой, пролетали мимо накренившегося носа терранского корабля. Затем применили свои смертоносные лучи, последствия которых Шенну уже довелось видеть после разгрома его лагеря. Мощный энергетический луч полоснул по самому центру корабля. Человек, пилотирующий терранский корабль, если уже не умер (что могло объяснять отсутствие каких-либо защитных действий), то, должно быть, пал жертвой этого луча. Но троги, как всегда, решили удостовериться в своей окончательной победе. Появился их второй корабль. Он довольно долго балансировал в небе над спаленным терранским кораблем, затем выпустил еще один заряд. Шенн зажмурился от нестерпимо яркого света, а по всему его телу пробежали мурашки, которые постепенно исчезли вместе с последней надеждой на чудо.

Что же все-таки случилось, когда сверхосторожные троги были захвачены врасплох появлением этого корабля? Шенн плакал, выл от бессильной злобы, зарываясь лицом в ладони, когда алая шутиха вернула его зрение в нормальное состояние. Но тотчас же все для Шенна снова погрузилось во тьму. Это был взрыв, оглушительный. Ланти сперва показалось, что он оглох и ослеп. Только спустя некоторое время, когда он пришел в себя, он попытался осознать, что произошло.

Сквозь слезы он видел расплывчатые очертания летательного аппарата трогов, теперь уже не обращающего внимания на довольно серьезную силу тяготения Колдуна, а летающего кругами по небу. Их корабль сейчас напоминал поднятый ветром с земли опавший лист. Обод их тарелки едва не касался ржа-

во-красной скалы, иногда он налетал на нее и отскакивал рикошетом, издавая при этом скрежещущий звук, режущий слух. Затем троги опустились, отлетев примерно на полмили от дымящегося кратера, в котором покоились искореженные остатки терранского корабля.

Должно быть, смертельно раненный пилот решил сыграть с противником в последнюю отчаянно-смертельную игру, использовав свой корабль как приманку.

И терранцу все же удалось забрать один из кораблей трогов с собой на тот свет. Шенн протер глаза и теперь смог наблюдать, как вторая тарелка быстро скользит по небу на запад. Возможно, из-за дыма, испарений и взрывов зрение Шенна ухудшилось, но ему показалось, что тарелка трогов летит как-то неуверенно, словно ее пилот боится второго выстрела или, вероятно, корабль противника получил какие-то повреждения.

Над лощиной поднимались ядовитые кислотные пары, и Шенн долго кашлял. Глаза его слезились. Из команды терранского корабля-разведчика никого не осталось в живых, и он не мог этому поверить. Равно как и не мог поверить, что трог остался жив в своей искореженной, поврежденной тарелке. Но вскоре здесь окажутся другие жуки! Они не рискнут покинуть Колдун, как следует не изучив планету. Шенн думал о том разведчике. Неужели троги следили за лагерем изыскателей; ведь отсутствие хотя бы одного корабля подняло их по тревоге, и они сделали специальный крюк, чтобы обезвредить его? Или троги попытались напасть на терранский корабль в верхних слоях атмосферы, подбить его там, заставив сделать вынужденную посадку? Но по крайней мере этот бой стоил трогам одного из их кораблей, хотя это и слишком малая цена за уничтоженный лагерь.

Для Шенна время между посадкой терранского корабля и нападением на него трогов пролетело настолько быстро, что он действительно не видел никакой надежды на спасение. Корабль был совершенно разрушен. С другой стороны, видя, какой урон понесли троги, Шенн понимал, что в их сознании подорвано их превосходство. Он не имел никакой возможности обзавестись запасами с подбитого корабля. Но у него были Тагги, Тоги и его разум. С тех пор как волею судьбы он был вынужден стать веч-

ным жителем на Колдуне, они должны найти хоть какой-нибудь способ отомстить жукам за их бесчинства.

Он облизал губы. Эффективная военная акция против пришельцев требовала долгого и отлично проработанного плана. Шенну придется узнать побольше о том, что сделало трогов трогами; во всяком случае, он должен узнать намного больше того, о чем рассказывали бесконечные и неправдоподобные истории, которые он слышал в течение многих лет. Должен же найтись *какой-нибудь* эффективный способ уничтожить жуков. К тому же у него было много времени, возможно вся оставшаяся жизнь, для того чтобы разрешить все эти вопросы. Та тарелка трогов явно повредилась, ударившись о подножие скалы... вероятно, ему удастся провести небольшое расследование, прежде чем на Колдуне появится спасательный отряд. Шенн подумал, что такое решение — лучшее из всего, что он мог предпринять, и он свистнул своим росомахам.

Глава 3

СОМКНУТЬ РЯДЫ!

Шенн сделал крюк, чтобы обойти огромную дымящуюся воронку, где лежали искореженные обломки терранского корабля. Когда он подошел к летающей тарелке трогов, то не заметил рядом с ней никаких признаков жизни. Примерно четверть ее корпуса в задней части была сжата, поэтому Ланти был уверен, что в такой «давильне» никто из пришельцев не выжил, даже несмотря на свои жесткие ороговевшие панцири.

Он чихнул. Отвратительный, тяжелый запах носился в утреннем воздухе, но такое зловоние не смог бы вынести ни один человеческий нос. Входной люк черного корабля пришельцев остался открытым, вероятно после сокрушительного удара о скалу. Шенн приблизился было к нему, как вдруг в площадку, отделяющую его от тарелки, ударило несколько мощных энергетических зарядов, а край покореженного входного люка тотчас же покраснел.

Шенн рухнул на землю, вытащил шокер, в эти секунды понимая, что подобное оружие против бластера все равно что соломинка против горящего угля. Им овладело холодное оцепе-

нение, когда он ожидал второго залпа, способного превратить его в головешку. Значит, кто-то из трогов все-таки выжил.

Однако шло время, а трог не подавал признаков жизни. Пока противник по какой-то причине не мог легко покончить с Шенном, тот собирался с мыслями. Только один выстрел! Почему? Неужели враг настолько сильно ранен, что он не способен даже удостовериться в том, погибла ли его почти беззащитная жертва или нет? Троги редко захватывали пленников. А когда они это делали...

Шенн крепко сжал губы. Он провел рукой по телу, распростертому на земле, нащупывая рукоятку ножа. С его помощью он смог бы быстро убраться отсюда, чтобы не стать пленником трога, и он сделал бы это с радостью, если бы надеялся сбежать. А вдруг в бластере противника остался еще один заряд? Шенн лихорадочно перебирал в мозгу массу причин, почему трог не подает признаков жизни, и Шенн даже не осмеливался оглянуться, опасаясь получить выстрел в спину. Он также боялся и посмотреть, что сейчас может делать трог.

Разыгралось ли у него воображение или зловоние за несколько последних секунд значительно усилилось? Мог ли трог незаметно подкрасться к нему? Шенн навострил уши, стараясь уловить любой посторонний звук. Рядом с тарелкой раздалось несколько «клак-клак», а это значит, что трог все-таки жив, и тогда Шенн решился на контратаку.

Он свистнул росомахам. Парочка не слишком охотно последовала за ним вниз по лощине. Им пришлось сделать огромный круг, чтобы обойти воронку. Однако, если росомахи слушаются его, значит, у него точно есть шанс!

Вот! Вот он звук, а вонь стала еще нестерпимее. Наверняка трог незаметно идет за ним. Шенн снова свистнул, мысленно собрав в кулак всю свою ненависть к жуку и думая только об уничтожении пришельца. Если животные понимали мысли и чувства своего компаньона-человека, то для него как раз наступило время отдать им бесшумный приказ.

Шенн сильно хлопнул ладошкой по земле и перекатился на бок, держа взведенный шокер наготове.

И теперь он увидел гротескное существо, бредущее за ними, качаясь из стороны в сторону на своих тонких ножках. В сере-

дине уродливого туловища Шенн заметил приподнятый бластер. Вдруг трог остановился; возможно, Тагги он напомнил своим силуэтом какое-то четвероногое, на которое он часто охотился. Ибо росомаха молниеносно прыгнула на его покрытые панцирем плечи.

От такого прямого нападения трог прогнулся и немного продвинулся вперед. Но Тагги, по-видимому неспособный вынести смрада, исходящего от атакуемого им существа, пронзительно закричал и отступил назад. У Шенна появилась прекрасная возможность. Он выстрелил, и мощный луч из его шокера угодил прямо в плоскую тарелкообразную голову пришельца.

От страшной атаки, способной лишить сознания мамонта, трог лишь накренился вбок. Шенн вновь перекатился по земле и нашел себе временное укрытие за подбитым кораблем. Его тело изогнулось от боли, когда раскаленный металл чуть не спалил его куртку. Затем Шенн увидел отблеск второго выстрела бластера, произведенного секундой позднее.

Теперь трог связал Шенна по рукам и ногам. Но чтобы захватить терранца, трогу пришлось бы показаться, и тем самым у Шенна появился один шанс из пятидесяти, что, конечно, делало его положение лучше, нежели еще три минуты назад, когда его шансы соотносились один к ста. Он понимал, что не может рассчитывать на помощь росомах и тем более заставлять их ему помогать. Отвращение Тагги было слишком явным; Шенн даже обрадовался, что животное совершило неудачную атаку.

Вероятно, позорное бегство человека и росомахи сделали трога безрассудно-опрометчивым. Шенн не мог разобраться в мыслительных процессах этого существа, поэтому его вовсе не удивило, что трог начал, пошатываясь, ходить вокруг кромки летающей тарелки; его пальцы, больше напоминающие когти, неловко сжимали оружие. Терранец произвел еще один выстрел из шокера, надеясь хотя бы остановить врага. Но это было всего лишь обманом самого себя. Если бы он повернулся и начал взбираться на скалу, трог очень просто схватил бы его.

Со скалы свалился огромный камень, со страшной силой ударив куполообразную, лысую голову трога. Его покрытое панцирем тело дернулось вперед, ударилось о борт летательного аппарата и отрикошетило на землю. Шенн ринулся вперед за бластером, нещадно стал бить ногами по пальцам-когтям, на-

конец выронившим его; он схватил оружие и прижался к скале с бластером в руке. Его сердце бешено колотилось в груди.

Камень, свалившийся со скалы, не мог упасть оттуда случайно; Шенн не сомневался, что кто-то тщательно прицелился в свою жертву, перед тем как сбросить этот громадный кусок горной породы. Трог не мог убить одного из своих товарищей. Или мог? Предположим, думал Шенн, что трог получил приказ доставить пленника на корабль и ослушался его. Но тогда почему камень, а не выстрел из бластера?

Шенн медленно обошел летательный аппарат трогов с отбитым краем, который являлся превосходной защитой от любого нападения сверху. Он надеялся отыскать в этом убежище своего неизвестного спасителя.

И снова совсем рядом от земли послышалось «клак-клак». Кто-то смело осветил панцирь неподвижно лежащего трога; луч неуклюже прошелся по гребню поверженного врага. С бластером в руке Шенн продолжал ждать. Его терпение было вознаграждено, когда это изучающее клацанье сменилось несколькими гневными фразами. Шенн услышал на скале звук, похожий на скрип сапог, но это вполне могло оказаться трением роговистого тела о камни.

Потом тот, другой, находившийся наверху, наверное, поскользнулся, причем не очень далеко от Шенна. И тут вниз посыпались мелкие камешки и комья земли, и вместе с ними в нескольких ярдах от Шенна вниз соскользнул человек. Шенн пригнулся и ждал, его бластер был направлен на человека, который только теперь поднялся на ноги. Сердце Шенна екнуло. Он не мог ошибиться ни в знакомой форме, ни в человеке. Шенн не знал, как и для чего Рагнар Торвальд очутился в этом месте на Колдуне. Однако он был здесь, и это не мираж.

Шенн устремился вперед. Как только он увидел Торвальда, то осознал, насколько нестерпимо и горько его одиночество. Теперь на Колдуне находились двое терранцев, и он не хочет ни знать, ни понимать — почему! Главное, их двое! Торвальд пристально смотрел на него и явно не узнавал.

— Кто ты? — осведомился он, и в этом вопросе прозвучало чуть ли не подозрение.

Услышав звук другого голоса и его тон, Шенн внезапно ощутил, как доверие словно водой смыло. Он почувствовал в голосе

Торвальда некую угрозу, которая уже успела зародиться и в нем, пока он блуждал в одиночестве среди дикой природы. Но всего три слова вновь превратили его в Ланти, неквалифицированного рабочего.

— Я — Ланти, — ответил он. — *Я* из лагеря...

Не дав ему закончить, Торвальд быстро спросил:

— Скольким удалось уйти? Где остальные? — Теперь он смотрел куда-то мимо Шенна, на отлогую вершину и долину, словно надеясь там увидеть изыскателей из лагеря, копошащихся в траве.

— Только я и росомахи, — ответил Шенн бесцветным голосом. Он опустил бластер к бедру и немного отвернулся от офицера.

— Ты... и росомахи? — Торвальд был явно ошарашен. — Но... где? Как?

— Троги напали на лагерь ранним утром. Они перебили весь лагерь. Росомахи сбежали из своих клеток, а я отправился на их поиски...

Шенн поведал Торвальду свою историю без прикрас. Все как было на самом деле.

— Ты уверен насчет остальных? — В голосе Торвальда Шенн услышал стальные нотки ярости.

«Словно своим гневом ты сможешь что-то изменить, — подумал Шенн. — Ты, наверное, просто не веришь, что единственный выживший — это никчемный Шенн Ланти, в то время, как более важные люди все погибли».

— Я наблюдал за нападением сверху, с горы, — произнес он словно в свою защиту. Ведь он в самом деле жив, разве не так? Или Торвальд думает, что он должен был сломя голову бежать вниз и перебить всех жуков с жалким шокером в руке? — Они использовали энергетические лучи... до тех пор пока все не погибли.

— Я почувствовал, что происходит что-то неладное, когда лагерь не отвечал на наши сигналы при входе в атмосферу, — растерянно проговорил Торвальд. — Затем на орбите появилась одна из их тарелок, и тут моего пилота убили. Когда мы сели при помощи автопилота, у меня было времени только на то, чтобы устроить небольшой сюрприз кое-кому из вражеских разведчиков, прежде чем я добрался до скалы...

— Один из них сбит, — показал Шенн.

— Да, их зацепило ракетой-носителем; впрочем, она не сможет подняться еще раз. Но они вернутся, чтобы забрать остатки корабля.

Шенн взглянул на мертвого трога.

— Спасибо за помощь. — На этот раз его голос был холоден, как у Торвальда. — Я направляюсь на юг... И, — прибавил он тихо, — я намерен продолжить свой путь.

После нападения трогов команды изыскателей больше нет. Он не обязан повиноваться Торвальду, и он не клялся ему на верность. Ему и так хорошо с тех пор, как лагерь разбили враги.

— Юг, — повторил Торвальд задумчиво. — Что ж, неплохое направление, тем более сейчас.

Однако они не стали объединяться. Шенн нашел росомах, поманил их к себе и ласково приказал следовать за ним окольным путем, чтобы держаться подальше от обоих погибших кораблей. Торвальд поднялся на гору, словно собирался двинуться далее вперед размеренным шагом с походной сумкой, перекинутой через плечо. Потом он остановился, наблюдая за Шенном и животными.

Затем рука Торвальда опустилась к дулу бластера. Рука Шенна сжала оружие, напряглась, словно ему частично передалась сила Торвальда.

— Может быть, давайте... — начал тот.

— Зачем? — спросил Шенн, предполагая, что из-за метко брошенного Торвальдом камня, убившего трога, офицер собирается заняться этим постоянно, чтобы добыть побольше военных трофеев, и Ланти испытал чувство глубокого возмущения.

— Мы не будем уносить это отсюда, — сказал Торвальд, ловко поигрывая оружием.

К глубокому изумлению Шенна, Торвальд вернулся и опустился на колени рядом с мертвым трогом. Он приподнял его вялую когтистую лапу и подложил под нее бластер, затем внимательно изучил, что получилось. Шенн громко возразил:

— Нам он понадобится!

— Разумеется, с бластером нам будет очень хорошо там, где... — Торвальд замолчал и потом прибавил хриплым, нетерпеливым голосом, словно ему очень не нравилось вдаваться в объяснения: — Нам нет никакого смысла демонстрировать то, что мы остались в живых. Если троги обнаружат пропажу

бластера, они задумаются над этим и начнут рыскать повсюду. А мне бы хотелось сделать передышку перед тем, как начать охоту за этими мерзавцами.

Подобное объяснение, несомненно, имело смысл. Но Шенну было жалко расставаться с таким совершенным оружием. Теперь они вообще не смогут захватить летающую тарелку в качестве трофея. Он молча повернулся и стал смотреть на юг, туда, куда ему предстояло пробираться с огромным трудом. Он не надеялся, что Торвальд возьмет его с собой.

На некотором расстоянии от выжженной площадки росомахи пустились вперед своим неуклюжим галопом, достигая при этом удивительной скорости. Шенн знал, что их чутье намного превосходит человеческое и что люди, последующие за этими животными, будут предупреждены об опасности еще задолго до ее появления. Поэтому, ничего не сказав своему компаньону, он выслал их вперед, к небольшому лесочку, который станет их убежищем на случай прилета еще одного корабля трогов.

Когда настало время, он начал подумывать о подходящем месте для ночной стоянки. Лес был отличным убежищем.

— В этом лесу есть вода, — сказал Торвальд, нарушая тишину в первый раз с тех пор, как они покинули обломки кораблей.

Шенн понимал, что его спутник обладает большим опытом и это заключается не только в знании местности; он разбирается и в технических средствах, в чем Шенн был полный профан. Но то, что Торвальд напомнил ему об этом, привело его в крайнее раздражение, даже большее, чем перестраховка с бластером. Не промолвив ни слова, Шенн принялся искать обещанную воду.

Росомахи первые обнаружили небольшое озерцо и разгуливали по берегу, когда к ним присоединились люди. Торвальд принялся за работу по разбивке лагеря, но, к удивлению Шенна, он не отстегнул со своего ремня боевой топор. Согнув несколько молоденьких деревьев, он обложил их корни камнями, соорудив таким образом нечто вроде шалаша с небольшим отверстием, куда могло протиснуться его стройное, изящное тело. Шенн вытащил нож, чтобы взяться за другое молодое дерево, когда Торвальд остановил его коротким приказом:

— Используй для этого камень, как я.

Шенн не видел никакого смысла в таком трудоемком процессе. Если Торвальд не желает пользоваться топором, то по-

чему Шенн не может применить для работы свой тяжелый нож? Он заколебался, готовый всадить лезвие в тонкий ствол дерева.

— Послушай... — вновь раздался строгий голос офицера; казалось, необходимость объясняться действовала ему на нервы. — Рано или поздно, троги могут выследить нас и обнаружат этот лагерь. Если это случится, они *не найдут* ни одного следа человеческой деятельности.

— Но кто же еще мог здесь побывать, кроме нас? — протестующим тоном осведомился Шенн. — Насколько мне известно, на Колдуне нет местного населения.

Торвальд перебрасывал с руки на руку свой импровизированный каменный топор.

— А откуда трогам об этом знать?

Еще дома подобная мысль уже приходила в голову Шенна. Теперь он начинал понимать, что, вероятно, намеревается делать Торвальд. Похоже, он раскусил его планы.

— Теперь здесь *будет* местное население, — произнес Шенн вместо очередного вопроса и заметил, что офицер наблюдает за ним с каким-то новым выражением лица, будто он в признал в нем человека без звания и личного дела и мысленно присвоил ему самый низший ранг Службы изысканий.

— Да, теперь здесь будет местное население, — подтвердил Торвальд.

Шенн вложил нож в ножны и отправился к берегу озера в поисках подходящих камней для обустройства лагеря. И даже теперь он все равно выполнял работу более тяжелую, нежели Торвальд. Он выбирал одно деревце за другим, пока кожа на его ладонях не покрылась волдырями, а дышать стало так трудно, что у него заныли ребра. Торвальд тем временем занимался другим делом: он отрывал концы у длинной неподатливой виноградной лозы, обдирал с нее листья и выкладывал ими землю, причем очень толстым слоем, словно они пролежали здесь долгие годы.

Вдвоем с офицером Шенн связал вместе верхушки столбиков, вбив их расщепленные концы в землю, так, что у них получилось сооружение конической формы. Вход в этот своеобразный шалаш они закрыли ветвями с крупными листьями, так что попасть в шалаш можно было лишь на четвереньках.

Их жилище было обращено выходом к озеру. Их убежище было компактным и довольно уютным, и Шенн ничего подобного прежде не видел, ибо оно весьма отличалось от сооружений уже несуществующего лагеря. И, растирая зудящие от боли руки, он сказал об этом Торвальду.

— Это очень древняя форма строений, которые сооружали примитивные народы на Терре, — пояснил тот. — Безусловно, что жуки пойдут не в самом начале через озеро.

— Неужели мы не останемся здесь? Или мы проделали такой адский труд ради одной ночи?

Торвальд проверил прочность убежища, несколько раз резко его тряхнув. Зашелестели листья, но каркас стоял прочно.

— Это всего лишь маскировка. Как на сцене, — улыбнулся Торвальд. — Нет, мы здесь долго не задержимся. Это — доказательство в поддержку нашей игры. Даже троги не настолько тупы, чтобы поверить, что аборигены проделали путь через всю планету, не оставив никаких следов своего пребывания.

Шенн со вздохом сел. У него уже не было сил ни спорить, ни возражать. Он закрыл глаза и сразу увидел Торвальда, продвигающегося на юг и повсюду методически воздвигающего подобные хижины. И все для того, чтобы сбить с толку проклятых трогов. А офицера уже занимала другая проблема.

— Нам понадобится оружие...

— У нас есть шокеры, боевой топор и ножи, — проговорил Шенн. Он не добавил, как сильно ему хотелось бы, чтобы у них были бластеры.

— Оружие аборигенов, — задумчиво промолвил Торвальд со своей обычной резкостью. Он ушел на пляж и возвратился оттуда с целой грудой камней, выковырянных из гравия.

Шенн вырыл крохотную ямку прямо перед хижиной и разложил небольшой костер. Он был голоден и с тоской поглядывал на походный ранец Торвальда. Осмелится ли он порыться в нем в поисках пищи? Ведь, вне всякого сомнения, у Торвальда есть с собой концентраты.

— Кто же тебя научил так раскладывать костер? — раздался знакомый голос.

Торвальд снова вернулся с озера и теперь начал отбирать круглые камни размером примерно с его кулак.

— А что, есть правила? — с вызовом спросил Шенн.

— Да, есть правила, — согласился Торвальд. Он уложил камни в ряд, а затем бросил ранец Шенну. — Слишком поздно для охоты. Но нам придется довольствоваться этой пищей, пока мы не сумеем раздобыть еще.

— Где?

Неужели Торвальд знал о каком-то запасе провианта, который они смогли бы присвоить?

— У трогов, — ответил Торвальд тоном, не допускающим возражений.

— Но они не едят нашу пищу...

— Для них было бы самым благоразумным оставить в лагере нетронутыми съестные припасы.

— В лагере?

Сначала губы Торвальда изогнулись в некоем подобии улыбки, которую нельзя было назвать ни веселой, ни теплой.

— Налет аборигенов на лагерь захватчиков. Что может быть естественнее? И для нас лучше будет сделать это как можно быстрее.

— Но как? — Подобное предложение казалось Шенну совершенным безумием.

— Когда-то на Терре были инженерные службы, — сказал Торвальд. — И у них был девиз: «Невероятное мы совершаем мгновенно; невозможное — чуть дольше». Что, по-твоему, мы будем делать? Сидеть тут и хандрить в этом чертовом лесу и дать возможность трогам объявить Колдун одной из их баз, не оказав им сопротивления?

С этого мгновения Шенн представлял себе только одно будущее, и он был вполне готов принять суровую правду; только некоторая мрачность в голосе офицера удерживала его от того, чтобы высказать свои мысли вслух.

Глава 4

ВЫЛАЗКА

Наконец, через пять суток они добрались до юга, как раз в то место, откуда Шенну удалось увидеть лагерь терранцев совершенно с иной стороны. С первого взгляда могло показаться, что в нем произошли совсем небольшие перемены. Шенна интере-

совало, воспользовались ли чужаки лагерными постройками как убежищами для себя. Даже в сумерках несложно было заметить, побывали ли троги на станции связи со шпилем-антенной передатчика, пронзающего ее крышу, и в огромном помещении склада.

— Две их тарелки приземлились на посадочной полосе, — донеслось до Ланти.

Это Торвальд материализовался из тени, его командный голос сейчас превратился в шепот.

Шенн почувствовал, как росомахи беспокойно трутся о его бока. С тех пор как Тагги набросился на трога, больше ни одно животное не осмелилось появиться рядом с тем местом, где ощущался зловонный запах пришельцев. Так что лагерь, куда они добрались, был ближайшей точкой, к которой человек смог бы подманить какое-нибудь животное, кроме росомах, что явилось для Шенна неприятной неожиданностью, поскольку росомахи были бы превосходнейшими партнерами для неожиданной вылазки, планируемой ночью. Они разделили бы с людьми опасность. Но проклятая вонь от трога...

Шенн гладил животных по холке, покрытой жесткой шерстью, стараясь снять с них напряжение и давая тем самым сигнал, что надо немного подождать. Но теперь он сомневался в их послушании. Вообще набег на лагерь, занятый противником, казался ему безумной идеей, и Шенн даже удивлялся, как он мог согласиться на подобное безумие. Однако он по-прежнему шел рядом с Торвальдом, даже позволил тому добавить ему дополнительный груз, такой, например, как жесткий мешок, набитый листьями, зажатый в эти минуты у него между колен.

Торвальд уверенно шагал вперед, всматриваясь на запад, где он надеялся «окопаться». Шенн по-прежнему ожидал еще одного сигнала, как вдруг из лагеря раздался жуткий звук, способный привести в ужас любого. Этот протяжный вой не мог исходить из горла нормального живого существа, человека или зверя. Шенн ощутил боль в барабанных перепонках, а вой постепенно затихал, отдаваясь мощным эхом, чтобы прозвучать опять, на этот раз с еще большей силой.

Росомахи, казалось, обезумели. Шенн видел, как они убивали своих жертв в лесу, однако подобный всплеск злобной ярости он заметил у них впервые. Они словно отвечали страшному

призыву из лагеря, опустив головы и издавая протяжные вопли, прикрывая морды лапами. И вот оба животных резко остановились, затем миновали первое строение, а потом исчезли в непроглядной мгле. В нескольких футах справа Шенн увидел какую-то искорку; Торвальд уже был готов идти, так что у Шенна не оставалось времени подозвать к себе животных.

Он то и дело ощупывал шарики из влажного мха в своем травяном мешке. Пропитанные едким химическим веществом, они заглушали затхлую вонь от трогов, разносимую ветром по территории лагеря. Шенн приготовился швырнуть первый катышек мха в ослепляющий их огонь и наконец бросил его четким, отработанным движениями. Мох вспыхнул в огне, потом свернулся и тотчас же потух.

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что из воздуха появилась ракета; так что эффект оказался куда лучше, нежели ожидал Шенн.

Второй шарик — искры... вспышка... потух. Первая «ракета» упала на землю рядом со станцией связи; мощь от ее воздействия была такова, что легковоспламеняющиеся стены станции вспыхнули с невероятной силой. Шенну почудилось, что вокруг сооружения разлетелись ярко-красные брызги. Еще через секунду он хорошенько прицелился, и всю землю на два фута вокруг объяло пламенем.

Вновь раздался жуткий вой, от которого у Шенна чуть не лопнули барабанные перепонки. Он совершил третий бросок, четвертый. Невероятное чувство духовного подъема овладело им, ибо в эти мгновения ему казалось, что он выступает перед огромной аудиторией. В отблесках огненных луж беспорядочно метались троги, их уродливые тела отбрасывали странные тени на стены здания. Они пытались погасить огонь, но Шенн уже по своему опыту знал, что один зажженный шарик, ударясь о другой, тотчас воспламеняет его, как и третий, и четвертый, и пятый, поэтому этот костер будет гореть до тех пор, пока не выжжет все, находящееся поблизости.

Тут и Торвальд принялся за дело. Внезапно один из трогов резко остановился, судорожно сжался, словно пружина, и перелетел через пожарище. Его обуглившиеся ножки угодили в своеобразное лассо, изобретенное Торвальдом в первую ночь

его знакомства с Шенном. Тогда Торвальд прикрепил к концу виноградной лозы по довольно тяжелому круглому камню. Торвальд продемонстрировал эффективность своего устройства, уложив одним ударом маленького лесного «оленя», животного достаточно быстрого, чтобы чувствовать себя в полной безопасности как от человека, так и зверя. И теперь трог попался в ловушку, как тот олененок.

Швырнув свой последний огненный шар из мха, Шенн стремительно переменил позицию, переместившись к востоку от лагерных строений. Там он вступил в бой с врагом с помощью еще одного примитивного оружия, изобретенного Торвальдом: копий, которые он бросал во врагов изо всех сил. Эти копья были намного опаснее обычных, так как их концы были объяты пламенем. Может быть, эти «ракеты» никого не убили, но могли тяжело ранить. Множество копий угодили в искривленные, покрытые панцирем спины трогов и в их незащищенные брюшки, представляющие собой отличную мишень. Одна из жертв Шенна уже валялась на земле, отчаянно суча ножками, что говорило о том, что этот противник очень серьезно ранен.

Огненные шары, копья... Торвальд продолжал свое убийственное занятие. Теперь он с каким-то неистовством устроил на поле боя целый ураган из тонких, но довольно увесистых стрел с круглым глиняным катышком у каждой на конце. Большинство этих стрел угодили в цель, как и предполагали терранцы. И они уже не обращали внимания на вонь. Ибо зловоние, издаваемое жукообразными, смешивалось с кислотой, саднящими горло ядовитыми парами, исходящими из горячего источника. Оказывали ли эти едкие пары такое же неблагоприятное воздействие на дыхательные пути трогов, как и на людей, нападающие сказать не могли, но они надеялись, что такой сильный обстрел вызовет у врагов серьезное замешательство.

Шенн начал выпускать стрелы более аккуратно, стараясь во что бы то ни стало поразить цель. Он понимал, что рано или поздно их боеприпасы кончатся, хотя они с Торвальдом все свободное от сна время в течение нескольких дней посвятили его изготовлению и испытанию. К счастью, в лагере у трогов не было энерголучевого оружия. Кроме того, они находились

слишком далеко от своих тарелок, а подняться к ним за оружием не могли.

Но трогам все же удалось постепенно прийти в себя и сосредоточиться. Огонь из бластеров озарил сумерки. Теперь пришельцы распластались на земле, посылая нескончаемую полосу огня по периметру лагеря. Темный силуэт возник между Шенном и ближайшей к нему поляной горящего мха. Терранец поднял было копье, но тут ощутил едкий запах росомахи, разгоряченной жаркой схваткой. Шенн тихонько свистнул, подманивая к себе зверя. Ведь его животные были в страшной опасности под яростным огнем трогов.

Квадратная голова шевельнулась. Шенн заметил, как сверкают глаза на покрытой шерстью морде; Тагги это или его подруга? В конце концов жуткая смесь зловония трогов и химических веществ, носящихся над лагерем, могла привлечь к себе росомах. Животное закашлялось и побежало на запад мимо Шенна.

Хватит ли Торвальду времени и возможности совершить запланированный им налет на лагерный склад провизии? В такой суматохе время летит незаметно, и Шенн сомневался, что Торвальд сможет выполнить задуманное. И он начал считать, вслух, громко, как они и договаривались. Когда он досчитает до ста, это значит, что он должен начать отступление; когда досчитает до двухсот, то он должен бежать к реке, что протекала в полумиле от лагеря.

Широкий ручей привел бы беглецов к морю, береговая линия которого изрезана неровной бахромой фиордов, весьма богатых великолепными убежищами. Троги редко изучали какую-либо территорию пешком. Для них пуститься в пешее путешествие было равносильно угодить в руки терранцев, на которых они же и охотились. А их летательные аппараты могли прочесывать территорию с воздуха, и видели они из них только скалы, поросшие диким лесом. И больше ничего...

Шенн досчитал до ста. Дважды за это время его заставил зажмуриться заряд, выпущенный из бластера и разорвавшийся совсем близко от него. Однако большинство зарядов пролетали над его головой. У Шенна кончились все его копья, кроме одного, который он сохранил, надеясь поразить свою последнюю мишень. Один из трогов, отделившийся от остальной группы

и командующий обстрелом, оказался как раз напротив Шенна. Какая превосходная возможность поразить командира трогов! — подумал Шенн, тотчас избрав его своей жертвой.

Терранец не строил иллюзий насчет меткости своей стрельбы. Самое большее, на что он надеялся, — это то, что его примитивное орудие причинит довольно сильную боль врагу, защищенному крепким панцирем. Возможно, если Шенну повезет, ему удастся сбить противника с его когтистых лап. Однако этот довольно зыбкий шанс, витавший над полем сражения, обратился на пользу Шенна. Как раз в нужный для Шенна момент трог вытянул голову из ее обычного положения, когда ороговевший панцирь служил защитой для всех уязвимых частей тела пришельца, и Шенн увидел совершенно открытый низ его горла. И объятое пламенем острие копья глубоко вонзилось в незащищенное место. Троги всегда молчали, или по крайней мере ни один терранец ни разу не слышал звука их голосов. Этот тоже не закричал. Но он заковылял куда-то вперед с поднятыми передними лапками, когтистые пальцы пытались выдернуть из горла удушающее копье, угодившее точно под верхнюю челюсть, а голова противника была повернута под неестественным углом. Не обращая никакого внимания на своих собратьев по оружию, трог неуклюже побежал прямо на Шенна, словно мог видеть его в темноте и стремился лично отомстить терранцу. В этом странном беге было что-то настолько жуткое, что Шенн решил отступить со своей позиции. Когда его рука выхватила из ножен, прикрепленных к ремню, нож, каблук его сапога зацепился за какой-то корень, скрытый высокой травой, и Шенн потерял равновесие. Раненый трог, по-прежнему пытаясь вытащить из горла копье, возвышающееся над его грудной клеткой, продолжал нестись вперед.

Шенн отполз назад и тотчас же угодил в нежные объятия кустарника, так что он не смог достичь земли. Он схватил в охапку несколько острых веток и, расчистив ими довольно широкий участок земли, лег. Потом он вновь услышал тот пронзительный вой из лагеря, от которого у него в первый раз заледенела душа. Вой подбодрил его; он понял, что победил. Он свободен. Но он не мог обернуться на раненого трога и продолжал отступать в сторону.

В темноте трог уже успел выбраться из лагеря. Он шел напролом через кустарник, сметая все на своем пути. Двое из трогов с линии огня последовали за своим командиром. Шенн снова ощутил их запах, а раненый трог все еще двигался наобум, без всякой цели, как робот.

Самое лучшее — это продвигаться к реке. Высокая трава цеплялась Шенну за ноги, когда он пустился бежать. Несмотря на темноту, он сомневался, что сумеет пересечь совершенно открытое пространство. Ночью флора на Колдуне выглядит особенно таинственной. Трава приобретает десять... двадцать оттенков, а деревья издают бледное фосфоресцирующее свечение, разнообразное по силе, но все же создавая некое подобие света. И дорога перед Шенном теперь переливалась неровными пятнами этого свечения, но не настолько сильного, как пропитанные химическим составом горящие шары из мха, которыми нападающие усеяли лагерь точно свечами. Зато этого тусклого света вполне хватало, чтобы выдать с головой любое неосторожное существо, пересекающее территорию. К тому же у Шенна не было никаких причин считать, что зрение трогов слабее человеческого; возможно, напротив, они видели куда лучше его. Шенн пригнулся и, перепрыгивая через кочки, зигзагами добрался до спасительного берега реки.

Примерно где-то в миле вниз по течению должен находиться плот, сооруженный терранцами, на котором Торвальд надеялся добраться до моря, лежащего в пятидесяти терранских милях к западу. Однако в эти мгновения ему необходимо преодолеть всего одну милю.

Росомахи? Торвальд? Существовал единственный способ, могущий заставить животных встретиться. Тагги завалил «оленя» совсем незадолго до того, как они оставили здесь плот. И тогда вместо того, чтобы разрешить животным устроить себе праздник с сытным обедом, Шенн бросился к хлипкой платформе из связанных лианами ветвей и бревнышек и подтолкнул плот по течению, несмотря на то что он по-прежнему был привязан к берегу.

Росомахи всегда прячут часть добычи, которую они не доели, и, как правило, закапывают останки жертвы в землю. Поэтому Шенн надеялся, что, уйдя из хижины, оба зверя, когда проголо-

даются, возвратятся туда, где зарыли «оленя». А они голодны, потому что как следует не ели практически целый день.

Торвальд? Что ж, офицер-изыскатель, сумевший претворить в жизнь план, который готовил пять суток, не пропадет. Шенн достаточно хорошо успел узнать его и понял, что его непростой компаньон гораздо сообразительней и способнее его в условиях дикой природы, что он и сумел доказать, в то время когда Шенна обуревали мрачные сомнения насчет правильности направления пути к выживанию.

Он прикинул в уме свой последующий путь отступления, лежащий вдоль берега реки. Когда он бежал, сердце было готово выскочить из груди, но не из-за физической нагрузки, а из-за леденящего душу жуткого воя, вновь донесшегося из лагеря. Более сильный свет обозначил край проема между холмами, куда убегал водный поток, о чем Шенн раньше не знал. Он ринулся вниз и, крепко прижимаясь к земле, стал ползком преодолевать последние несколько футов.

То, что он увидел внизу, можно было легко принять за неясное бледное свечение. Шенн облизнул пересохшие губы и попробовал на вкус вязкий сок, оставшийся на его лице во время его борьбы с почти непроходимым кустарником. Когда наконец перед ним расстелилась полоска луга, поросшая низенькими растениями, проем внизу оказался довольно широкой лощиной, заросшей старыми ивами, склоняющимися над водой. Итак, спускаться вниз было равносильно тому, чтобы обратить на себя внимание любого преследующего его трога. Так что Шенн мог идти только по верхнему оврагу, надеясь добраться до конца светящейся растительности внизу.

Шенн находился всего ярдах в пяти от места, откуда он мог начать спуск к реке, когда внезапный шум за спиной поверг его в ужас и заставил осторожно оглянуться. Лагерь был виден наполовину, а костры уже догорали. Но прямо на него через лужайку катился огромный, спутанный живой клубок.

Торвальд отбивается от врагов? Или росомахи? Шенн приподнялся, чтобы приготовиться наброситься на противника. Он колебался, чем лучше воспользоваться в драке — шокером или ножом? В стычке с раненым трогом шокер не причинит ему сильного вреда. И тогда Шенн решил испробовать на вра-

ге нож. Сможет ли он, изготовленный из суперпрочной стали, пробить бронированный панцирь противника?

Он вновь посмотрел на двигающуюся массу. Безусловно, шла борьба не на жизнь, а на смерть. Что-то страшно уродливое наконец рухнуло наземь и покатилось вниз прямо на ярко освещенные деревца. Шенн увидел тускло мерцающий панцирь трога и... ни следа шерсти, плоти или одежды. Неужели это сражались два чужака? Но почему?

Одна из фигур с трудом поднялась и согнулась над безжизненной грудой, лежащей на земле, и что-то тянула к себе. Шенн едва сумел разглядеть древко своего копья. Фигура, лежащая на земле, не шевелилась, когда копье наконец было выдернуто. Неужели командир трогов мертв? Шенн очень надеялся, что это так. Он спрятал нож обратно в ножны, похлопал по его рукоятке, чтобы убедиться, что нож четко покоится на своем месте, и пополз прочь. Река, извиваясь тут и там, впереди впадала в небольшое озеро, окаймленное высокой тенистой травой. Берег, поросший ивами, резко оборвался. Со своего места Шенн посмотрел на место сражения и заметил второго трога, стремительно пересекающего лужок. Шенн проследил, как он подошел к своему товарищу и, взвалив его на спину, понес обратно в лагерь.

Троги могут казаться неуязвимыми, однако Шенн недавно стал свидетелем, как один из них прикончил другого, при помощи удачи и более мощного оружия.

Это укрепило уверенность Шенна в собственной смелости, и он осторожно начал спускаться вниз, преодолевая ступенчатый берег, пока не оказался у кромки воды. Когда его ноги вступили в маслянистую воду, он быстро начал идти по течению вниз, чувствуя, как вода заливается ему в сапоги, сначала по лодыжку, затем по икры. Сезон для сильного разлива реки еще не наступил, поэтому он не боялся наводнения, а впереди поток был широк и глубок, хотя течение было несильным.

Ему несколько раз пришлось огибать небольшие островки со светящимися деревцами, а один раз ему попалось молодое дерево, буквально купающееся в розоватом свечении, хотя остальные светились призрачно-серым сиянием. В туманной дымке, образованной сомкнувшимися над водой ветвями, перелетали с места на место крошечные птички, какие-то насе-

комые; в воздухе стоял тяжелый аромат наполовину раскрытых бутонов неведомых цветов, но Шенн просто не обращал на него внимания.

Он рискнул свистнуть: издал приглушенный звук, надеясь, что росомахи услышат и ответят на его призыв через проем в высоких берегах. Но хотя он остановился и прислушивался до тех пор, пока каждая клеточка его хилого тела не почувствовала усталости, он не услышал ответа ни от росомах, ни от Торвальда. Никто из троих не удостоил его даже намеком о своем присутствии.

Что же предпринять дальше, если никто из его спутников не присоединится к нему где-нибудь внизу по течению? Торвальд заявил, что не станет задерживаться здесь до наступления сумерек. Еще Шенн понимал, что, если его действительно разыскивает вражеский патруль, он станет ждать только до тех пор, пока не узнает точно, какая судьба постигла остальных. Ведь Тагги и Тоги для него важны не менее, чем офицер-изыскатель. Возможно, росомахи важны для него даже больше, сказал он сам себе. И еще он понимал их лишь до определенного уровня, равно как и то, что их «партнерство» не требовало от него ничего взамен, чего он не мог сказать о человеке.

Почему же тогда Торвальд настаивал на том, чтобы идти к берегу моря? Шенну казалось, что его первоначальный замысел отправиться к восточным горам куда благоразумнее и удобнее. На этих вершинах столько же убежищ и укрытий, как и в фиордах. Но Торвальд совершенно внезапно начал категорически настаивать на путешествии на запад, и Шенн поддался его уговорам. Хотя Шенн в глубине души боролся с предложением офицера, однако принял его, подчиняясь приказу старшего как по званию, так и по возрасту. Странно, что только когда он остается один, как сейчас, то сразу начинает интересоваться как мотивами, двигающими Торвальдом, так и его авторитетом.

Три тоненькие веточки светящегося куста с полураскрытыми почками образовывали треугольник. Своего рода опознавательный знак. Шенн остановился и выбрался на берег. Он начал вытряхивать воду из сапог, подобно тому как Тагги отряхивал свое косматое тело. Возможно, это было неким знаком, чтобы отметить место их встречи...

Шенн резко повернулся, выхватил шокер. Он заметил на поверхности воды темное пятно в нескольких футах впереди. И вдруг чуть не свалился. Не из-за того, что случайно снова угодил в воду и провалился в какую-то яму. Или его понесло течением. Он услышал возмущенное рычание и тотчас расслабился. Затем громко рассмеялся. Ему не нужно волноваться за росомах; эта «ловушка» сработала как нельзя лучше. Оба зверя с удовольствием поглощали еду, хотя им пришлось устроить свой праздник на их плоту, а это временное средство передвижения было довольно хлипким.

Когда он медленно приблизился к росомахам, они не обратили на него никакого внимания. Когда он подошел совсем близко, они вытягивали из воды виноградную лозу, служащую швартовым. Должно быть, ветер донес до них знакомый запах. Когда вода дошла до его плеч, Шенн положил руку на крайнее бревно плота. Одна из росомах издала тихий рык, предупреждая, что ей мешают. Неужели это относилось к нему?

Шенн застыл на месте, напряженно прислушиваясь. Да, откуда-то сверху раздался шлепающий звук. Кто бы ни следовал за ним по пятам, он не собирался скрывать это, а шаг новоприбывшего был настолько стремительным, что его появление явно сулило неприятности.

Троги? Терранец напряженно ожидал реакции росомах. Он был уверен, что если чужаки выследили его, то оба зверя предупредили бы его. Ушли же они прочь, когда из лагеря доносился жуткий вой. Тогда они решили избежать встречи с врагами.

Но из всех многочисленных звуков, носящихся над рекой, ни один не заставил росомах оторваться от еды. Выходит, неизвестное существо не было жуком. С другой стороны, почему бы тому же Торвальду так не афишировать свое появление, если по каким-то причинам необходимость идти как можно быстрее сильнее осторожности? Шенн туго натянул швартов, вытащил нож и стал пристально всматриваться сквозь туманную мглу. Фигура миновала опознавательный знак из трех веточек и быстро подошла к плоту.

— Ланти? — донесся до Шенна хриплый, требовательный шепот.

— Я.

— Все, заканчиваем. Надо убираться отсюда!

Торвальд ринулся вперед, и оба мужчины взобрались на плот. Весьма непрочный каркас частично погрузился в воду под их тяжестью. Но прежде чем росомахи смогли улизнуть, самодельный швартов из виноградной лозы лопнул, и их понесло по течению. Чувствуя, что плот носит из стороны в сторону и кружит, как волчок, росомахи заскулили и сжались посередине того, что теперь казалось очень хлипким сооружением.

За ними достаточно далеко, но весьма отчетливо раздавался жуткий вой, приносимый дыханием вечернего ветра.

— Я видел... — начал Торвальд, однако запнулся и замолчал, будто наполнил в легкие воздух настолько, что словам не оставалось места. — У них есть «ищейка»! Вот что ты слышал.

Глава 5

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Когда плот, продолжая медленно вращаться на воде, еле-еле скользил вниз по реке, Шенн заметил, что вскоре он стал двигаться быстрее, ибо течение усилилось, увлекая за собой их утлое средство передвижения. Росомахи крепко прижались к Шенну, и он почувствовал, как его всего обволакивает мускусный запах их косматых тел. Одна из росомах глухо заурчала, вероятно в ответ на страшный вой из лагеря.

— Ищейка? — переспросил Шенн, поворачиваясь к Торвальду.

Тот сидел рядом с ним и управлял, как веслом, одной из толстых ветвей, выправляя ход плота по воде. Судя по сосредоточенно-раздраженному выражению его лица, ему нужен был более длинный шест, чтобы свободно проводить плот между скал и крупными подводными камнями. Тем более течение становилось все быстрее и быстрее.

— Какая еще ищейка? — вновь спросил Шенн, на этот раз резко и требовательно. Он негодовал на своего спутника, не получив незамедлительного ответа.

— Троги пустят по нашим следам ищейку. Но почему они вообще привезли ее с собой? — В голосе Торвальда явно ощущалось недоумение. Спустя несколько секунд он прибавил со своей обычной решительностью: — Теперь мы можем угодить в серьезную передрягу.

— Почему?

— Когда троги используют ищейку, это значит, что они хотят захватить пленников...

Когда Торвальд отвечал, то казалось, что он тщательно раскладывал свои мысли по полочкам.

— Гм, они могли бы выслать ищейку сразу, на тот случай, если пропустили одного из нас во время первоначальной зачистки, — размышлял вслух офицер. — Наверное, если они поверили, что мы аборигены, им захотелось захватить экземпляр для изучения.

— Почему бы им просто не расстреливать из бластера каждого терранца, попавшего в их поле зрения?

Торвальд отрицательно покачал головой.

— Наверное, им нужен живой терранец, причем очень нужен и скоро.

— Зачем?

— Скорее всего, в лагере им нужен радист, который бы вызвал помощь.

Замешательство, обуревавшее Шенна, мгновенно испарилось. Он достаточно хорошо знал Службу изысканий и ее процедуры, чтобы догадаться о причине подобного желания со стороны трогов.

— Им нужно заманить на Колдуна транспорт колонистов?

— Да, им нужен наш корабль. Но он не может сесть на Колдуна без соответствующего сигнала, который трогам неизвестен. Если они не захватят корабль, их время истечет даже прежде, чем они стартуют отсюда.

— Но откуда они знают, что скоро должен прилететь наш корабль? Когда мы перехватываем их сигналы, они для нас — абсолютная тарабарщина. Разве троги способны расшифровать наши радиокоды?

— Предположительно — нет. Но только все, что мы знаем о трогах, — тоже сплошные предположения. Что бы там ни было, им известен весь порядок основания терранской колонии, а мы не можем изменить эту процедуру, кроме каких-либо несущественных тонкостей, — угрюмо произнес Торвальд. — Если наш корабль не получит соответствующего сигнала для посадки по расписанию, его капитан вызовет эскорт Патруля... который выйдет прямо на базу врага. Но если жукам удастся обманом за-

манить корабль и захватить его, тогда у них будет в запасе пять или шесть месяцев для укрепления здесь своих позиций. Если им удастся, то, чтобы нам очистить от них Колдун потребуется целый флот, а не один патрульный крейсер, как сейчас. Таким образом троги получат еще одну планету, чтобы вести свою грязную игру. Причем очень важную планету, — прибавил он. — Колдун находится на прямой линии между системами Одина и Кулькульки. Такая база трогов, расположенная прямиком на торговом пути, может отрезать нас от этой части галактики.

— Значит, по-вашему, они хотят захватить нас, чтобы заманить сюда наши корабли?

— Твои рассуждения не лишены логики, — заметил Торвальд. — Но только в том случае, если им *известно,* что мы здесь. Они не будут высылать слишком много ищеек, поскольку они никогда не рискуют ими для выполнения мелких задач. Надеюсь, что нам удастся как следует замести следы. Но нам придется пойти на риск и атаковать лагерь... Мне понадобится планшет с картами! — Казалось, что Торвальд снова заговорил сам с собой. — Время... и правильные карты... — Он опустил сжатый кулак на плот с такой силой, что тот затрясся. — Вот что теперь мне нужно!

Впереди появился еще один островок, поросший крупными ивами, и пока они проплывали по этой призрачно светящейся водной дорожке, то переглянулись. Каждый успел как следует рассмотреть лицо своего спутника. Лицо Торвальда было бледно, напряженно, глаза смотрели на воду, словно он ожидал, что на ее поверхности неожиданно покажется трог.

— Предположим, они выслеживают нас, — сказал Шенн, указывая подбородком вперед. — Как хотя бы выглядит их ищейка? — Слово «ищейка» подразумевало для него терранских собак, но все его воображение было бессильно, чтобы представить что-то общее у трогов с любым млекопитающим.

— Скорее всего, мы увидим весьма впечатляющую помесь жабы с ящерицей с еще какими-нибудь жуткими характерными чертами, примерно что-нибудь в этом роде. Но это так, общее описание, — ухмыльнулся Торвальд. — Во всяком случае, ничего красивого ты не увидишь, поскольку дальние предки трогов наверняка относились к какому-либо виду насекомых. Если эта

тварь будет выслеживать нас, в чем я ни на секунду не сомневаюсь, нам надо принимать меры. Пока у нас есть преимущество, их ищейки не способны вести поиски на своих чертовых тарелках, а сами жуки никогда не отличались любовью к ходьбе. Так что нам не придется ожидать быстрой охоты. Если их ищейки забредут в труднопроходимую местность, то мы можем попытаться устроить им засаду. — Шенн заметил, как сдвинулись брови его спутника. — *Я* уже дважды облетал территорию впереди нас, а там творится черт знает что. Безумный ландшафт. Так что если нам удастся добраться до этой жуткой местности, окаймляющей море, то мы «сделаем» этих ублюдков в первом же раунде. Уверен, что там троги не смогут за нами угнаться. Поэтому им остается только охотиться на нас пешком. Либо они могут использовать свои энерголучи для обстрела любой подозрительной местности, но там сотни похожих тропинок и лощин, так что им понадобится уйма времени. Или они попытаются как следует вытрясти нас оттуда с помощью разрывных снарядов, но я сомневаюсь, что они захватят его сюда.

Шенн поежился. Он уже наслышался страшных историй о разрывных снарядах трогов.

— Потому что они не смогут притащить сюда это оружие, — продолжал Торвальд таким тоном, словно они обсуждали какие-то отвлеченные материи, а не вопрос о собственной жизни и смерти. — Для этого им понадобится лететь на одном из своих основных кораблей. А они не решатся опустить корабль слишком близко к земле. Наш самый опасный участок пути мы должны будем преодолеть завтра сразу после рассвета, если течение нам позволит добраться туда вовремя. Это совершенно ровная пустыня с одной стороны гор. Стоит им послать туда тарелку, и они увидят нас, как на ладошке...

— А что, если нам сейчас спрятаться и продолжать путь только по ночам? — предложил Шенн.

— В обычных условиях я бы согласился. Но сейчас нас поджимает время, поэтому я говорю — «нет». Если мы продолжим путь без остановки, то сможем добраться до подножия гор примерно через сорок часов, возможно, и меньше. И мы должны все время оставаться на реке. Идти такое гигантское расстояние пешком без хороших запасов провианта — просто глупо.

Два дня. Возможно, с целой сворой трогов-ищеек за спиной и их летательными аппаратами в небе. Пустыня... Шенн погладил росомах. Да, безусловно, перспектива не кажется такой уж простой, как в ту ночь, когда Торвальд планировал их побег. Но тогда офицер просто исключил несколько моментов, которые счел нереальными. А мог ли он упустить что-нибудь важное? Шенну захотелось спросить его об этом, но почему-то он промолчал.

Спустя некоторое время его потянуло в сон, голова упала на колени. Вскоре он проснулся; он словно вырвался из сна наяву, сна настолько четкого, что он глубоко запечатлелся в его мозгу. Шенн был настолько ошеломлен, что долго и неподвижно смотрел в линию берега, полуосвещенную ранним рассветом.

Кроме этой полоски земли и буйной растительности, мимо которой проплывал их плот, он увидел в небе огромный совершенно голый череп — череп, странные очертания которого явно не принадлежали человеку. Из пустых глазниц то вылетали, то возвращались обратно какие-то летающие предметы, в то время как резко выступающая вперед нижняя челюсть словно поглощалась водой. Цвет черепа был ярко-красный, даже точнее — пурпурный. Шенн снова прищурился, вглядываясь в линию берега, мысленно восстанавливая в уме этот призрачный череп, глазницы, напоминающие пещеры, носовое отверстие, челюсть с зубами как у ядовитой змеи. Этот череп был горой или гора была черепом — это так важно для него, черт возьми! В конце концов, он должен осознать, что перед ним!

Он медленно пошевелился; его ноги и руки застыли, но не от холода. Росомахи потерлись об его бока. Торвальд безмятежно спал, свернувшись на плоту и по-прежнему сжимая в руке палку-весло. Планшет с картами висел на веревке на его шее; Торвальд прижимал этот тонкий планшет, смахивающий больше на конверт, под мышкой к телу, словно для большей безопасности. Шенн заметил на нем запечатанную пломбу с эмблемой изыскателей, которую для прочности крепко придавили пальцем.

Во сне с Торвальда слетел весь его офицерский лоск, который так поразил Шенна, когда он впервые встретился с ним в космопорту. Его щеки ввалились, отчего очертания его лицевых костей отчетливо виднелись через бледную кожу; а глазницы

с закрытыми глазами придавали ему некоторое сходство с тем жутким черепом, пригрезившимся Шенну во сне. Его лицо посуровело, полевая форма местами испачкалась и порвалась. Только великолепные волосы блестели, как всегда.

Шенн машинально провел ладонью по лицу, не сомневаясь, что его вид тоже оставляет желать лучшего. Он осторожно наклонился к воде, но вода была настолько темной, что не могла стать для него зеркалом.

Плот сильно качнуло, когда Шенн поднялся на ноги, чтобы изучить местность вокруг. Он был, наверное, на треть ниже Торвальда и намного меньше его, но стоя он сумел разглядеть нечто, находящееся за возвышающимися берегами, окаймляющими речное русло. Трава на обширном лугу была высокой и густой, такой, что сквозь нее поле казалось разрезанным на несколько частей. Вся местность была бледно-лавандового цвета. Приглядевшись, Шенн заметил чуть поодаль длинные полосы обезвоженной сухой земли. Все вокруг светилось не обычным голубым светом, а мертвенно-бледным, а полосы земли казались в этом свете серыми; кустарник же по краям берега был редким и очень низким. Должно быть, они достигли пустыни, о которой упоминал Торвальд.

Шенн посмотрел на запад, где небо освещалось сильнее, поэтому Шенн увидел на его фоне высокие темные пирамиды. Они наконец достигли самых отдаленных гор, тех, которые с другой стороны омывались морем. Шенн тщательно изучил каждую вершину и понял, что они разные по высоте.

Интересно, находился ли среди них тот страшный череп? Его не покидало убеждение, что местность, которую он видел во сне, существует на Колдуне на самом деле. Ему нужно не только определить очертания ландшафта этого дикого места, но и изучить его как следует. Но зачем? Шенн задумался над этим и вдруг ощутил сильнейший страх, возрастающий в нем с каждой секундой.

Торвальд пошевелился. Плот вновь качнуло, и росомахи грозно зарычали. Шенн сел, предупреждающе положив руку на плечо офицера. От его прикосновения Торвальд немного отодвинулся в сторону и машинально поднял руку для удара, которого Шенну удалось избежать только благодаря тому, что именно в ней офицер сжимал свой планшет.

— Успокойтесь! — резко произнес Шенн.

Торвальд заморгал. Он посмотрел вверх, но так, словно вообще не заметил своего спутника.

— Пещера Вуали... Завесы... — пробормотал он. — Утгард... — Вдруг его взгляд сосредоточился, и он сел, осматриваясь по сторонам, нахмурив брови.

— Мы в пустыне, — пояснил Шенн.

Торвальд встал, его тотчас же качнуло немного в сторону. Он пристально всматривался в выцветшее бесконечно широкое пространство, расстилающееся впереди от реки. Затем посмотрел на горы; присел на корточки и нащупал самодельный замок на планшете с картами.

Росомахи забеспокоились сильнее, хотя по-прежнему смирно сидели на плоту. Они приветствовали Шенна, громко заскулив. Шенн с Торвальдом утолили голод горстями концентратов из походного рациона. Но эти сухие таблетки не годились для животных. Шенн изучил местность более придирчивым взглядом, нежели неделю назад. Там, впереди, не на кого было охотиться, однако оставался берег реки.

— Нам надо накормить Тагги и Тоги, — нарушил он тишину утра. — Если мы это не сделаем, они бросятся в воду и уплывут куда глаза глядят.

Торвальд перевел взгляд с Шенна на животных; затем посмотрел на тонкую кожу планшета с картами, и снова Шенн заметил, что офицер смотрит словно с какого-то расстояния. Его глаза разглядывали теперь ни Шенна, ни животных, а негостеприимный берег.

— Как ты собираешься их накормить? — осведомился он. — У тебя есть какая-нибудь идея?..

— В горной реке водится рыба, — ответил Шенн, вспоминая об инциденте, происшедшем несколькими днями раньше. — В скалах, где есть ручьи, тоже можно обнаружить рыбу. Она часто находит там себе убежище. Заодно мы могли бы и изучить местность.

Он понимал, что Торвальду не хочется сходить с плота на берег и тратить время на такую охоту. Но как можно спорить, когда рядом с тобой сидят две голодные росомахи? К тому же Торвальд прекрасно понимал, что Шенн ни за что не бросит животных из-за его прихоти.

И Торвальд не стал возражать. Они пустили плот по течению, направив его к южному берегу под укрытие из длинного ряда ив. Шенн выбрался на сушу, росомахи тотчас же последовали за ним, принюхиваясь к земле у своих лап, пока он переворачивал довольно крупные камни, выискивая под ними водяные убежища, где могла прятаться рыба. И они ее обнаружили. Плавники не смогли спасти ее от острых когтей голодных животных, которыми они вырывали ямки на мелководье и вытаскивали свою добычу. Еще попалось какое-то странное существо с глянцевитой шерстью, плоской головой и плавниками вместо передних лап, которого Тагги схватил прямо под носом у Шенна. Тот даже не успел изучить несчастную жертву как следует. С огромной скоростью росомахи опустошили территорию в полмили, прежде чем Шенну удалось заманить их обратно на плот.

Когда они охотились, ему в голову пришла неплохая мысль насчет земли рядом с рекой. Земля была сухая, а растительности встречалось все меньше и меньше, если не считать каких-то похожих на кактусы колких растений, торчащих из земли, как пальцы с длинными ногтями, раздувшихся и красных. Они очень контрастировали с растениями Колдуна, обычно — аметистового оттенка. Солнце постепенно вставало над планетой, и в его свете этот участок земли казался совершенно голым, что сперва вызывало у людей отвращение, но уже спустя некоторое время заинтересовало их.

Шенн обнаружил Торвальда стоящим на отвесном берегу и рассматривающим так долго ожидаемые им горы. Торвальд повернулся, когда Шенн загнал росомах на плот, а потом присоединился к ним. Шенн заметил у него в руке свернутую в трубочку карту.

— Положение не такое хорошее, как мы надеялись, — сообщил он Шенну. — Мы должны уйти с реки и перебраться через горы.

— Почему?

— Дальше будут пороги, а потом — водопад, — ответил Торвальд. Он расстелил перед собой карту и начал нервно тыкать в нее пальцем. — Отсюда мы выйдем. Вот это — труднопроходимый участок. Но на юге в горе есть пролом, сквозь который можно пройти. Этот пролом снят при помощи аэрофотосъемки.

Шенн был достаточно сообразительным, чтобы осознать всю несуразность и глупость перехода через совершенно голую местность. Сверху ты будешь виден как на ладони, стоит только двинуться по пустыне. Еще непреодолимые трудности заключались в том, что эта ровная земля сливалась с небом. И все-таки Торвальд планировал это путешествие так, словно он уже изучил путь их отхода, и он отказался таким же простым и легким, как беспечная прогулка по главному транспортному пути Тира. Почему же для них так необходимо добраться до моря? Тем не менее пока Шенн не стал возражать, хотя эти неопределенные сведения ему весьма не понравились. Шенн также не стал спрашивать своего спутника, почему он принял на себя командование походом, а молча повиновался. Пока.

Когда они взошли на плот и снова поплыли по течению, Шенн лишь изучающе разглядывал своего спутника. Торвальд так спокойно перечислил предстоящие им трудности. И еще казалось, что его ничуть не беспокоило, смогут ли они добраться до моря, а если и беспокоило, то он просто-напросто замкнулся в своей непробиваемой скорлупе и не подавал виду, что его тревожит неудача, способная обернуться для обоих гибелью. Поначалу, в первый день их совместного житья, молодой терранец решил, что Торвальд относится к нему как к рабочему инструменту, который офицер использовал для претворения в жизнь какого-то своего проекта, и рассматривал он этот проект как дело первостепенной важности. Негодование Шенна по поводу его оценки Торвальдом ему пока удавалось сдерживать. Шенн высоко ценил осведомленность офицера во многих вопросах, однако его презрительное и надменное отношение к своему младшему товарищу все сильнее отталкивало Шенна от Торвальда, так же как и то, что он отвергал все его советы и желания. Такое поведение уже нельзя было считать даже полупартнерством в совместной работе.

Во-первых, почему Торвальд возвратился на Колдун? И зачем ему понадобилось рисковать жизнью, если его гипотеза о том, что для трогов главное — это захват в плен терранца, правильна? Когда Торвальд впервые заговорил о вылазке, то имел в виду пополнение их запасов провианта; и тогда он ни разу не упомянул ни о каких картах. Судя по всему, Торвальду была поручена какая-то миссия. И что случится, если он, Шенн, вдруг

перестанет быть послушной пешкой и немедленно потребует объяснений?

Шенн достаточно хорошо успел изучить людей, чтобы также понимать, что он не получит от Торвальда никакой информации и что ему не стоит даже надеяться на это. Все его вопросы «на засыпку» и проверки не будут удостоены ответом, а все закончится лишь его полным разгромом и крушением его собственных планов. Теперь на лице Шенна играла насмешливая улыбка, ибо он вспомнил свои возвышенные чувства, когда впервые увидел Рагнара Торвальда несколько месяцев назад. Стать хотя бы похожим на этого офицера было пределом всех его мечтаний! Пределом мечтаний Шенна Ланти. В данный момент Торвальд казался ему пустым местом. Он не мог ему нравиться или не нравиться... он был всего лишь расплывчатым сном. Да, разумеется, ведь реальность и сны редко приближаются друг к другу. Мечты...

— На какой-либо из этих карт береговой линии обозначена гора, формой очень напоминающая череп? — внезапно спросил он.

Торвальд резко отшвырнул палку.

— Череп? — переспросил он немного рассеянно, как делал часто, отвечая на вопросы Шенна, пока разговор не касался чего-то более важного.

— Да, череп. И очень странного вида, я бы сказал, — ответил Шенн. Сейчас он словно наяву представлял себе гору-череп, как тогда, когда он только что проснулся. Он даже видел, как в пустых глазницах появляются и исчезают какие-то летающие предметы. И вот что казалось очень странным: впечатления от сна очень быстро стираются из памяти через несколько часов после пробуждения, а сейчас все происходило наоборот. — Еще у него выступающая вперед челюсть, а волны набегают на... красно-пурпурную скалу...

— Что?

Теперь он полностью завладел вниманием Торвальда.

— Где ты об этом слышал? — быстро последовал резкий вопрос.

— Я об этом не слышал. Ночью я видел его во сне. Я стоял прямо напротив него. Там еще были птицы... или что-то летающее, как птицы; они влетали в его глазницы и вылетали оттуда.

— Что еще ты видел? — Торвальд нагнулся за палкой, его взгляд ожил, стал каким-то алчным и странным, словно если бы он не услышал ответа, то выбил бы его из Шенна силой.

— Это все, что я помню: гора-череп, — промолвил Шенн. Ему не хотелось дальше рассказывать о своих впечатлениях, о том, что ему захотелось найти этот череп; что он *должен* его найти.

— Значит, больше ничего... — задумчиво начал Торвальд и замолчал. Затем он медленно и с явной неохотой заговорил: — Больше ничего? Ты не видел пещеры с зеленой завесой... с широкой зеленой завесой, заслоняющей ее?

Шенн отрицательно покачал головой:

— Только гора-череп.

Торвальд посмотрел на него так, словно не поверил ни единому его слову, однако выражение лица молодого мужчины было настолько убедительным, что офицер коротко рассмеялся.

— Что ж, насколько я понимаю, это еще одна красивая теория о воздействии тумана на зрение! — проговорил он. — Нет, твой череп не указан ни на одной из наших карт, равно как и моя пещера тоже никогда не существовала. Это мираж, галлюцинации, вызванные преломлением солнечных лучей через завесу тумана! Это нечто вроде дымящихся экранов...

— Тогда что... — Но Шенн не успел закончить вопроса.

В пустыне поднялся сильный ветер, он пронесся через проход в скалах, достиг реки и взметнул в воздух целую кучу песка, который начал медленно оседать в воду, обволакивая серой туманной дымкой людей, животных и плот. В эти мгновения песок очень походил на падающий снег.

Только он не смог скрыть тонкого пронзительного крика, растворившегося на бескрайних просторах земли, расстилающейся за их спиной; но этот долгий улюлюкающий вой они уже слышали в лагере трогов. Торвальд грустно усмехнулся.

— Ищейка идет по следу.

Он наклонил шест, используя его как весло, и плот быстро помчался по течению. Шенн, похолодевший от ужаса, несмотря на палящее солнце, последовал примеру офицера и тоже взялся за длинную ветку, думая лишь об одном: осталось ли у них время для борьбы?

Глава 6

ИЩЕЙКА

Солнце, неровный и огромный огненный шар, поджаривало землю, после чего, каким-то странным образом, точно откатилось назад и продолжало жечь с той же жестокостью. В прохладной тени восточных гор Шенн ни за что не поверил бы, что на Колдуне может стоять такая неистовая жара. Еще до полудня они с Торвальдом сняли куртки, чтобы было легче управляться с шестами-веслами. Однако они не рискнули снять остальную одежду, боясь обгореть на солнце. И снова сильный порыв ветра вздымал песок на берегу реки, чтобы спустя некоторое время тот медленно опустился на воду.

Шенн протер глаза, на некоторое время прекратил утомительную греблю, чтобы посмотреть на скалы, которые они проплывали в довольно опасной близости. Ибо русло реки, окаймленное редким колючим кустарником, быстро сужалось. На отвесных стенах совершенно голых скал виднелось огромное количество небольших пещер-убежищ, забитых песочной пылью, хотя дно быстрой прозрачной реки все было усеяно галькой и крупными валунами.

Он не ошибся, их плот несло вперед все быстрее и быстрее, даже несмотря на шесты, при помощи которых они помогали плоту продвигаться по воде. По мере сужения русла течение подхватывало плот со свежей силой и стремительно несло его по воде. Шенн отметил это, и Торвальд кивнул в знак согласия.

— Мы подходим к первым порогам, — пояснил он.

— Где мы сойдем на берег и отправимся пешком, — печально промолвил Шенн. Песок и пыль скрипели у него на зубах, раздраженные глаза слезились. — Мы останемся рядом с рекой?

— Насколько долго это нам удастся, — мрачно ответил Торвальд. — У нас нет ничего, в чем можно нести воду.

Да, человек может жить на очень скудной пище, продолжая пробираться вперед по скверной дороге, если у него есть таблетки-концентраты. Но без воды, и тем более в такую жару, им быстро наступит конец. Довольно часто они прислушивались к

очередному вою позади, дикому крику, говорящему им о том, насколько близко от них движутся ищейки трогов.

— Пока сюда не долетели их тарелки, — заметил Шенн. Он как следует успел изучить одну из темных тарелок, появившуюся довольно далеко от них, когда ищейка указала точное направление для преследующих их трогов.

— Они не могут летать в такую погоду, — отозвался Торвальд, еще крепче сжимая шест и указывая подбородком на туман, клубящийся в воздухе над рекой и скалами. Тут река стала еще глубже, и Шенн увидел самое начало каньона. Они могли вздохнуть свободнее. Песочная пыль по-прежнему медленно опускалась на них, но песка было значительно меньше, чем какие-то полчаса назад. Небо над их головами напоминало сероватый колпак, с трудом пропускающий солнечные лучи, и тут путешественники ощутили живительную прохладу.

Торвальд осмотрелся по сторонам, внимательно изучая оба берега, словно выискивал там какой-то особый знак или отметину. Наконец, воспользовавшись шестом как указкой, он ткнул им в направлении большой кучи галечника, виднеющейся впереди. В этом месте когда-то случился оползень, который на четверть засыпал реку, но постоянные сезонные разливы со временем превратили бесформенную кучу камней и песка в узкий стреловидный полуостров.

— Туда...

Преодолевая сильнейшее течение, они вытащили плот на берег. Росомахи, ослабевшие от жары и пыли, подскочили к скалам со скоростью пассажиров тонущего корабля, которые увидели спасательное судно. Торвальд, прежде чем соскочить на берег, крепче прижал под мышкой планшет с картами. Когда все очутились на суше, он снова спустил плот на воду и длинным шестом толкал его до тех пор, пока его не подхватило течение.

— Слушай! — внезапно воскликнул он.

Но Шенн уже уловил отдаленный рокочущий звук, громкий, сильный, точно кто-то бил в гигантский барабан. Безусловно, это не был герольд, возвещающий о прилете корабля трогов, тем более что звук исходил откуда-то спереди, а не из-за их спин.

— Пороги... а может быть, даже водопад, — проговорил Торвальд. — Давай-ка поглядим, где мы сможем отыскать здесь дорогу.

Полуостров из валунов и гальки, который за многие годы нанесло течением, своим узким концом, похожим на язык, упирался в скалу, возле которой протекала река. Но затем он поднимался к расщелине, расположенной несколькими футами выше. А на высоте примерно футов в пятьдесят виднелась полоса земли, идущая параллельно реке. За ней вода ударялась о прочную совершенно отвесную стену. Они могли бы взобраться наверх и следовать за потоком вдоль вершины по этой нерукотворной набережной, но это вынудило бы их намного отдалиться от источника воды.

Словно с молчаливого обоюдного согласия мужчины опустились на колени и большими пригоршнями стали черпать воду и жадно пить ее, обливать водой головы и смывать с лица пыль и песок. Затем они начали взбираться на крутой подъем, который уже успели преодолеть росомахи. Наверху было не очень темно, но они снова почувствовали на лицах осыпающийся гравий, застревающий у них в волосах.

Шенн остановился, чтобы соскрести полоску грязи с губ и подбородка. Затем совершил последний рывок, поднимая свое щуплое тело наверх, изо всех сил борясь с жестокими порывами ветра. Но потом ветер подул ему в спину с такой силой, что чуть ли не помогал ему в его сложном восхождении. Шенн старался изо всех сил. Он мысленно отдал себе приказ — подняться во что бы то ни стало! Он понимал, что, как только окажется наверху, он побредет под скалой, аркой нависшей над ним. И Шенн знал, что это нужно сделать как можно быстрее, ибо в любой момент может случиться оползень из песка.

Тут Шенн натолкнулся на огромный камень и, протерев глаза от песка, догадался, что очутился в небольшой нише в скале. Задрав голову, он увидел отблеск янтарного неба, просачивающийся через щель этой крохотной пещеры, но спустя несколько секунд сумерки превратились в кромешную тьму.

Шенн нигде не видел росомах. Он заметил Торвальда, пробирающегося к южной пещере, и последовал за ним. И снова они лицом к лицу столкнулись со смертоносным обрывом. Ибо

расщелина с единственным спуском к реке теперь находилась справа; за спиной возвышалась гранитная скала, ведущая к бездонной пропасти, заставившей Шенна упасть на живот, как только он осмелился посмотреть вниз.

Если какой-нибудь боевой корабль межзвездной флотилии прошелся бы энергетическим лучом по горам Колдуна, разрезав то, что покоилось под первым слоем наружной оболочки планеты, то, вероятно, образовавшаяся «рана» очень бы походила на эту жуткую пропасть, на краю которой лежал побледневший от ужаса Шенн. Ему и в голову не приходило, что могло образовать между скалой и торчащим неподалеку горным пиком такую гигантскую трещину? Наверняка некогда здесь произошел невиданной силы катаклизм. Конечно, и речи быть не могло о том, чтобы спуститься вниз и взобраться на гору напротив, стоящую напротив скалы, где лежал Шенн. Беглецам надо было либо возвращаться к реке со всеми ее опасностями и неожиданностями, либо отыскать какой-нибудь иной путь через проем, который теперь являл собой такую мощную преграду на пути на запад.

— Вниз! — резко произнес Торвальд и вытолкнул Шенна из полумрака песочной бури в расщелину с такой силой, что Шенн чуть не упал. И они снова оказались в пещере, в которой уже побывали.

На залитом солнцем небе появилась двигающаяся тень.

— Назад! — Торвальд опять схватил Шенна, и поскольку он был намного сильнее молодого человека, то буквально поволок его во тьму пещеры. Он тащил его без остановки, и Шенн не мог перевести дух, даже когда они очутились снова в укрытии. Наконец они добрались до темной дыры в южной стене, мимо которой уже проходили. И Торвальд снова толкнул Шенна туда.

Внезапно страшной силы взрыв отбросил Шенна к стене. Толчок оказался такой мощный, что молодому человеку показалось, как из его легких вышел воздух. У него перехватило дыхание, и теперь не давала покоя ноющая боль в ребрах. С трудом открыв глаза, он увидел, что расщелина вся охвачена огнем. Из-за яркого пламени Шенн какое-то время ничего не видел. Словно он временно ослеп. Эта вспышка была последним, что

он помнил, когда плотная кромешная тьма сомкнулась над ним, погрузив его в бессознательное небытие.

Он медленно пришел в себя и сперва почувствовал нестерпимую боль. Ему было больно дышать; но тут он осознал: раз он *дышит,* то боль будет продолжаться, потому что он дышит. Потому что он жив. Все его тело представляло собой сплошную тупую боль, а на ногах словно лежало что-то очень тяжелое. Затем он почувствовал на лице прерывистое дыхание какого-то зверя. Шенн, собравшись с силами, поднял руку и коснулся плотной шерсти; потом ощутил влажный шершавый язык, облизывающий ему пальцы.

Он был близок к ужасу, обуявшему его, ибо в течение нескольких секунд он понял, что ничего не видит! Но тут сквозь тьму начали пробиваться кроваво-красные искорки, и он почему-то решил, что они скачут внутри его глаз. Он начал ощупывать темноту перед собой. Со стороны косматого тела животного, прижавшегося к нему, раздался тихий скулеж. Шенн ответил на это легким движением.

— Тагги? — спросил он.

От довольно сильного толчка он снова вжался в стену и ощутил страшную боль в ребрах, когда росомаха отозвалась на свою кличку. Второй толчок с другого бока и намного мягче первого говорил ему о том, что это Тоги тоже требует к себе внимания.

Что же тогда произошло? Торвальд со всех сил толкнул его назад, как только в небе появилась тень, пролетающая над скалой. Эта тень! Мысли Шенна беспорядочно громоздились в голове, когда он пытался осознать смысл того, что ему удалось вспомнить. Тарелка трогов! А потом этот жуткий удар, нацеленный на них; один-единственный залп, точно такой же, при помощи которых был сметен с лица земли целый лагерь! А он по-прежнему жив!..

— Торвальд? — тихо позвал он своего спутника. Не услышав ответа, Шенн окликнул его снова, на этот раз громче. Затем он опустился на четвереньки, мягко отстранил от себя Тагги и начал ползком пробираться по неровной поверхности скалы.

Его пальцы нащупали что-то, что могло быть только одеждой, прежде чем Шенн ощутил теплоту человеческой плоти. И он в

ужасе нагнулся над лежащим навзничь офицером и, только когда почувствовал слабое сердцебиение, понял, что Торвальд жив.

— Что?.. — Тот произнес единственное слово, но Шенн издал что-то похожее на всхлип от облегчения, как только услышал это тихое бормотание. Он присел на корточки и кистью руки с силой надавил себе на ноющие от боли глаза, решив, что от этого он снова начнет видеть.

Вероятно, от этого нажатия временная потеря зрения прошла, потому как Шенн неистово заморгал и теперь вместо кромешной тьмы перед ним появились расплывчатые серые очертания стен, и он не сомневался, что откуда-то слева исходит приглушенный свет.

В них стреляли с корабля трогов. Однако чужаки не сумели использовать свое оружие в полную силу, иначе ни один из терранцев не остался бы в живых. Что означало (разрозненные мысли Шенна постепенно стали облекаться определенным смыслом, который в свою очередь принес с собой дурные предчувствия), что троги, вероятно, намереваются не убить их, а только вывести из строя. Им нужны пленники, как и предупреждал Торвальд.

Сколько же врагу понадобится времени, чтобы поймать их? Для корабля, с которого был произведен смертоносный залп, здесь не имелось места для посадки. И поблизости таких мест тоже нет. Жукам придется садиться на краю пустыни и взбираться на гору пешком. А для трогов это очень сложно. Выходит, у беглецов еще есть некоторое время.

Время для чего? Что они могут предпринять? Сама местность небезопасна для беглецов. На юго-западе возвышается преграда. Если возвращаться на восток, то это означает попасть прямо в лапы охотников. Снова спуститься к реке, где остался плот? Но теперь он совершенно бесполезен, если не сказать большего. Остается лишь единственная пещера в скале, в которой они укрывались. А когда прилетели троги, то они выбили терранцев из их убежища, и наверняка использовали энергетические лучи.

— Тагги? Тоги? — крикнул Шенн, внезапно обнаружив, что уже некоторое время не слышит поблизости росомах.

Ответом ему был тяжелый протяжный рык — и раздавался он с юга! Неужели животные отыскали еще один выход? Неужели

эта ниша оказалась не такой уж простой? Неужели это протяженная пещера или даже проход, через который можно выйти обратно к вершинам с внутренней их стороны? Обуреваемый слабой надеждой, Шенн вновь склонился над Торвальдом, не в силах даже сдвинуть с места его неподвижное тело. Тогда он вытащил из внутренней петли своего плаща сигнальный фонарь и надавил на самую нижнюю кнопку.

Глаза Шенна резко защипало от яркого света, и по запыленным щекам потекли слезы. Но он сумел разглядеть все, что находилось перед ним, и увидел отверстие, ведущее к внешней стороне скалы, отверстие, которое может послужить им своеобразной дверью к побегу.

Офицер пошевелился, приподнялся на руках, глаза его были полузакрыты.

— Ланти?

— Да. И прямо за вами туннель. Росомахи отыскали выход...

К его удивлению, на губах Торвальда появилось некое подобие улыбки.

— И нам лучше убраться отсюда до прихода гостей, верно? — бодро спросил он.

Значит, он тоже думал о том, как выбраться отсюда, причем его мысли шли в той же последовательности, как и у Шенна. Он принимал решение в зависимости от того, что смогут предпринять троги.

— Ты что-нибудь видишь, Ланти? — Вопрос был задан до боли небрежно, будто мимоходом, но Шенн все равно ощутил в голосе офицера скрытые нотки тревоги; в нем не звучало ни уверенности, ни одобрения, как тогда в первый раз, когда между ними возникла стена, и это случилось возле поверженного корабля.

— Теперь я вижу лучше, — быстро ответил Шенн. — Я не знаю, смогу ли я так же хорошо видеть, когда пойду первым...

Торвальд открыл глаза, но Шенн догадывался, что офицер временно ослеп, как и он сам, когда только что очнулся. Он взял офицера за ближайшую к себе руку и положил ее на свой ремень.

— Беритесь за него, ну же! — Теперь Шенн отдавал приказы. — Лучше нам попробовать пролезть через во-он то отверстие. У меня есть фонарь.

— Недурно, — произнес Торвальд, и его пальцы обхватили ремень Шенна спереди, затем — со спины. Шенн начал пролезать в отверстие, таща за собой держащегося за его ремень офицера.

К счастью, им не пришлось ползти далеко, поскольку очень скоро они миновали пролом в породе или горной жиле и очутились в некоем подобии коридора, достаточно короткого, что даже Торвальд преодолел его без остановки. Чуть позднее он отпустил ремень Шенна, сообщив, что уже видит достаточно хорошо, чтобы продвигаться самому.

Луч фонаря выхватил стену и исходящее от нее сверкание, от которого становилось больно глазам; это оказалась гигантская друза, состоящая из зеленовато-золотых кристаллов. В нескольких футах сверху они увидели еще одну друзу, вкрапленную в горную породу. Они могли стоить целое богатство, но ни один из терранцев не остановился, чтобы как следует изучить их. Шенн даже не осветил их фонарем. Время от времени он посвистывал. И всякий раз росомахи отзывались на его свист откуда-то спереди. Поэтому люди продолжали ползти, надеясь не попасться в ловушку, расставленную трогами.

— Выруби на секунду свой фонарь! — приказал Торвальд.

Шенн повиновался, и свет погас. И все же какой-то свет был виден — впереди и наверху.

— Впереди проход, — сказал офицер. — Как же нам до него добраться?

Шенн вновь включил фонарь, который высветил им узкую каменную лесенку в том месте, где проход поворачивал налево к югу. Мужчины последовали туда. Впоследствии Шенн вспоминал этот подъем как чудо, совершенное ими. А они действительно совершили его, несмотря на то что оба продвигались очень медленно, то и дело передавая фонарь друг другу, чтобы убедиться, правильно ли каждый из них ставит ногу.

Когда Шенн сделал последний рывок, чтобы подтянуться к проходу, он ощутил себя суперменом. Его руки были оцарапа-

ны, ногти сломаны. Поднявшись, он сел, чтобы отдышаться, и, охваченный слабостью, тупо глядел по сторонам.

Торвальд с нетерпением окликнул его, и Шенн протянул ему фонарь. Торвальд тоже вскарабкался наверх и сел, осматриваясь вокруг с тупым изумлением.

Оба разглядывали высокие горные пики, пронзающие янтарное небо. Они находились в небольшой котловине, напоминающую собой чашу, в которой беглецы нашли себе убежище. Их изумлению не было конца, ибо вся чаша была покрыта буйной растительностью. Их удивленным взорам предстали деревья, кусты и сочная трава, такая же высокая, какую им довелось встретить на лугу. По небольшой аллейке весело носились росомахи, всем своим видом выражая наслаждение от обретенной свободы.

— Превосходное место для лагеря, — заметил Шенн.

Торвальд отрицательно покачал головой и сказал:

— Мы здесь не останемся.

И, словно в доказательство его мрачного пророчества, из пролома, который они только что преодолели, раздался приглушенный, но очень грозный вой ищейки трогов.

Офицер взял фонарь и, встав на колени, осветил внутренности прохода, лучом очертив вокруг отверстия круг. Торвальд вытянул руку и измерил его.

— Когда эти твари чувствуют горячий след, — проговорил он, выключая фонарь, — жуки уже не смогут контролировать их. Поэтому им нет никакого смысла даже пытаться лезть сюда. Ищейки запрограммированы только на два приказа: убить или взять в плен. Полагаю, этот выполняет приказ «захватить». Потому троги и пустили его впереди всего отряда.

— А мы можем вырубить его? — осторожно спросил Шенн, на этот раз полностью полагаясь на опыт своего спутника.

Торвальд встал.

— Чтобы уничтожить ищейку, нам нужен бластер с самым мощным и полным зарядом. Нет, мы не сумеем его убить. Однако мы можем установить у пролома своего рода «привратника». Это поможет нам выиграть время.

Он зашагал по аллейке, Шенн пошел рядом. Он ничего не понимал, но по крайней мере догадывался, что в голове у Тор-

вальда созрел какой-то план. Офицер нагнулся, внимательно исследовал землю и начал вытягивать из расчищенной им от грязи поверхности переплетенные друг с другом виноградные лозы, которые они использовали как прочные веревки. Затем бросил Шенну целую груду этого поспешно снятого «урожая» и коротко приказал:

— Сплети из них такой толстый канат, какой только сможешь.

Шенн выполнил приказ и был приятно удивлен, обнаружив, что от сильного нажатия лозы выделяют липкий пурпурный сок, который не только прилипает к его рукам, но и склеивает одну лозу с другой. К тому же эта задача, сперва показавшаяся ему почти невыполнимой, оказалась довольно несложной. Торвальд размахнулся топором и срубил две низенькие чахлые сосенки, тем же топором очистил их от веток и подвесил стволы рядом со входом в отверстие.

Они работали не покладая рук, стараясь успеть покончить с делом к нужному времени, и, глядя на Торвальда, Шенн восхищался его практическим опытом. Дважды раздавался жуткий вой ищейки, он доносился из глубины пещеры где-то у них за спиной. Когда солнце пошло на закат и теперь уже почти село, едва освещая аллейку, Торвальд наконец соорудил каркас для своей ловушки.

— Мы не сможем поразить ищейку, как не сумеем поразить любого трога. Но удар шокера должен задержать его на некоторое время, если это сработает.

Тагги с какой-то целью рылся в траве, приближаясь к отверстию. Тоги бежала за ним справа. Обе росомахи уставились на дыру; их поза страстного ожидания чего-то, когда они охотились, была уже знакома Шенну. Он вспомнил, как впервые вой ищейки прогнал обоих животных из оккупированного лагеря.

— Они тоже были с нами, — сказал Шенн Торвальду, имея в виду росомах в ночь их вылазки.

— Возможно, ищейки собираются захватить и их, — отозвался офицер. — Но нам ни в коем случае нельзя смешиваться с ними; иначе это приведет к роковому концу.

Вой раздался во внутреннем коридоре. Тагги оскалил зубы, отступил на несколько шагов и только после этого издал свой боевой рык.

— Приготовься! — Торвальд подскочил к подвешенным стволам; Шенн поднял свой шокер.

Тоги вторила кличу своего друга. Она издавала подряд несколько пронзительных угрожающих криков, с каждым разом крича еще громче. Из ее горла исходил странный, плачущий, леденящий душу вопль. Вдруг в отверстии, словно черт из табакерки, появилась чудовищная отвратительная голова, и Шенн выстрелил в нее из шокера. В ту же секунду Торвальд отпустил свою ловушку.

Тварь пронзительно закричала. Толстые веревки, опутавшие ее, натягивались с неимоверной силой. Росомахи отскочили от огромных челюстей, угрожающе щелкающих без всякого результата. К облегчению Шенна, его звери, казалось, радовались ловушке с попавшимся в нее пленником. Его голова оказалась в ней словно в воротнике. Шенн ощущал страх, без которого не бывает ни один ближний бой. Но вскоре он справился с ним. Вероятно, удар шокера замедлил все рефлексы ищейки, поскольку жуткие челюсти лязгнули в последний раз, а морда, смахивающая на маску ящерицы (голова ищейки по виду не гармонировала со всем остальным его телом, насколько это было известно терранцам), бессильно повисла на толстых веревках; остальная часть тела закупоривала отверстие, как пробка. Тагги только этого и ждал. Он прыгнул, выставив вперед смертоносные когти. А Тоги ринулась за своим другом, чтобы принять участие в сражении.

Глава 7

НЕВИДИМЫЙ ПРОВОДНИК

Когда ищейка пришла в себя, вокруг тотчас же полетели камни и комья земли. Она пыталась избавиться от своих мучителей. Всюду стоял жуткий грохот и вопли. Шенн, избегая опасности, все время старался держаться от клацающих челюстей чудовища на расстоянии вытянутой руки. Ведь попади его рука или нога в эту мясорубку, они превратятся в порошок. Тварь отбивалась от росомах изо всех сил. Шенн заметил на земле небольшой кусок выдранной плоти и осколки костей. Шенн попытался оттащить

Тоги, взяв ее за нос. Он запустил обе руки в жесткую шерсть вокруг горла Тагги, стараясь оттащить росомаху-самца от отбивающегося чудовища. Он выкрикнул приказ, к его удивлению, Тоги повиновалась, оставив монстра в покое. Рассвирепевший Тагги никак не унимался. По-видимому, росомаха никак не ожидала такой вспышки ярости у ищейки.

Несмотря на то что Шенн чувствовал боль от раны на тыльной стороне ладони, нанесенной ему чересчур возбудившимся Тагги, в конце концов ему удалось оттащить обоих животных от отверстия, закупоренного плененной и израненной тварью. Торвальд от души хохотал, наблюдая за действиями своего молодого товарища.

— Такое уж точно должно задержать жуков! Пора бы и им пораскинуть мозгами насчет своей участи! Если у них, разумеется, есть мозги! Если они притащат своего песика обратно домой, то он обязательно выместит на них свою ярость. Мне бы так хотелось увидеть, как они будут окапываться вокруг!

Шенн посмотрел на чудовищную голову, зажатую большими камнями, словно воротником. Ищейка мотала ею из стороны в сторону и грозно рычала. Тут Шенн понял, что Торвальд совершенно прав. Он опустился на колени перед росомахами, гладя их ладошкой и что-то тихо приговаривая, стараясь ласково внушить им, что приказы надо выполнять беспрекословно.

— Ха-а! — Торвальд хлопнул испачканными грязью руками, и резкий звук привлек внимание обоих росомах.

Шенн начал карабкаться наверх, помахивая животным исцарапанной рукой в сторону запада; эти незамысловатые движения означали охоту и одновременно сигнал осторожности. Тагги с явной неохотой в последний раз рявкнул на ищейку, отвечая на его режущий слух жуткий вой, и засеменил в указанном Шенном направлении. Тоги побежала за другом.

Торвальд взял кровоточащую руку Шенна, изучая рану. Из специальной аптечки, прикрепленной к ремню, он достал какой-то порошок и ленту лечебного пластыря, чтобы сперва очистить, а после забинтовать руку своего спутника.

— Это обязательно нужно сделать, — пояснил он. — И нам лучше уйти отсюда до наступления полной темноты.

Маленький рай лужайки и аллейки нельзя было назвать безопасным местом для разбивки временного лагеря. Чудовище продолжало реветь и выть вслед уходящим беглецам, и жуткие звуки уносились в потемневшее небо. Двигаясь по следам росомах, люди вскоре нагнали животных, пьющих из небольшого ручейка, и с наслаждением припали к воде. Затем они быстро продолжили свой путь, не забывая, что где-то среди вершин в тумане скрывается готовый к нападению летательный аппарат трогов.

Только темнота заставила людей сбавить шаг. Здесь, на открытом пространстве, они могли воспользоваться фонарем. Пока они находились в пределах лощины, а тропинка, по которой они шли, была отмечена фосфоресцирующими кустами. Однако, оказавшись в кромешной тьме, они снова пришли в то место, где торчала голая скала.

Росомахи поймали нескольких птичек и даже сгрызли их мягкие косточки, ибо так и не смогли утолить голод их крошечной плотью. Однако, к облегчению Шенна, звери не стали уходить слишком далеко. И когда люди наконец остановились на краю скалы, где за огромным камнем обнаружили некое подобие убежища, росомахи свернулись рядом с ними, согревая их своими горячими телами. Шенн с Торвальдом даже ощутили некоторый комфорт в этом временном месте для отдыха.

Время от времени Шенн пробуждался из неспокойного полусна от жуткого воя ищейки. К счастью, звук не стал громче. Если бы троги забрали его, то, безусловно, сделали бы это именно сейчас, ночью; но они либо не пришли за ним, либо не сумели вытащить его из ловушки. Шенн снова задремал, на этот раз без сновидений, а когда проснулся, то услышал пронзительное клацанье. Однако, внимательно изучив небо, он не увидел ни одной птицы, обитающей в горах Колдуна.

— Весьма вероятно, что их внимание привлек наш симпатичный приятель, оставшийся возле аллеи, — угрюмо заметил Торвальд, тоже глядя вверх и словно читая мысли Шенна. — Надо же им чем-то заняться.

Клацанье издавали какие-то плотоядные существа; ибо они осмеливались напасть только на ослабевшую или раненую жертву, с которой им легко справиться. Вероятно, недвижимая

ищейка и привлекла их своей беззащитностью. А пронзительные вопли, раздающиеся на несколько миль вокруг, должны были привлечь внимание обитателей скал.

— Вон там! — воскликнул Торвальд, и, подтянувшись на руках, взобрался на огромный камень, пристально вглядываясь на запад. Его исхудалое лицо выражало искренний интерес.

Шенн, ожидая увидеть по меньшей мере корабль трогов, выискивал на камне удобный выступ, чтобы выглянуть, не привлекая внимания. Следовало оставаться спрятанными за грудой камней. Торвальд даже не шевелился. И Шенн посмотрел по направлению его взгляда.

Впереди внизу он увидел извивающийся лабиринт из холмов и лощин, крутых спусков и пилообразных подъемов. Но за самой кромкой этой труднопроходимой местности тускло мерцало зеленое море Колдуна. Покрытое еле заметной рябью, оно скрывалось за туманным горизонтом. Наконец-то они увидели свою цель собственными глазами.

Имей они хоть один летательный аппарат для изучения местности, которых в разрушенном лагере было немало, то они сумели бы добраться до песчаного пляжа за час. Вместо этого им пришлось пробираться по этому дьявольскому ландшафту целых два дня. Дважды они удирали от тарелки (или тарелок) трогов, продолжающих планировать над изрезанной линией берега, а однажды еле успели нырнуть в укрытие и сидеть там, теряя драгоценное время, как загнанные звери, спасаясь от корабля-разведчика. Но в конце концов убедились, что ищейка не идет по их запутанному следу, и решили, что его вывела из строя ловушка.

На третьи сутки они спустились к одному из фиордов, который клином врубался в сушу, уродуя прямую линию берега. У них не было недостатка в птичках, нанизанных на веревку из лозы, так что и люди и росомахи с аппетитом поели. Хотя после сражения с чудовищем у росомах пострадала шерсть, их «одежда» выглядела куда лучше, нежели чем форма Шенна и Торвальда.

— Куда теперь? — спросил Шенн.

Если бы он знал намерения офицера, ведущие его к этому берегу! Несомненно, такая изрезанная фиордами и покрытая

горами местность могла стать великолепным убежищем, но ничуть не лучшим укрытием, чем в скалах. Офицер медленно развернулся на гальке, изучая вершины за его спиной, и морской залив, покрытый небольшой рябью. Открыв свой драгоценный планшет с картами, он внимательно стал изучать какие-то знаки, отмеченные им кусочками липкой ленты.

— Нам надо спуститься к самому берегу, — произнес он.

Шенн прислонился к стволу дерева конической формы, растущего из горы, машинально сдирая с него кусочки коры цвета красного вина, из-под которых сочился сок, говорящий о смене сезона. Озноб, овладевающий им в лощине, сменился здесь влажным теплом. Весна переходила в лето, примерно такое же, как на северных континентах Терры. Даже свежий ветер, дующий с моря, жестоко не пронизывал их до костей, как это было два дня назад; оба ощущали теперь влажный соленый туман, обволакивающий их с головы до ног.

— Что мы там будем делать? — настойчиво спрашивал Шенн.

Торвальд подвинул к нему карту, его ноготь с черной каемкой пополз по ней вниз к фиордам, проведя косую черту, которая указывала на кружево из островков, бисеринками раскинутых на морской глади.

— Мы идем сюда, — пояснил Торвальд.

Его слова не имели для Шенна никакого смысла. Эти острова... почему? Зачем им идти туда? Они могли бы найти куда лучшее убежище для лагеря на этой негостеприимной земле, где находились сейчас. Даже тарелки-разведчики трогов скорее предпочли бы исследовать с воздуха море, чем эту дикую сушу.

— Зачем? — мрачно осведомился Шенн. Пока он повиновался приказам старшего товарища, поскольку в них был смысл. Но он не собирался подчиняться Торвальду во всем только из-за его офицерского ранга.

— Потому что там есть кое-что, что в корне изменит наше положение. Колдун — не пустая планета.

Шенн перекатывал между пальцами кусочек оторванной коры. Может быть, Торвальд слегка повредился в уме? Он понимал, что офицер полностью отвергал полученные изыскателями данные. И, проведя с Торвальдом несколько суток вместе, Шенн догадался, что офицер предпочитает работать в одиноч-

ку. И принимать решения сам. Также Шенн знал, что именно Торвальд оказался в меньшинстве, когда отказался подписать рапорт о том, что на Колдуне не существует разумной жизни, и тем самым был готов к тому, что планета подвергнется колонизации, потому что она считалась незаселенной. Однако он продолжал придерживаться своего убеждения, не приводя убедительных доказательств, что многим указывало на его умственное расстройство.

И теперь, словно читая его мысли, Торвальд относился к Шенну с неприязнью и раздражением. «Думаешь, что я ублажаю свои капризы, не так ли? — говорили его глаза. — Или считаешь меня сумасшедшим?» — «А вдруг я поддамся на его дикую идею, которая приведет меня к гибели?» — размышлял в свою очередь Шенн.

Если Торвальду захотелось идти к этим островам в поисках чего-то, никогда не существовавшего, то Шенн не последует за ним. А если офицер попытается применить силу, что ж, у Шенна есть шокер и, теперь он окончательно верил в это, полный контроль над росомахами. Впрочем, можно просто сделать вид, что он согласен участвовать в этом проекте... Только он не верил Торвальду, глядя в самую глубину его серых глаз, пристально смотревших на него; он не верил, что кто-то сумеет отговорить Торвальда от его навязчивой идеи.

— Ты ведь, конечно, не веришь мне? — донесся до Шенна требовательный голос.

— Ну почему же? — Шенн решил потянуть время. — У вас огромный изыскательский опыт; вам известно почти все. А я... я не претендую ни на какие самостоятельные действия.

Торвальд молча сложил карту и сунул ее в планшет. Затем запихнул его в секретный внутренний карман куртки. Потом вытянул руку, разжал пальцы и показал Шенну свое сокровище.

На его ладони лежал медальон, величиной с небольшую монету; он был белый, как кость, но от него исходило странное свечение, которое не может исходить от обычной кости. Медальон был резной. Шенн осторожно протянул к нему палец, хотя почему-то не хотел касаться этого предмета. И тогда он испытал ощущение, очень похожее на несильный удар элек-

трического тока. Но когда он взял медальон, то ему страшно захотелось не отдавать его, а изучить как можно внимательнее.

Медальон был украшен очень сложной резьбой, выполненной с огромным мастерством и тщательностью, хотя Шенн никак не мог понять, что означали эти сложные завитушки, замысловатые выпуклости и лентообразные тонкие полоски. Спустя некоторое время Шенн осознал, что его взгляд, следуя за этими витками и извилинами, внезапно «зафиксировался», что ему потребовалось бы огромное усилие, чтобы отвести глаза от медальона. И тут он почувствовал тревогу, такую же, как от жуткого воя ищейки трогов. И, возвращая медальон Торвальду, он ощущал, что с трудом расстается с ним. Шенн сумел отдать эту странную вещь только благодаря огромному усилию воли.

— Что это?

Торвальд спрятал медальон в потайной карман.

— Это ты мне скажи, — усмехнулся офицер. — Я могу сказать главное: в Архивах нет ни слова ни о чем подобном.

Шенн прищурился. Он с рассеянным видом вытирал пальцы о свою разодранную куртку. Ведь эти пальцы недавно держали эту костяную монетку... если это была монетка. Этот странный оттенок... неужели он по-прежнему чувствует его? Или вновь с ним играет воображение? Если сведений о нем нет даже в самых исчерпывающих обзорах Архивов Изысканий, то не принадлежит ли эта штука к какой-нибудь совершенно новой цивилизации, новой звездной расе?

— Этот предмет определенно ручной работы, — продолжал офицер. — Я нашел его на берегу одного из тех морских островов.

— Троги? — спросил Шенн, уже зная, каков будет ответ.

— Чтобы троги сделали — *это*? — ответил Торвальд, не скрывая своего презрения. — У трогов даже нет понятия о подобном искусстве. Ты видел их летающие тарелки — вот воплощение красоты для жучар! Неужели у этих жестянок есть хоть отдаленное сходство с медальоном? — И он усмехнулся.

— Тогда кто же его сделал?

— Либо на Колдуне есть... или когда-нибудь существовало... местное население, достигшее высокого урованя цивилизации, чтобы у них смогло развиться такое изысканное искусство, ли-

бо до нас и трогов здесь побывали другие гости из космоса. Но в последнее мне не верится...

— Почему?

— Потому что медальон вырезан из кости или из какого-то другого, порожденного живым существом материала. В лаборатории нам не удалось точно определить его состав, но это органика. Он довольно долго находился на открытом воздухе во все времена года и все равно остался в превосходном состоянии, а вырезан он мог быть лет пять тому назад. Это удалось выяснить, но не очень точно. К тому же у нас есть доказательства, что в этом секторе планеты не побывали ни мы, ни троги и никто из каких-либо межзвездных цивилизаций. И я утверждаю, что его изготовили здесь, на Колдуне, не очень давно и сделало его разумное существо очень высокого уровня цивилизации.

— Но тогда здесь были бы города, — возразил Шенн. — Мы находились здесь несколько месяцев и изучили почти всю планету. Мы обязательно обнаружили бы эти города или хотя бы следы бывших городов.

— Возможно, это древняя раса, — задумчиво произнес Торвальд. — Очень древняя раса, которая, вероятно, пала, но кто-то все-таки остался и счел разумным скрыться в каком-нибудь надежном убежище. Нет, мы не обнаружили ни городов, ни доказательств местной культуры прошлого либо настоящего. Но это... — Он дотронулся до своей куртки. — Его я нашел на берегу острова. Наверное, мы искали аборигенов не в том месте.

— А море... — Шенн с интересом взглянул на зеленую поверхность, подернутую мелкой рябью у самого края фиорда.

— Именно так! Море!

— Но ведь год тому назад или чуть раньше здесь побывали наши изыскатели. Они не обнаружили никаких следов чьего-либо пребывания.

— Все наши четыре опорных лагеря располагались внутри континента, а исследования берега проводились главным образом с флиттера, если не считать одной поисковой партии... тогда я и нашел медальон. Естественно, у местного населения имелись веские причины не показываться нам. Потому они и не живут на суше вовсе. Кстати, вполне возможно, что в отличие от нас они способны существовать и в воде при помощи ка-

ких-нибудь дополнительных искусственных вспомогательных средств.

— А теперь...

— Теперь мы должны совершить настоящую попытку обнаружить их, если они живут где-то поблизости. Дружественная местная раса может помочь нам изменить жизнь на этой планете. И главное — помочь в борьбе с трогами.

— Значит, когда вы спорили с Феннистоном, вы говорили совсем не о снах и видениях, верно? — вставил Шенн.

Торвальд пристально посмотрел на него:

— Когда ты слышал это, Ланти?

К своему смущению, Шенн почувствовал, что покраснел.

— Я слышал ваш разговор в тот день, когда вы покидали штаб-квартиру, — тихо ответил он и добавил в свою защиту: — Честное слово, вы так громко спорили, что вас могла услышать добрая половина лагеря!

Хмурое выражение исчезло с лица офицера. Он издал короткий смешок и промолвил:

— Да-а, сдается мне, что тем утром мы так орали... Сны! Ха! — Он немного помолчал и вновь вернулся к теме разговора: — Да, сны, вероятно, это были сны... но очень важные. Мы их предупреждали все время, даже на стартовой полосе. Лорри был первым в поиске; именно он составил карту Колдуна, и он — прекрасный парень! Я думаю, что могу нарушить тайну и теперь рассказать тебе, что его корабль был оборудован новейшим экспериментальным оборудованием, которое запечатлевало все происходящее... что ж, можешь назвать это «эманацией», если угодно... но излучение было настолько слабо, что его источник обнаружить так и не смогли. И всякий раз, когда *это* регистрировалось, считалось, что Лорри видел это во сне. К несчастью, оборудование было совсем новым и только на стадии тестирования, а когда позднее данные попали в лабораторию, то все посчитали настолько странным и непостоянным, что власть предержащие стали задавать вопросы по поводу полученной информации. Ну, им представили с полдюжины ответов касательно записанной пленки, а Лорри получил сигнал только тогда, когда находился в большом заливе на юге. Позже прибыли еще два корабля изыскателей и доставили уже отлажен-

ное и протестированное оборудование. Они не сделали никаких записей, а все записанное во время первого эксперимента стерли, как ошибочные данные. На такой большой планете, как Колдун, очень сложно что-либо обнаружить, когда нет доказательств, что она заселена. И на Колдун наложили лапу ребята-колонизаторы.

Шенн вспомнил свой собственный полусон-полуявь, когда видел скалу-череп, возвышающуюся у самой кромки воды. Интересно, у этого ли моря? Еще одна незначительная, но часть головоломки...

— Когда я спал на плоту, то видел гору, похожую на череп, — медленно проговорил он, думая о том, есть ли вообще какой-либо смысл в его словах.

Внезапно Торвальд вскинул руку и указал на Тагги, застывшем в тревожной стойке. До них донесся сильный настораживающий запах.

— Да, на плоту тебе пригрезилась гора-череп. А мне пещера с зеленой завесой, смахивающей на вуаль. Между прочим, мы оба находились на воде... на воде, которая связана с этим морем. Могла ли вода стать проводником? Интересно... — Его рука снова полезла под куртку и достала медальон. Он нервно заходил по пляжу, усеянному галькой, затем приблизился к воде и окунул в нее пальцы. Затем уронил с нее несколько капель на медальон, который держал в другой руке.

— Что вы делаете? — спросил Шенн, ничего не понимая.

Торвальд не проронил ни слова. Теперь он прижимал влажную руку к сухой, ладонь к ладони, крепко сжимая между ними костяной кругляш. Он немного повернулся к воде, обратив к нему лицо и устремив взгляд далеко в открытое море.

— Сюда, — произнес он бесцветным и совершенно чужим голосом.

Шенн уставился на лицо офицера. В эти мгновения тревога покинула его совершенно. Сейчас Торвальд больше не был человеком, которого он знал; рядом с Шенном стоял кто-то другой. Торвальд словно поменял личность. Молодой терранец сперва испугался, но буквально через секунду он понял, что нужно действовать. Он вспомнил старые деньки, обычно заканчивающиеся кровавыми потасовками в Трущобах Тира.

Ребром ладони он резко ударил по запястью офицера. Костяная монетка упала в песок, а Торвальд пошатнулся. Затем он прошел несколько шагов, чтобы обрести равновесие, и, прежде чем это ему удалось, Шенн наступил на медальон.

Торвальд резко повернулся к нему, с необыкновенной быстротою выхватив шокер. Но Шенн уже приготовился и стоял напротив, сжимая в руке свой шокер. И он заговорил... очень быстро:

— Эта вещь опасна! Что вы сделали... что вы с собой сделали?

Его вопрос, заданный суровым требовательным тоном, будто пронзил офицера, и Торвальд вновь стал самим собой.

— Что я сделал? — переспросил он.

— Вы действовали так, словно кто-то управлял вашим разумом!

Торвальд с удивлением посмотрел на своего спутника, затем Шенн заметил в его взгляде искорку интереса.

— В ту минуту, когда вы капнули водой на медальон, вы изменились, — продолжал Шенн.

Торвальд спрятал шокер в кобуру.

— М-да, — задумчиво произнес он, — почему же мне захотелось капнуть на него водой? Выходит, что-то побудило меня это сделать... — Он провел все еще влажной рукой по щекам, затем по лбу, словно пытаясь избавиться от неведомой боли. — Что еще я сделал?

— Смотрели на море и сказали: «Сюда», — поспешно ответил Шенн.

— Почему ты попытался остановить меня?

Шенн пожал плечами.

— Когда я впервые дотронулся до этой штуки, я испытал шок. К тому же я видел людей, чьими мозгами управляли... — Ему захотелось прикусить язык, словно он кого-то выдал. Мир управляемых людей слишком далек от мира, в котором живет Торвальд и ему подобные.

— Гм, весьма занятно, — заметил офицер. — За год или немногим больше ты слишком много повидал, Ланти... и, по-видимому, ты помнишь большинство из увиденного. Но я должен согласиться, что ты поступил с этой игрушкой правильно, поскольку она несет в себе опасность и далеко не так невинна, как

это может показаться. — С этими словами он оторвал несколько лоскутов от своего рукава. — Если ты уберешь ногу, мы все исправим.

Он взял медальон и тщательно завернул его в лоскутья, стараясь при этом не касаться его голыми пальцами. Потом спрятал получившийся сверток в секретный карман.

— Я не знаю, что у нас — ключ к незапертой двери или ловушка для безрассудных. Я понятия не имею, как и почему работает эта штука. Но мы можем быть абсолютно уверены, что это не просто-напросто безобидный девичий фермуар, равно как и не монетка, которую можно просадить в ближайшем баре. Значит, он указывал мне на море, верно? Что ж, это большее, что я готов позволить. Может быть, мы сможем возвратить его владельцу, после того как узнаем, *кто* он... или что из себя представляет.

Шенн пристально смотрел на зеленую воду, в глубину, непроницаемую для человеческого взгляда. Что-то могло притаиться в ней. Внезапно троги показались ему нормальными существами, уравновешенные этой неведомой жизнью в темных глубинах водного мира. Хорошо бы нанести еще одну атаку на захваченный трогами лагерь, чтобы обзавестись результатами исследований, о которых упоминал Торвальд. Пока Шенн не произнес ни слова протеста, а тем временем офицер снова смотрел в том же самом направлении, куда указывал ему медальон несколько минут тому назад.

Глава 8

УТГАРД

За час до рассвета подул сильный ветер с запада, яростными порывами нападая на окрестности, пока в воздухе не появился соленый туман, который гигантским влажным облаком опустился беглецам на головы. Волосы беглецов слипались, их кожа стала грязной от морских водорослей, принесенных ветром. Пока Торвальд не искал никакого убежища, вопреки своему обещанию на берегу. В их сапогах хлюпал мокрый песок; они все время скользили на валунах, по которым идти было намного

труднее, чем по гравию; Шенн видел большие наносы из плавника, ила и ракушек. Кроме того, его взгляд часто выхватывал какие-то странные кучи бледно-лавандового, сероватого или белого как кость цвета, которые изумляли Шенна. Но он знал, что все здесь зависит от смены сезонов, от приливов и отливов, яростных штормов и ураганов. Иными словами, природа, как и везде, жила своей жизнью. Этот дикий, Богом забытый берег все больше вызывал у молодого человека недоверие, вероятно усилившееся после знакомства с медальоном-проводником.

Шенн уже успел вкусить одиночества в горах, испытать на себе странный мир реки с ее светящимися деревьями и кустами на берегу: он лицом к лицу столкнулся с неподвижными равнодушными вершинами, пронзающими небесный янтарный купол Колдуна. И все-таки это путешествие мало чем отличалось от его походов на других планетах. Дерево везде было деревом, только где-то оно имело голый ствол, а здесь светилось пурпурным светом или отдавало оттенком красного вина. Скала была скалой, река — рекой. На Колдуне и на Тире он ощущал одинаковую влажность и тяжесть в воздухе.

Но сейчас он не сумел бы даже мысленно описать туман, висящий между ним и песком, по которому он шел; между ним и морем, брызги от которого проникали сквозь его промокшую, насквозь рваную одежду; между ним и этим диким берегом, изуродованным многовековыми штормами.

— ...надвигается буря, — донесся до него обрывок фразы.

Торвальд остановился, закрывая лицо от неистового ветра и соленых брызг, и стал наблюдать за гневным морем, кидающимся на берег, точно разъяренное животное. Солнце бледным расплывчатым пятном стояло над горизонтом. Но пока света было достаточно, чтобы видеть замысловатую цепочку островов, постепенно тающих во тьме.

— Утгард...

— Утгард? — повторил Шенн это странное, ничего не означающее для него слово.

— Легенда моего народа, — произнес офицер, ладошкой вытирая соленые брызги с лица. — Утгард — это вон те, самые далекие острова, на которых живут гиганты. Они — смертельные враги древних богов.

Шенн всмотрелся в даль и увидел огромные глыбы; в основном это были голые скалы, только немногие из них покрывала редкая чахлая растительность. «Наверняка это была неплохая гавань для *чего-то,* — подумал Шенн. — Для чего-то, от гигантов до зловещих духов какой-то неведомой расы. Возможно, даже троги слагали легенды о всяких дьявольских выходках в ночи; о жуках-чудовищах, заселяющих жуткие неизведанные земли». Внезапно Шенну надоело бесцельно брести по берегу, слушая сказки, и он решил рискнуть. Он коснулся руки Торвальда и предложил начать кое-какие конкретные действия.

— Прежде чем грянет буря, нам нужно найти укрытие, — проговорил он решительно.

К его облегчению, Торвальд согласно кивнул.

Они снова двинулись через берег, на этот раз обратно. Теперь море и Утгард находились позади них. Когда Шенн произнес про себя это непривычно звучащее название, то решил, что оно отлично подходит к неровной цепочке островов и островков. Песчаный пляж сужался, а полоска голубоватого песка вперемешку с гравием вела к огромным холмам, нанесенным морскими волнами. Из этой каменной преграды, очень похожей на бруствер и с вкрапленными в нее странными образованиями костяного цвета, возвышались первые горы, которые Шенн осмотрел с чувством возрастающей тревоги. Выбора не было. Либо ветром их смоет прямо в бушующее море, либо им придется взбираться на гору, совершенно не внушающую ему доверия, как и любому человеку, плохо разбирающемуся в том, как выжить в полевых условиях. Им надо найти укрытие в какой-нибудь расщелине, расположенной подальше от фиорда, по которому они шли. И найти это укрытие надо как можно скорее, до наступления темноты и того страшного мига, когда буря разыграется в полную мощь.

Наконец росомахи обнаружили выход, представляющий собой узкий проход между горами. Тагги принюхался к темной полоске земли, бегущей прямо перед его мордой и упирающейся в скалу, и исчез. Тоги тотчас же последовала за ним. Шенн двинулся вслед за животными и вскоре увидел очень узкое отверстие в скале.

Он буквально нырнул во тьму, упершись вытянутыми вперед руками в шероховатую стену, отлого спускающуюся вниз. После того как он уже побывал на самом краю бездонной пропасти, ему не составило труда посмотреть через трещину, выходящую на море. Пещера, в которой он стоял, имела проход, ведущий в узенькую лощину, совершенно не похожую на лощины в фиордах. Грубые стены пещеры были покрыты толстым слоем мха, вокруг зеленела трава и росли деревца и кусты.

На этот раз Торвальд с Шенном трудились, как давно сработавшаяся, умелая команда. Они обложили пещеру ветками и кустарником, которые ветром нанесло внутрь через щель в скале. Теперь, сидя в этом каменном, но довольно уютном мешке, оба знали, что троги ни за что не вышлют поисковую тарелку навстречу надвигающейся буре. Поэтому беглецы разложили небольшой костер. Тепло от костра согревало их утомленные тела, а отблеск огня от горящих ветвей успокаивал нервы. Даже суровые складки на лице Торвальда умиротворенно разгладились. Весело пляшущие красные искры костра словно сжигали дотла мрачное покрывало того чуждого мира, который окутывал неспокойный морской берег, создавали у Шенна иллюзию дома, которого у него никогда не было, а вместе с ним отметались все заботы и треволнения, обуревавшие его во время опасного путешествия.

Однако ветер и погода отнюдь не собирались поддерживать условия «мирного договора». Над вершинами гор ветер устроил кошачий концерт, равный по силе вою по меньшей мере полудюжины ищеек трогов. И терранцы в своем крохотном убежище слышали не только громоподобный рев яростной бури, но ощущали сильную вибрацию, точно вот-вот наступит землетрясение. По-видимому, волны вырвались на берег и достигали их скалы, и только благодаря этой природной преграде беглецы оставались в безопасности. Они прижались друг к другу плечами и даже не разговаривали, что было бы совершенно бесполезно из-за жуткого рева вокруг.

Последняя янтарная вспышка на небе внезапно исчезла с быстротой задернутой шторы. Они знали, что на Колдуне ночь наступает сразу, минуя сумерки, но сейчас им показалось, что тьма буквально обрушилась на них. Росомахи свернулись в сво-

ей маленькой спасительной «гавани», время от времени жалобно поскуливая. Шенн гладил их по жесткой шерсти, стараясь успокоить и внушить им уверенность в безопасности, которую не испытывал сам. Никогда еще, пребывая на твердой земле, он не ощущал такого сильного ужаса от разгулявшейся стихии. Природа словно сошла с ума, и силы всего человечества, вместе взятого, в эти мгновения были ничем против нее.

Они с Торвальдом потеряли чувство времени. Вокруг царила кромешная тьма, неистово завывал ветер, а на их головы обрушился холодный соленый дождь. Костер вскоре потух, холод и тьма охватили их скрюченные тела, поэтому им пришлось встать и обнять друг друга, чтобы согреться. Так они и стояли, чувствуя, как горячая кровь стремительно бежит по венам каждого из них.

Чуть позднее ветер постепенно стих, дождь перестал лупить, как пули из автомата, поливая их хлипкое убежище, и только тогда им удалось провалиться в тяжелый сон без сновидений.

Красно-пурпурный череп... а из глазниц вылетают... а потом влетают обратно... Что? Шенн, спотыкаясь, брел по какой-то неустойчивой поверхности, проваливающейся под его весом, как плот во время их речного путешествия. Он подошел ближе к огромной голове и теперь смог разглядеть волны, заливающие нижнюю челюсть чудовищного черепа, попадая внутрь этой жуткой пасти сквозь провалы на месте отсутствующих зубов... которые в действительности были выломанными зубами-скалами... Создавалось впечатление, что череп постоянно пьет морскую воду. Чтобы возвратиться к жизни... Отверстие в том месте, где должен быть глаз, очень походило на сопло; дыра была темной, такой же темной и пустой, как глазницы. И эта непроглядная тьма удерживала Шенна от любого усилия бежать от этого страшного черепа. И вдруг его подхватило волной и понесло вперед прямо к челюсти; он с отчаянием выставил руки вперед, подняв их над головой, стараясь ухватиться за края носа-сопла, чтобы подтянуть свое тщедушное тело к этому жуткому отверстию.

— Ланти! — Чья-то рука хлопнула его по спине, мгновенно выведя его из этого маниакального наваждения... и сна.

Шенн с трудом открыл глаза; ему показалось, что ресницы прилипли к щекам.

Наверное, он все же исследовал тот подводный мир. Тонкие дымки тумана поднимались с земли, словно во время шторма проросли какие-то неведомые семена. С вершин не доносилось ни звука; ветер прекратился. Только под собой Шенн ощущал легкую вибрацию, когда волны ударялись о подножие скалы.

Торвальд склонился над ним и присел рядом на корточки, его рука настойчиво трясла молодого человека за плечо. Лицо офицера выглядело настолько изможденным, что сквозь загорелую тонкую кожу проглядывал его череп.

— Буря кончилась, — сказал Торвальд.

Когда Шенн садился, он весь трясся от озноба. Он ощупывал грудь, свою промокшую до нитки, рваную форму. Он чувствовал себя так, будто никогда не согреется. Когда он, шатаясь, двинулся к ямке, где раньше горел костер, то понял, что росомахи исчезли.

— Тагги?.. — Его собственный голос показался ему грубым и хриплым, будто соленый воздух повредил ему голосовые связки.

— Они охотятся, — проговорил Торвальд. Он собирал в охапку хворост в их импровизированном убежище, поскольку в том месте, где они лежали, их тела закрывали ветки, оставив их сравнительно сухими. Шенн последовал его примеру и, собрав столько веток, сколько сумел удержать, бросил их в ямку.

Когда им удалось разжечь огонь из того, что они собрали, они сняли одежду, как следует выжали ее и начали обсушивать над огнем по частям. Влажный ветер пронизывал их тела, и они двигались очень быстро, стараясь согреться в работе. Оба знали, что, пока над ними клубится туман, ни один солнечный луч сквозь него не пробьется.

— Тебе что-то снилось? — неожиданно спросил Торвальд.

— Да, — ответил Шенн в тон офицеру. Сон настолько встревожил его, что он чувствовал, что теперь никакой приказ не может быть суровее этого сна. Поэтому он решил не делиться своими впечатлениями с Торвальдом, даже если тот будет настаивать.

Однако все вышло по-другому.

— Я тоже видел сон, — равнодушным голосом промолвил офицер. — А тебе приснилась та гора-череп, не так ли?

— Я как раз взбирался на нее, когда вы меня разбудили, — отозвался Шенн, с явной неохотой поворачиваясь к старшему товарищу.

— А я проходил сквозь мою зеленую завесу-вуаль, когда Тагги задел меня, и я тут же проснулся. Ты уверен, что этот череп существует на самом деле?

— Да.

— Я тоже думаю, что эта пещера с завесой есть где-то на планете. Но почему, черт возьми? — Торвальд резко поднялся, огонь от костра отбрасывал прямые четкие линии на его загорелые руки, обветренное коричневое лицо и горло, на фоне которых его обнаженный торс казался ослепительно-белым. — Почему нам снятся такие странные сны?

Шенн пощупал рубашку, высохла ли она. Ему страшно не хотелось даже попытаться объяснить, почему им снятся эти сны; он был уверен только в одном: что однажды, где-то он найдет этот череп, и тогда-то он уж точно заберется в его носовое отверстие и доберется до самых его глубин, где наверняка гнездятся эти неведомые летающие создания... и не потому, что ему хотелось убедиться, что все это правда, а потому, что он *должен* это сделать.

Он провел руками по ребрам и сразу почувствовал зудящую боль: воспоминание об ударе энерголуча проклятых трогов. Тело Шенна не отличалось силой и красотой, мышцы по-прежнему еле-еле выделялись сквозь кожу, более загорелую и обветренную, чем у Торвальда. Его волосы, за месяц превратившиеся в бесформенный ком, начали завиваться в черные кудряшки. Поскольку Шенн был моложе, слабее и меньше ростом, чем остальные изыскатели, он не отличался большим тщеславием. Он обладал совершенным иным видом гордости, ибо всего, что он добился, ему пришлось добиваться, преодолевая длинную череду препятствий, разочарований и враждебного превосходства остальных.

— Почему нам это снилось? — повторил он вопрос Торвальда. — Не могу ответить, сэр. — На этот раз он ответил, как положено отвечать солдату на вопрос старшего по званию. И к его вящему изумлению, Торвальд от души рассмеялся.

— Откуда ты, Ланти? — спросил он так, точно это и вправду интересовало его.

— С Тира.

— Калдонские рудники, да? — По-видимому, у Торвальда любая планета ассоциировалась только с тем, что на ней производится. — Как же ты попал в Службу?

Шенн натянул на себя рубашку.

— Устроился в качестве временного рабочего, — с некоторым вызовом ответил он. Торвальд попал в Службу разведки еще кадетом, позже вошел в команду изыскателей и наконец получил звание офицера. Он продолжал восхождение по иерархической лестнице, прислушиваясь к каждому «звоночку», чтобы быть готовым подняться еще выше. Откуда же такому человеку, как Торвальд, известно о рабочих трущобах, где жили всякие тупоумные, беглые преступники и прочие подонки общества, и все это тщательно скрывалось самой социальной системой? Чтобы выжить в этих трущобах первые три месяца, Шенну пришлось собрать воедино каждую частичку своей энергии, терпеливости, выносливости... и остаться несломленным. Им руководила единственная страсть: стать изыскателем. В любом качестве. Он по-прежнему удивлялся невероятной возможности, которой он рискнул воспользоваться, когда он случайно узнал, что Тренировочному Центру требуются дополнительные руки, чтобы чистить клетки и кормить экспериментальных животных.

Из Центра его направили в команду, где он быстро осознал, что, когда работаешь в маленькой группе людей, каждое твое действие и отношение к долгу замечается и рано или поздно окупается. На это у Шенна ушло три года, но он все же достиг статуса члена команды. Вряд ли это что-то значило сейчас. Шенн надел сапоги и посмотрел наверх, чтобы увидеть Торвальда, наблюдающего за ним каким-то новым заинтересованным взглядом, которого Шенн совершенно не понимал.

Шенн застегнул молнию на куртке и встал, ощущая небольшой голод, тупой, но настойчивый. В прошлом это чувство преследовало его долгие годы, так что сейчас он едва стал раздумывать о том, что предпринять.

— Как насчет еды? — решительно осведомился он, думая только о настоящем. Какое имеет значение, как и почему Шенн Ланти впервые оказался на Колдуне?

— То, что у нас осталось из концентратов, лучше использовать в самом крайнем случае, — ответил Торвальд, даже не по-

шевелившись, чтобы открыть походный мешок, взятый с корабля-разведчика.

И он пошел по почти обнаженной горной породе, выдергивая по пути пучки желтоватых растений. Это был ни мох, ни грибы, но странные растения имели признаки и того и другого. Шенн без всякого энтузиазма понял, что именно эти разновидности местных продуктов может без опасения переварить человеческий желудок. Растения оказались почти безвкусными и издавали довольно неприятный запах. Однако они временно утолили голод. Шенн надеялся, что вскоре с помощью росомах они смогут нормально поесть.

Но Торвальд не выказывал желания двигаться в глубь континента, где их могли ожидать какие-либо местные «достопримечательности». Он отверг предложение Шенна следовать за Тагги и Тоги, когда вдруг обе росомахи выскочили из буйных зарослей, явно сытые и довольные своей утренней охотой.

Когда Шенн яростно стал возражать, Торвальд с усмешкой произнес:

— Ты что, никогда не слышал о рыбе, Ланти? После такого зверского шторма мы найдем на берегу столько рыбы, сколько душа пожелает.

Но Шенн не сомневался, что Торвальд стремится на берег не только на поиски пищи.

Они снова проползли через узкое отверстие в скале. Песчаный берег, усеянный галькой и валунами, исчез, если не считать узкой полоски земли у самого подножия скалы, где вода сворачивалась в белые кружева, ударяясь в каменную преграду. Небо казалось безжизненным; солнечные лучи не могли пробиться сквозь толстые облака. Зеленоватое море казалось пепельно-серым и словно сливалось с облаками, и, сколько путники ни напрягали взгляд, пытаясь обнаружить горизонт, им так и не удалось найти линию, отделяющую небо от воды.

Утгард напоминал сломанное ожерелье; самые отдаленные островки-бусинки пропали, а тех, что находились между ними, поглотила вода. Шенн испуганно выдохнул воздух.

Вершина ближайшей к ним скалы отделилась и оказалась спиной какой-то сгорбленной твари с плотными пластинчатыми чешуйками и тяжелой головой с широкой челюстью. Ее

огромный раздвоенный хвост бил по воздуху и очень смахивал на гигантские вилы, которые равнялась половине тела чудовища. Эта морская тварь была самым жутким существом, которое Шенн когда-либо видел на Колдуне, и даже отвратительнее ищейки трогов.

С огромной силой вбирая в себя воздух, тварь довольно вяло шлепала хвостом по камням, из чего можно было сделать вывод, что она не желает перенапрягаться, дабы не тратить впустую свои ограниченные силы. Всякий раз, переставляя переднюю лапищу, чудовище вытягивало голову вперед. И тут Шенн заметил жуткую рану у монстра на боку, как раз перед одной из задних лап, которые были значительно длиннее передних. Из рваной дыры на землю выливался пурпурный поток, тотчас же слизываемый волнами.

— Что это? — оцепенев от ужаса, тихо спросил Шенн.

Торвальд отрицательно покачал головой.

— Его нет в наших отчетах, — ответил он рассеянно, изучая умирающее существо с нескрываемым интересом. — Вероятно, его выкинуло из воды во время шторма. Что доказывает, что море изучено нами отнюдь не до конца!

Раздвоенный хвост вновь поднялся и упал; голова тоже поднялась над неуклюжим туловищем, затем чудовище стало то вытягивать, то втягивать шею, и беглецы заметили белесые складки на толстой шее. Потом чудовище подняло голову, и Торвальд с Шенном увидели огромную пасть, обращенную в небо. Челюсти раскрылись, и до людей донесся жалобный свистящий стон, который тотчас же потонул в грохоте волн. Затем, словно из последних сил, перепончатая лапа с огромными когтями ослабила свою хватку на скале, и чешуйчатое тело соскользнуло вбок и спустя несколько секунд исчезло в воде. Мужчины удивленно переглянулись. Чудовища словно не бывало. На воде не осталось никаких следов его падения, даже пены...

Шенн, наблюдающий за морем на тот случай, если рептилия появится снова, вдруг заметил еще один предмет. Круглой формы, он стремительно скользил по волнам, так же легко, как их плот по реке.

— Смотрите! — воскликнул Шенн.

Глаза Торвальда проследили за его указательным пальцем, и, прежде чем Шенн успел возразить, офицер соскочил со скального карниза на широкий камень, лежащий на уровне моря и представляющий превосходное укрытие. Он остановился на камне и стал рассматривать плывущий предмет с пристальнейшим вниманием, когда Шенн, последовав примеру офицера, вывел его из оцепенения. Но спустя несколько мгновений Торвальд вновь уставился на объект своего внимания. Шенн тоже всмотрелся в него.

Плывущий предмет оказался овальным, возможно футов шести в длину и трех — в ширину; когда он свернул от края воды, его средняя часть приподнялась над водой. Пока Шенну удавалось разглядеть, что предмет красно-коричневого цвета и с довольно шершавой поверхностью. И тут он решил, что предмет вполне может оказаться упавшим во время шторма грузом, способным держаться на воде, как поплавок, а двигается он благодаря своей эластичности и упругости. К явному смятению Шенна, его компаньон начал раздеваться.

— Что вы собираетесь делать? — изумился Шенн.

— Плыть к нему.

Шенн внимательно оглядел воду возле скалы. Чудовище с раздвоенным хвостом утонуло именно в этом месте. Неужели Торвальд окончательно спятил, чтобы поплыть без всякой страховки по морю, где водятся такие жуткие существа? Казалось, что да, ибо Торвальд, описав красивую дугу, нырнул в воду. Шенн ожидал на берегу. Он сидел, согнувшись в напряжение, словно готовый атаковать любое существо, которое посмеет напасть на его компаньона.

Наконец загорелая рука офицера показалась на поверхности. Торвальд уверенно плыл в направлении двигающегося по морю предмета. Когда он достиг его, то провел вытянутой рукой по его поверхности. И как только он коснулся его, тот сразу же изменил движение, потому Шенн предположил, что управлять неведомым предметом намного легче и проще, чем это казалось с первого взгляда.

Торвальд плыл назад, толкая объект перед собой. Когда он выбрался на берег и влез на камень, Шенн подтянул поближе его трофей. Они гладили его, постукивали по корпусу, выиски-

вая люк или, на худой конец, какое-нибудь отверстие. В сущности, перед ними находилось готовое изделие, чем-то похожее на каноэ с тупой носовой частью. Но органического происхождения. В этом они не сомневались. Раковина? Шенн задумался, кончиком пальца ощупывая неровную поверхность.

Торвальд оделся.

— Теперь у нас есть лодка, — сказал он. — Теперь до Утгарда...

Использовать такую хрупкую вещь, чтобы рискнуть отправиться в путешествие к островам? Но Шенн снова не протестовал. Если офицер принял решение пуститься в такое плавание, то он пойдет вместе с ним. И еще, молодой человек не сомневался, что он должен сопровождать Торвальда.

Глава 9

В ПОЛНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Высохнув под лучами горячего солнца, берег снова превратился в широкое пространство из песка, валуна и гальки. Солнце жарило нещадно, и Шенн не смог вспомнить ни одного дня на Колдуне, когда бы стояло такое пекло. Лето явно опередило свой срок. Терранцы работали в сравнительно сносной тени, отбрасываемой нависшей над морем скалой, не только чтобы защититься от палящих лучей, но также чтобы их не увидел воздушный патруль трогов.

Под руководством Торвальда своеобразная раковина была вытащена из воды. Если их плавучее средство было раковиной, поскольку ее структура, как и основная форма очень напоминали раковину. Она была оборудована каркасом, таким, как у шлюпки с выносными уключинами. Поэтому эта штука выглядела очень необычно, однако она послушно и легко неслась по волнам.

Когда солнце встало в зените, то они отчетливо увидели очертания островов: красно-серых скал, возвышающихся над аквамариновым морем. Им больше не попадались морские чудовища, и главным доказательством местной жизни на берегу были еще не виданные им клацающие существа, гнездящиеся в скальных пещерах и питающиеся отбросами, которые они

выискивали в песках, а также множество удивительных рыб и небольших созданий, обитающих в ракушках, выброшенных приливом в небольшие озерца. Вся эта живность доставляла огромную радость росомахам, которые до отвала наелись рыбой на берегу, но все равно были готовые исследовать все, что выбросило на сушу яростным штормом.

— Отличная посудина, — заметил Торвальд, делая последнее усилие и заканчивая работу. Затем он выпрямился, прижал кулаки к бедрам и осмотрел их плавучее средство с чувством некоторой гордости.

Шенн не был так доволен, как офицер. Он действовал под стать Торвальду, но старался избегать опрометчивой спешки. Да, судно, если это было судном, готово к плаванию. Теперь они смогут исследовать Утгард, о котором столько говорил Торвальд. Но все равно червь сомнения глодал Шенна, сдерживая его энтузиазм к путешествию. Ему вполне достаточно было увидеть чудовище с раздвоенным хвостом, вылезшее из океана, и Шенну совсем не хотелось встретиться точно с таким же монстром, только на этот раз пребывающим в полном здравии. Если потревожить такого гиганта на его территории...

— К какому острову мы идем? — бодро спросил Шенн, стараясь скрыть свои личные сомнения насчет успеха их предприятия. Наиболее удаленная земля из цепи островов казалась ему еле заметным расплывчатым пятнышком.

— К самому большому... тому, на котором деревья.

Шенн свистнул. С ночи шторма росомахи снова вели себя послушно, и он старался, чтобы они и впредь также легко соблюдали дисциплину. Вероятно, ярость, проявленная стихией, натянула невидимую нить между животными и людьми и сблизила их, ибо и те и другие понимали, что они чужаки в этом загадочном, неизведанном мире. Теперь Тагги с подругой часто терлись о бока людей и вопрошающе смотрели на них. Но смогут ли росомахи довериться их суденышку? Шенн не рискнул отправить их к острову вплавь и ни за что не согласился бы оставить на берегу.

Торвальд уже сложил их скудный провиант на борт суденышка. А теперь Шенн удерживал судно у скалы, служащей им своего рода гаванью. Он поманил к себе Тагги. Хотя Тагги ти-

хо запротестовал, в конце концов он взобрался на борт, затем свернулся на днище раковины, этакое воплощение понимания. Тоги понадобилось больше времени на принятие решения. Тогда Шенн сам, сперва погладив ее и сказав ласковые слова, взял Тоги на руки и отнес к ее товарищу.

Раковина немного осела под их весом, но Торвальд предусмотрительно повернул уключину вправо, чтобы судно стало пригодным к плаванью. Весла погрузились в воду, и они сделали довольно крутой поворот, поначалу держа курс на группу островов, расположенных между ними и открытым морем, служа своего рода волноломом.

Из-за довольно сильного ветра Торвальду то и дело приходилось менять курс, поскольку их мотало взад-вперед между разбросанными островками. Офицер использовал их как защиту для их каноэ от ветра, когда они оказывались с безветренной стороны, где море было спокойно. Шенн заметил, что примерно треть этих островков являют собой голые скалы, на которых гнездились только клацающие птицы и еще какие-то существа, очень похожие на терранских птиц. Они могли похвалиться своими пышными многоцветными перьями, хотя головки этих птичек были совершенно лысые. Еще Шенн отметил, что клацающие и «терранские» птицы не гнездятся на одном и том же острове; у каждых имелось свое собственное жилье, а их соседи никогда не залетали на чужую территорию.

Первый крупный остров, до которого они наконец добрались, был увенчан деревьями, но не имел ни пляжа, ни даже тонюсенькой полоски песка на уровне воды. Вероятно, можно было попасть на него, взобравшись по скалам берега, но Торвальд решил этого не делать и направил суденышко к следующему крупному острову.

Взору Шенна предстало кольцо рифов, напоминающих белые кружева. Они осторожно проплыли вокруг этой окружности, несмотря на свою безобидную красоту, на самом деле представляющую собой весьма опасную преграду. Наконец суденышко достигло входа в атолл. Внутри находились две клинообразные полоски земли, отлого поднимающиеся к самым высоким местам атолла. Шенн почти не заметил там растительности, если не считать нескольких деревьев, с расстояния казавшихся мер-

твенно-бледными, даже намного бледнее растущих на краю пустыни. Птицы с кожаными крыльями кружились над их каноэ, с вежливым любопытством разглядывая незваных гостей.

Пока они продолжали огибать атолл, за ними следовал целый косяк этих птиц. Торвальд все быстрее опускал свое весло в воду. Исследовав больше половины атолла с внешней стороны, им так и не удалось отыскать прохода внутрь этого затейливого кольца.

— Замкнутая ограда, — заметил Шенн. Ему начинало казаться, что эту преграду намеренно возвели от непрошеных посетителей. Палящие солнечные лучи, отражающиеся от поверхности воды, жарили их лица и запястья, поэтому они не рискнули снять одежду. Росомахи беспокойно поскуливали. Шенн не знал, сколько еще времени животные будут довольствоваться своим положением. Ведь косматые пассажиры вполне могли запротестовать против такой неудобной поездки.

— Когда же мы пойдем к следующему острову? — спросил Шенн, по недовольному выражению лица офицера прекрасно понимая, что Торвальд не в настроении вообще говорить, не то что отвечать на вопросы.

Тот молча орудовал веслом, которое использовал как руль, с тупой настойчивостью продолжая выискивать проход внутрь атолла. Шенн чувствовал, что теперь это стало личным делом между офицером Службы изысканий Рагнаром Торвальдом и стеной из рифов и что воля человека здесь столь же крепка, как и эти омываемые морем камни.

Наконец на самом краю юго-западного рифа они обнаружили возможный проход. Шенн с сомнением разглядывал узкую щель между двумя скалами, похожими на клыки. Ему казалось, что преодолеть эту щель совершенно невозможно и к тому же очень опасно, ибо внезапным ударом волны их просто разобьет об один из этих столбов, и тогда о том, чтобы спастись, не могло быть и речи. Но Торвальд уверенно повел их утлое суденышко прямо к щели, и тут Шенн осознал, что это действительно есть вход в атолл.

Торвальд мог быть упрямцем, но не дураком. И его маневр доказал его умение и опыт в подобных делах, когда каноэ за ка-

кие-то секунды очутилось внутри атолла. Шенн вздохнул с облегчением, но не проронил ни слова.

Теперь им пришлось медленно пробираться вдоль внутренней стороны атолла, чтобы достичь более или менее ровного берега, поскольку напротив них с этой стороны остров был отлично защищен грозными скалами, напоминающими те, что заслоняли цепочку островов, к которым они так стремились.

Шенн осмотрелся по сторонам, надеясь отыскать на этом мелководье морское дно или кого-нибудь из обитателей этих вод. Но его взгляд никак не мог проникнуть сквозь зеленоватую тьму воды.

Тут и там на несколько футов из воды торчали вершины крупных валунов или конкреций, которые приходилось огибать. Плечи Шенна горели от палящих лучей солнца, причиняя жгучую боль, поскольку его мышцы не привыкли к столь длительной работе веслами. Местами на его коже вздулись волдыри. Он облизал пересохшие губы и пристально вглядывался вперед в поисках хоть какого-нибудь берега.

Что же такое важное заставило Торвальда причалить к этому острову? Рассказы офицера о местной расе, которую он намеревался обратить против трогов, казались весьма неубедительными. Особенно сейчас, когда ничем не подтвержденная теория офицера тяжестью ложилась на горящие от нестерпимой боли плечи молодого человека, шанс добраться до негостеприимного берега, маячившего впереди, был примерно один к пятидесяти. А вот попасть в беду им ничего не стоило. И червь сомнения по поводу навязчивой идеи Торвальда с еще большей силой стал точить разум Шенна. Как он мог вообще довериться какому-то неведомому медальону и всяким фокусами Торвальда, которые он показывал на берегу? С другой стороны, что побудило офицера на подобные поступки? Не хотел же он произвести впечатление на Шенна?

Наконец-то берег! Когда они направили каноэ к нему, росомахи чуть не устроили кораблекрушение. Увидев и учуяв берег, животные беспокойно задвигались, навострили уши, понимая, что берег совсем близок. Тагги поднялся на задние лапы и прыгнул на самый край судна, и Шенн едва успел перенести свой вес в противоположном направлении, чтобы сбалансировать ка-

ноэ, когда Тоги ринулась за своим другом. Потом они прыгнули в воду и стремительно поплыли в сторону берега, в то время как Торвальд вел каноэ плавно и размеренно. Шенн схватил драгоценную сумку с провиантом, чтобы она не утонула. Покрытые песком и гравием росомахи выбрались на берег и весело запрыгали по земле, после чего остановились и стали отряхиваться.

Возле самого берега суденышко плыло медленно и неуклюже, и, хотя оно было легким, обоим мужчинам пришлось изрядно попотеть, чтобы тащить его по земле между камнями и кустарником без помощи весла-руля. Ни на секунду не забывая о трогах, им хотелось поскорее отыскать убежище, чтобы спрятать свое судно.

Тагги выкопал из углубления в земле яйцо и вылизал его зеленоватое содержимое, испачкав им шерсть. Росомахи не тратили зря времени на поиски даров природы и стали быстро разорять многочисленные гнезда. В каждом из углублений они отыскали по три-четыре яйца с довольно плотной скорлупой. Проходя по тропинке, отмеченной следами их когтей, терранцы взобрались на пологий холм из красноватой земли, уходящий в глубь острова.

Они обнаружили воду, но не кристально чистый горный ручей, а застоявшееся озерцо с затхлой водой, образовавшееся между скальными породами из-за частых дождей. Жидкость оказалась теплой, противной и солоноватой на вкус, и они, не обращая на все это внимания, алчно утолили жажду.

Вскоре они дошли до скалы, возвышающейся у края острова, от которой внутрь острова шел пологий спуск, точно такой же высоты, как и спуск к воде. По своей форме скала являла собой почти идеальный треугольник. Земля заросла густой травой пурпурно-зеленого цвета, среди которой виднелись какие-то растения и деревья. Место выглядело вполне приемлемым для жилья, но здесь не было больше ничего, хотя они тщательно изучили это место, стараясь обнаружить в нем вражеский аванпост.

На ночь они разбили лагерь в довольно глубокой впадине, образовавшейся в земле явно с незапамятных времен. Они жарили яйца и ели их содержимое, сильно отдающее запахом рыбы, не потому, что испытывали удовольствие от подобной пи-

щи, а только потому, что это была какая-никая, но еда. Ночью на небе не появилось ни облачка. Поэтому, стоило кому-нибудь из них задрать голову, перед ним открывалось бесконечное небо, усыпанное сверкающими звездами. Вглядываясь в звезды, они обращали внимание на каждый посторонний огонек или искорку, вспыхивающую в небе, потому что ими вполне могли оказаться разведывательные корабли трогов.

— Они не оставят нас в покое, — решительно заявил Шенн о том, что было очевидно для них обоих.

— Не забывай о кораблях колонистов, — напомнил ему Торвальд. — Если они не сумеют захватить пленника, чтобы связаться с ними, и ослабят свою бдительность, тогда... — он громко щелкнул пальцами, — то Патруль выйдет на охоту, причем очень быстро! И им придется несладко!

Таким образом даже вдали от трогов они, в некотором роде, продолжали борьбу. Шенн откинулся назад и прислонился к дереву, и его тщедушные плечи отдыхали. Он пытался подсчитать, сколько дней и ночей пролетело до того момента, когда проклятые троги уничтожили их лагерь при помощи своего смертоносного оружия. Но один день сливался с другим, поэтому ему удавалось отчетливо вспомнить только ночь разгрома, затем их отчаянную вылазку, страшный шторм на море, бегство от корабля трогов в пещеру и их встречу с ищейкой. Затем он вспомнил их с Торвальдом странные эксперименты с медальоном. И сегодняшний день, когда они целые и невредимые, наконец добрались до острова.

— А почему вы выбрали именно этот остров? — внезапно спросил он офицера.

— Потому что я нашел медальон именно здесь, на краю той лощины, — сухо ответил Торвальд.

— Но сегодня мы совсем ничего здесь не обнаружили...

— Пока этот остров будет для нас точкой отсчета. Можно сказать, началом.

Началом чего? Тщательного исследования всех этих островов, и больших и маленьких, то есть всех островов, составляющих эту бесконечную цепочку? И как они открыто попадут на следующий остров, если в любую секунду в небе может показаться тарелка трогов? Сегодня они и так примерно час бы-

ли превосходной мишенью, пока их не скрыл атолл. Усталый до изнеможения, Шенн протянул руки к огню слабого костра, ощущая кончиками пальцев его тепло. Еще ни разу прежде он так не выматывался. А что будет завтра? Снова они будут грести до потери памяти? Но это будет только завтра, а сейчас по крайней мере им не надо волноваться о том, что на них нападут троги. Стоит им только потушить костер, и их никто не заметит. Кстати, Торвальд постоянно уменьшал силу огня. Шенн улегся на постели из листьев и свернулся в клубок, как росомаха. Ночь выдалась спокойной и тихой. До него доносилось лишь убаюкивающее бормотание моря, и вскоре он погрузился в глубокий сон.

Неожиданно выкатившееся солнце ослепило Шенна. Он сонно повернул лицо к приятному теплу, затем открыл глаза и потянулся, как кот. Когда он окончательно проснулся, им вновь овладели воспоминания. Снова надо быть начеку. Рядом с собой он увидел примятую траву и сгоревшие угольки ночного костра. Однако нигде не заметил ни Торвальда, ни росомах.

Шенн не только остался один, но внезапно им овладело жуткое чувство, что его покинули все на свете; что Тагги, Тоги и офицер на самом деле взяли да исчезли. Шенн присел, а затем поднялся, порывисто дыша от страха. Тревога пронизывала все его естество, и он машинально дошел до внутреннего склона скалы и поднялся на каменную крестовидную площадку, откуда мог видеть берег, где они спрятали свое каноэ.

Длинные ветки и густая трава, которой они прикрыли суденышко от чужого взора, беспорядочно валялись вокруг, точно кто-то в спешке раскидал их. И не слишком давно...

Он увидел каноэ довольно далеко в зеркально спокойном море в пределах атолла, лопасти весла то вздымались, то опускались от умелых движений того, кто находился в каноэ. Встревоженная вода вокруг суденышка ярко сверкала на солнце. По блестящим валунам внизу бегали росомахи и громко, тревожно кричали.

— Торвальд!..

Шенн набрал полные легкие воздуха и крикнул еще раз, на этот раз во весь голос, так чтобы сидящий за веслами человек

смог услышать его даже из-за скалы за его спиной. Но человек в лодке даже не оглянулся.

Шенн побежал вниз по склону к берегу; последние несколько футов он уже не бежал, а скользил вниз и с трудом сумел затормозить пятками, чтобы не свалиться головой вперед в воду. От этих «упражнений» его тело мучительно заныло от боли.

— Торвальд! — снова крикнул он. Но голова с блестящими на солнце волосами не повернулась, не говоря уже о каком-либо ответе. Шенн сорвал с себя одежду и сбросил сапоги.

Когда он прыгал в воду, он уже не думал о морских чудовищах; он плыл и плыл вперед, чтобы догнать каноэ, скользящее вдоль рифов, медленно подплывая к морским воротам, ведущим на юго-запад. Шенн был плохим пловцом. Сперва, возбужденный от неожиданности, он плыл довольно быстро, но потом ему пришлось бороться за каждый преодолеваемый им фут соленой воды. Страх еще сильнее овладел им, когда сидящий в каноэ человек добрался до прохода в атолле. Когда он звал Торвальда, он потратил времени и силы легких не больше, чем в своих тщетных усилиях догнать суденышко.

И он почти догнал его, его рука даже коснулась весла. Когда его пальцы сомкнулись на скользком от воды дереве, он взглянул вверх и тотчас же отдернул руку. Теперь единственной его мыслью было спасать свою жизнь.

Ибо, когда он нырнул с головой в воду, то перед ним до сих пор стояла отчетливая картина того, что он увидел: и картина настолько поразительная, что Шенн был потрясен до глубины души.

Наконец Торвальд перестал грести, поскольку весло понадобилось ему для другой цели. Если бы Шенн вовремя не отпустил его, то эта грубо вытесанная деревяшка проломила бы ему череп. Единственное, что он видел, — это две руки с веслом, поднятым как грозное оружие, и искаженное от гнева лицо Торвальда, от чего оно казалось нечеловеческим, как у трогов.

Наглотавшись воды, потрясенный Шенн выплевывал ее, стараясь вдохнуть как можно больше воздуха. Весло снова было использовано по своему прямому назначению, и каноэ поплыло вперед; гребец же не обращал никакого внимания, на то, что

творилось у него за спиной, хотя он только что едва не убил и не утопил человека. Шенн в свою очередь решил не предпринимать еще одну попытку догнать офицера, ибо она могла закончиться для него не так удачно. К тому же он был слишком плохим пловцом, чтобы продолжать догонять каноэ и уворачиваться от ударов веслом, когда Торвальд, напротив, был специалистом в своем деле и мог запросто покончить с назойливым противником.

Шенн медленно доплыл до берега, где его дожидались росомахи, пока еще неспособные осознать произошедшее в атолле. Что случилось с Торвальдом? Что побудило его бросить Шенна и животных на острове, на том самом острове, который он назвал отправной точкой для обнаружения на Колдуне аборигенов? Или все россказни Торвальд сочинил для того, чтобы скрыть свои, безусловно, безумные намерения, о которых знал только он один? Но у Шенна не имелось никаких доказательств того, что Торвальд не в своем уме. Разве что медальон да утверждение самого Торвальда о том, что эту резную штуковину он обнаружил именно здесь.

Шенн выбрался из воды на четвереньках и лег на прогретый песок, чтобы отдышаться. Прохладный ветерок носился над его измученным телом. Над ним склонился Тагги и облизал ему лицо, затем, тихо поскуливая, уютно устроился рядом. Над ними с пронзительными яростными криками носились птицы с кожаными крыльями, недовольные тем, что незваные гости потревожили их гнездовье. Шенна обильно вытошнило водой, затем он долго откашливался, потом сел и осмотрелся вокруг.

Море за атоллом было совершенно пусто. По-видимому, Торвальд обогнул южную точку этой земли и подошел к проходу между рифами; возможно, теперь он уже прошел через него. Даже не одевшись, Шенн взобрался на склон, часть которого он преодолел ползком и на четвереньках.

Он снова достиг крестовидной площадки и поднялся во весь рост. Солнечные лучи отражались в воде, заставляя его зажмуриться, так сильно сверкали волны. Но, подняв ладонь козырьком к глазам, Шенн снова увидел каноэ, уже за пределами рифа; оно двигалось прочь вдоль цепочки островов, а не обратно к берегу, как он ожидал. Торвальд продолжал свои поиски. Но

чего? Существующей реальности или мечты, возникшей в его повредившихся мозгах?

Шенн сел. Он страдал от голода, ибо приключение в атолле высосало из него все соки. И теперь он был пленником. И он и росомахи стали пленниками острова размером вполдлины разведлагеря, разрушенного трогами. Насколько он понимал, из питья у них оставалась затхлая солоноватая вода, скопившаяся после дождя в выбоине в скале, которая может очень скоро испариться от жаркого солнца, светившего теперь ему прямо в макушку. А между ним и берегом раскинулось море, в котором водятся жуткие чудовища с раздвоенными хвостами. Шенн с ужасом вспомнил умирающего монстра и поежился от страха.

Торвальд же сейчас в пути, но не к следующему острову в цепочке других, кажущемуся небольшой забавной шишечкой, торчащей из воды, а к тому, что находится далеко за ней. И он спешит, как спешат на какую-то встречу. Где и с кем?

Шенн поднялся и еще раз посмотрел вниз на берег, чтобы окончательно удостовериться в том, что офицер не намеревается возвращаться. Ясно то, что Торвальд действует по своему усмотрению, а с его опытом и физической силой он выживет. И он оставил Шенна живым и отчасти свободным в этой омываемой со всех сторон водой тюрьме.

Глава 10

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛОВЦА

Шенн взял мягкий, похожий на мел камень и провел очередную белую линию на ржаво-красной глыбе, высоко торчащей из воды. Таким образом, на глыбе стало три таких отметки, означающих три дня с тех пор, как Торвальд бросил его одного. И сейчас он находился не ближе к берегу, чем в то, первое утро! Он сидел рядом с глыбой, понимая, что должен встать и попытаться добраться к совершенно недоступным птичьим гнездам, чтобы раздобыть еды. Пленники островка, человек и росомахи, уже разорили дочиста все гнезда, обнаруженные ими на пляже и скалах. Но только от одной мысли снова есть яйца желудок Шенна болезненно сводило, и он чувствовал позывы к рвоте.

Торвальда он не видел с тех пор, как тот скрылся между двумя островами, расположенными на западе. И слабая надежда Шенна, что офицер вернется, умерла вместе с его исчезновением. И вот он сидел внизу, пытаясь разрешить невозможную задачу: как ему самому сбежать с проклятого острова.

Вместе с исчезновением Торвальда пропали и топор, и вся скудная экипировка, поэтому для того, чтобы сделать из кустов и небольших деревцев некое подобие плота, Шенну приходилось пользоваться своим ножом. Однако ему не удалось отыскать виноградных лоз, чтобы как следует скрепить части своего «судна», поэтому, когда он попытался выйти на нем из атолла, все обернулось жестоким разочарованием. Пока ему не удалось изготовить плот, способный продержаться на воде более пяти минут с одним Шенном на борту; а ведь ему было нужно добраться до ближайшего острова втроем, вместе с животными.

Впав в полную апатию, Шенн совершил последнюю попытку спустить плот на воду, но все оказалось тщетно. Его не покидала мысль о том, что дождевой воды, скопившейся в углублении в скале, осталось немногим более дюйма, да и вряд ли эту грязную затхлую жижу можно было назвать водой. За день до этого он исследовал самую чащу внутренней лощины, где при виде обильной растительности он надеялся найти воду, но не обнаружил ничего, кроме влажной глины и болотца с солоноватой илистой водой. Ею удалось хоть немного утолить жажду и ему и росомахам.

Безусловно, в атолле водилась рыба. Шенн задумался о том, что если где-то на острове скрываются какие-то водяные твари, то они нуждаются в пресной воде. Но у него не было ни сети, ни крючьев, так какая речь могла идти о рыбалке или охоте на водяных животных? Вчера, при помощи шокера, он подбил какую-то птицу, но с таким жестким скелетом и огромным количеством костей, что даже росомахи, способные сожрать любую падаль, отказались грызть ее.

Животные рыскали по обеим клинообразным полоскам земли, и Шенн решил, что они выискивают съедобное содержимое каких-то раковин, поскольку время от времени росомахи с усиленной энергией принимались разрывать землю, разбрасывая во все стороны гравий. Сейчас этим занималась Тоги, песок и

галька летели вверх из-под ее коротких лапок; ее когти яростно разрывали землю; Тоги работала, как экскаватор.

И наконец результат ее раскопок принес Шенну первый лучик надежды. Она рыла землю с таким неистовством, что Шенну показалось, что росомаха отыскала нечто ценное. Возбуждение Тоги настолько передалось Шенну, что он быстро подошел к вырытой ею яме. При виде того, как Тоги своими когтистыми лапами превратила коричневую поляну в белое пятно, Шенн громко воскликнул от изумления.

Тагги, переваливаясь, спускался по склону на помощь своей подруге, и в его глазах светилось возбуждение не меньше, чем у нее. Шенн склонился над краем ямы, которую росомахи удлиняли с каждым взмахом лап. Коричневая полянка становилась все больше и больше; рядом с ямой выросла уже довольно высокая горка из гравия, песка и земли. Шенну даже не пришлось касаться руками шероховатой поверхности того, на что наконец наткнулись росомахи. Этим предметом оказалась огромная раковина, очень похожая на их каноэ, выброшенное штормом на берег.

Тем не менее, пока росомахи рыли яму, казалось, что конца этой раковине не видно, как ожидал Шенн. Действительно, сторонний наблюдатель подумал бы, что раковина зарыта в землю настолько глубоко, что выкопать ее просто невозможно. Заинтригованный, Шенн возвратился к кромке воды, срезал длинную палку и стал проверять глубину воды в этом месте. Наконец со своим самодельным лотом он вернулся к росомахам.

На этот раз они копали втроем, и в конце концов перед Шенном образовалась большая яма, куда он с любопытством заглянул. Он ощупывал края раковины, выискивая место, за которое можно взяться, чтобы вытащить ее наружу. К его удивлению, «судно» настолько крепко сидело в земле, что руки постоянно соскальзывали с него. Но Шенн решил справиться с любым препятствием, вставшим ему на пути. Он отполз немного назад и тут увидел очищенный кусок дерева, конец которого был раздроблен и расплющен, словно угодил под механический молот.

Впервые за все время он осознал, что они наткнулись не на пустую раковину, зарытую в землю мощным приливом, а на раковину, в которой обитало какое-то существо с Колдуна, и

эта раковина служила ему естественным укрытием. Еще Шенн догадался, что обитатель раковины, похоже, будет бороться за владение этой раковиной. Стоило Шенну еще раз изучить искореженный кусок дерева, он понял, что предыдущий владелец раковины был способен постоять за себя.

Шенн окликнул росомах, но те носились где-то поодаль, по-видимому, выискивая другую добычу. Шенн прекрасно понимал, что если он попытается силой привести их обратно, то они могут обратить свои острые когти и зубы против него.

И он снова принялся отрывать раковину, хотя больше не пытался поднять ее наверх. Но тут к нему подскочил Тагги, и начал когтями очищать поверхность раковины, в то время как Тоги беспокойно топталась рядом с ним. Она то и дело останавливалась, выбрасывая наверх грязь и песок, однако делала это очень осторожно, как существо, в любой момент ожидающее нападения.

Теперь они почти очистили раковину, хотя она по-прежнему крепко сидела в земле и никто — ни Шенн, ни животные — не замечал никакого протеста или движения с ее стороны. Она была меньше примерно на две трети той, что отыскал и впоследствии превратил в средство передвижения по морю Торвальд. Но и эта могла бы доставить их на материк, если бы Шенн сумел превратить ее в каноэ с веслами.

Обе росомахи беспокойно ходили по земле, явно чем-то озадаченные. Время от времени они набрасывались на раковину, ударяя ее лапами, словно проверяя на что-то. Когти не оставляли на ней никаких следов, кроме неглубоких царапин. Они бы продолжали заниматься этим вечно, пока Шенн, наконец, не решил справиться с этой проблемой.

Он присел на пятки и тщательно изучил все, что находилось рядом с ним. Яма, вырытая вокруг спрятавшегося в раковине существа, находилась примерно в трех ярдах над уровнем моря и в нескольких футах от песчаной полоски, которую лениво облизывали волны. Шенн с возрастающим интересом внимательно наблюдал, как волны медленно набегают на берег. И тут его осенило, что если их совместные усилия потерпят крах в борьбе с обитателем раковины, то теперь можно будет приспособить для этого море.

И Шенн снова принялся выкапывать желоб, ведущий от линии воды до ямы, занятой упрямой раковиной. Он не сомневался, что существо, живущее в раковине или скрывающееся под ней, хорошо знакомо с соленой водой. Однако оно расположило свою нору или убежище вне досягаемости моря, и поэтому будет весьма недовольно внезапным появлением воды в своем лежбище. Но Шенн понимал, что его план стоит того, чтобы им воспользоваться, поэтому он изо всех сил продолжал работу, в душе очень желая, чтобы росомахи догадались ему помочь.

Но они по-прежнему бродили рядом с добычей, разбрасывая лапами песок возле раковины. Шенн подумал, что в конце концов их действия вынудят обитателя раковины приготовиться к побегу. Шенн отделил от своего плота удобную палку, которой воспользовался как лопатой, отчаянно выбрасывая из ямы песок и гравий. Его рваная рубашка пропиталась потом, а соленый песок прилипал к рукам и лицу.

Он покончил с рытьем своего «окопа» и теперь надеялся, что под таким углом вода быстро наполнит яму, тем самым сломив последнюю преграду от волн. И оказался совершенно прав.

Вода быстрым широким потоком устремилась к раковине; росомахи отскочили назад с недовольным рычанием. Шенн ножом заточил длинную ветку, обзаведясь таким образом неплохим копьем. Он стоял, сжимая его в руке, приготовившись к чему угодно, ибо он не знал, чего ему ожидать. И когда вода хлынула в яму, ее движение было настолько внезапным, что, несмотря на все приготовления, его захватило потоком и бросило, как ему показалось, в пучину.

Ибо мощным потоком грязи, песка и воды раковину со всей силы выбросило из ямы. Спустя некоторое время он увидел перед собой подхваченное водой существо, состоящее из коричневых когтистых членов. Его стремительно носило то взад, то вперед. Под разрушающим воздействием воды, одна из стен ямы обрушилась, а непонятное существо, пытающееся удержаться на ней, неистово махало когтистыми лапами в воздухе.

Шенн метнул свое копье и одновременно выставил вперед руку с ножом, чувствуя, как его острие вонзилось куда-то настолько глубоко, что он не сможет его вытащить оттуда. Буквально в нескольких футах от его ноги взметнулась членистая

когтистая лапа, и он едва успел отдернуть ее. Это внезапное нападение на неведомое существо, потерявшее равновесие, сработало, причем неплохо. Края раковины немного сдвинулись; теперь ее округлый бок зажало мокрым песком, а тщетные усилия существа выбраться из ловушки потерпели фиаско. Вышло так, что оно само похоронило себя в яме.

Терранец с интересом разглядывал разделенное на сегменты брюхо существа, на его парные лапы, растущие, как ему показалось, прямо из ребер. Шенн не мог определить, где находится самая удобная мишень — голова существа. Однако он достал шокер и выстрелил в окончание живого овала, затем выстрелил еще раз — в самую его середину, надеясь поразить центральную нервную систему этой твари. Он не знал, который из его выстрелов достиг своей цели, но противник безумно замахал лапами, после чего их взмахи стали замедляться, пока, наконец, не прекратились. Все выглядело так, словно кончился завод у игрушки. Впрочем, Шенн понимал, что существо могло не умереть, а только лишилось сознания.

Тагги только и ждал подходящей возможности для нападения. Он схватил одну из лап, с силой потряс ее, а затем подскочил к лежащей твари, чтобы разодрать ей брюхо. В отличие от раковины эта часть тела существа не была защищена панцирем, поэтому росомаха бодро приступила к убийству, а его подруга радостно присоединилась к нему.

Началась кровавая бойня, и Шенн с отвращением отошел, пока она не кончилась. Ему надо было заняться раковиной, ибо она могла представить ему единственный шанс для бегства с острова. Росомахи рвали на куски светло-зеленую плоть, но Шенн не мог присоединиться к ним. Он взобрался наверх, чтобы поискать себе яиц, но вместо них обнаружил весьма приятную еду в виде очень вкусных грибов, произрастающих во мхе.

Ближе к вечеру он вернулся к совершенно пустой раковине. Росомахи убежали, чтобы закопать часть добычи, как они всегда делали после нападения на какую-либо жертву. Тем временем птицы с кожаными крыльями выхватывали крошечные кусочки оставшейся плоти и вместе с ней поднимались к своим гнездам, находящимся в самой глубине атолла.

С наступлением темноты Шенн оттащил окровавленную раковину от берега и поднял ее на гору, хорошенько запомнив место, где ее оставил. Меньше всего ему хотелось лишиться такого сокровища. Затем он стряхнул с одежды землю, грязь и песок и вымыл ее, после чего как следует умылся сам, песком отскребая грязь с рук и тела. Он все еще не мог поверить в свою удачу. Он был уверен, что прибой принесет ему материалы для уключины и весел. Еще денек или два, и он сможет уплыть отсюда. Выжимая рубашку, он пристально вглядывался в далекую линию горизонта. Как только новое каноэ будет готово, то ранним утром, когда туман еще будет над морем, он попытается вернуться. К тому же раковина послужит ему прекрасным укрытием от кораблей-разведчиков трогов.

Днем он настолько устал, что ночью спал как убитый. Шенн не видел снов, точнее, то, что он видел, не было сном; это было нечто подсознательное, и ничего подобного он не видел даже после налета трогов на лагерь. Утром он проснулся с непонятным чувством вины. Он сумел немного напиться водой, скопившейся в ямке, вырытой им в лощине. Он почти забыл о вкусе чистой пресной воды. Затем, хлюпая по грязи, устремился к берегу и взбежал на гору, боясь, что раковина пропала. Последняя удача, выпавшая ему на долю...

Однако раковина оставалась на том месте, где он ее спрятал ночью. Шенн даже ощутил внутренний подъем от радости. Какие-то мелкие твари разбежались по своим укрытиям, как только завидели его, а в небо взметнулось несколько птичек, питающихся падалью. Они до конца очистили раковину от останков ее прежнего обитателя. При виде этой чистоты и блеска Шенном во второй раз овладело вдохновенное чувство, что все складывается как нельзя лучше.

Он вновь притащил раковину на берег и утопил ее в воде, набросав в нее камней, чтобы ее не унесло. За какие-то мгновения раковина наполнилась маленькими изящными рыбками с колючими хвостами. Удостоверившись, что раковина плотно утвердилась на дне, Шенн возвратился, чтобы поискать древесины, оставшейся от его неудавшегося плота, чтобы подобрать подходящую доску для весла. Единственной помехой было полное отсутствие виноградных лоз для сооружения «машинного

отделения» раковины. И когда Шенн решил пожертвовать тем, что осталось от его одежды, он увидел Тагги, волочащего за собой членистые ножки обитателя раковины, которые росомахи оставили на хранение после расправы над жертвой.

И вновь Тагги положил на гальку свой трофей, держа наготове когтистые лапы, словно опасаясь, что кто-то утащит его законную добычу. Но Шенн догадался, в чем дело. По-видимому, эта часть добычи была неприступна даже для знаменитых зубов Тагги, поэтому спустя некоторое время он с отвращением оставил ее валяться на гальке, а сам повернулся и направился к запасу более приемлемой пищи. Шенн стал изучать членистый орган убитой росомахами твари.

Его оболочка была не такая твердая, как у рога или раковины, определил Шенн после пристального изучения лежащего перед ним предмета; скорее это походило просто на толстую кожу. Он попытался счистить ее ножом и вскоре понял, что ему предстоит утомительная работа, требующая огромного терпения; что даже если трудиться очень быстро, то он не скоро доберется до поврежденной ткани. Однако если работать очень аккуратно, то он сможет нарезать из нее несколько ремней примерно в фут длиной. А связав их вдвое или втрое, их можно использовать для изготовления нужной конструкции, которая прекрасно выдержит как морские волны, так и палящие лучи солнца.

Когда через час он рассматривал свою пробную модель, то увидел, что кожаные ремни отлично ложились каждый на свое, словно предназначенное для него место. С таким же успехом один кусок дерева можно склеить с другим. Шенн вскочил и от радости сплясал победный танец, потом проверил под водой раковину. Птички-чистильщики здорово справились со своей работой. Еще несколько усилий, и его судно будет окончательно готово к путешествию.

Но этой ночью Шенну снились сны. На этот раз он не взбирался на гору-череп. Напротив, он снова видел себя на берегу, до полного изнеможения работая над каким-то чужеродным предметом, назначение которого он совершенно не понимал. Причем трудился он безнадежно, точно раб, зная о том, что плоды его непосильного труда предназначены для кого-то другого. И еще он не мог остановиться, потому что где-то за пре-

делами его разума находилась чья-то господствующая и непреодолимая воля, удерживающая его в этой рабской зависимости.

Он проснулся на берегу очень рано, на самом рассвете, не зная, как он здесь очутился. Горячий пот покрывал его тело, словно он целый день проработал под палящими лучами солнца, а все его мышцы болели от страшной усталости.

Но когда он увидел то, что лежало в его ногах, он съежился от ужаса. Его сооружение из ремней для управления каноэ, которое он почти закончил перед сном, было сперва разобрано, а потом разбито на куски. Все ремни, которые он с такой тщательностью изготовил, были разорваны на крохотные кусочки длиной не больше дюйма и, естественно, уже не могли для чего-либо пригодиться.

Шенн завертелся на месте, затем устремился к раковине, которую ночью вытащил из воды и оставил в безопасном месте. Ее поверхность, похоже, не пострадала. Изнывая от волнения, он ощупал каждый дюйм ее округлости. Потом очень медленно возвратился к бесполезной груде сломанного дерева и обрезков ремней. Он был уверен, даже слишком уверен в одном. В том, что он *сам* совершил эти разрушения. Во сне его настроили удовлетворить желания врага; в реальности он разрушил все, что сделал. Шенн не сомневался, что это весьма обрадовало его противника.

Сон просто являлся частью этого. Но кто или что может заставить человека сперва погрузиться в сон, затем так воздействовать на его тело, что этот человек предаст самого себя? С другой стороны, что заставило Торвальда бросить его здесь? Теперь в первый раз Шенн нашел новое, совершенно безумное объяснение дезертирства офицера. Видения — и круглый диск, так странно подействовавший на Торвальда. Предположим, что Торвальд сказал правду. Что медальон действительно был найден на этом острове и именно где-то здесь находится ключ к этой загадке.

Шенн облизал пересохшие губы. Что-то послало Торвальда в далекий путь, и это что-то руководило Шенном ночью. Неужели это так? Почему Шенн оставлен здесь, когда Торвальда отправили прочь, чтобы он сохранил эту тайну? А вдруг Шенн сам захотел остаться, причем это желание настолько сильно овладе-

ло им, что он собственноручно уничтожил средство для побега? Что-то могло заставить его совершить такое по двум причинам: чтобы оставить его здесь и чтобы внушить ему, насколько он бессилен перед своим неведомым противником.

Бессилие! В эти мгновения Шенна охватило тупое упрямство. Он принимает этот вызов! Отлично, эти таинственные *они* сотворили над ним такое. Однако они недооценили одного: что своими тайными действиями они дали ему знать о своем присутствии! А предупрежден, — значит вооружен, как гласит пословица. И Шенн снова приготовился к сражению.

Присев на корточки рядом с обломками, он начал собирать сломанные куски дерева. Шенн прекрасно понимал, что в этот момент он наверняка выглядит жалким и несчастным для любого шпиона. Шпион, вот кто это был! Кто-то или что-то, должно быть, целый день наблюдало и следило за ним и за его действиями, и так будет продолжаться до тех пор, пока он не начнет противостоять этому. А если где-то рядом шпион, значит, где-то недалеко и ответ на загадку. Ловушка на ловца. Впрочем, подобная акция может намного превосходить его силы, но все-таки это будет его собственной контратакой.

Так что с этой минуты ему придется играть роль. Он не только не станет разыскивать по острову шпиона, но будет ходить с таким видом, будто даже и не подозревает о присутствии врага. А росомахи ему в этом помогут. Шенн встал и, опустив плечи, медленно побрел по склону с видом подавленного и побитого человека, тихо посвистывая, призывая к себе Тагги и Тоги.

Он начал свои разведывательные действия с их приходом. Он бродил по берегу, якобы выискивая подходящей длины досочки и палки, которыми бы он смог заменить разломанные детали рулевого механизма своего каноэ. Но при этом Шенн глаз не спускал с росомах, надеясь по их чуткой реакциии определить место, где может скрываться невидимый соглядатай.

На большей из двух полосок земли осталась метка, где высадились терранцы и где было уничтожено существо, обитающее в раковине. Меньшая полоска была намного уже второй; она тонким клинообразным языком уходила в глубь атолла. То и дело на ней попадались внушительных размеров преграды. Во время своих первых посещений этих мест Тагги и Тоги обнюха-

ли все впадины, дыры и щели с обычным для них охотничьим любопытством. Но теперь оба зверя старались уйти в сторону, не выказывая никакого желания спускаться к морю.

Шенн покосился на Тагги и заметил, что он чем-то встревожен. Он все время вертелся на месте, поскуливал, но не боролся за свободу действий, как он делал, учуяв запах трогов. Впрочем, Шенн даже не думал, что кто-то из трогов управляет тем, что теперь происходило на острове.

Шенн жестом приказал Тагги спуститься к нему и заметил, что росомахе явно не по себе. А когда человек поманил его ближе к двум скалам, со сходящимися вершинами, образующими некое подобие арки, Тагги оскалил зубы и предупредительно зарычал. Из дыры угрожающе высовывалось толстое бревно, которое давало Шенну некоторый повод на рискованное предприятие приблизиться к отверстию. Не сводя взгляда с росомах, Шенн резко остановился, чтобы определить длину бревна, а заодно и оглядеть пещеру.

Вода плескалась прямо над бревном, образующим как бы дверной проем к атоллу. Здесь была тень, и похоже, что прямой солнечный свет никогда не появляется в этом забытом богом месте. Шенн приблизился к бревну, ощупывая пальцами плоский камень, являющий собой превосходный мостик для чего и кого угодно, решившего воспользоваться этой своеобразной дверью как входом на остров.

Влажный! Камень оказался влажным! Это значило, что гость недавно прибыл или просто не очень давно на камень брызнула вода. Однако мысленно Шенн уже решил для себя, что это место и есть вход, через который неведомый шпион попадает на остров! Можно ли превратить его в ловушку? Он с равнодушным видом поднял с земли еще несколько веточек и возвратился обратно на вершину скалы.

Ловушка... Шенн прокручивал в уме все известные ему ловушки, которые он мог бы использовать в подобной ситуации. Он уже решил соорудить ловушку собственного изготовления. Если его план удастся, а, как говорится, надежда умирает последней, то на этот раз он не станет тратить время ни на какую лишнюю работу.

Поэтому он приступил к той же самой работе, которой занимался прошлым днем. Он снова изготовлял кожаные ремни, как он сам решил, уступающие по качеству тем, первым. Теперь только ловушка занимала его мысли, и ближе к закату он наконец понял, что будет делать и как.

Несмотря на то что Шенн не знал невидимого противника, он решил, что догадывается о двух слабостях, могущих заманить врага в его руки. Во-первых, противник ни на секунду не сомневался в успехе своего предприятия. А противник, не сумевший полностью проследить за действиями Шенна, существенно потеряет в силе.

Во-вторых, из-за такой своей самоуверенности враг не сможет воздержаться от того, чтобы не наблюдать за манипуляциями пленника острова. Поэтому Шенн был уверен, что противник будет рядом повсюду, куда бы он ни пошел, чтобы, когда Шенн заснет, снова разрушить его работу.

Возможно, Шенн ошибался в обоих своих предположениях, но внутренний голос подсказывал ему, что дело обстоит именно так. Тем не менее ему придется дожидаться темноты, чтобы получить ответ на свой вопрос, настолько простой, что он не сомневался, что враг даже не подозревает об этом.

Глава 11

ВЕДЬМА

Внутри лощины виднелось тусклое свечение от фосфоресцирующих растений. Некоторые из них низко стелились по земле, другие же, напротив, возвышались, как деревья. В любую другую ночь, кроме этой, Шенн только приветствовал бы это бледное свечение, но теперь он затаился насколько это возможно, считая светящиеся растения невольными предателями, готовыми выдать его, притворившегося спящим, и тем самым сорвать все его планы.

Он специально устроился в тени, росомахи свернулись рядом. Шенн подумал, что животные своими телами прикроют его, когда он решит неожиданно выйти из укрытия. Одной рукой, лежащей на животе, он крепко сжимал довольно сложное

приспособление, сделанное им из остатков порванных неведомым врагом ремней. Вскоре его ловушка должна сработать!

Теперь, когда он знал, как добраться до критического места, избегая светящихся растений, Шенн был готов к решительным действиям. Он крепко прижал ладонь к голове Тагги, давая ему молчаливую команду оставаться на месте, и росомаха повиновалась ему.

Точно такую же команду он отдал и Тоги. Потом дюйм за дюймом начал выползать из укрытия, двигаясь как червяк к узкой тропинке, бегущей вдоль скалы. Именно по ней кто-то или что-то приходит через морские ворота на берег. И Шенн должен находится там, чтобы наблюдать за линией берега.

В основном план терранца основывался на удаче и предположениях, но этот план полностью принадлежал ему — Шенну. И когда он натягивал ремни своей ловушки, его сердце билось с неистовой силой, готовое вырваться из груди. Он вслушивался в каждый ночной шорох. Он проверил, хорошо ли держится его сеть, подтянул на ней каждый узел и только потом затаился во тьме, слушая ее не только ушами, но и каждой клеточкой своего напряженного тела.

Удары волн о скалу, свист ветра, сонный жалобный вопль какой-то птицы... А постоянные всплески! Может быть, это рыба, а может тот, кого он ожидает? Стараясь не издать ни звука, Шенн отполз обратно к пещере, где находилась его импровизированная постель.

Он добирался туда, не дыша, только сердце стучало в груди; губы пересохли, как будто он только что пробежал марафонскую дистанцию. Тагги вопросительно потерся носом об его руку, и сделал это бесшумно, словно тоже понимал, что за краем лощины притаилась опасность. Неужели враг уже добрался до тропинки, где Шенн установил ловушку? Или Шенн попросту ошибался? Неужели враг уже идет за ним, придя с другого берега? Влажной от напряжения рукой Шенн сжимал шокер. Он ненавидел ожидание.

Каноэ... его работа, которую он оставил без присмотра. Вот до чего доводит беспечность. Что бы ты ни делал, нужно стараться делать это как можно лучше. А он? Каноэ было очищено до блеска и готово к выходу в море, а он так напортачил! Весь

его план потерпел фиаско; теперь-то он ясно себе представлял, что ему нужно делать. Программа дальнейших действий была заложена в его мозгу. Целая мысленная картина!

Шенн встал; росомахи беспокойно зашевелились, хотя никто из них не издал ни звука. Картина в его мозгу! Но на этот раз он не спал; он не спал и не видел сна, который мог бы использовать для своего же поражения. Только на этот раз все было иначе, о чем не знал его противник. Чуждое воздействие на его разум, внушающее ему мысли о том, что надо делать, и воспринимаемое какой-то частью его мозга как неоспоримый факт, на этот раз не руководило его действиями. Лишь предполагалось, что он находится под чьим-то контролем; и Шенн не сомневался в этом. Отлично, он продолжит играть свою роль. Он должен сыграть эту роль и сыграть на отлично, чтобы заманить противника в ловушку.

Убрав шокер в кобуру, он медленно продвигался по открытой местности, теперь не обращая никакого внимания на освещенные фосфоресцирующим светом места, попадающиеся на его пути. Он шел по уже протоптанной им же тропинке к берегу, где находилось каноэ. Когда Шенн шел, то изображал походку человека, сосредоточенного на какой-то навязчивой идее.

Теперь он находился у самой кромки воды, обращенной к пологому склону скалы, и изо всех сил боролся с искушением обернуться, чтобы посмотреть, не спускается ли кто-нибудь за ним. На каноэ было больно смотреть; оно олицетворяло собой полную безнадежность, от которой ему необходимо избавиться немедленно, если он хочет утром освободиться из острова-тюрьмы.

Воздействие неведомой воли, исходящей от врага, возрастало с каждой минутой. И теперь, когда Шенн раскусил его характер, он счел подобные выходки с его стороны чрезмерной самоуверенностью. Тот, кто посылал его разрушить собственный труд, не подозревал, что его жертва не полностью подвластна контролю и к тому же готова в любой момент схватиться за нож или за топор. Шенн брел по склону. Он ощущал небольшой страх, ибо осознавал, что в некотором смысле его невидимый противник прав; он чувствовал воздействие на свой разум, хотя на этот раз не спал. Шенн попытался дотянуться до шокера, но

вместо этого его пальцы схватились за нож. Он выхватил его, когда паника овладела им; мысли беспорядочно метались в голове, тело охватил озноб. Шенн явно недооценил мощь своего противника...

И эта паника вылилась в открытую борьбу, заставив Шенна забыть о своих предусмотрительных и осторожных планах. Теперь он *должен* силой вырваться из-под проклятого контроля. Он размахивал ножом во все стороны, но ножом управляла рука, а не воля.

Он ощутил еле слышное дыхание, затем вспышку тревоги; но это были не его тревога и не его дыхание. Он избавился от чуждого воздействия, он вырвался на свободу! А тот, другой, — нет! С ножом в кулаке Шенн повернулся и побежал по склону, сжимая в другой руке фонарь. Он увидел, как на фоне светящихся зарослей извивается и дергается какой-то силуэт. И, опасаясь, что незнакомец может прийти в себя и исчезнуть, терранец направил на своего пленника фонарь и ярко осветил его, не думая в эти мгновения ни о трогах, ни о вражеском подкреплении.

Чужак сгорбился, явно ошарашенный внезапной вспышкой яркого света. Шенн резко остановился. Он еще не успел мысленно составить образ того, кого обнаружит в своей ловушке, однако уже понимал, что пленник настолько чужд ему, как и трог. Свет фонаря отражался от кожи с переливающейся чешуей; от шеи и груди исходило сверкание бриллиантов и драгоценных камней, которые спиралью обвивали верхние лапки, талию и бедра существа, словно оно носило на себе панцирь из драгоценностей, как живое тело. На существе не было ничего одето, если не считать некоего подобия пояса вокруг изящной тонкой талии, к которому были подвешены два своеобразных мешочка и какие-то странные предметы, держащиеся на петельках; на теле были только эти хитросплетения узоров, петлей, колец и лент из драгоценностей.

При ближайшем рассмотрении фигура существа хотя и с натяжкой, но больше смахивала на человеческую, нежели у трога. Верхние конечности чем-то напоминали руки терранца, хотя на них было всего четыре пальца, и все одинаковой длины. Тем не менее фигурой существо больше смахивало не на человека, а на ящерицу. На фоне ослепительной плоти его огромные жел-

тые глаза с узкими зелеными зрачками напоминали кошачьи. Нос сразу переходил в челюсть, и от этого получалось не лицо, а нечто похожее на рыло, а из высокого куполообразного лба торчали острые V-образные шипы, спускающиеся на спину и плечи, где они расширялись до размера крыльев.

Пленник больше не пытался вырваться из ловушки, а тихо сидел в переплетении ветвей и ремешков, пристально рассматривая терранца. Он не испытывал никаких трудностей смотреть на Шенна сквозь излучаемое им же сверкание, в то время как глаза терранца готовы были ослепнуть от такого яркого света. Но Шенн сейчас думал о другом. Странно, но он не испытывал к чужаку с внешностью рептилии ни отвращения, ни неприязни, хотя, впервые увидев похожего на жука трога, он сразу почувствовал в нем отвратительного и смертельного врага. Шенн машинально положил фонарь на камень и вошел в светлое пятно, излучаемое пришельцем. И он оказался совсем рядом с существом, пришедшим из моря.

По-прежнему разглядывая Шенна, пленник поднял одну из лапок и указал ею на свой пояс. Шенна, заметившего этот жест, охватила странная догадка, побудившая его подойти к пленнику совсем близко. Несмотря на необычное строение его костей и чешуйчатую сверкающую кожу, это существо отличалось грациозностью, изяществом и своего рода красотой, а также хрупкостью членов. Это и рассеяло все подозрения Шенна. Гипнотические чары существа словно растворились, и теперь Шенн двигался по своей собственной воле, полностью владея своим телом и разумом. И, полностью осознавая свои действия, Шенн остановился, чтобы разрезать путы своей ловушки.

Пленник продолжал наблюдать за тем, как Шенн спрятал нож в ножны, а потом вытянул руку вперед, словно протягивая ее для рукопожатия. Желтые глаза, ни разу еще не моргнувшие, смотрели на терранца, и в них Шенн увидел ни страх или тревогу, а молчаливую оценку, смешанную с любопытством, явно основанным на твердой уверенности в своем превосходстве. Сам не зная почему, Шенн не сомневался, что существо из моря по-прежнему не было ему врагом, что ему не придется бороться за свою жизнь, ибо он не ожидал от желтоглазого никакой опасности. И, удивительно, в который раз Шенна не раздража-

ло бессознательное высокомерие чужака; скорее он был заинтригован и озадачен.

— Друзья?

Шенн использовал основной галактический — язык, изобретенный изыскателями и вольными торговцами, смысл которого зависел от соответствующих модуляций голоса и его тона. Так с незапамятных времен общались друг с другом существа, говорящие на незнакомых языках.

Его визави молчал, и Шенн подумал, обладает ли пленник способностью изъясняться при помощи звуков. Он отошел на два шага, а затем потянул на себя ловушку и начал высвобождать от пут изящные лодыжки желтоглазого существа. Покончив с этим, он свернул ремни в моток и швырнул его через плечо. Потом сорвал сеть с плеч чужака.

— Друзья? — снова спросил он, показывая свои пустые руки, стараясь придать своему голосу нужные модуляции в надежде, что желтоглазый поймет его мирные намерения если не в разговоре, то в его действиях.

Летучим, легким движением бывший пленник поднялся. Но, даже выпрямившись в полный рост, обитатель Колдуна казался очень хрупким. Шенн от рождения не отличался высоким ростом. Но абориген все равно был ниже, не более пяти футов высоты, поэтому V-образные шипы на его голове доходили Шенну только до плеча. Любой из странных предметов, прикрепленных к поясу аборигена, мог оказаться оружием, которое терранец не мог идентифицировать. Тем не менее бывший пленник даже не попытался вытащить его.

Вместо этого он поднял одну из четырехпалых рук и протянул ее к Шенну, который ощутил на своей коже прикосновение кончиков пальцев, очень напоминающее легкое касание пером. Затем абориген ощупал его губы, щеки, и наконец, его пальцы крепко прижались ко лбу терранца, прямо между его бровями. Это был своего рода контакт, но не при помощи слов или какого-нибудь неописуемого потока мыслей. В нем не ощущалось враждебности, по крайней мере, в этом прикосновении не было ничего, что хотя бы напоминало неприязнь. Любопытство да, и еще с каждой секундой возрастающее сомнение, но не в Шенне, а в заранее составленном о нем мнении со стороны само-

го желтоглазого. Шенн оказался не таким, каким посчитал его абориген, и теперь от волнения его самоуверенность несколько поубавилась. Шенн оказался прав в своих предположениях. И он улыбнулся, а вместе с улыбкой его охватило приятное изумление, но не в отношении чужака, а насчет себя самого. Ибо он имел дело с женщиной, с очень молодой особью женского пола, которая в своем роде была намного женственнее, нежели любая девушка с Терры.

— Друзья? — спросил он в третий раз.

Но теперь он ощутил исходящую от нее осторожность, а не только удивление. И этот слабый контакт, состоявшийся между ними, поразил Шенна до глубины души. Он не вышел бы к этому обитателю Колдуна поздней ночью, если бы тот был мужского пола; в эти мгновения Шенн благоговел перед чужаком просто как перед женщиной. Он чувствовал ее робость и застенчивость, но не было ощущения равенства. Сперва его охватил гнев из-за своего нелепого положения; но ею снова овладело любопытство. Впрочем, он по-прежнему так и не услышал ответа на свой вопрос.

Кончики ее пальцев больше не касались его, создавая между ними контакт. Она отступила назад, теперь ее руки потянулись к одному из мешочков, свисающих с пояса. Шенн осторожно наблюдал за каждым ее движением. И поскольку он перестал ей доверять, он свистнул.

Ее голова резко поднялась. Она могла быть немой, но уж точно не глухой. И она уставилась на пещеру, когда росомахи ответили на его призыв угрожающим рычанием. Ее профиль напомнил Шенну что-то очень далекое; но то было золотисто-желтое, а не серебряное, из чего были сделаны два кольца, продетые сквозь рыльце пришедшей. Да, эту маленькую пластинку с похожим изображением он видел в кабине одного из офицеров корабля. Очень древняя терранская легенда: «дракон», так офицер окрестил это создание. Только у того существа было тело змеи, лапы ящерицы и крылья.

Внезапно Шенн вышел из оцепенения, вызванного воспоминаниями. Он подумал, что надо быть осмотрительнее. А что, если она каким-то образом вывела его на уединенную тропинку этих полузабытых воспоминаний, причем с какой-то целью?

Потому что теперь Шенн заметил в ее пальцах какой-то предмет. При этом она пристально смотрела на него немигающими желтыми глазами. Глаза... глаза... Словно сквозь туман Шенн услышал тревожные крики росомах. Он попытался вытащить шокер, но уже было слишком поздно.

Все вокруг него обволокла туманная серая мгла: скалы, остров, лощину со светящимися растениями, ночное небо, мерцающий свет фонаря. Сейчас он продвигался сквозь туман, как кто-то пробирается сквозь ночной кошмар, бредет с неимоверными усилиями, как будто плывет против сильного течения. Звуки, виды, одно за другим — эти чувства покидали его. В полном отчаянии Шенн ухватился за единственное, что у него осталось, за ощущение собственного «я». Он был Шенн Ланти, терранец, родом с Тира, изыскатель. Какая-то часть его повторяла эти неоспоримые факты с неистовым упорством; так он пытался бороться с неведомой силой, постепенно разрушающей его самосознание, делая его не человеком, а инструментом... или оружием... для того чтобы им воспользовался другой.

И терранец беззвучно, но неистово сражался на поле боя, находившемся внутри его самого, каким-то дополнительным чувством ощущая, что его тело повинуется чужим приказам.

— Я — Шенн!.. — про себя закричал он. — Я — это я сам! У меня две руки и две ноги... Я думаю сам! Я — ЧЕЛОВЕК...

И тут ему пришел смутный, еле различимый ответ, небольшой порыв воли, подстегнувший его сопротивление; волевой порыв, который пытался оттянуть его от бездонной пропасти, куда влекла его невидимая сила. Прежде чем его воля ослабела, оставив лишь слабое чувство замешательства, он ощутил исток своей тревоги.

— Я — ЧЕЛОВЕК! — выкрикнул он с такой же силой, с какой метал копья в трогов. Но против того, с чем он столкнулся теперь, его оружие было так же бесполезно, как копья против бластеров. — Я — Шенн Ланти, терранец, человек... — Это были неоспоримые факты, и никакой туман не мог стереть их из его разума.

И снова в нем вспыхнула чужая воля, словно легкая отдача после выстрела; возможно, это была лишь прелюдия к следующему налету на его последнюю цитадель. Он выставил эти три

факта, как щит, лихорадочно собирая воедино другие, могущие послужить ему орудием последнего доказательства своего существования. Существования Шенна Ланти.

Сны, видения. Жители Колдуна управляют снами. И против этих снов могут быть только факты! Его имя, место рождения, пол — вот эти факты. И сам Колдун — тоже факт. Земля под его сапогами — факт. Вода, омывающая остров, — факт. Воздух, которым он дышит, — факт. Плоть, кровь, кости — все это факты. Теперь он боролся за свое «я», заключенное в его мятежном теле. Но ведь это тело реально. Он ощупал себя. Сердце качало кровь, легкие то наполнялись воздухом, то выдыхали его. Его борьба заключалась в том, чтобы ощутить все эти жизненные процессы.

И тут он испытал ужасное потрясение. Оболочка, сдерживающая его, исчезла. Потрясенный Шенн боролся с водой. Он размахивал руками, сучил ногами. Рука пребольно ударилась об камень. Едва соображая, что он делает, Шенн боролся за свою жизнь. Он ухватился за скалу и высунул голову из воды. Кашляя и задыхаясь, он почти тонул; огромная слабость навалилась на него вместе с паникой от осознания скорой гибели.

Долго ли он сможет продержаться на воде, цепляясь за спасительную скалу, ослабевший и потрясенный, когда вода билась вокруг его тела, а сильное течение сдавливало его сведенные судорогой ноги? Он видел вокруг неяркие вспышки зеленого света, мерцающие неподалеку и напоминающие такой же приглушенный свет, какой был в кустах того, внешнего мира. Ибо он больше не видел над собой ночного неба. Над его головой нависала скала; должно быть, он очутился в какой-то пещере или туннеле, проходящем под водой. И снова его охватил ужас, когда он понял, что теперь он угодил в ловушку.

Вода продолжала омывать его тело, и в эти мгновения у Шенна возникло искушение отдаться стихии, ибо чем больше он будет бороться, тем скорее его силы иссякнут окончательно. В конце концов он перевернулся на спину, попытавшись поплыть по течению, абсолютно уверенный, что больше не выдержит борьбы.

К счастью, между каменным потолком и водой оставалось несколько дюймов, поэтому Шенн мог дышать. Но страх та-

кого ужасного конца: быть заживо похороненным в подводной пещере, вытягивал у молодого человека все нервы. И охвативший его животный страх постепенно уничтожал его последние силы, пока его не вынесло в какое-то другое место. Куда — он не знал...

Было ли это лишь его разыгравшимся воображением, или течение вдруг стало медленнее и мягче? Шенн пытался определить скорость своего передвижения через какой-то туннель, местами освещаемый зеленым светом. Теперь он повернулся и медленно поплыл, чувствуя себя так, будто к рукам подвешены тяжеленные гири. Ребра напоминали ему клетку, в которой были заперты его легкие, готовые разорваться от боли.

Еще один освещенный участок... еще один, чуть больше... потом еще больше, он растянулся над головой подобно крыше. Вот, наконец-то он вырвался! Он вырвался из туннеля в пещере, просторной настолько, что ее аркообразный потолок напоминал небесный свод над головой. А участки света стали ярче, и теперь они попадались странными группами, что-то напоминая Шенну.

Ничего нет лучше свободы над головой, думал Шенн, и тут заприметил берег, находящийся не очень далеко от него. И он поплыл к этой гавани, собрав остатки своих сил, зная, что если ему не удастся быстро добраться до берега, то ему — конец. Он сам не понимал, как ему удалось доплыть до цели, и теперь его щека ощущала мягкость песка, казавшегося ему нежнее всех вещей на свете; его пальцы впились в песок, когда он пытался вытянуть из воды свое тело. Когда он лишился сознания, его ноги по-прежнему оставались в воде.

Он очнулся от звука. Но это не было звуком шагов по песку. Однако Шенн понимал, что больше он не один. Он обхватил себя за плечи руками и, ощущая нестерпимую боль, приподнялся. Как-то ему удалось встать на колени, но стоять он пока не мог. Его тело наполовину откинулось назад; поэтому он встретил пришельцев в сидячем положении.

Их... их было трое. У них были головы драконов и изящные, усыпанные драгоценными камнями тела, сверкающие даже в полутьме. Их желтые глаза сосредоточенно, но холодно смотрели на него, и в них не отражалось ни одного человеческого

чувства, возможно, кроме холодного любопытства. А за ними стоял четвертый, которого Шенн сразу узнал по грациозным очертаниям *ее* тела.

Шенн сцепил руки на коленях, чтобы удержать тело от дрожи, и вызывающе глядел на них. Он не сомневался, что именно они доставили его сюда, как пленника, равно как знал того, кто был их шпионом или посланником, который так глупо попался в его ловушку.

— Что ж, я у вас, — хрипло произнес он. — Что дальше?

Его слова глухо прозвучали над водой и отозвались эхом по пещере. Ответа он не услышал. Они просто стояли, наблюдая за ним. Шенн напрягся, взял себя в руки, решив не сдаваться, а главное, помнить о своем «я», ибо это было единственным оружием против их мощи.

Та, из-за которой Шенна притащили сюда, наконец зашевелилась, со свойственной ей своеобразной застенчивостью, описала вокруг остальных окружность. Шенн резко отдернул голову, когда ее лапа протянулась к его лицу. Но через некоторое время, предположив, что она искала свой — особый — вид связи, он подставил лицо кончикам ее пальцев, несмотря на то что теперь от этого легкого, но уверенного прикосновения по его коже пробежали мурашки. Ему безумно захотелось избежать любого контакта с ней.

На этот раз не случилось ничего необычного. К его удивлению, в мозгу оформился вполне конкретный вопрос, такой же ясный, словно его задали ему вслух:

— Ты кто?

— Шенн... Шенн Ланти, — отвечал он вслух, после чего превращал слова в мысли. — Шенн Ланти, терранец, человек.

Он старался отвечать им так, чтобы не поддаться их власти окончательно и бесповоротно.

— Имя — Шенн Ланти, человек... да, — принял его ответ чужак. — Терранец?

Это уже было вопросом.

Имеют ли эти существа хоть какое-то представление о космических полетах? Смогут ли они понять концепцию другого мира, населенного другими разумными существами?

— Я прибыл с другой планеты... — Шенн попытался создать в уме четкую картину — шар планеты в космическом пространстве, свободно летящий корабль...

— Смотри!

Ее пальцы все еще покоились между его бровями, но другая лапа обитательницы Колдуна показывала на куполообразный потолок пещеры.

Шенн выполнил ее приказ. Он пристально изучал светлые участки, казавшиеся ему такими знакомыми с первого взгляда; он изучал их как можно внимательнее, чтобы понять, что они обозначали. Карта звезд! Карта звездного неба, какую они видели с внешней оболочки Колдуна.

— Да, я прибыл оттуда, со звезд, — ответил он, и его голос гулким эхом пронесся по пещере.

Пальцы упали с его лба; чешуйчатая голова повернулась к остальным, и они обменялись взглядами. Теперь она бесшумно разговаривала со своими соотечественниками. Затем лапа снова вытянулась вперед.

— Пошли!

Пальцы взяли его за правое запястье, сжимая его с удивительной силой; и вместе с этой силой он почувствовал, как в его изможденное тело влился поток свежей энергии. Когда она дернула его вверх, он мгновенно окреп и прочно встал на ноги.

Глава 12

ЗАВЕСА ИЛЛЮЗИЙ

Вероятно, теперь Шенн стал пленником, но он очень устал, чтобы требовать объяснений от своих сопровождающих. И даже обрадовался, когда его привели в очень необычное круглое помещение без потолка, оставив в полном одиночестве. В одном углу лежал толстый матрас, похожий на коврик, слишком короткий даже для его тела, но оказавшийся мягче любой «постели», на которой он спал после налета трогов на разведлагерь. Над ним тускло мерцали пятна света, символически изображающие некогда угасшие звезды. Он пристально смотрел на них до тех пор, пока они не стали объединяться в созвездия, чем-то

напоминая спирали драгоценностей, обвивающие тела аборигенов; потом он уснул и не видел снов.

Терранец проснулся от странной тревоги, овладевшей всем его существом; наверное, это было подсознательное чувство неведомой опасности, витающей где-то рядом с ним. Но оно не исходило не от моделей звезд, мерцающих над его головой, равно, как не от круглой комнаты. Шенн перевернулся на своем ложе и тут осознал, что вся его боль напрочь исчезла. Только мозг его работал неимоверно быстро и четко, так что его тело без всяких усилий отвечало на его потребности. Шенн не испытывал ни голода ни жажды, если учесть то долгое время, когда он преодолевал таинственный и запутанный путь к выходу на поверхность планеты.

Несмотря на влажность, его одежда высохла прямо на теле. Шенн поднялся, чтобы привести в порядок жалкие остатки его формы. Ему страстно захотелось идти. А вот куда и с какой целью — он не знал.

Он подошел к двери, толкнул ее, но тщетно — она оставалась закрытой. Шенн отступил назад, прикидывая расстояние от пола до верха стены этого помещения, не имеющего потолка. Стены были ровные и глянцевые, как внутренняя поверхность раковины, но с тех пор, как он проснулся, им овладела необузданная уверенность, что преодолеть такое небольшое препятствие не составит никакого труда.

Он сделал два пробных прыжка, и оба раза его пальцы не смогли дотянуться до верха стены. Шенн собрался с силами, сжался, как кошка перед прыжком, и совершил третью попытку, вложив в нее все оставшиеся силы, решительность и волю. И у него получилось; теперь он висел на стене, уцепившись за ее верх. Затем ему удалось перекинуть ногу через ее край, и он уселся на стене. Теперь он мог увидеть остальную часть здания.

По форме оно не напоминало ничего из того, что он когда-либо видел на Терре или на доступных ему трехмерных снимках, сделанных изыскателями. Все помещения были овальными или круглыми, каждое отделялось от соседнего коротким коридорчиком, поэтому создавалось полное впечатление, что здание состоит из десяти ниточек бус, расходящихся лучами от

одной очень большой центральной залы. Стены каждой комнаты были перламутровыми и почти лишенными обстановки.

Пока Шенн балансировал на своем узком «насесте», он не замечал никого движения в комнатах-бусинах, расположенных к нему ближе всего. В коридорчиках, соединяющих комнаты, тоже не было ни души. Он встал и, словно по толстому канату, пошел по верхушке стены к внутренней зале, которая была сердцем вивернского... дворца? Города? Здания? Прибежища? Во всяком случае, место, куда он попал, было единственным сооружением на Колдуне, поскольку он уже знал, что все вокруг окружено лишь песками, опоясывающими остров. Сам же остров был до удивления симметричным, совершенным овалом, даже слишком совершенным, чтобы являть собой произведение природы, созданное из песка и камней.

Здесь, в пещере, не было ни дня, ни ночи. Свет, падающий с потолка, светил ровно и постоянно, и этот световой поток мягко отражался от стен по всему зданию. Шенн дошел до первой комнаты в цепочке и, присев на корточки, осмотрелся. Она ничем не отличалась от той, из которой он ушел; те же ровные стены, толстый матрас в дальнем углу, и никаких следов того, что в ней кто-то когда-то находился.

Когда Шенн достиг следующего отрезка коридора, то внезапно ощутил легкое дуновение воздуха, принесшее с собой знакомый ему запах росомах. Шенн двинулся на этот запах, вселивший в него чувство надежды на взаимопонимание с чужаками.

Он обнаружил Тагги и Тоги в следующей комнате. Обе росомахи беспокойно ходили по комнате из одного угла в другой. Единственную обстановку комнаты — матрас — они уже разодрали в клочья. Судя по виду животных, они ощущали неуверенность. Когда Шенн тихонько окликнул их, Тагги отступил к противоположной стене и стал водить когтями по ее ровной, гладкой поверхности. Росомахи чувствовали, что попались окончательно, словно их бросили в гигантский аквариум, что им, разумеется, очень не понравилось.

Как же сюда попали животные? Неужели они тоже внезапно очнулись среди мощного потока воды, а потом, как и он, тем же непонятным способом были доставлены сюда через туннель?

Терранец не сомневался, что дверь их комнаты заперта так же крепко, как и та, из которой он выбрался. И теперь росомахи не представляли опасности ни для кого. А Шенн не мог освободить их. И тут он ощутил все сильнее возрастающую уверенность, что если он хочет обнаружить кого-нибудь из местных «тюремщиков», то искать его он должен в самом центре этого хитроумного колеса из комнат и коридоров.

Шенн больше не стал привлекать к себе внимание животных, а продолжил путь по своей узенькой дорожке. Он миновал еще несколько комнат, оказавшихся пустыми и ничуть не отличающимися от остальных; потом он дошел до центральной залы, которая в четыре раза была больше комнат, и освещалась намного ярче, нежели остальные помещения.

Терранец пригнулся и для равновесия положил одну руку на верх стены-перегородки, а другой рукой сжимал свой шокер. Странно, но по какой-то причине захватившие его существа не обезоружили его. По-видимому, они решили, что им нечего бояться этого инопланетного оружия.

— Неужели у тебя выросли крылья?

Эти слова, внезапно сформировавшиеся у него в мозгу, привели его в молчаливое изумление, одновременно заставив прекратить глупое исследование здания, чем-то напоминающее первые, неуверенные шаги ребенка, только что научившегося ходить. Шенн боролся с охватившей его вспышкой гнева. Он знал, что, потеряв даже частичку контроля над собой, он тем самым окончательно откроет им дверь к себе в душу. Он остался там, где стоял, будто не «слышал» никакого вопроса, с деланым равнодушием изучая помещение внизу.

Стены залы были не ровные, как в комнатках, а состояли из одинаковых ниш, чем очень напоминали пчелиные соты. И в каждой из ниш покоился до блеска отполированный череп, не человеческий череп. Только в его очертаниях было что-то знакомое, ибо Шенн тотчас вспомнил огромную пурпурно-красную скалу и глазницы, откуда вылетали какие-то предметы. Скала имела форму черепа, но что-то сделало ее такой или она имела эту форму от природы?

Внимательно разглядывая черепа, стоящие в нишах, Шенн заметил, что они не одинаковые. От ряда к ряду менялся их

цвет, смягчались их очертания, скорее всего они стирались от времени.

Еще Шенн увидел черный матовый стол, на ножках высотой не больше нескольких дюймов, поэтому с того места, откуда он смотрел, он казался частью самого пола. За ним в ряд, как продавцы в ожидании покупателей, сидели трое аборигенов. Они сидели на тюфяках со скрещенными ногами и со сложенными на груди лапами. В сторонке сидела четвертая, та, которая угодила в ловушку на острове.

Ни одна из увенчанных шипами голов не поднялась, чтобы взглянуть на Шенна. Но они знали, где он; вероятно, они очень быстро узнали, что он выбрался из своей комнаты или ячейки, в которой они его заперли. Они выглядели так самоуверенно... И вновь Шенн с трудом подавил в себе гнев. Теперь к нему вновь возвратилось былое спокойствие вместе с упрямой решительностью, которые привели его на Колдун. Терранец спрыгнул вниз, оказавшись лицом к лицу с троицей, сидящей за низким столом. Шенн выпрямился и теперь возвышался над ними, испытывая беспредельное наслаждение от такого простого факта.

— Ты пришел.

Эти слова прозвучали подобно какому-то политическому лозунгу. Поэтому Шенн повторил их вслух, стараясь говорить в тон своему собеседнику:

— Я пришел.

И, не ожидая приглашения, он уселся напротив них точно в такой же позе и со скрещенными ногами. Теперь он оказался более или менее на одном уровне с сидящими за столом аборигенами.

— И почему ты пришел, звездный путешественник?

Эти слова показались Шенну сконцентрированной мыслью всех троих, нежели чем обычный допрос. Точно они думали только об этом.

— И почему вы доставили меня? — Он колебался, стараясь тщательно подобрать слова, чтобы они прозвучали вежливо. Он знал, какими словами на других планетах называют их пол, и эти слова показались ему неприемлемыми по отношению к

причудливым фигурам, сидящим напротив него. — Мудрейшие.

В желтых немигающих глазах не отразилось ровным счетом ничего. К тому же Шенн не сумел бы определить перемены выражения на их нечеловеческих лицах.

— Ты — существо мужского пола.

— Да, — подтвердил он, еще не понимая, относится ли эта констатация факта к какой-то скрытой дипломатии или к его недавним впечатлениям на острове.

— Где же твой ведущий по мыслям?

Шенна озадачила эта формулировка, и он задумался, что бы это значило.

— Я сам себе ведущий по мыслям, — решительно ответил он, вложив в свой ответ всю силу своего убеждения, на какую только он был способен.

И снова его взгляд встретился с зеленовато-желтыми глазами, пристально смотрящими на него. И он увидел в них перемену. Самодовольства в них стало меньше; его ответ, подобно камню, брошенному в воду тихого озера, потревожил их и нарушил безмятежное спокойствие.

— Рожденный среди звезд говорит правду!

Это «произнесла» первая начавшая беседу.

— Это может лишь казаться, — сдержанно возразила ей вторая из троицы, и Шенн догадался, что им известно об его «подслушивании».

— Вполне возможно, Читающие-по-ветвям, — проговорила третья, сидящая в середине триумвирата, — что не все живые существа следуют нашему образу жизни. Такое возможно. Особь мужского пола, думающий за себя... без ведущего, который спит и видит сны! Или который сам способен разобраться в своих снах и извлечь из них истину! Да, его народ должен быть весьма необычным. Разделяющие-мое-мнение, давайте спросим совета у Старейших. — Впервые одна из голов шевельнулась, переведя взгляд с Шенна на черепа, спустя несколько секунд остановилась на одном из них.

Шенн, готовый к любым чудесам, не выдал своего изумления, когда костяной обитатель одной из ниш зашевелился, выкатился из своего небольшого отсека и плавно перелетел по

воздуху к правому краю стола, где и устроился. Когда он удачно приземлился на стол, глаза аборигена обратились на другую нишу, расположенную в противоположной стороне закругленного помещения. Ниша находилась почти на уровне пола. Из нее поднялся потемневший от времени череп, вскоре занявший левый угол стола.

Наконец из сверхъестественного хранилища прилетел третий, последний череп, который устроился между первыми двумя. И вот самая молодая из присутствующих аборигенов поднялась со своего матраса и принесла чашу из зеленого кристалла. Одна из ее старших соплеменниц взяла чашу обеими лапами, пронесла ее перед всеми тремя черепами, словно предлагая им испить из нее, а затем пристально посмотрела через ее край на терранца.

— Мы бросим ветви, человек-который-думает-без-ведущего. Возможно, тогда мы узнаем, насколько действенны твои сны... Сможешь ли ты использовать их себе во благо или они сломают твою дерзость.

Она раскачивала чашу из стороны в сторону и прислушивалась к шепоту, доносившемуся из ее глубины. Словно из чаши медленно выливалось ее содержимое. Потом одна из присутствующих протянула лапу вперед и резко ударила по дну чаши, и Шенн увидел, как на столешницу высыпался целый дождь из сверкающих разноцветных иголочек длиной примерно в дюйм.

Шенн, ошарашенно взирая на это представление, увидел, как, несмотря на кажущийся беспорядок, груда иголочек, рассыпавшаяся по гладкой поверхности, стала превращаться в упорядоченный разноцветный узор. Он ломал голову, каким образом получился этот искуснейший трюк.

Трое аборигенов склонили голову и начали изучать узор из тоненьких иголок, их юная подчиненная тоже наклонилась вперед, с искренним интересом рассматривая причудливый рисунок и еле сдерживая свое любопытство в присутствии старших. Теперь между Шенном и чужаками возникло нечто вроде занавески. Связь, возникшая между ними вместе с его появлением в зале с черепами, внезапно прервалась.

Взметнулась вверх рука, сверкнув драгоценностями и браслетом, охватывающим ее запястье, затем последовал еще один

взмах — и вспыхнул огонь. Пальцы бросали иголки обратно в чашу; четыре пары желтых глаз снова смотрели на Шенна, однако занавесь, разделяющая их, еще не исчезла.

Молодая волшебница взяла чашу у старшей, затем довольно долго стояла неподвижно, сжимая чашу ладонями, сосредоточив на Шенне свой странный взгляд. Потом подошла к нему. Одна из сидящих за столом вытянула свою короткую лапу.

На этот раз Шенну не удалось взять себя в руки, когда он явственно услышал голос. И этот голос не принадлежал ему. Он застыл от неожиданности, увидев, как самый старый, пожелтевший от времени, череп на левом краю стола задвигался. И задвигался, потому что его челюсти то открывались, то закрывались, издав слабое блеяние, состоявшее из двух или трех слов.

Молодая обитательница Колдуна подняла лапу. На этот раз ее пальцы сложились в манящем жесте. Шенн приблизился к столу, но он не смог заставить себя подойти совсем близко к говорящему черепу, даже когда тот перестал вещать.

Шенну предложили взять чашу со сверкающими иголками. Это по-прежнему не было телепатическим посланием, но он сумел догадаться, что им от него нужно. Коснувшись чаши из кристалла, он не ощутил холода, как ожидал: нет, скорее чаша оказалась теплой, словно он дотронулся до живой плоти. И разноцветные иголки, заполняющие ее на две трети, беспорядочно лежали внутри.

Шенн сосредоточился, чтобы как следует вспомнить церемонию, которую аборигены устроили перед первым разбрасыванием иголок. Самая старшая из них обнесла чашей черепа по очереди. Черепа! Однако Шенн не был специалистом по черепам. Все еще прижимая чашу к груди, он смотрел вверх через стены, на карту звезд на потолке пещеры. Так-так... это созвездие Рамы, а слева от него, чуть-чуть ниже — система Тира, которая изменила его, Шенна. Пустой, бесцветный мир, оставивший очень мало приятных воспоминаний, но все равно Шенн Ланти был его частицей. Терранец поднял чашу к свету, обозначающему бледное солнце Тира.

С кривой ухмылкой он опустил чашу и с презрительным выражением на лице протянул ее говорящему черепу. И тут же он осознал, что этот жест подействовал на чужаков словно удар током. Сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее чаша закачалась из стороны в сторону, а иголки стремительно задвигались внутри, смешиваясь друг с другом. И как только Шенн увидел это, он перевернул чашу и высыпал на стол все ее содержимое.

Абориген, передавший ему чашу, оказался тем самым, кто несколько минут тому назад ударял по дну ее, вызвав тогда сверкающий дождь из иголок. К удивлению Шенна, высыпавшиеся иголки снова составили причудливый узор, но вовсе не такой, какой получился у волшебников. Туманная завеса между ними исчезла окончательно; и они опять могли телепатически общаться.

— Быть по сему, — произнес абориген, сидящий в середине и водя четырехпалой лапой поверх иголок. — Что читается, то и читается.

Опять лозунг. Шенн «услышал» ответ, который хором проговорили остальные.

— Что читается, то и читается. Спящему — сон. Пусть этот сон понимается как он есть, а это есть жизнь. Пусть этот сон будет для спящего обманом, а все остальное забыто.

— Кто может узнать мудрость у Старейших? — спросил самый старший. — Мы те, кто читают послания, посылаемые ими, благодаря их милосердию. Они приказывают нам делать странные вещи, человек: открыть тебе дорогу наших посвященных к завесе иллюзий. Она всегда была закрыта для особей мужского пола, которые засыпают без умысла и не способны отличить правды от лжи, которым не хватает смелости направить свои сны к истине. Делай так, если сумеешь! — Тут Шенн почувствовал легкую насмешку вместе с чем-то еще, что казалось сильнее презрения, но слабее ненависти и тем не менее было враждебным.

Ведьма вытянула лапы, и теперь Шенн увидел на медленно сжимаемой ладони диск, точно такой же, какой показывал ему Торвальд. В первые секунды им овладел страх, но

это длилось какое-то мгновение; затем наступила тьма, совершенная тьма, чернее любой ночи, которую ему довелось когда-либо увидеть.

И снова свет, странный, мерцающий зеленоватый свет. Стены с выстроенными в ряд черепами исчезли; теперь Шенн больше не видел ни стен, ни здания, окружающего его. Он медленно брел вперед, и его сапоги утопали в песке, таком мягком, атласном песке, окружавшем островок, лежащий в пещере. Но Шенн не сомневался, что он не на этом острове, даже не в этой пещере, хотя высоко-высоко над ним куполом возвышался ее потолок. Он находился совершенно в другом месте.

Источник зеленого мерцания был слева от него. Почему-то ему очень не хотелось поворачивать голову, чтобы посмотреть на то, что источало этот жутковатый свет. Это могло привести его к действиям. Тем не менее Шенн повернулся.

Вуаль, завеса, волнистая зеленая завеса. Ткань? Нет, скорее туман или свет. И все это зависело от какого-то источника света, находящегося высоко над его головой и скрывающегося в тумане; завеса, явившаяся препятствием, которое он должен преодолеть.

Несмотря на нервное напряжение, Шенн двинулся вперед, уже не способный к отступлению. Когда он проходил сквозь эту загадочную дымку, то поднял руку, чтобы защитить лицо. Завеса оказалась теплой, и этот газ (если это был газ), несмотря на то что сплошь состоял из тумана, не оставлял на его коже ни капельки влаги. И это оказалось не вуалью или завесой, потому что, уже углубившись в ее туманную суть, Шенн не видел ее конца. Он пробирался вперед на ощупь, как слепой, не видя перед глазами ничего, кроме вздымающихся зеленых воздушных колонн, то и дело останавливаясь и опускаясь на колени, чтобы ощупать песок под ногами, дабы удостовериться в *реальности* своего путешествия.

Так и не встретившись по пути с опасностью, Шенн решил отдохнуть и расслабиться. Его сердце почти не работало; он настолько изнемог, что у него не хватило бы сил вытащить нож или шокер. Он понятия не имел, где он и зачем сюда пришел. Однако он не сомневался, что все это было неспроста, ибо вслед

за ним шли обитатели Колдуна. «Дорога посвященных», — сказала их главная. Тогда у Шенна и возникло твердое убеждение, что эти слова были некой проверкой, придуманной аборигенами.

Пещера с зеленой завесой — его память пробудилась. Господи, да это же сон Торвальда! Шенн остановился, стараясь вспомнить, как офицер описывал это место. Выходит, он воплотил в жизнь сон Торвальда! Интересно, а вдруг именно сейчас офицер в свою очередь живет сном Шенна и взбирается в одну из ноздрей горы-черепа?

Зеленая туманная бесконечная дымка. И Шенн, заблудившийся в ней. Долго ли еще он будет бродить, как призрак, в этом тумане? Он попытался прикинуть, сколько времени пролетело с тех пор, как он угодил в водный мир усеянной звездами пещеры. Он понимал, что он не ел, не пил и не хотел ни того ни другого... да и сейчас не хочет. И все-таки он совершенно не ослаб; напротив, еще никогда он не испытывал такой неутомимой энергии, которая овладела его тщедушным телом.

Неужели *все это* было сном? Как он тонул, а потом его несло подводным кошмарным потоком? Нет, все-таки во всем этом была какая-то определенная схема, точно так же, как в том узоре из иголок, рассыпанных по матовой черной столешнице. И одно логически вело к другому; из-за этого специфического узора из иголок он очутился именно здесь.

Он вспомнил предостережение ведьмы: его безопасность в этом месте будет зависеть от его способности отличить истинные сны от ложных. Но как... почему? Пока он ничего не сделал, а только пробирался сквозь зеленый туман, и вполне могло оказаться, что он все это время ходил кругами.

Поскольку ему не оставалось ничего другого, Шенн продолжал идти; его сапоги утопали во влажном песке, издавая при этом тихий хлюпающий звук. Спустя некоторое время он остановился, чтобы отыскать хоть какие-нибудь приметы тропинки или дороги, способной вывести его из тумана. И вдруг до него донеслись еле слышные звуки, похожие на плач младенца. Значит, не только Шенн странствовал по этому жуткому месту!

Глава 13

ТОТ, КТО ВИДИТ СНЫ...

Туман оказался весьма неспокойным; он закручивался вихрями, вздымался, то смыкался, то рассеивался вновь, и так продолжалось до тех пор, пока впереди не появились полускрытые темные тени, напоминающие призраки, один из которых вполне мог оказаться врагом. Шенн продолжал пробираться по песку, все его нервные клетки подсознательно ощущали непонятную тревогу. Поэтому он с каждым шагом внимательнее вглядывался в туманную пелену. По-прежнему он почти не сомневался, что слышал звуки, издаваемые кем-то, идущим неподалеку от него. Кто же это? Кто-то из аборигенов, следующий за ним по пятам? Или еще какой-нибудь пленник тумана, заблудившийся в этой непроглядной мгле? А может быть, это Торвальд?

Наконец звук прекратился. Его не было слышно даже там, откуда он донесся впервые. Вероятно, идущий за Шенном понял, что он услышан и может быть обнаружен. Шенн облизал сухие губы. Внезапно им овладело сильное желание окликнуть незнакомца: попытаться войти с ним в контакт; вдруг им окажется друг? И только осторожность удержала его от крика. Он встал на четвереньки, чтобы проверить, в верном ли направлении идет, ибо его не покидало ощущение, что он сбился с пути.

Шенн решил продвигаться на четвереньках. Он подумал, что некто, ожидающий встретить идущего человека, придет в смятение от вида непонятной фигуры, передвигающейся на четырех конечностях. И снова он остановился, чтобы прислушаться.

Он оказался прав! До него донесся звук приглушенных шагов. Однако он не мог понять, идет ли кто-то один или *их* несколько. Шенн понимал одно: звук становился громче, а это значит, что незнакомец приближался. Шенн поднялся во весь рост и положил руку на шокер. Его обуревало искушение приглушить свет фонаря, надеясь, что незнакомец пройдет мимо, так и не заметив его.

Тень, точнее, что-то намного быстрее тени и намного быстрее клубящихся зеленоватых завихрений тумана, двигалась

прямо к нему явно с каким-то намерением. И вновь только обостренное чувство предосторожности удержало Шенна от призывного крика.

Силуэт стал отчетливее. Терранец! Им мог оказаться Торвальд! Однако, вспомнив, как они расстались, Шенн не очень-то стремился с ним встречаться.

Призрачный силуэт вытянул длинную руку вперед, словно раздвигая в стороны воздушные пары, создающие между ним и Шенном полупрозрачную завесу. Вдруг Шенн ощутил сильный озноб, будто туман внезапно превратился в снежную метель. Ибо туман стал медленно откатываться назад, так что теперь оба стояли в самом центре образовавшегося светлого пятна.

Перед ним оказался не Торвальд.

Ледяные объятья животного страха овладели Шенном, но почему-то его не покидала надежда, что он не видит перед собой ничего невероятного.

Эти руки, всегда готовые ударить, с заведенным за спину хлыстом... этот страшно изуродованный нос, сбитый набок; жуткий шрам от выстрела из бластера, пробившего щеку, и бесформенное ухо... эта злобная, полная ненависти ухмылка. Щелк, щелк... и хлыст заплясал в руке своего хозяина; толстые пальцы крепко сжимали его рукоять. Еще мгновение — и он обовьется вокруг Шенна, а Шенн почувствует на своих незащищенных плечах раскаленную огненную ленту. Потом человек с кличкой Бревно засмеется своим садистическим смехом, а ему будут вторить остальные, играющие роль шакалов при грозном льве.

И тот — другой — взмахнул хлыстом.

Остальные люди... Шенн сильно тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. Но ведь он не стоял у стойки грязного бара «Удачный клёв». И он больше не был запуганным юнцом, куском мяса для развлечения Бревна. Только хлыст поднялся снова и обвил Шенна точно так же, как много лет назад, оставив на теле кровоточащую болезненную рану. Но ведь Бревно погиб, пронзительно вопил мозг Шенна. Он неистово боролся с тем, что видели его глаза на самом деле, а также с ноющей болью в груди и на плечах. И его дружок Громила, сосланный

на космические шахты, тоже мертв, ведь именно его позывные слышали много лет назад, когда он бежал из системы Аякса.

Бревно снова завел хлыст за спину, готовясь к очередному удару. Шенн оказался лицом к лицу с человеком, умершим пять лет назад, но тем не менее мертвец ходил и дрался. Шенн до боли прикусил нижнюю губу, отчаянно пытаясь избавиться от безумной догадки: действительно ли перед ним стоит Бревно? Бревно — дьявол из его детства, заново оживший благодаря чарам планеты обитателей Колдуна. Или Шенн сам оживил и человека, и все с ним связанное, и теперь, как и раньше, испытывал животный страх, как это бывает, когда создание становится оружием, убивающим своего творца? Видеть сны, правдивые или ложные. Бревно был *мертв*; значит, этот сон — обман, так оно и есть.

И Шенн двинулся вперед навстречу ухмыляющемуся великану, вышедшему из его старых ночных кошмаров. Его рука больше не лежала на рукоятке шокера, а переместилась на бок. Он видел приближающийся хлыст, злобный взгляд маленьких узких глаз. Да, сейчас перед ним стоял Бревно в расцвете своей мощи, когда Шенн боялся его больше всего на свете, и поэтому он продолжал существовать в закоулках его детских воспоминаний многие-многие годы. Но Бревно *не* был жив; он существовал только во сне.

Хлыст снова ударил Шенна и обвился вокруг его туловища. И тотчас же растворился, как и исчезла зловещая усмешка с лица Бревна. Его мускулистая рука приготовилась к третьему удару. Шенн продолжал наступать, вытянув руку вперед, но не для того, чтобы двинуть по потной небритой физиономии, а чтобы убрать Бревно со своего пути. И при этом думая лишь об одном: это не Бревно, потому что этого не может быть. С их последней встречи прошло десять лет. А пять лет тому назад Бревно погиб. Значит, это действуют чары Колдуна, а все для того, чтобы окончательно сбить Шенна с толку и довести его до безумия.

Шенн остался один. Его вновь обволакивали стены тумана. Яркая отметка на его плече по-прежнему горела. Шенн сдвинул рваную форму и увидел больное место — длинный кровоточащий рубец. И когда увидел это, его неверие пошатнулось.

Когда он верил в Бревно и в его оружие, то бандит обладал реальностью, достаточной для нанесения удара, который и оставил на теле Шенна глубокую рану. Зато когда Шенн как бы «окунул» призрак в реальность, то ни Бревна, ни его хлыста не стало. Их просто не существовало. По телу Шенна пробежали мурашки. Он изо всех сил старался не думать о том, что может ожидать его впереди. Видения из ночных кошмаров, способные материализовываться. Раньше ему часто снился Бревно. Он видел и другие сны, тоже приводящие его в ужас. Неужели он повстречается с большинством из своих кошмаров? А вдруг — со всеми? Но почему? Чтобы просто развлечь обитателей Колдуна или доказать их утверждение, какой же он был дурак, когда бросил вызов их ведьмам — владычицам иллюзий?

Как ему узнать, какое из видений они используют, чтобы сломить его? Либо он сам станет и актером и режиссером жуткого действа, происходящего в тумане, и будет наблюдать за «пьесой», участником которой станет сам? Все будет происходить подобно тому, как трехмерное изображение, запечатленное на пленке, развлекает зрителя?

Увидеть во сне правду — это значит пройти через туман, который тоже был сном? Сны внутри других снов... Шенн положил руку на голову, ошарашенный, измученный. Ему казалось, что он сходит с ума. Он прижал к голове ладонь, но упрямая решительность, овладевшая им, никуда не делась. В следующий раз он должен как следует приготовиться к неожиданной встрече, чтобы мгновенно отпугнуть любое давно позабытое воспоминание, воскресшее из мертвых.

Медленно пробираясь сквозь туман, Шенн часто останавливался, чтобы прислушаться к любому шороху, могущему возвестить ему о приближении новой иллюзии. Пока он шел, то старался догадаться о том, с каким из прежних кошмаров ему доведется повстречаться. Но уже прекрасно понимал, что любая встреча не будет просто разновидностью какого-либо сна. Ожесточенный былыми страхами, он достойно встретится с любым кошмаром или новым впечатлением.

В воздухе что-то затрепетало, и вдруг раздался протяжный стонущий крик. Пока еще ничего не соображая, Шенн вытянул вперед руки и просвистел две ноты, которые его губы вспом-

нили быстрее, нежели его разум. Силуэт, двигающийся ему навстречу из тумана, разрывая стену окружающей его боли, постепенно обретал некогда знакомые любимые черты. Он летел ему навстречу, немного склоняясь в сторону; одно из хрупких, едва окрашенных крыльев было сломано, и никогда оно уже не выпрямится, не излечится от нанесенной раны. Вот серафим устроился у Шенна между ладонями и воззрился на него с былым и искренним доверием.

— Трав! Трав! — вскричал Шенн, бережно баюкая хрупкое создание, радуясь ощущению его крылатого тельца, закругленным перышкам на гордо вскинутой головке, чувствуя ладонями шелковые прикосновения малюсеньких коготков, нежно щекочущих его пальцы.

Едва осмеливаясь вздохнуть, Шенн сел на песок. Трав — опять! Чудо этого волшебного возвращения, на которое он никогда не надеялся, переполняло его волнами счастья, такого огромного и сильного, какой была боль, причиненная ударом хлыста во время встречи с Бревном. Но эта была иная боль, боль любви, а не страха или ненависти.

Хлыст Бревна...

Шенн задрожал. Трав поднес крошечный коготок к лицу Шенна и издал жалобный плач, в котором выражались все его чувства: узнавание, просьба о защите, попытка снова стать частью жизни Шенна Ланти.

Трав! Как мог он вынести эту боль, когда Трав перешел в небытие; как он мог снова вынести тяжкие воспоминания, унесшие Трава навеки? Трав был единственным существом, которого Шенн любил всем сердцем и который отвечал ему неизбывной любовью, вряд ли способной уместиться в столь крохотном тельце.

— Трав! — прошептал Шенн. Затем он сделал над собой величайшее усилие, чтобы справиться с этим вторым ударом, доставившим ему такую же нестерпимую боль, как много лет назад. Шенн решительно боролся с горьким воспоминанием, нежно убаюкивая изуродованное существо, умершее в нестерпимых муках, и в эти мгновения Шенн ощущал эти муки на себе. И что было еще хуже, на этот раз у него возникли сомнения, гложущие его естество. Что, если бы он не вызвал эти горькие воспо-

минания? Возможно, он смог бы взять Трава с собой, живого и невредимого, по крайней мере на время?

Сейчас Шенн сидел, закрыв лицо пустыми ладонями. Увидеть кошмар, не вызывающий у него ничего, кроме страха, — невелика беда. Но встретиться с видением, являющим собой часть его потерянного рая — это было ужасно! Словно ему нанесли глубокую незаживаемую рану. Терранец с трудом поднялся и, спотыкаясь от изнеможения, поплелся вперед.

Будет ли когда-нибудь конец этому бесцельному кружению по планете из зеленого тумана? Еле волоча ноги, он с трудом пробирался сквозь зеленую дымку. Сколько же времени это продолжалось? Но Шенн не чувствовал времени, он видел только постоянный свет, сопровождающий его повсюду во время блужданий по призрачной планете.

Внезапно он услышал нечто. Но это был не шум шагов по песку, не жалобный плач давно умершего серафима. Он слышал голос. Кто-то или пел, или мелодично что-то декламировал, но Шенн никак не мог разобрать, что это за звуки. Он остановился, выискивая в лабиринтах своей памяти то, что мог бы означать этот звук.

Но, несмотря на различные сцены, чередою проносящиеся перед его мысленным взором, этот голос явно не относился к прошлому. Тогда Шенн двинулся на звук, на ощупь определяя дорогу и стараясь как можно скорее очутиться на месте встречи. Но хотя он упрямо шел вперед без остановки, казалось, что голос не приближается, в то время как странное пение то начиналось, то обрывалось, затем доносилось вновь. Шенну показалось, что в голосе невидимого пленника тумана ощущается невыносимое страдание. Создавалось впечатление, что поиски незнакомца выведут Шенна в никуда.

Когда он повернул за невидимый угол, песня снова разорвала тишину и звучала уже громко и решительно. Теперь Шенну удалось различить знакомые ему слова.

Там, где гуляет ветер меж планет
И мириады звезд во тьме,
А человеку мощь дана
Бороться до конца.
И пусть он борется, храбрец,
Когда ж придет ему конец...

Голос был хриплый, надтреснутый, слова разделялись неровными промежутками, когда поющий вбирал в легкие воздух. Песня звучала так, словно человек, исполняющий ее, репетировал несчетное количество раз, стараясь при помощи этой песни избавиться от безумия и использовать ее как якорь, чтобы уцепиться им за зыбкую реальность. Услышав песню, Шенн замедлил шаг. Происходящее не было частицей его воспоминаний; и он был уверен в этом.

Там, где гуляет ветер меж планет
И мириады звезд во тьме...

Хриплая песня внезапно прервалась со странным неприятным звуком. Точно у часов сломалась пружина. Шенн устремился вперед, на призыв, которого вовсе и не слышалось в словах песни.

И опять туман, словно свернулся в трубочку, оставив Шенну совершенно открытое пространство. На песке сидел человек, по самые запястья зарыв руки в гальку, его усталые, воспаленные глаза неподвижно смотрели куда-то вдаль, а тело время от времени раскачивалось то взад, то вперед, будто в такт распеваемой им песни.

...мириады звезд во тьме...

— Торвальд! — Шенн поскользнулся на влажном песке и упал на колени. Как только он увидел, в каком состоянии пребывает офицер, он тотчас же забыл все обстоятельства их временной разлуки.

Торвальд не переставая раскачивался, но все же, услышав Шенна, он слегка повернул голову, а его серые глаза попытались сосредоточиться на Ланти. Вдруг кожа на лице офицера натянулась, отчего его сухопарое лицо показалось еще тоньше, и он тихо рассмеялся.

— Гарт! — вдруг сказал Торвальд.

Шенн напрягся, но не успел он возразить, что офицер ошибся, как тот продолжил:

— Значит, ты поднялся еще на одно звание, сынок! Я всегда говорил, что ты сможешь это сделать, если хорошенько постараешься. Впрочем, в твоем личном деле имеется парочка черных отметок, конечно, конечно... Но ведь ты можешь их сте-

реть, стоит тебе как следует постараться. Торвальды всегда были изыскателями. Наш отец мог бы нами гордиться.

Голос Торвальда стал монотонным, улыбка с лица исчезла, только в серых глазах еще теплились какие-то эмоции. Неожиданно он резко подался вперед, и его пальцы сомкнулись на горле Ланти. Он повалил молодого человека на песок, и Шенн отчаянно отбивался от человека, возможно потерявшего разум.

Тут Шенну удалось нанести обманный удар, которому он научился еще в Трущобах Тира, и, когда его противник согнулся от боли, пытаясь набрать воздуха, Шенн высвободился из-под него. Упершись коленом чуть повыше поясницы Торвальда, он вдавил его в песок, одновременно прижимая его руки книзу, несмотря на его сопротивление. Когда офицер успокоился, Шенн, немного восстановив дыхание, попытался вдолбить Торвальду хоть крупинку разума.

— Торвальд! Это же я, Ланти! Ланти! — Его фамилия отдавалась в туманной мгле каким-то неестественным жутким эхом.

— Ланти? Нет, трог! Ланти... трог... он убил моего брата!

От такого обвинения у Шенна перехватило дыхание, и он ослабил хватку. Но Торвальд больше не вырывался, поэтому Шенн решил, что он потерял сознание.

Немного передохнув, Шенн перевернул офицера лицом к себе. Торвальд послушно двигался, точно резиновая кукла, и теперь спокойно лежал, устремив взор в небо. Песок и гравий застряли в его всклокоченных волосах и хрустели на пересохших губах. Молодой человек аккуратно вытер песок с губ офицера, и тот открыл глаза. Теперь он смотрел на Шенна своим прежним равнодушным взглядом.

— Ты жив, — прошептал он. — Гарта убили. Тебя тоже должны были убить.

Шенн отодвинулся назад, смахнул песок с рук, и его заботу точно смыло водой от этих враждебных слов. Вдруг из серых глаз Торвальда исчезло обвинительное выражение, и черты его лица разгладились, потеплели.

— Ланти! — донеслось до Шенна. — Что ты здесь делаешь?

Шенн подтянул ремень.

— Примерно то же, что и вы, — ответил он отчужденно, теперь снова не признавая никакого различия в рангах. — Хожу кругами в тумане, выискивая дорогу.

Торвальд сел, внимательно разглядывая вздымающиеся воздушные стены, окаймляющие своего рода полянку, на которой они находились. Затем вытянул руку и дотронулся до запястья Шенна.

— Ты *настоящий,* — просто заметил он, и его голос показался Шенну теплым и добрым.

— Не будьте так уверены в этом, — раздраженно возразил Шенн. — Здесь нереальное может оказаться реальным. — И он машинально коснулся ноющей раны на плече.

— Владыки иллюзий, — кивнул Торвальд.

— Владычицы, — поправил его Шенн. — Здесь полно весьма симпатичных ведьм.

— Ведьмы? Ты их видел? Где? А что... кто они? — начал забрасывать его вопросами Торвальд, снова обращаясь к Шенну резким командным тоном.

— Это существа женского... — Шенн замялся и продолжил: — Даже слишком женского пола, способные совершать всякие невероятные штуки. Я бы назвал их ведьмами. Одна из них попыталась удержать меня на острове. Я построил на нее ловушку и поймал; а потом она каким-то образом переместила меня... — И Шенн быстро пересказал все события, от его неожиданного пробуждения в туннеле на какой-то реке до своего нынешнего проникновения в этот туманный мир.

Торвальд внимательно слушал его. Когда Шенн закончил, офицер яростно начал растирать ладонями худощавое лицо, сметая с него песчинки.

— Знаешь, по крайней мере у меня есть кое-какие мысли о том, кто они и как доставили тебя сюда. Я почти ничего не помню, как сам сюда попал. Только то, что я заснул на острове, а проснулся уже здесь.

По выражению лица Торвальда Шенн понял, что тот говорил правду. Он не помнил ничего о своем отплытии, как он бросил Шенна на коралловом рифе, как он дрался с ним. Тогда офицером управляла неведомая сила обитателей Колдуна. Шенн поспешно поведал Торвальду о чужаках и об их действиях, что

явно того обескуражило, хотя он и не стал выпытывать у своего молодого товарища подробности и требовать доказательств.

— Тогда они забрали меня! — тревожным шепотом произнес он. — Но зачем? И почему мы здесь? Неужели это тюрьма?

Шенн отрицательно покачал головой.

— Сдается мне, что все вокруг нас, — и он плавно обвел рукой зеленую стену, колышущуюся, словно занавеска на ветру, потом указал куда-то вдаль, за границу туманной дымки, — что все это своего рода тест. Эти дела со снами... Совсем еще недавно я думал, что меня не было здесь никогда, что все это, вероятно, мне просто-напросто снится. Потом я встретил вас.

Торвальд все понял.

— Да, но ведь и наша встреча, *возможно,* происходит во сне. Как же мы тогда разговариваем? — Он немного помолчал, с взволнованным видом, и несколько неуверенно спросил: — Ты встречал здесь кого-нибудь еще?

— Да, — ответил Шенн, чувствуя, что как ему не хочется вдаваться в подробности.

— С людьми из прошлого, так?

— Да, — неохотно отозвался Шенн, не желая развивать эту тему дальше.

— Со мной произошло то же самое, — проговорил Торвальд. Судя по кислому выражению его лица, те, с кем он повстречался в тумане, оказались нисколько не приятнее призраков, повстречавшихся на пути у Шенна. — Все это говорит о том, что у нас были галлюцинации. Но вполне возможно, что теперь мы сумеем справиться с ними.

— Как?

— Ну, если эти призраки — порождение наших воспоминаний, то вместе мы с тобой видели их двух или трех — трога в ярости, ту ищейку в горах, застрявшего в нашей ловушке. Так что, если мы увидим нечто похожее, мы поймем, что это. С другой стороны, если мы вновь объединимся, но один из нас увидит нечто, чего никогда не сможет увидеть другой... что ж, уже одно это опознает призрака.

В его словах явно имелся смысл. Шенн помог офицеру подняться на ноги.

— Наверное, я лучшая мишень для их экспериментов, нежели ты, — удрученно промолвил Торвальд. — Они завладели моим разумом совершенно и сразу.

— Вы носите с собой медальон, — пояснил Шенн. — Возможно, он действует как фокусирующая линза для какой-то неведомой силы, при помощи которой они превращали нас в ручных животных.

— Вполне возможно! — воскликнул Торвальд, вытаскивая из-под рваной куртки костяной кругляш, завернутый в тряпку. — Да, он все еще у меня. — Но офицер не стал разворачивать тряпку, чтобы удостовериться, что находится внутри. — А теперь... — начал он, затем осмотрелся по сторонам и, не увидев ничего кроме зеленой стены тумана, спросил: — А теперь куда?

Шенн пожал плечами. Он уже давно не думал о направлении. С тех пор как он начал вслепую брести сквозь туманную мглу, он мог тысячу раз возвращаться к исходной точке своего путешествия, чтобы пуститься в него снова и снова. Тут он показал на сверток с диском, который Торвальд по-прежнему держал в руке.

— Почему бы нам не подбросить его? — усмехнулся он. — Орел — пойдем вперед. — Он указал вперед. — Решка — назад.

Торвальд усмехнулся ему в ответ.

— Наверняка он нас выведет куда-нибудь, как хороший гид. Что ж, давай подбросим. — Он развернул тряпочку, извлек медальон и резким, коротким движением подбросил диск в воздух. Это напомнило Шенну движение молодой ведьмы, когда она переворачивала чашу с иголками.

Диск взлетел вверх, закрутился, и... они раскрыли рты от изумления... он не упал на песок. Вместо этого он вертелся в воздухе до тех пор, пока не стал похож на маленький шар. А цвет его из мертвенно-белого превратился в ярко-зеленый. Диск засветился. Шенн даже зажмурился. Он словно увидел крошечное солнце, вращающееся перед ним, но не по орбите, а по какой-то странной прямой, указывающей направо от них. Диск полетел.

С приглушенным криком Торвальд устремился за ним. Шенн побежал за офицером. Теперь они снова очутились в туманном туннеле, но не прекращали бежать за кругляшом, указываю-

щим им дорогу. Они бежали что есть мочи, стараясь не отстать и не потерять диск из виду. Они понятия не имели, куда мчались, не разбирая пути, но в каждом теплилась надежда, что в конце концов диск выведет их из этого проклятого тумана, а вместе с ним — и из мира безумия, туда, где больше не будет сомнений, страхов и иллюзий.

Глава 14

ПОБЕГ

— Я вижу что-то впереди! — неожиданно воскликнул Торвальд, но, не замедляя скорости, продолжал бежать за крошечным зеленым солнцем. Больше всего оба терранца боялись отстать и потерять след их загадочного проводника. Отчего-то оба решили, что диск выведет их из тумана и сопутствующих ему иллюзий. И с каждым шагом их вера крепчала.

Теперь они более отчетливо видели темное, неподвижное пятно, часть которого терялась в тумане, а другая часть лежала за его пределами. К этому неясному силуэту, наполовину теряющемуся во мгле, и вел их диковинный кругляш. Наконец туман рассеялся, и их взору предстала какая-то огромная темная масса, в четыре или пять раз выше Торвальда. Оба мужчины резко остановились, поскольку диск перестал показывать им путь. Он по-прежнему вращался в воздухе вокруг своей оси, все быстрее и быстрее, пока не начал искриться, и вылетающие из него искры медленно таяли, ударяясь об монолитный темный камень, совершенно непохожий на все камни Колдуна, которые им доводилось видеть раньше. Он был ни красным, ни светло-коричневым, а аспидно-черным. Если бы он был обработан, то смог бы послужить огромной каменной плитой для памятника или какого-нибудь указателя, если не принимать во внимание, что для обработки такой громады понадобилась бы вечность, к тому же, как решили Торвальд с Шенном, для подобного тяжкого труда не имелось никакой веской причины.

— Мы пришли, — сказал Торвальд, подойдя к глыбе ближе.

По поведению диска они решили, что тот привел их к этой бесформенной черной глыбе с аккуратностью корабля, ведо-

мого лучом маяка. Тем не менее они по-прежнему не могли постичь цели, преследуемой их проводником. Для чего он привел их именно сюда? Они надеялись найти выход из туманной мглы, а оказались возле огромной черной глыбы, обойдя которую они не нашли ни намека на какой-нибудь вход или выход. Под подошвами их сапог поскрипывал вечный песок, а их окружал туман.

— Ну и что теперь? — спросил Шенн. Они снова обошли глыбу вокруг, потом подошли к тому месту, где с невероятной скоростью крутился диск, извергая дождь изумрудных искр.

Торвальд покачал головой, с угрюмым видом рассматривая глыбу. Выражение надежды на его лице сменилось неимоверной усталостью.

— И все же должна же быть хоть какая причина, по которой мы оказались здесь! — наконец промолвил он, но в голосе его не ощущалось былой уверенности.

— Да, но если мы уберемся отсюда, то все начнется сначала, — сказал Шенн и махнул рукой в сторону тумана. Его рука на какое-то время застыла в воздухе, словно он показывал на кого-то, наблюдающего за ними сверху. — Тогда уж нам ни за что не выбраться оттуда. — Мыском сапога он поддел песок, будто показывая безрассудство их ухода от глыбы. — Ну а если сделать так?

Он поднырнул под вертящийся диск, чтобы положить обе руки на поверхность глыбы. И начал медленно ощупывать глыбу, выискивая то, что, возможно, ускользало от взгляда. Его пальцы ощущали холодную, едва шероховатую поверхность, и вдруг соскользнули в какую-то довольно глубокую щель.

Вне себя от радости и в то же время опасаясь ошибки, Шенн засунул пальцы поглубже в щель и провел ими по всей ее длине. И тут он обнаружил вторую щель. Первая находилась на уровне его груди; вторая — выше дюймов на двадцать. Он подпрыгнул, уцепившись за глыбу и рискуя сломать ногти, но все-таки добился своего. *Там* находилась третья узкая ниша, достаточно глубокая, чтобы вставить в нее мысок сапога. А над ней располагалась четвертая...

— Здесь что-то похожее на лестницу, — сообщил он Торвальду. И, не дождавшись от него ответа, Шенн начал взбираться

на глыбу. «Ступени» настолько соответствовали друг другу по размеру и форме, что он не сомневался в их рукотворности; они были высечены для того, чтобы их использовали, как лестницу, по которой он поднимался на вершину огромного камня. Несмотря на то что он мог оказаться совсем не тем, что лежало за пределами его воображения.

Диск не поднимался, а вращался на одном и том же месте. Шенн миновал этот светящийся шар, поднимаясь все выше и выше во мрак, становящийся еще темнее. Выбоины на поверхности глыбы не обманули его ожиданий и продолжали попадаться; каждая представляла собой прямую линию, как и следующие. Взбираться на глыбу оказалось совсем легко. Наконец Шенн достиг верха, осмотрелся вокруг и быстро ухватился за безопасную опору.

Тем не менее он оказался не на ровной платформе, как ожидал. Поверхность глыбы, на которую он взобрался чуть ли не играючи, представляла собой внешнюю сторону стенки колодца, каминной трубы или кратера. Теперь он вглядывался вниз в бездонную пропасть, начинающуюся примерно в ярде от верха глыбы, но видел лишь пугающую пустоту, ибо туман, обволакивающий все вокруг, не позволял проникнуть взгляду в ее глубину.

Шенн с трудом справился с головокружением. Теперь он прекрасно понимал, как легко потерять равновесие, споткнуться и низвергнуться в эту черную бездну. Для чего же здесь этот колодец? Может быть, это просто-напросто ловушка, заманивающая свою жертву слишком легким подъемом наверх, чтобы потом захватить его силой тяжести и поглотить? Ситуация становилась совершенно бессмысленной. И вполне возможно, что бессмысленна только для него, Шенна Ланти, размышлял он, собравшись с мыслями. Если же это подстроили аборигены, то ситуация могла быть совсем иной. Это глыба имела какой-то смысл, иначе она не возвышалась бы в этом месте.

— Что случилось? — донесся до него полный нетерпения голос Торвальда.

— Эта штука — колодец, — откликнулся Шенн. — Он открыт и, насколько я понимаю, ведет в недра планеты.

— Внутри тоже есть лестница?

Шенн чуть не сгорел от стыда за свою несообразительность. Ну конечно же, там была лестница, это же совершенно очевидно! Крепко держась за край колодца, он свободной рукой провел по шершавой поверхности изнутри. Да, там были ступеньки, точно такие же, как и снаружи. Однако перекинуть ногу через узкий островок безопасности и начать спускаться в черную бездну колодца гораздо опаснее, нежели любое действие, совершенное им с того памятного утра, когда троги разрушили лагерь. Зеленый туман не смог бы вызвать ужаса сильнее, чем эти невообразимые черные глубины, которые вскоре поглотят его. Однако Шенн перебросил ногу и поставил ее на первую ступень... затем на вторую. И начал спускаться.

Наверное, только предыдущее тяжкое испытание кошмарами вселило в Шенна мужество медленно преодолевать ступеньку за ступенькой. Но почему-то теперь он был уверен в себе. Конечно, в нем оставался страх, что, когда он соберется поставить ногу на следующую ступень, ее не окажется на месте и ему придется лезть обратно из последних сил, чтобы выбраться из колодца.

Постепенно исчезали благополучные ощущения надежды и веры, какие Шенн испытывал, шагая сквозь туман; неимоверная усталость сковывала руки, он чувствовал непреодолимую тяжесть в плечах. Он механически переставлял ноги со ступени на ступень, затем на следующую и следующую... Светлый прямоугольник наверху становился все меньше и меньше. Время от времени это светлое пятно наполовину закрывалось телом Торвальда, спускающегося за ним по внутренней стенке колодца.

Сколько же еще осталось до конца их спуска? Шенн даже захихикал, настолько смешным был этот вопрос, или он ему только казался забавным? Он был уверен, что сейчас они находятся ниже уровня моря. А конца этой пропасти так и не видно.

Внизу ни огонька, ни вспышки света. У Шенна создавалось впечатление, что он ослеп. Теперь Шенн спускался на ощупь и, по мере того как он осторожно исследовал невидимые препятствия, встречающиеся ему по пути, все сильнее ощущал изменения в характере окружающего его пространства. Он изо всех сил прижимался ослабевшими руками и ногами к прочной внутренней стенке колодца, и до сих пор его не покидало опасение,

что рано или поздно ниши-ступени кончатся, а он останется один на один с бездонной пропастью. И вместе с тем он чувствовал, что труба расширяется книзу. Спустя некоторое время он уже не сомневался в том, что теперь он очутился в широком открытом пространстве, вероятно в еще какой-то пещере, в которой стояла совершеннейшая темнота.

Лишенный зрения, он полагался на свой слух. И вот до него донесся звук, слабый, еле различимый и, по-видимому, искаженный акустическими свойствами пространства. Шенн прислушался к этому тихому шороху. Вода! Но не грозные волны прилива, с грохотом обрушивающиеся на берег, а скорее приглушенный плеск реки или ручья. Наверняка внизу вода! — мелькнуло у него в голове.

И подобно тому, как после выхода из тумана им овладела страшная усталость, теперь его мучили голод и жажда, требуя немедленного их утоления. Терранцу хотелось как можно скорее добраться до воды, и он уже рисовал ее в своем воображении, напрочь отбрасывая мысль о том, что она может оказаться морской, а значит, непригодной для питья.

Верхнее отверстие, ведущее в туманную пещеру, теперь находилось где-то высоко над Шенном, поэтому, чтобы рассмотреть его, следовало очень постараться. Теплота, ласково окутывающая его до сих пор, исчезла. Теперь его до костей пронизывал холод, а ступени стали очень влажные, так что Шенн больше всего боялся поскользнуться и сорваться вниз. Когда журчание воды стало громче, Шенн на расстоянии вытянутой руки услышал звук, напоминающий шлепки. Мысок его сапога выскользнул из ниши. Онемевшими от боли и напряжения пальцами Шенн вцепился в нишу над собой, изо всех сил стараясь не сорваться. Но тут другой сапог выскользнул из ниши. Шенн повис на одних руках, тщетно пытаясь отыскать опору для ног.

Больше руки не смогли его держать, и он с громким криком полетел вниз. Вода сомкнулась над ним, и на мгновение он ощутил ледяной удар, парализующий его тело. Он молотил руками по воде, стараясь высунуть голову на поверхность, чтобы вдохнуть хотя бы немного драгоценного воздуха.

Течение в этом месте было очень быстрое. Шенн вспомнил другой поток, принесший его в пещеру, где находилось загадоч-

ное обиталище жителей Колдуна. Хотя в этом туннеле не было светящихся кристальных друз и Шенн ничего не видел, он все-таки лелеял слабую надежду, что угодил в тот же самый поток; что очень скоро появятся и кристаллы и, вполне возможно, он снова окажется в исходной точке своего бессмысленного путешествия.

Поэтому он лишь старался держать голову над водой. Услышав за спиною шумный всплеск, он крикнул во тьму:

— Торвальд?

— Ланти? — тотчас же услышал он ответ; плеск стал громче, и наконец Шенна догнал второй пловец.

От неожиданности Шенн раскрыл рот и чуть не захлебнулся, проглотив очень много воды. Она оказалась затхлой на вкус, но не совсем соленой, и, хотя она неприятно пощипывала губы, он немного утолил жажду.

Светящиеся кристальные друзы не украшали стены этого бесконечного тоннеля, и надежда Шенна, что он снова попадет в пещеру на острове, постепенно угасала. Поток стал быстрее, и ему пришлось собраться с силами, чтобы удерживать голову над водой. Измученное тело едва реагировало на ощущения.

Журчание стремительно бегущего потока еще громче отдавалось в его ушах или звук оставался таким же, как прежде? Чувства его почти атрофировались, и Шенн больше не был уверен в правильности своего предположения. Единственное, что он знал наверняка, — это то, что скоро у него иссякнут силы и он не сможет удержаться на поверхности. А потом он попадет в водоворот, и этот стремящийся поток поглотит его навсегда.

Наконец его выбросило прямо в пылающий свет, и он, точно пуля из древней терранской винтовки, угодил в удушающий дикий поток. Шенн задыхался, отчаянно шлепал руками по воде; он почти тонул. Но стоило ему отдаться на волю стихии, как вода подхватила его тщедушное тело и буквально шарахнула об каменную поверхность, и он едва не лишился сознания от боли. Теперь он лежал, еле-еле шевеля руками и хватая ртом воздух. Он лежал до тех пор, пока не нашел в себе силы подняться. Его мучительно вырвало. Каким-то образом он поднялся еще на несколько футов выше и снова лег. Ослепленный светом, он

лежал, то и дело отдергивая руку от раскаленных камней. Ему казалось, что он больше не способен ни на что.

Первой его связной мыслью стало размышление о реальности всех этих впечатлений, которые наконец-то разрешились. Вполне вероятно, что это не было галлюцинациями; во всяком случае, такая последовательная связь событий просто не могла быть галлюцинацией. Он лежал и думал об этом, как внезапно чья-то рука легла ему на плечо. Шенн почувствовал прикосновение живой плоти.

Он закричал и повернулся. Рядом с ним сидел Торвальд. С его разодранной одежды стекала вода; волосы прилипли к голове.

— Ты в порядке? — спросил офицер.

Шенн тоже сел, вытер воспаленные глаза от песка. Его тело ныло от боли, но серьезных ран не было. Одни ссадины и царапины.

— Думаю, да, — ответил он. — Где мы?

На губах Торвальда появилась скорее кривая ухмылка, а не улыбка.

— Этого места нет ни на одной из моих карт, — ответил он. — Сам посмотри.

Они сидели на узкой полоске берега, больше походящего на коралловый риф, потому что вместо песка он был покрыт крупными неотесанными камнями. Место, где они находились, окружали голые скалы. Скалы ржавого цвета высохшей крови; они торчали из воды, напоминая какие-то фантастические скульптуры, а посередине находилась крошечное пространство, где и расположились Торвальд и Шенн.

Это открытое пространство имело форму вилки, каждый зубец которой был вымыт потоками воды, многие века подмывающими обе стороны скалы. Эти потоки низвергались с отвесного утеса, торчащего напротив скалы неподалеку, и силы этих потоков вполне хватило, чтобы промыть в каменной громаде эту вилку. Шенн, разглядывающий ее и думающий о том, что бы это значило, глубоко вздыхал. И тут же он услышал сдавленный смех своего спутника.

— Да, ну и попали же мы с тобой, сынок. Как насчет путешествия обратно?

Шенн отрицательно покачал головой и сразу пожалел о столь резком движении, поскольку берег пошел ходуном перед его взором. Все вокруг завертелось, как юла. И тут Шенн словно воочию увидел перед собой их стремительный путь под землей, а затем янтарное небо над головой. Он вышел из оцепенения. Головокружение прекратилось. Шенн почувствовал жгучие лучи солнца, отвесно падающие на Колдуна и на его тело.

Сжав голову обеими руками, Шенн медленно обернулся, чтобы посмотреть, что находится у них за спиной. Потоки воды, журчащие с обеих сторон, говорили о том, что они снова попали на остров. И тут Шенна охватила странная и страшная мысль: Колдун — это непрерывная цепь островов, с которых невозможно убежать.

Нагромождение скал не вдохновляло терранцев на дальнейшие исследования этого места. Один взгляд на них усиливал усталость в их и без того изможденных телах. Скалы торчали из воды одна над другой, подобно ярусам в театре, образуя где-то высоко в небе что-то вроде короны. Шенн сидел, тупо глядя на скалы.

— Чтобы взобраться туда... — начал он неуверенно и затих.

— Взбираешься или плывешь... — донесся до него голос офицера.

Шенн взглянул на Торвальда и по его виду понял, что тот не спешит никуда идти.

И он снова стал разглядывать скалы. Нигде он не заметил даже намека на растительность. В небе не раздавалось ни клацанья, ни щелканья. Ни одной птицы с кожаными крыльями не пролетело над их головами. Шенн частично утолил жажду, но ощущение голода осталось. И это чувство вынуждало его на какие-либо действия. Впрочем, голые вершины не обещали им сытного обеда, однако, вспомнив, как росомахи притащили часть зарытой добычи со стороны скал, идущих вдоль реки, Шенн поднялся и, пошатываясь от слабости, двинулся на поиски какого-нибудь озерца, где могло обнаружиться что-либо съедобное.

Так, увлекшись поисками, Шенн очутился на противоположном конце острова, если место, давшее им убежище, вообще было островом. Вода плескалась рядом на протяжении всего

пути, кое-где собираясь в небольшие озерца, подернутые рябью и заросшие желтой сорной травой, которая в струях воды сворачивалась в тонкие светлые ленточки.

Он окликнул Торвальда и жестом поманил его к воде. Затем, рука об руку, мужчины вступили в густые заросли, куда вела узкая тропинка. Дважды они набредали на небольшие озера, где водились какие-то гротескные существа с плавниками или когтями; они убивали их и съедали, даже не съедали, а пожирали, как голодные волки, яростно вгрызаясь в их плоть, очень странную на вкус. Спустя некоторое время в небольшой расщелине, которую едва ли можно было назвать пещерой, Торвальд случайно обнаружил великолепную находку: гнездо с четырьмя зеленоватыми яйцами, величиной с кулак.

Их скорлупа более смахивала на довольно тугую мембрану, нежели чем на настоящую скорлупу, и терранцам пришлось изрядно попотеть, прежде чем они добрались до их содержимого. Шенн закрыл глаза, стараясь не думать о том, что он высасывал из зеленоватой оболочки. Во всяком случае больше половины жидкости оставалось у него в желудке, и он с тревогой ожидал не совсем приятных последствий этой необычной дегустации.

Немного воодушевленные этой искоркой счастья, они с Торвальдом продолжали продвигаться вперед, ибо скальный выступ из довольно ровной поверхности превратился в целую череду неодинаковых ступеней, ведущих куда-то вверх. Они стали медленно подниматься. Подъем оказался очень долгим, но наконец они достигли конца этой «дороги». Шенн прислонился к удобному выступу в скале и застыл, чтобы перевести дыхание. Из оцепенения его вывел голос Торвальда, присоединившегося к нему и теперь стоящего на обнаженной скальной породе, с которой их взору открывалось удивительное зрелище внизу.

— Ты только посмотри! — воскликнул офицер.

Оба пристально разглядывали дно пещеры, представляющее собой мягкий изгиб из песка, по которому стелился туман, серо-голубым ковром медленно поднимаясь от моря. Сейчас Шенн не сомневался, что эта широкая полоса воды, расстилающаяся перед ними, не что иное, как западный океан. Он был окружен со всех сторон каменными колоннами, высоко выступающими из воды. Самые дальние из них терялись в воде, так что видны

были только их верхушки. Все они имели одинаковую форму и оканчивались гигантской аспидно-черной глыбой, точно такой же, в которую влезли путешественники. Они даже увидели каменные ступени. Они стояли на одинаковом расстоянии друг от друга, поэтому Шенн ни за что не поверил бы в нерукотворность их создания.

Между колоннами терранцы увидели действующих лиц этого удивительного спектакля. Одна из ведьм со сверкающими драгоценностями по всему телу выходила из моря, сложив ладони в терранском молитвенном жесте и тяжело дыша. Прямо плыл кто-то, явно принадлежащий к ее роду-племени. Но вдруг она тревожно задвигалась, по-видимому, каким-то непонятным для терранцев жестом показывая своим соплеменникам, что в их убежище находятся посторонние. На берегу стояли еще две ее спутницы, наблюдающие за ее действиями с пристальным вниманием. Иногда школьники так наблюдают за действиями преподавателя.

— Виверны! — с трудом выдавил ошарашенный Торвальд.

Шенн вопросительно посмотрел на него. Тот еле слышно прибавил:

— На Терре когда-то существовала легенда... В общем... что у них вместо задних лап змеиные хвосты, а головы... Это — виверны!

Виверны. Почему-то Шенну понравилось, как звучат эти слова. Мысленно они ассоциировались у него с ведьмами, живущими на Колдуне. А сейчас он наблюдал, как одна из них вышла из моря со своей загипнотизированной добычей. В сверкающих солнечных лучах виднелся раздвоенный хвост водяного чудовища, точно такого же, какое терранцы видели после шторма. Тварь медленно ползла по мелководью, сосредоточив свой неподвижный взгляд на сложенных в молитвенном жесте лапках виверны.

Она резко остановилась, довольно высоко приподнялась на песке, в то время как тело ее жертвы или пленника (Шенн не сомневался, что чудовище или то, или другое) полностью вышло из воды. Затем ведьма со скоростью молнии опустила лапки.

Чудовище с раздвоенным хвостом тотчас же ожило. Челюсти с огромными клыками лязгнули. Чудовище поднялось на зад-

ние лапы; в его сверкающих глазах чувствовалась беспредельная ярость. Причем ярость целенаправленная, ведущая к смертельному деянию. И прямо напротив разъяренной твари стояли хрупкие, изящные, невооруженные и совершенно беззащитные виверны.

И никто из их маленькой группы даже не попытался убежать. Когда коротколапая тварь с раздвоенным хвостом стремительно двинулась по песку им навстречу, Шенн увидел в их равнодушии нечто самоубийственное.

Но виверны, выманившие тварь на берег, не двигались с места. Спустя несколько секунд одна из колдуний взмахнула изящной лапкой, с самым беспечным видом приказывая чудовищу остановиться. Между ее пальцами Шенн увидел диск. Торвальд схватил Шенна за руку.

— Посмотри! Такой же, как у меня! Во всяком случае, очень похож! — воскликнул офицер.

Они находились слишком далеко от разворачивающейся сцены, чтобы удостовериться в полной идентичности диска, но оба отчетливо видели, что он имел форму костяной монетки. Теперь ведьма размахивала диском взад-вперед, что очень смахивало на движение стрелки метронома. Тварь сперва запнулась, затем остановилась и стала помахивать головой; сперва очень неохотно, а потом с все большей скоростью. Сперва направо, потом — налево, направо-налево, направо-налево... Таким способом ведьма гипнотизировала чудовище, как, по-видимому, и ту тварь, что Шенн видел после шторма.

То, что случилось потом, было произведено чистой случайностью. Ведьма стала медленно отходить назад по пляжу, уводя морскую тварь за собой по пятам. Они совсем близко подошли к выступу, на котором стояли изумленные терранцы, когда песок предательски провалился под ногами ведьмы. Ее лапка соскользнула в какую-то дыру, и она повалилась на спину, выронив из пальцев диск.

Чудовище тотчас же сбросило с себя ее чары и угрожающе вытянуло голову вперед, разинуло огромную клыкастую пасть и мгновенно проглотило упавший диск. Потом оно приняло точно такую позу, какую принимали росомахи, когда готовились к прыжку. Безоружная виверна теперь превратился в жертву, а

обе ее подруги находились слишком далеко, чтобы прийти на помощь.

Шенн не смог бы объяснить, почему он решил вмешаться. Ведь у него не было никаких причин помогать обитателям Колдуна, одна из которых совсем недавно управляла им против его воли. Но Шенн спрыгнул с выступа и приземлился на песок на четвереньки.

Морская тварь развернулась кругом, явно сбитая с толку, ибо на этот раз перед ней находились две жертвы. Шенн выхватил нож и быстро вскочил на ноги, пристально глядя чудовищу в глаза, понимая, что он призван стать убийцей чудовищ не от хорошей жизни.

Глава 15

УБИЙЦА ЧУДОВИЩ

— Айэээ! — С губ Шенна сорвался боевой клич, в котором чувствовался неприкрытый вызов не только в отношении чудовища, стоящего напротив, но и вивернов; такой вопль Шенн издавал в Трущобах Тира, когда ему приходилось призывать на помощь своих товарищей, если на него наступали враги. Морская тварь снова пригнулась для убийственного прыжка, но этот хриплый, сдавленный дикий вопль, казалось, напугал ее.

Шенн, с ножом наготове, танцующей походкой наступал на врага справа. Он видел ненавистное чешуйчатое тело, скорее всего защищенное против лобовой атаки толстым панцирем, как существо из раковины, с которым он справился при помощи росомах. Как ему хотелось, чтобы его терранские звери — Тагги и его подруга — оказались сейчас рядом с ним! Своим поддразниванием и обманными движениями они бы отвлекали чудовище, как отвлекали ищейку трогов. Тогда бы у Шенна имелось бы больше шансов на победу. Если бы его росомахи очутились бы здесь!

Эти глаза, напоминающие красные дыры, на морде горгульи внимательно следили за каждым его движением. Эти жуткие глаза — возможно, именно они и окажутся единственными уязвимыми местами у чудовища.

Он заметил, как под чешуей перекатываются огромные мышцы. Терранец приготовился подскочить к монстру сбоку, а его поднятый нож был нацелен в эти жуткие глаза. Шенн заметил, как на спине чудовища поднялось коричневое «V», поросшее тонкой шерстью. И тут он не поверил своим глазам. Неуклюжим галопом к ним приближалось разъяренное, рычащее животное, которое внезапно остановилось рядом с ним. И тотчас же второй зверь очутился возле его ног.

Издав боевой рык, Тагги начал атаку. Голова чудовища то и дело поворачивалась, повторяя движения росомахи, точно так же, как немногим ранее она вторила движениям загадочного диска в лапке виверна. Тоги зашла к чудовищу с другой стороны. Шенн знал, что для росомах охота превращается в некоего рода игру. И еще ни разу они не демонстрировали ему такой слаженности в охоте, являя собой в эти мгновения единую отличную команду, как будто чувствовали каждое желание их хозяина.

Раздвоенный хвост угрожающе поднялся. Это было грозное оружие. Кости, мускулы, чешуйчатая плоть, наполовину зарывшаяся в песок, неистово двигались, рассеивая вокруг себя облака песка и гравия, которые попадали Шенну в лицо, а росомахам — в морды. Шенн отскочил назад, свободной рукой вытирая глаза от песка. Росомахи медленно ходили кругами, выискивая подходящий момент, чтобы броситься на врага в самое излюбленное место — на его холку. Ибо такая атака обычно кончалась поражением противника, потому что росомахи впивались ему в шею. Но голову чудовища защищал толстенный панцирь, он-то и отпугивал животных. И снова гигантский хвост поднялся и ударил оземь, на этот раз немного задев Тагги, который покатился по песку в сторону.

Тоги грозно зарычала и совершила дерзкий прыжок. Ей удалось поднырнуть под огромным хвостом, а затем вцепиться в него, чтобы всем своим весом прижать его к земле, а тем временем морская тварь яростно пыталась сбросить с себя отважную росомаху. Глаза Шенна слезились от попавшего в них песка, но он все видел. Некоторое время он наблюдал за боем, прикидывая, когда чудовище полностью отвлечется на борьбу с росомахой, пытаясь сбросить ее с хвоста. Тоги яростно вцепилась в

хвост острыми клыками и прокусила его, пытаясь вывести из строя это оружие, разорвав его на куски.

Чудовище извивалось, пытаясь добраться до своего мучителя зубами и когтистыми лапами. И во время этой борьбы оно вытянуло голову неестественно далеко, тем самым обнажив незащищенный участок тела, расположенный под основанием черепа, откуда начинался спинной хребет, увенчанный «воротником» из острых шипов.

И Шенн устремился в атаку. Одной рукой он схватился за «воротник», острые шипы которого впивались в плоть чудовища из-за его неестественно повернутой головы; другой рукой он глубоко вонзил нож, пробив незащищенные складки кожи и поразив позвоночный столб. Лезвие зацепило кость, и голова твари резко откинулась назад, пытаясь захватить руку Шенна в ловушку. Но терранец стремительно отвел ее в сторону, опередив реакцию чудовища.

Хлынула кровь. И кровь Шенна смешалась с кровью врага. Только Тоги, не отпускающая убийственного хвоста, спасла Шенна от неминуемой гибели. Покрытое панцирем рыло уставилось в небо, когда монстр попытался шипами своего «воротника» впиться в руку терранца. Шенн, одурев от нестерпимой боли, всадил кулак прямо в глаз кошмарной твари.

Чудовище конвульсивно подпрыгнуло, тряхнуло головой; и, пролетев несколько футов по воздуху, Шенн очутился на свободе. И тут же бросился назад, еле держась на ногах. Чудовище извивалось, вздымая вокруг облака песка и камней. Но оно не могло вытащить из себя нож, равно как и собственные шипы, вонзившиеся ему в спину. Оно билось в конвульсиях, а смертельный воротник впивался все глубже и глубже в не защищенное панцирем место.

Сперва чудовище громко завыло, затем пронзительно заверещало. Шенн, прижав кровоточащую руку к груди, покатился по песку, подальше от агонизирующего монстра. Наконец он оказался возле одной из колонн. Обнаружив рядом опору, он поднялся, обнял колонну и долго стоял, качаясь, как пьяный, пытаясь рассмотреть, что творилось за песочной завесой.

Чудовище продолжало агонизировать, взбивая вокруг себя все больше и больше песка. Потом Шенн услышал победонос-

ный крик Тоги. Он прищурился и сквозь тучи песка и камней увидел ее коричневое тело, вцепившееся в хвост чудовищу возле самой «вилки». Тоги буквально разрывала его на куски, используя все свое природное оружие, от острых клыков до длинных когтей. Наконец она добралась до позвоночника морской твари, и тогда хлынул целый фонтан крови. Чудовище еще раз попыталось поднять голову, но силы покинули его. Оно с гулким звуком повалилось на песок, бесполезно клацая зубами. Его гигантская челюсть то и дело открывалась, а длинный язык машинально загребал в разверстую пасть целые горы гальки и песка.

Сколько времени длилось это сражение на залитом кровью берегу? Шенн уже не чувствовал времени. Он крепче прижимал к груди раненую руку, затем прошел мимо издыхающей в конвульсиях морской твари и комков бурой шерсти, оставленной в бою росомахой. Он свистнул пересохшими губами. Тоги все еще добивала морскую тварь, а Тагги лежал на том месте, где его ударил смертоносный хвост чудовища.

Почувствовав головокружение, Шенн опустился на колени и погладил неподвижного Тагги по взъерошенной шерсти.

— Тагги!

Ответом было еле заметное движение. Шенн неуклюже попытался положить голову зверя себе на руку. Внимательно осмотрев Тагги, он не обнаружил на его теле открытых ран; но ведь у его четвероногого друга могли быть сломаны кости или были какие-либо внутренние повреждения. У Шенна не было никакого опыта, чтобы это определить.

— Тагги! — ласково позвал он еще раз, держа тяжелую голову зверя на коленях.

— Тот, что покрыт шерстью, не умер.

Какое-то время Шенн не мог понять, откуда раздались эти слова; сформировались ли они в его мозгу или проникли через его уши. Он посмотрел вверх и увидел виверну, направляющуюся к нему по розовому песку грациозной летящей походкой. И вдруг Шенн ощутил, как все его существо охватила холодная тупая ярость.

— Но не благодаря тебе, — вызывающе громко отозвался Шенн. Если ведьме хотелось понять его, так пусть постарает-

ся; сам же он не станет пытаться касаться ее мыслей по поводу случившегося.

Тагги снова пошевелился, и Шенн внимательно посмотрел на него. Росомаха тяжело дышала, открыв глаза и еле-еле покачивая головой, чем-то напоминающей медвежью в миниатюре. Тагги выдыхал большие кровавые комья, и эта темная, чужая кровь попадала Шенну на штаны. Потом Тагги тревожно поднял голову и посмотрел туда, где его подруга все еще занималась уже совсем утихшей тварью.

Шенн помог Тагги подняться, что тот и сделал с явным трудом. Терранец провел ладонью по его ребрам, выискивая сломанные. Один раз Тагги громко взвыл от боли, но Шенн так и не смог отыскать серьезных повреждений. Наверное, подобно коту, росомаха, получив сильнейший удар хвостом, в этот момент расслабилась достаточно, чтобы избежать серьезных ранений. Несмотря на то, что Тагги был отброшен в сторону, теперь он снова смог ориентироваться. Он высвободился из рук Шенна и неуклюжей походкой побежал к своей подруге.

Шенн заметил, как кто-то еще пересекает береговую полосу. Не обращая никакого внимания на вивернов, мимо них шел Торвальд. Он подошел прямо к своему спутнику. Положив раненую руку Шенна на колено, офицер несколько секунд изучал кровоточащую глубокую ссадину.

— Глубокий порез, — заметил он.

Шенн слышал осмысленные слова, но, когда Торвальд, взяв его руку, причинил ему сильнейшую боль, Шенн чуть не потерял сознание. Песок, камни и скалы поплыли перед его глазами. Боль ударила ему в голову, рассыпалась внутри красными искрами, и Шенну показалось, что все вокруг исчезло.

Из красноватого тумана, застилающего большую часть местности, возник один-единственный предмет, и им оказался круглый белый диск. И в затуманенном мозгу Шенна вдруг возникло очень дурное опасение. Он резко отмахнулся. Диск отлетел куда-то и исчез из поля зрения. Теперь Шенн отчетливо видел виверну, забравшуюся на плечи Торвальду. Виверна словно примеривала к нему свое странное оружие. С огромным трудом выговаривая слова, которые сперва сформировал в уме, Шенн крикнул им что есть мочи:

— Вы не бросите меня... снова!

На ее мордочке, украшенной драгоценностями, не отразилось ровным счетом ничего. Неподвижные глаза смотрели в никуда. Тогда Шенн вцепился в Торвальда, решив заставить его выслушать себя.

— Не позволяйте им воздействовать на вас этим диском!

— Я делаю все, что в моих силах, — услышал Шенн в ответ.

Но туман вновь поглотил Торвальда. Неужели одной из колдуний все же удалось сфокусировать на нем диск? Неужели им опять предстоит пройти все, что им довелось испытать? Их снова утянет потоком галлюцинаций, чтобы они очнулись опять, как пленники... например, в пещере с зеленой завесой? Терранец боролся каждой клеточкой своего естества с чужой могучей волей, пытаясь не лишиться сознания, но все его усилия потерпели крах.

На этот раз он очнулся не в подземном бурлящем потоке и не стоял напротив стены зеленоватого тумана. Рука продолжала болеть, и эта настойчивая боль отчасти успокаивала Шенна. Значит, он что-то ощущает, что-то действительно существующее! Прежде чем открыть глаза, он нащупал пальцами мягкую и гладкую поверхность, которая при дальнейшем исследовании оказалась не чем иным, как спальным матрасом, точно таким же, какие находились в сооружении, расположенном в пещере. Неужели он снова вернулся в это хитросплетение комнат и коридоров?

Шенну не хотелось открывать глаза до тех пор, пока он не ощутил некоторого рода стыд. Первое, что он увидел, было овальное отверстие длиной почти с его тело. Он лежал двумя футами ниже подоконника этого овального окна. И сквозь прозрачный овал на него падал золотой солнечный свет, а не зеленый туман или кристаллы, имитирующие звезды.

Небольшое помещение, в котором он лежал, имело гладкие ровные стены и напоминало то, в котором его заключили на острове. Никакой обстановки, кроме матраса, он не заметил. Над ним находилось что-то вроде лампы, покрытой сетчатыми волокнами, очень напоминающими паутину. К ней были прикреплены какие-то перья, покрытые с внешней стороны пухом. Шенн лежал совершенно голый под покрывалом, но под ним

было настолько жарко, что он сбросил его с плеч и груди. Затем с трудом поднялся, чтобы рассмотреть, что творится за окном.

Поднимаясь, он полностью увидел свою разодранную руку. От запястья до локтя она была упакована в светонепроницаемую кожаную оболочку, совершенно не похожую на терранские бинты. Во всяком случае, эта штука — явно не из аптечки первой помощи, которую таскал с собой Торвальд. Шенн уставился в окно, но ничего не увидел, кроме бескрайнего неба. Лишь над горизонтом медленно проплывало несколько облаков лимонного цвета. Больше ничего не нарушало ровную янтарную гладь. Наверное, он находился в какой-то башне, намного выше уровня земли. Шенн еще раз осмотрелся и понял, что в этом месте он находится впервые, несмотря на схожесть «обстановки» и помещения.

— Снова с нами? — внезапно донеслось до Шенна.

Он увидел входящего Торвальда, одной рукой поднимающего дверную панель. Его рваная форма куда-то исчезла. На Торвальде были только прежние штаны из зеленой глянцевой ткани и стоптанные донельзя сапоги.

Шенн упал на матрас.

— Где мы?

— Думаю, это место можно назвать столицей, — ответил Торвальд. — Если же определять наше местонахождение относительно материка, то мы находимся на самом дальнем западном острове.

— Как мы сюда попали? — Шенну припомнилось, как они лезли на глыбу, он словно воочию увидел перед собой подземный поток... Неужели они побывали в реке, протекающей под морским дном? Однако Шенн не был готов к иному ответу.

— Посредством желания, — ответил Торвальд.

— Посредством *чего*?

Офицер кивнул, выражение его лица стало серьезным.

— Им захотелось, чтобы мы оказались здесь. Послушай, Ланти, когда ты набросился на того монстра, тебе ведь хотелось, чтобы росомахи оказались рядом с тобой?

Шенн мысленно прокрутил назад пленку воспоминаний, ибо все, что он помнил о сражении, не запечатлелось в его мозгу слишком ясно. Но да! Ему безумно хотелось, чтобы Тагги и

Тоги оказались на поле боя, чтобы отвлечь разъяренную тварь с раздвоенным хвостом!

— Вы хотите сказать, что я желал их увидеть рядом? — Тут он осознал, что все происходящее целиком и полностью связано с вивернами и их разговорами о видении снов. Поэтому он осторожно прибавил: — Или мне все это просто приснилось?

Он опустил глаза и увидел бинт. Под бинтом до сих пор нарывала глубокая рана. Еще болела спина и плечи после хлыста, которым его угостил Бревно. На спине даже осталась отметина... Настоящая боль от настоящего удара.

— Нет, ты не видел это во сне. Так уж случилось, Ланти, что одна из наших юных леди настроила тебя при помощи одного приспособления. Надеюсь, мне нет нужды напоминать тебе — какого. И вот поскольку ты был настроен соответствующим образом, то твое желание увидеть росомах сбылось. И они появились рядом с тобой.

Шенн болезненно поморщился. Это звучало невероятно. И все-таки он же встречался с Бревном и Травом... Может ли кто-нибудь доходчиво объяснить ему их появление? А как он тогда, вначале, спрыгнул с вершины скалы на остров, где угодил в самый центр потока, и совершенно не помнил о своем стремительном путешествии?

— Как это работает? — спокойно осведомился он.

Торвальд рассмеялся:

— Ты меня спрашиваешь? Что ж, попытаюсь объяснить, если сумею. У каждой виверны-ведьмы есть такой диск, и при помощи этих дисков они способны управлять различными силами. Когда мы снова очутились на берегу, то случайно попали в учебный класс, где новичков обучают обращаться с этими дисками. Знаешь, мы столкнулись с чем-то необъяснимым и непостижимым для нашего разума. Говоря их словами, это просто магия.

— А мы их пленники?

— Спроси меня о чем-нибудь, в чем я уверен. Я свободно разгуливаю повсюду, где мне заблагорассудится. Еще ни разу я не наблюдал даже намека на враждебность. Большинство из них просто не обращают на меня внимания. Мне удалось побеседовать на телепатическом уровне с их руководительницами или старшими... или главными ведьмами... сам не знаю, как

их называть, потому что им подходят все три названия. Они задавали вопросы, я как можно подробнее отвечал на них, но порой мне казалось, что полного взаимопонимания никак не получается. Тогда я задал несколько вопросов, они очень ловко и умело ушли от ответа или отвечали совершенно непонятно. Короче, несли какую-то чушь, как это часто делают демагоги. Вот насколько продвинулся вперед наш контакт.

И офицер печально улыбнулся.

— А что с Тагги и Тоги?

— Не знаю, бегают где-то. Сдается мне, что им сейчас куда лучше, чем нам. Но вот что странно, они стали разумнее и быстрее понимать команды. Возможно, тут не обошлось без воздействия диска, рядом с которым они крутились. Думаю, он каким-то образом повлиял на их поведение.

— А что с вивернами? И все ли они особи женского пола?

— Нет, однако система их племени строго матриархальная. Когда-то так было и у нас на Терре. Здесь все точно так же, как когда-то у нас. Плодородная мать-земля и ее жрицы, превратившиеся в ведьм, когда боги покорили богинь и стали главенствовать над ними. Здесь очень мало особей мужского пола и недостаток силы, чтобы приводить в действие диски. Действительно, — Торвальд угрюмо усмехнулся, — у их цивилизации собралось столько противоположного нам пола, что особи мужского пола здесь в лучшем случае имеют статус домашних любимцев, а в худшем — необходимых им злых демонов. Что с самого начала выставило нас в самом невыгодном свете. Мы же с тобой, как-никак, мужчины, не так ли, Шенн Ланти?

— Вы считаете, что они не воспринимают нас всерьез, потому что мы — особи мужского пола?

— Вполне вероятно, — ответил офицер. — Я пытался рассказать им об опасности со стороны трогов, я подробно описал им, что может статься с ними, если жуки осядут здесь навсегда. Они полностью отвергли эту мысль. Отмахнулись от нее, если можно так выразиться.

— Разве вы не попытались убедить их, что троги тоже самцы?

Торвальд отрицательно покачал головой.

— Этого бы не сумел сделать ни один человек. Мы сражаемся с трогами с незапамятных времен. У нас есть записи, рапорты и

сведения о трогах и их поведенческих образцах, которые в целом содержат приблизительно два абзаца стопроцентно доказанных фактов и многие сотни предположений и догадок, начиная от вероятного и кончая безумными фантазиями. О трогах можно рассказывать все, что угодно, можно даже найти множество разумных существ, готовых в это поверить. Но если высадившиеся на материке троги способны отзываться на «он», «она» или «оно», то у нас с тобой остается одна и та же проблема. Дело в том, что мы всегда считали трогов, с которыми сражались, особями мужского пола, но ведь с таким же успехом они могут оказаться и амазонками. Тогда этим крылатым ведьмам вовсе не о чем волноваться. Собственно говоря, их и сейчас ничего не волнует. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

— Но в любом случае нельзя подойти к ним и заявить, дескать, мы с вами девушки, — заметил Шенн.

Торвальд громко расхохотался.

— Ну ты и скажешь! Кстати, мы не единственные нежеланные гости на Колдуне.

— Вы имеете в виду трогов? — спросил Шенн, садясь на своем ложе.

— Нет, что-то еще. Не с Колдуна и не виверн. И вероятно, у нас могут быть с ним проблемы.

— А вы его не видели?

Торвальд уселся, скрестив ноги. Янтарный свет, ровной струей льющийся в окно, попадал на его волосы, отчего они стали красно-золотыми, что придавало его худощавому вытянутому лицу некоторую свежесть.

— Нет. Но насколько я понимаю, чужак находится не совсем здесь. Дважды мне удалось поймать случайные телепатические сигналы, а новоприбывшие ведьмы, которые встретили меня, очень удивились. Они явно ожидали встретить нечто, совершенно отличающееся от них физически.

— Может быть, это еще один разведчик с Терры?

— Нет. Мне кажется, что для виверн мы очень похожи. Точно так же, как мы не сумели бы отличить одну ведьму от ее сестры, если бы не отличались узоры на их телах. Обнаружить одинаковый узор практически невозможно, потому что они невероятно сложны, а все потому, что чем запутаннее у ведьмы узор, тем

мощнее ее «сила», точнее, не ее самой, а ее предков. Им разрешается носить узоры, когда они получают право на свой диск, а вручается он после оценки способностей самой великой ведьме по ее семейной линии, как своего рода стимул жить согласно своим деяниям и по возможности улучшать и превосходить их. В общем-то логично. При условии, что дается правильная поведенческая и психологическая установка, подобная система может сослужить и нам неплохую службу.

Эти крупицы информации были почерпнуты Торвальдом из отчетов изыскателей. Но в эти минуты для Шенна намного ценнее оказались бы сведения о еще одном неведомом пленнике. Здоровой рукой он оперся о стену и поднялся. Торвальд наблюдал за ним.

— По-моему, ты неплохо разбираешься в ситуации. Скажи мне, Ланти, *зачем* ты вмешался в бой с тем чудовищем?

Шенн был бы сам рад ответить, что побудило его на столь импульсивные действия.

— Не знаю... — нерешительно пробормотал он в ответ.

— В тебе взыграл рыцарский дух? Прекрасная виверна в опасности? — настойчиво вопрошал офицер. — Или тебя вынудил совершить это диск?

— Не знаю...

— И почему ты воспользовался ножом, а не шокером?

Шенн был ошарашен. Только сейчас он осознал, что вступил в бой с самым страшным чудовищем на планете, причем используя такое примитивное оружие, как нож. Почему же он не попытался поразить чудовище из шокера? Прежде он не задумывался о том, почему выступил в роли убийцы чудовища.

— Не лучше ли было выпалить в него из шокера, или ты считал, что энергетический луч не подействует на монстра?

— А вы сами пробовали?

— Естественно. Но ведь ты не знал об этом; или все-таки ты где-то раньше выудил эту информацию?

— Нет, — медленно ответил Шенн. — Я не знаю, почему я использовал нож. Конечно, лучше было бы выстрелить из шокера.

Внезапно его затрясло, но когда Шенн повернул к Торвальду лицо, то оно выглядело спокойным и осмысленным.

— Сколько времени они управляют нами? — спросил он полушепотом, словно его слова могли проникнуть сквозь стены и долететь до посторонних ушей. — Чего они добиваются?

— Хороший вопрос, — ответил офицер. Его голос вновь приобрел решительный командный оттенок. — М-да, что они могут выкопать из наших мозгов, не имея наших знаний? Вполне вероятно, что эти диски всего лишь притворство, отвлекающий момент. Наверняка они способны работать и без них. Ведь очень многое зависит от впечатления, которое мы сможем произвести на этих ведьм. — Он снова печально улыбнулся. — М-да, действительно, мы неправильно назвали эту планету. Колдун — мужского рода, а тут сплошные ведьмы.

— Неужели у нас есть возможность самим превратиться в колдунов?

Улыбка исчезла с лицо офицера, и он кивнул Шенну, словно одобряя его мысль.

— Это именно то, чем мы займемся, и немедленно! Надо отнестись к попытке убедить этих упрямых дамочек так же серьезно, как к сражению с трогами... — Он пожал плечами. — Мы займемся правильным делом и не зря потратим время!

Глава 16

ТРЕТИЙ ПЛЕННИК

— Что ж, работает, как новенькая, — произнес Шенн, подставляя руку солнцу. Он только что извлек руку из кожаной оболочки, чтобы посмотреть на полузарубцевавшийся шрам, но когда он напрягал мышцы, сгибая и разгибая пальцы, то все же ощущал очень слабую остаточную боль. — Теперь что? И куда? — обратился он к Торвальду с нетерпением. Несколько дней заключения в этой комнатушке сделали Шенна нетерпеливым, и ему страстно хотелось очутиться на свободе. Как и офицер, он был одет в зеленые штаны фабричного изготовления — единственную ткань, знакомую вивернам, — и в свои растоптанные сапоги. Он удивился, когда обнаружил при себе шокер и нож, но спустя некоторое время осознал, что ведьмы посчитали неопасным для себя такое простенькое на их взгляд оружие.

— А ты что скажешь? Твои соображения не хуже моих, — ответил офицер. — Если бы ведьмы захотели тебя видеть, то настояли бы на этом, и скорее всего — весьма убедительно.

Город виверн состоял из рядов глубоких ниш на внутренней стенке скалы и напоминал пчелиные соты. Снаружи они увидели почти вертикальный откос, на котором не заметили никаких природных изъянов; внутри же стояла мертвая тишина. Обманчивая тишина. Ибо любой терранец прекрасно знал, что в подобной стене может обитать как горсточка, так и десятки тысяч существ, которых они высматривали, пробираясь по длинным коридорам, теперь указывающим им путь.

Шенн ожидал, что снова обнаружит залу со стеной, где рядами стоят черепа, при помощи которых ведьмы предсказывали его будущее. Однако вслед за Торвальдом вошел в овальную комнату, в которой большую часть внешней стены занимало окно. И, вглядевшись в то, что находилось за ним, Шенн резко остановился, снова сомневаясь, существует ли увиденное им в действительности или просто внушено ему его гостеприимными хозяйками.

В эти минуты они находились ниже той комнаты, где он залечивал рану, и не очень далеко от уровня воды. Окно выходило прямо на море. На зеленых волнах мерно покачивался красно-пурпурный череп; вода переливалась через его нижнюю челюсть, яростно вспениваясь от ударов, а потом проникая в проем между скалоподобными зубами. А из глазниц вылетали клацающие существа, они то влетали, то вылетали обратно, словно доставляя какому-то заключенному в черепе гигантскому мозгу информацию из внешнего мира.

— Мой сон... — прошептал изумленный Шенн.

— Твой сон, — услышал он. Но это не Торвальд вторил ему; ответ проник прямо ему в мозг.

Шенн повернул голову и увидел ведьму, ожидающую их. Ее взгляд был сконцентрирован на обоих мужчинах, и в нем ощущалась оскорбительная прямота и целеустремленность; это был открытый, пристальный взгляд, совершенно лишенный теплоты гостеприимства. Скорее он был наполнен враждебностью. По узорам на ее коже Шенн узнал одну из троицы, которая доставила его из тумана в пещеру. Рядом с ней стояла молодая

ведьма, попавшаяся в ловушку той ночью, когда начались все эти странные события.

— Мы встретились опять, — медленно промолвил он. — С какой целью?

— Это нужно нам... и вам...

— Не сомневаюсь, что вам это для чего-то нужно. — Теперь мысли терранца текли плавно, создавая чисто формальную беседу, чего бы он ни за что не допустил в общении с человеком. — Но я не ожидаю ничего хорошего для себя...

На ее лице появилась непонятное выражение, которое невозможно выразить никакими словами. Шенн и не надеялся ни на что другое. Тем не менее в его неуравновешенном мозгу возникло легкое ощущение того, что она пребывает в некотором замешательстве, словно его мысленные процессы оказались слишком сложными для ее понимания, как головоломка с несколькими ключами.

— Мы не желаем тебе зла, звездный путешественник. Но ты представляешь собой гораздо большее, нежели мы подумали о тебе сперва, ибо, видя ложные сны, ты осознаешь это. Когда же ты увидел правдивый сон, ты тоже узнал об этом.

— И еще, — с вызовом вставил он, — вы собираетесь поручить мне некую задачу без моего согласия.

— Да, у нас есть для тебя задача, но она уже находилась в модели твоего правдивого сна. А ведь не мы устанавливаем подобные модели, звездный человек; это делается Величайшей Силою из всех. Каждый живет в пределах предписанной ему модели от Первого Пробуждения до Последнего Сна. Поэтому мы не станем требовать от тебя больше, чем ты уже сделал.

Она медленно встала с томным, ленивым изяществом, свойственным их грациозным, увешанным драгоценностями телам, и подошла совсем близко к нему. Ростом она была с ребенка, и поэтому рядом с ней терранец казался неуклюжей глыбой из костей и плоти. Она вытянула четырехпалую лапку, увешанную изумительной красоты браслетами, и, положив ее на руку Шенну, потерла его еще не заживший шрам.

— Мы — разные, звездный человек, и все-таки мы оба видим сны. А в снах заключена огромная сила и власть. Твои сны провели тебя через тьму между этим солнцем и тем, дальним

солнцем. Наши сны проводят нас даже по незнакомым дорогам. А вон там... — один ее пальчик вытянулся и указал на череп, — там находится еще один, кто видит сны, ниспосланные ему силой, которая будет всех вас разрушать, непрерывно, если своевременно не сломать модель его сна.

— И я должен пойти на поиски этого сновидца? — Теперь Шенн полностью осознал свой подъем через носовое отверстие черепа.

— Иди.

Торвальд шевельнулся, и ведьма повернулась к нему.

— Один, — прибавила она. — Ибо это только твой сон, как это случилось сначала. Для каждого существует его сон, и другой не сможет пройти через него, чтобы изменить модель его сна, даже ради спасения жизни.

Шенн криво усмехнулся. Ему стало не до смеха.

— Похоже, меня выбрали, — проговорил он, обращаясь скорее к себе, нежели к Торвальду. — Но что мне делать с тем сновидцем?

— То, что подскажет тебе модель твоего сна. Все, что угодно, только не убивай его...

— Трог! — Торвальд решительно шагнул вперед. — Это трог! Ты не можешь отправиться туда без оружия, руководствуясь лишь этими приказами!

Должно быть, ведьма ощутила в словах офицера протест, ибо ее телепатический контакт тотчас же коснулся их обоих.

— Мы еще не имели дела ни с кем, чей разум близок к вашему. Он самый старший в своем роду, а его народ искал его и на суше и на море с тех пор, как его воздушный корабль разбился о скалы, и он нашел там убежище. Если хочешь, найди с ним общий язык, а также приведи его сюда, ибо его сны — это не твои сны, и он приводит в замешательство Достигших, когда они начинают идти Тропой поисков.

— Это может быть какой-нибудь важный трог, — решил Шенн. — Интересно, бывают ли у жуков какие-нибудь особо важные офицеры? Мы могли бы использовать его как заложника, чтобы как следует поторговаться с остальными.

Торвальд продолжал хмуриться.

— В прошлом мы никогда не смогли установить с ними какой-либо контакт, хотя наши лучшие умы после долгих тренировок попытались...

Шенн не воспылал особым интересом к этой довольно деликатной оценке его опыта к ведению дипломатических переговоров с противником. Он знал одно: подобного опыта у него просто не было. Тем не менее он мог испробовать один вариант, если, конечно, это разрешит ведьма.

— Можете ли вы дать диск силы этому звездному человеку? — И он указал на Торвальда. — Поскольку он мой Старший и к тому же Достигший Знаний. С такой сильной фокусировкой его сны будут со мной, когда я отправлюсь к трогу, и возможно, он сумеет мне помочь в моей миссии, которую в одиночестве я выполнить не смогу. Ибо это тайна *моего* народа, Старший. Мы объединим наши силы, чтобы сделать заслон против врагов, своего рода совместный инструмент для работы, которую мы обязаны выполнить!

— И такое случается, звездный путешественник, — снисходительным тоном проговорила ведьма. — Учти, мы не настолько глупы, как это может показаться с первого взгляда. Мы очень много узнали о вас, пока вы блуждали по Дворцу Ложных Снов. Тем не менее наши диски силы принадлежат только нам, и их нельзя отдавать незнакомцу, пока еще живы их владельцы. Однако... — Она снова повернулась, на этот раз очень резко, к старшему терранцу.

Наверное, офицер повиновался неслышному приказу, потому что он сложил ладоши и опустил их в сложенные ладоши ведьмы, затем наклонил голову так, что его серые глаза встретились с ее золотыми. И вдруг словно паутина связи опутала их. Торвальд с ведьмой были связаны тугим кольцом, не допускающим к ним Шенна.

Тогда Шенн явственно ощутил рядом какое-то движение. Самая молодая ведьма присоединилась к нему, чтобы наблюдать за клацающими летающими существами, кружащими возле голого купола острова-черепа.

— Почему они так летают? — спросил ее Шенн.

— Там их гнезда. Они кормят своих птенцов. Еще они охотятся за существами, живущими в скале в самой черной тьме.

— Существа, живущие в скале? — переспросил Шенн.

Если внутренности черепа кишат какой-то местной фауной, то ему хотелось узнать о ней побольше.

Каким-то своим методом молодая ведьма передала Шенну сильное ощущение отвращения, вызванное ее же собственными «словами» о существах, живущих в скалах.

— И все-таки вы там заключили в тюрьму трога, — заметил он.

— Вовсе нет! — тотчас же возразила она горячо. — Несмотря на наши предупреждения, существо с другой планеты прилетело на это место. И стало там скрываться. Однажды нам удалось выманить его в море, но он оборвал контроль и улетел обратно.

— Он освободился... — неуверенно проговорил Шенн. — Он освободился от контроля диска?

— Ну конечно! — воскликнула она немного удивленно. — Почему ты спрашиваешь, звездный путешественник? Разве ты сам также не освободился от силы диска, когда я вела тебя подземным путем. Помнишь, как ты проснулся на реке? Неужели ты считаешь другого настолько слабее тебя, что думаешь, будто он не способен на такие же действия?

— Я знаю о трогах не больше вот этого. — Сложив большой и указательный пальцы в крошечный кружок, он показал его ведьме.

— И все же ты знал о них, прежде чем прилетел на эту планету.

— Мой народ давно знает о трогах. Много-много раз среди звезд мы встречались с ними и вступали в бой.

— И вы ни разу не поговорили с ними телепатически?

— Никогда. Мы пытались найти способ контакта, но он так и не состоялся, ни при помощи мозга, а тем более — голоса.

— Тот, кого ты называешь трогом, совершенно не такой, как ты, — передала она. — И мы тоже не такие, как вы, мы чужие, и к тому же — женского пола. И все-таки, звездный человек, мы с тобой разделили сон.

Шенн изумленно уставился на нее, но его поразили не ее «слова», а их человеческий смысл. Или это тоже было всего лишь иллюзией?

— Там, за завесой... то существо, прилетевшее на крыльях, когда ты вспоминал его. Это хороший сон, хотя он и пришел

из прошлого, и поэтому теперь — в настоящем — он оказался ложным. Но я отложила его в свое хранилище снов, ибо такой прекрасный сон надо хранить. Очень бережно хранить.

— Я очень бережно хранил память о Траве, — печально произнес Шенн. — Я случайно нашел ее в сломанной клетке в одном космопорте, когда был еще совсем ребенком. Мы оба промерзли до костей и страшно проголодались, и оба мы были одиноки и избиты. Поэтому я украл Трава из клетки, и я рад, что сделал это. И некоторое время мы оба были так счастливы! Правда, продолжалось это очень недолго... — Он с трудом прекратил свой рассказ.

— Итак, хотя мы совершенно непохожи друг на друга и телом и разумом, но все же мы оба чувствуем красоту, пусть даже во сне. Следовательно, между нашими народами *может быть* взаимопонимание. И, чтобы порадовать тебя, я могу показать тебе мое хранилище снов, звездный путешественник.

Перед глазами Шенна поплыли мерцающие картины, некоторые — жутковато-сверхъестественные, некоторые — изумительно красивые, и все — чуть-чуть искаженные, но не только из-за спешки, а из-за тумана в мыслях ведьмы, ибо это было частью модели ее памяти.

— Ты устроила мне праздник, поделившись со мной снами, — поблагодарил ее Шенн. — Все в порядке! — вдруг сорвались с его языка слова, мгновенно перенесшие его от окна к Торвальду. Офицер больше не держал сомкнутые ладони в ладонях ведьмы, но его лицо горело нетерпением и страстным желанием действовать.

— Мы обязательно испытаем твою идею, Ланти! Они дадут мне совершенно новый, чистый диск и покажут, как им пользоваться. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы при помощи его возвратить тебя. Но они настаивают, чтобы ты отправлялся туда сегодня же.

— Что же им нужно от меня на самом деле? Чтобы я просто вытащил оттуда этого трога? Или попытался бы переговорить с ним в качестве посредника колдуний? И все это придется *делать* под покровом сна!

— Им нужно, чтобы ты выманил его оттуда и он вернулся к своим, если, конечно, это возможно, — сказал офицер. — По-

видимому, он оказывает на колдуний разрушительное влияние; когда он решительно вторгается в их «силу», то создает своего рода ментальную дыру. Им так и не удалось войти с ним в контакт. Их Старшая уверена, что ты предопределен для этой работы, равно как и то, что тебе известно, что делать, когда ты туда попадешь.

— Наверное, мне снова придется метать копья, — усмехнулся Шенн.

— Тем не менее они считают, что ты способен выкурить оттуда трога, и не собираются менять свое решение.

— Я бы его выкурил, будь у меня бластер, — заметил Шенн.

— Они говорят, чтобы ты отправлялся туда без оружия.

— Да что им известно о нашем оружии или об оружии трогов? — возмущенно воскликнул Ланти.

— Он не вооружен, — снова до мозга Шенна долетели слова виверна. — И поэтому он страшно боится. И этот страх разрушает его. С тех пор как у него нет оружия, он замкнут в тюрьму своих собственных страхов.

Шенн подумал, что взрослый трог, даже невооруженный, не такая уж легкая добыча. Его тело покрыто роговистым панцирем, лапы вооружены острыми когтями, а если вспомнить о всесокрушающих жучиных жвалах... К тому же он одного роста Шенном. Нет, даже невооруженный, трог смертельно опасен.

Пока Шенн размышлял о троге, вдруг его подхватило волной, которая принесла его к нижней челюсти острова-черепа. Вместе с Шенном она поднялась выше зубообразной скалы и бросила его к носовому отверстию черепа, то есть прямо к входу во вражеское убежище.

Вокруг Шенна то и дело раздавалось клацанье, а мимо его проносились встревоженные птицы, явно возмущенные его вторжением на их территорию. И когда они налетели на него и стали больно избивать крыльями и яростно впиваться клювами в его тело, Шенн обрадовался, что наконец добрался до этой необычной «двери» и поспешно нырнул туда. Шенн оглянулся. Он не увидел дыры в скале, возле которой остался Торвальд, и не чувствовал никакой ментальной связи с офицером. Он не на шутку испугался. Выходит, их надежда на связь потерпела крах.

Он медленно и неохотно двинулся вперед. Вскоре его глаза привыкли к полутьме, и теперь терранец получил первую помощь от виверн: зеленый кристалл, точно такой же, как те, что изображали звезды на потолке пещеры. Соорудив незамысловатую петлю, он подвесил кристалл к ремню, чтобы ничем не занимать руки. Затем в последний раз вдохнул полные легкие свежего морского воздуха и стал углубляться в недра черепа.

Стоило ему отойти на несколько футов от внешнего мира, как в нос ударило страшное зловоние. Это был запах встревоженных и поднятых со своих гнезд клацающих птиц. Несмотря на издаваемую ими вонь, Шенн почувствовал еще какой-то запах, сильный и очень устойчивый, словно ветер с моря никак не мог выветрить его, а если и выветривал, то он постоянно возвращался на свое место, создавая эту невыносимую атмосферу. Под подошвами сапог хрустели мелкие косточки, и, не обращая на них внимания, Шенн двинулся дальше. Зеленоватый свет, излучаемый кристаллом, освещал ему дорогу. И этот свет был совершенно непохожим на свет фосфоресцирующих кустов, поэтому Шенна и не поглотила целиком кромешная тьма.

По мере его продвижения пещера быстро сужалось, пока не превратилась в щель, точнее, в узкую трещину. Словно кто-то размозжил этот гигантский череп, оставив на нем трещину. Шенн осторожно шел вперед, останавливаясь через каждые несколько шагов. Теперь до него снова донеслось клацанье и пронзительные крики. Он решил, что наскальный «оркестр» снова чем-то встревожен. Волны ударяли о череп с такой силой, что он вибрировал изнутри. Шенн прислушался, нет ли кого-нибудь рядом, одновременно проверяя, насколько силен зловонный запах, выдающий присутствие затаившегося трога.

Когда Шенн наконец повернул в узкий коридор и увидел огромную трещину, сквозь которую пробивался дневной свет, он выхватил шокер. Даже самый сильный залп из шокера не сможет полностью парализовать трога, но он сможет несколько замедлить его нападение.

Внезапно Шенн увидел красные огоньки. Они то и дело вспыхивали. Глаза? А вдруг эти глаза принадлежат обитателям скал, которых так ненавидели ведьмы? Впереди Шенн заметил

множество таких огоньков. Шенн снова обратился в слух, надеясь услышать какой-нибудь знакомый ему звук.

Но прежде чем он услышал звук, до него донесся отвратительный запах. Теперь его проводником стало жуткое зловоние, от которого Шенна чуть не вырвало. Расщелина завершилась небольшим замкнутым пространством. Из-за ограниченного света, испускаемого кристаллом, Шенн не смог рассмотреть противоположную стену помещения. И тут в слабом свете он увидел свою добычу.

Трог не встал, готовый к опасности, а только еще крепче прижался к стене. Он даже не пошевелился, когда Шенн стал к нему приближаться. Шенн задумался о том, заметил ли его жук? Он шел очень осторожно. И вдруг круглая голова с выпученными глазами едва повернулась, жвалы отвратительного разверстого рта задрожали. Да, безусловно, трог увидел его.

Но по-прежнему трог не шевелился и даже не попытался подняться, чтобы броситься на терранца. И тут Шенн увидел упавшую глыбу, придавившую членистую лапу трога к каменному полу. Вокруг пленника валялись останки его жертв, маленьких изуродованных существ, которые решили поживиться беспомощной жертвой и сами оказались убитыми трогом, который метал в них камни, единственное его оружие...

Шенн спрятал шокер в кобуру. Ему стало ясно, что трог беспомощен и не сможет дотянуться до него. Он попытался мысленно сконцентрироваться, чтобы обрисовать сцену, явленную его взору и каким-то образом передать ее Торвальду или ведьмам. Ответа не было. Ему оставался один-единственный выбор действий.

Терранец сделал известный во все времена дружеский жест, показав трогу безоружные руки, обратив к нему пустые ладони. Трог даже не пошевелился в ответ. Ни одна из его верхних лап не сдвинулась с места; его когти по-прежнему лежали на мелких камнях. В любой момент трог был готов швырнуть камень в Шенна. Все знания Шенна из истории встреч с чужаками не включали в себя такого непонимания — или нежелания понимать — этого приветственного жеста, означающего, что ты не вооружен, а значит, не желаешь нанести вред собеседнику. Похоже, трогу было совершенно все равно. Шенн еще раз оглядел

множество трупов, валяющихся вокруг, и еще раз убедился в правильности рассказов о необычайной меткости трогов. И он представил себе, что один из камней запросто может угодить ему в голову и удар окажется для него роковым. И все же он послан сюда, чтобы освободить трога и изгнать его с территории вивернов.

От трога исходило такое зловоние, что Шенн закашлялся. Как ему не хватало сейчас росомах, которые сумели бы отвлечь врага на себя! Но на этот раз их появлению явно мешало присутствие диска. А Шенн не мог стоять здесь вечно и пялиться на трога. Оставался шокер. Жизнь в Трущобах научила любого человека, побывавшего там, быстро принимать решения, ибо каждый думал только об одном — о выживании. А это значило, что ты должен быть более быстрым и метким стрелком. И сейчас рука Шенна отработанным много лет назад движением метнулась к шокеру.

Сильный парализующий луч устремился прямо в голову трога, прежде чем тот сумел угодить камнем Шенну в плечо. Онемевшая рука терранца тут же выронила оружие. А второй камень выпал из разжавшихся когтей трога. Он попытался дотянуться до него, но его движения уже стали замедляться.

Шенн, с повисшей от удара рукой, быстро двинулся вперед и уперся плечами в каменную глыбу, удерживавшую трога. Трог снова прицелился Шенну в голову, но его движения были настолько медленными, что Шенн легко уклонился от летящего в него камня. Глыба сдвинулась и перекатилась по полу. Шенн тут же поспешил оказаться вне досягаемости броска со стороны противника, возвратился ко входу в пещеру, по пути остановившись, чтобы поднять свой шокер.

Трог очень долго не подавал признаков жизни. Он полулежал без движения; его затуманенные мозги работали еле-еле. Спустя некоторое время трог немного приподнял туловище и попытался встать, не используя поврежденную камнем лапу. Шенн напрягся в ожидании нападения. Что же теперь будет? Откажется ли трог идти? Если так, что ему с ним делать дальше?

Внезапно он ощутил послание, дошедшее до самых глубин его мозга. Но первоначальная радость Шенна, вызванная первым контактом, тотчас же исчезла.

— Корабль трогов... наверху.

Трог отделился от стены и, сильно хромая, направился к Шенну или, вероятно, только к выходу. Сжимая в левой, здоровой руке шокер, терранец начал отступать. По пути он вновь старался войти в телепатический контакт с Торвальдом. Ответа не было. Тогда он начал пятиться задом, стараясь как можно глубже уползти в расщелину. Он пятился, не желая оказаться к трогу спиной. Враг наступал столь решительно, насколько ему позволяла изуродованная лапа. Шенн понял, что трог стремится вырваться во внешний мир.

Корабль трогов наверху... Мог ли пленник пещеры каким-то способом призвать своих соплеменников на помощь? И что, если его, Шенна Ланти, захватят в плен? Это может сделать либо пленный трог, либо те, кто прилетел на корабле. Он уже не ожидал никакой помощи от колдуний, а что мог сделать Торвальд? Практически ничего... Сзади, у входа в носовую полость черепа, он услышал звук... И этот звук никогда не издавали ни клацающие птицы, ни вечно бушующее море.

Глава 17

ПРАВОСУДИЕ ТРОГОВ

Кислый, омерзительный смрад был настолько сильным, что желудок Шенна опять не выдержал. Он повернулся на бок, и его долго, натужно рвало, пока кислый запах его рвоты не перебил встречное зловоние, исходившее от летального аппарата противника. Шенн почти не помнил, как оказался в этом месте; его тело представляло собой сплошной комок нестерпимой боли, словно его обожгло. Обожгло! Неужели троги вырубили его своими энергетическими лучами? Последнее, что он помнил, — это свой поспешный спуск из расщелины скалы-черепа. Трог тогда находился совсем близко. И еще... и еще звук, донесшийся от входа в расщелину!

Он — пленник трогов! Шенном овладел ужас, вдвое сильнее боли и тошноты. Он знал, что троги никогда не оставляли терранцев в живых, когда те попадали в их лапы, и старались покончить с их существованием как можно быстрее. Обычно

троги уничтожали терранцев прямо на месте. Но Шенн чувствовал, что его руки были стянуты за спиной и замкнуты каким-то сложным замком и это приспособление совсем не походило на специальные пластины-наручники, используемые для укрощения преступников.

Шенн лежал в крошечном помещении, напоминающем кукольный домик. Вокруг стояла кромешная тьма. Но легкая вибрация пола и перегородок возле него говорили о том, что корабль находится в полете. Шенн решил, что корабль врага может лететь только в двух направлениях: или к разрушенному лагерю, или к своему кораблю-носителю. Если гипотеза Торвальда верна и троги захватили терранца, чтобы выманить к себе корабль, то они направляются к лагерю.

И как любой человек, оставшийся в живых, Шенн не потерял надежду и думал теперь о лагере. Ведь для него попадание в лагерь означало пусть слабую, но возможность побега. Если он окажется на поверхности Колдуна, то он может попытаться сбежать; если же троги отправят его на корабль-носитель, то шансы побега равняются нулю.

Торвальд... и ведьмы! Может ли он ожидать от них хоть какой-нибудь помощи? Шенн смежил веки в полной темноте и попытался наугад послать телепатический сигнал на диск офицера или той ведьмы, с которой он разговаривал о Траве и делился снами. Шенн изо всех сил сконцентрировал свои мысли на юной ведьме, вызывая из памяти каждую деталь ее внешности, замысловатых узоров, драгоценностей, на ее изящных хрупких руках, но что-то иное закрывало ее прекрасные черты. Мысленно он видел ее, но она являлась ему в виде безжизненной куклы и, конечно же, полностью лишенной своей волшебной силы.

Торвальд... На этот раз Шенн старался выстроить в уме изображение офицера, стоящего у того окна, сжимающего в руке диск и прищуривающегося от ярких лучей солнца, падающих на его рыжеватые волосы и бронзовую от загара кожу. Эти серые глаза, порой холодные как лед, эти крепко стиснутые зубы, когда Торвальд ставил ловушку...

И вдруг Шенн ощутил контакт! До него дошло нечто, напоминающее очень скверно настроенное трехмерное изображение. Во всяком случае, то, что он мысленно увидел, было на-

много расплывчатее и неяснее изображений, показанных ему юной ведьмой. Но контакт все-таки был! И Торвальду тоже известно об этом.

И снова Шенн попытался полностью восстановить тонкую нить своего сознания. Теперь, уже спокойно, он еще раз создал изображение Торвальда, постепенно добавляя к нему различные упущенные до этого подробности, извлекаемые им из памяти; совсем крохотные, ибо до сих пор, ему казалось, он их не замечал. К примеру, тонкий стрелообразный шрам возле основания шеи офицера, кончики его волос, чуть вьющиеся у своих концов, совершенно прямую глубокую морщинку упрямца, появляющуюся между бровями Торвальда, когда тот в чем-то сомневался. Шенну удалось воссоздать его облик настолько отчетливо, что теперь Торвальд словно воочию предстал перед ним, как Бревно или Трав в туманной иллюзорной мгле.

— ...где?

К этому времени Шенн уже был готов к приему любых сообщений от друзей. Он не позволял мысленному образу Торвальда разлететься вдребезги из-за волнения, вызванного неожиданной удачей выхода на связь.

— Корабль трогов, — вслух отвечал он снова и снова, стараясь не упустить из мыслей образ офицера.

— ...будет...

Лишь одно слово! Нить между ними снова оборвалась. Только теперь Шенн стал ощущать перемену в вибрации летального аппарата. Они садятся? Но где? Пусть же это будет лагерь! Это должен быть лагерь!

Посадка проходила очень мягко, и Шенн не чувствовал никакой вибрации. Единственное, что он понимал, — это то, что корабль приземляется именно на поверхность планеты, но пока еще находится в воздухе. И лишь спустя несколько секунд он приземлился. Шенн, напрягшись всем своим избитым телом, ожидал следующего шага со стороны захватчиков.

Он продолжал лежать в кромешной темноте, еле сдерживая тошноту от жуткого зловония, распространяющегося по всей его каютке. Сейчас он был слишком взволнован, чтобы пытаться связаться с Торвальдом. Когда его глаза наконец привыкли к темноте, он увидел над головой наглухо запечатанный люк и с

нетерпением взирал на него... как вдруг чуть не ослеп от яркого света. Чьи-то когти больно подхватили его под мышки и начали вытаскивать наверх, отчего его обессилевшее тело моталось из стороны в сторону. Его проволокли через короткий коридор и вытащили из корабля, потом грубо швырнули на твердую землю и потащили куда-то. У Шенна создалось впечатление, что с него сдирают кожу, и он чуть не заорал от боли.

Теперь терранец лежал на спине, и, пока его глаза привыкали к яркому свету, он увидел над собою врагов. Троги встали в круг и внимательно рассматривали его, заслоняя своими жукообразными головами небо. Чудовищные жвала одного из них зашевелились, и он издал странный щелкающий звук. И снова когти подхватили Шенна под мышки, и его рывком подняли на ноги.

Теперь трог, отдавший приказ, подошел к Шенну поближе. Его лапы с грозными когтями сжимали небольшой металлический обод, обмотанный тонкой проволокой, от которого паутиной исходили ярко сверкающие на солнце нити. Трог поднял обод ко рту Шенна и несколько раз щелкнул своими жвалами, и тут до Шенна дошли едва различимые, сказанные на основном галактическом слова:

— Ты — мясо для трогов!

Сперва Шенн задумался о том, понимать ли слова жука буквально. Или у трогов это считалось традиционным обращением к пленникам.

— Делай, что сказано!

Это уже было достаточно понятно, тем более что терранец не видел иного выхода из создавшейся ситуации. Но Шенн сделал вид, что не понял ни одной из этих двух коротких фраз. Вероятно, противники и не ожидали от него ничего другого. Трог, который поднял его на ноги, продолжал удерживать его подмышками, но все его внимание сосредоточилось на радиопередатчике.

Из корабля трогов вышла вторая группа. В ее середине шел трог, хромой и невооруженный. И хотя он смотрел не на Шенна, а на другого трога, Шенн догадался, что это — пленник пещеры. И к удивлению Шенна, все указывало на то, что хромой трог угодил из одного плена в другой и вызывал у своих собратьев явную неприязнь. Почему?

Трог, хромая, подошел к их лидеру, стоящему возле передатчика, и троги, охраняющие его, отошли назад. И снова защелкали жвала, потом другие — в ответ; и хотя Шенн ничего не понимал, он ощутил перемену в тоне «разговора». В одном месте рапорта (если подобное щелканье жвалами можно назвать рапортом) Шенн уловил, что «разговор» коснулся его, поскольку раненый трог указал когтистой лапой на Шенна. Но эта своеобразная конференция закончилась довольно быстро, причем таким образом, что Шенн долго не мог прийти в себя от потрясения.

Двое охранников выступили вперед, схватили раненого трога за лапу и потащили его на площадку за приземлившимся кораблем. Оставив его там, они быстро возвратились к лидеру. Офицер отдал команду. Мгновенно троги выхватили бластеры, и чем-то не угодивший трог в муках и корчах отправился на тот свет от мощных ударов энергетических лучей. Шенн затаил дыхание. Нельзя сказать, что ему нравились троги, но подобная казнь превзошла своей жестокой несправедливостью все хладнокровные убийства, которые довелось ему повидать на своем веку. Такой тупой жестокости он не встречал даже в Трущобах Тира.

Превозмогая боль и тошноту, он смотрел на уходящего офицера трогов. А спустя несколько минут он шел за другими трогами к зданиям лагеря, некогда принадлежащего терранцам. Еще через минуту он осознал, что его ведут именно к зданию радиорубки, где от него потребуют связаться с кораблями, проходящими через солнечную систему, а также с патрулем. Да, Торвальд оказался прав; человек им понадобился для радиосвязи. Чтобы таким образом замаскировать следы своего пребывания на Колдуне, а потом заманивать корабли в расставленную ими ловушку.

Шенн понятия не имел, сколько времени он провел у виверн. Корабль-носитель с ничего не подозревающими пассажирами мог уже находиться в системе Цирцеи и маневрировал для выхода на орбиту Колдуна, получив опознавательный сигнал и запросив радиосигнал для подтверждения посадки. Во всяком случае, именно этого и добивались троги. Только вот на этот раз

им крупно не повезло. Ибо они захватили в плен человека, который даже при всем желании не смог бы им помочь. Множество сложнейших приборов, датчиков и панелей с мерцающими лампочками были для Шенна совершеннейшей загадкой. У него не было ни малейшего представления о том, как включить эти механизмы, и, даже если бы ему это удалось, он не знал правильного кода, чтобы выйти в эфир.

Он чувствовал, как страх овладевает всем его естеством, пронизывая с головы до пят его избитое и измученное тело. Он не сомневался, что троги ни за что не поверят ему. Они сочтут его незнание упорным отказом сотрудничать с ними. И то, что с ним произойдет, будет вне пределов человеческой стойкости. Сможет ли он блефовать... хотя бы некоторое время? Допустим, он выиграет какое-то время, но разве это поможет ему избежать неизбежного. И все-таки лучик надежды не угасал. И эта надежда основывалась на внезапном контакте с Торвальдом. Что и заставило его попытаться сблефовать.

С тех пор как троги захватили лагерь, в радиорубке произошли некоторые перемены. На полу стоял продолговатый ящик, а из его крышки торчали во все стороны какие-то странные трубки. По-видимому, этот ящик, принадлежащий трогам, был эквивалентом снаряжения терранцев, которое лежало на широком столе напротив двери.

Начальник трогов указал на передатчик.

— Ты вызовешь корабль! — приказал он.

Шенна грубо швырнули в кресло радиста и заломили его забинтованную руку за спину так, что ему пришлось наклониться вперед, чтобы вообще удержаться на сиденье. Затем притащивший его трог грубо надел ему на голову шлемофон с наушниками и микрофоном.

— Вызывай корабль! — проскрипел вражеский офицер.

Итак, время пошло. Теперь настал момент блефовать. Шенн покачал головой, надеясь, что этот отрицательный жест понятен всем существам в космосе, включая трогов.

Выпуклые глаза трога пристально всматривались в движение его губ. Затем передатчик поднесли Шенну прямо ко рту. Шенн повторил свои слова, услышав серию щелчков, издаваемых тро-

гами, и стал ждать. Теперь очень многое зависело от реакции трога-офицера. Станет ли он без долгих рассуждений настаивать на своем приказе или все-таки поймет, что не всем терранцам известен этот код, и потому он не сумеет вбить в голову пленника сведения, которые тот никогда не знал? Причем будет ли он применять при этом физическую силу или наоборот?

По-видимому, в мыслях офицера верх взяла логика. Своими огромными жвалами он поставил передатчик на место.

— Когда корабль вызовет — ты ответишь — готовь губы говорить! Скажешь здесь беда — нужна помощь! Человек кода мертв — ты вместо него. Я слышу. Скажешь не то — ты умираешь, ты очень долго умираешь. Все это время будет боль.

Все предельно ясно. Только бы выиграть хоть немного времени! Но сколько? Ведь он не знает, когда их вызовет прибывающий корабль. Похоже, троги надеются именно на это. Шенн облизнул пересохшие губы. Он не сомневался, что старший трог выполнит свою угрозу. Только долго ли проживет после Шенна тот же трог, если Шенн передаст сигнал бедствия? В дальних перелетах корабль-носитель всегда сопровождает патрульный корабль, особенно теперь, когда в этом секторе космического пространства часто разбойничают троги. Стоит Шенну поднять тревогу, о ней тотчас же узнают на патрульном корабле. И тогда на Колдун немедленно высадится карательный отряд. Троги заставят своего пленника пожалеть о своем опрометчивом поступке. А потом, когда прибудет патрульный корабль, то каратели уничтожат на Колдуне всех до одного — и пленников, и их захватчиков.

Что ж, если его последний шанс таков, он сыграет свою роль. Троги все равно его прикончат, в этом Шенн не сомневался ни на йоту. Они никогда не держали терранцев в плену слишком долго. Они просто убивали их. Да, он погибнет, но по крайней мере заберет с собой на тот свет это дьявольское жучиное гнездо! Не то чтобы эта мысль приглушила страх, делающий его слабым и бестолковым. Шенн Ланти был достаточно крут, чтобы постоять за себя в Трущобах Тира, но выступить с открытым вызовом против трогов, как герой, — это гораздо серьезнее! Он понимал, что у него не получится устроить яркое, незабываемое

представление; он был бы рад, если удастся умереть без мучений.

В радиорубке появились еще двое трогов. Они направились к противоположному концу стола с оборудованием, часто останавливаясь по пути, чтобы свериться с пленками, на которых были записаны переговоры терранцев. При этом они пытались приспособить их к своему оборудованию. Они работали медленно, но со знанием дела, проверяя каждую пленку. Они явно готовились заманить в ловушку большой корабль-носитель и, когда он приземлится, удерживать его до тех пор, пока он не станет совершенно беспомощным здесь, на Колдуне. Шенн думал о том, как они намереваются захватить корабль, когда тот приземлится.

Корабли-носители вооружены для сражений на земле, а не в космосе. И хотя они пойдут на радиолуч, выпущенный из лагеря, они готовы к любым неприятным «сюрпризам», ожидающим их на поверхности планеты. Подобное уже случалось в истории Службы изысканий. Троги же считают свое оружие самым мощным, то-то их распирает от самоуверенности! Но способны ли они справиться с патрульным кораблем, всегда готовым к бою?

Троги-техники проверили последние записи и приборы и что-то проскрипели офицеру. Прежде чем те ушли, тот отдал приказ охраннику Шенна. На голову терранца накинули проволочную петлю, затем вторая петля крепко захватила его грудь, и Шенна буквально вырвало из кресла. Он закричал от боли. Затем на него набросили еще две петли, и после он остался в радиорубке один в весьма неудобной позе.

Все попытки высвободиться из металлических пут оказались тщетны. Каждое его движение сопровождалось жуткой болью, ибо стоило ему пошевелиться, как проволока еще сильнее впивалась в тело. Шенн закрыл глаза и попытался сконцентрироваться так же, как он делал это для того, чтобы обнаружить корабль трогов. Если бы ему удалось снова связаться с ведьмой! И немедленно! Тем более что пока у него было на это время.

Он опять выстроил ментальный образ Торвальда, не забыв ни одной подробности, как это делал, будучи на корабле трогов. И теперь, с этой единственной мыслью в голове, он попытался

ухватиться за их невидимую связующую нить. Неужели расстояние между лагерем и городом, опоясанным морем, слишком велико для связи? А вдруг троги бессознательно стирали все мысленные указания колдуний, когда те послали его освободить пленника со скалы-черепа?

На его всклокоченные волосы падали капли воды, и каждая капля словно жалила его воспаленную кожу. Собрав все свои силы воедино, он стоял под этим душем, чувствуя себя так, словно долго и упорно работал на солнцепеке, причем со скоростью, недоступной человеческому телу.

Торвальд...

Торвальд! Но офицер не стоял возле окна, опираясь о подоконник в комнате вивернов. Торвальд стоял за его спиной на фоне буйной аметистовой растительности Колдуна. Этот новый образ показался Шенну настолько отчетливым, будто сам он находился всего в нескольких футах от него. Вот и Торвальд, а рядом с ним и росомахи, с одной стороны — Тагги, с другой — Тоги. За спиною Торвальда, сверкая на солнце драгоценными узорами, выстроились ведьмы.

— Где?

Это спросил офицер, отрывисто, ясно, по-военному четко — настолько отчетливо пронеслось это слово по всей радиорубке.

— В лагере! — заорал Шенн в ответ, отчаянно опасаясь, что связь снова оборвется.

— Они хотят, чтобы я вызвал корабль-носитель, — прибавил он, на этот раз тише.

— Когда?

— Не знаю. У них есть специальное оборудование для контакта. Я им сказал, что здесь повреждения, и им известно, что я не знаю кода.

Единственное, что он видел теперь, — это лицо Торвальда: напряженное, строгое, задумчивое. Глаза офицера сверкали холодными, стальными искрами, отчего выражение его лица стало такое же безжалостное, как у главного трога. Шенн решил сообщить, что он собирается предпринять.

— Я предупрежу корабль, чтобы он уходил; пусть они пришлют патруль.

На лице Торвальда не отразилось ровным счетом ничего.

— Держись, сколько сможешь! — произнес он.

Он сказал это довольно холодно, и в его тоне не ощущалось обещание прийти на помощь. Ничего, на что так надеялся Шенн. И все-таки сам факт, что Торвальд вышел из города колдуний, уже о чем-то говорил. К тому же Шенн вспомнил про буйную растительность за его спиной. Такое разнотравье можно встретить только на материке. И еще Шенн понял, что на берегу не только Торвальд, но и виверны. Неужели офицер сумел убедить ведьм Колдуна пренебречь их политикой невмешательства в чужие дела и присоединиться к нему для нападения на лагерь трогов? Однако Шенн не заметил в голосе офицера обещания помощи, он даже не понял, к нему ли движется спасательный отряд. И все же он не сомневался, что они идут к нему на помощь.

В дверях послышался шум. Шенн открыл глаза. Вошли троги. Один направился к передатчику, двое других — к Шенну. Он снова закрыл глаза, чтобы в последний раз попытаться связаться с терранцами. В эту попытку он вложил всю свою оставшуюся энергию и волю.

— Кораблю на орбите. Здесь троги.

Лицо Торвальда исчезло в туманной дымке, когда сокрушительный удар в челюсть отдался в голове Шенна с такой силой, что он оглох, а из глаз заструились слезы. В эти страшные минуты он видел перед собой трогов — одних только трогов. И один из них держал передатчик.

— Говори!

Поросшая жесткими волосками лапа, состоящая из трех членов, протянулась через его плечо, опустила рычаг, надавила на кнопку. В голове Шенна, превратившейся в одно огромное ухо, прогремел протяжный воющий звук — передатчик заработал. Когтистая лапа сунула микрофон прямо ему в губы, одновременно с этим паутинчатая антенна передатчика повернулась в нужном направлении.

Шенн затряс головой, морщась от боли. Треск от входящего кодового сигнала, казалось, разбивал его голову на части. Трог с передатчиком держал второй наушник возле своего уха. Когти

охранника пребольно впивались Шенну в плечо, словно напоминая, что его ждет в случае неповиновения.

Треск кодового сигнала продолжался, когда Шенн лихорадочно думал: «Вот оно что! Он должен послать сигнал о бедствии, а потом троги претворят в жизнь угрозу своего офицера...» Шенну казалось, что он уже не способен ничего понять как следует. Словно неимоверные усилия связаться с Торвальдом уничтожили часть его мозга, поэтому теперь он почти что ничего не соображает. И это как раз в тот момент, когда он должен мобилизовать весь свой разум!

Происходящее в радиорубке выглядело неестественно и жутко. Шенн видел нечто подобное тысячи раз в фантастических фильмах... герой-терранец, которому угрожают пришельцы, пытается спасти... спасти...

А вдруг из какого-нибудь фантастического фильма, которые он жадно пожирал глазами в далеком детстве, он сумеет выудить частичку забытой информации?

И Шенн начал говорить в микрофон, поскольку кодовый сигнал перестал трещать в его голове. Он медленно формировал слова, причем использовал терранские слова, а не основной космический язык.

— Вызывает Колдун... опасность... связист мертв.

Его прервал другой код, прорвавшийся сквозь беспредельный космос. Когти охранника впились в его обнаженное плечо в угрожающем предупреждении.

— Вызывает Колдун... — повторил Шенн. — Нужна помощь...

— Кто вы?

Вопрос пришел на основном галактическом. На борту корабля-носителя всегда имелся список всех изыскателей из планетарной команды.

— Ланти, — выдохнул Шенн. Когти настолько глубоко впились ему в плечо, что он уже наверняка знал, что последует дальше.

— Майский день! — отчетливо проговорил он, отчаянно надеясь, что некто в рубке управления корабля на орбите, все же поймет истинное значение этих древних позывных, означающих полную катастрофу. — Майский День... жуки... здесь и вокруг!

Глава 18

КОНЕЦ БУРИ

Шенн не получил ответа с корабля-носителя; он слышал лишь монотонное гудение радиосвязи, по-прежнему открытой между его радиорубкой и контрольной каютой, находящейся в сотнях тысячах миль над планетой Колдун. Терранец дышал медленно, глубоко, чувствуя, как когти трога начинают разрывать его плоть. Но Шенн продолжал дышать полной грудью. Вдруг, словно перерезанное ударом ножа, гудение прекратилось. Контакт исчез. У Шенна еще оставалось время испытать чувство пусть небольшой, но победы! У него получилось. Он сделал это. Он вызвал подозрение у команды корабля-носителя.

Когда же офицер трогов проскрипел приказ о том, чтобы техники заняли места у луча-маяка, Шенн испытал еще большую радость. Должно быть, жук принял обрыв связи за обычное в космосе происшествие; он по-прежнему надеялся, что корабль терранцев угодит в его когти.

Однако передышка Шенна оказалась очень короткой. Ему ее хватило на несколько полных вдохов. Трог, следящий за лучом-маяком, наблюдал за своими контрольными приборами. И вот он что-то доложил своему начальнику, который резко повернулся к пленнику и пристально вгляделся в его лицо. Хотя Шенн не разбирался в выражениях «лиц» у жуков, ему не понадобилось ломать голову над тем, какие чувства испытывает его враг. Узнав, что пленник каким-то образом обманул его, главный трог теперь обдумывал, как более безжалостно воплотить в жизнь свою угрозу.

Когда же прибудет патруль? Его команду всегда использовали в экстренных ситуациях, и скорость патрульных в три или четыре раза превышала скорость неуклюжих кораблей-носителей. Если трогов не уничтожить сейчас, не застать их врасплох...

Проволочная веревка, удерживающая Шенна в кресле, ослабилась, и, стиснув зубы от боли, он дожидался, пока восстановится кровообращение в его онемевших членах. Троги рывком поставили его на ноги, лицом к двери, и толкнули его вперед с такой силой и злобой, что Шенн понял: скоро ему конец.

Наступали сумерки, и Шенн с тоской вглядывался в каждую тень, проскользнувшую во мраке, хотя теперь он потерял всякую надежду о спасении. Если бы он смог вырваться из лап охранников, то по крайней мере заставил бы жуков хорошенько побегать.

Он видел, что лагерь опустел. Вокруг не было ни души, даже троги не мелькали среди заброшенных строений. В самом деле, Шенн не заметил ни одного трога, кроме его конвоиров, вытолкнувших его из радиорубки. Ну конечно! Наверняка остальные враги сидели в засаде, ожидая корабль-носитель. А где же корабль трогов? Или корабли? Должно быть, они тоже в укромном месте. А единственное укрытие для их кораблей — наверху, в воздухе. Значит, несмотря на возможность быстро ретироваться, троги все-таки не воспользовались ею.

Да, враги могли уйти на противоположную сторону планеты и таким образом избежать первого обстрела с патрульного корабля. Однако они могли просто находится где-то поблизости, чтобы неожиданно наброситься на патруль во время его высадки. Таким образом жуки могли бы продлить себе жизнь на несколько часов, возможно — на несколько дней, но в действительности с ними было покончено уже с того момента, когда прервалась связь с кораблем-носителем. Шенн не сомневался, что тот офицер-терранец все-таки понял его.

Его грубо волокли к реке, по которой они с Торвальдом когда-то бежали от лагеря. Двигаясь сквозь туман, Шенн выхватил взглядом еще один хорошо вооруженный отряд трогов. Он промаршировал мимо, отчего Шенн предположил, что трогам еще не известно о поднятой им тревоге. Но насчет их кораблей он оказался прав, поскольку не заметил ни одного летательного аппарата на импровизированной взлетной полосе. Шенн чувствовал себя так, словно взвалил на себя тяжеленный груз. В лучшем случае он сможет немного задержать тех трогов, которым доверили его охрану; в худшем мог заработать энергетический луч из бластера, что было бы намного лучше долгой мучительной смерти, обещанной ему их командиром. Он с трудом передвигал ноги, хромал, то и дело падал на выжженную траву. И тотчас же раздавалось недовольное щелканье, и Шенна поднимали с земли грубым ударом когтистой лапы, от которого он

даже не пытался увернуться. Когда он в очередной раз повалился ничком, то уже не поднялся, несмотря на неистовые тычки и удары.

Притворившись, что потерял сознание, Шенн прислушивался к недоступным для его разума щелчкам, которыми обменивались стоящие над ним конвоиры. Теперь его будущее зависело только от силы ярости офицера. Если жуку очень хочется исполнить свою угрозу, то он отдаст приказ доставить Шенна на корабль. Но с таким же успехом с ним могли покончить прямо сейчас.

Снова Шенн ощутил боль от вонзившихся в него когтей. Его положили на роговистый панцирь одного из охранников, узы на его запястьях расстегнули, затем его онемевшие руки вытянули вперед, чтобы он мог обхватить своего конвоира. Так он и лежал, совершенно беспомощный, закрывая своим телом выгнутую спину охранника.

В сгустившихся сумерках тускло мерцали кусты и деревья, едва освещая им дорогу своим призрачным светом. Шенн не мог определить количество врагов, встречающихся ему по пути. Но он не сомневался, что все вражеские корабли наверняка пусты, если не считать пилотов; тогда как другие троги переправились из своей базы-укрытия на какую-нибудь из планет ситсемы Цирцеи.

Единственное, что он мог рассмотреть из своего неудобного положения, — это спину несущего его трога. Но до него доносился шорох жукообразных тел, переправляющихся через берег реки. Противники направлялись в укрытие, и их крапчатые панцири полностью сливались с берегом. Во всех действиях трогов чувствовался длительный опыт в подобных маневрах. Неужели они все-таки намереваются отбить нападение карательного отряда с патрульного корабля? Это было бы чистейшим безумием. Или, решил Шенн, они хотят заставить терранцев выйти на один из их главных кораблей, зависший где-нибудь высоко над планетой Колдун?

Охранник, несущий Шенна, неожиданно свернул от русла реки и понес Шенна на поле, служившее терранцам посадочной полосой, которое впоследствии превратилось в посадочную полосу для трогов. Они проходили мимо многочисленных

отрядов жуков, шагающих в неизвестном Шенну направлении. Шенн заметил, что троги несут с собой какие-то громоздкие предметы, назначение которых не смог определить. Затем его без всяких церемоний сбросили на твердую землю, где он провалялся всего несколько секунд, прежде чем его швырнули на какую-то странную конструкцию. Шенн взвыл от боли, когда его обнаженные израненные плечи ударились об этот каркас, к которому его привязали в позе орла с распростертыми крыльями. После короткого скрипа-приказа конструкцию подняли и резким стремительным движением поставили вертикально. Теперь Шенн оказался в вертикальном положении, и снова прямо перед его лицом оказался трог с передатчиком. Так вот оно что! Шенн уже сожалел об упущенном крохотном шансе умереть как можно скорее. Если бы он по пути попытался бы напасть на конвоира, то возможно вынудил бы трога открыть по нему огонь из бластера. А теперь...

Страх, подобно непроглядному туману, обволакивал его, и этот туман был намного толще той зеленой иллюзорной дымки. Воспаленными глазами Шенн пристально посмотрел на командира трогов, понимая, что тот не поверит ни единому его слову, и чувствуя, что теперь, стоит ему солгать, главный трог выместит на нем всю свою злобу. Иными словами, последней надежды, за которую цеплялся Шенн, больше уже не существовало.

— Ланти!

Этот оклик взорвался у него в мозгу, словно бомба, причинив жуткую боль. Сквозь полупрозрачную пелену Шенн смотрел куда-то в сторону, мимо трога с передатчиком, прислушиваясь к своему разуму, только что получившему телепатическое послание. И от этого Шенн ощутил сильнейший шок.

— Я здесь! Торвальд! Вы где?

И тут второй, более настойчивый оклик раздался в мозгу несчастного пленника.

— Веди нас к месту назначения, и старайся держать нас подальше от поля. Но не очень далеко. Быстрее!

Место назначения... что подразумевал под ним Торвальд? Место назначения... Почему-то Шенн подумал о выступе, на котором он лежал, наблюдая за первой атакой трогов на лагерь.

И этот выступ, отчетливо врезавшийся в его память, теперь сформировался в его помутненном мозгу. Он напрягал все силы, чтобы не потерять это драгоценное изображение.

— Торвальд... — Снова его голос и его разум вторили друг другу. Однако на этот раз ответа не последовало. Неужели те слова означали то, что Торвальд и ведьмы двигаются вперед, посредством ослабевающей на расстоянии силы ведьм с планеты Колдун, которую можно использовать по желанию? Но почему они не движутся быстрее? И каким образом они надеются справиться пусть с убегающими, но целыми и невредимыми силами противника? Виверны даже не сумели обернуть свою силу против раненого трога, так как же они намереваются справиться с хорошо вооруженными трогами в поле? Если к тому же учесть, что все эти троги подняты по тревоге и готовы к бою?

— Ты умрешь — медленно, — проскрипел офицер трогов, и этот бесцветный, бесчувственный и лишенный всяких эмоций «голос» проник в самые дальние закоулки разума терранца. — Твои придут — увидят.

Так вот почему они притащили его на посадочную полосу! Распятый на каркасе Шенн служил страшным предупреждением для команды патрульного корабля. Тем не менее троги глубоко заблуждались, если думали, что, убив таким оригинальным способом одного человека, они отпугнут профессиональных карателей, приземлившихся на Колдуне для их уничтожения.

— Я умру, ты — следующий, — произнес Шенн, стараясь придать своему голосу вызывающие нотки.

Интересно, что ожидал от Шенна главный трог: что тот будет молить о пощаде или о скорой смерти? И трог снова произнес свою угрозу — прямо в паутину антенны. И его скрип преобразовался для Шенна в слова.

— Возможно, — сказал трог. — Но ты умрешь первым.

— Ну и пусть! — громко отозвался Шенн. Он пребывал на пороге неизбывной ярости, и последней каплей его терпения стали не слова главного трога, а послание от Торвальда. Если тот сможет поторопиться в этом крапчатом тумане, то он будет здесь очень скоро.

Крапчатый туман... Троги проходили совсем неподалеку от него. Шенн сумел разглядеть, что за ними расстилается светлый

прямоугольник посадочной полосы. Шенн смотрел туда вовсе не за тем, чтобы увидеть кого-нибудь из спасателей, прорвавшихся туда. И когда он все же увидел свой шанс, то не поверил своим глазам.

Пятна мертвенно-бледного, воскового свечения, исходящего от отдельных деревьев, кустов и стелющихся по земле растений, внезапно становились все больше и больше, распространяясь повсюду и собираясь в одно большое озеро из света. Из центра этого сконцентрированного света медленно появились закручивающиеся штопором туманные столбы, напоминающие усики. Словно из моря вылезло какое-то многорукое существо, опираясь своими придатками о водную гладь. Затем поток этого сверхъестественного света с яростью хлынул на посадочную полосу. Коснувшись ее, он не стал отступать, как вода во время отлива, а начал плескаться на поверхности. Неужели он и в самом деле видел это? Шенн никак не мог поверить, что это так.

Свет продолжал прибывать все быстрее и быстрее, и его скорость увеличивалась с каждой секундой. Почему-то Шенн связал это явление с завесой иллюзий. Если это случилось на самом деле, рассуждал он, то не без причины.

Он услышал, как троги тревожно заклацали челюстями. Кто-то из них наугад выпалил из бластера в ближайшую к нему серую массу, напоминающую язык. Ярко-желтый заряд лишь скользнул по ней; светящаяся дымка поглотила заряд, но не рассеяла его на части. Шенн с трудом повернул голову, изнывая от боли, ибо ему мешал каркас. Тем временем туман пронесся по посадочной полосе со стороны лагерных строений, поглощая все на своем пути.

Примерно с полдюжины трогов бежали неуклюжими прыжками от реки, всем своим видом демонстрируя, что они в панике. Когда один из них внезапно налетел на невидимое препятствие и рухнул чуть ниже языка фосфоресцирующего света, то издал пронзительный вопль, тонкий и жалобный, и по-прежнему полный бессознательного животного ужаса.

Троги, окружающие конструкцию с привязанным Шенном, палили в туман из бластеров, сначала прицельно, затем наугад. Их переполняла ярость, когда они видели, что их заряды не причиняют никакого вреда этой темной матовой завесе, по-

степенно обволакивающей их. Из глубины тумана раздавались и другие звуки: шорохи, крики и пронзительные вопли. Среди воздушных завихрений возникали странные силуэты; возможно, некоторые троги взлетали в воздух. Но Шенну стало очевидно, что в этой непроницаемой завесе блуждают не только троги. Спустя несколько минут он уже не сомневался, что по меньшей мере три расплывчатых силуэта (причем все разные) преследуют пытающегося взлететь трога. Шенн заметил, что эти силуэты отгоняют трога от небольшой открытой площадки, на которой по-прежнему торчал каркас с совершенно беспомощным Шенном.

Троги окружали Шенна со всех сторон: небольшая группа, пришедшая от реки, и остальные, те, которые притащили его на поле. Постоянно сгущающийся туман заставил их собраться в небольшую, но очень плотную толпу. Случайно ли они столпились около него, дабы убедиться, что их пленник никуда не делся, или заняли последнюю линию обороны против тех, кто крался в непроницаемой мгле? К небывалому облегчению Шенна, ему показалось, что враги забыли о нем. Даже когда один из трогов прижался спиной к каркасу, к которому был привязан пленник, жук даже мельком не взглянул на беспомощную жертву.

Они продолжали отчаянно палить из бластеров во тьму. Затем один из трогов бросил оружие на землю, поднял лапы над головой и жалобно завыл, точно так же, как совсем недавно выл его товарищ. Потом он неуклюже побежал через туман, где внезапно, совсем рядом с ним материализовался чей-то силуэт, навсегда отрезав бежавшего трога от его собратьев.

Такая внезапная перемена ситуации деморализовала остальных. Командир трогов выстрелил в своих же подчиненных из бластера и мгновенно поджарил их энергетическим лучом. Однако трое уцелевших успели броситься в туман, прежде чем их настигла смерть от руки своего же офицера. Один из них резко повернулся и выстрелил в офицера, угодив ему в панцирь, отчего тот повалился на колени. Воспользовавшись этим, стрелявший тотчас же скрылся в тумане. Еще один упал на землю и с отчаянием замолотил по ней когтистыми лапами. Тем временем верные своему начальнику троги продолжали стрелять по

блуждающим в тумане расплывчатым силуэтам, но ни во что не попадали. Третий трог помогал офицеру подняться.

Командир трогов, пошатываясь и спотыкаясь, вернулся к каркасу с подвешенным пленником; зловоние, исходящее от него, со всей силы ударило Шенну в ноздри. Но трог тоже не обращал никакого внимания на Шенна, хотя его мощные лапы, покрытые плотной роговицей, больно оцарапали пленника. Обхватив лапами голову, главный трог побрел прочь и вскоре исчез в темной дымке.

Когда туман поглотил офицера, Шенн точно почувствовал прилив свежих сил, а бледный полупрозрачный свет мощной волной расчистил участок, на котором возвышался каркас. Шенна тут же охватил пронизывающий до костей холод. Это было убийственное дыхание потусторонней жизни. Или смерти...

Шенн ослаб, силы покидали его, поэтому его тело повисло на веревках, голова упала на грудь. Внезапно он почувствовал влажное тепло, коснувшееся его холодной кожи, а в мозгу возникло ощущение чего-то знакомого и очень дружественного. Шенн глубоко вздохнул, но тотчас же его пронзила страшная боль, ибо он не мог до конца наполнить измученные легкие этим морозным воздухом тумана. Он открыл глаза и попытался поднять голову. Серый свет отступил, и, хотя бластер трога лежал у его ног, а второй — примерно в ярде от каркаса, Шенн не увидел поблизости ни одного жукообразного.

Вместо них он увидел стоящих на задних лапах росомах, которые радостно прижимались к его груди, как обычно требуя к себе внимания. И увидев Тагги и Тоги, Шенн осмелился поверить, что все это невероятное зрелище — истинная правда. Да, похоже, он был спасен.

Он заговорил. Тагги и Тоги тотчас же радостно заскулили в ответ. Туман медленно отступал. Повсюду на земле валялись троги и брошенное ими оружие.

— Ланти!

На этот раз голос раздался не в его мозгу, а донесся к нему из воздуха. Шенн попытался ответить, но в горле застрял комок, и ему удалось издать нечленораздельный квохчущий звук.

— Я здесь... — прохрипел он.

Из тумана к нему приближался еще один силуэт. Наконец Шенн узнал Торвальда, который, увидев пленника, устремился к нему как мог быстрее.

— Что они с тобой?..

Шенну хотелось смеяться, но из пересохшего горла снова раздался хрип. Он беспомощно пожимал плечами до тех пор, пока не смог выговорить несколько слов.

— ...все-таки не сумели справиться со мной. Вы прибыли как раз вовремя.

Торвальд развязал проволоку, стягивающую руки пленника, и немного чуть отодвинулся, чтобы поймать Шенна, когда его тело подалось вперед. Шенн увидел распростертые руки офицера, готовые принять его в свои объятия. Наконец, очутившись на земле, Шенн почувствовал, что не способен удержаться на ногах. Хотя его мозг был чист и свеж, как никогда.

— Что случилось? — требовательно осведомился он.

— Сила, — ответил Торвальд, внимательно осматривая каждую его царапину, многочисленные порезы и ссадины. — Жукам так и не удалось заставить тебя работать на них.

— Расскажите, откуда взялся этот туман, что разогнал трогов? — с нетерпением в голосе спросил Шенн.

Офицер мрачно усмехнулся. Призрачный свет продолжал таять по мере того, как рассеивался туман, но Шенн уже достаточно хорошо видел, чтобы заметить на шее у Торвальда один из костяных дисков, принадлежащих крылатым ведьмам.

— То, что ты видел, — один из вариантов действия завесы иллюзий. Под ее влиянием ты встречался со своими старыми воспоминаниями. Как и я. Может показаться, что ни один из нас не сумеет вести себя хуже трогов. Ты не сумел сыграть роль галактического разбойника и не хранил в своем подсознании определенное количество личных страхов и не помнил всех врагов, встречающихся в твоей жизни. Мы же нашли способы высвободить их, и они просто-напросто призвали своих собственных демонов к порядку. Все равно в самом ближайшем времени справедливость восторжествовала бы. Это и произошло. Иначе говоря, у «силы» мощные кулаки, когда терранец начинает ей управлять.

— И вы научились?

— О, всего лишь чуть-чуть. К тому же со мной была могучая поддержка Старейших, и еще меня прикрывали самые опытные из колдуний. В некоторой степени я помогал создавать своего рода канал для концентрации их сил. В одиночку они умеют творить «чудеса»; с нами же их умение распространилось и на совершенно новые области деятельности. Сегодня ночью мы охотились на трогов, как одна дружная команда, и, — он улыбнулся, — охота прошла весьма удачно.

— Однако они никак не могли справиться с одним трогом, засевшим в черепе.

— Да. Непосредственный контакт с разумом трогов вызывает у них нечто вроде короткого замыкания. Я вышел с ними на связь; а они обеспечили меня тем, в чем я нуждался. Теперь у нас был один ответ трогам — только один. — Торвальд оглядел поле, заваленное трупами противников. — Мы можем убивать трогов. Возможно, когда-нибудь мы сумеем научиться и другой хитрости: как жить с ними. — Тут он резко вернулся в настоящее. — Ты связался с кораблем-носителем?

Шенн рассказал, что произошло в радиорубке.

— Я решил, когда оборвалась связь, что меня поняли.

— Что ж, пусть будет так, — кивнул офицер. — А теперь пойдем. — Он помог Шенну подняться. — Если патрульный корабль скоро прибудет сюда, мне бы не хотелось попасть под пламя из их сопел, когда они будут садиться.

Патрульный корабль прибыл. Бригада «чистильщиков» появилась со стороны уже восстановленного лагеря, ведя с собой двух уцелевших трогов. Оба машинально брели за своими конвоирами. Только об этом Шенн узнал позднее. Он заснул, заснул так глубоко, что не видел снов, а когда проснулся, то сперва озадаченно оглядывался по сторонам. Словно не понимал, где он и что с ним произошло.

Форма Службы изысканий с кадетскими лычками висела на стене, напротив его койки в казарме, которую он покинул... сколько же дней или недель прошло с тех пор? Форма сидела на нем как влитая. Но он снял знак различия звания, которое ему не было присвоено. Когда он осторожно вышел из казармы, то увидел нескольких патрульных. Рядом с ними стоял Торвальд, наблюдая за патрульным кораблем, вновь поднимающимся в утреннее небо.

Тагги и Тоги, волоча за собой цепочки, внезапно выскочили невесть откуда и буквально набросились на Шенна, выражая бурную радость по поводу его появления. Торвальд, должно быть, услышал их веселое урчание и, проводив взглядом точку, в которую превратился патрульный корабль, приветственно помахал Шенну рукой, приглашая подойти.

— Куда отправился крейсер?

— Уничтожить базу трогов и выбить их всех из этой системы, — ответил офицер. — Они их засекли — на Ведьме.

— А мы остаемся здесь?

Торвальд удивленно посмотрел на него. И четко, по-военному ответил:

— В настоящее время здесь нет ни одного поселения. Наша задача — образовать на Колдуне пока еще условную посольскую миссию. Патруль специально оставил здесь охрану.

Посольская миссия. Шенн переварил это сообщение. Да, разумеется, Торвальд, из-за своих налаженных связей с виверн ами, останется здесь на этот раз в качестве дежурного офицера связи с местным населением.

И Торвальд продолжал:

— Мы не имеем права допустить ошибку во время контакта с любой разумной инопланетной расой, которую мы обнаружим и с которой сможем установить долговременное сотрудничество для обоюдной выгоды. И мы не позволим здесь разбоя и прочих безобразий!

Шенн кивнул. Конечно, это имело смысл. Как только на Колдун прибудет какая-нибудь чужеземная команда, то на этот раз Торвальд станет налаживать с ними дружественный союз, что предпочтительнее, чем подготавливать планету для принятия колонистов с Терры. Останется ли он с ними? Шенн решил, что нет; похоже, что и росомахи больше здесь не понадобятся.

— Разве вы не знаете устав? — резко спросил Торвальд, пристально глядя на Шенна. В его голосе вновь ощущались командные нотки. Он критически разглядывал Шенна с ног до головы. — Вы явились одетым не по форме.

— Так точно, сэр, — произнес Шенн. — Я не сумел найти собственный вещевой мешок.

— А где ваши знаки различия?

Шенн снял фуражку и посмотрел на отметины, оставленные после того, как он осторожно открепил знаки различия.

— Мои знаки различия? У меня же нет звания, — ответил он, полностью сбитый с толку.

— В составе каждой команды должен быть по меньшей мере один кадет, — заметил офицер.

Шенн покраснел. Поскольку их всего двое, он стал кадетом; зачем же Торвальду понадобилось напоминать ему об этом?

— И еще. — Теперь голос офицера звучал где-то очень далеко. — Возможны самые всякие служебные поручения. По мере потребности. Назначения на эти работы остаются в ведении старшего офицера, и они обсуждению не подлежат. Повторяю, вы одеты не по форме, Ланти. Итак, вы произведете необходимые изменения в вашем облике, о чем доложите мне в помещении главного штаба. Как единственные терранские представители на Колдуне, мы будем вести специальный протокол, чтобы обсуждать его с нашими ведьмами, а они в свою очередь имеют полное право ожидать пунктуальности от парочки колдунов, поэтому ступайте!

Шенн все еще стоял, ошарашенный, недоверчиво уставившись на офицера. Затем Торвальд сменил официальный тон на теплую и дружелюбную улыбку.

— Идите же, — приказал он снова, — пока мне не пришлось особо отметить в журнале ваше невнимательное отношение к приказам.

Шенн повернулся и пошел, чуть не споткнувшись об лежащего Тагги, а потом побежал обратно в казарму, чтобы найти очень важные для него лычки, которые надеялся отыскать как можно скорее.

ИСПЫТАНИЯ В ДРУГОМ-ГДЕ

Глава 1

Чарис скорчилась за пнем, прижав худые руки к больному боку. Дышала она тяжело, рывками, от которых содрогалось все тело, а слух ей заглушал шум крови в ушах. Еще слишком рано, и можно только отличить свет от темноты, открытое пространство от тени. Даже кроваво-красный пень спарго в предрассветных сумерках кажется серо-черным. Но она даже в такой тьме хорошо различает горную тропу.

Хотя вся ее воля и ум уже нацелены на предстоящий тяжелый подъем, слабое тело еще остается здесь, на краю расчищенной поляны. И здесь до нее легко добраться. Чарис подавила панику. Она еще сохранила достаточно рассудка, чтобы понять, что паника — ее враг. Девушка заставляла свое дрожащее тело оставаться за пнем, подчиняться разуму, а не страху, который, как огонь, пожирал ее. Она теперь даже не помнит, как родился этот страх. Он с ней уже много дней, но особенно усилился вчера.

Вчера! Чарис пыталась забыть об этом *вчера*, но теперь заставила себя взглянуть в лицо воспоминаниям. Слепая паника и бегство: если она им поддастся, она погибла. Она знает, кто ее враг, и должна сражаться, но, так как физические силы несопоставимы, это должно быть испытание ума.

Сидя за пнем, отдыхая, девушка теперь пыталась извлечь из прошлого обрывки знаний, которые могут послужить оружием. Беда началась давно. Чарис испытала тупое удивление: прочему она раньше не сознавала, как давно это началось? Конечно, она понимала, что отца и ее могут встретить подозрительно — ну, по крайней мере осторожно, когда они присоединились к колонистам, собиравшимся улетать с Варна.

Эндер Нордхолм был правительственным чиновником и учителем. Колонисты считали его и его дочь чужаками, как и

всех прочих представителей закона с других планет: рейнджера Франклина, почтового служащего Кауса и его двух охранников, врача и его жену. Но в каждой колонии должен быть служащий, отвечающий за образование. В прошлом слишком много колониальных планет откололись от Конфедерации, пошли по опасным и странным путям развития, там захватывали власть фанатики и первым делом отменяли систему образования и обрывали связи с другими планетами.

Да, Нордхолмы понимали, что их ждет период приспособления или даже полуотвержения, так как это колония верующих. Но отец проходил через такое в прошлом — и побеждал! Чарис себя в этом не обманывала. Да и тут ее уже начали приглашать на женские «штопальные посиделки». Неужели она была так слепа?

Но этого — этого никогда бы не случилось, если бы не белая смерть! Теперь дыхание вырывалось у Чарис со всхлипываниями. На вновь открытой планете всегда так много теней страха. Никакие предосторожности не могут помешать им обрушиться на хрупкую жизнь новой колонии. А здесь ждала смерть, которую никто не видел, не мог встретить бластером или охотничьим ножом, или даже медицинскими познаниями, которые ее народ сумел собрать во время космических путешествий по всей галактике.

И смерть эта благосклонно отнеслась к фанатичным предрассудкам колонистов. Потому что вначале обрушилась на правительственных чиновников. Рейнджер, капитан космопорта и его люди, ее отец — Чарис зажала кулаком рот и прикусила костяшки пальцев. Потом пришла очередь врача. И всегда только мужчины. Позже колонисты — странно, но именно те, кто наиболее дружественно был настроен по отношению к правительству, и тоже только мужчины и мальчики в этих семьях.

Выжившие говорили ужасные вещи: будто чуму организовало правительство. Так они кричали, когда жгли маленькую больницу. Чарис прижалась лбом к грубой коре пня и старалась не вспоминать этого. Она была с Олдит Лассер, вдвоем они пытались отыскать смысл в мире, который за две недели отнял у них отца и мужа и превратил их народ в безумцев. Она сейчас не будет думать об Олдит, не будет! И о Висме Анскар не будет,

той самой, которая выкрикивала ужасные вещи, когда Олдит спасла ее ребенка...

Тело Чарис тряслось от спазмов, которые она уже не могла сдерживать. Деметра казалась такой прекрасной планетой. В первые месяцы после приземления Чарис участвовала в двух экспедициях с рейнджером, делала собственные записи для отчета. Именно в этом обвинили ее в колонии — она образованная, такая же, как правительственные чиновники. И вот — Чарис ухватилась за пень и встала — и вот ей остается сделать выбор всего из трех возможностей.

Она может вернуться; может остаться здесь и ждать, пока охотники найдут ее — чтобы увести в рабство, в то отвратительное логово, в которое быстро превращается первое человеческое поселение на Деметре; или каким-то образом достичь гор и скрываться там, как дикий зверь, пока рано или поздно какая-нибудь местная опасность не прикончит ее. Казалось, это самый спокойный конец. По-прежнему держась одной рукой за пень, Чарис наклонилась и подобрала узелок с жалкими остатками того, что успела прихватить из правительственных куполов.

Охотничий нож, почерневший от огня, был ее единственным оружием. А в горах живут страшные звери. Девушка облизала языком пересохшие губы, в животе чувствовалась тупая боль. Когда она ела в последний раз? Прошлым вечером? Кусок хлеба, черствого и со вкусом плесени, есть еще в сумке. В горах можно будет набрать ягод. Чарис мысленно видит их, желтые, распираемые сочностью, их так много, что они своей тяжестью пригибают ветки к почве. Чарис снова глотнула, оттолкнулась от пня и пошла.

Ее безопасность зависит от решения поселенцев. Она не может скрыть свой след. Утром его отыщут. Но Чарис не могла решить, будут ли они ее преследовать или предоставят диким зверям покончить с ней. Она единственный оставшийся символ всего, против чего проповедует Толскегг: инопланетный либеральный разум, «неженщина», как он называет ее. Дикая глушь, страшные звери, которых заносил в каталог рейнджер Франклин, — все это гораздо лучше, чем снова оказаться в поселке, где Толскегг распространяет свой яд, порождение огра-

ниченного ума, которого отец учил ее бояться больше всего на свете. А Висма и подобные ей жадно поглощают этот яд, наполняются им. Чарис с трудом шла по извилистой тропе.

Немного погодя она поняла, что нет признаков восхода. Напротив, тучи над головой еще сгустились. Чарис в тупом отчаянии смотрела на них: предстоит дождливый холодный день. Заросли выше по склону могут немного защитить от дождя, но от холода они не спасут. Какая-нибудь пещера или расселина, куда она могла бы заползти, прежде чем ослабеет окончательно...

Она пыталась вспомнить окрестности тропы. Чарис проходила по ней дважды: впервые, когда они ее прокладывали, вторично, когда она повела малышей показывать ковер удивительных красных цветов и маленьких летающих ящериц, которые живут между цветущими растениями.

Малыши... Потрескавшиеся губы Чарис скривились. Йонан бросил камень, от которого у нее теперь на руке синяк. Но в тот день Йонан упивался красотой цветов.

Малыши и не совсем малыши. Чарис попыталась вспомнить, сколько мальчиков уцелело после белой смерти. И с некоторым удивлением поняла, что все малыши живы — все моложе двенадцати лет. Из подростков выжило пятеро, все из семейств, которые меньше всего контактировали с правительственной группой, были наиболее фанатичны в своем отделении. А из взрослых... Чарис заставила себя вспомнить каждое искаженное лицо, каждую группу, которую увидела, когда пряталась.

Двадцать мужчин на сто женщин! Женщинам придется выйти в поля, но трудную работу по расчистке они вести не смогут. Скоро ли Толскегг поймет, что, сознательно натравив толпу на уничтожение инопланетного оборудования, он обрек оставшихся колонистов на медленную смерть?

Конечно, рано или поздно Главное Управление проведет расследование. Но еще много месяцев ни один правительственный корабль по расписанию не должен прилетать на Деметру. А к тому времени, как он прилетит, с колонией будет покончено. Уцелевшие припишут все эпидемии. Толскегг, если он еще будет жив, сочинит очень правдоподобный рассказ. Теперь предводитель колонии считает, что он и его люди свободны от правительства, что этого они добились силой своей веры.

Чарис протискивалась между ветвями. Начался дождь, волосы ее прилипли к голове, промочили на плечах порванную куртку. Она согнулась под дождем, продолжая дрожать. Если бы добраться до источника. Над ним в скалах можно найти убежище.

Но подъем давался ей все труднее и труднее. Несколько раз она становилась на четвереньки и ползла, пока не находила камень или куст, чтобы подняться, держась за него. Весь мир стал серым и влажным, превратился в море, готовое поглотить ее. Чарис рывком подняла голову. Так легко погрузиться в глубины этого моря, сдаться.

Вокруг реальность — здесь и теперь. Она может ухватиться за кусты, подтянуться. Вверху безопасность; там по крайней мере свобода, не оскверненная поселенцами. А вот и источник. Цветочный ковер исчез, на месте цветов коробочки с семенами. Ящериц нет, но кто-то приземистый и темный пьет из ручья, существо с длинным рылом, оно поглядело на Чарис двумя парами глаз, поглядело холодно, без страха. Чарис остановилась и смотрела на него.

Из пасти показался пурпурный язык, последний раз коснулся воды. Существо встало на короткие и толстые задние лапы; ростом оно фута в три; Чарис узнала его в обычной для него позе — один из древесных едоков плодов, при обычном перемещении опирается главным образом на сверхразвитые передние конечности и плечи. Она раньше никогда не видела эти существа на поверхности, но решила, что они не опасны.

Животное повернулось и быстро, несмотря на свою неуклюжую внешность, взлетело по веткам, как по лестнице, и скрылось из виду. Послышался резкий крик и треск, словно пробиралось несколько таких существ.

Чарис присела и напилась из пригоршни. От холодной воды онемели ладони, и, напившись, она принялась растирать их о куртку — не для того, чтобы высушить, а чтобы восстановить кровообращение. Потом двинулась налево, туда, где растительность сменилась голыми скалами.

Чарис не могла бы сказать, сколько она добиралась до этой каменистой местности. Путь отнял у нее последние остатки сил, и только упрямая воля заставляла ее карабкаться по кам-

ням. Наконец она добралась до места, где два соединившихся больших выступа давали некое подобие убежища. Она втащила в это убежище ноющее тело и съежилась, всхлипывая от усталости.

Боль, которая родилась под ребрами, теперь охватила все тело. Чарис подняла колени к подбородку, обхватила их руками, опустила подбородок на колени. Долго сидела она неподвижно, насколько позволяло дрожащее тело. Только много времени спустя она поняла, что случай предоставил ей гораздо более хорошее убежище, чем то, что она искала.

Из своего убежища, защищенная от дождя, Чарис хорошо видела склон вплоть до поля, на котором совершил первую посадку корабль, доставивший колонистов. Даже после стольких месяцев видны шрамы, оставленные тормозными ракетами. За полем, справа от него, лабиринт хижин колонистов. Буря ухудшила видимость, но Чарис показалось, что она заметила один-два столба дыма.

Если Толскегг придерживается обычного распорядка, большинство взрослых уже на полях. С уничтоженным оборудованием нелегко будет засадить поля мутированными семенами. Чарис не шевелилась. С этого места поля заслонены склоном; она не может видеть тяжелейший труд поселенцев. Но если новый руководитель колонии придерживается обычного распорядка, ей пока нечего опасаться преследователей — если они вообще будут.

Голова ее тяжело опиралась на колени; потребность во сне почти так же сильна, как ноющий голод. Чарис заставила себя разогнуться, открыть сумку и достать черствый хлеб. Она едва не подавилась первым же кусочком. Если бы она догадалась раньше, то могла бы спрятать полевой рацион исследователей. Но к тому времени как умер ее отец, склады были разграблены или уничтожены из-за того, что пополнялись из «злых» источников.

Жуя сухой хлеб, Чарис продолжала наблюдать за склоном. В той части поселка, которая ей видна, ничего не движется. Хочет она того или нет, безопасно это или небезопасно, она должна отдохнуть. А это лучшее убежище, какое она смогла найти.

Может быть, дождь смоет оставленный ею след. Небольшая надежда, но она уцепилась за нее.

Остаток хлеба Чарис спрятала в сумку. Потом постаралась поглубже заползти в убежище. Несмотря на все усилия, брызги дождя доставали до нее. Но наконец она застыла, снова опустив голову на колени. Единственным оставшимся движением было дрожь, которую она не могла подавить.

Сон или обморок охватил ее? И сколько он продолжался? Чарис с криком очнулась от кошмара, но этот крик был заглушен ревом снаружи.

Она слепо мигнула: казалось, огненный столб устремился от земли в серое плачущее небо. Длилось это всего мгновение, огонь опустился, закипела поверхность. Чарис на четвереньках выбралась, она кричала, но крик ее не был слышен в громе.

Космический корабль, стройный, устремленный носом к небу. Пар от тормозных ракет окутал его покровом. Но это не призрак, это реальный корабль! Рядом с поселком садится космический корабль!

Чарис побежала. Слезы на щеках смешивались с дождем. Там, внизу, корабль, помощь! И он появился слишком быстро, чтобы Толскегг успел скрыть свидетельства происшедшего. Сгоревшие купола, все остальное — все это увидят. Зададут вопросы. И она сможет ответить на них!

Чарис поскользнулась на глине и, прежде чем смогла восстановить равновесие, поехала вниз, не в состоянии остановиться. На секунду-две ее охватил ужас. Но вот она резко остановилась, удар вызвал боль и тьму.

Ее привел в себя дождь на лице. Она лежала с ногами выше головы, в груде обломков. Ее охватила паника, страх того, что она сломала кости и не сможет двигаться, не сможет добраться до корабля и безопасности. Она должна идти туда, немедленно!

Несмотря на боль, она выбралась из груды обвала, отползла от нее. Каким-то образом встала. Невозможно сказать, сколько она пролежала. Мысль о том, что корабль ждет, заставил ее предпринять усилия, на которые она, казалось, не способна.

Некогда возвращаться на тропу у источника, даже если возможно добраться до него. Лучше двигаться прямо вниз, спуск все равно ведет в нужном направлении. В своем убежище она

находилась непосредственно над местом посадки корабля. Нужно просто скользить в нужном направлении.

Начиная движение, Чарис подумала: может, это корабль Патруля. Она попыталась вспомнить его очертания. Несомненно, не колониальный транспортник: недостаточно круглый. И не зафрахтованный грузовик, идущий по регулярному маршруту. Либо патрульный, либо правительственный корабль-разведчик, идущий вне расписания. И его экипаж сумеет справиться с ситуацией на планете. Толскегг, наверно, уже арестован.

Чарис решила идти напрямик. Она понимала, что не должна рисковать еще одним падением. Очень вероятно, что тогда она совсем не доберется до помощи. Нет, она хочет прийти на своих двоих, прийти и рассказать все четко и ясно. Спокойней: корабль так быстро не улетит.

Она ощущала теперь запах гари от тормозных ракет, видела пар сквозь кусты и деревья. Лучше свернуть туда: не важно, что теперь ее может увидеть Толскегг и его приспешники. Они побоятся что-то сделать с ней.

Чарис вышла из зарослей и без всякого страха направилась к поселку. Ее видно на экранах корабля, и никто из поселенцев в таких обстоятельствах не рискнет на враждебный поступок.

Итак, она останется здесь. Навстречу из поселка никто не вышел. Конечно, нет! Там отчаянно пытаются придумать какое-то правдоподобное объяснение, выручить Толскегга. Чарис повернулась лицом к кораблю и замахала руками. Она искала символ Патруля.

Его не было! Потребовалось несколько мгновений, чтобы понять все значение этого. Чарис была так уверена, что изображение окажется на месте, что почти видела его. Но на корабле вообще не было различительных знаков. Она резко опустила руки. Теперь она знает, что это за корабль.

Не космический корабль, с четкими линиями, в хорошем состоянии, как полагается на правительственной службе. Борта покрыты шрамами, общие пропорции — нечто среднее между разведчиком и грузовиком, и состояние явно хуже удовлетворительного. Должно быть, вольный торговец второго класса. Может, даже бродяга, один из тех, что занимается самыми разными делами, и не всегда законными, на пограничных плане-

тах. И почти нет шансов на то, что командир и экипаж захотят вмешиваться или что их вообще заинтересует происшедшее с правительственными чиновниками, с которыми они прежде слишком часто сталкивались. На помощь с их стороны Чарис нечего рассчитывать.

Открылся люк, вниз скользнул трап. Чарис пришла в себя и повернулась, собираясь бежать. Но в воздухе мелькнул аркан, охватил ее грудь и руки, потащил назад. Она упала и беспомощно покатилась. И услышала высокий резкий смех сына Толскегга, одного из пяти подростков, переживших эпидемию.

Глава 2

Она должна сохранить хладнокровие и рассудок, должна! Чарис сидела на скамье без спинки, прижимаясь спиной к бревенчатой стене, и напряженно думала. Тут же находились Толскегг, Барруф, Сиддерс и Мазз. Она видела перед собой, должно быть, правление поселка. И еще торговец. Чарис все время посматривала на этого человека, сидевшего в конце стола с кружкой кваффы. Из-под густых ресниц он с интересом разглядывал собравшихся своими умными и подозрительными глазами.

Чарис знала нескольких вольных торговцев. Больше того, в этом сообществе исследователей-авантюристов-торговцев у ее отца были добрые друзья, люди со стремлением к знаниям, которые необыкновенно расширили познания человечества о неведомых мирах. Но это были аристократы своего дела. Большинство же остальных — просто стервятники, при возможности пираты, разбойники, которые, бывало, не торговали с аборигенами, а грабили их, если чужаки оказывались слабы и не могли противостоять инопланетному оружию.

— Все очень просто, мой друг. — Дерзкий тон торговца, должно быть, оскорблял Толскегга, но колонист терпел: другого выхода у него не было. — Вам нужны рабочие. Поля кто-то должен вспахивать, засевать, убирать урожай. У меня в холодильных камерах лежат рабочие, и все отличные. У меня отборный товар, ручаюсь вам. Солнце Гонвалла вспыхнуло, пришлось все население эвакуировать на Саллам, но Саллам не смог вместить всех. И нам позволили набирать добровольцев в лагере бежен-

цев. Мой груз — одни мужчины, крепкие, молодые, и у всех неограниченный контракт. Единственная проблема, мой друг, в том, что вы можете предложить. — Он поднял руки, останавливая громыхание Толскегга. — Прошу тебя, не будем больше говорить о мехах. Да, я их видел. Их достаточно, может быть, чтобы заплатить за троих из моего груза. Ваша древесина меня не интересует. Мне нужны небольшие вещи, малого объема. Груз, который легко увезти и продать в другом месте. Ваши меха за троих рабочих — конечно, если не предложите ничего другого.

Так вот оно что! Чарис перевела дыхание. Она понимала, что нет смысла умолять капитана. Если он везет отчаявшихся людей с неограниченными рабочими контрактами, значит, он не лучше рабовладельца, хотя дело его и находится на грани законного. А его предложение — настоящая пытка для Толскегга.

— Никаких местных сокровищ, драгоценностей, чего-нибудь в этом роде? — продолжал капитан. — Итак, ваша новая планета немногими ресурсами способна вам помочь.

Мазз потянул за грязный рукав предводителя, что-то прошептал на ухо Толскеггу. Хмурое лицо того слегка прояснилось.

— Дай нам немного посовещаться, капитан. У нас есть кое-что еще.

Торговец кивнул.

— Сколько угодно, друг. Я так и думал, что ваша память станет получше.

Чарис старалась сообразить, что придумал Мазз. Она уверена, что ничего ценного в поселке нет, если не считать связки шкур, собранных рейнджером в качестве образцов. Они должны были быть отправлены как научный материал.

Колонисты кончили шептаться, и Толскегг снова повернулся к торговцу:

— Ты торгуешь рабочей силой. А что, если мы в обмен тоже предложим рабочую силу?

Впервые капитан проявил легкие признаки удивления — сознательно, как решила Чарис. Он слишком опытен в торговле, чтобы проявлять эмоции без определенной цели.

— Рабочую силу? Но у вас у самих ее не хватает. Вы хотите лишиться того немного, чем располагаете?

— Ты торгуешь рабочей силой, — сердито сказал Толскегг. — Но рабочая сила бывает разная. Верно? Нам нужны сильные спины — мужчины для наших полей. А на других планетах нуждаются в женщинах.

Чарис напряглась. Впервые она поняла, зачем ее могли привести сюда. Она-то считала, что это просто стремление показать ей тщетность надежд на помощь. Но это...

— Женщины? — Удивление капитана стало явным. — Вы хотите торговать своими женщинами?

Мазз улыбался, с кривой злой улыбкой он смотрел на Чарис. Он все еще злится из-за вмешательства Эндера Нордхолма, который помешал ему избить жену и дочь на поле.

— Некоторыми женщинами, — сказал Мазз. — Вот ею...

Чарис заметила, что торговец с того момента, как она вошла в хижину, сознательно игнорирует ее. Вмешательство во внутренние дела колонии не соответствует политике торговцев. Для капитана девушка со связанными руками и ногами — дело колонистов, к которому он не имеет отношения. Но теперь он принял слова Мазза как предлог пристально посмотреть на нее. И рассмеялся.

— А какова ее стоимость? Ребенок, тростинка, которая сломается от работы.

— Она старше, чем выглядит, и у нее есть знание книг, — возразил Толскегг. — Она училась бесполезным знаниям и разговаривает на нескольких языках. На некоторых планетах такие полезны. Вернее, так считают живущие там глупцы.

— Кто же ты тогда? — Капитан обратился непосредственно к ней.

Это долгожданная возможность? Может, удастся уговорить его взять ее. Тогда она сможет связаться с властями и обрести свободу.

— Чарис Нордхолм. Мой отец был руководителем образовательных программ.

— Вот как? Дочь ученого, а что здесь произошло? — Он перешел с галактического основного на свистящий закатанский язык.

Она ответила на том же языке:

— Вначале, крылатый, болезнь, а затем чума невежества.

Большой кулак Толскегга глухо ударил по столу.

— Говорите так, чтобы мы могли понять!

Капитан улыбнулся:

— Вы утверждаете, что девочка обладает знаниями. Я имею право проверить, стоят ли эти знания того, чтобы ее купить. В водах севера всегда встречается лед. — На этот раз он заговорил на другом из пяти языков — на дантере.

— Но ветры юга быстро его растопят. — Чарис почти механически дала требуемый ответ.

— Повторяю: говорите так, чтобы люди вас понимали. У нее есть знания. Для нас здесь она бесполезна. Но для вас она стоит еще одного рабочего.

— Что скажешь, джентльфем? — Торговец обратился к Чарис. — Считаешь ли ты себя достойной обмена на мужчину?

Впервые девушка позволила себе ответить смело:

— Я стою нескольких!

Капитан рассмеялся:

— Хорошо сказано. А если я тебя возьму, подпишешь неограниченный контракт?

Чарис долго смотрела на него. Слабая надежда рушилась, не успев окрепнуть. Их взгляды встретились, и она поняла, что на самом деле это не спасение. Этот человек не отвезет ее с Деметры к представителям властей. Договор будет заключен на его условиях, и эти условия привяжут ее к планете, на которую он ее отвезет. С грузом рабочих он будет приземляться только на тех планетах, где такой груз законен и необходим. Связанная неограниченным контрактом, она не сможет даже обратиться за помощью.

— Это рабство, — сказала она.

— Вовсе нет. — Но улыбка у него стала почти такой же злой, как у Мазза. — Любой контракт со временем кончается. Конечно, можешь не подписывать, джентльфем. Можешь остаться здесь, если таково твое желание.

— Мы продаем ее! — Толскегг с растущим раздражением слушал этот разговор. — Она не наша, не нашего племени. Мы продаем ее!

Улыбка капитана стала шире.

— Похоже, джентльфем, у тебя нет выбора. Не думаю, что к тебе здесь отнесутся хорошо при нынешних обстоятельствах, если ты останешься.

Чарис понимала, что он прав. Если она останется с Толскеггом и остальными, те еще больше разозлятся из-за того, что потеряли. И тогда она погибла. Она перевела дыхание: выбор уже сделан за нее.

— Подпишу, — тупо сказала она.

Капитан кивнул:

— Я так и думал. Ты полностью распоряжаешься своими чувствами и разумом. Ты, — он кивнул в сторону Мазза, — развяжи джентльфем!

— Она однажды уже убежала в леса, — возразил Толскегг. — Пусть остается связанной, если хочешь получить ее. Она дочь демона и полна грехов.

— Не думаю, чтобы она убежала. И так как она становится предметом сделки, у меня есть голос в этом деле. Развяжите ее немедленно!

После того как разрезали веревки, Чарис принялась растирать запястья. Капитан прав: сила и энергия покинули ее. Сейчас она не может бороться за свободу. Капитан в некоторой степени проверил ее образование; может, она действительно представляет торговую ценность, и он рассчитывает получить выгоду. А улететь с Деметры, оказаться на другой планете — это уже какая-то свобода.

— Есть проблема, — снова обратился к ней капитан. — Здесь нет станции обработки, и мы не можем увезти тебя замороженной...

Чарис вздрогнула. Рабочих обычно перевозят в замороженном состоянии, в анабиозе, сберегая место, припасы и вообще все то, что необходимо обычным пассажирам. Место на борту космического корабля строго ограничено.

— Так как груза у нас немного, — продолжал он, — тебя мы разместим в грузовом трюме. В чем дело? Ты больна?

Она попыталась встать, но комната покачнулась, пол и потолок наклонились.

— Я голодна. — Чарис попыталась за что-то ухватиться.

Капитан поддержал ее.

— Ну, это мы легко излечим.

Чарис почти не помнила, как поднялась на борт корабля. Больше запомнилась ей чашка, которую ей сунули в руки, теплая, с приятным запахом пищи. Густой суп, сытный, хотя из чего он сварен, она не смогла определить. Поев, она села на койку и огляделась.

У каждого вольного торговца есть отдельная маленькая каюта с обязательным сейфом, куда можно поместить ценности небольшого объема. А шкафы и ящики вокруг нее запечатаны специальными замками, которые открываются прикосновением пальца хозяина. Открыть их могут только капитан и офицеры корабля. Койка, на которой она сидит, используется охранником, когда такой бывает нужен.

Итак, она, Чарис Нордхолм, больше не личность, а ценный груз. Но она устала, слишком устала, чтобы беспокоиться, даже чтобы думать о будущем. Так устала...

Задрожали стены, койка под ней, задрожало ее тело. Она попыталась пошевельнуться и не смогла. Паника охватила ее, но тут она увидела закрепленные на койке ремни безопасности. Чарис, успокоившись, прикоснулась к замку, расстегивающему их, и села. Они в космосе, летят к следующему месту посадки. Куда? Она не хотела этого знать.

Так как часов у нее не было, Чарис могла определить, как проходит время, только по тому, сколько раз в люке показывается поднос с пищей. Происходило это с длительными интервалами, а пища — в основном калорийный малообъемный аварийный рацион. Она никого не видела, и дверь трюма не открывалась. Чарис словно была заключена в пустом корабле.

Вначале Чарис радовалась одиночеству, наслаждалась ощущением безопасности. Она много спала, медленно восстанавливая силы после тяжелых недель на Деметре. Потом ей стало скучно, и она начала беспокоиться. Ее привлекали шкафы и ящики, но те, что она могла открыть, оказались пустыми. Когда ей в пятый раз передали поднос с едой, на нем лежал и небольшой пакет. Чарис открыла его и увидела прибор для чтения с вставленной лентой.

Как ни удивительно, но на ленте оказалась длинная эпическая поэма с морской планеты Кракен. Чарис так часто читала

ее, что многие отрывки запомнила наизусть. Поэма разбудила ее воображение, оживила фантазию, и это нарушило тупую апатию, с которой она воспринимала окружающее. Она смогла думать о будущем, о том, на что она может рассчитывать.

Капитан — странно, но она ни разу не слышала его имени — теперь располагает ее контрактом, подписанным и скрепленным отпечатками пальцев. Ее будущее определит кто-то другой. Но она всегда может надеяться, что попадет в такое место, где сможет обратиться за помощью и обрести свободу. И Чарис была совершенно уверена, что на любой планете ей будет лучше, чем на Деметре.

Она читала наизусть любимые отрывки из поэмы, когда послышался гулкий звон, отразившийся от стен. Чарис бросилась на койку и застегнула ремни. Корабль садится. Станет ли это концом ее путешествия или только остановкой в пути? Она выдержала перегрузки приземления и лежала в ожидании ответа.

Хотя корабль, должно быть, уже в порту, никто к ней не приходил. Время шло, и она все больше теряла терпение, расхаживала взад и вперед по каюте, прислушивалась. Но, если не считать прекратившейся дрожи стен, они словно продолжали лететь в космосе.

Чарис хотела заколотить в двери, закричать, попроситься наружу. Каюта из безопасного убежища превратилась в клетку. Но усилием воли она сдержала этот порыв. Где они? Что происходит? Сколько это будет продолжаться — ее заключение? Плотно сплетя пальцы, она вернулась к койке, заставила себя сидеть внешне спокойно и терпеливо. Если это будет продолжаться, она может связаться через люк, в который доставляют еду.

Она сидела, когда открылась дверь. На пороге стоял капитан со связкой одежды в руке. Он бросил одежду на койку.

— Одевайся. — Он кивком указал на связку. — И пойдем!

Чарис развязала шнур и увидела форменный комбинезон, из тех, что космонавты носят, когда не на дежурстве. Комбинезон чистый и достаточно подходящий по размеру. Ей пришлось только подвернуть рукава и штанины. С помощью крохотного освежителя, находившегося в каюте, она быстро умылась и переоделась, радуясь, что можно сбросить грязную и порванную одежду с Деметры. Но изношенные потертые ботинки при-

шлось оставить. Волосы у нее отросли и падали на плечи, на концах они завивались, ложась на загорелую кожу. Чарис перевязала их обрывком шнурка и убрала в конский хвост за голову. Нет необходимости смотреть в зеркало: она не красавица по стандартам своего народа и никогда не была красавицей. Рот у нее слишком широк, скулы слишком отчетливо выступают, а глаза — светло-серые — слишком бесцветны. Она происходит непосредственно от терранской линии человечества и ростом выше большинства мутировавших мужчин, но в остальном ничем не выделяется.

Но она в достаточной мере женщина, чтобы потратить несколько секунд на разглаживание комбинезона. Ей хотелось выглядеть получше, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Потом чуть настороженно она попробовала открыть дверь. Дверь открылась, и Чарис вышла на площадку у люка.

Капитан уже стоял на лестнице, видны были только его голова и плечи. Он нетерпеливо поманил ее. Она последовала за ним по трем пролетам, пока они не оказались у выхода из корабля, за которым виднелась посадочная рампа.

Снаружи ярко светило солнце. Чарис закрыла глаза руками. Капитан подхватил ее за локоть и повел наружу, в обжигающую жару, похожую на пекло пустыни. Когда зрение ее адаптировалось, Чарис увидела, что они действительно сели в пустыне.

Песок, равномерно красный за пределами спекшейся стеклообразной поверхности — результата корабельных выхлопов, лежит у подножия низких холмов, их очертания дрожат в порывах теплого воздуха. Ни следа зданий, вообще не похоже на порт. Только обширное спекшееся пространство свидетельствует о множестве посадок и стартов.

Стоят корабли — два, три, четвертый на удалении. Все они, как заметила Чарис, того же типа, как и тот, в котором она прилетела, — вольные торговцы второго и третьего классов. Очевидно, здесь место встреч торговцев, работающих на границе цивилизации.

Капитан не дал Чарис возможности внимательней изучить окружение; он скорее потащил ее, чем повел, к другому кораблю, двойнику собственного. У подножия рампы их ждал чело-

век в фуражке со знаками различия офицера, но не в мундире, а в обычном комбинезоне.

Он внимательно поглядел на Чарис, когда они с капитаном подошли. Но взгляд был равнодушным и безличным, словно она не женщина и вообще не человек, а новое орудие, в надежности которого этот незнакомец не очень уверен.

— Вот она. — Капитан подвел Чарис к незнакомому офицеру.

Тот еще раз взглянул на нее, потом кивнул и повернулся, чтобы подняться по рампе. Капитан и Чарис последовали за ним. Внутри корабля Чарис, зажатая между двумя мужчинами, поднялась по центральной лестнице к капитанской каюте. Офицер знаком велел ей сесть на выдвижной стул и пододвинул к ней прибор для чтения.

Как обнаружила Чарис, ей предстоял экзамен на способность вести отчетность, умение устанавливать контакт с инопланетными существами, заметно отличающимися от людей, и тому подобное. В некоторых областях она проявила полное невежество, но в целом как будто удовлетворила экзаменатора.

— Подойдет. — Незнакомец зря не тратил слов.

Для чего подойдет? Чарис уже готова была задать этот вопрос, когда незнакомец сам решил просветить ее.

— Я Джаган, вольный торговец, и у меня есть временная лицензия на планету, которая называется Колдун. Слышала о ней?

Чарис покачала головой. Планет так много, что никто не может все их запомнить.

— Наверно, нет, — сам сказал Джаган. — У аборигенов странная система. Правят у них женщины, только они контактируют с инопланетянами. И не любят иметь дело с мужчинами, такими как мы. Так что нам нужна женщина, чтобы заговаривать им зубы. Ты кое-что знаешь об инопланетянах, и у тебя достаточно знаний, чтобы вести наши записи. Мы доставим тебя на аванпост, где и будет вестись торговля. Я выкупаю твой контракт. Понятно, девушка?

Он не стал ждать ответа и взмахом руки велел ей уходить. Она попятилась вдоль стены, глядя, как он прикладывает к ее контракту палец, тем самым беря на себя ее будущее.

Колдун... другая планета... На которой нет людей, только торговые посты. Чарис обдумала ситуацию. Такие торговые

посты время от времени посещаются официальными лицами. Возможно, у нее будет шанс обратиться к такому инспектору.

Колдун... Она начала думать об этой планете и о том, что может ждать ее там.

Глава 3

— Очень просто. Узнаешь, что им нужно, и отдаешь им, стараясь при этом взять как можно больше. — Джаган сидел у стены, Чарис на другом выдвижном стуле. Но капитан не смотрел на нее; смотрел он на стену, словно на ней мог увидеть ответ на какую-то дилемму, вырезанную лучом бластера. — У них есть нужное нам. Посмотри... — Он достал полоску материи длиной в руку и шириной в ладонь Чарис.

Это какая-то ткань, приятного зеленого цвета, со странным блеском поверхности. Полоска с ласкающей мягкостью скользнула по пальцам девушки. Чарис обнаружила, что, как ее ни мять и ни складывать в удивительно маленький комок, на ткани не остается ни следа складок.

— Она водонепроницаемая, — сказал Джаган. — Они ее делают. Из чего, мы не знаем.

— Для одежды? — Чарис была очарована. Красиво, как сказочно дорогой шелк узакианских пауков.

— Нет, эта ткань обычно используется для сумок и тому подобного. Жители Колдуна не носят одежду. Насколько мы знаем, они живут в море. И это единственный предмет, которым до сих пор удалось с ними обмениваться. Мы не можем добраться до них... — Он нахмурился, перебирая ленты с записями на столе. — Это наш единственный шанс, хороший шанс. Каждому торговцу снится, что он получает лицензию на вновь открытую планету. Используешь такой шанс правильно, и... — Он замолчал, но Чарис поняла его.

Торговые империи, огромные состояния создавались на основе таких шансов. Первым начать торговлю с новой планетой — мечта всякого торговца, он видит ее во сне. Но Чарис гадала, как Джагану удалось получить лицензию на эту планету. Одна из больших компаний обязательно должна была затребовать у Службы изысканий право на создание там первого тор-

гового поста. Но в данных обстоятельствах вряд ли тактично расспрашивать Джагана, как он добился почти невозможного.

Теперь она каждый день часть времени проводила с Джаганом, просматривала ленты, с которыми, как он считал, ей необходимо ознакомиться. И после первых же часов инструктирования Чарис поняла, что для Джагана она совсем не личность, но ключ, с помощью которого он надеется раскрыть загадочные двери торговли с Колдуном. Странно, но капитан, который давал ей богатейшую информацию о товарах, о ценах и прибылях, о механике торговли с чужаками, в то же время почти ничего не говорил о туземцах; сообщил только, что у них матриархат и что с мужчинами там обращаются презрительно. И что после первого любопытства они относятся к торговому посту очень настороженно.

Джаган уклонился от ответа на вопрос, почему потерпел неудачу первый торговый контакт. А Чарис, действовавшая осторожно, не решилась переспрашивать. Она как будто сошла с торной дороги и оказалась в бездорожье. У нее слишком мало знаний, чтобы находить путь, и ей придется опираться на интуицию.

— У них есть кое-что еще. — Джаган очнулся от задумчивого молчания, в которое погрузился. — Это оружие — сила. Они передвигаются с ее помощью. — Он потер рукой квадратный подбородок и странно взглянул на Чарис, как будто проверял, как она отнесется к его словам. — Они могут исчезать!

— Исчезать? — Она старалась не проявлять недоверия. Любой обрывок сведений теперь ей полезен.

— Я это видел. — Он понизил голос. — Она была прямо передо мной... — Джаган указал пальцем в угол каюты, — а потом... — Он покачал головой. — Просто... просто исчезла. Както они это делают. Добудь нам тайну их перемещения, и нам больше ничего не нужно.

Чарис видела, что Джаган верит в свои слова. И у чужаков действительно бывают тайны. Она начинала с нетерпением ожидать встречи с Колдуном, не просто ради возможности уйти с корабля.

Но когда они сели на планету, она уже не была так уверена в своих ощущениях. Полуденное небо на Колдуне янтарного

цвета, красные и черные утесы неожиданно обрываются, и за ними виднеется зеленое море. Если не считать яркого неба и моря, Колдун казался мрачной планетой, с темной почвой, и Чарис чувствовала, что он скорее отталкивает, а не приглашает людей.

На Деметре листва легкая, светло-зеленая, по краям листья чуть тронуты желтизной. Здесь у листвы пурпурный оттенок, как будто вечная ночь падает на нее даже при полном свете дня.

Чарис очень хотелось на свежий воздух, она не привыкла к тесноте космических кораблей. Но после первой минуты радости она почувствовала внезапный озноб, какое-то отвращение. Но ветерок с моря всего лишь свежий; он приносит с собой запахи, возможно, чуждые, но не отталкивающие.

Не было поселка, вообще никаких признаков людей, кроме отчетливых следов предыдущих посадок кораблей. Вслед за Джаганом она спустилась по рампе, подальше от ракетного пара, к краю утеса, потому что они приземлились на плато, высоко над уровнем моря. Внизу виднелся залив, вонзающийся, как морской кинжал, глубоко в сушу. Острием кинжала залив упирался в купол торгового поста, серый купол быстро затвердевающей пластакожи — обычное временное сооружение на пограничной планете.

— Вот она, — кивнул Джаган. Но, похоже, не торопился к своей удаче.

Чарис стояла, вздрагивая на ветру, который забирался под комбинезон. Деметра тоже пограничная планета, но до появления белой смерти она казалась открытой, доброжелательно принимающей людей. Может, это потому, что на ней не было разумного местного населения? Или просто сама комбинация естественных особенностей, видов, звуков, запахов казалась более привычной терранцам? Чарис только начинала разбираться в том, чем вызывается эта разница, пыталась понять, какие эмоции расшевелила в ней встреча с Колдуном, а Джаган уже пошел.

Он поднял руку, подзывая ее, и двинулся по напоминающему американские горки пути, вырубленном в скале бластером.

За собой она слышала голоса членов экипажа, вытянувшихся цепочкой.

Растительность возле поста была расчищена, вокруг него обширное пустое пространство, синяя почва и серый песок окружают купол — обычная защитная предосторожность. Чарис уловила ароматный запах и увидела куст, на котором на ветру раскачивались розовые шарики. Это первое светлое и изящное растение, которое она увидела в этом негостеприимном ландшафте.

Оказавшись на одном уровне с постом, она заметила, что купол гораздо больше, чем кажется сверху. Его поверхность не разрывается окнами; внутри на стенах экраны, в которых видна вся окружающая местность. Но в стороне, обращенной к морю, видны очертания двери. Джаган встал перед ней, и Чарис, внимательно за ним наблюдавшая, поняла, что торговец чем-то удивлен. Но остановился он только на мгновение. Прошел вперед и раздраженно прижал ладонь к двери.

Она раскрылась, и они оказались в просторном помещении. Чарис осмотрелась. Длинный стол, просто гладкая поверхность на легко отвинчивающихся ножках. Множество полок, тоже собранных таким образом и занятых теперь товарами. Полки, изгибаясь, следуют за стеной купола, отходя от двери. Они занимают и перегородку, отделяющую это помещение от остальных.

Посредине этой перегородки вторая дверь. Возле нее стоит, должно быть, Джеллир, суперкарго Джагана и теперь хранитель поста. У него глубокий загар космонавта, а на узком лице с резко выдающимися подбородком и носом следы усталости. У углов рта морщины, под глазами темные круги. Этот человек испытал большое напряжение, подумала Чарис. В руках он держал шокер — не в кобуре, как у всех остальных членов экипажа, а именно в руках, словно встречает не капитана, а какую-то опасность, и при этом не уверен, что справится с ней.

— Вы это сделали. — Его приветствие прозвучало простым утверждением. Но тут он заметил Чарис, и выражение его лица изменилось. Чарис показалось, что на нем отразилась смесь страха с отвращением. — Почему... — Он замолчал, возможно, по какому-то знаку Джагана, который Чарис не заметила. —

Сюда, — быстро сказал ей капитан. Ее почти протолкнули мимо Джеллира в проход, такой узкий, что плечами ее сопровождающий задевал за пластастены. Он провел ее до конца прохода, где виднелась изогнутая стена купола, и потом раскрыл еще одну дверь. — Сюда, — коротко приказал он.

Чарис вошла, но, когда повернулась, дверь была уже закрыта. И почему-то она знала, что, если попытается открыть ее нажатием ладони, дверь не откроется.

С усиливающимся дурным предчувствием Чарис огляделась. У изогнутой стены складная койка, обычная для подобных баз, убирающаяся в стену. Там, где крыша повыше, значительное пространство занимает освежитель. Кроме него, складной столик и выдвижное сиденье, а в ногах кровати ящик — вероятно, для личных вещей.

По устройству и площади больше похоже на камеру, чем на жилую квартиру. Но, наверно, подумала она, остальные квартиры на посту не лучше. Интересно, какой величины штат держит здесь Джаган. Джеллир здесь старший, пока нет капитана; возможно, он вообще один, и в такой ситуации это сделало его нервным. Обычно на корабле класса вольных торговцев должны быть — Чарис вспоминала все, что знала о таких кораблях, — капитан, суперкарго, пилот, штурман, инженер со своим помощником, специалист по двигателям, врач, кок — возможно, еще помощник суперкарго. Но это корабль с полным штатом, а не пограничный бродяга. Ей показалось, что на борту, кроме Джагана, еще четыре человека.

Продумай все, собери всю известную информацию, прежде чем начать действовать. Эндер Нордхолм приучал ее мыслить системно, и его уроки она хорошо помнит, несмотря на все происшедшие в жизни неожиданности. Чарис вытащила сиденье и, сложив руки на поверхности стола, села, чтобы, как учил отец, обдумать проблему.

Если бы только она больше знала о Джагане! Она понимала, что он очень заинтересован в собственном проекте. Успех очень многое значит в пограничной торговле. Основание поста на вновь открытой планете — это большой шаг вперед. Но прежде всего, как ему удалось получить разрешение на открытие поста?

Или — Чарис обдумала новую мысль — или он устроил здесь пост без лицензии? Допустим, только допустим, что он увидел возможность высадиться подальше от правительственной базы и начать торговлю. Тогда, если его обнаружит Патруль, он поставит их перед совершившимся фактом. Если торговля пойдет хорошо, он может заплатить штраф, и его оставят в покое, потому что ситуация на таких планетах очень деликатная, и представители власти обычно не хотят, чтобы туземцы догадывались о существовании вражды между терранцами.

В таком случае Джагану нужно действовать быстро. Он использует любую возможность, предпримет любые шаги, какие сможет придумать, чтобы начать торговлю. Итак, она нужна ему...

Но встреча на пустынной планете, где ее с корабля, торгующего рабочей силой, продали Джагану... Что это за место и почему Джаган оказался там? Чтобы просто взять ее — или любую другую женщину? Место незаконных встреч, где торговцы обмениваются грузом, — теперь она в этом уверена. По всему космосу оперируют контрабандисты. Обычная стоянка кораблей с рабочей силой, и Джаган ждал там, ждал возможности купить женщину.

Это означает, что она попала в руки торговца, стоящего вне закона. Чарис медленно улыбнулась: возможно, ей все-таки повезло. Где-то на Колдуне должна быть правительственная база, где наблюдают за контактами между инопланетянами и туземцами. Если она сможет добраться до этой базы и заявить о незаконном контракте, она может быть свободна, даже несмотря на контракт и подпись, и отпечатки пальцев на нем.

А пока она будет выполнять торговые замыслы Джагана. Только... если капитан очень торопится... Неожиданно Чарис ощутила холод, как в горах Деметры. Она для Джагана только инструмент: если только потерпит неудачу...

Она взяла себя в руки, подавила порыв броситься к двери, колотить в нее. Прижала ладони к столу, кожа ее покрылась потом. Чарис пыталась подавить страх, пустоту внутри и тут услышала шум. Не в камере, нет, за стеной.

Стук... иногда тяжелый, иногда легкий... через разные интервалы. Она напрягала слух, но тут раздался стук металлических подошв. Идут сюда?

Она повернулась на сиденье, чтобы быть лицом к двери. Но дверь не открылась. Напротив, из-за стены послышался новый звук — тонкий, похожий на крик животного, но более пугающий, чем звериный рев. Человеческий голос — еле слышный. Чарис не могла разобрать ни слова, только мужской голос, близкий к шепоту.

Теперь шаги сразу за ее дверью. Чарис сидела неподвижно, заставляя себя внешне выглядеть спокойно. Дверь открылась, но вошел не Джаган, а другой член экипажа, которого она не узнала. В руке у него сумка — такую на корабле используют для личных вещей. Он бросил сумку в направлении ее койки. В другой руке у него поднос с горячей едой. Его человек поставил на стол. Комната такая маленькая, что ему, для того чтобы избавиться от ноши, не потребовалось даже зайти.

Чарис готова была заговорить, но на лице у вошедшего замкнутое выражение, а двигался он торопливо, как будто очень спешил. И прежде чем она смогла задать вопрос, он исчез, и дверь закрылась.

Нажатием пальца сняв крышку с подноса, Чарис почувствовала запах супа и горячей кваффы. Она быстро поела, и тарелка ее опустела, прежде чем она услышала новый звук. На этот раз не удары, а негромкий крик, похожий на стон.

Неожиданно, как и начался, звук прекратился, наступила тишина. Пленник? Больной член экипажа? Воображение Чарис подсказывало несколько ответов, но на воображение нельзя рассчитывать.

Молчание продолжалось, и Чарис решила исследовать содержимое сумки. Джаган или кто-то другой подобрал образцы товаров для торговли; предметы, которые она выложила на койку, должны привлечь внимание чужака или примитивного существа. Чарис обнаружила гребень с рукоятью из кусочков кристаллов; зеркало, украшенное таким же образом; ящичек с ароматным мыльным порошком, слишком сильный запах этого порошка заставил ее фыркнуть в отвращении. Несколько кусков ткани ярких расцветок; прибор для вышивания; три пары

разукрашенных сандалий разного размера; платье, слишком короткое и в то же время широкое, ярко-синее, с изображением птиц.

Очевидно, капитан хочет, чтобы она выглядела женственно, не так, как сейчас, в комбинезоне. Это логично, имея в виду ее обязанности здесь — она должна как женщина установить контакт с туземцами.

Неожиданно Чарис испытала сильное желание — снова быть только женщиной. Колонисты на Деметре были пуританской сектой, которая не одобряла яркие женские наряды. Стараясь приспособиться к людям, с которыми они живут, члены правительственной группы, если не надевали форму, ходили в той же неуклюжей тусклой одежде, что и колонисты. Почти два года Чарис не могла надевать такие цвета, какие сейчас лежали на ее койке. Конечно, сама бы она выбрала другое, тем не менее, повеселев, она погладила цветастые ткани.

У нее не было образцов для кройки, но она решила, что сумеет превратить все это в платье и юбку в очень модифицированной версии одежды колонистки. Желтое подходит к зеленому, получается не очень кричащее сочетание. И одежде соответствует вот эта пара сандалий.

Чарис разложила предметы туалета на столе, повесила платье на стул. Конечно, ей прислали самые дешевые и наименее привлекательные вещи из запасов корабля. И все же... Она вспомнила полоску туземной ткани, которую показал ей Джаган. У нее цвет гораздо лучше, чем у этих кричащих материй. Того, кто постоянно пользуется туземными тканями, эти не привлекут. Может, в этом одна из причин неудач Джагана: его товары не соответствуют вкусам покупателей. Но ведь капитан не может сам оценить правильно, что хорошо и что плохо, и похоже, что он сам понимает это.

Нет, все-таки она не будет соединять желтое с зеленым. Только один цвет, и, если материала не хватит, Джагану придется разрешить ей порыться на полках. Если она должна представлять свою расу перед чужаками, то надо выглядеть как можно лучше.

Чарис приложила зеленую ткань к телу. Небольшой разрез вот здесь.

— Красиво... красиво...

Чарис развернулась. Свистящий шепот прозвучал так неожиданно, что девушка была потрясена. Женщина, которая стояла в открытой двери и говорила шепотом, вошла, закрыла за собой дверь и смотрела на Чарис, растянув губы в пугающей карикатуре улыбки.

Глава 4

Вошедшая была одного роста с Чарис, так что их глаза оказались на одном уровне. Чарис продолжала сжимать в руках ткань, другая женщина смеялась, причем смех ее действовал хуже крика. Должно быть, когда-то она была полной, потому что ее кожа обвисла и на лице видны были морщины. Волосы свободно свисали на спину, прикрывая морщинистую шею.

— Красиво. — Она протянула скрюченные пальцы, и Чарис инстинктивно отпрянула, но все же пальцы ухватили ткань и сильно дернули.

Одежда самой незнакомки представляла собой кусок ткани — яркое платье, похожее на то, что дали Чарис, поверх другого платья; цвета обоих никак не соответствовали друг другу. А на ногах у нее были тяжелые, с металлическими пластинами сапоги космонавтов.

— Кто ты? — спросила Чарис. Странно, но что-то в ее тоне показало недолгое возвращение разума.

— Шиха, — ответила женщина просто, как ребенок. — Красиво. — Ее внимание вернулось к тканям. — Хочу... — Она вырвала ткань из руки Чарис. — Не змеям... не отдавать змеям! — Она оскалила зубы и начала отступать, пока не прижалась к двери плечами. Ткань она по-прежнему сжимала в руках. — Змеи не получать красивое? — спросила она. — Даже если будут спать? Да, даже если будут спать...

Чарис боялась пошевелиться. Шиха явно пересекла границу страны, у которой нет карт здравого смысла.

— Они спали, — голос Шихи звучал хрипло, — много раз спали... и звали Шиху. Но она не пошла, не пошла к змеям, нет! — Она яростно покачала головой, при этом закачались,

подпрыгивая, ее локоны. — Она никогда не ходила к ним. И ты не ходи... никогда... к змеям.

Она принялась скатывать материю в комок и укладывать в сумку. Потом посмотрела мимо Чарис на синее платье на койке и протянула к нему руку.

— Красиво... не для змеи... нет!

Чарис выхватила у нее платье и отодвинула подальше.

— Для Шихи... не для змей, — согласилась она, пытаясь не показывать свой страх.

Снова женщина кивнула. Но на этот раз она схватила Чарис за руку, крепко обвила пальцами запястье девушки. Чарис боялась сопротивляться. Но прикосновение сухой горячей кожи женщины заставило ее отшатнуться, по всему ее телу пробежала дрожь.

— Пошли! — приказала Шиха. — Змеи ничего не получат. Нужно постараться.

Повернувшись, она потащила за собой Чарис. Дверь открылась, и Шиха вытащила несопротивлявшуюся девушку в коридор. Решится ли она позвать на помощь? Но сила, с которой Шиха держала ее за руку, предупреждала: не нужно привлекать внимание женщины, сопротивляться ей.

Насколько могла судить Чарис, за исключением их двоих, в торговом посту никого нет. Двери вдоль коридора закрыты, но дверь в кладовую открыта, и свет оттуда привлекает к себе. Должно быть, сейчас начало вечера. Собирается ли Шиха выходить наружу? Чарис, вспоминая неровную местность вокруг поста, надеялась сбежать, если сможет высвободить руку.

Но Шиха как будто не хотела идти дальше того помещения, где на полках лежат товары. Глядя на разнообразные вещи на полках, она выпустила руку Чарис.

— Не для змей!

По коридору она шла волоча ноги, как будто ей мешал вес космических сапог. Но теперь буквально прыгнула к ближайшей полке, на которой стояло множество маленьких стеклянных бутылочек, и взмахом руки смела их на пол. Запахло сильными и разнообразными ароматами. Не удовлетворившись этим, Шиха принялась топтать осколки, и ее крик «Не для змей!» превратился в какой-то гимн.

— Шиха!

Она покончила с бутылочками и теперь хватала ткани и разрывала их когтями. Но шум, по-видимому, привлек внимание хозяина поста. Чарис оттолкнули с силой, и она отлетела к длинному столу. Из коридора выбежал Джаган и бросился к безумной женщине. Она билась в его руках, пыталась повернуть голову и укусить его. И кричала — кричала высоким, хриплым и совершенно лишенным разума голосом.

Прибежали еще двое мужчин, один снаружи, другой — в нем Чарис узнала того, кто приносил ей пищу, — из коридора. Но потребовались усилия всех троих, чтобы справиться с Шихой.

Они связали ей руки, замотали в ткань, превратив в беспомощную куклу. Шиха плакала.

— Сны... не сны... не змеям! — Прерывистые слова звучали как мольба.

Чарис удивилась, заметив выражение лица Джагана. Он положил руки на плечи Шихи и повернул, но не к внутреннему коридору, а к выходу из поста.

— Она вернется на корабль, — сказал он. — Может быть, там... — Не закончив фразу, он вышел в ночь, ведя с собой женщину.

Густой запах благовоний заставил Чарис чихнуть. С полки свисали обрывки тканей. Чарис механически принялась поднимать с пола материю, обходя осколки стекла, которые не превратились в порошок под металлическими подошвами Шихи.

— Ты... — Она подняла голову, услышав слова мужчины у стола. — Тебе лучше вернуться.

Чарис послушалась, она была рада возможности уйти от этой картины разрушения. Снова садясь на койку, она дрожала, пытаясь понять, что же произошло. Джаган сказал, что для контактов с туземцами ему нужна женщина. Но до появления Чарис здесь уже была женщина — Шиха. И Чарис была уверена, что Шиха для капитана не просто орудие. Она видела, как он обращался с ней во время припадка.

Змеи... сны? Что заставило Шиху действовать и говорить так безумно? Первое впечатление Чарис о Колдуне — что он недружелюбно настроен к людям, — справедливо ли оно, или это

просто подсознательная реакция на расцветку ландшафта? Что здесь происходит?

Она должна выйти и потребовать объяснения. Но Чарис обнаружила, что не может заставить себя снова пересечь порог. А когда попыталась открыть дверь и обнаружила, что та не поддается, облегченно вздохнула. В маленькой каюте она чувствует себя в безопасности: видит каждый дюйм и знает, что она одна.

Свет, исходящий от линии по краям потолка, становился тусклее. Чарис решила, что на ночь сокращают подачу энергии. Она свернулась на койке. Странно. Почему вдруг так невыносимо захотелось спать? Поняв, что это необычно, она испытала тревогу... Но потом...

Снова свет, все вокруг освещено. Чарис знает это, хотя глаза ее закрыты. Свет и тепло. Она чувствует желание узнать, откуда они исходят. Открыв глаза, Чарис увидела безмятежное золотое небо. Золотое небо? Она уже видела золотое небо — где? когда? Но вспоминать не хотелось. Так приятно лежать под золотым небом. Так спокойно она не лежала уже очень, очень давно.

Что-то коснулось пальцев ног, лодыжек, икр. Чарис шевельнулась, приподнялась на локтях. Она лежит на теплом сером песке, в котором блестят крошечные красные, желтые, синие, зеленые точки. Тело ее обнажено, но никакой потребности в одежде она не испытывает. Тепло словно окутывает ее покрывалом. Лежит она на самом краю зеленого моря, и легкие волны касаются ее ног. Зеленое море... Как и золотое небо, оно расшевелило память. Просыпались воспоминания, которых она боится, с которыми борется.

Она расслаблена, довольна, счастлива... Если эту свободу можно назвать счастьем. Правильно. Правильная жизнь возможна только под золотым небом, на берегу зеленого моря, на теплом сверкающем песке, и никаких воспоминаний — только сейчас и здесь!

Помимо ласкающего прикосновения волн, никакого движения. Но вот Чарис захотелось чего-то иного, помимо апатичного лежания, и она села. Повернув голову, обнаружила, что лежит в углублении скал; за ней и вокруг нее крутой красный утес, и, по-видимому, никакого подхода сюда нет. Но это ни в малейшей степени не встревожило ее. Она лениво перебирала

пальцами песок, мигала при ярких вспышках цвета. Вода поднялась выше, теперь она достигает колен, но Чарис не хочется уходить от ее теплых ласк.

И вдруг — вся апатия, вся удовлетворенность исчезла. Чарис не боится, но ощущает нечто. Что именно? Вопрос задает проснувшаяся часть сознания. Что сознает? Присутствие разума, другого сознания. Чарис встала с песка, в котором тело ее образовало удобное углубление, и принялась внимательно разглядывать окружающие скалы. Но, кроме нее, здесь никого нет. Она одна в этом углублении в скалах, одна с морем и песком.

Чарис посмотрела на море. Да, что-то в воде. Что-то поднимается, движется к ней. И она...

Чарис ахнула, пыталась поймать воздух, который словно избегал ее легких. Она на спине, и над ней не золотое небо дня, а тусклый ночной свет. Справа изгибается стена купола. Чарис едва может разглядеть ее, но ощупью убеждается, что стена на месте. Но... но песок тоже был реален, когда она пересыпала его между пальцами. Мягкое прикосновение морской волны, тепло солнца, ветерок на коже? Все это тоже было реально.

Сон... более яркий и чувственный, чем все, что она видела до того? Но сны обычно бывают рваные, как осколки, которые Шиха оставила на полу торгового помещения. А этот сон не обрывочный, каждая подробность его соответствует остальным. А это ощущение в конце, вера в то, что что-то поднимается к ней из моря?

Может, именно это привело ее в себя, разрушило сон, уничтожило пугающую сцену, когда ей в последнее мгновение показалось, что она тонет? Но тонет не в море, которое приветствовало и ласкало ее, а в чем-то таком, что находится между морем и этим помещением?

Чарис выбралась из койки и подошла к сиденью за столом. Она была возбуждена, испытывала ощущение, какое бывает, когда ждешь чего-то приятного. Может быть, попытаться уснуть, и тогда она снова вернется к морю, на песок, в то место в пространстве и времени, где кто-то... или что-то ждет ее?

Но ощущение спокойствия и уверенности, которое пришло к ней во сне — если это был сон, — это ощущение уходило. Его место заняло смутное беспокойство и отвращение — те чувства,

которые она испытала, впервые покинув космический корабль. Чарис обнаружила, что прислушивается, и не только слухом, но всем телом.

Ни звука. Не зная почему, она направилась к двери. С потолка по-прежнему идет свет, тусклый, но его достаточно, чтобы видеть все вокруг. Чарис приложила ладони к двери и надавила. И дверь открылась, позволив ей выглянуть в коридор.

На этот раз она увидела не ряд закрытых дверей: все они были распахнуты. Снова она прислушалась, стараясь приглушить собственное дыхание. Что она ожидает услышать? Гул голосов, звуки тяжелого дыхания спящих? Но не было ничего.

Раньше собственная каюта казалась ей безопасным убежищем, единственным безопасным местом, которое она может найти. Но теперь она в этом не уверена. Но не может и определить, что за напряжение усиливается в атмосфере, что вызывает ее тревогу, побуждает к действиям.

Чарис пошла по коридору. Босые ноги ступали по холодному полу бесшумно. Она остановилась у первой двери. Дверь приоткрыта достаточно широко, чтобы она увидела другую койку — пустую. И вообще комната пуста. Вторая комната — опять помещение для сна без спящего. Третья — все такая же пустая, покинутая. Но четвертая оказалась другой. Даже в тусклом свете видна была многообещающая особенность — экран связи у дальней стены. Стол, два стула, груда лент. Все ленты спутаны, изорваны...

Чарис застыла. Она как будто смотрит на эту комнату и ее обстановку чужими глазами. Эти глаза отвергают все, что здесь есть. Но эта утрата ориентировки длилась мгновение. Девушку привлек к себе экран.

Несомненно, он настроен на связь между кораблем и постом. Но он же может дать ей ключ к свободе. Где-то на Колдуне есть правительственная база. И устройство связи может поймать станцию базы, если у Чарис хватит времени и терпения для широкого поиска. Терпения у нее хватит. Время — другое дело. Где торговцы? По какой-то причине все ушли на корабль? Но почему?

Если раньше Чарис ползла, то теперь летела. Она обежала весь пост. Жилые помещения — все пусты; кухня с запахами не-

давно разогретых рационов и кваффы; кухня плотно закрыта. Большое внешнее помещение, осколки стекла сметены в груду и так и оставлены; с торопливо скатанного тюка свисает обрывок ткани. Назад в помещение связи. Она одна на посту. Почему и насколько, она не может сказать, но в данный момент она одна.

Теперь все зависит от времени, удачи и расстояния. Она может обыскать значительную часть поверхности планеты. Но на Колдуне ночь, и, возможно, на дежурстве у связи правительственной базы никого нет. Тем не менее она может отправить сообщение, оно будет записано, привлечет сюда власти, и тогда она сможет рассказать свою историю в подробностях.

Жаль, что нельзя усилить освещение, но она не нашла переключатель. Поэтому Чарис пришлось близко наклоняться к шкале, чтобы набрать нужную комбинацию.

В первые несколько мгновений незнакомый и необычный набор кнопок поставил ее в тупик. Потом она поняла. Как корабль Джагана явно был не новым и первоклассным, так и это устройство связи старое, она таких никогда не видела. И первоначальное возбуждение сменилось легким беспокойством. Какова может быть дальность действия такой несовершенной установки? Если правительственная база далеко, у нее нет надежды на устойчивую связь.

Чарис медленно набрала нужную комбинацию, пытаясь не допустить ошибки. Но в ответ услышала только треск атмосферного электричества, какой бывает на любой незаселенной планете. На Деметре, работая с коммуникатором, Чарис слышала такой же треск.

Только светящаяся точка, перемещающаяся по экрану, говорила, что поиск продолжается. Теперь ничего не остается, только ждать: либо установления связи, либо возвращения торговцев.

Запустив программу поиска, Чарис вернулась к другим своим проблемам. Почему ее оставили одну на станции ночью? Из глубокой долины, в которой стоит пост, ей не видны плато и посадочная площадка с космическим кораблем. Джаган увел Шиху на корабль, но здесь оставалось по меньшей мере двое. Может, решили, что она надежно заперта в своей каюте, и за-

нялись какими-то другими делами? Все, что она знает о деятельности поста, ей рассказал капитан; а рассказывал он мало и только то, что касалось ее обязанностей.

Негромкий писк коммуникатора действовал успокаивающе, пожалуй даже слишком. Чарис вздрогнула, отгоняя сон. Поисковый луч прошел уже треть окружности, но ничего не обнаружил. Но ведь не менее четверти окружности занимает море, а откуда можно ждать ответа, Чарис не знает.

Ответ пришел, когда Чарис почти поверила, что надежды нет. Ответ слабый, он идет с далекого расстояния. Она нацелила прямой луч и увеличила мощность. Где-то на северо-востоке работает другой межпланетный коммуникатор.

Пальцы Чарис замелькали, точнее нацеливая луч, увеличивая его мощность. Экран перед ней затуманился, снова начал проясняться. Она поймала отзыв! Чарис действовала быстро, она сама не поверила бы, что возможна такая быстрота. Какой-то инстинкт заставил ее отклониться от экрана, так чтобы ее не было видно тому, кто ей ответил.

Фигура, появившаяся на экране, явно не принадлежала человеку на правительственной службе, хотя это человек, у фигуры гуманоидные очертания. На человеке такой же тусклый комбинезон, как на торговцах; на поясе у него не разрешаемый законом шокер, а незаконный мощный бластер. Чарис разорвала связь в тот момент, как на лице этого человека появилось выражение откровенного изумления.

Тяжело дыша, девушка вернулась на свое место перед экраном. Другой пост — где-то к северу. Но бластер? Такое оружие строго запрещено для всех, кроме Патруля и Сил обороны. Она колебалась. Может, снова включить связь? Попытаться поискать на юге? Она не узнала в фигуре на экране члена команды корабля, но все же он может быть человеком Джагана. В таком случае действия капитана на планете гораздо менее законны, чем она предполагала.

Став в стороне от экрана, Чарис снова включила поиск. Чуть погодя она поймала ответ с юга. Однако на экране на этот раз показался не вооруженный космонавт, но очень знакомый рисунок — знак Службы изысканий, объединенный с посольской печатью. Следовательно, на планете есть небольшая база изы-

скателей, осуществляющая контакт с чужаками. На дежурстве не было никакого оператора; об этом свидетельствует характер сигнала. Но ее передача будет записана. Она может послать сообщение и надеяться, что через несколько часов оно будет прочитано. Чарис начала набирать кодированные символы слов.

Глава 5

Еле слышный звук, легкое прикосновение к телу.

Чарис оглянулась со спокойствием, которое само по себе свидетельствует о необычности ситуации. Она сидела перед коммуникатором, набирала свой призыв о помощи. А потом — сразу оказалась во сне.

Но после одного-двух мгновений поняла, что это не прежний сон. На ней комбинезон, тот, что она надела, прежде чем начала блуждания по опустевшему посту. Босые ноги болят. Чарис взглянула на них. Они избиты и исцарапаны, из царапин идет кровь. И теперь она испытывает не спокойствие и удовлетворенность, как в предыдущем сне. Сейчас она устала и смущена.

Как и раньше, в утреннем свете волнуется море. Вокруг нее утесы, а сама она на мягком мелком песке. Она на берегу — в этом нет сомнений. Но это не может быть сном.

Чарис повернулась. Она ожидала увидеть пост на краю узкой полоски воды, но сзади оказались только утесы. Девушка видела цепочку углублений в песке, ведущую к тому месту, где она стоит. Это ее след. Он теряется вдали. Но она не знает, где находится и как попала сюда.

Она испытала страх, сердце забилось сильнее, дыхание стало быстрым и поверхностным. Она не может вспомнить. Никакие усилия не пробуждают память.

Но, возможно, она сумеет вернуться по своему следу? Однако, повернувшись, чтобы попытаться, Чарис поняла, что не может это сделать. Какой-то барьер, ощущение такое же острое, как физическая боль, мешает ей уйти. Она буквально не может сделать ни шагу назад. Дрожа, Чарис осмотрелась и снова попыталась двинуться. И усталость от усилий, которые пришлось при этом приложить, чуть не заставила ее упасть лицом вниз.

Однако, если вернуться она не может, идти вперед ей ничего не мешает.

Она попыталась оценить направление своего движения. Находится ли она к северу или к югу от поста? Ей кажется, что к югу. Правительственная база тоже к югу от поста. Если продолжать идти, может, она доберется до нее?

Чарис не задумывалась о том, насколько мала такая возможность. Без припасов, даже без обуви, долго ли она продержится? Ее тревожили какие-то странные мысли. Может быть, она навлекла это на себя, потому что пыталась связаться с базой при помощи коммуникатора? Она закрыла глаза руками и стояла, пытаясь понять, проследить причины, которые привели ее сюда. Может, сознание отказало ей? И взяла верх потребность освободиться, добраться до правительственной базы? В каком-то смысле это объяснение, но оно ведет к новым неприятностям.

Чарис, хромая, направилась к морю и села на скалу, чтобы осмотреть ноги. Они были в ссадинах и царапинах. Она опустила их в воду и прикусила губу от резкой жгучей боли: соленая вода коснулась ран.

Вполне возможно, эта планета лишена жизни, подумала Чарис. Янтарно-золотое небо покрыто легкими облаками, но в нем не видно птиц или других летающих существ. На песке и скалах ни клочка растительности, и, кроме отпечатков ее ног, на песке никаких других следов.

Чарис расстегнула комбинезон и сняла рубашку. Разорвать ее было нелегко, но наконец удалось, и она обмотала ноги полосками ткани. Послужат хоть какой-то защитой: ведь она не может навсегда остаться здесь.

К югу примерно в ста футах утес выступал в море, и не видно было никакого пути обхода. Придется подниматься. Но Чарис еще какое-то время оставалась на месте, пытаясь разглядеть опоры для рук и ног. Все равно нужно будет карабкаться.

Она голодна, как в горах Деметры, а сейчас у нее нет даже черствого хлеба. Хочется есть и пить — и вода издевательски плещется у ног. Идти в пустыню — безумие, но назад ее не пускает невидимая преграда. Даже простой поворот головы, чтобы взглянуть на углубления в песке, требует больших усилий.

Она решительно поднялась на перевязанные ноги и направилась к утесу. Оставаться здесь и постепенно слабеть бессмысленно. Может, есть за утесом какая-то надежда, а не только голый песок и камни.

Подъем потребовал огромных усилий, ладони она исцарапала почти так же, как ноги, обломала ногти. Подтянулась на неровную поверхность и легла, прижав руки к груди, слегка всхлипывая. Потом подняла голову и огляделась.

Она находилась на краю еще одной узкой долины, такой же, как та, в которой расположен торговый пост. Но здесь нет никаких зданий, ничего, кроме деревьев и кустарников. Недалеко от нее в море впадает небольшая река. Чарис облизала пересохшие губы и направилась туда. Через короткое время она сидела на голубой почве, руки ломило от холодной воды. Она пила из пригоршней, не думая о том, будет ли здесь, на Колдуне, действовать иммунизационная сыворотка, инъекцию которой она получила на Деметре.

Если морской берег был лишен жизни, то о долине этого не скажешь. Утолив жажду, Чарис села и увидела существо с прозрачными крыльями, летящее наискосок над водой. Коснувшись воды, оно поднялось, унося в когтях бьющуюся добычу. И исчезло в кустах у стены утеса вместе со своей жертвой.

И тут сверху послышался звук, как будто кто-то ударил костью о кость. Другое летающее существо, гораздо крупнее и материальнее, вылетело из углубления в скале и заметалось над девушкой. У существа были голые кожистые крылья, тело лишено перьев или шерсти, кожа сморщенная, в складках. Голова непропорционально велика и разделена пополам; огромная пасть издает щелкающие звуки.

К первому летающему существу присоединилось второе, их крики оглушали. Щелкуны опускались все ниже и ниже, и любопытство сменилось у Чарис тревогой. Один такой летун не страшен, но стая существ, явно нацелившихся на нее, представляет серьезную угрозу. Девушка огляделась в поисках убежища и устремилась под защиту ветвей ближайшей рощи.

Очевидно, этот ее маневр не укрылся от щелкающих летунов, потому что, хоть она больше их не видела, их крики продолжали

ее преследовать. Что-то проскочило мимо нее и с писком скрылось в тени.

Чарис остановилась в нерешительности. Что еще может таиться в этом лесу? Сильно пахло растительностью. Иногда запах приятный, иногда непривычный для ее обоняния. Она наступила на какой-то мягкий предмет, и он лопнул, прежде чем Чарис успела убрать ногу. Нагнувшись, она увидела какой-то раздавленный фрукт. Много таких висело на ветвях дерева, под которым она стояла, и лежало на земле. Очевидно, ими питался сбежавший пискун.

Чарис подобрала плод и поднесла к носу, вдохнула незнакомый запах, не в силах решить, приятный он или отталкивающий. Это пища, но можно ли ее есть — другой вопрос. Держа в руках фрукт, Чарис двинулась в сторону моря.

Щелканье над головой не стихало, оно перемещалось вместе с ней, но море влекло к себе девушку, словно обещая безопасность. Наконец она миновала последний ряд кустов, которые цеплялись за серый песок.

На горизонте появилась темная полоска. Чарис решила, что это не просто облако. Остров. Она так внимательно его разглядывала, что вначале не обратила внимания на летающие существа.

Они больше не вились над ней, но изменили курс, улетели в море и там вились над водой, плетя сложные рисунки. А в волнах что-то шевелилось, что-то двигалось под поверхностью. Приближалось к берегу, направляясь прямо к ней.

Чарис бессознательно сжала плод, так что он раздавился меж пальцев. Судя по волнению воды, пловец — кто бы это ни был — крупный.

Но она не ожидала того кошмара, что поднялся из воды и повернулся к узкой полосе песчаного берега. Бронированное тело, на котором висят зеленые водоросли, уцепившиеся за острые выступы пластин-чешуек; голова с рогами над каждым глазом; пасть, полная острых зубов...

Существо выбиралось из воды. Лапы его были вооружены когтями, соединенными перепонкой. Оно взмахнуло хвостом, раздвоенным и кончающимся двумя остриями; хвост буравил воду. Щелкуны подняли громкий шум, поднялись выше, но не

оставили поля боя морскому чудовищу. Однако это существо не обратило на них внимания.

Вначале Чарис испугалась, что оно увидит ее; однако существо не приближалось, и девушка отчасти успокоилась. Еще несколько шагов, и чудовище выбралось из воды и с отчетливым звуком, похожим на хрюканье, легло на песок.

Голова его поворачивалась вправо и влево, потом застыла, легла на вытянутые передние лапы. Полное впечатление, будто существо решило подремать на солнышке. Чарис колебалась. Щелкуны перестали обращать на нее внимание, сосредоточившись на чудовище. Ей пора незаметно уходить.

Девушке хотелось убежать, скрыться в кустах, уйти из долины, которая так похожа на западню. Но разум подсказывал, что нужно действовать не торопясь. По-прежнему не отрывая взгляда от существа на берегу, Чарис начала отступать. В течение нескольких секунд она надеялась, что это ей удалось. Потом...

Крик над головой прозвучал оглушительно. Ее заметил щелкун. И остальные с криками устремились к нему. И тут Чарис услышала другой звук, свист, такой высокий, что от него заболели уши. Ей не нужно было слышать топота и треска раздавленных ветвей, чтобы понять, что существо с раздвоенным хвостом преследует ее.

Единственная надежда — добраться до узкого конца долины. Может, там удастся подняться на утес. Ветки кустов цеплялись за одежду и рвали ее, царапали кожу. Она пробежала мимо ручья и оказалась на поляне, покрытой густой голубой травой. Трава путалась в ногах, острые края листьев разрезали кожу.

Над головой продолжали кричать щелкуны, они носились вверху, ныряли, ни разу не коснувшись ее, но пролетали так близко, что она приседала. Она поняла, что они пытаются помешать ей скрыться. И углубилась в кусты, закрывая лицо руками от ветвей, тяжестью тела прокладывая дорогу.

И вот она у цели — у скальной стены, ограничивающей долину. Но позволят ли ей щелкуны подняться? Чарис прижалась к камню и из-под руки посмотрела вверх, на стаю кожистых существ. Потом посмотрела туда, где качающиеся ветви обозначают движения морского чудовища.

Все они нацелены на нее! Чарис закричала и принялась отбиваться руками.

Крики...

Она, защищаясь, дико замолотила руками, прежде чем поняла, что происходит. Щелкуны в своем полете пересекли линию движения чудовища. И столкнулись с неприятностями. Как молния, ударил раздвоенный хвост, тела щелкунов разлетелись по сторонам, ударялись о каменную стену.

Дважды еще ударял хвост, разбив первую волну нападающих, потом вторую. Щелкуны слишком увлеклись целью, чтобы вовремя свернуть. Всего пять из них успели подняться с криками вверх и больше не возвращались.

Чарис повернулась и, нащупывая опоры для рук и ног, начала подниматься. Раздвоенный хвост теперь отделял ее от щелкунов. Пока она поднимается, нападения с их стороны может не опасаться. Она сосредоточила все внимание на подъеме, пытаясь добраться до карниза, откуда можно дотянуться до ветвей, свисающих сверху.

Она поднялась в гущу ветвей, перевалила через край карниза, легла и быстро оглянулась. Над головой продолжали виться щелкуны, они яростно метались, а внизу... Чарис заглянула вниз.

Чудовище у подножия стены, своими перепончатыми лапами оно цепляется за скалу. Дважды оно умудрялось повиснуть и немного подтянуться, но оба раза падало назад. Либо опора оказалась ненадежной и не выдерживала веса чудовища, либо оно слишком неуклюже, чтобы подняться. Двигалось оно действительно неуклюже, большой вес мешает подъему.

Но оно настойчиво продолжало отыскивать опору в камне. Ясна его целеустремленность. Чарис осторожно стала продвигаться в зарослях, опасаясь, что запутается в ветвях, споткнется и упадет. Наклонившись, сорвала ветку, чтобы отогнать щелкуна. Тот набрался решимости и нырнул к самой ее голове. Ветка не коснулась его, но он торопливо отлетел.

Пока она передвигается по карнизу, то может пользоваться этой защитой. Но когда девушка повернулась, чтобы подниматься дальше, руки оказались заняты. И она приближалась к узкому месту, где с трудом можно поставить ногу.

Чудовище упорно продолжало свои попытки подняться. Если она поскользнется, то окажется в пределах его досягаемости. А подниматься тяжело: щелкуны вьются над головой, едва не касаются плеч. Она отгоняла их веткой, но они становились все смелее, подлетали все ближе, и рука девушки устала от взмахов импровизированного хлыста.

Чарис прислонилась к стене утеса. Похоже, рептилия снизу до нее не дотянется. Но щелкуны продолжали действовать без помех, а она устала, так устала, что опасалась: даже если они отстанут, у нее не хватит сил, чтобы завершить подъем.

Она потерла руками глаза и попыталась подумать, хотя тупела от продолжающихся криков щелкунов, как будто этот шум одурманил ее мозг, завернул его в какой-то кокон. И только прекращение шума вернуло ее к действительности.

Отвратительные существа перестали виться над головой. Как одно, они развернулись и устремились к отверстиям в скалах, из которых вылетели. Удивленная, девушка смотрела им вслед. Но звук шел снизу. Опираясь на руку, Чарис заглянула вниз.

Чудовище с раздвоенным хвостом повернуло и громоздко двигалось назад по раздавленной растительности. Не оборачиваясь на карниз, на котором стояла девушка, оно уходило к морю. Как будто кто-то приказал щелкунам и чудовищу отвязаться от нее.

Но почему она так интерпретирует их действия? Чарис с отсутствующим видом пыталась стереть с пальцев липкую мякоть плода. Тишина, все неподвижно. Вся долина, кроме волнения листвы, обозначающего проход чудовища, словно лишена жизни. Как будто кто-то произнес заклинание.

Чарис упрямо продолжила подъем, каждое мгновение ожидая возвращения щелкунов. Но тишина не прерывалась. И наконец девушка оказалась на вершине и огляделась в поисках укрытия.

Плато, очень похожее на то, которое использовал для посадки Джаган. Но на этом нет следов ракет. Оно тянется к югу, открытое солнцу и взгляду, без всяких надежд на убежище. Чарис сомневалась, чтобы могла снова спуститься к морю. Поэтому она повернула на юг, хромая и все время прислушиваясь, не раздастся ли щелканье над головой.

Яркое пятно на фоне тускло-красных скал. Странно. Она не видела его раньше, когда осматривала плато. Оно такое яркое и обещает пищу...

Пища... Девушка прикрыла рукой глаза и снова опустила руку. Словно пыталась убедить себя, что это не галлюцинация, существует независимо от гложущего ее голода.

Но если бы пища была галлюцинацией, разве она не должна быть знакомой? Еда с Деметры или с других планет, где она жила? Но это не аварийный рацион и не набор знакомых ей хлеба, мяса, фруктов. На зеленой полоске ткани несколько темно-зеленых шаров, блестящий белый сосуд, полный густой желтой жидкостью, груда плоских, слегка голубоватых лепешек. Скатерть с накрытым обедом! Это должна быть галлюцинация! Всего этого здесь раньше не было, иначе она увидела бы.

Чарис подошла и посмотрела на предметы на скатерти. Протянула грязную исцарапанную руку и коснулась края чашки. Жидкость в ней теплая. Запах незнакомый, не приятный и не неприятный. Странный. Села, борясь с голодом, со стремлением наброситься на пищу, и задумалась об ее странном появлении ниоткуда. Сон? Но она может коснуться этой пищи.

Она взяла голубую лепешку, обнаружив, что по консистенции она напоминает оладью. Сложив ее в виде ложки, Чарис набрала густой желтой жидкости и поднесла ко рту. Это суп? Сон это или нет, но можно прожевать и проглотить. После первого пробного глотка она стала с жадностью есть, больше не думая о том, сон это или реальность.

Глава 6

Чарис обнаружила, что вкус пищи определить так же трудно, как и запах. Сладкий, кислый, горький. Но в целом еда приятная. И только опустошив чашку с помощью импровизированной ложки из лепешки, она снова задумалась о происхождении пищи.

Галлюцинация? Конечно нет! Чашка вполне реальна на ощупь, как реальна пища, она теплая и приятно заполнила желудок. Чарис принялась поворачивать в руках чашку, разглядывая ее. Цвет чистый, почти прозрачный — белый; фор-

ма удобная, но никаких украшений нет. Чашка радует взгляд и предполагает наличие высокоразвитой цивилизации, решила Чарис.

Ей не нужно было даже притрагиваться к ткани, чтобы понять, что она такая же, как та, что показывал ей Джаган. Итак, все это связано с туземцами Колдуна. Но зачем оставлено здесь, на голой скале, в ожидании ее появления?

Стоя на коленях, по-прежнему держа чашку в руках, Чарис осмотрела плато. Судя по положению солнца, полдень давно миновал, но здесь нет ни тени, ни укрытия. Она совершенно одна в пустоте и понятия не имеет, как мог появиться этот щедрый дар. И главное — почему?

Почему? Это удивляет ее даже больше, чем как. Можно считать, что это оставлено для нее. Но это означает, что «они» знали о ее появлении и так рассчитали, что желтый суп даже не остыл, когда она впервые его попробовала. Однако никаких следов пребывания «их» не видно.

Чарис облизала губы.

— Пожалуйста... — Голос ее прозвучал тонко и хрипло. Прислушавшись к нему, она вынуждена была признать, что и испуганно. — Пожалуйста, где вы? — Она говорила просительно, призывно. Ответа не было.

— Где вы? — Она заставила себя произнести это громче, умоляюще.

Тишина вынудила ее поморщиться. Как будто кто-то незримый разглядывает ее. Она ощутила себя экземпляром для изучения. И захотела уйти отсюда — немедленно.

Она осторожно поставила пустую чашку на камень. Осталось несколько плодов и две лепешки. Чарис завернула их в ткань. Встала и по причине, которую сама не могла бы объяснить, повернулась в сторону моря.

— Спасибо, — снова решилась она повысить голос. — Спасибо. — Может, еда и не предназначалась для нее, но она в это не верила.

Держа в руке сверток с едой, Чарис пошла по плато. В южном конце она оглянулась назад. Ей была хорошо видна белая чашка. Она оставалась на месте, там, где она ее положила, на голом камне. Однако девушка почти была уверена, что она ис-

чезнет, и именно поэтому смотрела только вперед и больше не оглядывалась.

К югу местность напоминала огромную лестницу, созданную гигантами. Этот пролет опускался широкими уступами. Некоторые уступы покрывали пурпурные и зеленые растения, хилые кусты и жесткая трава с острыми краями. Чарис осторожно передвигалась с одного уступа на другой, ожидая появления щелкунов или других враждебных форм жизни.

Она старалась щадить ноги, и путь занял много времени, хотя другого способа измерить время, кроме движения солнца, у нее не было. Надо найти убежище на ночь. Ощущение благополучия, пришедшее с сытостью, постепенно рассеивалось: Чарис думала о том, что принесет ей ночь Колдуна, если она не успеет найти надежное укрытие.

Наконец она решила остаться на выступе, которого достигла. Низкорослая растительность не скроет крупных животных, и неожиданного нападения она может не опасаться. Хотя Чарис не знала, сумеет ли защититься без оружия. Она осторожно развернула остатки пищи и разложила на листьях, сорванных с растения. Потом начинала скручивать ткань чужаков в веревку.

При помощи ветки она выкопала камень размером с кулак и торопливо привязала его к концу импровизированной веревки. Конечно, против настоящего оружия это смехотворная защита, но против местных животных может пригодиться. С веревкой под рукой Чарис почувствовала себя уверенней.

Солнечный свет уже уходил с низменных мест, таких, как то, в котором она находилась. С наступлением темноты некоторые кусты начали неярко светиться. По мере того как углублялись сумерки, усиливалось и их свечение; дневная жара спадала, и ветерок нес с моря приятные запахи.

Чарис сидела спиной к скале и смотрела на открытую местность, откуда пришла. Оружие лежало у нее под правой рукой, но она понимала, что рано или поздно должна будет уснуть, что не сможет вечно бороться с усталостью, которая навалилась не только на веки, но и на все тело. А когда она уснет... Когда спишь на Колдуне, происходит самое неожиданное! Может, проснувшись, окажется в новом, еще более диком месте? Чтобы обезопасить себя дополнительно, она сложила еду за пазуху

комбинезона, а веревку обвязала вокруг руки. Уходя в следующий раз, она прихватит с собой свои скромные запасы.

Хоть она и устала, Чарис пыталась бороться со сном. Нет смысла гадать, какая сила переместила ее сюда. Нужно сосредоточиться на простейших жизненных делах. Что-то помешало щелкунам и морскому чудовищу нападать на нее. Можно ли это приписать некоему присутствию, которое также снабдило ее едой? Если так, то чего «они» добиваются?

Изучают поведение чужака в различных условиях? Может, ее используют как подопытное животное? Это единственный логичный ответ на то, что с ней происходило. Но по крайней мере «они» не допустили, чтобы ей был причинен реальный вред. Она прижала рукой остатки пищи в комбинезоне. Всякие активные действия с «их» стороны были ей на пользу.

Ей так хочется спать... К чему бороться со свинцовыми веками? Но... где она проснется на этот раз?

Проснулась она на выступе, замерзшая и онемевшая, в темноте, которая не была полной из-за светящейся растительности. Чарис мигнула. Может, ей снова это снится? Есть какая-то причина, почему она должна находиться здесь. Надо уходить с этого выступа.

Она неловко встала, обмотала ткань вокруг пояса. Сейчас еще ночь или уже раннее утро? Время не важно, важна необходимость двигаться. Вниз, туда. Девушка не пыталась бороться с этим принуждением, она пошла.

Светящиеся растения служили ей ориентирами. Она видела, что их свет или запах привлекает множество мелких летающих существ, которые, как искры, мелькали в этом причудливом сиянии. Мрачный Колдун по ночам приобретал некую призрачность и нереальность.

Тьма, в которой нет свечения, — вот ее цель. Как и на берегу, когда она не могла и шагу сделать на север, так и теперь не смогла она бороться с силой, которая тянула ее к темному пятну. Настойчивое постоянное ощущение необходимости двигаться, которое она почувствовала проснувшись, все усиливалось.

Повинуясь чужой воле, она миновала светлую полосу растительности и углубилась во тьму — пещеру или расселину в скале.

Под ногами груды листвы, вокруг ощущение сомкнувшихся стен. Вытянутыми руками Чарис с обеих сторон задевала за камень. Но над собой она по-прежнему видела на бархатном небе мерцающие звезды. Это не настоящая пещера, а узкий проход в скалах. Но опять — почему? Почему?

По небу двигался огонек, двигался целеустремленно, в определенном направлении. Огонь какого-то летательного аппарата? Ее ищут торговцы? Или тот, кого она видела на экране коммуникатора? Но ей кажется, что огонь приближается с юга. Правительственный служащий, которого привлекло ее сообщение? Увидеть ее в темноте в этой расселине невозможно. Она переместилась сюда, чтобы скрыться — от опасности или от помощи?

И ее удерживают здесь. Никакие усилия не помогли ей ни сделать шаг вперед, ни отступить. Она словно застряла в каком-то липком веществе, ноги ее вместо средств передвижения превратились в корни. Днем раньше она впала бы в панику, но теперь изменилась. Усилившееся любопытство заставляло ее временно мириться с таким положением. Она всегда была любопытна. В самых ранних путешествиях, которые совершал с ней Эндер Нордхолм, как часть программы ее образования, самым частым ее словом было «почему». «Почему эти цветы здесь, а не там?» «Почему одни животные устраивают себе дома под землей, а другие на деревьях?» Почему? Почему? Почему?

Он был очень мудр, ее отец. Он всегда использовал ее любопытство, чтобы подтолкнуть дочь к собственным открытиям, к новому торжеству и удивлению. В сущности, он сделал мир учения таким совершенным и поглощающим, что она не любила общаться с людьми, которые не считали главной целью свой жизни такой поиск знаний. На Деметре она чувствовала себя как в ловушке, ее вечные «почему» наталкивались на невидимую стену предрассудков. Так было всегда, и так будет. Когда она пыталась подвести детей, которых учила, к чему-то новому, разбудить в них жажду к новым знаниям, она всегда наталкивалась на стену нежелания и страха. Вначале она не верила тому, что видела, потом сердилась и наконец упорно решала продолжить битву.

Пока отец был жив, он успокаивал ее, направлял ее энергию на другие цели, где она была свободна действовать и изучать. Он подталкивал ее к исследованиям вместе с рейнджером, она записывала результаты открытий, сделанных правительственной группой, и считалась среди ученых равной. А с поселенцами было заключено неспокойное перемирие, которое после смерти ее отца перешло в открытую войну. Когда Толскегг взял верх и передвинул часы познания назад на тысячу лет, ее отвращение к ограниченности умов поселенцев переросло в открытую ненависть.

А сейчас Чарис, освободившись от Деметры, увидела перед собой множество новых «почему»; она многого не понимает, но может сосредоточить свой ум, может думать, использовать эти вопросы как завесу между собой и прошлым.

— Я узнаю! — Чарис не сознавала, что произнесла это вслух. Поняла это, только услышав гулкое эхо своих слов. И все же это не хвастовство, скорее обещание. Такие обещания она давала себе и раньше и всегда выполняла.

Над головой мерцала единственная звезда. Чарис прислушалась, и ей показалось, что она услышала гул двигателя коптера, очень слабый и далекий.

— Вот как. — Снова она заговорила вслух, как будто тот, к кому она обращается, стоит рядом, на расстоянии вытянутой руки. — Вы не хотите, чтобы меня увидели. Почему? Для меня это опасность или возможность спастись? Что вам от меня нужно? — У нее не было причины ожидать ответа.

Неожиданно принуждение исчезло. Чарис снова могла свободно двигаться. Она попятилась и села у выхода из расселины, глядя на долину с ее причудливым освещением. В листве шумел ветерок, растения на нем словно приплясывали. Слышался стрекот, голоса ночных животных, успокаивающие в своей монотонности. Если в растительности двигались и более крупные животные, они делали это бесшумно. Как только принуждение покинуло ее, Чарис опять ощутила сонливость, она больше не могла бороться со сном, который наползал на нее, как волны на берегу моря.

Когда девушка снова открыла глаза, поверхность, на которой лежали ее руки, была освещена солнцем. Чарис встала с груды

сухих листьев, послуживших ей постелью. Ее привлекло журчание воды. Еще один горный ручей помог ей совершить туалет и напиться. Она попыталась изготовить из листьев сосуд, чтобы прихватить с собой воду, но потерпела неудачу и отказалась от этой надежды.

Благоразумие требовало экономии припасов. Она позволила себе съесть только одну лепешку, теперь растрескавшуюся и зачерствевшую, и два плода — остаток пира на плато. Такое изобилие появилось только раз, и нет причины ожидать, что оно появится вторично.

Путь по-прежнему лежит на юг, но ноющие мышцы Чарис протестовали против карабканья вверх. Она пойдет на это, только если не будет иного выхода. Она вернулась к расселине и обнаружила, что это действительно проход, ведущий на более ровную местность. На западе виднелись высоты, они образовали стену между морем и плодородной равниной. К востоку лес. В нем самые высокие деревья, какие до сих пор видела Чарис на Колдуне. Их темная листва кажется угрожающей. На краю леса кустарники и поросль, которая, постепенно редея, превращается в траву — не жесткую, с острыми краями листьев, отчего она так страдала в приморской долине двухвостого чудовища, а похожую на мох; ковер этого мха местами прерывается цветущими растениями; цветы, удивительно бледные по контрасту с темными стволами и листвой. Как будто призраки других, более ярких цветов, которые девушка видела на иных планетах.

Моховой газон искушает, но ступить на него означает выйти на открытое место, где девушку могут увидеть охотники. С другой стороны, она сама сможет далеко видеть. А в лесу или в кустах ее поле зрения будет ограничено. Помахивая своим оружием из веревки и камня, Чарис вышла на открытое место. Если будет придерживаться утеса, он послужит проводником на юг.

Здесь теплее, чем у моря. И мох оказался мягким, как она и надеялась. Чарис шла по бархатистой поверхности, расстилавшейся под ее избитыми ногами, обмотанными все еще не изорвавшейся тканью. Вдали от леса этот участок поверхности Колдуна оказался самым приветливым.

Всплеск крыльев над головой заставил ее вздрогнуть, но потом она увидела, что это не щелкуны, а настоящая птица, с оперением, с плюмажем, бледным, как цветы, и с ярко-красной, как из коралла, головой. Птица ее не заметила, но пролетела и исчезла за холмами в сторону моря.

Чарис не торопилась. Время от времени она останавливалась и осматривала насекомое или цветок. Она словно приближалась к концу пути раньше назначенного времени и могла позволить себе уделить внимание окружающему. Во время одной из таких остановок она с интересом следила за чешуйчатым существом размером с ее средний палец, которое перемещалось на крепких задних ногах, а передними когтистыми «руками» сосредоточенно и привычно раскапывало землю. Существо откопало два круглых серых шара, приплюснуло оба и нетерпеливо отбросило в сторону. Между этими шарами лежало свернутое многоногое туловище, как решила Чарис, крупного насекомого. Похожее на ящера существо расправило свою находку и внимательно осмотрело ее. Очевидно, решив, что она пригодна к употреблению, существо неторопливо приступило к еде, потом удалилось, время от времени останавливаясь и присматриваясь к поверхности, очевидно в поисках другой добычи.

Миновала середина дня, а Чарис по-прежнему оставалась на открытой местности. Она гадала, появится ли на ее пути снова лес, и все время ожидала увидеть новую белую чашку и фрукты на зеленой ткани. Но ничего подобного не видела. Однако увидела дерево с такими же синими плодами, какие были ей оставлены, и с удовольствием их поела.

Она едва сделала первый шаг, как какой-то звук нарушил ее сонное успокоение. Крик — лихорадочный, задыхающийся, несущий в себе такую мольбу о помощи, что она отбросила страх. Чарис выронила груз плодов и побежала в сторону звука, размахивая своим каменным оружием. Этот ли крик разбудил ее или какая-то эмоция, передавшаяся неведомым путем? Она только знала, что там опасность и она должна помочь.

Что-то маленькое, черное, передвигающееся большими прыжками выскочило из леса. Оно не побежало к Чарис, а устремилось к утесу. Когда оно мелькнуло мимо, на девушку обрушилась волна страха. И тут Чарис снова испытала при-

нуждение, такое же, какое помешало ей повернуть на север и прошлой ночью удержало в расселине. Но на этот раз принуждение заставляло ее бежать, бежать изо всех сил, уходить от неведомой опасности. Чарис повернулась и последовала за маленьким черным существом. Подобно ему, она направилась к приморскому утесу.

Черное существо бежало теперь молча. Чарис решила, что первые крики вызвало появление неожиданной опасности. Ей казалось, что она что-то слышит сзади. Рычание или сдавленный рев.

Беглец перед ней достиг утеса и отчаянно прыгал, не в состоянии уцепиться за его гладкую поверхность. Он скулил, продолжая свои попытки, и все время падал назад. Когда появилась Чарис, он оглянулся и посмотрел на нее.

Она увидела большие глаза, в них мягкость, страх и мольба о помощи. Едва сознавая, что делает, она подхватила теплое пушистое тело, которое прыгнуло ей навстречу и прижалось к ней, вцепилось всеми четырьмя лапами в комбинезон. Зверек дрожал всем телом.

Есть подъем сбоку. Она, с ее более крупным телом, сможет подняться. Девушка начала подниматься, стараясь не прижимать к скале маленькое тело зверька. И оказалась в расщелине, задыхаясь от усилий. Ее горла коснулся теплый мягкий влажный язык. Чарис поглубже заползла в убежище, держа спасенное животное в руках. Из леса по-прежнему ничего не показывалось.

Но вот на фоне лавандовой растительности мелькнула какая-то тень. К этой тени внимание Чарис привлекло негромкое мяуканье ее спутника. Но она не смогла рассмотреть ее ясно, и тень скрылась в кустах. Пока к ним оно не приближается.

Но это животное не одно. Чарис ахнула. За животным между деревьями показалась фигура — не только гуманоидная, но и одетая в зелено-коричневую форму изыскателей. Чарис хотела крикнуть, позвать, но застыла. Опять, как и в расщелине, она потеряла способность действовать, застыла неподвижно, будто застряла в густой клейкой жидкости. Беспомощно смотрела она, как человек ходит взад и вперед, словно отыскивает какой-

то след. Наконец он исчез в лесу вместе со своим четвероногим спутником.

Они так и не приблизились к утесу, но Чарис еще долго после их ухода была не в состоянии пошевелиться.

Глава 7

— Миирррии? — Мягкий звук с явно вопросительной интонацией. Впервые Чарис внимательно взглянула на пушистого беглеца и встретила такой же внимательный взгляд, устремленный на нее.

Шерсть, покрывающая все тело зверька, в коротких завитках, лоснящаяся и мягкая на ощупь. Все четыре лапы кончаются когтями, но когти втянуты, они больше не цепляются за одежду. Короткий хвост аккуратно сложен и прижат к задним лапам. Голова круглая, кончается тупой мордочкой. Только уши кажутся не соответствующими телу по размерам. Они большие и широкие и смотрят в стороны, а не нацелены вперед; на их заостренных кончиках мягкие кисточки серой шерсти того же оттенка, как та, что окружает большие удивительно синие глаза и узкими полосками тянется по внутренней части лап и по животу.

Эти глаза... Зачарованная, Чарис обнаружила, что с трудом может отвести от них взгляд. Она не обучена эмпатии — проникновению в мысли животных, но не может не видеть, что в этом маленьком привлекательном зверьке есть ореол разума и с ним хочется дружить. Но, несмотря на его очарование, зверька нельзя только прижимать и ласкать. Чарис была в этом так уверена, словно он обратился к ней на бейсике. Это больше чем животное, хотя насколько больше, она не знает.

— Миирррии! — Теперь это не вопрос. В звуках нетерпение. Зверек поерзал у нее на руках. Снова светло-желтый язык мелькнул и коснулся ее кожи. Чарис разжала руки, испугавшись на мгновение, что зверек покинет ее. Но он только спрыгнул с ее рук на неровный пол расселины и стоял, глядя на лес, в котором скрылся враг.

Враг? Изыскатель! Чарис о нем почти забыла. Что удержало ее от того, чтобы окликнуть? Может, он оказался здесь как

раз в ответ на ее призыв о помощи. Но почему ей не позволили встретиться с ним? Потому что «позволили» — именно подходящее слово. Необъяснимый запрет был наложен на нее. И Чарис знала, даже не пытаясь проверить, что, если она попробует пойти к лесу, ей не пройти через невидимую стену, которой кто-то или что-то окружил ее.

— Миирррии? — Снова вопрос мохнатого. Зверек стоял, слегка приподняв одну лапу, и смотрел на нее от входа в расселину.

Неожиданно Чарис захотелось уйти с этой заросшей мхом поверхности. Ее раздражало бегство от помощи, которая ей так необходима. Вверх по утесу и назад к морю... Словно боль, ощутила она желание оказаться рядом с волнами.

— Назад к морю. — Она сказала это вслух, словно пушистый зверек может ее понять. Вышла из расселины и посмотрела вверх в поисках пути подъема.

— Миирррии...

Чарис ожидала, что зверек исчезнет во мху. Но тот, наоборот, по-своему привлек ее внимание, прежде чем уверенно двинуться наискось вверх по стене утеса. Чарис последовала за ним, радуясь тому, что зверек, пусть на время, стал ее союзником. Может быть, он так испугался врага в лесу, что и сейчас не хочет отказываться от ее общества.

Она не так проворна, но не очень отстала от зверька, когда он достиг вершины утеса. Отсюда видно было море и линия серебристого пляжа. При этом виде охватывало ощущение мира. Мир? На мгновение к Чарис вернулось ощущение первого сна — удовлетворенность и мир. Животное шло впереди, на юг, вдоль по вершине утеса. Отсюда спуск на песок слишком крутой, поэтому Чарис снова последовала за мохнатым проводником.

Они спустились на серебряный песок по тропе, найденной ее спутником. Но когда Чарис собралась идти дальше на юг, существо с Колдуна начало тереться о ее ноги, испуская повелительные крики, явно требуя, чтобы она осталась. Наконец она села лицом к морю и, оглянувшись, вздрогнула. Она была в пещере из своего первого сна.

— Миирррии? — Ее коснулся кончик языка, придавая уверенность, мягкое теплое тело прижалось к ней, ощущение удовлетворенности... все хорошо... исходит ли оно от спутника или из глубины ее самой? Чарис не знала.

Они вышли из моря, хотя девушка не видела, как они подплыли. Но это не угроза, как то чудовище с раздвоенным хвостом. Чарис удивленно передохнула: в нее продолжало вливаться ощущение удовлетворенности. Они вышли из воды и остановились, глядя на нее.

Их две, они блестят на солнце, сверкают яркими блестками. Ниже ее ростом, они двигаются так грациозно, что Чарис сразу поняла: в этом ей с ними никогда не сравниться. Сознательно или бессознательно, но их движения — часть древнего прекрасного танца. У каждой на шее нитки драгоценного жемчуга, они же и на воротниках, причудливыми спиралями извиваются по груди, талии, бедрам, обнимают браслетами стройные руки и ноги. На нее устремлены большие глаза с зелеными вертикальными зрачками. У Чарис ни на мгновение не вызвала отвращение форма головы, напоминающая голову ящерицы. Да, они другие, но не уродливые, а по-своему прекрасные. Над выпуклыми, украшенными драгоценными камнями лбами полоска жестких волос в форме «V», нежно-зеленого цвета, чуть светлее, чем море, из которого вышли эти существа. Расширяясь, эти полоски спускаются на плечи, образуя нечто подобное крыльям.

На них нет одежды, не считая поясов, на которых висят самые разнообразные орудия и пара сумок. Но раскрашенная кожа в чешуйках создает впечатление роскошного наряда.

— Миииррриии! — Пушистое тельце рядом с ней ожило. Чарис не сомневалась, что это возглас радости. Но ей не нужно было это подбадривание со стороны животного. Она не боится этих морских существ — это виверны, хозяева, вернее, хозяйки Колдуна.

Они подошли, и Чарис встала, подняла пушистого зверька, ждала.

— Вы... — начала она на основном галактическом, но поднялась четырехпалая рука, коснулась ее лба меж глазами. Прикос-

новение не холодной кожи рептилии, а мягкой, как у нее самой, плоти.

Никаких слов. Скорее поток мысли и чувства, который мозг Чарис перевел в речь:

— Добро пожаловать, сестра...

Это признание родства не встревожило Чарис. У них разные тела, да, но эта передача мысли от мозга к мозгу — это хорошо. Она хочет, чтобы так было всегда.

— Добро пожаловать. — Трудно думать и не говорить при этом. — Я пришла...

В поле зрения Чарис появилась другая рука виверны. В чешуйчатой ладони зажат белый диск. И, увидев его, девушка поняла, что не может отвести взгляд. Мгновенная вспышка беспокойства при этом неожиданном принуждении, потом...

Нет ни берега, ни шепчущего моря. Она в комнате с гладкими стенами, которые слабо светятся, словно морские раковины. В одной из стен окно, в него видно открытое море и небо. Под ним толстый матрац с покрывалом из легких перьев.

— Для уставшей — отдых.

Чарис одна, если не считать пушистого зверька, который по-прежнему с ней. Но предложение или приказ она уловила так отчетливо, словно они были высказаны вслух. Она подошла к матрацу и легла, укрыла мягким покрывалом измученное тело и погрузилась в другое время... мир... существование...

Там, куда она попала, невозможно измерить прохождение времени, да и воспоминания ее не были достаточно четкими, только обрывки испытанного и увиденного в том месте. То, что она узнала, погрузилось в подсознание, но возникало в нужный момент, так что обычно она и не подозревала о том, что владеет подобными тайнами. Обучение, тренировка, испытание — все вместе.

Проснувшись в комнате с окном, она по-прежнему была Чарис Нордхолм, но и кто-то иной, отчасти постигнувший знания, к которым у ее племени никогда не было доступа. Она коснулась края Силы, слегка ухватила ее; но полное обладание Силой не давалось, знание проскальзывало меж пальцев, как будто она пытается удержать воды моря.

Иногда она чувствовала разочарование своих учителей, что-то вроде раздражения, как будто они считали ее исключительно тупой, остановившейся как раз на краю самого главного откровения, и тогда она испытывала гнев и стыд. У нее есть ограничения. Но она работала и сражалась с ними.

Что было сном — ее существование в другом мире или это пробуждение? Она знала, что комната ее находится в Крепости островного королевства вивернов; бывала в других помещениях, не в Крепости. Познала глубины моря. Была она там наяву, физически или только во сне? Она танцевала и бегала по песчаным пляжам с друзьями, которые играли и соревновались вместе с ней, и испытывала ощущение счастья. Она считала, что это происходило в реальности.

Она научилась общаться с пушистым зверьком, хотя и в определенных пределах. Зверька звали Тссту, это была самка очень редкой лесной породы — не животное, но и не аналог «человека», но то звено, которое люди того вида, как Чарис, ищут многие годы.

Ее поглотило это существование в полусне, с ней были Тссту и виверны, и воспоминания о нем сливались одно с другим, сменялись иными, гораздо менее реальными снами. Но всегда наступало пробуждение, такое внезапное и ошеломляющее, какое бывает у воина, заснувшего перед самым нападением врага.

Пробуждение наступило в один из тех периодов, которые Чарис считала реальными, когда она находилась в Крепости на острове, далеко от материка, где расположен торговый пост. Ее спутница Гита подразнивала ее, приглашала поделиться снами — этот процесс причудливого общения всегда повергал Чарис в изумление. Но молодая виверна казалась задумчивой, и Чарис предположила, что часть ее внимания устремлена куда-то, что она в контакте с другими из своего племени, с которыми Чарис могла связаться, только если те захотят.

— Какие-то неприятности? — Она задала этот мысленный вопрос, и рука ее автоматически легла на сумку на поясе. Здесь ее проводник — резной диск, который ей дали. Она может использовать его, хоть и неуверенно, может контролировать опасные формы жизни, как чудовище с раздвоенным хвостом, или перемещаться. Конечно, полностью Силой она не овладела.

Может, никогда не овладеет. Даже Мудрая, Гисмей, Читающая-по-стержням, не может сказать этого. Хотя виверны — Чарис не знает, каким образом, — умеют отчасти проникать в будущее.

— Нет, участница моих снов. — Но в то же мгновение Гита исчезла. И осталось слабое впечатление тревоги — тревоги, связанной с ней самой.

Чарис достала свой проводник, он удобно лег на руку. Важно побольше практиковаться с ним. Каждый раз, обращаясь к Силе, она делала это все более умело. День прекрасный; ей приятно освободиться. Какая беда, если она с помощью диска перенесется на берег? И Тссту в последнее время ведет себя беспокойно. Для них обеих возвращение на заросший мхом луг может оказаться полезным и приятным. Возникло воспоминание — человек-изыскатель. Почему-то она забыла о нем, как забыла о посте и торговцах. Все они ушли в прошлое, стали менее реальными, чем разделенный сон.

Сжимая диск, Чарис подумала о Тссту и тут же услышала из коридора ответное «Миирррии». Девушка представила себе мшистый луг, задала вопрос и получила утвердительный ответ. Она подхватила пушистое тело — зверек прыгнул к ней — и прижала к себе. Подышала на диск и нарисовала новую мысленную картину — луг возле фруктового дерева, каким она его помнила.

Тссту высвободилась, встала на задние лапы и радостно замахала передними. Девушка рассмеялась. Она чувствовала себя молодой и свободной. Давно ей не было так хорошо. Некогда все ее внимание и интерес поглощала помощь Эндеру Нордхолму, а потом не осталось ничего, кроме темных теней, пока к ней из моря не пришли виверны. Но теперь виверн нет, есть только она, Чарис, и Тссту. Они свободны, вокруг широкая приветливая местность.

Чарис развела руки, подняла голову, так что лучи солнца упали на лицо. Волосы, которые всегда так интересовали виверн, она забрала сзади лентой из того же зеленого материала, что и облегающее платье, которое сейчас на ней.

На этот раз ноги ее защищены сандалиями из раковин. Их, кажется, невозможно износить, но они так легки, словно она ходит босиком. Чарис захотелось посоревноваться с Тссту в танце на мху. Она сделала несколько пробных движений и в

этот момент уловила звук, который заставил ее попятиться под укрытие дерева, — гул мотора воздушной машины.

С юго-востока к ней приближался коптер. По общим очертаниям он походил на воздушные машины, которые привозили с других планет. Но на этом коптере есть символ принадлежности — крылатая планета Службы изысканий, увенчанная золотым ключом. Коптер снижался, двигаясь к морю, в общем направлении Крепости.

За все время, что она провела с туземцами, у них не было никаких контактов с инопланетянами, кроме нее самой. И виверны никогда не упоминали о таких контактах. Впервые Чарис задумалась об этом. Почему она сама не задавала вопросов о правительственной базе, не делала попыток уговорить виверн отослать ее туда? Общаясь с жительницами Колдуна, она словно забыла о собственном племени. И это было так неестественно, что сейчас Чарис испытала тревогу.

— Миирррии? — Лапа коснулась ее лодыжки. Тссту отчасти уловила тревогу Чарис. Но забота животного успокаивала лишь отчасти.

Виверны не хотели, чтобы Чарис возвращалась к своим. Именно их вмешательство после первого пробуждения не дало ей вернуться на пост, заставило укрыться от коптера ночью, избежать встречи с человеком из Службы изысканий. Со стороны виверн она испытывала только доброту — да — и эмоции, которые ее род мог бы назвать любовью и заботой. Она у них училась. Но почему они привели ее к себе, старались отрезать от ее собственного племени? Как они собираются ее использовать?

Использовать — холодное слово, но ее сознание с готовностью ухватилось за него. Джаган привез ее сюда как средство контакта с этими самыми вивернами, обладающими странными силами. А потом ее искусно извлекли с поста, привели к встрече на берегу моря. И, поняв это, Чарис ощутила, как освобождается от очарования, которое привязывало ее к этому Другому-Где виверн.

Коптер исчез из виду. Он был вызван к ней? Чарис не была в этом уверена. Но она должна быть в Крепости, когда он прилетит. Девушка подозвала Тссту, подхватила ее и сконцентрировалась на диске для возвращения.

Ничего не произошло. Она не вернулась в Крепость, но оставалась на лугу под деревом. Снова Чарис стала представлять себе место, где она хочет оказаться, и оно стало яркой картиной в ее сознании — но только в сознании.

Тссту заскулила, прижалась головой к подбородку Чарис. Страх девушки передался ее спутнице. В третий раз Чарис попыталась воспользоваться диском. Но впечатление такое, будто сила, связанная с этим диском, отключена, вернулась к своему источнику. Отключена вивернами. Чарис так уверена в этом, словно ей сказали, но есть только один способ проверить истинность догадки.

Она в четвертый раз подняла диск, на этот раз представив себе плато, где ей был предложен загадочный пир. Ветер, развевающий волосы, скалы вокруг... И оказалась там, куда и собиралась перенестись. Итак, диском она может пользоваться. Не может только вернуться в Крепость туземцев.

Они, должно быть, знают, что она покинула Крепость. И не хотят, чтобы она возвращалась, пока там посетители. Или она никогда не вернется?

Но вот сообщение Тссту. Одно из сообщений, которые приходят не в словах и даже не в образах, а как-то косвенно. Поблизости что-то нехорошее...

Чарис посмотрела на долину, в которой видела чудовище с раздвоенным хвостом. Она уверена, что ни морской обитатель, ни щелкуны не нападут на обладательницу диска. Она ничего странного внизу не заметила. Два щелкуна с криками устремились к ней, затем резко свернули и полетели к своим норам. С помощью диска Чарис оказалась на пляже внизу. Она забыла прихватить Тссту, но видела черное пятнышко на красной скале: маленькое животное быстро спускалось.

Тссту добралась до основания утеса и исчезла в густой растительности. Чарис пошла в сторону суши; мысленный призыв привел ее к ручью.

Смятый куст, вывороченная почва. А на камне яркая красная полоска. Над ней вьются, отталкивая друг друга, летающие существа. На краю лужи что-то блестит на солнце.

Чарис подобрала шокер — не просто оружие инопланетян. Она хорошо помнит именно этот шокер. Когда Джаган в сво-

ей каюте на космическом корабле объяснял ей ее обязанности, она много раз его видела. В рукояти мелкими камнями был выложен узор — крест в круге, знак личной принадлежности. Вряд ли два одинаковых шокера с таким знаком могут оказаться на Колдуне.

Чарис попыталась выстрелить, но курок щелкнул вхолостую: оружие разряжено. Примятый куст, перевернутая почва, это пятно... Чарис заставила себя провести пальцем по застывшей массе. Кровь! Она уверена, что это кровь. Тут была схватка, и, судя по потерянному шокеру, закончилась она не в пользу хозяина оружия. Иначе оно не было бы так брошено. Может, на него напал двухвостый? Но не видно следа, который оставил зверь, преследуя его. Этот след обязательно был бы виден. Тем не менее схватка тут происходила. Тссту заворчала. Низкий звук — рррурргх. Сигнал гнева или предупреждения. Чарис схватила зверька и воспользовалась диском.

Глава 8

Запах забил Чарис горло, заставил закашляться, прежде чем она поняла, каков его источник. Поляна, на которой расположен пост. Именно сюда она и нацеливалась. С голой земли поднимается купол здания. Вернее, то, что от него осталось: пластакожа почернела, порвана и свисает клочьями. Тссту плюнула, зашипела, зарычала. Она сообщала Чарис, что необходимо немедленно уходить.

Но у рваного отверстия, там, где когда-то была дверь, распростерта фигура. Чарис направилась к ней...

— Эээиий!

Она повернулась, держа диск наготове. Кто-то движется по тропе, ведущей вниз по склону утеса. Движется быстро и машет ей. Она может в любой момент исчезнуть, и сознание этого заставило ее остаться. Тссту снова плюнула и ухватилась когтем за одежду Чарис.

Из кустов на поляну выскочило коричневое животное и целеустремленно направилось к куполу. Спина у него была слегка изогнута, вдоль боков клочья шерсти светлее, сама шерсть

длинная и густая. Уши маленькие, морда широкая, хвост пушистый.

Животное остановилось и принялось спокойно разглядывать Чарис. Тссту больше не протестовала вслух, но дрожала всем телом, и Чарис воспринимала ее страх. Девушка снова подняла диск.

Человек, который махал ей, исчез в кустах; должно быть, спрыгнул с последних нескольких футов. В зарослях прозвучал свист. Коричневое животное село. Чарис настороженно смотрела, как незнакомец выходит на поляну.

На нем зелено-коричневая форма изыскателей, вдобавок высокие сапоги цвета тусклой меди из какого-то тонкого материала. На воротнике рубашки блеск металла — значок его службы, — как на коптере. Он молод, хотя точный возраст определить трудно: в эти дни смешения рас и появления многочисленных мутантов не так-то легко определить число прожитых планетарных лет. Он не так высок, как обычные потомки терранцев, и строен. Кожа светло-коричневая. Либо природный цвет, либо результат обветривания и загара. Волосы, коротко остриженные, прилегающие к круглому черепу, почти так же вьются и такие же черные, как шерсть Тссту.

Быстро выйдя из кустов, он остановился и стоял, недоверчиво глядя на Чарис. Коричневое животное встало и подошло к нему, начало тереться о ноги.

— Кто ты? — спросил он на основном галактическом.

— Чарис Нордхолм, — механически ответила она. Потом добавила: — Этот твой зверь — Тссту его боится...

— Тагги? Его не нужно бояться. — Он погладил зверя по голове, почесал за ухом, и тот прижался к ноге человека. — Но... кудрявая кошка! — Он смотрел на Тссту почти с таким же удивлением, что и на Чарис. — Где ты ее взяла? И как сумела с ней подружиться?

— Миииррриии. — Страх Тссту рассеивался. Она высвободилась из рук Чарис и села удобнее, наблюдая с осторожным интересом за человеком и его животным.

— Она пришла ко мне, — Чарис решила смешать прошлое и настоящее, — потому что ты и это твое животное преследовали ее!

— Но я никогда... — начал он и остановился. — А, тогда в лесу, когда Тагги увлеклась новым запахом! Но почему... кто ты? — Голос его прозвучал теперь резко, официально. — И что ты здесь делаешь? Почему спряталась, когда я осматривал это место раньше?

— А ты кто? — в свою очередь спросила она.

— Кадет Шенн Ланти, Корпус изысканий, посол-контактер, — ответил он на одном дыхании. — Это ты послала сообщение, записанное на нашей ленте? Ты была здесь с торговцами, хотя это было не сейчас, а раньше...

— Меня здесь не было. Я только что появилась.

Он направился к ней, а животное — Тагги — осталось на месте. Он разглядывал ее внимательно, с каким-то новым интересом.

— Ты была с ними!

Чарис не сомневалась, кого он имеет в виду.

— Да. — Она ничего не добавила, но он, казалось, и не ждет разъяснений.

— А теперь ты пришла только что. Зачем?

— А что здесь произошло? Этот человек... — Она снова повернулась к телу, но изыскатель сделал быстрый широкий шаг и преградил ей путь.

— Не смотри! Что случилось?.. Я бы сам хотел знать. Было нападение. Но кто и почему... Мы с Тагги как раз пытались установить, что тут происходило. Долго ли ты была с ними?

Чарис покачала головой:

— Не знаю. — Это правда, но поверит ли ей этот Ланти?

Он кивнул.

— Вот как? Что-то из их снов...

Настала ее очередь удивляться. Что знает этот офицер о вивернах и их Другом-Где? Он медленно улыбнулся, и выражение его лица изменилось, лицо стало совсем молодым.

— Я тоже видел сны, — негромко сказал он.

— Но я думала... — Она испытала легкое чувство — не удивления, но, как ни странно, негодования.

Он продолжал улыбаться — тепло и непринужденно.

— Что они не допускают мужчин в свои сны? Да, именно так они нам когда-то говорили.

— Нам?

— Рагнару Торвальду и мне. Мы уснули по их приказу — и по своей воле вышли из сна, поэтому им пришлось дать нам равный статус. С тобой они проделали то же самое? Заставили посетить Пещеру Завес?

Чарис покачала головой:

— Я видела сны, да, но об этих пещерах ничего не знаю. Они научили меня пользоваться этим. — Она показала диск.

Улыбка Ланти исчезла.

— Проводник! Тебе дали проводник. Вот как ты оказалась здесь!

— А у тебя его нет?

— Нам не дали. А ты не просила...

Чарис кивнула. Она поняла, что он имеет в виду. С вивернами нужно ждать, пока они сами предложат. Просить у них ничего нельзя. Но, очевидно, у Ланти и этого Торвальда установились лучшие контакты с туземцами, чем у торговцев.

Торговцы... нападение на пост. Не сознавая, что произносит мысли вслух, Чарис сказала:

— Человек с бластером!

— Какой человек? — Снова в голосе Ланти официальные нотки.

Чарис рассказала ему о той необычной ночи, когда, проснувшись, обнаружила опустевший пост, о том, как использовала поиск и что с его помощью обнаружила на севере. Ланти задал несколько вопросов, но она мало что смогла добавить к тому, что незнакомец на экране имел незаконное оружие.

— У Джагана была ограниченная лицензия, — сказал Ланти, когда она закончила. — Он был здесь с нашего молчаливого согласия, но вопреки нашим рекомендациям, и у него было лишь ограниченное время, чтобы доказать свое право на торговлю. Мы слышали, что он привез с собой женщину для контактов с туземцами, но это было, когда он только еще возвел пост...

— Шиха! — прервала его Чарис. Она быстро добавила эту часть своей истории.

— Очевидно, она не могла воспринимать сны, — заметил Ланти. — Они поступили с ней так же, как с тобой. Но она не ответила нужным образом, и потому сон подействовал на нее

по-другому, сломал. Тогда Джаган сделал еще одну попытку и привез тебя. Но вот эти другие... те, кого ты уловила по связи на севере... от них жди неприятностей. Похоже, именно они нанесли здесь удар...

Чарис оглянулась на тело:

— Это Джаган? Или один из его людей?

— Да, член его экипажа. Зачем ты пришла сюда? В ту ночь ты послала призыв о помощи, хотела отсюда уйти.

Она показала ему шокер и рассказала, при каких обстоятельствах нашла его. Ланти перестал улыбаться.

— Коммуникатор внутри разбит, все остальное тоже — то, что не сожжено бластерами. Но... было там кое-что еще. Ты когда-нибудь такое видела? Было такое у Джагана? Может, часть его товара? Или подарок?

Ланти прошел к телу, на которое не позволял взглянуть Чарис, и поднял с земли около него какой-то предмет. Вернувшись, он показал девушке необычное оружие, треть которого была в крови. Внешне похоже на копье или дротик, но пилообразное острие занимает большую часть длины; оно гораздо длиннее, чем у обычного копья.

Ланти поднес оружие поближе, и Чарис инстинктивно сжала в руке диск. Поверхность острия очень похожа на ту кость, из которой сделан ее проводник.

— Никогда такого не видела. — Она сказала правду, но страх ее усиливался.

— Но у тебя есть какая-то мысль. — Он слишком проницателен!

— Предположение, всего лишь предположение, — продолжал Ланти, больше не глядя ей в глаза, словно требуя, чтобы она поведала ему свои мысли. Напротив, он со странным задумчивым выражением смотрел на необычное копье. — Оно туземного происхождения.

— Им не нужно такое оружие! — вспыхнула Чарис. — С помощью этого они могут контролировать любое живое существо. — И она протянула зажатый в кулаке диск.

— Да, потому что они видят сны, — согласился Ланти. — Но как же те из них, кто не может этого?

— Самцы? — Чарис впервые задумалась над этим. Теперь она вспомнила, что за все время, проведенное с вивернами, ни разу не видела их самцов. Она знала, что они существуют, но их словно окружала стена молчания. О них ни разу даже не упоминали.

— Но... — Она не могла сразу согласиться с предположением Ланти. — Но там следы бластеров. — Девушка кивнула в сторону поста.

— Да. Огонь бластеров, систематическое уничтожение всех установок... и это... использованное для убийства инопланетянина. Довольно сложный сон, не правда ли? Но он реален, слишком реален! — Ланти уронил окровавленное копье. — Нам нужно получить ответы, и сделать это быстро. — Он посмотрел на нее. — Можешь связаться с ними? Торвальд отправился на совещание в Крепость, не зная об этом.

— Я пыталась... Они отгородились от меня.

— Мы должны узнать, что здесь произошло. Тело с этим копьем. Там... — Ланти махнул в сторону плато, — там пустой корабль. А здесь, насколько может установить Тагги, ни одного следа. Либо они улетели на коптере, либо...

— Море! — закончила за него Чарис.

— А море — их территория; здесь ничего не может случиться такого, о чем они не знали бы.

— Ты хочешь сказать — это спланировали они? — холодно спросила Чарис. Она не могла себе представить, чтобы виверны могли применить такое насилие. У туземцев есть собственная Сила, но в нее не входит ни бластер, ни зазубренное копье.

— Нет, — сразу ответил Ланти. — Похоже на работу джеков. Конечно, кроме этого. — Он носком сапога коснулся копья. — А если на планету высадился экипаж джеков, чем скорее мы объединимся против них, тем лучше!

С этим Чарис согласна. Предприятие Джагана — всего лишь пограничная торговля, она все еще в рамках закона. А джеки — это настоящие преступники, пираты, грабящие торговые посты, отбирающие все, убивающие и исчезающие раньше, чем подойдет вызванная помощь. А на недавно открытой планете, такой как Колдун, они вполне могут задержаться.

— На планете есть подразделение Патруля? — спросила Чарис.

— Нет. Здесь вообще странная ситуация. Виверны не разрешают основание крупного поселения. Они разрешили остаться нам с Торвальдом, потому что мы случайно выдержали их испытание сном после того, как выжили после нападения трогов. Но ни на какую станцию Патруля они не давали согласия. Время от времени разрешалось посещение изыскателей, и это все.

— Пост Джагана был экспериментом. Его открыли под давлением некоторых шишек в правительстве. Предлог — проверка, как туземцы отнесутся к неправительственному посту. А большие компании не захотели участвовать в игре. Слишком рискованно. Так лицензия досталась вольным торговцам. На планете только Торвальд, Тагги, его подруга Тоги, их детеныши и я. Плюс техник-связист, который постоянно находится на станции.

Услышав свое имя, коричневое животное подошло. Принюхалось к копью и зарычало. Тссту плюнула и впилась когтями в кожу Чарис.

— А кто он? — спросила девушка.

— Это росомаха, мутировавшее и приручение животное терранского происхождения, — ответил Ланти с отсутствующим видом, словно про себя думал о другом. — Можешь попытаться снова вызвать их? У меня предчувствие, что у нас нет времени.

Гита... Среди виверн эта молодая ведьма, с которой Чарис вместе училась, была к ней ближе всех. Может, она сумеет связаться не вообще с Крепостью, а с Гитой. Девушка не ответила словами на вопрос Ланти, но подышала на диск и закрыла глаза, пытаясь представить себе Гиту.

Во время ее первой встречи с вивернами все они внешне показались ей одинаковыми, и инопланетянину трудно различить среди них отдельных индивидуумов. Но Чарис узнала, что украшения на их чешуйчатой коже различаются и имеют определенное значение. Младшие члены племени, становясь взрослыми и получая возможность пользоваться Силой, одновременно наследуют от старших и рисунок на коже, но вместе с тем видоизменяют его; вначале он упрощен, но со временем к нему добавляются новые знаки, символизирующие собственные до-

стижения их носителей. Смысл их Чарис не могла расшифровать, но зато могла по ним отличать одну виверну от другой.

Ей было нетрудно представить себе Гиту и направить мысль непосредственно подруге. Она ожидала мысленного контакта, но, услышав восклицание Ланти, открыла глаза и увидела саму Гиту; блестели на солнце золотые и алые круги на ее лице, вырост на спине вдоль позвоночника слегка шевелился, словно Гита на самом деле прилетела по воздуху.

— Тот-Кто-Видит-Истину-Сна. — Мысленное приветствие достигло Ланти.

— Та-Кто-Разделила-Сны. — Чарис поразилась, уловив мысленный ответ Ланти. Итак, несмотря на то что у него нет диска, он может общаться с вивернами.

— Ты звала! — Эта мысль нацелена на Чарис, она звучит резко, словно девушка допустила ошибку.

— Тут беда...

Гита повернула голову, осмотрела развалины поста, тело.

— Нас это не касается.

— Это тоже? — Ланти не стал поднимать копье, носком сапога он подтолкнул его к Гите.

Она взглянула на него, и ее отгородил от Чарис барьер, словно захлопнулась невидимая дверь. Но Чарис достаточно долго прожила с вивернами, чтобы понять, как взволнована Гита: у нее дрожал гребень на голове. Недавнее равнодушие совершенно исчезло.

— Гита! — Чарис пыталась прорваться сквозь барьер. Но впечатление было такое, словно Гита не просто оглохла: Чарис и Ланти перестали существовать. Реальностью, полной смысла, оставалось только окровавленное копье.

Виверны появились внезапно. Теперь их стало три. И у одной — Чарис быстро отступила на шаг — у одной гребень на голове почти черный; кожа вся покрыта бесчисленными узорами. Гисмей — одна из Читающих-по-Стержня!

Вначале впечатление раздражения; затем, когда виверны взглянули на Ланти, — холодного гнева, ударившего, как оружие.

Изыскатель пошатнулся, лицо его позеленело, но он выдержал. И Чарис уловила удивление виверн.

Другая обитательница Колдуна, прибывшая вместе с Гисмей по призыву Гиты, не шевелилась. Но от нее тоже исходили

эмоции — если их можно так назвать — ощущение предостережения, сдержанности. Гребень на ее голове тоже черный, но на коже нет ярких, сверкающих на солнце узоров. При первом взгляде Чарис показалось, что у нее вообще нет узоров, даже унаследованных от предков в молодости. Но потом она увидела ряды знаков, обманчиво простых, таких сходных с естественным цветом кожи, что они становились заметны только при внимательном разглядывании.

На Ланти и Чарис вновь прибывшая не обратила никакого внимания; она неотрывно, не мигая смотрела только на копье. Копье поднялось с того места, где его оставил Ланти, оказалось на уровне глаз виверн, подлетело к ним. Остановилось и повисло в воздухе.

Потом завертелось и упало на землю. С резким треском оно разломилось на части. Осколки в свою очередь завертелись и поднялись в воздух. Чарис, не веря своим глазам, смотрела на эти вертящиеся в воздухе обломки. Но вот они упали, затихли и образовали какой-то рисунок.

Девушка покачнулась. Тссту у нее на руках закричала. Росомаха взвыла. На глазах Чарис Ланти упал под ударом гневной мысли, такой острой и горячей. Словно в мозг вонзили раскаленное лезвие. Девушку окружил красный туман, но более всего она сознавала острую боль в голове.

Боль уводила ее во тьму, подтачивала волю, ослабляла решимость вырваться, сопротивляться. Боль или что-то другое принуждает ее, делает не Чарис Нордхолм, а орудием, которое можно использовать, ключом к другой, более сильной личности.

Боль подталкивает ее. Она поползла сквозь красный туман — дальше и дальше. Куда? Для чего? Только хлыст боли и необходимость подчиниться чужой воле, бьющей, как бичом. Все вокруг красное, красное. Но оно постепенно тускнеет, как огонь, превращающийся в пепел. От красного к серому, но серое остается вокруг, его можно увидеть...

Чарис лежала на спине. Справа от нее изгибающаяся стена. Над головой тоже изгиб стены. Эту стену она видела раньше. Сумеречно, но видно... голые стены... откидной стол... сиденье возле него. Торговый пост... Она вернулась на торговый пост!

Глава 9

Странно тихо. Чарис села на койке, поправила комбинезон. Комбинезон? Что-то погруженное в глубинах сознания шевельнулось, породило семена сомнения. Да, в помещении поста очень тихо. Девушка подошла к двери, приложила ладони по обе стороны дверной щели. Она закрыта? Но когда она надавила, дверь открылась, и она смогла выглянуть в коридор.

Двери вдоль всего коридора распахнуты, как и тогда, когда она выбралась на свободу. Чарис прислушалась, но не услышала ни звука: ни голосов, ни тяжелого дыхания спящих. Она прошла по коридору, босые ноги мерзли на голом полу.

Но ведь это, настойчиво говорил внутренний голос, она уже один раз проделала. Однако внешне она здесь и сейчас. Комнаты пусты; она заглядывала в каждую, чтобы убедиться. Вот и четвертая комната, экран связи на стене, стулья, груды лент с записями. Коммуникатор, она может включить его, поискать правительственную базу. Но вначале нужно убедиться, что она одна и в безопасности.

Торопливый осмотра поста — комната за комнатой. Время — все дело во времени. И вот она снова в помещении связи, наклонилась над приборной доской, набирает нужную комбинацию, чтобы включить поисковый луч.

Ожидание и затем сигнал с северо-востока. Экран затуманился и прояснился. Из тумана показался человек в поношенной форме торговца. Чарис разглядывала его, но он ей незнаком. Только незаконный бластер на поясе отличает его от любого другого члена экипажа пограничных торговых кораблей. Чарис разорвала контакт.

Она снова запустила поиск, поискала на юге и поймала сигнал — символ Изыскателей с печатью посольства. И начала медленно набирать сообщение.

Она на склоне холма. Холодно, темно, и она бежит, бежит до тех пор, пока не начинает задыхаться от боли под ребрами. Скоро начнется охота. Или Толскегг разрешит ей уйти, умереть в одиночестве от истощения, голода или в когтях какого-нибудь зверя? Теперь в его власти поселок и вся Деметра.

Деметра! Та часть ее, которая отрицала окружающее, снова ожила. Чарис дрожала не только от холода. Она взобралась на высоту над поселком, но в ней все сильнее становилось убеждение, что все это фальшь.

Сон. А есть такие, кто использует сны, как гончар — глину на своем круге. Если она застряла во сне, нужно проснуться — и проснуться поскорее. Не сон. Да, сон. Она чувствовала усталость, позывы голода, переходящие в боль, грубую поверхность, на которой спотыкается, цепляется за кусты, чтобы удержаться.

Это не реальность — сон! Кусты тают на глазах, превращаются в призраки. И сквозь их колышущиеся очертания она видит стену. Да, стену, прочную стену. Она не на Деметре, она...

Колдун! Как будто это название послужило ключом, исчезли превратившиеся в тени склоны гор на Деметре, улетели, как дым на ветру. Она лежит на груде матрацев. Справа от нее окно, в нем видна звездная ночь. Это Колдун и Крепость виверн.

Она не шевелится, лежит неподвижно, стараясь отделить сны от реальности. Пост... на него нападали. Этот офицер-изыскатель — Шенн Ланти... Она видит его так ясно, словно он стоит перед ней, держа перед собой окровавленное копье чужаков.

Копье. Оно раскололось под ударом виверн. Осколки двигались в причудливом танце, пока не легли, образовав рисунок. И этот рисунок вызвал такой гнев у жительниц Колдуна. Такой гнев...

Чарис села прямо. Ланти, упавший под ударом Силы виверн, она сама, вернувшаяся в прошлое — с какой целью, она не может догадаться. Но почему их гнев обратился против Ланти? Ведь это ее вина. Она вызвала Гиту. Она действовала слишком поспешно, необдуманно.

Руки ее устремились к сумке на поясе. Диска в сумке нет. Диск был у нее в руке, когда Сила обрушилась на нее. Может, она его выронила? Или его у нее отобрали?

Это может означать, что виверны больше не считают ее другом или союзником. Что для них означает это сломанное копье? Без диска Чарис оказалась пленницей в собственной комнате. Но у нее нет причин не пытаться определить, насколько ограничена ее свобода. Обнаружит ли она, что не способна дви-

гаться, как в том бегстве вдоль берега, когда виверны захватили контроль за ней?

— Тссту? — Этот призыв Чарис произнесла едва ли не шепотом. Она не знала, может ли помочь кудрявая кошка, станет ли ее союзником против виверн, но оказалось, что она больше, чем предполагала, надеется на дружбу зверька.

От окна, рядом с которым лежит ее голова, послышался негромкий сонный звук. Там лежала Тссту, свернувшись клубком, закрыв глаза, плотно прижав уши к голове. Чарис наклонилась и легко провела пальцами по голове зверька.

— Тссту, — прошептала она умоляюще. Спит ли кудрявая кошка — она приняла это название породы, оно так подходит к Тссту. Можно ли ее разбудить?

Уши дернулись, глаза открылись, показались узкие зрачки. Тссту широко зевнула, показав длинный желтый язык. Она подняла голову и посмотрела на Чарис.

Сможет ли она общаться без диска, передавать не одни только смутные впечатления? Чарис наклонилась и подобрала кошку, подняла ее, так что узкие кошачьи глаза оказались на одном уровне с ее глазами. Может быть, Тссту так тесно связана с вивернами, что будет служить им, а не Чарис?

Прочь отсюда, напряженно думала девушка.

— Рррруууу, — согласилась Тссту.

Тссту начала вырываться из рук, она хотела освободиться. Чарис подчинилась ее желанию. Кудрявая кошка осторожно на мягких подушечках лап приблизилась к двери, вытянув тело, застыла, как охотник, подкрадывающийся к добыче. Потом вышла в коридор, чуть приподняв голову и широко расставив уши. Чарис предположила, что она при помощи всех своих чувств анализирует обстановку. Тссту оглянулась на девушку, позвала...

Они шли мимо комнат, используемых как жилые помещения, спальни. Чарис не знала, выведет ли коридор их наружу. Она могла только надеяться на чутье Тссту.

Даже без диска она пыталась уловить мысли зверька, узнать, есть ли здесь виверны. Дважды Чарис была уверена, что прикоснулась к мысли — недостаточно, чтобы прочесть ее, толь-

ко знала, что мысль была. Если бы не это прикосновение, она словно шла по пустыне.

Тссту, казалось, знала дорогу, она бесшумно шла вперед, без колебаний поворачивала, как будто этот лабиринт коридоров ей хорошо знаком. Чарис заметила, что кудрявая кошка ведет ее в ту часть сооружения, где стены светятся тусклее, а сами стены ниже и грубее. Создавалось впечатление глубокой древности. Потом стены совсем потемнели, лишь в отдельных местах оставались пятна света. Девушка внимательно присмотрелась, чтобы понять, в чем смысл этих оставленных светлыми пятен. Оказывается, они образуют рисунок, похожий на тот, что Чарис видела на дисках. Здесь, на стенах, те же символы Силы, которые помогают вивернам призывать ее к себе на помощь.

Но эти рисунки не завершены, они не такие четкие и ясные, как на дисках. Она больше, грубее. Но, может быть, с их помощью посвященные открывают двери?

Тссту уверенно двигалась дальше. Постепенно температура в коридорах менялась. Чарис приложила пальцы к ближайшей спирали и отдернула их. Горячо! Она закашлялась, горло пересохло. Где она? Что это за место?

Несмотря на внутреннее предупреждение, она не могла не смотреть на узоры, заглядывать вперед, оглядываться на них, пока они не скрываются из виду. Они настолько закрыли ей поле зрения, что постепенно она видела только эти рисунки и остановилась с испуганным криком.

— Тссту!

Мягкая шерсть у ее ног, уверенное спокойствие в сознании. Иллюзии, пленившие девушку, на кудрявую кошку не действуют. Но идти в темноте, где существуют только завитки, круги, спирали, линии, — это больше, чем может заставить себя сделать Чарис. Страх, подавляющий, вызывающий панику страх...

— Мииирриии!

Чарис чувствует Тссту, слышит ее, но не видит кудрявую кошку. Ничего не видит, кроме узоров.

— Назад! — Слово прозвучало хриплым шепотом. Но теперь Чарис и сама уже не знает, куда это — назад. Сделать шаг — возможно, это значит свалиться в бездонную пропасть.

В этой массе узоров есть один рисунок... каким-то образом она сумела сосредоточиться на нем. Большой. Гораздо больше, чем она привыкла видеть, но на стене ясно очерченный круг — такой же узор, как на ее диске. Она в этом уверена.

— Тссту! — Она ощупью нашла кудрявую кошку. Только тусклые серебристые линии различает она в темноте. Сосредоточиться на этом рисунке, как на диске. Тогда она убежит?

Чарис колебалась. Куда убежит? Вернется на разрушенный пост? На мшистый луг? Нужно ясно представить себе цель, иначе перемещения не произойдет. Пост? Луг? Она не хочет возвращаться ни на пост, ни на луг. Она хочет не просто убежать, но понять, что происходит и почему. Но так этого не узнаешь...

И вдруг — она оказалась в другом месте. Ряды виверн, все они сидят, скрестив ноги, на матрацах, все напряженно смотрят на двоих в центре. Ряды виверн, круги, потому что комната круглая, как чаша, со множеством карнизов-ступеней, на которых расположились виверны.

В центре отдельно от всех Гисмей и ее спутница в еле заметных узорах. Они стоят лицом друг к другу, и между ними на темном полу обломки, похожие на иглы кусочки всех цветов радуги. Виверны, как и все остальные в помещении, напряженно смотрят на эти осколки.

Волосы Чарис зашевелились от электричества, кожу закололо. Здесь Сила, свободная, плывущая, она реагирует на ее присутствие физически. Никто из собравшихся не заметил ее появления. Сосредоточив все внимание, виверны смотрели на осколки.

Осколки встали на концы, повернулись, заплясали, взлетели в воздух, образовали облачко, которое вначале окружило Гисмей. Трижды обернулись они вокруг ее тела, начиная с уровня талии, потом у горла и наконец над головой. Потом отлетели в пространство между двумя вивернами, звенящим дождем обрушились на пол, образовав рисунок. От наблюдателей до Чарис донесся всплеск эмоций. Было достигнуто какое-то соглашение, установлено требование, обусловлено согласие на что-то. Что именно — Чарис не знала.

Снова осколки начали свой танец на остриях, подпрыгнули в воздух, образовали облако, которое окружило невзрачную

виверну. И Чарис показалось, что на этот раз они вращаются медленнее и облако блестит не ярко, а приглушенно. Оно разбилось, со звоном упало на пол — ответ, возражения, несогласие — все вместе.

Снова волна эмоций со стороны зрителей, но на этот раз слабее. Идет какой-то спор, и собравшиеся разделились во мнении. Теперь, по-видимому, Гисмей предстоит принять решение, потому что осколки снова устремились к ней.

На этот раз танец осколков был непродолжительным, и облако не качалось ни к Гисмей, ни к другой. Осколки словно вышли из-под контроля. Облако раскачивалось взад и вперед, как будто висело на невидимом маятнике. И каждое колебание все приближало его к тому месту, где стояла Чарис.

И в то же время она двинулась — не по своей воле, а по воле окружающих, спустилась по рядам ярусов и встала на открытом месте, на равном расстоянии от двух колдуний.

— Прочитанное прочитано. Для каждого спящего сон — воля Тех-Кто-Видел-Сны-Раньше. Кажется, видящая сны из другого мира, у тебя есть что сказать по этому поводу...

— По какому поводу? — вслух спросила Чарис.

— По поводу жизни и смерти, твоей крови и нашей, прошлого и будущего, — послышался неясный ответ.

Чарис не знала, где нашла силы для ответа, но ответила спокойным, ровным голосом:

— Если вы ждете моего ответа, — она кивнула в сторону игл, — то прочтите мне, что они говорят, о премудрые.

Ответила ей тусклая виверна:

— Мы не можем прочесть, хотя здесь явно есть смысл. Об этом говорит рисунок Силы. Мы можем только верить, что еще не пришло время ответа. Но в этом деле само время — наш враг. Когда ткешь сон, нить не должна прерываться. В наших снах ты и твое племя враждебны нам...

— Люди моей крови умерли на берегу, — возразила Чарис. — Но не могу поверить, что это дело ваших рук и воли...

— Нет, не наших. Их собственных. Потому что они начали злой сон и исказили рисунок. Они совершили дело, которое исправить невозможно. — Гисмей излучала гнев, хотя эмоции держала под контролем. Именно поэтому они казались еще смертоносней. — Они дали тем, кто не может видеть сны, дру-

гую силу, чтобы те сломали давно сложившийся рисунок. За это их следует наказать! Они нарушают все обычаи и порядки, они уже убивают — и это только начало. Мы больше не хотим иметь с вами ничего общего. Да будет так. — Она хлопнула в ладоши, и иглы собрались, сложились в две груды.

— Может быть... — начала вторая, тусклая виверна.

— Может быть? — повторила Чарис. — Говори со мной ясно, о Владеющая древней мудростью. Я видела человека своего племени, мертвого у развалин дома, и с ним было не принадлежавшее ему оружие. Но у вас я не видела никакого оружия, кроме дисков Силы. Какое зло высвободилось в этом мире? Оно не мое и не человека по имени Ланти. — Она не знала, почему упомянула Ланти. Может, потому, что у него был налажен дружеский контакт с ведьмами.

— Ты одной крови с теми, кто принес сюда беды! — Ответная мысль Гисмей прозвучала резким свистом.

— Копье ваше, не мое! — настаивала Чарис. — И человек умер от него.

— Те, кто не видит сны, они охотятся, убивают такими копьями. А теперь они нарушили древний закон и ушли к злым чужакам. Чужаки дали им защиту от Силы, так что их невозможно призвать к порядку. Возможно, это не твоих рук дело, потому что с нами ты видела истинные сны и знаешь, как правильно использовать Силу. И человек Ланти вместе с другим, который раньше был с нами, он тоже видел сны, хотя это вопреки всем обычаям. Но сейчас появились такие, которые снов не видят, но поддерживают зло невидящих. И теперь наш мир разрушится, если мы не исправим это зло.

— И все же, — послышалась более спокойная мысль тусклой виверны, — здесь есть и рисунок, который мы не можем прочесть. Но не можем и пройти мимо него, потому что в нем ответ на наш вопрос. Поэтому мы должны использовать тебя, хотя ни ты, ни мы не знаем, каким образом. Ты должна это узнать сама и призвать на помощь больший рисунок...

Чарис явно расслышала в этой мысли предупреждение. Но могла лишь догадываться об истинном значении этой многословной речи. Группа инопланетян — вероятно, джеки, разграбившие торговый пост, — освободила самцов из-под контроля матриархов-виверн. И теперь самцы сражаются на стороне чу-

жаков. В ответ виверны как будто собираются нанести контрудар по всем инопланетянам.

— Больший рисунок — он направлен против людей моей крови? — спросила Чарис.

— Его нужно сплетать осторожно, потом хорошо нацелить и увидеть сон, — последовал полуответ. — Но он разрушит твой рисунок, как разрушил наш.

— И я часть этого рисунка?

— Ты получила ответ, который не могли получить мы. Раскрой полностью его значение. Может, это будет и ответ для всех нас.

— Она нарушила здесь наш рисунок, — прервала Гисмей. — Ее нужно отправить в Место-Без-Снов, чтобы она не могла продолжать разрушать то, что мы здесь делаем!

— Нет! Она получила ответ; она имеет право узнать смысл этого ответа. Отправить ее из этого места — да, это мы сделаем. Но во Тьму-Которая-Ничто? Нет, это нарушение ее прав. Время торопит, видящая сны. Ты должна увидеть истинный сон, если не хочешь нарушить наш рисунок. А теперь — прочь отсюда!

Многоярусная комната, наблюдающие виверны — все исчезло. Вокруг Чарис темная ночь, но она слышит вблизи рокот морских волн. Вдыхает свежий воздух и видит над собой звезды. Она снова на берегу?

Нет. Глаза ее приспособились к слабому свету, и она увидела, что стоит на остроконечной скале. Вокруг во все стороны волны. Она одна на островке, возможно, посреди океана.

Опасаясь сделать шаг в любом направлении, Чарис опустилась на колени, не веря, что это правда. Тссту зашевелилась, испустила негромкий вопросительный звук, и Чарис подавила полувсхлип — полупротестующий возглас.

Глава 10

— Тебе видеть сон. Ты должна видеть истинный сон.

Скала, голый скалистый островок. Вершина высоко над морем, волны бьются внизу о крутые стены. Над головой кричат птицы, которых ее появление встревожило и согнало с гнезд. В полусвете раннего утра Чарис разглядывала свой насест. Пер-

вое изумление прошло, но беспокойство постепенно переходило в страх.

От того места, где она стоит, вниз ведет ряд широких уступов. Снизу широкое открытое пространство, с одной стороны огражденное стеной утеса. Бледная и чахлая растительность цепляется за почву. Чарис посмотрела на море; она понятия не имеет, в каком направлении Крепость, где главный континент.

На некотором удалении в море видна точка. Возможно, еще один скалистый остров, но он слишком далеко, чтобы его можно было ясно разглядеть. Девушку поразила решительность и внезапность, с какой виверны отправили ее со своего собрания. Они отослали ее сюда, и она считает, что они ничего не сделают, чтобы вернуть ее назад. Спасение должно быть делом ее разума.

— Миирриии? — Тссту сидит среди скал, всей внешностью выражая неприятие окружающего.

— Куда мы отсюда пойдем? — переспросила Чарис. — Я знаю не больше тебя.

Кудрявая кошка взглянула на нее полуприкрытыми от ветра глазами. Чарис вздрогнула. Ветер несет в себе обещание дождя, подумала она. Оказаться застигнутой бурей на этой голой скале...

Единственное убежище возможно только на той площадке внизу. Лучше побыстрее добраться до нее. Тссту благоразумно уже пустилась в путь, она осторожно двигалась по уступу.

Действительно дождь, первые крупные капли. Но дождь означает питьевую воду. Чарис приветствовала ручейки, появившиеся среди скал. Буря, которая принесла воду для питья, может оказаться благословением для них обеих.

Птицы, кричавшие над головой, исчезли. Тссту, исследовавшая площадку, принялась работать над спутанным клубком у стены. Она подняла голову, подбородок ее был покрыт какими-то белыми нитями, и она слизнула их языком.

— ...ррии... — Она снова погрузила голову в клубок, попятилась и что-то понесла в зубах Чарис. Девушка протянула ладонь, и Тссту опустила на нее предмет, который может быть только яйцом.

Голод боролся с отвращением и победил. Чарис сломала скорлупу на верхушке и высосала содержимое, стараясь не за-

мечать вкуса. Яйца и дождевая вода... Надолго ли их хватит? Долго ли они вдвоем будут оставаться здесь? А если ветер усилится и сбросит их в море?

— Тебе видеть сон. Ты должна видеть истинный сон. — Может, и это один из тех очень реальных снов, которые способны вызывать виверны? Чарис не помнила, чтобы в других снах испытывала потребность есть и пить. Сон или реальность? Установить невозможно.

Но должен существовать какой-то выход!

Стена утеса немного спасала от дождя, но вода сверху стекала вниз, собиралась в лужи, заливала корни растений. Почва стала скользкой.

Если бы у нее был диск! Но в проходе, где на стенах горели рисунки, она не получила диск назад. Тем не менее сосредоточенность на этих рисунках привела ее на собрание виверн.

Предположим, у нее здесь было бы такое же средство перемещаться — куда бы она отправилась? Не назад в Крепость: теперь это враждебная территория. На разграбленный пост? Нет, если только она не ищет убежища. Но сейчас ей не это нужно.

Ведьмы-виверны против инопланетян. Если бы туземные ведьмы выступили только против джеков и собственных неверных самцов, это было бы их дело. Но теперь они считают врагами всех инопланетян. И если изгнание на эту скалу — всего лишь средство, чтобы удержать ее от вмешательства в битву, оно хорошо придумано. Но они одной породы; виверны, сколько бы у них ни было общего, — чужаки. И когда придет время вставать в строй, она окажется по другую сторону, хотя первоначально ее симпатии совсем не там.

Нет, Чарис совсем не тревожит, что произойдет со сбродом, с этими джеками: чем быстрее с ними справятся, тем лучше. Но наказать их должны люди. Решать должны Ланти и этот Рагнар Торвальд, они представляют здесь закон, хотя виверны всех людей смешали в одну кучу. Если бы удалось их предупредить, была бы еще возможность вызвать Патруль. Он бы справился с джеками и доказал вивернам, что не все инопланетяне одинаковы.

Предупредить. Но даже с диском Чарис не добралась бы до правительственной базы. Она не была там раньше, не смогла бы

представить ее себе мысленно, чтобы перенестись туда с помощью Силы. А Ланти — что произошло с ним на посту? Жив ли он после этого мысленного удара виверн?

Возможно ли — только предположительно — возможно ли использовать личность как указатель цели? Не призывать к себе, как она с такими катастрофическими последствиями сделала на посту с Гитой, а, наоборот, отправиться к этой личности? Она никогда не пробовала. Но это мысль.

Но сначала — средства. Имея диск, нужно сосредоточенно смотреть на его рисунок и, когда сосредоточенность достигнет нужной степени, использовать волю как трамплин в Другое-Где или вообще в другое место.

В коридоре она несознательно использовала сверкающий рисунок на стене, чтобы перенестись на совет виверн, и тогда не контролировала место своего прибытия.

Важен не сам по себе диск, а рисунок на нем. Допустим, она сможет воспроизвести здесь этот рисунок и сосредоточиться на нем. Спасение? Возможно, это ее единственный шанс. У нее нет средств покинуть это место. Почему бы не попробовать нелогичный путь?

Далее. Куда уйти? На пост? На мшистый луг? Любой пункт, который она может себе представить, не приблизит ее к базе изыскателей. Но если бы она смогла присоединиться к Ланти... Его она может представить себе отчетливо. Единственная другая возможность — Джаган, но на помощь торговца рассчитывать нечего, даже если он еще жив.

Ланти, по его собственным словам, имеет опыт в снах виверн и в использовании Силы. Может, поэтому он более восприимчив как указатель цели? Слишком много предположительного, о чем можно только догадываться, но лучшей возможности она не видит. Конечно, если вообще возможно воспроизвести освобождающий рисунок.

Что у нее для этого есть? Камень — слишком твердая поверхность, чтобы чертить на ней. Внимание Чарис привлекла скользкая глина на краю увеличивающейся лужи. Поверхность относительно ровная, и на ней можно чертить камнем или веткой с куста. Но нужно сделать это правильно.

Чарис закрыла глаза и постаралась вспомнить. Вдоль всей длины рисунка извилистая линия — вот так. Потом, после разрыва, вот это. Что-то еще... чего-то не хватает. Возбуждение девушки росло. Она пыталась представить себе недостающее. Может, если расширить рисунок...

Но поверхность глины почти вся теперь покрыта водой. И ветер усиливается. Прижав к себе Тссту, Чарис скорчилась под защитой скалы. Ничего нельзя сделать, пока не стихнет буря.

Очень скоро Чарис начала опасаться, что не переживет ярости ветра, удушающего потока дождя. Опору давала только каменная стена. Поток продолжал поднимать уровень воды в луже, пока она не коснулась ног Чарис, но потом вода нашла выход и стала уходить в море.

Тссту была источником тепла в руках девушки, неясные мысли кудрявой кошки успокаивали ее. От животного к девушке переходила уверенность — не постоянно, а тогда, когда Чарис в ней больше всего нуждалась. Девушка подумала, многое ли из происшедшего Тссту понимает. Полоса связи такая узкая, что Чарис не знает, с чем сравнить уровень разумности животных Колдуна. Тссту может оказаться гораздо разумнее, чем кажется, или, наоборот неспособной к подлинному общению.

Но вот ветер начал стихать, он больше не пытался вытащить девушку из убежища. Небо посветлело, и сплошной поток ливня превратился в мелкий дождик. Но Чарис по-прежнему не была уверена в правильности рисунка. Однако она с нетерпением ждала у лужи, думая, нельзя ли вычерпать ее руками.

На небе появились золотые полоски, когда она продвинулась вперед, держа в руке мокрую ветку с куста. Теперь нетрудно смахнуть листья и создать себе площадку для рисунка. Девушку охватило нетерпение — она должна проверить эту слабую надежду.

Она набрала в горсть воды, очистила полоску гладкой голубоватой глины. Пора! Чарис обнаружила, что ее пальцы слегка дрожат; она напрягала волю и мышцы, чтобы подавить эту дрожь, и поднесла конец ветки к липкой поверхности.

Вот так — извилистая линия в основании рисунка. Да! Теперь рассечь ее под правильным углом. Так, правильно... Но недостающая часть...

Чарис плотно закрыла глаза. Извилины, линия... А что еще? Бесполезно. Она не может вспомнить. Она мрачно смотрела на почти законченный рисунок. Но «почти» не поможет: он должен быть полным. Тссту сидела рядом, с кошачьей внимательностью глядя на линии в глине. Неожиданно, прежде чем Чарис смогла вмешаться, она протянула лапу и прижала к поверхности глины. Девушка вскрикнула, но кудрявая кошка прижала уши и негромко зарычала. Она убрала лапу, оставив три отпечатка на глине.

Три отпечатка? Нет, два! Чарис рассмеялась. Память Тссту лучше, чем у нее. Девушка стерла рисунок, разгладила поверхность и начала снова, на этот раз быстрее и увереннее. Извилистая линия, пересечение, два овала — не совсем там, где их поместила Тссту, но здесь и здесь.

— Мииирриии!

— Да! — Чарис повторила триумфальный возглас. — Подействует, маленькая? Подействует? И куда мы отправимся?

Но она знала, что уже приняла решение. Не место, а человек — ее цель. Во всяком случае в первой попытке. Если не удастся попасть к Ланти, она попробует мшистый луг и попытается оттуда пройти на юг, к базе. Но это будет означать потерю времени, а она не может позволить себе это. Нет, ради безопасности своего племени на этой планете ее первой целью будет Ланти.

Вначале она мысленно постаралась представить себе изыскателя, вспомнила все мельчайшие подробности, какими могла снабдить память, и оказалось, что она помнит их очень много. Его волосы, черные, курчавые, как у Тссту; его коричневое лицо, серьезное и сдержанное, пока он не улыбнется и рот и глаза не смягчатся; его худое жилистое тело в зелено-коричневом мундире его корпуса; высокие сапоги цвета меди; и трущийся об эти сапоги его спутник Тагги. Стереть росомаху; второе живое существо может спутать Силу.

Но Чарис обнаружила, что не может в сознании отделить этих двоих друг от друга. Человек и животное, они цеплялись друг за друга, несмотря на ее попытки забыть Тагги и видеть только Ланти. Снова создала она мысленно образ Шенна Лан-

ти, каким видела его на посту, прежде чем призвала Гиту. Вот так он стоял, так выглядел. Действуем!

Тссту прыгнула ей на руки, вцепилась когтями в порванную одежду. Девушка с улыбкой взглянула на кудрявую кошку:

— Пора покончить с этим, прежде чем ты изорвешь в клочья мою одежду. Попробуем?

— ...ррииии... — Согласие, переданное прикосновением мысли. Казалось, Тссту не сомневается, что они куда-то отправляются.

Чарис взглянула на рисунок.

Холод — полное отсутствие света — ужасающая пустота. Жизни нет. Она хотела закричать от этой пытки — не физической, а муки ума. Ланти... Где Ланти? Мертв? Неужели она следует за ним в смерть?

Снова холод — но другой. Свет... Свет несет в себе обещание знакомого и понятного. Чарис пыталась подавить тошнотворное ощущение, которое испытала, когда была там, где не существует жизнь.

Острый звериный запах. Рычание в ответ на предупреждающее «ррруууугрр» Тссту. Чарис увидела вокруг каменистую пустыню — и коричневого Тагги. Росомаха расхаживала взад и вперед, время от времени останавливалась и рычала. Чарис уловила исходящее от зверя ощущение страха и недоумения. Расхаживала росомаха вокруг расселины, в которой скорчилась фигура, сжалась, лицом наружу.

— Ланти! — Крик Чарис прозвучал почти как благодарственная молитва. Она выиграла: они достигли изыскателя.

Но если он и слышал, и видел ее, то никак не ответил. Только Тагги повернулся и подбежал к ней, высоко подняв голову. Его громкий крик — не угроза и предупреждение, а призыв на помощь. Должно быть, Ланти ранен. Чарис побежала.

— Ланти? — снова позвала она, опускаясь на колени перед расселиной, в которую он заполз. И тут она отчетливо увидела его лицо.

При первой встрече у него было настороженное, отчужденное выражение, но живое. Этот человек дышал: она видела, как поднимается и опускается его грудь. Его кожа — она протянула руку, коснулась пальцами запястья, потом поднесла их к своей

щеке — его кожа не горит от лихорадки, но она и не холодная. Но то, что делало его человеком, а не ходячей пустой оболочкой, исчезло. Высосано или изгнано из него. Ударом Силы виверн?

Чарис откинулась, сидя на корточках, и оглянулась. Это не расчищенная поляна перед постом, так что он не остался на том месте, где упал. Она слышит море. Они где-то в пустыне на берегу. Не важно, как и почему он оказался здесь.

— Ланти... Шенн... — Она произносила его имя, упрашивая, словно привлекала внимание ребенка. В мертвых глазах нет ответной искры, пустое лицо не меняется.

Росомаха протиснулась мимо нее. От зверя исходит острый запах. Тагги повернул голову, сомкнул челюсти на ее руке. Это не гнев, а просьба о внимании. Видя, что девушка смотрит на него, Тагги разжал пасть, повернулся в сторону суши и зарычал, предупреждая. Там опасность.

Уши Тссту, прижавшиеся при виде зверя с Терры, теперь снова были разведены. Кошка вцепилась когтями в Чарис. Что-то приближается. Девушка и сама остро ощущает предупреждение об опасности. Им нужно уходить.

Она снова взяла запястье Ланти, сжала его, потянула. Она не знает, сможет ли заставить его двигаться.

— Идем. Идем. Мы должны идти. — Может, ее слова для него лишены смысла, но на рывок он ответил, выполз из расщелины, встал. Девушка поддерживала его. Чарис обнаружила, что он слушается, пока она держит его за руку, идет, но, как только она отнимает руку, он останавливается.

И вот, ведя Ланти, Чарис повернула на юг. Тссту бежала впереди, Тагги — сзади. Кто или что преследует их, девушка не знала. Больше всего она опасалась бандитов. У Ланти нет никакого оружия, даже шокера. Брошенный камень не защита от бластера. Если их преследуют, возможно, единственная надежда — найти убежище и спрятаться.

К счастью, местность не очень пересеченная. Вверх или вниз Чарис не смогла бы вести Ланти, даже такого покорного. Впереди видны признаки разлома, острые выступы скал на фоне неба. Возможно, среди них удастся найти временное убежище.

Тагги исчез. Дважды Чарис оборачивалась в поисках росомахи, звать она не решалась. Она вспомнила свист, который слышала на мшистом лугу, когда впервые увидела изыскателя и его четвероногого спутника. Но повторить этот призыв она не может.

Она пошла быстрее. Под ее руководством Ланти ускорил шаги, но не было признаков, что он реагирует на что-то, кроме ее руки. Он был словно робот. В нынешнем его состоянии она ничего не может ему сказать. И не знает, временное это состояние и вызвано соприкосновением с Силой виверн или более постоянное.

Чарис знала, что скоро солнце зайдет. Ее цель — достичь скал до наступления темноты. И она их достигла. Тссту обнаружила то, что им необходимо, — нависающий камень, под которым почти пещера. Чарис протолкнула Ланти вперед в тень и потянула вниз. Он сел, глядя невидящими глазами в сумерки.

А-рацион? На поясе изыскателя множество карманов, и Чарис принялась обыскивать их. В первом лента с сообщением или записью, потом несколько небольших инструментов; она не знает, для чего они используются; должно быть, для ремонта какой-то установки; три кредитных жетона, идентификационная карточка; четыре другие карточки доступа, которые она не стала разглядывать; еще один пакет с материалами первой помощи. Вероятно, теперь они полезнее всего остального. Она передвигалась справа налево, опустошала последовательно карманы, потом возвращала в них содержимое, а Ланти не обращал никакого внимания на этот обыск. Но вот то, на что она надеялась. Она видела такое у рейнджера на Деметре. Питательные таблетки. Они не только утолят голод, но и подстегнут и восстановят нервную энергию.

Их четыре. Две Чарис вернула в тюбик, который положила к себе в карман. Одну разжевала. Таблетка безвкусная, но Чарис проглотила ее. Вторую неуверенно держала в руке. Как заставить Ланти съесть ее? Она сомневалась, чтобы в своем теперешнем состоянии он был способен есть. Похоже, остается только один способ. Она взяла с земли два камня, потерла о свою рваную рубашку, чтобы очистить от пыли. Потом взяла идентификационную карточку и тоже протерла. Растерла таблетку

камнями, превратив ее в порошок на гладкой поверхности карточки.

Затем, заставив его открыть рот, девушка смогла высыпать порошок. Больше она ничего не может сделать. Возможно, концентрат подкрепит силы Ланти и устранит последствия шока.

Глава 11

Пока было еще светло, Чарис попыталась превратить полупещеру в крепость; она подносила камни и строила из них стену. Если они будут держаться за этой стеной, ее зеленое платье и зелено-коричневая форма изыскателя останутся незамеченными. Прикусив обломанный ноготь, девушка заползла в укрытие.

Тени сгустились, и Чарис пощупала вокруг рукой. Она коснулась плеча Ланти и передвинулась ближе к нему. Тссту один раз «миирриикнула» и ушла на охоту. Тагги не показывался с того момента, как они оказались в скалах. Вероятно, росомаха тоже занята поиском пищи.

Чарис опустила голову на колени. В тесном пространстве нужно было свернуться клубком. Она не устала: действовали питательные таблетки. Но ей нужно подумать. Виверны предупредили, что время против нее. Она сумела уйти с морской скалы, куда они ее изгнали, но, может, во время бегства сделала неправильный выбор. В нынешнем состоянии Ланти ей не союзник, а обуза. Утром она сможет восстановить рисунок и добраться до мшистого луга. Он южнее. Но она не знает, далеко ли от него до правительственной базы. Однако если будет двигаться вдоль берега, рано или поздно доберется до нее.

Но Ланти? С собой она не может его взять, в этом она уверена. А оставить его здесь в нынешнем состоянии... Каждый раз, как необходимо принять жестокое решение, Чарис отшатывается от него. Он ей не друг; они в прошлом встретились только раз — на посту. Она не обязана помогать ему, а действовать ей необходимо.

Бывают времена, когда нужно пожертвовать одной человеческой жизнью ради многих. Но сколько ни уговаривала себя Чарис, она наталкивалась на преграду, такую же непреодолимую, как та, которой ее удержали виверны. Ну что ж, в темноте она

все равно ничего не может сделать. Может, до утра Ланти придет в себя, выйдет из этого растительного состояния. Цепляться за такую надежду несерьезно, но Чарис надеялась. И попыталась уснуть — уснуть и не видеть никаких снов.

— ...ах... ахххххх....

Жалобный стон. Чарис постаралась не слышать его.

— ...ах... ахххххх!

Девушка подняла голову. Рядом с ней кто-то шевелится. Ланти в темноте она не видит, но рука ее ощутила его конвульсивную дрожь. И негромкий стон. Ему, должно быть, очень больно.

— Ланти! — Она потянула его за руку, и он склонился к ней, положил голову ей на колени, и его дрожь передалась ей. Стоны прекратились, но дышал он прерывисто, как будто дрожащему телу не хватало кислорода.

— Шенн, что с тобой? — Чарис хотелось увидеть его лицо. Когда она ухаживала за больными белой чумой на Деметре, то испытывала тот же страх и подтачивающее решимость раздражение. Что она может сделать? Что вообще можно сделать? Она привлекала к себе Ланти, обняла его покрепче. Но если раньше он был апатичен и похож на робота, то сейчас стал беспокоен. Поворачивал голову, удушливо закашлялся.

— Рррууууу. — Ниоткуда возникла Тссту — тень. Кудрявая кошка прыгнула Ланти на грудь, присела, вцепилась когтями, когда Чарис попыталась ее снять. Послышалось рычание, и меж камней показался Тагги. Он ткнулся носом в дрожащее тело Ланти, словно они вместе с Тссту пытались заставить страдальца лежать неподвижно. Четверых в пещере словно окутало облако: призыв о помощи, который Ланти не нужно излагать в словах, чтобы Чарис его поняла; тревога животных; ее собственная беспомощность. Девушка поняла, что наступил критический момент. Изыскатель сражается, и если он потерпит поражение...

— Что мне делать? — громко воскликнула она. Это не борьба тела — она достаточно глубоко погрузилась в Силу виверн, чтобы понять это, — борьба разума, всей личности...

Воля — вот трамплин для использования Силы. Желая, они напрягают волю, и их желание осуществляется. И вот она тоже напрягла волю... она хочет помочь Ланти...

Темнота, холод, пустота — ничто. Это место, куда завело ее желание помочь, пространство, совершенно чуждое ее племени. Темнота, холод. Но теперь... Два маленьких огонька, мерцающие; постепенно они становятся ярче, хотя темнота и холод пытаются уничтожить их; два огонька приближаются и становятся все больше, больше. Она не протягивает к ним руки, они сами приближаются к ней, словно она их позвала. И тут Чарис осознает, что есть и третий огонек и энергию для него поставляет именно она.

Огоньки объединились и понеслись в темноте. Они ищут. Между ними нет ни мысли, ни речи, только стремление ответить на призыв о помощи. Темнота и холод всепоглощающие, это черное море без берега, без островов.

Остров? Слабое, очень слабое мерцание показывается в море. Три огонька вращаются, сливаются и устремляются к этой слабой искре во мраке. И вот четвертый огонек, похожий на затухающий уголь в почти погасшем костре. Три огонька раздувают этот уголь, не притрагиваясь к нему. У них нет такой силы, а огонь почти угас.

И вот огонек, который держится волей Чарис, раздувается, стремится поглотить огоньки животных. Она тянется вперед — не физически, не рукой, а внутренней силой — и касается огонька-спутника.

Тот устремляется к ней. Ее рвут на части, она корчится от боли: ее поглощают совершенно чуждые эмоции, дикие, несдержанные эмоции, они кипят в ней, пенятся, швыряют из стороны в сторону. Но она сопротивляется, стремится подчинить их и завоевать непрочное равновесие. Потом снова устремляется вперед, к второму огоньку.

И снова ее охватывает смятение, и снова начинается борьба за господство. Необходимость, которая свела их вместе, стремление помочь умирающему огоньку заставляют их действовать заодно. И когда Чарис призывает себе на помощь, они ей подчиняются.

Вниз, к этому почти погасшему огню, устремляется столб пламени, поток силы величайшего напряжения. И он прорывается, пронзает самое сердце гаснущего огня.

Смятение в пространстве. И вот Чарис словно бежит по коридору, в который выходят двери множества комнат. Из дверей выходят люди и совершенно незнакомые ей существа, они смотрят на нее, кричат ей что-то, пытаются дать понять о том, какие они значительные; Чарис почти оглохла, она на краю потери рассудка. А коридору не видно конца.

Голоса кричат, но сквозь них пробивается другой звук — рычание, рев, этот звук тоже требует ее внимания. Чарис не может бежать дальше...

Тишина, неожиданная, полная — и по-своему тоже приводящая в ужас. Потом — свет. И она снова обладает телом. Вначале сознавая только это, Чарис в благодарности и удивлении провела рукой по своему телу. Потом осмотрелась. У нее под ногами песок, серебристый песок. Но это не морской берег. В сущности, ни в одном направлении она не может ясно видеть, потому что везде клубами и спиралями движется туман, зеленый туман, того же зеленого цвета, что и ее платье.

Туман движется, завивается, в нем видна более темная сердцевина. В этой сердцевине заметно движение, как будто рука отводит занавес.

— Ланти!

Он стоит здесь, глядя на нее. Но это больше не пустая оболочка человека, которого она знала. В его теле и уме жизнь, сознание. Он протягивает к ней руку.

— Сон?..

Это сон? Раньше во снах у нее никогда не было таких отчетливых видений Другого-Где виверн.

— Не знаю, — отвечает она на его полувопрос.

— Ты пришла, ты... — В этом утверждении слышится удивление. Они были в пространстве, не предназначенном для их племени. Четыре огонька, соединившись, разорвали путы, которые удерживали его в месте, которого не должны знать люди.

— Да. — Ланти кивнул, как будто Чарис выразила эту мысль в словах. — Ты, и Тагги, и Тссту. Вы пришли вместе, и вместе мы вырвались.

— А это? — Чарис оглянулась на зеленый туман. — Где это?

— Пещера Завес. Но я считаю это сном. Они по-прежнему пытаются удержать нас.

— На сны есть ответы. — Чарис опустилась на колени и разгладила песок. Кончиком пальца начала выводить свой рисунок. Не очень отчетливо в рассыпающемся песке, но достаточно, она надеется, чтобы послужить ее цели. Она посмотрела на Ланти.

— Идем. — Чарис протянула руку. — Думай о полупещере... — Она быстро описала место, где они провели ночь, — и не выпускай мою руку. Мы должны попробовать вернуться.

Она почувствовала, как сжимается его рука, сильные пальцы впились в ее тело. И сосредоточила сознание на рисунке и на представлении уступа, на котором расположена пещера...

Чарис замерзла, все тело у нее затекло, рука болит, ладонь онемела. За ней скала, над головой нависающий камень, а из-за него светит солнце. Послышался вздох. Девушка оглянулась.

Ланти лежит, неловко свернувшись; его голова у нее на коленях, пальцами он сжимает ее руку. Лицо у него осунулось и посерело, он словно постарел на несколько лет. Но расслабленность и отсутствие сознания исчезли. Он пошевелился и открыл глаза, вначале недоуменно, потом узнавая.

Поднял голову:

— Сон!

— Может быть. Но мы вернулись — сюда. — Чарис высвободила руку и расправила затекшие пальцы. Другой рукой потрогала камни импровизированной стены, чтобы убедиться в их реальности.

Ланти сел и потер рукой глаза. Но тут Чарис вспомнила.

— Тссту! Тагги!

Животных не видно. В сознании девушки зашевелился страх. Они... они были этими двумя огоньками. И она их потеряла: в том месте с зеленым туманом их не было. Навсегда ли они потеряны?

Ланти зашевелился.

— Они были с тобой... там? — Скорее не вопрос, а утверждение. Он выполз из-под навеса и свистнул. Потом наклонился и протянул руку, привлекая ее к себе.

— Тссту! — громко позвала она кудрявую кошку.

Слабый — очень слабый — ответ! Тссту не осталась в том месте. Но где она?

— Тагги жив! — Ланти улыбался. — Он мне ответил. Ответил не так, как раньше. Он как будто заговорил.

— Они побывали там. Разве это могло их не изменить?

Мгновение он молчал, потом кивнул.

— Ты хочешь сказать, что там мы слились? Да, возможно, теперь мы уже никогда не сможем разъединиться.

Она вспомнила свой бег по бесконечному коридору с открытыми дверями и кричащими фигурами в них. Может, это воспоминания Ланти? Его мысли? Не хотела бы она еще раз их увидеть!

— Нет, — сказал он, словно услышал ее мысли, — больше этого не будет. Но тогда это было необходимо...

— Более чем необходимо. — Чарис не хотелось вспоминать об этом объединении. — Беда больше, чем считают виверны. — Она рассказала ему о том, что узнала.

Рот Ланти превратился в прямую линию, он слегка выпятил подбородок.

— Когда мы нашли копье, Торвальд был с ними, в Крепости. Они могли убрать его, как поступили со мной. И теперь могут без помех выступить против всех инопланетян. У нас на базе связист, а с тех пор как я ушел, мог приземлиться и Патруль. Как раз по расписанию он должен прилететь. Если бы корабль не пришел, Торвальд перед уходом связался бы со мной. Там теперь два-три человека, и они не подозревают о силе виверн. Мы очень осторожно расширяли базу, потому что не хотели рисковать отношениями с туземцами. Эти джеки уничтожили весь наш план! Ты говоришь, что воины вивернов помогают им? Интересно, как они этого достигли. Насколько нам известно — а известно немного, — ведьмы полностью контролируют своих самцов. Поэтому те не могли вступить с нами в сотрудничество.

— У джеков должно быть средство, нейтрализующее Силу, — заметила Чарис.

— Только этого нам не хватало, — горько ответил он. — Но если джеки могут нейтрализовать их Силу, как ведьмы выступят против них?

— Виверны кажутся очень уверенными в себе. — Чарис впервые испытала сомнения. На собрании в Крепости она приняла их предупреждение; уважение к Силе до сих пор не подверга-

лось испытаниям. Но Ланти прав. Если джеки могут нейтрализовать Силу и освобождать самцов от влияния виверн, как те могут надеяться победить?

— Они уверены в себе, — продолжал Ланти, — потому что никогда раньше не встречались с тем, что угрожает их власти и образу жизни. Возможно, они даже представить себе не могут, что их Силе что-то способно противостоять. Мы надеялись постепенно дать им понять, что располагаем другим типом силы, но на это у нас не оказалось времени. Для них это угроза, но не очень страшная. Не такая, какой кажется мне.

— Их Сила сломана, — негромко сказала Чарис.

— Да, нейтрализована. Как ты думаешь, скоро ли они это поймут?

— Но нам ведь не понадобилась машина или прибор джеков. Мы прорвались — вчетвером.

Ланти смотрел на нее. Потом откинул голову и рассмеялся, негромко, но искренне.

— Ты права. Интересно, что скажут на это наши ведьмы? Знают ли они об этом? Да, ты освободила меня из их тюрьмы. Это была тюрьма! — Улыбка его исчезла, лицо заострилось. — Итак, их Силу можно сломать или обойти, причем не одним способом. Но не думаю, чтобы даже это помешало бы им сделать первый шаг. А их нужно остановить. — Он поколебался, потом торопливо продолжал: — *Я* не говорю, что они должны смириться с вмешательством джеков и не сопротивляться. Они считают, что угроза нависла над всем их образом жизни. Но если ведьмы начнут действовать, как собирались, если попытаются изгнать нас всех с Колдуна, то, даже если они смогут противостоять оружию джеков, они сами покончат с собой, со своей историей.

— Потому что, если явилась одна банда со средством, нейтрализующим Силу, явятся и другие. Теперь просто вопрос времени, когда виверны окажутся под контролем инопланетян. А этого не должно случиться!

— Ты говоришь это? — с любопытством спросила Чарис. — Ты?

— Тебя это удивляет? Да, они воздействовали на меня, и не в первый раз. Но я ведь разделял с ними их сны. И так как мы

с Торвальдом сумели это сделать, пропасть между нами уменьшилась. Должно быть, и мы изменились после соприкосновения с Силой. Им тоже придется изменяться, хотя для них это нелегко, но нельзя допускать, чтобы их жизнь была разрушена. А теперь, — он осмотрелся, как будто мог призвать коптер из воздуха, — теперь нам пора двигаться.

— Не думаю, чтобы они позволили нам вернуться в Крепость, — сказала Чарис.

— Да, если они выполняют свой план, направленный против инопланетян, их главная база окружена защитными завесами. Единственное место — наш штаб. Оттуда мы сможем вызвать помощь. И если успеем вовремя, справимся и с джеками. Но где мы сейчас и как далеко база...

Ланти покачал головой.

— У тебя есть твой диск? — спросил он немного погодя.

— Нет. Он мне не нужен. — Чарис не уверена, насколько это правда. Впрочем, со скалы в море и из места зеленого тумана она смогла уйти. — Но я никогда не видела твою базу.

— Я опишу ее, как ты описала мне убежище в скалах. Поможет это?

— Не знаю. Я думаю, то место было сном.

— А тела наши оставались здесь, как якорь, и притянули нас назад? Возможно. Но в попытке вреда не будет.

Должно быть, время близко к полудню. Солнце нагрело камни. И, как заметил Ланти, они не знают, где находятся. Знакомых ориентиров не видно. Его предложение не хуже любого другого. Чарис огляделась в поисках полоски земли и камня или ветки, которыми можно было бы рисовать. Но ничего не нашла.

— Мне нужно что-то такое, чтобы чертить.

— Чертить? — повторил Ланти, оглядываясь. Потом издал восклицание, расстегнул карман пояса и извлек сумку первой помощи. Выбрал из ее содержимого тонкий карандаш. Чарис узнала стерильную краску, которой обрабатывают легкие раны. Краска по консистенции похожа на мазь. Девушка испробовала ее на поверхности камня. Следы плохо видны, но все же она их видит. — Мы нацелимся на место, которое я хорошо знаю, —

сказал Ланти, опускаясь рядом с ней на корточки. — Оно в полумиле от базы.

— А почему не на саму базу?

— Потому что там нас может ждать нежеланная встреча. Прежде чем пойти туда, я хочу немного разведать. Рискуем нарваться на серьезные неприятности.

Конечно, он прав. Виверны могли уже сделать первый шаг; Чарис ведь не знает, сколько времени прошло с тех пор, как ее изгнали из собрания на остров. А также джеки, стремясь избавиться от правительственных чиновников, могли захватить базу.

— Там озеро такой формы. — Ланти взял у нее карандаш и начал рисовать сам. — Потом деревья, ряд их идет в этом направлении. Остальное — луг. Мы будем на этом конце озера.

Трудно перевести эти знаки в живую картину, и Чарис уже начала отрицательно качать головой. Неожиданно спутник наклонился к ней и положил ладонь на лоб, сразу над глазами.

Глава 12

Чарис увидела неясную размытую картину, не такую четкую, как в собственных воспоминаниях, но, вероятно, вполне пригодную для того, чтобы сосредоточиться. Но наряду с этой туманной картиной показалось и другое: за озером и лесом начал образовываться коридор со множеством дверей и выходящих из них фигур. Чарис отбросила руку Ланти и, тяжело дыша, смотрела на него, пытаясь прочесть ответное опасение в его глазах.

— Да, это опасно, — первым заговорил Ланти.

— Нет. Больше никогда! — Чарис услышала собственный пронзительный голос.

Но он и так согласно кивал.

— Да, больше никогда. Но ты увидела достаточно?

— Надеюсь. — Она взяла у него карандаш и выбрала поверхность скалы, чтобы чертить знак Силы. И, только начертив овалы, вспомнила о Тссту. Чарис остановилась. — Тссту! Я не могу оставить ее. И Тагги... — Она закрыла глаза и послала свой молчаливый призыв. — Тссту, иди сюда! Немедленно! Прикосновение! Соприкосновение мыслей, туманных, как картина,

которую послал ей Ланти. И — отказ! Решительный отказ — и неожиданный разрыв связи. Почему?

— Бесполезно, — услышала она голос Ланти, открывая глаза.

— Ты связался с Тагги. — Это не вопрос.

— Связался, но не так, как раньше. Он не слушает. Он занят...

— Занят? — Чарис удивился выбору слова. — Охотится?

— Не думаю. Его что-то заинтересовало — настолько, что он не хочет возвращаться ко мне.

— Но ведь они здесь, они вернулись с нами, не остались в Другом-Где? — Облегчение смешивалось с вернувшимся страхом.

— Не знаю, где они. Но Тагги не боится, он только заинтересован, очень заинтересован. А Тссту?

— Она разорвала контакт. Но... да, я думаю, она тоже не боится.

— Придется пока оставить их, — продолжал Ланти.

Если удастся, про себя добавила Чарис. Она снова взяла Ланти за руку.

— Думай о своем озере, — приказала она и сконцентрировала все внимание на еле заметном рисунке на скале.

Холодный ветер, он шелестит листвой. Прямые лучи солнца исчезли за путаницей ветвей, прямо перед ней мерцает поверхность озера.

— Получилось! — Она разжала руку. Ланти осторожно оглядывался, ноздри его слегка раздувались; он, как Тагги, ловил и классифицировал чуждые запахи.

Вдоль берега озера тропа, хорошо видная. В остальном место пустынное, словно ни один инопланетянин здесь раньше не бывал.

— Сюда! — Ланти указал на юг, в сторону от тропы. Говорил он почти шепотом, как будто подозревал, что они на вражеской территории. — В том направлении холм, с него хорошо видно базу.

— Но почему?.. — начала Чарис.

Спутник нетерпеливо нахмурился.

— Если первый ход сделан, вивернами или джеками, он нацелен на базу. Нас с Торвальдом нет, а одного Хантина ведьмы легко могут взять под контроль. И джеки могли захватить это

место, напасть неожиданно и уничтожить базу, как торговый пост.

Она пошла за ним, не задавая больше вопросов. На Деметре Чарис немало бродила с рейнджером; ей казалось, она умеет ходить по лесу. Но Ланти был в нем как дома, как Тагги. Он беззвучно переходил от одного укрытия к другому. Девушка с удивлением заметила, что внешне он никак не проявляет нетерпения, когда ее неловкость задерживала их. Она даже негодовала на эту его терпимость.

Чарис было жарко и очень хотелось пить. Она наконец поднялась на холм, куда ее привел Ланти. Законный обитатель норы в земле, на которую она наступила, наградил ее укусом, горло у нее пересохло, как в пустыне, когда они наконец легли рядом под укрытием кустов на вершине холма.

Под ними четыре купола базы, а чуть подальше — посадочное поле. С краю поля легкий коптер, на середине выжженного ракетами пространства — небольшой корабль. Разведчик Патруля, решила Чарис.

Внизу все очень мирно. Никто не двигался у зданий, а на открытом пространстве росли бледные туземные цветы Колдуна. И среди них несколько более ярких пятен говорят о том, что в качестве эксперимента высажены и инопланетные растения.

— Все выглядит нормально... — начала она.

— Все выглядит неправильно! — Его шепот звучал как гневный свист виверн.

Но на поверхности куполов нет следов бластера, как в торговом посту, вообще никаких признаков насилия. Однако Ланти явно встревожен, и Чарис принялась внимательнее разглядывать сцену внизу.

Сейчас середина дня, и все внизу выглядит сонным. Наверно, обитатели отдыхают. Чарис решила больше не спрашивать, а подождать, пока ее спутник не разъяснит своих подозрений.

Он заговорил негромко; возможно, скорее прислушивался к собственным мыслям, чем сообщал что-то Чарис.

— Антенна связи не поднята. Хантина не видно: обычно он в это время работает над своими скрещенными образцами. И Тоги... Тоги и детеныши...

— Тоги? — решилась спросить Чарис.

— Подруга Тагги. У нее двое детенышей, и они целые дни проводили на солнце на тех камнях. Им очень нравятся земляные личинки, а там их много. Тоги учила детенышей выкапывать их.

Но как он может так думать: если росомахи с детенышами нет на месте, значит, были неприятности? Потом Чарис вспомнила о двух других его наблюдениях: нет антенны связи и не видно никого из персонала. Но ведь это такая мелочь...

— Если все это сопоставить... — Ланти либо прочел ее мысли, либо с удивительной точностью думал в том же направлении, — и получишь ответ. На базе складываются привычки. Днем антенна у нас всегда поднята. Таков приказ, и нарушить его можно только в чрезвычайных обстоятельствах. Хантин экспериментировал, скрещивая туземные растения с инопланетными. Его очень интересуют гибриды, и все свободное время он проводит в саду. А Тоги предпочитает земляных червей: только клетка удержит ее от тех камней. А найти клетку, из которой она не смогла бы выбраться... — Он покачал головой.

— Так что же нам делать?

— Подождем сумерек. Если база пуста и коммуникатор исправен — и на то и на другое очень мала надежда, — мы сможем призвать помощь из космоса. А сейчас спускаться нет смысла. Ведь все подходы к базе открытые.

И в этом он прав. На пограничных планетах обычай требует расчищать пространство вокруг зданий, и здесь купола так же открыты, как и торговый пост. На большом расстоянии от четырех куполов и посадочного поля нет никаких кустов, вообще заметной растительности. Подойти можно только в открытую.

Ланти повернулся на спину и принялся смотреть на куст, под которым они лежали. Смотрел он так пристально, словно надеялся прочесть в путанице ветвей ответ на их проблемы.

— Тоги... — нарушила молчание Чарис. — Она похожа на Тагги? Ты можешь позвать ее? — Чарис не знала, чем поможет им росомаха, но попытаться связаться с ней — хоть какое-то действие, а теперь для нее бездействие непереносимо.

Ланти раздраженно ответил:

— А как по-твоему, что я стараюсь сделать? Но после рождения детенышей она стала не так восприимчива. Пока они ма-

ленькие, мы ее оставляли в покое. Не знаю, будет ли она теперь подчиняться командам.

Он закрыл глаза, свел брови. Чарис оперлась подбородком о руку. Насколько она может судить, база продолжает дремать на солнце. Покинута ли она на самом деле? Отправили ли ее обитателей в ту странную темноту виверны своей Силой? Или она разграблена джеками?

В отличие от пересеченной местности, избранной для поста Джаганом, здесь поверхность ровная, она не внушает опасений, кажется не представляющей угрозу. Или просто она вообще привыкла к пейзажам Колдуна, и они больше не кажутся ей такими чужими, как впервые, когда Джаган вывел ее из корабля? Давно ли это было? Недели назад? Месяцы? Чарис не могла определить, сколько времени провела с вивернами.

Но здесь Колдун прекрасен под янтарным небом и золотым солнцем. Аметистовые оттенки листвы великолепны. Пурпур и золото — королевские краски тех дней, когда Терра приветствовала царей и цариц, императоров и императриц. А сейчас бывшие терранцы расселились меж звезд, мутировали, приспособились, даже союзы планет образуются и изменяются, по мере того как поколения миграции все дальше и дальше уходят в пространство. Эндер Нордхолм родился на Скандии, но она сама никогда не видела эту планету. Ее мать родом с Брана, а сама Чарис может считать своей родиной Минос. Три очень далекие друг от друга и очень разные планеты. Но она совсем не помнит Минос. Ланти... Интересно, откуда родом Ланти.

Чарис повернула голову, разглядывая его, пытаясь определить расу и планету, которые соответствовали бы его имени и внешности. Но недостаточно особенностей для определения. Стать изыскателями могли уроженцы всех планет Конфедерации. Он может даже быть настоящим терранцем. То, что он изыскатель, означает, что у него определенный тип характера и он обладает рядом полезных навыков. А то, что у него еще ключ — символ посольства, свидетельствует, что у него есть и дополнительные способности.

— Бесполезно. — Он поднял руку, защищая глаза. — Если она там внизу, я не могу с ней связаться.

— А чем, по-твоему, она могла бы нам сейчас помочь? — с любопытством спросила Чарис.

— Может, ничем. — Но ответ показался девушке уклончивым.

— Ты командуешь животными? — спросила она.

— Нет. Изыскатели так животных не используют — как бойцов или диверсантов. Когда нужно, и Тагги и Тоги хорошие бойцы, но они скорее действуют как разведчики. Во многих отношениях их чувства острее наших; они за короткое время способны узнать больше в новой местности, чем любой человек. Но Тагги и Тоги прислали сюда в порядке эксперимента. После нападения трогов мы знаем, как они могут быть полезны...

— Слушай! — Чарис схватила его за плечо. Она распрямилась, прижалась к земле, склонила голову набок. Нет, она не ошиблась. Звук становится громче.

— Летательный аппарат! — подтвердил ее догадку Ланти. — Назад! — Он глубже заполз под нависающие ветви и потащил за собой Чарис.

Машина приближалась с севера, она не пролетал над ними. Когда она опустилась на посадочную полосу, Чарис увидела, что она больше коптера — вероятно, шестиместный транспорт трансконтинентального типа. Рассчитан на гораздо более дальние перелеты, чем коптер.

— Не наш! — прошептал Ланти.

Летательный аппарат остановился, и из него вышли два человека и целеустремленно направились к базе. Шли они так уверенно, что наблюдатели поняли: никакой неожиданности они не предполагают. Они слишком далеко, чтобы различить черты лица, но хоть форма их похожа на форму торговцев, Чарис такую все же никогда не видела. Черный и серебряный цвета Патруля, коричнево-зеленые оттенки изыскателей, серый и красный цвета медицинской службы, синий — администрации, зеленый — рейнджеров, красновато-рыжий — службы образования — все это она опознает с первого взгляда. Но эта форма светло-желтая.

— Кто это? — удивилась она. Услышав легкий возглас Ланти, добавила: — А ты знаешь?

— Кто-то... откуда-то... — Он покачал головой. — Что-то похожее видел, но не могу сейчас вспомнить.

— Разве у джеков бывает форма? Тот, которого я видела с бластером, был одет как вольный торговец...

— Нет. — Ланти хмурился все сильней. — Это что-то должно означать... Если бы я только мог вспомнить!

— Это не правительственная служба? — спросила Чарис. — Может, какая-нибудь планетарная организация, действующая в космосе?

— Не знаю, что это может быть. Смотри!

Из купола вышел третий. Подобно тем двоим из машины, на нем тоже был желтый мундир, а на воротнике и на поясе блестели знаки различия. Вторжение людей в форме на правительственную базу... Неожиданно Чарис пришла в голову дикая мысль.

— Шенн... может, началась война?

Некоторое время он не отвечал, а когда ответил, казалось, разговаривает сам с собой.

— Единственная война за последние столетия — война с трогами, а там внизу не троги! Я был здесь пять дней назад, и мы получали только самые обычные сообщения. Никакого предупреждения.

— Пять дней назад? — недоверчиво переспросила она. — Откуда мы можем знать, сколько прошло с того времени, как нас захватили виверны. Может быть, недели.

— Знаю, знаю. Все равно не думаю, что причина в войне. Просто не верю в это. А вот действия крупной компании... Если там решили, что есть чем поживиться... Если добыча достаточно велика...

Чарис обдумала его слова. Да, компании. Их постоянно проверяют, их действия расследуются, они подчинены правилам — насколько может все это поддерживать Конфедерация и Патруль. Но у них есть собственная полиция и выходящие за пределы закона методы, когда есть возможность уйти из-под контроля. Но что могло заставить одну из компаний прислать свою частную армию на Колдун? Какое сокровище тут можно добыть, прежде чем Патруль обнаружит незаконную деятельность?

— Но что здесь есть такого, что оправдывает их усилия? — спросила она. — Редкие металлы? Что?

— Только одно... — Ланти продолжал наблюдать за людьми внизу. Двое из летательного аппарата что-то обсуждали с тем, что пришел от куполов. Один из них пошел назад к машине. — Только одно может показаться им достаточно ценным.

— Что? — Чарис приходили в голову самые нелепые предположения. Джаган должен был знать о любом достойном внимания туземном продукте и упомянуть о нем.

— Сама Сила! Подумай, что значила бы такая тайна и как ее можно использовать на других планетах!

Он прав. Сила — достаточно серьезная цель, чтобы привлечь даже большие компании. И в таком случае они способны бросить вызов даже Патрулю. Догадка Ланти очень точно объясняет все увиденное, особенно когда она вспомнила, что и Джаган об этом упоминал.

— Нейтрализатор. — Она рассуждала вслух. — Это ответ на использование Силы против них. Но как они могли создать его, не зная ничего о Силе? Может, считают, что смогут с его помощью контролировать виверн и заставить выдать их тайны?

— Нейтрализатор может быть видоизменением чего-то хорошо известного. А что касается остального... Да, они могут считать, что с ведьмами покончено.

— А при чем тут джеки?

Ланти нахмурился:

— Не впервые компании используют крутых ребят в штатском и пытаются замаскировать свои действия, свалить вину на джеков и скрыться с добычей. Если их поймают, они джеки и больше никто. Если добьются успеха, компания выходит из укрытия, а они исчезают так же незаметно, как появились. Они, по-видимому, считают, что подавили всякое сопротивление, что ситуация у них под контролем. Теперь вызовут дополнительные силы для защиты ученых и техников, которые непосредственно и начнут изучать Силу. Все совпадает. Понимаешь?

— Но... если это действует компания... — Чарис замолчала. Впервые вполне поняла, что это для них означает.

— Начинаешь понимать? Джеки сами по себе — одно дело. Компания, охотящаяся за сокровищем, — совсем другое. — Го-

лос Ланти звучал мрачно. — У них совсем другие возможности. Сейчас я не поставил бы звезду против кометы, что у них здесь нет полного контроля.

— Может, они и считают, что все кометы у них на доске под контролем, — Чарис тоже использовала символы игры, — но остается еще несколько блуждающих звезд.

На его губах появилась легкая улыбка.

— Может, две таких звезды?

— Четыре. Не надо недооценивать Тссту и Тагги. — И она говорила серьезно, как ни странно это звучит.

— Четыре: ты, я, росомаха и кудрявая кошка — против мощи большой компании. Неплохие шансы, а, джентльфем?

— Пока игра не закончилась, шансы есть. Фигуры еще не сняты с доски.

— Да, игра не закончена. И мы еще можем выровнять положение. Не думаю, чтобы наши друзья внизу уже встречались с ведьмами Колдуна. Даже мы не знаем всех их возможностей.

— Надеюсь, у них осталось их немало, — ответила Чарис.

Только недавно виверны казались ей врагами. Теперь она от всей души желает им успеха. В войне — если их с Ланти догадка верна, — в войне они будут на стороне колдуний.

— Что мы можем сделать? — Она снова стремилась к действиям.

— Подождем. Когда стемнеет, я хочу немного посмотреть, что происходит внизу. Точнее, установить, кто против нас.

Он абсолютно прав, но как трудно ждать!

Глава 13

Они снова лежали рядом, наблюдая за базой. Машина улетела, оставив одного из пассажиров; тот вместе с офицером вернулся в купол. И снова база казалась пустынной.

— Этот корабль — разведчик Патруля, — сказал Чарис. — Неужели компания решится открыто выступить против Патруля?

— С хорошим прикрытием может рискнуть, — ответил Ланти. — Разведчик докладывает нерегулярно. Если понадобятся объяснения, компания заявит, что обнаружила базу покинутой, и всю вину свалит на виверн. Что я хотел бы знать — если это

действует компания, — откуда она узнала о Силе? Джаган о ней что-нибудь говорил?

— Да, упоминал однажды. Но в основном говорил о таких вещах, как ткани. — Чарис потрогала ткань своего платья, которое выносит трудный путь гораздо лучше формы Ланти. — Он надеялся на хорошую прибыль, но мне казалось, что его больше всего интересуют материалы.

— Он появился здесь, вопреки протестам Торвальда, — заметил Ланти. — Мы не могли понять, как он вообще получил лицензию так близко к границе.

— Может, и его компания использовала как прикрытие? Он сам мог об этом и не знать.

Ланти кивнул:

— Вполне возможно. Послать его сюда в качестве консервного ножа. Использовать его отчеты, так как наши недоступны. Впрочем, найдутся ли закрытые материалы, если ставка достаточно высока? — цинично закончил он. — Большие суммы кредитов поменяли владельцев в этом деле. Готов дать в этом клятву на крови.

— Но что ты сможешь сделать там, внизу? — спросила Чарис.

— Если коммуникатор не отключен и я смогу до него добраться, достаточно одного сигнала, чтобы пришла помощь. И эти торговцы с бластерами предпочтут, чтобы им под одежду забрались терранские осы!

— Ну, тут немало «если».

Ланти невесело улыбнулся:

— Жизнь полна «если», джентльфем. Много лет я ношу их пачками.

— Откуда ты, Шенн?

— С Тира. — Ответ короткий и окончательный.

— Тир, — повторила Чарис. Название ничего ей не говорит, но кто может запомнить тысячи планет, на которых поселились терранцы, укоренились, расцвели, принесли плоды и снова освободились, чтобы блуждать дальше?

— Планета шахт. Прямо — прямо вон там! — Он поднял голову и указал на север, где на небе появились яркие краски заката.

— А я родилась на Миносе. Но это мало что значит, потому что мой отец был учителем. Я жила на пяти... нет, на шести планетах. Деметра была седьмой.

— Учитель? — повторил Ланти. — Как ты тогда оказалась у Джагана? Ты просила о помощи. От чего?

Она коротко рассказала о Деметре и о своем вынужденном контракте.

— Не знаю, мог бы контракт удержать тебя у Джагана здесь, на Колдуне. На некоторых планетах он законный, но с помощью Торвальда ты бы его отменила, — заметил Ланти, когда она замолчала.

— Сейчас уже не важно. Знаешь, вначале Колдун мне совсем не понравился. Он меня испугал. Но теперь, даже после всего этого, я бы хотела на нем остаться. — Чарис удивили собственные слова. Она произнесла их импульсивно, но тут же поняла, что сказала правду.

— В соответствии с правилами, здесь никогда не будет поселения.

— Я знаю... Инопланетная разумная жизнь пятой категории. Мы от таких держимся в стороне. А вообще сколько их, виверн?

Он пожал плечами:

— Кто знает? На островах у них может быть несколько поселков, но мы бывали только на их главной базе, и то только с их разрешения. Возможно, ты знаешь о них больше нас.

— Эти сны, — задумчиво заговорила Чарис. — В чем тут можно быть уверенным? Могут ли самцы использовать Силу? Виверны уверены, что не могут. Но если они в этом правы, что может сделать компания?

— Последовать примеру Джагана и использовать женщин, — ответил он. — Но мы не знаем, правы ли виверны. Может, их самцы не могут «видеть истинну в снах», как они выражаются, но я-то видел, и Торвальд видел, когда при первом контакте они подвергли нас испытанию. Не знаю, смог ли бы я использовать диск или рисунок, как ты. Их контакты с другой жизнью всегда односторонние. Если бы они согласились попробовать по-другому...

— Слушай! — Девушка схватила его за руку. Рассуждения о будущем интересны, но сейчас нужны действия. — Что, если ты

используешь рисунок? Ты знаешь всю базу; ты сможешь незаметно оказаться везде, где захочешь. Лучший способ для разведчика!

Ланти смотрел на нее.

— Если бы получилось... — Она видела, что он загорелся. — Если бы только получилось!

Он разглядывал базу. Теперь купола отбрасывали длинные тени, хотя небо над головами оставалось ярким.

— Попробую свою каюту. Но как мне потом выбраться? Диска нет...

— Мы изготовим собственный или его эквивалент. Посмотрим. — Чарис выползла из-под ветвей. Начальный рисунок — его она может начертить на земле. Но вот вторая задача — извлечь Ланти оттуда... ему придется нести рисунок с собой. Как?

— Это можешь использовать? — Изыскатель сорвал с дерева широкий темный лист. Его пурпурная поверхность была гладкая, только в центре возвышение, и размером он с две ладони.

— Попробуй этим. — Он снова порылся в кармане пояса и достал небольшой заостренный стержень.

Чарис осторожно нарисовала узор, который открыл для нее много своих неожиданных особенностей с тех пор, как она впервые им воспользовалась. К счастью, линии на листе хорошо видны. Закончив, она протянула лист Ланти.

— Нужно действовать так. Вначале как можно отчетливей представь себе место, куда хочешь перенестись. Потом сосредоточься на этих линиях, проводи по ним взглядом, справа налево...

Он перевел взгляд с листа на базу.

— Они могут быть повсюду, — заметил он.

Чарис промолчала. Ланти знает местность лучше ее. Возможно, и ему не нравится бездеятельность. А если рисунок на листе сработает, он может побывать на базе и вернуться, и никто ничего не заподозрит. Да и вообще, если его увидят, зрелище человека, материализовавшегося ниоткуда, хоть кого приведет в замешательство, и Ланти успеет снова исчезнуть.

Выражение лица Ланти изменилось. Он принял решение.

— Пора!

Чарис в последнее мгновение заколебалась. Как уже было сказано, слишком много «если». Но у нее нет права разубеждать его и отговаривать.

Он скользнул по противоположному склону холма, так что холм отгородил изыскателя от базы, потом встал, держа лист в руке. Стиснул зубы, лицо его сосредоточенно застыло. Ничего не произошло. Ланти посмотрел на нее, лицо его стало мрачно.

— Ведьмы правы. У меня не действует!

— Может быть... — У Чарис появилась новая мысль.

— Они должны быть правы! Не работает!

— Может быть, причина в другом. Это мой рисунок, тот самый, что они дали мне вначале.

— Ты хочешь сказать, что рисунки индивидуальны... это различные коды?

— Разумно так считать. Ты знаешь их разукрашенную шкуру. На ней узоры, унаследованные от предков, но есть и индивидуальные, собственные. Они должны облегчить им использование Силы. И на дисках каждой из них свой рисунок. Наверно, поэтому они и работают.

— Тогда придется действовать более трудным способом, — ответил он. — Пойду в темноте.

— Могу отправиться я, если ты дашь мне точку опоры, как тогда, когда мы явились сюда.

— Нет! — Отказ прозвучал категорично; во всей позе изыскателя она читала упрямое несогласие.

— Тогда вместе, как пришли сюда?

Он взвесил лист в руке. Чарис понимала, что и на это он хочет ответить решительным «нет», но в ее втором предложении есть преимущества, которые он не может не увидеть. Она воспользовалась его нерешительностью. Конечно, ей совсем не хотелось отправляться в лагерь врага, но еще больше не хотелось оставаться одной и, возможно, стать свидетельницей пленения Ланти. По ее мнению, вдвоем, с использованием Силы, у них больше шансов, чем у Ланти одного.

— Мы можем попасть туда — и уйти — быстро. Ты ведь согласен, что это правда.

— Мне это не нравится.

Она рассмеялась:

— А что тут может нравиться? Но мы оба согласны, что это нужно сделать. Или просто будем сидеть здесь и ждать, что они сделают? — Конечно, так подталкивать его нечестно, но нетерпение ее так усилилось, что она боялась потерять над собой контроль.

— Ну хорошо! — Он рассердился. — Комната выглядит так. — Он опустился на колено и начертил план, коротко объясняя его. И потом, прежде чем она смогла пошевелиться, те же коричневые пальцы прижались к ее лбу, снова дали ей возможность увидеть туманную картину. Чарис вырвалась, разорвав контакт.

— Я тебе говорила — не это! Больше никогда! — Девушке совсем не хотелось вспоминать то страшное время, когда их сознания соединились, когда чуждые мысли ворвались в ее собственные мысленные ходы.

Ланти вспыхнул и отдернул руку. Тревога девушки и легкое отвращение были побеждены чувством вины. Ведь в конце концов он старается облегчить ее задачу.

— Я теперь представляю себе комнату так же ясно, как представляла это место, а сюда мы попали благополучно, — торопливо сказала она. — Пошли! — Она схватила его руку, и он сжал пальцы.

Вначале комната, потом рисунок. Это уже знакомый опыт, и она совершенно в себе уверена. Но теперь — ничего не произошло!

Она словно наткнулась на невидимую непроницаемую стену. Барьер, которым преградили ей раньше путь виверны? Нет. Она узнала бы тот барьер. Это что-то другое, другое ощущение.

Она открыла глаза.

— Ты почувствовал? — Возможно, Ланти сам не в состоянии осуществить перемещение; но они связаны, и, может быть, он тоже ощутил причину неудачи.

— Да. Ты знаешь, что это значит? У них есть нейтрализатор, он их защищает!

— И действует! — Чарис вздрогнула, смяла лист.

— Мы и так знали об этом, — напомнил он. — Ну что ж, пойду один.

Она не хотела признавать, что он прав, но пришлось. Ланти знает каждый дюйм базы, а она в ней чужая. У захватчиков могут быть другие средства безопасности, кроме нейтрализатора.

— У тебя даже нет шокера...

— Если попаду туда, это небольшое затруднение можно будет легко исправить. Нам нужно что-то большее, чем шокер. Это можешь сделать ты. Проберись на посадочную полосу. Если я смогу вернуться, мы используем коптер. Управлять умеешь?

— Конечно! Но куда мы полетим?

— К вивернам. Им нужно дать понять, кто против них. Мне надо найти доказательства, что это действия компании. Я согласен, что ведьмы могут не дать тебе перемещаться их способом, но ручаюсь, помешать коптеру прилететь на их главную базу они не могут. Нужно только добраться до них, и они узнают правду из нашего сознания, даже если не захотят.

Звучит просто. И Чарис приходится согласиться, что может получиться. Но все равно остается высокая преграда из многочисленных «если».

— Хорошо. Когда начнем?

Ланти пополз на их прежний наблюдательный пункт, она за ним. Осмотрев местность, он заговорил, но не ответил на ее вопрос.

— Ты обойдешь в том направлении, досчитаешь до ста после моего ухода. На полосе мы не видели охрану, но это не значит, что они не включили сигнализацию. Возможно, даже заминировали подходы.

Неужели он сознательно старается припугнуть ее?

— Сейчас нам пригодились бы росомахи. Их никакая сигнализация не обманет.

— Взвод Патруля тоже помог бы, — ядовито ответила Чарис.

Ланти не среагировал на ее насмешку.

— Я подойду с того направления. — Он указал на юг. — Будем надеяться на свои звезды. Удачи!

И исчез, прежде чем она успела мигнуть, растворился в кустах, как будто диск перенес его в Другое-Где. Чарис пыталась подавить растущее возбуждение. Она начала медленно считать. Несколько секунд ей еще слышалось негромкое шуршание, обозначавшее передвижение Ланти, потом — ничего!

У куполов никаких движений. Ланти прав: росомахи и Тссту сейчас пригодились бы. Чувства животных гораздо острее человеческих. Девушка подумала о бомбе, соединенной с детектором сигнализации, и собственное участие в операции начало казаться ей все менее и менее привлекательным. Коптер — слишком соблазнительная наживка: те, что внизу, должны его охранять! Может, считают, что подавили всякое сопротивление?

— ...девяносто пять, девяносто шесть... — считала Чарис, надеясь, что делает это медленно. Всегда легче действовать, чем лежать и ждать. —...девяносто девять, сто! — Она поползла по склону, начиная собственный маршрут. Достаточно светло, поэтому она придерживалась укрытий, замирала в каждой тени, изучая следующие несколько футов или ярдов пути. И, чтобы не выходить из укрытий, пришлось двигаться не по кругу, а по сегментам овала. Во рту у Чарис пересохло, в отличие от влажных рук; сердце тяжело колотилось.

Она нашла ветку, старую и хрупкую, но для ее целей подойдет. Детекторы обычно настраивают так, что они должны обнаружить подходящего вот на такой высоте — на уровне колена идущего человека или чуть ниже. Подумали ли они, что можно подползти? Ну хорошо, для страховки — Чарис нарвала листьев. И с помощью прочных вьюнков привязала их к своей ветке.

Довольно грубое приспособление для обнаружения детекторов, но все равно хоть как-то увеличивает ее шансы. Теперь она продвигалась вперед еще медленнее, проверяя каждый фут пути.

Ветку трудно удержать в потных руках, плечи болят от необходимости удерживать ее на нужной высоте. Несмотря на все усилия, она почти не приближается к цели. Между ней и коптером как будто полконтинента.

Пока никаких детекторов. И когда-то этому должен наступить конец. Чарис замерла, чтобы передохнуть. Ни звука не доносилось со стороны куполов, никаких признаков охраны, живой или механической. Неужели захватчики считают, что им нечего опасаться, и не выставили часовых?

Растущая уверенность не должна приводить к беззаботности, говорила себе Чарис. У нее рука еще не лежит на дверце коптера. Да, может быть и так! Сама машина может быть превращена

в ловушку! Но если так, сможет ли она обнаружить эту ловушку и обезвредить ее?

Все в свое время, все в свое время...

Она снова подняла ветку, когда легкий ветерок донес слабый запах. Росомаха! Чарис знала, что эти животные в возбуждении — страхе или гневе, это ей неизвестно, — испускают острый запах. Может, тут проходила Тоги с детенышами?

Может ли Чарис установить контакт с самкой росомахой? Ведь та ее не знает. Ланти сегодня сказал, что после рождения детенышей Тоги стала менее восприимчива к общению с людьми и к контролю. Росомахи — хорошие охотники, они знакомы с местностью. Может, Тоги охотится?

Чарис принюхалась, надеясь определить направление. Но запах очень слабый. Вероятно, на траве или листьях задержался след давнего прохода рассерженной росомахи. Недалеко, слева, патрульный корабль. Девушка на краю посадочной полосы. Чарис пошевелила перед собой собственным детектором и поползла дальше.

Крик, рычание, что-то забилось слева в кустах. Второй крик, сменившийся ужасным бульканьем.

Чарис прикусила язык, сдерживая собственный крик. Широко раскрытыми глазами смотрела она на качающийся куст. Еще один крик. На этот раз не тонкий, полный страха. И неожиданно несколько фигур появились на открытом месте, побежали к кусту. Когда они приблизились, Чарис смогла лучше разглядеть их.

Не инопланетяне, которых они с Ланти наблюдали с холма. Виверны? Нет.

Вторично Чарис подавила крик. Потому что у бегущих фигур копья, такие же, как найденное ими с Ланти на посту. Они выше виверн, знакомых Чарис, гребень на голове и жесткая поросль на плечах ниже, напоминая не крылья, а щетину. Виверны-самцы, которых Чарис ни разу не видела, находясь среди колдуний!

Их крик резал Чарис нервы, причинял боль ушам. Двое погрузили копья в затихший куст.

Крик сзади, со стороны куполов. Несомненно, человеческий. Слов Чарис не разобрала, но среди вивернов началось смятение. Двое в тылу остановились, оглянулись. Услышав вто-

рой крик, они повернули и быстро побежали в том направлении. Передние достигли куста, вытянули вперед копья. Один из них крикнул. Снова слова непонятны, но, судя по тону, разочарование и гнев.

Они скрылись из виду, потом показались снова. Двое несли между собой обвисшее тело. Кто-то из них убит неизвестным противником. Тоги?

Но у Чарис не было времени думать об этом. Со стороны куполов послышался новый крик, и все, кроме вивернов, несущих тело, побежали туда.

Ланти. Неужели они обнаружили Ланти?

Глава 14

Виверны-самцы ушли с посадочной полосы. Чарис могла продолжить путь к ждущему коптеру. Ланти придумал практичный план: на коптере добраться до ведьм. Ланти?

Чарис потерла руки и постаралась спокойно подумать. Что-то случилось у куполов: логично связать этот шум с попыткой Ланти проникнуть к врагам. Возможно, сейчас он в плену. Или еще хуже.

Но если она захватит коптер сейчас, когда внимание часовых отвлечено, возможно, это ее лучший шанс на спасение, хотя она и покинет человека, который, может быть, встревожил захватчиков, но в руки к ним не попал.

Выбора нет. В глубине души Чарис понимала, что его и не было. И теперь, во время последнего испытания, она чувствовала себя такой измученной, словно носители копий захватили ее в неравной схватке. Но она встала и побежала к коптеру.

Раскрыв дверцу кабины, Чарис остановилась. Она ожидала взрыва. Ничего не произошло. Она забралась внутрь и села за приборы управления. Пока все в порядке. Теперь — куда?

Крепость на западе — это все, что ей известно. Но море широкое, а она никогда не летала туда по воздуху, как Ланти. Может, воспользоваться в качестве указателя барьером, который мешает ей применять Силу? Слабый шанс, но все же шанс.

Чарис настроила приборы, приготовилась к крутому подъему и нажала нужную кнопку. Ее отбросило назад в кресле пилота.

Коптеры не предназначены для таких резких маневров. Но крутой подъем сразу уведет ее с посадочной полосы, и, может быть, ее не заметят.

Она глотнула и попыталась справиться с головокружением. Купола превратились в небольшие серебристые круги, едва видные в сгущающихся сумерках. Чарис установила курс на север и поставила коптер на автопилот, пытаясь обдумать, как точнее использовать барьер.

Как проследить ничто? Пытаться проникнуть, пока не обнаружишь стену между собой и целью? Она знает, что остров виверн расположен к северу от правительственной базы, к югу от поста Джагана, и у нее нет даже луча коммуникатора, чтобы точнее определить положение.

Внизу, едва видимый, показался берег, неровная линия между сушей и морем. Рисунок. У нее должен быть рисунок! Чарис осмотрелась. Здесь нет листьев, нет ни земли, ни камня. Крышка коробки с припасами слева от нее? Чарис запустила туда руки и высыпала содержимое.

Пакет питательных таблеток. Она быстро переложила его в карман пояса. Сумка первой помощи, больше и с лучшим набором содержимого, чем у Ланти. Чарис радостно принялась рыться в ней в поисках стерильного карандаша. Его не было, зато нашелся большой тюбик с той же краской. И наконец большой лист пластопокрытия. На таких чертят карты. Поверхность его шероховатая: его много раз использовали, а потом стирали рисунок.

Подойдет, если она найдет, чем писать. Снова Чарис порылась в пакете и на самом дне нащупала тонкий цилиндр. И достала огненную трубку. Она бесполезна. А может, и нет?

Она лихорадочно настроила шкалу на самый слабый луч, прижала конец трубки к листу пластакожи. Весь лист может вспыхнуть. Но карты должны не поддаваться не только влаге, но и жаре. Однако эта использовалась в прошлом, может быть, слишком часто. Чарис быстро чертила, опасаясь допустить ошибку. Коричневые полоски глубоко врезались в поверхность, они слегка расплывались, но их хорошо видно.

Чарис выключила трубку и принялась разглядывать, что у нее в руках. Да, расплывчато, но различимо. У нее неплохая замена диска.

Теперь попробовать. Она закрыла глаза. Комната в Крепости — сосредоточься! Барьер! Но в каком направлении? Она знает только, что этот барьер по-прежнему существует. Ее идея о поиске направления с его помощью как будто провалилась. Но нельзя сдаваться после первой попытки.

Комната — рисунок — барьер. Чарис открыла глаза. Голова ее слегка повернута влево. Это ключ? Она может испытать его? Она отключила автопилот и изменила курс, направив машину от берега в глубь суши. Море не видно, внизу только темная суша. Чарис снова развернула коптер и направилась назад.

Комната — рисунок... Голова ее снова повернута налево, но ненамного. Хоть и не очень надежный указатель, придется им воспользоваться. Снова изменив курс машины, нацелив ее на воображаемую точку, Чарис повела коптер в море.

Рисунок... попытаться. Она смотрела прямо вперед, когда встретила непроницаемую преграду. О, только бы она оказалась права!

Чарис понятия не имела, далеко ли она от острова виверн. Коптер способен летать далеко, но острова могут находиться во многих часах полета. Она увеличила скорость и приготовилась терпеливо ждать.

Низко над горизонтом звезды. Нет, это не звезды! Слишком низко. Огни! Огни на уровне моря. Крепость! Чарис испытала Силу и словно на полной скорости налетела на стальную стену. И ахнула от физической боли столкновения.

Но коптер никакой преграды не встретил. Он продолжал приближаться к огням.

Чарис не знала, что сделает, добравшись до Крепости. Но она должна предупредить, а Сила поможет вивернам понять, что она говорит правду. Но, даже предупрежденные, что смогут сделать ведьмы? Они только замедлят свою гибель, если откажутся от нападения, которое уже подготовили.

Огни оказались окнами массивной Крепости. Верхние окна находились почти на уровне коптера. Чарис взяла на себя управление и обогнула здание в поисках ровной площадки для

посадки. И увидела такую площадку, словно специально для нее подготовленную.

Когда коптер коснулся поверхности, Чарис увидела второй такой же коптер. Итак, второй изыскатель, Торвальд, еще здесь. Он станет ее союзником? Или он теперь пленник, спрятан в таком несуществовании, в каком был Ланти? Ланти... Чарис попыталась подавить мысли о Ланти.

Она держала при себе пластакожу. Вокруг стены без дверей, без перерывов, а окна высоко, по крайней мере на этаж выше ее. Огни, которые привлекли ее к этой площадке, горят на столбах. Итак, виверны ожидали ее. Но здесь никто не ждет. Она может оказаться в ловушке.

Чарис кивнула. Это часть того, что обещала ей бледная виверна. Она должна все делать сама, своими усилиями. Ответ надлежит добыть ей.

Так сказала бледная виверна, поэтому ей и следует доставить ответ. Чарис держала пластакожу обеими руками, чтобы видеть рисунок в мерцающем свете ламп. Острый гребень, бледная кожа с едва заметным рисунком — Чарис извлекала из памяти внешность виверны, создавала изображение, чтобы сосредоточиться на нем, пока не были восстановлены все подробности. А потом...

— Итак, ты все-таки можешь видеть сны целенаправленно. — Не удивление, а констатация факта в виде приветствия.

В комнате темно. По обе стороны стола горят две лампы, но дают мало света, и Чарис чувствует, что за тем местом, где она стоит, большое пустое пространство. Виверна сидит в кресле с высокой спинкой, по креслу пробегают разноцветные полоски, оно само словно живет своей особой жизнью.

Ведьма удобно откинулась, положила руки на ручки кресла, оценивающе разглядывая Чарис. Девушка нашла слова ответа.

— Да, я видела сон, мудрая, и потому стою здесь.

— Верно. И зачем ты стоишь здесь, видящая сны?

— Чтобы предупредить.

Вертикальные зрачки больших желтых глаз сузились, голова чуть поднялась, Чарис ясно ощутила отказ.

— У тебя есть оружие против нас, видящая сны? Ты многого добилась с тех пор, как стояла перед нами. Какой силой обладаешь ты, чтобы говорить нам: «Я вас предупреждаю»?

— Ты неверно поняла мои слова, мудрая. Я предупреждаю вас не о себе, а о других.

— И в этом ты взяла на себя больше, чем имеешь права, видящая сны. Ты прочла свой ответ у Тех-Кто-Ушел-Раньше-Нас?

Чарис покачала головой:

— Нет. Ты все еще неверно понимаешь меня, читающая рисунки. В том, что приближается, мы видим один сон, а не противоположные.

Глаза внимательно разглядывали ее, казалось, проникали в сознание.

— Правда, что ты сделала больше, чем мы считали возможным, видящая сны. Но ты не едина с нами в Силе, только в том, что мы дали тебе. Почему ты утверждаешь, что мы должны увидеть один и тот же сон?

— Потому что иначе снов вообще не будет.

— Ты действительно в это веришь. — Не вопрос, а утверждение.

Однако Чарис быстро ответила:

— Да, верю.

— Значит, с нашей последней встречи ты научилась не только преодолевать нашу преграду. Что еще ты узнала?

— Что инопланетяне сильнее, чем мы считали, что у них есть средство уничтожать сны и защищать их самих, что они стремятся захватить Силу, чтобы использовать ее в своих целях в других местах.

Снова слабое покалывание, проникновение в сознание. Проверка, насколько правдивы ее слова. Потом:

— Однако ты не вполне в этом уверена.

— Не вполне, — согласилась Чарис. — Каждый рисунок состоит из линий. Поэтому, если давно знаком с рисунком и видишь только его часть, можешь представить себе все остальное.

— И ты раньше знала этот рисунок?

— Я слышала о нем, и слышал Ланти.

Допустила ли она ошибку, упомянув об изыскателе? Судя по холоду, охватившему сознание, так и есть.

— Какое отношение к этому имеет мужское существо? — Свистящий гневный вопрос.

Чарис тоже рассердилась.

— Очень большое, мудрая. Возможно, он погиб в войне с врагом — вашим врагом!

— Как это возможно, если он... — Мысленная цепочка, соединявшая их, прервалась на половине фразы. Желтые глаза закрылись. Ощущение ухода было таким сильным, что Чарис ожидала: виверна вот-вот исчезнет из кресла. Однако она продолжала сидеть в нем, хотя сознание ее явно находилось в другом месте.

Минуты тянулись бесконечно, потом Чарис увидела, что виверна возвращается. Пальцы сжали ручки кресла. Желтые глаза открылись, их взгляд устремился к девушке, хотя в нем все еще не было сознания.

Чарис решила попробовать.

— Ты не нашла его, мудрая, там, куда вы его отправили?

Ответа нет, но Чарис уверена, что виверна поняла ее.

— Его там нет, — продолжала девушка, — и нет уже какое-то время. Я сказала правду, он был занят вашими делами в другом месте. И, возможно, пострадал.

— Он не мог освободиться сам. — Руки виверны разжались. Чарис показалось, что ведьма раздражена тем, что выдала свое возбуждение. — Не мог. Он всего лишь мужское существо...

— Но он также по-своему видящий сны, — прервала Чарис. — И хотя вы стремились изолировать его, устранить от борьбы, он вернулся — но не для войны с вами, а для борьбы с теми, кто вам угрожает.

— Какие сны у тебя были, что ты смогла это сделать?

— Не только мои сны, — возразила Чарис. — Его сны тоже, и сны других все вместе как ключом открыли его тюрьму.

— Приходится поверить в это. Но не понимаю причины такого поступка.

— Причина известна тебе и тем, кто делит с тобой сны. Послушай. — Чарис передвинулась к столу, протянула руку. — Похожа ли я на тебя? Есть ли у меня на коже рисунки снов? Но я вижу сны. Разве не могут мои сны отличаться от твоих, как от-

личается тело? Может быть, даже Сила, которую я использую, не та же самая.

— Слова...

— Слова, за которыми действия. Вы отослали меня и сказали, чтобы я освободилась с помощью снов, если смогу. Я смогла. Потом вместе с Шенном Ланти увидела во сне выход из более прочной тюрьмы. Ты веришь, что я все это сделала?

— Верю? Нет, — ответила виверна. — Но Сила всегда различается, колеблется. И у Читающих-по-Стержням был ответ для тебя, когда мы вызвали Тех-Кто-Был-Некогда. Хорошо, я признаю, что ты говоришь правду. Теперь расскажи, что ты считаешь правдой, но для чего у тебя нет исчерпывающих доказательств.

Чарис рассказала об открытиях на базе и о предположениях Ланти.

— Машина, которая нейтрализует Силу, — вернула ее к прежней теме виверна. — Ты веришь, что она существует?

— Да. Что, если ее используют против вас, прямо в этой Крепости? Ваши сны не будут действовать. Как сможете вы бороться против смертоносного оружия пришельцев?

— Мы знали, что наши сны не могут тревожить этих незнакомцев, — задумчиво говорила виверна. — Не могут вернуть в нужное место нарушителей закона. — Теперь в ее голосе звучал гнев. — Но что они могут отобрать у нас Силу... нет, об этом мы не думали.

Чарис испытала облегчение. Последнее признание изменяет ее статус. Ее словно снова допускают в ряды виверн.

— Но они не понимают, что мужские существа не могут использовать Силу.

— Ланти может, — напомнила Чарис. — А как же его друг, которого ты знаешь? Торвальд?

Колебание, затем вынужденный ответ:

— Он тоже — немного. Ты считаешь, что и у других, не нашей крови и кости, может быть такая способность?

— Неужели так трудно это принять?

— И что ты предлагаешь, видящая сны? Ты говоришь о войне и битвах. Нашим единственным оружием всегда были сны, а те-

перь ты говоришь, что они нам ничего не дадут. Так каков твой ответ? — Снова враждебность.

А у Чарис нет ответа.

— То, что делают эти пришельцы, противоречит нашему закону и направлено против твоего народа. Есть такие, кто может прийти нам на помощь.

— Откуда? Со звезд? И как их позвать? Сколько им потребуется времени, чтобы прибыть?

— Не знаю. Но у вас есть этот человек, Торвальд, а он знает все ответы.

— Кажется, ты, видящая сны, считаешь, что я, Гидайя, могу отдавать здесь любые приказы, делать что хочу. Но это не так. У нас совет. И есть среди нас такие, кто не станет слушать твою правду. Мы с самого начала разделились в этом деле, а чтобы отговорить от нападения, теперь потребуются длительные убеждения. Встанешь ли ты открыто рядом со мной, если убедить не удастся?

— Понимаю. Но ты сама сказала, мудрая, что времени мало. Позволь мне поговорить с Торвальдом, если он здесь, и узнать у него, как призвать на помощь из космоса. — Не зашла ли она слишком далеко в своей просьбе?

Гидайя ответила не сразу.

— Торвальд заперт прочно... — Она помолчала и добавила: — Но теперь я сомневаюсь в прочности любых дверей и запоров. Хорошо, можешь пойти к нему. Я могу сказать тем, кто против этого, что ты присоединилась к нему в заключении.

— Как хочешь. — Чарис заподозрила, что Гидайя выдаст это за уступку партии, настроенной против инопланетян. Но она очень сомневалась в том, что виверна считает, будто ее можно удержать Силой.

— Иди!

По крайней мере, Торвальда не отправили в пустоту, которая служила тюрьмой Ланти. Чарис стояла на пороге обычной спальни Крепости. Единственное отличие от ее прежней комнаты — отсутствие окна. На груде матрацев лежал человек. Он тяжело дышал. Повернув голову, он что-то произнес, но девушка не разобрала слова.

— Торвальд! Рагнар Торвальд!

Бронзово-желтая голова не поднялась с матрацев, но глаза раскрылись. Чарис опустилась на колени рядом с мужчиной.

— Торвальд!

Он опять что-то произнес. Сжал руку в кулак и ударил ее по руке. Сон? Естественный? Или фантазия, внушенная виверна-ми? Но она должна его разбудить.

— Торвальд! — Чарис позвала громче, взяла его за плечи и потрясла.

Он снова ударил ее, отбросил к стене, потом сел, открыл наконец глаза, дико осмотрелся. Увидев ее, напрягся.

— Ты реальная — мне кажется! — Вначале уверенное утверждение, потом сомнение.

— Меня зовут Чарис Нордхолм. — Она присела у стены, потирая руку. — И я реальна. Это не сон.

Да, не сон, но худшая из неприятностей. И есть ли у Торвальда ответы на самом деле? Она надеялась на это.

Глава 15

Он очень высок, этот офицер-изыскатель, возвышается над ней. Чарис сидела на матраце, скрестив ноги, а он расхаживал взад и вперед по комнате, задавая очередной вопрос или заставляя повторить часть ее рассказа.

— Очень похоже на действия компании, — наконец высказал он свое суждение. — А это значит, что они очень уверены в себе. Считают, что у них все схвачено. — Он говорил не с ней, а словно про себя. — Сделка... должно быть, заключили сделку!

Чарис догадалась, что он имеет в виду.

— Думаешь, они убедили кое-кого закрыть глаза?

Торвальд пристально, почти неприязненно взглянул на нее.

Коротко кивнул.

— Не с нашей службой! — рявкнул он.

— Но ведь Патрулю они не смогут сопротивляться. Если ты сумеешь послать сообщение.

Он мрачно улыбнулся:

— Вряд ли. Единственный аппарат связи с космосом на базе, а судя по твоему рассказу, база принадлежит им.

— На поле стоит корабль Патруля. На нем должна быть своя связь, — указала девушка.

Торвальд потер рукой подбородок, его невидящие глаза были устремлены на голую стену комнаты.

— Да, этот патрульный корабль...

— Они даже не охраняли коптер.

— Значит, не ожидали неприятностей. Вероятно, решили, что весь штат базы у них в руках. Теперь будет по-другому.

Она понимала, что он прав. Захватив Ланти — она уверена, что именно это произошло, — и видя, как она улетает на коптере, они насторожатся. Если раньше корабль Патруля не охранялся, то теперь, Чарис не сомневалась, он под постоянной охраной.

— Что же нам делать?

— Зависит от того, что они сделали с Ланти.

Или от того, молча добавила Чарис к словам Торвальда, жив ли он.

— Они знают, что у него остался по меньшей мере один сторонник. Ведь кто-то улетел в коптере. Они могут просканировать Ланти, а у него нет защиты.

Чарис обнаружила, что у нее дрожат руки. Внутри похолодело и засосало, холод разлился по всему телу. Торвальд всего лишь объективен, но она поняла, что сама не может быть такой, когда человек, о котором они говорят, нечто большее, чем просто имя, — живая личность, которая почему-то стала ей ближе всех. Она не замечала, что изыскатель молчит, пока он не опустился рядом с ней, положил свои руки ей на руки.

— Мы должны смотреть в лицо правде, — негромко сказал он.

Чарис кивнула, выпрямилась и подняла голову.

— Я знаю. Но я ушла, а он...

— Ты поступила единственным разумным образом. Он это знает. И еще кое-что. Этот самец вивернов. И животное, на которое напали в кустах... Ты считаешь, это была Тоги?

— Я перед этим уловила ее запах. И один из вивернов был убит или серьезно ранен.

— Поэтому они могут считать, что мы не одни. И станут вдвойне осторожнее. Животные действуют вместе со своими

хозяевами, это все знают. И всем известно, что они фанатично верны хозяевам. Ланти два года заботился об этих росомахах. На базе его могут держать ради контроля над животными.

Верит ли он сам в это? Или просто старается утешить ее, сделать так, чтобы она не испытывала чувства вины?

— Теперь этот нейтрализатор. — Торвальд снова встал и принялся беспокойно расхаживать. — Пока он у них есть, они словно в крепости. И сколько еще они будут ждать? Если проследили полет коптера, то знают...

— Куда нацелить нападение? — закончила за него Чарис, впервые поняв всю возможную опрометчивость своего поступка.

— У тебя не было выбора, — сразу понял ее чувства Торвальд. — Важно было предупредить. А так как виверны установили барьер, другим путем ты не могла до них добраться.

— Да, но есть способ вернуться на базу. — Чарис напряженно думала. Сумасшедший, дикий план, но может сработать. Торвальд слушал ее внимательно.

Шиха! Чарис мысленно вернулась в свою первую ночь на Колдуне, увидела женщину, которую контакт с вивернами привел к безумию.

— Захватчики знают, что Джаган привез меня сюда, — начала Чарис. — И что я ушла с торгового поста под контролем виверн. Это они могут проверить. Возможно, у них даже есть запись моей просьбы о помощи. Но, наверно, они не подозревают, что это именно я увела коптер. Или если знают — что они знают о Силе? Знают, что с ее помощью виверны контролируют своих самцов. И решат, что я была под контролем виверн, когда захватила коптер.

— Предположим, я дам им понять, что сбежала и направилась назад, на базу, потому что решила, что там буду в безопасности. Я буду действовать как Шиха.

— А если они поместят тебя под сканнер? — хрипло спросил Торвальд. — Или уже узнали от Ланти, что ты можешь сделать с помощью Силы?

— Если они знают об этом, то не захотят применять сканнер. Не сразу. Им потребуются демонстрации моих способностей, —

возразила Чарис. — Знать слишком много они не могут. Что ты сообщил? Твои сообщения, должно быть, и привели их сюда.

— Сообщения? Что мы в них говорим, кроме самых общих мест? У нас приказ не торопиться в делах с ведьмами. Они помогли нам уничтожить здесь базу трогов — собственно, сами сделали это. Вначале они не торопились дружить с нами. Согласие на переговоры исходило с их стороны, но контакт был установлен на очень непрочном основании. Не понимаю, откуда этот нейтрализатор. Из наших отчетов невозможно извлечь сведения, чтобы построить его. Мы сами знаем недостаточно. Может, эта машина — модификация чего-то известного, и они привезли ее с собой в качестве эксперимента. Тогда их эксперимент удался, даже слишком!

— Но в таком случае они не очень хорошо знакомы с Силой и с тем, как она действует, — вернула его Чарис к своему предложению.

— Согласен. Они подчинили себе каким-то образом самцов. Но те никогда не могли видеть сны и использовать Силу. Исследователи компании должны лишь смутно представлять себе, как действует Сила.

— Значит, я могу что-нибудь рассказать им о Силе, а проверить они не смогут?

— Если не используют сканер, — напомнил он.

— Но если имеешь дело с проблемами сознания, нельзя уничтожать мозг, — возразила Чарис. — Говорю тебе: если к ним придет беженка от виверн и согласится им помогать, они не станут подвергать ее опасности. Захотят, чтобы я рассказала добровольно.

Торвальд смотрел на нее.

— Существует не один вид Силы, — медленно сказал он. — И если они заподозрят, что ты ведешь двойную игру, не колеблясь используют любые средства, чтобы тебя сломать и узнать, что им нужно. Компания в таком случае торопится, и ее агенты действуют безжалостно.

— Ну хорошо. А каков твой ответ? Кажется, у меня лучшие шансы попасть на базу на моих условиях. Есть ли у тебя или у ведьм выбор? Если попытаешься проникнуть на базу, как Шенн, тебя ждет та же участь.

— Да.

— А я представляю нечто им нужное — инопланетянка с опытом использования Силы. В этих обстоятельствах у меня неплохие возможности подобраться к нейтрализатору. И если я смогу вывести его из строя, ведьмы сделают все остальное. А так виверны подозревают и нас, просто потому что мы с другой планеты.

— А как ты убедишь виверн, что будешь действовать против собственного рода?

— Они читают мои мысли с помощью Силы. Правду от них не скрыть. Без поддержки целой армии — а ее у нас нет, — назад базу не отберешь. А кто-то должен сделать шаг, опередить захватчиков.

— Ты не знаешь, на что они способны... — начал Торвальд.

Чарис встала.

— За мной люди уже охотились. Можешь не рассказывать мне о жестокости. Но пока я представляю хоть некоторую ценность для них, меня будут сохранять. И я считаю, что сейчас я твой единственный ключ.

Девушка на секунду закрыла глаза. Это страх, внутренний озноб. Да, она знает, каково столкнуться с враждебностью; она убегала от нее. А теперь должна беззащитной идти туда, где ее могут ждать самые страшные пытки, какие только может подсказать воображение. Но это шанс. Она знает это со времени разговора с Гидайей. Возможно, постоянное использование Силы вырабатывает уверенность. Но ведь на базе она не сможет пользоваться Силой: помешает нейтрализатор. Придется рассчитывать только на свой ум и удачу. Или будет еще что-то? У базы бродят росомахи: Тоги и ее детеныши, — они свободны и охотятся на стражников-чужаков. У Чарис не было контакта с Тоги, но с Тагги она была едина в том странном поиске Ланти. И с Тссту тоже. Где сейчас животные?

— У тебя еще что-то есть на уме? — Вопрос, должно быть, вызван ее изменившимся лицом.

— Тссту и Тагги... — начала она и объяснила подробнее.

— Не понимаю. Ты говорила, что их с тобой не было в Пещере Завес и позже.

— Да, но они ответили на мой призыв. Не думаю, что они заключены в каком-то месте сна. Может быть, какое-то время бродили сами по себе после того, что произошло. Это было пугающее испытание. — Чарис вспомнила коридор, открытые двери, через которые на нее обрушились мысли Ланти, и снова вздрогнула. — Может, они бежали от того, что помнили.

— Значит, они могут вернуться?

— Думаю, да, — просто ответила Чарис. — Между нами прочная связь. Возможно, она никогда не ослабнет. И если я их найду, у меня появятся союзники, о которых на базе и не подозревают.

— А если нейтрализатор прервет ваш контакт? — настаивал Торвальд.

— Если я встречусь с ними до появления на базе, они будут знать, где я и что нужно делать.

— У тебя на все есть ответы! — Собственное признание ему не нравилось. — Ты собираешься одна идти в логово врага. Пружина захлопнется, и все?

— Может, я не смогу это сделать. Но мне кажется, другого решения нет.

— Снова ты верно прочла рисунок, видящая сны!

Они удивленно оглянулись. В комнате стояла Гидайя и с ней Гисмей.

Торвальд раскрыл рот, потом снова закрыл. Поджатые губы говорили, что он понимает необходимость сохранять молчание, но негодует.

— Вы убедились, что так нужно действовать? — спросила Чарис у виверн.

Движение плеч Гисмей соответствовало человеческому пожатию.

— Я, держательница Верхнего Диска, согласна с теми, кто делит со мной сны. Ты, которая не вполне нам чужая, веришь, что так нужно сделать. И согласна взять дело в свои руки. Да будет так. Но мы ничем не можем тебе помочь, потому что зло, принесенное в наш мир, окружило нас стеной. Мы не можем ее пробить.

— Да, когда я окажусь там, вы не сможете мне помогать. Но кое-что можете сделать раньше.

— Что именно? — спросила Гисмей.

— Найти Тссту и Тагги и вызвать их ко мне.

— Тссту обладает некоей силой, но можно ли ее вызвать... — Старшая виверна колебалась. — Но когда кто-то идет в логово двоехвоста без диска в руках, нельзя отказывать ни в какой просьбе. Да, мы поищем маленького зверька и второго, который служит человеку. Возможно, мы сможем сделать и больше, используя их как орудие...

Гисмей энергично кивнула:

— Хорошая мысль, Читающая-по-Стержням! Ее стоит использовать. Мы можем начать действия, чтобы чужаки были заняты, не думали бы только о тебе и о том, что ты среди них делаешь. Ходить по их комнатам мы не можем, но можем видеть. — Она не стала объяснять.

Повернувшись к Чарис, Торвальд вмешался:

— Я пойду с тобой — в коптере!

— Нельзя! — возразила Чарис. — Я не полечу в коптере. Я должна прийти так, словно заблудилась...

— Я ведь не сказал, что мы высадимся на базе. Но я буду возле базы, достаточно близко, чтобы вмешаться, когда потребуется. — Он сказал это вызывающе, сердито глядя на виверн, словно сопротивлялся их воле.

Когда потребуется, подумала Чарис. Скорее — если потребуется.

— Хорошо, — ответила Гидайя, хотя Гисмей слегка шевельнулась, словно собралась возразить. — Возьми свою машину и лети — в то место...

В сознании Чарис мгновенно возникла картина плоской скалы, природной посадочной площадки.

— Примерно в миле от базы! — воскликнул Торвальд. Он, должно быть, тоже уловил эту картину и узнал место. — Мы подлетим с юга, ночью, без посадочных огней. Я посажу коптер без труда.

— А Тссту и Тагги? — спросила Чарис у виверны.

— Они присоединятся к вам. Теперь идите.

Чарис снова оказалась на площадке, где ждали два коптера, но этот раз с ней был Торвальд. Девушка направилась к машине, в которой прилетела, но изыскатель схватил ее за руку.

— В моем, не в этом. — И повел ее к другому коптеру. — Если заметят его посадку, решат, что я вернулся и прячусь. Не свяжут с тобой.

Чарис согласилась, что это разумно. Торвальд сел за управление, а она сзади. Они поднялись прыжком, который лучше слов говорил о нетерпении Торвальда. И полетели под ночным небом над океаном.

— У них может быть поисковый луч, — сказал Торвальд, не отрывая рук от приборов. — Попробуем укрыться. Но придется лететь кружным путем. На север, потом на запад, потом с юга...

Путь действительно оказался долгим. Глаза Чарис сами собой смыкались. Несмотря на скорость машины, внизу продолжало расстилаться блестящее ночное море. Трудно было смириться, что приходится лететь от цели, а не прямо к ней.

— Откинься. — Голос Торвальда звучал негромко и ровно. Он полностью овладел собой. — Поспи, если сможешь.

Спать? Как можно спать, когда впереди такая задача?

Спать... да это... невозможно...

Тьма, густая, непроницаемая тьма. Непроницаемая? Что это значит? Тьма, а потом в самом ее сердце — маленький огонек, пытающийся разогнать эту тьму. Огонь в опасности. Она должна добраться до него и подкормить. Чтобы он снова ярко засверкал! Но когда Чарис попыталась двигаться быстрее, ничего не получилось. Она приближалась медленно, словно под большой тяжестью. Огонь загорелся ярче, потом снова стал мерцать. Чарис знает, что, если он погаснет, снова его не зажечь. Но одна она не может оживить этот огонь и шлет лихорадочный призыв о помощи. Ответа нет.

— Проснись!

Кто-то дергает Чарис, голова ее болтается. Она подняла голову, помигала, глядя на огонь. Как он похож на тот, в темноте.

— Ты видела сон! — В голосе звучит осуждение. — Они тебя захватили. Но они не должны были...

— Нет! — Она пришла в себя настолько, чтобы высвободиться из рук Торвальда. — Это был не их сон.

— Но ты видела сон!

— Да. — Она съежилась на сиденье коптера, который летел на автопилоте. — Шенн...

— Что с ним? — быстро спросил Торвальд.

— Он еще жив. — Из тьмы Чарис принесла это небольшое утешение. — Но...

— Но что?

— Он едва держится. — Это тоже из тьмы, хотя и не так утешающе. Что подвергло Ланти такому напряжению? Физическая боль? Действие сканера? Он жив и продолжает сопротивляться. Это она знает точно. И так и сказала.

— Настоящего контакта не было? Он ничего тебе не сказал?

— Ничего. Но я почти добралась до него. Если попытаюсь снова...

— Нет! — закричал на нее Торвальд. — Если он под сканнером, ты не знаешь, что еще могут у него узнать после вашего контакта. Ты... тебе придется выкинуть его из головы.

Чарис только посмотрела на него.

— Придется, — упрямо повторил он. — Если они узнают о тебе, ты не сможешь появиться там, как собралась. Разве не понимаешь? Ты единственный шанс, который остался у Ланти. Но чтобы помочь, тебе придется добраться до него лично, физически, а не так!

Торвальд прав. У Чарис хватило здравого смысла, чтобы согласиться с ним. Но ей не стало легче. Она вспоминала о слабом огне, который вот-вот погаснет во тьме.

— Быстрей! — Она облизнула пересохшие губы.

Он устанавливал новый курс.

— Да.

Коптер повернул направо, направляясь к берегу, который по-прежнему не виден, и к задаче, поставленной ею перед собой.

Глава 16

Когда коптер садился, управляемый уверенной рукой Торвальда, звезды больше не казались огненными точками. Скоро рассвет... Рассвет какого дня? Время то тянется, то летит, с тех пор как Чарис ступила на почву Колдуна. Она больше не уверена в последовательности минут и часов. Девушка стояла на скале, дрожа на холодном ветру.

— Миииирррииии! — Приветственный крик. Чарис опустилась на колени, протянула руки навстречу устремившейся к ней тени. К ней прижалось теплое тело, язычок ласково коснулся горла, подбородка, вызывая ощущение уверенности. Тссту снова с Чарис, она готова к контакту, она рада встрече.

Прикосновение к ноге более жесткой шерсти возвестило о появлении Тагги. Он издал легкий хриплый звук, когда она положила руку на его поднятую голову, почесала за маленькими ушами.

— Тагги? — Торвальд подошел от коптера.

Росомаха выскользнула из-под руки Чарис, подошла к изыскателю. Тагги принюхался к его полевым сапогам, встал на задние лапы, передними опираясь на тело Торвальда, и зарычал. Невозможно было ошибиться в вопросительном тоне его рычания, в требовании ответа, которое ощутила в своем сознании Чарис. Тагги хочет того, кого знает лучше Торвальда.

Чарис присела, прижимая к себе Тссту, но мысленно устремившись к Тагги, пытаясь уловить поток его мысли, черпать из этого такого чуждого для нее источника мыслительной энергии. Она заставляла себя не отшатываться от этого незнакомого, свирепого мышления. Тагги опустился на все четыре лапы. Переступая с ноги на ногу, он смотрел на нее.

Мысли — впечатления, подобные маленьким искрам, — закружились, словно над расшевеленным костром. Чарис представила себе Шенна Ланти, Шенна, каким видела его в последний раз на склоне холма у базы.

Тагги подошел к ней. Она протянула приветственно руку, и он сжал ее зубами, но не настолько сильно, чтобы прокусить кожу. Она видела, как он так же ласково покусывал Шенна. И все сильнее и требовательнее слышался его вопрос.

Чарис подумала о базе, какой видела ее с холма, и поняла, что Тагги уловил этот образ. Он выпустил ее руку, повернулся в новом направлении и начал принюхиваться.

Чарис с некоторыми опасениями решила послать росомахе нужное мысленное сообщение. Тссту гораздо сильнее настроена на нее. Как дать хищнику ощутить опасность, как дать ему понять, откуда она исходит? Представить себе Шенна пленником?

Вначале она представила себе, как Ланти свободный стоит у воды. Потом добавила путы на руках и ногах, ограничивающие эту свободу. Тагги гневно зарычал. Значит, ей удалось! Но осторожно! Росомаха не должна безрассудно броситься навстречу опасности.

— ...рииууууу... — крикнула Тссту.

Чарис знала, что это предупреждение. Росомаха оглянулась на них.

Вопрос, устремленный не к ней, а к кудрявой кошке. Животные общаются на своей волне. Может, это и есть лучший выход.

Чарис сменила направление предупреждения, она больше не пыталась смешаться с диким потоком мыслей Тагги, а нацелилась на Тссту. Ударить по врагу — да. Освободить Шенна — да. Но пока нужна осторожность.

Рычание Тагги стало спокойнее. Он по-прежнему нетерпеливо переступал с ноги на ногу, ясно было, что он хочет уйти, но Тссту сумела внушить ему необходимость осторожности и хитрости, какими владеет ее порода. Росомахи очень любопытны, но они же обладают сильным инстинктом самосохранения; они не пойдут в ловушку, какой бы соблазнительной ни была приманка. А Тагги теперь знает, что перед ним ловушка.

Снова Чарис сосредоточилась на Тссту. Просто, как могла, мысленно рассказала о своем плане проникновения на базу. Неожиданно она посмотрела на Торвальда.

— Может ли нейтрализатор помешать связи сознания с сознанием?

Тот ответил правду:

— Вполне вероятно.

Животные должны оставаться снаружи. Тссту, она маленькая, она сможет служить связником между росомахой и базой.

— Миирррриии! — Согласие и новое быстрое прикосновение языка к щеке Чарис.

Девушка встала.

— Больше нет смысла откладывать. Пора идти. — Опустив кудрявую кошку, она развязала волосы, встряхнула их. Они свободно легли на плечи и шею. К тому времени как доберется до базы, они спутаются, в них застрянут листья и веточки. Материал своего вивернского платья она разорвать не может, но

от ползания по земле на нем немало грязных пятен. На руках и ногах у нее свежие и полузажившие царапины. Она вполне выглядит так, словно несколько дней блуждала в глуши. Больше того, в последнее время она питалась в основном таблетками, похудела, и теперь ей не нужно изображать голод и жажду. Она чувствует и то и другое.

— Осторожней... — Торвальд протянул руку, как будто хотел удержать ее.

Контраст между этим простым предупреждением и тем, что может ждать ее впереди, показался Чарис таким забавным, что ей пришлось подавить смех. Она сказала:

— Сам помни об этом. Если тебя заметят с воздуха...

— Коптер они могут заметить, меня нет. Я присоединюсь к тебе, как только смогу.

Это «как только смогу» продолжало звучать в ушах Чарис, когда она пошла прочь. Ему лучше было бы сказать «если смогу». Теперь, когда она начала действовать, всевозможные страхи, продукт живого воображения, ожили в ней. Чтобы не думать о них, она стала представлять себе Шиху. Для захватчиков на базе она должна быть Шихой, женщиной, привезенной торговцами для контактов с вивернами, той самой, которую сломила чужая Сила. Она должна стать Шихой.

Тагги исполнял роль разведчика и проводника, он вел ее с высоты, на которой приземлился коптер. Здесь, в низинах, перед рассветом было еще темно, и Чарис трудно было идти. Волосы ее цеплялись за ветви; она высвобождалась, добавляя новые царапины к старым. Но все это только к лучшему.

Некоторое время она несла Тссту, но, когда они приблизились к базе, животные укрылись, и Чарис их не видела и не слышала, но поддерживала мысленный контакт.

Солнце серебряными каплями заблестело на поверхности куполов, когда Чарис вышла на открытое место перед базой. Нет необходимости изображать усталость, потому что теперь она двигалась в дымке истощения, рот пересох, ребра болезненно поднимались при каждом вздохе. Она должна выглядеть как беженка, полубезумная, вышедшая из враждебной чужой глуши к своим — в поисках безопасности и убежища.

Во втором куполе видна дверь. Чарис направилась к ней. Движение. Показался человек в желтом и уставился на нее. Чарис крикнула — крик похож на карканье — и упала.

Оклики, голоса. Она не пыталась разобрать их, но продолжала лежать там, где упала. Ничего не говорила, когда ее перевернули, подняли и унесли в купол.

— Что делает здесь женщина? — Это один голос.

— Она блуждала в кустах. Смотрите, какая исцарапанная и грязная. И это не форма службы. Она не отсюда. Скажите капитану, что произошло.

— Она умерла? — Третий голос.

— Нет, просто потеряла сознание. Но, во имя Диса, откуда она взялась? На этой планете нет поселений...

— Сюда, капитан. Она просто выбежала из кустов. Потом увидела Ворга, что-то крикнула и упала лицом вниз!

Щелканье магнитных подошв космической обуви. В помещение, где она лежит, вошел четвертый.

— С другой планеты, верно... — Новый голос. — Что это за тряпка на ней? Не форма, она не отсюда.

— Может быть, с поста, капитан?

— С поста? Минутку. Верно. Они привезли женщину для контактов с этими каргами-змеями. Но когда мы захватили их корабль, этой там не было.

— У них было две женщины, капитан. Первая спятила, совсем сошла с орбиты. Поэтому они привезли вторую. Ее не было, когда мы захватили корабль. Мы нашли здесь ленту, в которой просьба о помощи. Только она могла послать это сообщение. Потом ушла с поста и продолжала бежать...

Кто-то дернул ее за платье. Должно быть, трогали материал.

— Эту ткань делают карги-змеи. Она была у них.

— Пленницей, капитан?

— Может быть. А может, и нет. Ноннан, пришли сюда врача. Он приведет ее в себя, и тогда мы получим некоторые ответы. Остальные — прочь отсюда. Она скорее начнет говорить, если вы все не будете так на нее пялиться.

Чарис пошевелилась. Ей не нравилась мысль о враче из персонала компании. Такой специалист может использовать средства, развязывающие язык, а у нее против них нет защиты. Луч-

ше сделать вид, что она приходит в себя до его появления. Она открыла глаза.

Ей не потребовалось симулировать крик. Он вырвался естественно. Она увидела не офицера компании, как ожидала, а существо, пришедшее словно из кошмара. К ней склонился один из самцов вивернов; пасть его была слегка раскрыта, обнажая набор клыков, которыми он так щедро вооружен. Узкие зрачки глаз разглядывают ее не с дружеским вниманием.

Чарис крикнула вторично, подобрала под себя ноги и села, стараясь как можно дальше отодвинуться от виверна на койке, на которую ее уложили. Лапа с когтями уцепилась за матрац всего в нескольких дюймах от ее тела.

Весьма человеческий кулак соприкоснулся с головой виверна, сбив его с ног и отбросив к стене, и место чудовища занял человек в форме. Чарис снова закричала, укрываясь от виверна, который выпрямился и проявлял все признаки гнева.

— Уберите ее! Змея! — кричала она, вспомнив, как Шиха называла вивернов. — Не отдавайте меня ей!

Офицер ухватил туземца за чешуйчатые плечи и грубо толкнул в сторону двери. Чарис обнаружила, что плачет. Она не пыталась сдержать рыдания, прижалась к стене, стараясь стать совсем незаметной.

— Не пускайте ее ко мне! — умоляла она человека, который теперь стоял лицом к ней.

Типичный наемник на службе компании. Чарис видела таких в космопортах и понимала, что его нельзя считать глупее офицера-космонавта. То, что он участвует в незаконной акции, делает его вдвойне подозрительным. Но он молод, а его обращение с туземцем, возможно, говорит, что он расположен к ней.

— Кто ты? — Вопрос задан тоном, который требует быстрого и правдивого ответа. И она может пока отвечать правдиво.

— Чарис... Чарис Нордхолм. Ты... ты из миссии? — Он поверит, что она не разбирается в формах, сочтет его правительственным чиновником.

— Можно сказать и так. Я командир этой базы. Итак, тебя зовут Чарис Нордхолм. А как ты оказалась на Колдуне, Чарис Нордхолм?

Не надо очень стараться, чтобы ответ звучал связно, решила Чарис. Она попыталась вспомнить поведение Шихи.

— Они у вас здесь. — Она посмотрела на него, как надеялась, с подозрением и страхом.

— Говорю тебе: туземцы не причинят тебе вреда. Если ты говоришь правду, — со значением добавил он.

— Говорю правду... — ответила она. — Говорю правду... Я Чарис Нордхолм. — И заговорила бесцветным голосом, словно повторяла затверженный наизусть урок: — Они... они меня привезли сюда... встретиться со змеями! Я не хотела... меня заставили! — Голос ее перешел в вопль.

— Кто тебя привез?

— Капитан Джаган, торговец. Я была на торговом посту...

— Вот как... Значит, ты была на торговом посту. А что произошло потом?

Снова она частично может говорить правду. Чарис покачала головой:

— Не знаю! Змеи... они отдали меня змеям... вокруг змеи... они забрались ко мне в голову... — Они зажала руками уши, принялась раскачиваться. — В голове... меня заставили разговаривать с ними...

Капитан сразу клюнул на это.

— Где это было? — Он спросил резко, чтобы проникнуть в туман, который, как он считал, окутывает ее сознание.

— В их... в их доме... в море... в их доме...

— Если ты была у них, как смогла уйти? — В комнату вошел еще один человек и направился к ней. Капитан знаком остановил его и нетерпеливо ждал ответа. — Как ты ушла от них? — повторил он снова подчеркнуто, чтобы привлечь ее внимание.

— Не знаю... я была там... потом оказалась одна... одна в лесу. Побежала... было темно... очень темно...

Капитан обратился к вошедшему:

— Можете вернуть ей рассудок?

— Откуда мне знать? — ответил тот. — Ее нужно накормить, напоить.

Врач протянул ей чашку. Чарис обеими трясущимися руками поднесла ее ко рту. Ощутила языком прохладу. Потом заметила слабый привкус. Какой-то наркотик? Может быть, она уже про-

играла: ведь у нее нет защиты от наркотиков. Она допила. И как можно дольше держала чашку у рта.

— Еще... — Она вернула чашку врачу.

— Не сейчас, потом.

— Ты оказалась в лесу. — Капитан поторопился вернуть ее к рассказу. — А что потом? Как ты попала сюда?

— Я пошла, — просто ответила Чарис, не отрывая взгляда от чашки, как будто она гораздо важнее вопросов капитана. Раньше она никогда не играла такой роли и надеялась, что делает это достаточно убедительно. — Пожалуйста, еще... — попросила она врача.

Тот наполнил чашку на треть и дал ей. Она проглотила жидкость. Даже если там наркотик, так правильно. Теперь подумаем о голоде.

— Я хочу есть, — сказала она. — Пожалуйста, дайте мне поесть...

— Я принесу, — ответил врач и вышел.

— Ты пошла, — настаивал капитан. — Откуда ты знала, куда идти? Как пришла сюда?

— Откуда знала? — снова повторила Чарис. — Я не знала... но это просто. В одну сторону меньше кустов... я пошла туда. Потом увидела здание и побежала...

Врач вернулся и сунул ей в руку мягкий тюбик. Чарис пососала его, попробовала вкусную сытную пасту. Она узнала восстановительный рацион хорошо оснащенной базы.

— Как вы считаете? — спросил капитан врача. — Может она просто так пойти в правильном направлении? Мне это кажется странным.

Врач задумался.

— Мы ведь не знаем, как действует эта Сила. Они могли направить ее, и она об этом даже не подозревает.

— Это значит, что она — их способ проникнуть сюда! — Капитан враждебно взглянул на Чарис.

— Нет, как только она попадает под действие альфа-поля, всякое принуждение заканчивается. Вы видели, как освобождаются от контроля их воины. Если змеи с какой-то целью ее направили сюда, сейчас действие их влияния кончилось.

— Вы в этом уверены?

— Вы видели, что происходит с самцами. Контроль внутри поля не действует.

— Что же нам с ней делать?

— Может, мы сумеем что-нибудь узнать от нее. Она была с ними, это очевидно.

— Это больше ваша область, чем моя, — заметил капитан. — Поместите ее с тем. Он по-прежнему без сознания?

— Я вам говорил, Лазга, это не обычная потеря сознания. — Врач был явно раздражен. — Какой-то уход. Я не понимаю. Знаю только, что он жив. До сих пор не подействовало никакое укрепляющее. Никогда ничего подобного не видел...

— Ну, по крайней мере она не в таком состоянии. Может, вы сумеете что-нибудь узнать от нее. Попытайтесь, и чем быстрее, тем лучше.

— Идем. — Врач говорил мягко. Он протянул руку к Чарис.

Она оторвалась от тюбика, из которого высасывала последние капли.

— Куда?

— В хорошее место. Ты сможешь там отдохнуть. Там есть еще пища... вода...

— Туда? — Она указала на дверь.

— Да.

— Нет. Там змеи.

— Один из воинов был здесь, когда она пришла в себя, — объяснил капитан. — Он еще больше испугал ее.

— Никто тебя не обидит, — успокаивал ее врач. — Я не позволю.

Чарис позволила уговорить себя. Этот разговор о «нем», которого лечит врач... Это Ланти!

Глава 17

В четырех комнатках помещался маленький, но хорошо оборудованный госпиталь базы. Самая плохая его особенность, с точки зрения Чарис, — единственный выход наружу, у которого уже сидел вооруженный бластером охранник. Чтобы освободиться, нужно миновать его.

Врач ввел ее внутрь, поддерживая под руку, и она осмотрелась внешне бессмысленным взглядом. Они прошли в третью комнату, и он прикосновением к руке остановил девушку. Она покачнулась, притронулась рукой к стене, чтобы удержаться, надеясь, что эту реакцию припишут ее состоянию.

На узкой койке на спине лежал Ланти. Глаза его были широко раскрыты, но лицо было такое же пустое, лишенное выражения, как тогда, когда она нашла его меж скал. Он снова стал пустой оболочкой живого существа, личность исчезла.

— Ты знаешь этого человека?

— Знаю этого человека? — повторила Чарис. — Кто он? Знаю его... откуда мне... — Она легко разыграла смятение. Чарис видела, что врач внимательно наблюдает за ней.

— Пошли.

Он снова взял ее за руку, провел в следующее помещение. Еще две койки. Он посадил ее на ближайшую.

— Оставайся здесь.

И вышел, закрыв за собой дверь. Чарис провела руками по спутанным волосам. Даже сейчас за ней могут наблюдать через какую-нибудь видеосистему, так что не стоит рисковать. Она на базе, а подозрительность их только естественна. Но на всякий случай она легла на койку и закрыла глаза.

Внешне могло показаться, что она спит. Но она напряженно думала. Ланти... что с Шенном? В первый раз она видела его в таком состоянии после удара Силы виверн. Но сейчас дело в другом, и по немногим словам, которыми обменялись капитан и врач, девушка решила, что это состояние не результат их действий. Они сами в замешательстве.

«Уход» — так это назвал врач. Чарис едва не села. Ей показалось, что она нашла ответ. Ланти избрал этот путь бегства! Он сознательно ушел, прежде чем его смогли подвергнуть действию сканера или наркотика правды, вернулся в ту тьму, туда, где его может ждать смерть. И у него для этого должен быть очень сильный мотив.

Сила не действует внутри этого их альфа-поля. Чарис коснулась рукой платья, нащупала пластакожу — свой ключ в то место, куда ушел Ланти. Она не может его использовать. Она нашла Ланти, вернее, его пустую оболочку. Но нужно найти еще

нейтрализатор или как-то остановить его действие. Она быстро теряла уверенность.

Вот что самое трудное: изображать спокойствие, когда каждый нерв требует действий. Чарис вначале должна убедить всех в том, что она только испуганная беглянка. И она заставила себя лежать неподвижно, хотя ей хотелось вырваться из этой маленькой комнаты, проверить, закрыта ли дверь на замок.

Она пришла на базу ранним утром; теперь все захватчики: люди и самцы-виверны — встали. Не самое подходящее время для исследований. Исследования! Чарис сосредоточилась, послала мысль — не подкрепленную Силой, но свою собственную, — попыталась связаться с Тссту. Если и этот контакт прерван альфа-полем...

Мысленное прикосновение, такое же мягкое и деликатное, словно кудрявая кошка коснулась ее языком. Чарис почувствовала прилив возбуждения. Путь не закрыт! Она установила контакт, пусть слабый и неуверенный, с животными за пределами базы.

Теперь не просто прикосновение, а прочное единство. А вот и свирепое побуждение, которое связывается с Тагги. И еще одно! Ланти? Нет. Это не его коридор. Подкрепление потока Тагги — его подруга, самка-росомаха! Удача, на которую Чарис не рассчитывала.

Тссту пытается послать ей сообщение, она привлекает мысленную энергию росомах, чтобы усилить импульс. Предупреждение? Не совсем; скорее предложение временно воздержаться от действий. Чарис очень смутно уловила намек на связь с ведьмой-виверной. Должно быть, ведьмы, как и обещали, принимают участие. Но когда Чарис попыталась узнать больше, кудрявая кошка оборвала контакт.

Девушка начала думать о Ланти. Раньше потребовалась помощь Силы, чтобы достичь его, — Сила плюс ее воля и плюс помощь двух животных. Но в коптере она нашла его одна и сознательно к помощи Силы не обращалась. Если он слишком долго пробудет в мире тьмы, сможет ли вернуться? Маленький огонек может превратиться в пепел и не загореться снова.

Чарис заставила себя подумать о черноте, о полном отсутствии света, и всепоглощающей тьме, от которой ее род бежит с

тех пор, как научился пользоваться огнем, чтобы отгонять тех, кто бродит в сумерках. Холод охватил ее тело, тьма сгущалась... Искра далеко, в сердце этой тьмы...

Кто-то дергал ее, тащил назад. Чарис застонала от боли. Открыв глаза, она увидела узкие зрачки на морде рептилии. И в этих зрачках — свирепое удовлетворение.

— Змея! — закричала она.

Самец виверн улыбнулся; очевидно, ее ужас его забавляет. Он схватил ее за платье, вцепился когтями в ткань, потащил с койки. Но когда попытался притронуться второй лапой, тут же отдернул ее, словно задел за огонь. Тонко крикнул и отскочил.

— Что здесь происходит? — послышался человеческий голос. За туземцем показался человек, схватил самца за плечи и оттащил.

Чарис смотрела, как врач выпроваживает виверна из комнаты. Потом подошла к двери: охранник вошел в комнату Ланти и помог врачу вывести туземца, который продолжал испускать высокие тонкие крики. Они исчезли, и девушка подошла к койке Ланти.

Шенн! Она не крикнула вслух, но, обращаясь к нему мысленно, знала, что ответа не будет. И все же хотела получить хоть какую-нибудь поддержку.

Глаза его широко открыты, но в них пустота. Ей не нужно касаться его расслабленной руки, чтобы понять, что он ей не ответит.

Крики виверна не стихали. Напротив, снаружи их подхватил все усиливающийся хор. Должно быть, там собралось много туземцев. Может, среди них замаскированные люди компании?

Чарис колебалась. Ей хотелось выглянуть и узнать, что происходит, но такой поступок не соответствует ее нынешней роли. Она должна прятаться, испуганная до полусмерти, в каком-нибудь коридоре. Она прислушалась... Шум стихает... Лучше вернуться в свою комнату. И Чарис заторопилась назад.

— Ты... — В дверях стоял капитан Лазга, за ним врач. В голосе капитана звучала враждебность.

Чарис села на койке, поднесла руки к волосам.

— Змея... — Она быстро перехватила инициативу. — Змея старалась забрать меня!

— И не зря! — Лазга быстрыми шагами подошел к койке. Схватил девушку за руку стальными пальцами и повернул к себе лицом. — Ты использовала трюки колдуний. Змея — ты сама змея! Эти быки снаружи, у них есть основание ненавидеть такие трюки. Они хотят добраться до тебя когтями. Гатгар говорит, что ты действуешь с Силой.

— Это невозможно! — вмешался врач. — С самого начала, как она появилась тут, мы за ней следим. Ничего не зарегистрировано. Гатгар знает, что она была с самками, и только поэтому так действует.

— Что мы вообще знаем о Силе? — спросил Лазга. — Конечно, с тех пор как она здесь, показания только отрицательные. Но, возможно, у нее есть способ скрыть свою связь. Правду нам даст сканер.

— Посадите ее под сканер, и у вас ничего не останется, кроме сожженного мозга. Она будет такой же, как этот парень. И что нам это даст?

— Спустим на нее самцов — и тогда что-нибудь узнаем.

— Что можно узнать у мертвой? Они довели себя до убийственного гнева. Не торопитесь, и может быть...

— Не торопитесь! — Звук, который произвел капитан, очень похож на рычание Тагги. — У нас не осталось времени. Она знает, где база змей. Я говорю: нужно допросить ее и узнать. Тогда мы сможем действовать и действовать быстро. У нас приказ скрыть все следы дела.

— Но что хорошего, если мы уничтожим то, что добудем? Конечно, вы можете прорваться туда и подавить всякое сопротивление. Но вы ведь знаете, что до сих пор мы ничего не узнали. Сила не действует без подготовки и обучения. Может быть, у мужчин она вообще не действует. У вас есть женщина, чувствительная к Силе. Почему бы не использовать ее, как собирался Джаган, чтобы добыть необходимую информацию? Насильно этого не получишь.

Лазга выпустил Чарис. Но по-прежнему стоял над девушкой, глядя на нее так, словно хотел проникнуть в ее череп и подчинить себе.

— Мне это не нравится, — заявил он, но больше не возражал. — Хорошо, но не спускайте с нее глаз.

Капитан вышел. Но врач не последовал за ним. В свою очередь, он пристально посмотрел на Чарис.

— Хотел бы я знать, какую игру ты ведешь, — сказал он, поразив Чарис своей откровенностью. — Эти карги не могут контролировать тебя в пределах поля. Но... — Он покачал головой, скорее в ответ на собственные мысли, и не закончил фразу. Неожиданно вышел и закрыл за собой дверь.

Чарис продолжала сидеть на койке. Самец виверн, по имени Гатгар, обвинил ее в том, что она действует с помощью Силы, но это не так. Во всяком случае не с использованием рисунка, как делают виверны. Может быть, — рука Чарис легла на пластакожу под платьем, — может быть, ей больше не нужна помощь рисунка? Может быть, то, что она здесь делала: установила контакт с Тссту, попыталась добраться до Ланти, — это другой метод использования той же Силы?

Но если это так, значит, можно пользоваться Силой, несмотря на нейтрализатор. Чарис мигнула. Это предположение открывает поле для самых широких размышлений. Она может связаться с Тссту, а Тссту, в свою очередь, свяжется с росомахами. А что, если Тссту, росомахи, Чарис и Ланти объединятся и разорвут альфа-поле врага?

Ланти... Мысли ее всегда возвращаются к Ланти, как будто в рисунке, который совсем не рисунок, он необходимый элемент. Как в тот раз, когда она не могла вспомнить правильный рисунок, и ей помогла Тссту. Чарис не могла бы объяснить, почему она в этом уверена, но это так.

Она снова легла на койку и закрыла глаза. Нужно вырвать Ланти из тьмы, снова объединиться с ним. Чарис выпустила мысль-вопрос, развернула ее, как рыбак размахивает леской или как поворачивается поисковый луч коммуникатора. Виверн, работающая с Силой, могла бы осуществить этот поиск точнее и надежнее. Она сама, без помощи Силы, может только сосредоточиться на Тссту и быть относительно уверенной в установлении контакта. Но этот слепой поиск — гораздо более трудное дело.

Прикосновение! Чарис застыла. Тссту! Нужно удержать этот контакт, ей нужна поддержка, нужна дополнительная нервная энергия для выполнения задачи. Но Тссту не хочет. Она словно

вырывается из рук Чарис. Однако Чарис держит линию контакта туго натянутой, шлет по ней свое настойчивое требование. И тут включается Тагги. Девушка напряглась, ощутив удар гораздо более свирепой мысли росомахи. Через Тссту обратилась она к Тагги с просьбой о помощи, об объединении воли. Ланти... Чарис заставила свой призыв принять форму имени... Ланти. Теперь присоединилась еще одна воля — Тоги, самка-росомаха связана с самцом. Их объединившаяся энергия обрушилась на Чарис, как удар.

Чарис долго держала эту связь, как альпинист осматривает веревку с узлами, прежде чем подняться на опасный горный склон. Пора! Объединившиеся воли превратились в копье; Чарис не только нацелила его, но и сопровождала в полете.

Во тьму этого места пустоты, в самое необычное Другое-Где, куда может привести сила виверн, полетела стрела в поисках слабого огонька. И Чарис — острие этой стрелы. И вот он перед ней, очень слабый, уголек, близкий к затуханию. И стрела, которая была Чарис, и Тссту, и Тагги, и Тоги, ударила в самое сердце угля.

Завертелись в диком танце фигуры. Из всех дверей коридора повалили толпы и окружили ее. Она не может убежать от них, иначе линия жизни порвется. Это гораздо хуже, чем в первый раз, когда она прошла этим запретным путем, потому что мысли и воспоминания Ланти стали гораздо реальнее. Чарис испытала такой ужас, что оказалась на самом пороге безумия.

Но цепь выдержала и оттянула ее назад. Она лежит на койке, ощущая под собой твердую поверхность. Контакт прервался, росомахи исчезли, Тссту исчезла.

— Я здесь.

Чарис открыла глаза, но не увидела человека в коричнево-зеленой форме. Она повернула голову к стене, которая по-прежнему разделяет их.

— Я... вернулся.

Снова уверенность, не выраженная в словах, но не менее отчетливая и приходящая с легкостью, с какой посылают мысли виверны.

— Почему... — Губы беззвучно повторили мысленный вопрос.

— Либо это, либо сканер, — ответил он сразу же.

— А теперь?

— Кто знает? Они и тебя взяли?

— Нет. — Чарис быстро рассказала, что произошло.

— Торвальд здесь? — Мысль Ланти ускользнула, и Чарис не пыталась последовать за ней. Потом он вернулся на уровень коммуникации. — Установка, которая нам нужна, в главном куполе. Ее охраняют самцы-виверны, чувствительные к телепатическим волнам. И они будут сражаться насмерть, чтобы установка действовала и они оставались свободны.

— Мы можем добраться до нее? — спросила Чарис.

— Мало надежды. Я пока такой возможности не вижу, — последовал его разочаровывающий ответ.

— Ты хочешь сказать, что мы ничего не можем сделать? — возразила Чарис.

— Нет, но нам нужно больше знать. Они больше не пытаются разбудить меня. Возможно, это дает мне шанс действовать.

— Самец-виверн сказал им, что я использую Силу. Но я не использовала рисунок, и их машина ничего не зарегистрировала, поэтому они не поверили самцу.

— Ты это сделала? Без рисунка?

— Да, с помощью Тссту и росомах. Значит ли это, что нам рисунок вообще не нужен? Что и виверны в нем не нуждаются? Но почему машина ничего не заметила?

— Может, действовала на другой волне, — ответил Ланти. — Но самец уловил. Возможно, на других волнах они чувствительней своих хозяек. Может быть, они и сами могут пользоваться Силой, просто не знают об этом. Если они слышали тебя и раньше...

— То могли услышать и мой последний призыв к тебе?

— И насторожиться? Да. Значит, нужно действовать. Я даже не знаю, сколько их на базе.

— Ведьмы обещали помочь.

— Как они могут? Любое их послание заглушит поле.

— Шенн, виверны контролируют своих самцов с помощью Силы. А самец, которого я видела, считает, что я могу использовать ее здесь. А что, если мы соединимся снова? Не сможем ли контролировать их внутри поля?

В потоке мысли наступил перерыв, затем Ланти ответил:

— Откуда нам знать, что подействует, а что нет, пока не испытаем? Но я хочу быть готовым уйти отсюда на ногах. А мне виден у выхода охранник с бластером. Возможно, объединившись, мы подчиним себе самцов, но уж инопланетян, нечувствительных к контролю за мыслями, не сможем подчинить.

— Что же нам делать?

— Объединиться. Попробуй связаться с Торвальдом... — приказал он.

На этот раз первое звено цепи образовала не Чарис, а Ланти, он поддержал ее поиск кудрявой кошки. Тссту ответила раздраженно, но присоединила росомах.

Линия продлевалась, поворачивалась... и вот ответ.

— Ждите. — По цепи, звено за звеном, пришло это предупреждение. — Ведьмы начинают действовать. Ждите их сигнала. — Животные разорвали контакт.

— Что они могут сделать? — спросила Чарис у Ланти.

— Я знаю столько же, сколько ты. — Он насторожился. — Идет врач.

Тишина. Чарис со страхом думала, насколько хорошо справится Ланти со своей ролью. Но если врач не надеется привести в себя разведчика, может, не станет его внимательно осматривать. Она лежала, прислушиваясь к звукам, которые могут донестись из-за стены.

Дверь ее комнаты открылась, вошел врач с подносом, и на нем еда, настоящая еда, а не рацион. Он поставил поднос на откидной столик, повернулся и посмотрел на нее. Чарис попыталась выглядеть так, словно только что проснулась. У врача напряженное лицо. На еду он указал резким жестом.

— Ешь! Тебе нужно подкрепиться!

Чарис села, откинула волосы, попыталась разыграть замешательство.

— Если ты умна, — продолжал врач, — то все расскажешь капитану. Он специалист в таких набегах. И если не знаешь, что это такое, то скоро узнаешь на собственном опыте.

Чарис побоялась спросить, что означает это предупреждение. Единственная ее защита — продолжать делать вид, что она испуганная беглянка.

— Больше ты не сможешь отрицать. У нас дважды сгорели все предохранители.

Чарис застыла. Связь, дважды она устанавливала связь. Она отразилась на предохранительных устройствах захватчиков.

— Я вижу, ты меня поняла. — Врач кивнул. — Я так и думал. Тебе лучше заговорить, и побыстрее! Капитан может спустить на тебя этих быков.

— Змеи! — Чарис обрела дар речи. — Он отдаст меня змеям? — Ей не нужно было изображать отвращение.

— Дошло? Должно было дойти: они ненавидят Силу. И охотно уничтожат всякого, кто ее использует. Так что договаривайся с капитаном. Он сделает тебе неплохое предложение.

— Симкин!

В крике слышалась тревога, и врач повернулся. Послышались звуки, какой-то резкий треск, крики. Врач выбежал, оставив дверь открытой. Чарис тут же оказалась в комнате Ланти.

Теперь слышалось шипение бластера в действии. А такое щелканье Чарис слышала, когда за ней охотились птицы в утесах Колдуна.

И тут, словно собственный ускорившийся пульс, что-то пробежало по всему телу:

— Пора!

Этот сигнал не прозвучал вслух, но Чарис ответила немедленно. Она увидела, как Ланти одним гибким движением соскользнул с койки. Он тоже готов.

Глава 18

Ланти знаком велел Чарис держаться за ним, сам пошел впереди, направляясь к выходу из госпиталя. Здесь по-прежнему, спиной к ним, стоял охранник, преграждая им дорогу. Он следил за происходящим снаружи. Бластер он держал в руке и двигал им, как будто следил за перемещениями цели.

Разведчик с осторожностью охотящейся кошки пересек приемную, шум снаружи заглушал звуки его движений. Но стражника, должно быть, предупредил какой-то инстинкт. Он повернул голову, увидел Ланти и, крикнув, попытался повернуться и направить на изыскателя бластер.

Слишком поздно! Что именно сделал Ланти, Чарис не знала. Но удар он нанес явно не обычный. Охранник упал, бластер выпал из его руки и заскользил по полу. Чарис прыгнула, и пальцы ее сомкнулись на рукояти этого отвратительного оружия. Выпрямившись, она бросила его Ланти, и тот легко поймал.

Они увидели сцену дикого смятения, хотя их взору открылась только небольшая часть базы. Люди в желтой форме укрывались, полосуя воздух лучами бластеров. Очевидно, они пытались отразить какое-то нападение сверху. Справа от входа в купол лежали, мертвые или без сознания, два самца-виверна. Во всех направлениях валялись обожженные щелкуны.

— Сюда... — Ланти указал на купол, около которого лежали виверны.

Но если попытаться добраться туда, они станут целью тех, кто бластерами отгоняет щелкунов. Шум нападения стихал; меньше тел падало на землю. Чарис видела, как Ланти сжал губы, лицо его стало мрачно. Она поняла, что он готовится к действиям.

— Беги! Я тебя прикрою.

Она на глаз измерила расстояние. Недалеко, но ей показалось, что открытое пространство тянется бесконечно. А что самцы-виверны? Те, которых она видит, неподвижны, но могут быть и другие.

Чарис прыгнула, выскочив на открытое место. Услышала крик и шипение бластера. Ей чуть обожгло руку. Она закричала, но удержалась на ногах и пробежала в дверь, споткнувшись о тело виверна. Упала внутрь и тем самым спасла себе жизнь: над ней пролетело копье. Она перекатилась и остановилась у стены. Оттолкнулась от нее, чтобы посмотреть на нападающих.

Самцы-виверны, их трое, двое с копьями, один с садистской медлительностью поднимает оружие. Виверн наслаждается ее страхом и тем, что сейчас он распоряжается ситуацией.

— Рррррруууггггх!

Виверн, уже готовый к броску, повернулся к двери. На туземцев накинулся рычащий пушистый шар. Они завопили, отталкивая росомаху. Но животное, воспользовавшись внезапностью нападения, пронеслось мимо них и исчезло в соседнем помещении.

— Чарис! Как ты?

К ней подскочил Шенн. На уровне ребер его форма дымилась, и он бил по нему левой рукой.

— Поразительно плохой выстрел для человека компании, — заметил он.

— Может, им приказали не убивать. — Чарис пыталась вернуть самообладание. Но хоть она и встала спиной к стене, продолжала смотреть на самцов, пораженная, что они еще не пустили в ход копья. Должно быть, их потрясло появление росомахи.

Шенн пригрозил бластером троим самцам.

— Двигайтесь! — коротко приказал он. Выражение глаз туземцев показало, что они хорошо представляют себе, на что способно это оружие.

Они отступили из небольшой прихожей в главное помещение купола. Тут стоял большой коммуникатор, но один взгляд сказал Чарис, что они не смогут им воспользоваться: установка сожжена бластером, она почти расплавилась.

Но она не единственная в помещении. На импровизированном основании из упаковочных ящиков стоит сложная машина, на которой мигают огоньки. Рядом с ней шесть самцов-виверн. Они словно греются от холода у костра. Они подняли копья, но увидели бластер в руке Шенна.

— Убьем! — Это слово, полное ненависти, проникло в сознание Чарис.

— И умрете сами! — ответила Чарис той же мысленной речью.

Головы, с заостренными мордами, увенчанные гребнями, качнулись. Удивление, тревога, страх — все это окружило самцов и мерцало, как огоньки на машине, которую они охраняли.

Ланти может сделать только одно: уничтожить машину вместе с самцами. Они защищают ее своими телами. По мнению Чарис, туземцы готовы умереть таким образом. Но единственная ли это возможность?

— Должна быть лучшая, — ответил на ее мысль Шенн.

— Убейте! — Это не самцы. Требование свирепое и четкое. Из-под обломков коммуникатора показался Тагги.

— Сюда! — Маленький черный клубок устремился к Чарис. Девушка наклонилась и подняла Тссту. Сидя у нее на руках, кудрявая кошка немигающим взглядом осмотрела самцов-виверн.

— Мы умрем — вы умрете!

Четкое предупреждение. Но виверн, который послал его, не поднял копье. Напротив, положил четырехпалую руку на установку.

— Это серьезно. — На этот раз Ланти воспользовался звуковой речью. — Там должна быть кнопка, которая все взрывает. Отойдите! — Он отдал мысленный приказ и взмахнул бластером.

Туземцы не пошевелились, их упрямая решимость ответила на приказ Ланти. Сколько будет длиться такая ничья? Рано или поздно появятся люди компании.

Чарис опустила Тссту и вернулась в прихожую. Однако хоть она смогла прикрыть наружную дверь, никакого замка у нее не оказалось. То место, куда прижимают ладонь, теперь превратилось в почерневшую дыру.

— Убей ведьму! С тобой мы договоримся.

Она отчетливо услышала эту мысль, возвращаясь в помещение связи.

— Ты как мы. Убей ведьму и будь свободен! — обратился самец к Ланти.

Тссту зашипела, прижав уши к круглой голове; попятившись, она прижалась к Чарис. Тагги зарычал со своего места рядом с Ланти, в его маленьких глазах горел боевой огонь.

Туземец взглянул на животных. Чарис уловила его нерешительность. Шенна виверн мог понять; Чарис он ненавидит, потому что в его представлении она едина с ведьмами, всегда обладавшими Силой. Но связь с животными для него неожиданна, и он боится.

— Убей ведьму и тех, кто с ней. — Он принял решение, объединив незнакомое с Чарис. — Будь свободен, как мы.

— Вы свободны? — Откуда-то Чарис черпала слова. — За пределами этой комнаты, там, куда не достигает эта машина инопланетян, разве вы свободны?

В желтых глазах горячая ненависть, рычание отвело чешуйчатые губы от клыков.

— Свободны ли вы? — подхватил Шенн, и Чарис с готовностью уступила ему руководство. Для самцов-вивернов она символ того, что они ненавидят. Но Ланти мужчина, и для них он не враг.

— Еще нет. — Трудно признавать правду. — Но когда умрет ведьма, мы будем свободны.

— Но, может быть, не нужно убивать и умирать.

— О чем ты думаешь? — вслух спросила Чарис.

Ланти не взглянул на нее. Он напряженно смотрел на предводителя вивернов, как будто удерживал туземца на месте одной силой воли.

— Мысль, — сказал он, — всего лишь мысль, которая может решить проблему. Иначе все кончится настоящей кровавой бойней. Ты думаешь, теперь, когда они узнали, что может сделать для них машина, эти самцы когда-нибудь перестанут быть потенциальными убийцами своего же рода? Мы можем уничтожить машину — и их, но это было бы поражением.

— Не убивать? — вмешалась мысль виверна. — Но если мы не убьем их, пока их сны бессильны, они снова поработят нас и используют свою Силу.

— На мне они использовали Силу, и я был во тьме, где только пустота.

Виверны были изумлены.

— И как ты ушел из этого места? — Было ясно, что виверн понял, о каком месте говорит Ланти.

— Она искала меня, и они искали меня, и вместе все вытащили оттуда.

— Почему?

— Потому что они мои друзья. Они желают мне добра.

— Между ведьмой и самцом не может быть дружбы! Она хозяйка, он повинуется ее приказам во всем. Или становится ничем!

— Я был ничем, и однако я здесь. — Шенн мысленно устремился к Чарис. — Связь. Докажи им. Связь!

Она перебросила мысленную нить к Тссту, оттуда к Тагги, потом снова к Ланти. Они снова слились, и Шенн мысленно

обратился к вивернам. Чарис видела, как предводитель туземцев покачнулся, словно под ударом сильного ветра. Потом инопланетяне отступили и разъединились.

— Так это было, — сказал Шенн.

— Но вы не такие, как мы. У вас самцы и самки могут быть другими. Верно?

— Верно. Но знай вот что: вчетвером, действуя как один, мы победили Силу. Разве сможете вы всегда жить с машиной и с теми, кто ее привез? Можно ли им доверять? Заглядывали ли вы в их сознание?

— Они используют нас для своих целей. Но мы согласились на это ради свободы.

— Отключи машину, — неожиданно сказал Шенн.

— Если мы это сделаем, придут ведьмы.

— Нет, если мы не захотим.

Чарис была изумлена. Не много ли обещает Ланти? Но она начинала понимать, за что он борется. Пока на Колдуне существует пропасть между самками и самцами вивернов, всегда будет возможность для компаний вмешаться и причинить неприятности. Шенн пытается уничтожить эту пропасть. Столетия традиции, поколения различного воспитания — все против него. Против него врожденные предрассудки и страхи, но он хочет попытаться.

Он даже не спросил ее согласия и поддержки, и она обнаружила, что не возражает против этого. Как будто связь устранила сопротивление решению, которое она считает правильным.

— Связь!

Взрыв, запах горящей пластакожи. Наемники компании обратили бластеры против купола! Что собирается делать с этим Ланти? У Чарис было только мгновение для этой мысли, потом ее сознание объединилось с остальными.

Снова Ланти нацеливал и направлял острие мысли, послал его мимо растекающейся стены купола, прямо в сознание врагов, не подготовленное к такому нападению. Люди падали на месте. Бластер, изрыгающий огонь, завертелся на земле, посылая волнистую смертоносную струю.

У Шенна хватило храбрости начать игру, и он выиграл. Сможет ли выиграть и в большей игре?

Предводитель вивернов слегка шевельнул рукой. Те, что своими телами ограждали машину, отошли.

— Это не Сила, какую мы знаем.

— Но она рождена Силой, — ответил Шенн. — И другая жизнь может быть порождена той, какую вы знаете.

— Но ты не уверен.

— Я не уверен. Но знаю, что убийство оставляет только мертвых и никакая Сила, известная живым, не вернет мертвых. Вы умрете, и другие умрут вслед за вами, если вы начнете мстить. И кому будет польза от вашей смерти? Только инопланетянам, которым вы не сможете ответить.

— Но ты на нашей стороне?

— Разве можно скрыть правду, когда соприкасаются сознания?

Своеобразный занавес молчания отгородил туземцев, они совещались. Наконец предводитель возобновил контакт.

— Мы знаем, ты говоришь правду, как понимаешь ее. Никто раньше не мог разорвать путы Силы. То, что ты это сделал, возможно, означает, что ты сумеешь защитить нас. Мы принесли свои копья для убийства. Но ты прав: мертвые остаются мертвыми и, если мы осуществим свое желание убийства, умрут все. Поэтому мы попробуем твой путь.

— Связь! — Снова приказ Ланти. Он сделал жест рукой, и виверн нажал кнопку на установке.

На этот раз не копье, устремленное вперед, а защитная стена мысли. И они едва успели соорудить эту стену. Началось наступление. Чарис покачнулась под ударом, ощутила твердую руку Шенна. Он стоял, чуть расставив ноги, задрав подбородок, словно противостоял физическому нападению, отвечал ударом на удар кулака.

Трижды обрушивался удар, пытаясь пробить стену, добраться до самцов-вивернов. И каждый раз стена выдерживала. И тут они явились физически: Гисмей, яркие узоры на ее теле горели, словно огнем; Гидайя — и еще две ведьмы, которых Чарис не знает.

— Что ты делаешь? — Обжигающий вопрос.

— То, что должен. — Ответ Шенна Ланти.

— Отдай нам то, что принадлежит нам! — потребовала Гисмей.

— Они принадлежат не вам, а себе!

— Они ничто! Они не видят сны, у них нет Силы. Они ничто, только мы придаем смысл их существованию.

— Они часть всего. Без них вы умрете; без вас они умрут. Разве можно это считать ничем?

— А ты что скажешь? — Вопрос Гисмей задан не Ланти, а Чарис.

— Он говорит правду.

— По обычаям вашего народа, не нашего!

— Разве я не получила ответ Тех-Кто-Ушел-Раньше? Ответ, который ты, мудрая, не смогла прочесть? Возможно, и это — такой же ответ. Четверо добровольно стали одним, и каждый раз, как мы делаем это, мы становимся сильнее. Разве смогли вы пробить стену, созданную нами? А ведь вы обрушили на нее все Силу. Вы древний народ, мудрая, и много знаете. Но, может, когда-то давно вы свернули с дороги истины и тем ослабили свою Силу? Люди сильны, когда ищут новые дороги. А когда говорят: «Не существует других дорог, мы должны идти только по той, которую знаем», — они слабы, и будущее их туманно.

— Четверо стали одним, однако каждый из этих четверых разный. Вы все одинаковы в своей Силе. Разве вы никогда не думали, что полезно вплетать другие нити в узор, использовать новые формы, чтобы достичь Силы?

— Это глупо! Отдай нам наше, или мы уничтожим тебя! — Гребень Гисмей дрожал, все ее тело словно загорелось от гнева.

— Подожди! — прервала ее Гидайя. — Правда, что эта видящая сны получила ответ от Стержней, доставленный волей Тех-Кто-Видел-Сны-Раньше. Мы не смогли прочесть этот ответ, но он был послан ей и оказался истинным. Разве ты можешь отрицать это?

Ответа не было.

— Тут были сказаны слова, за которыми добрая мысль.

Гисмей шевельнулась, гнев ее не уменьшился. Но она не стала возражать открыто.

— Почему ты выступила против нас, видящая сны? — продолжала Гидайя. — Ты, перед которой мы открыли столько дверей, кому мы позволили воспользоваться Силой, почему ты

обернула против нас наш дар? Ведь мы никогда не хотели тебе зла?

— Потому что здесь я поняла правду: есть слабость в вашей Силе, вы слепы и не видите зла, которое вам угрожает. Пока ваше племя разделено, пока вас разделяет стена презрения и ненависти, вы сами готовите свою гибель. Именно потому, что вы открыли передо мной двери и показали прямую дорогу, я то же самое сделаю для вас. Зло исходит от моего народа. Но мы не одинаковы. У нас тоже есть свои разделения и преграды, свои преступники и разбойники.

Но молю тебя, мудрая, — торопливо продолжала Чарис, — не настаивай на сохранении этой пропасти, через которую проникает зло извне. Ты сама видела, что существует два ответа на Силу. Один исходит от машины, которую можно включать и отключать по воле инопланетян. Другой вырастает из семян, которые посеяли вы сами, и, возможно, вы станете им пользоваться.

Без этого мужчины у меня только Сила, которую вы мне дали. С ним и с этими животными я гораздо сильнее. Настолько сильнее, что это мне больше не нужно. — Она достала лист с рисунком, показала его ведьмам. Потом смяла лист и бросила на пол.

— Мы должны посовещаться. — Гисмей сузившимися глазами смотрела на смятый рисунок.

— Да будет так, — ответила Чарис, и ведьмы исчезли.

— Сработает ли? — Чарис сидела в помещении командира базы. На экране на стене видны ряды воинов-вивернов, сидящих на корточках. Они охраняют все еще не пришедших в себя людей компании в ожидании прибытия Патруля.

Ланти лежал в кресле, а у него на ногах посапывали во сне два детеныша росомахи.

— Разговариваете! — Торвальд говорил раздраженно, глядя на переносное связное устройство. — Когда вы проделали это, я уловил только гудение, и от него у меня до сих пор болит голова.

Шенн улыбнулся:

— Стоит это запомнить, сэр. Думаю ли я, что наши доводы их убедят? Не стану высказывать предположений. Но ведьмы не глупы. А мы доказали им, что они способны терпеть неудачи. Мне кажется, это их потрясло. Они всегда владели Колдуном. Со своей Силой и снами считали себя неуязвимыми. Теперь они знают, что это не так. И перед ними две возможности: ничего не делать и погибнуть или пойти по новой дороге, о которой мы говорили. Готов поручиться, что вначале последует перемирие, потом начнутся вопросы.

— У них своя гордость, — негромко сказала Чарис. — Не слишком нажимай на них.

— Зачем это нам? — ответил Торвальд. — Не забывай, мы тоже видели сны. Но переговоры будешь вести ты.

Тон его голоса ее удивил, а он продолжал:

— Джаган предположил верно: женщина может послужить посредником. Ведьмы вынуждены согласиться, что Ланти и в меньшей степени я завоевали их уважение. Но все равно лучше будут разговаривать с тобой.

— Но я не...

— Не уполномочена действовать на дипломатическом уровне? Уже уполномочена. Наша миссия обладает широкими полномочиями, а ты теперь представляешь нас. Ты включена в штат. Вы все, в том числе Тссту и Тагги, входите в состав делегации для переговоров с ведьмами.

— И на этот раз твой договор будет добровольным.

Чарис не понимала, почему Шенн так в этом уверен, но приняла его уверенность.

— Связь!

Она автоматически подчинилась невысказанному приказу. Это новый рисунок, он складывается на глазах, изменяется, и она позволяет ему увлечь себя, чувствует, что он открывает ей новые дороги. Ей помогают аккуратные мысли Тссту, контролируемая свирепость и любопытство Тагги и иногда Тоги.

Это нечто иное, в чем-то ближе, в чем-то отличней, другая сила, которая становится неотъемлемой ее частью. Это дружба. Рука сжимает руку, она всегда рядом, до нее можно дотронуться в случае нужды. Эту дружбу она принесла из Другого-Где виверн и она никогда не закончится.

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ

Глава 1

Тикил, в сущности, представлял собой три города: два из них отмечены на карте северного континента Корвара, а третий — рана, рубец, нанесенный войной и все еще не залеченный. Северная и Западная части Тикила были как бы экзотическим цветком планеты, которая с первого поселения вбирала в себя богатство. В Восточной части Тикила, примыкающей к космопорту, находились склады, мастерские и магазины — тысячи различных заведений, необходимых для безмятежного течения жизни в этом городе экзотики, где три четверти элиты галактического сектора наслаждались жизнью, осуществляя свои капризы.

В Южной части находился Диппл — собрание мрачных, непривлекательных построек. Жить здесь — значило принадлежать к низшему классу. У человека из Диппла было три возможных пути в будущее. Он мог попытаться прожить без гражданства и разрешения на работу, соперничая со множеством таких же, как он, в Центре временного найма, надеясь на предоставление работы. Он мог каким-нибудь образом собрать сумму, необходимую для уплаты большого вступительного взноса, и попытать счастья в незаконной, но процветающей и опасной Воровской гильдии; наконец, он мог подписать контракт на работу вне планеты и улететь в замороженном состоянии, не имея представления, что его ожидает.

Война Двух Секторов зашла в тупик пять лет назад. Две главные соперничающие силы разделили добычу — «сферу влияния». Несколько больших и некогда богатых планет были списаны со счетов, потому что ни один человек не осмеливался высадиться на мирах, превращенных в шлак. Но окраинные миры перешли во владения той или иной из главных сил: Кон-

федерации и Совета. В результате представители нескольких маленьких наций оказались бездомными.

В начале войны проводилась насильственная эвакуация с таких окраинных миров: пионеров сгоняли с их земель, чтобы разместить военные базы и замаскировать солнечные батареи. Так появился Диппл на планете Корвар, далеко от линии фронта. В начале на волне митингового патриотизма жители Диппла встретили хороший прием. Но позже, когда их родные планеты были уничтожены или уступлены за столом переговоров, последовали вспышки возмущения, и на нескольких планетах прошли демонстрации с призывом избавиться от докучливых поселенцев.

И вот теперь в Тикиле перед рассветом люди из Диппла сидели с поникшими плечами у внешней стены Центра временного найма или слонялись у двери, где проходила граница между имущими и неимущими.

Трой Хоран следил, как бледное золото неба становится все ярче. Было слишком поздно, чтобы наблюдать звезды. Он попытался вспомнить небо на Нордене, и в его сознании снова вспыхнула одна из ярких картин-воспоминаний.

Серебряная чаша опрокинулась над волнистой травяной равниной: трава меняла окраску одновременно от бледно-зеленого, розовато-лилового и серебряного цвета, цвет ее менялся, когда она волновалась под ударами ветра. Он знал тепло солнца, постоянно полуприкрытого радужной туманной вуалью, чувствовал игру мускулов животного, на котором сидел. Они широкой дугой огибали стадо пасущихся тупанов, следя, чтобы животные не ушли к сыпучим пескам у реки.

Именно в это утро с неба спустились корабли Совета, выжигая своими дюзами большие круги на равнине. Через три дня Трой вместе со своим народом покинул Норден, направляясь на Корвар. Их было трое Хоранов — маленькая семья. Но они недолго оставались втроем: отец — большое тело, смеющийся голос, спокойные серьезные руки, которые умели все, человек, способный установить взаимоотношения с любым животным, — надел мундир и исчез в пасти транспортника. Ланг Хоран не вернулся.

После этого Диппл поразил Большой Кашель, оставив только Троя Хорана, долговязого юношу с унаследованными умениями и желаниями, для которых не было места на Корваре. Он обладал также упрямой яростной независимостью, которая пока удерживала его от искушения подписать контракт или вступить в Гильдию. Трой Хоран был индивидуалистом, он не воспринимал приказы. После смерти матери у него не осталось в Диппле близких знакомых. Их вообще оставалось мало. Мужчины вступили в армию, а их семьи по какой-то причине оказались восприимчивы к Кашлю.

Дверь, которая вела их в будущее, отворилась. Мужчины, сидевшие у двери, встали. Механически Трой провел руками вдоль своего длинного торса, хотя ему нечего было приводить в порядок.

Поношенные форменные брюки, заношенные так, что их некогда синий цвет сменился серым; башмаки были немного великоватыми для его узких ступней, их магнитные включения звякали при ходьбе; верхнее платье, напоминавшее камзол, — без Рухкарвов. Все это находилось в резком контрасте с единственной яркой деталью костюма, которая напоминала о прежней жизни.

Этой деталью служил пояс Норденского всадника, хорошо смазанный, каждое его серебряное звено отполировано до зеркального блеска. Звенья пояса образовывали рисунок, который был единственным наследием Троя. Если бы он сейчас ехал верхом по волнистым травяным равнинам, а впереди галопировали тупаны — на их кремово-белых шкурах было бы клеймо такой же формы.

Ланг Хоран был Хозяином Пастбища и Владельцем Стада.

Молодой, сильный и упрямый, Трой подошел ближе к распределителю. Он с напряженной ревностью следил, как три человека перед ним побежали к штамповщику, чтобы получить рабочий знак. Этот знак на запястье давал им свободу передвижения в городе, правда, лишь на один день. И вот он сам стоит перед бездушным микрофоном.

— Хоран, класс два, Норден, законная работа...

Эту старую формулу он произносил день за днем. Он стоял, слегка расставив ноги, напрягшись, как будто перед ним нахо-

дилась не машина, а готовый к схватке противник. Про себя он считал до пяти, и в нем росла надежда, что, поскольку он не был отвергнут немедленно, у приемщика есть предложения и он получит работу.

Ему пришлось считать до десяти, прежде чем распределитель задал вопрос:

— Знание животных?

— Как у любого Норденского всадника.

Это было не совсем верно, но надежда Хорана быстро росла.

Распределитель задумался. Трой, несмотря на возбуждение, чувствовал напряжение стоявших за ним людей. Но размышления машины были обнадеживающими...

— Нанят. — Трой вздохнул с облегчением. — Срок найма — неопределенный. Наниматель — Косси Кайгер, первый уровень, шестой квадрат. Немедленно явитесь туда.

Подошвы башмаков Хорана стучали, когда он направился к штамповщику. Он засунул в щель руку, почувствовал мгновенный жар: на его загорелое запястье нанесли рабочий знак.

— Первый уровень, шестой квадрат, — снова вслух повторил он, не для того, чтобы запомнить, а из чистого удовольствия: он может назвать адрес своей работы.

Шестой квадрат находился на окраине делового района. Это означало, что Кайгер занимается торговлей предметами роскоши высшего класса. Удивительно, что такой торговец нуждается в работнике, лишенном гражданства. Все служащие и высококвалифицированные продавцы таких магазинов обычно были полноправными гражданами. И при чем здесь животные?

Хоран свернул на одну из быстродвижущихся дорог, выставляя напоказ временно татуированную руку, чтобы избежать вопросов патруллеров.

Было еще рано, и поэтому на дороге встречалось мало пассажиров. Над головой по воздушным линиям двигалось лишь несколько частных флиттеров. Большинство витрин магазинов было закрыто ставнями. Ближе к середине дня туристы и покупатели из вилл двинутся в город. На Корваре посещение магазинов служило одной из форм развлечения, и сокровища половины галактики текли в Тикил — результат увеличения производства после войны.

Трой перешел на другую движущуюся дорогу. Чем дальше на запад он продвигался, тем больше подозрения вызывал. Не то чтобы тут была стандартная одежда, но материал ее всегда был исключительно дорог, независимо от фасона одежды. А сложные прически мужчин, находившихся на этой дороге, их браслеты с драгоценностями, шейные цепи, поясные ножи граждан составляли фон, на котором коротко остриженные светлые волосы Троя, лишенный ножа пояс, слишком худое лицо становилось очень заметным. Дважды патруллеры на пропускных пунктах настораживались, но тут же теряли к нему интерес, заметив рабочий знак.

Шестой квадрат был районом с богатой растительностью, которой его планировщики сознательно укутали внутреннюю структуру. Трой спрыгнул с дороги и подошел к указателю на столбе.

— Кайгер, — произнес он в микрофон.

— Кайгер, — отозвался указатель. — Джентльхомо, джентльфем, посетите Кайгера, где перед вами парадом пройдут живые сокровища тысячи миров! Смотрите и слушайте лимианских говорящих рыб, дофулда, бесценный факсианский меняющийся наряд, единственный экземпляр, пойманный живьем. Следуйте за огоньком, джентльхомо, джентльфем, к Кайгеру — торговцу экзотическими животными!

Маленькая искорка вспыхнула на стене под указателем, отделилась от стены и теперь дрожала в воздухе впереди. Магазин животных! Вопрос о знании животных теперь был понятен. Но энергии у Троя поубавилось. И его ответ распределителю казался теперь более неточным. Он уже десять лет как с Нордена, десять лет не работал с животными. И все же у Троя осталась надежда. Считалось, что распределитель очень редко ошибается.

Он осмотрелся. Его окружала роскошная растительность: растения и кустарники с полдюжины миров. Их листва составляла сложный рисунок красно-зеленого, желто-зеленого, сине-зеленого, серебряного цветов... И каждая клетка тела Хорана вдруг страстно захотела, чтобы Кайгер оставил его у себя, пусть даже на один день.

Искорка-проводник танцевала, привлекая его внимание к двери. Он остановился, искорка погасла. Трой, глядя на витри-

ну Кайгера, удивленно выдохнул: он смотрел на четыре разных ландшафта, каждый из которых занимал четвертую часть витрины. Каждый ландшафт представлял собой перенесенную сюда миниатюрную часть какой-то планеты. В каждом суетились маленькие существа, занятые жизнью и смертью. Конечно, все это было трехмерным изображением, но съемка была превосходная, она совершенно очаровывала.

Трой неохотно приблизился к самой двери, в нее было вделано множество странных насекомых из плексигласа, ни одно из них он не знал. Никаких признаков, что магазин открыт, и он не увидел, как пройти к служебному входу. Трой колебался, стоя у запертой двери, но тут среди изображений насекомых появилось явно человеческое лицо. Круглые темные глаза на смуглом желтом лице смотрели на него без всякого выражения или интереса.

Трой поднял руку, чтобы ясно был виден рабочий знак на запястье. Глаза не мигая уставились на этот знак. Потом лицо исчезло. Когда дверь поднималась, казалось, что насекомые взлетают. Поток теплого воздуха, насыщенного разнообразными запахами, охватил Троя. Как будто притянутый невидимой веревкой, он вошел в магазин Кайгера.

У него не было времени внимательно осмотреть приемное помещение со стенными шкафами и множеством миниатюрных сцен чужих миров: владелец глаз нетерпеливо ждал его. Привыкший к странностям людей, гуманоидов и негуманоидов, Трой все же нашел маленького человека необычным. Он мог пройти под вытянутой рукой Хорана, но его маленькое жилистое тело было очень пропорционально и совсем не походило на тело гнома. Черные волосы росли пучками на круглом черепе. Вдобавок пучки таких же черных волос росли на верхней губе и на подбородке.

Одет он был в обычный гражданский костюм плюс кожаные перчатки. На животе у него был кожаный пояс, с которого свисал нож не только более длинный, но и более широкий, чем обычно носили в Тикиле.

— Пошли... — У него был гортанный голос. Согнутый палец указывал направление, и Трой через две комнаты, следом за маленьким человеком, вышел в коридор, из которого вели за-

крытые двери. Только миазмы животных, большого количества животных, стали очень сильны, а звуки из-за запертых дверей свидетельствовали о том, что у Кайгера множество животных. Проводник Троя дошел до конца коридора, вложил руку в выемку замка и посторонился, пропуская Хорана.

Если желтокожий был необычным, то человек, которого увидел Трой, тоже оказался сюрпризом. Хоран видел в Тикиле немало торговцев. Все они сверкали и блестели. Их драгоценности, их роскошные наряды необычных фасонов, их замысловатые прически — все должно было привлекать всеобщее внимание.

Но Кайгер, если это был он, вовсе не сверкал звездным блеском. Его мускулистое тело было затянуто в костюм из дорогой ткани, но цвет ткани темный, а драгоценностей на нем и вовсе не было. На правом запястье он носил широкий браслет ветерана-космонавта и на нем не менее двух созвездий; его череп был гладко выбрит, как будто для шлема космического разведчика. Голая, сильно загорелая кожа черепа делала еще заметнее шрам за правым ухом. Трой мимоходом удивился, почему же Кайгер носит этот уродливый шрам; пластическая операция легко бы его уничтожила.

Сидящий долго разглядывал Троя, пристально и как бы отстраненно.

— Распорядитель сообщил, что вы с Нордена, — заметил он с легким акцентом, незнакомым Трою. — Я бы скорее подумал о Мидгарде...

Трой встретил его взгляд. Этот человек обладал знаниями космонавта о расовых типах других миров.

— Я родился на Нордене...

Тот, казалось, не слышал.

— Мидгард или Терра...

Трой вспыхнул.

— Норден, — упрямо повторил он. Отец Лонга Хорана был родом с Мидгарда. А раньше — что ж, кто мог проследить родословную пионеров космоса до самого истока?

— Норден... И вы считаете, что кое-что знаете о животных? — Взгляд серых глаз, холодных, как космическое пространство между пылающими звездами, перешел с лица Троя на его пояс с

любовно отполированными серебряными звеньями. — Хозяин Пастбища?

Трой не ответил. Он пожал плечами, не понимая, почему собеседник старается унизить его. Всем известно, что теперь Норден принадлежит Конфедерации и ни один из ее прежних обитателей не может вернуться на его равнины.

— Ладно. Если распределитель прислал вас, значит, ничего лучше не сумел найти. — Кайгер встал из охватывающего его кресла. Желтый человек скользнул к нему. — Зул отдаст вам нужные распоряжения. Мы ждем груз с Часгара. Вы отправитесь в порт вместе с Зулом и будете делать то, что он велит. Не меньше, разумеется, но и не больше. Ясно? — В его голосе послышалась резкая нотка, похожая на лезвие бритвы.

Трой кивнул.

Зул оказался неразговорчивым спутником. Он поманил за собой Троя, и через другую дверь они вышли во двор. Он тоже был занят загонами и клетками, но у Троя не было времени рассматривать его обитателей. Зул провел его в ожидающий флиттер. Как только Трой занял место, маленький человек взялся за руль, и они взлетели. Зул сделал круг и направился на запад, к космопорту.

Движение в воздухе оживилось. Летело множество частных флиттеров — тяжелых грузовых и маленьких пассажирских, таких же, как и у них. Зул вел флиттер с максимальной скоростью. Легко и точно приземлился вблизи посадочных полос.

Снова указание пальцем, и Трой вслед за Зулом через один из множества входов оказался в помещении таможни. Его маленького спутника здесь хорошо знали, потому что он прошел два поста без объяснений: стражники пропускали их.

У третьей решетки Зул сказал: — «Кайгер, — и положил перед стражником опознавательный жетон. — Правая секция, третий блок...» — Теперь они находились в коридоре, с одной стороны которого шла стена, а с другой — ряд бункеров, заполненных упаковочными корзинами, тюками и контейнерами. Тут и там виднелись грузчики. Это значило, что содержимое багажа было слишком ценным, чтобы доверить его роботам.

Зул нашел нужный бункер и опустил жетон в замочную щель. Защитная решетка отодвинулась, вспыхнул свет. В бункере на-

ходились две корзины и большая тщательно упакованная клетка. Все три предмета были громоздкими, и Зул, внимательно осмотрев их, бросил через плечо:

— Привези тележку.

Трой вышел в коридор за моторной тележкой. Когда он выводил ее со стоянки, то увидел полузнакомое лицо. Нажав на пусковую кнопку и направляя тележку по коридору, он подумал, что будет, если он крикнет, что недавно принятый в Воровскую гильдию работает здесь, в самом центре святая святых перевозки сокровищ на Корваре. Каждый входящий сюда подвергался многократной проверке: в том числе и психопроверке. Всякий человек с незаконными намерениями будет немедленно обнаружен. Однако Трой был уверен, что в рабочем, поднимавшем корзину, он узнал Джулнака Вармса, который недавно вступил в Гильдию.

Платформа остановилась перед Зулом, и они вдвоем стали переносить на нее груз. Он оказался тяжелым, и, когда была установлена вторая корзина, Трой вытер пот с лица. Он внимательно смотрел на клетку, стараясь отгадать, какие испуганные существа сидят там.

Испуганные? Неподходящее слово. Обитатели клетки заинтересованы, оживлены, но не испуганы. Обитатели? Да, он уверен, их там двое...

Трой стоял неподвижно, глядя на тщательно укутанную клетку. Откуда он это узнал?

Интерес все усиливался... Что-то тронуло его, но не физически, как будто что-то мягкое коснулось его руки, проверяя гладкость кожи, силу мышц, их крепость. Трой помог Зулу поднять клетку на платформу. И теперь он не чувствовал внутри никакого движения, вообще ничего. Что же это было?

Глава 2

Клетка с большой осторожностью была установлена на сиденье позади водителя флиттера, и за все это время пути изнутри не доносилось ни звука. Но Трой еще два раза ощущал мягкое прикосновение, немедленно исчезающее, как только он напрягался. Возвращая тележку на место, Трой напряженно

размышлял. Никто не проявлял удивления или интереса к содержимому клетки. Считал ли Зул эти мягкие прикосновения чем-то обычным? А может, он вообще не замечал их? И что же за существа находятся там внутри?

Теперь космонавтам, исследователям, пионерам известно о туземной жизни тысяч миров. И Трой слышал в Диппле рассказы людей, живших на самых разных планетах, по всей галактике. Но никто даже предположения не высказывал, что возможно существование жизни, которая устанавливает мысленный контакт с разумом человека. Мысленный!

Трой остановился. Мысленное? Вот оно что. Он нашел название для этого прикосновения. Но...

Он не ощущал, что его глаза сузились, а пальцы выбивают легкую дробь на поясе. Жизненный опыт предупреждал его: смотри, слушай и храни свои мысли при себе.

Трой повернулся так резко, что успел заметить легкое движение. Недалеко стоял Вармс, локтем упираясь в груду ящиков и явно ожидая очередных приказаний, однако он только что смотрел на Троя, хотя сейчас делал вид, что не замечает его. Неужели Вармс думает, что Хоран вызовет патруллера? Он хорошо знает законы Диппла. Пока Вармс ничего не предпринимает против Кайгера, которому временно принадлежит верность Троя, Хоран никому не сообщит о нем.

Он прошел мимо Вармса, ничем не показав, что узнал его, и направился к флиттеру. Чисто случайно он заметил следующее предупреждение. Носильщик поспорил с одним из служащих таможни, и они явились к руководителю таможенного сектора. При этом они громко спорили, неся предмет своего спора. В огромном зеркале с позолоченной рамой виднелась большая трещина.

Трещина искажала изображение, но кое-что рассмотреть было можно. Трой увидел в зеркале преследователя. Вармс! Чем занимается новичок Гильдии в таможне, до сих пор не интересовало Троя. Но вдруг он неуклюже и неуверенно, по-своему настойчиво интересуется содержимым их груза?

Трой вышел наружу, на стоянку флиттеров. Здесь было много грузовых и совсем немного пассажирских флайеров. Все поле контролировал ряд двухэтажных патрульных вышек. Каждый

сантиметр пространства, должно быть, просвечивался специальными лучами. До сих пор здесь никому не удавалось что-либо украсть. А когда они с Зулом будут в воздухе, их уже никому не достать.

Но тут он обнаружил, что Зул так и собирается двигаться по поверхности. Из корпуса выдвинулись колеса, маленький человек готовил машину к наземному путешествию.

— В чем дело? — Трой умещал свои длинные ноги рядом с ногами Зула. — Разве назад мы не полетим?

Впервые широкие губы его спутника изогнулись в чем-то похожем на улыбку.

— Нет, назад мы не полетим. — Зул передразнил его. — Мы везем груз, с которым нужно обращаться осторожно.

Не очень ясное объяснение, подумал при этом Трой. Если обитатели клетки вынесли перелет в космическом корабле, то уж небольшой перелет до шестого квадрата они бы выдержали. И Вармс. Его появление вместе с действиями Зула приобретало смысл. Неужели маленький человек и гильдийский новичок сговорились, а потом обвинят его?

Трой отбросил эту мысль. Слишком многое не вяжется. Руководит действиями не он, а Зул. Сам же он до сегодняшнего дня не имел никаких связей с Кайгером и ничего не знал о грузе для магазина. К тому же что-то убеждало Троя, что Зул ничего не замышляет против хозяина. Но ведь должна же быть какая-то причина для наземного путешествия!

Тут он заметил, что движутся они не совсем прямым путем. Бросив взгляд на лицо водителя, он понял, что на его второй вопрос Зул не ответит.

Трой уселся поудобнее и стал ждать. Еще раз он ощутил исходящую из клетки мысленную активность. На этот раз она была обращена не к нему, а на окружающее. У Троя захватило дыхание: он понял, что обитатели клетки с интересом знакомятся с новым для них окружением. Но как они могли это делать сквозь толстую оболочку, что окутывала клетку?

Он много отдал бы, чтобы заглянуть в клетку. Многое, но не работу. Трой хорошо понимал, что стоит ему попытаться заглянуть в клетку, как Зул вызовет ближайшего патруллера и это бу-

дет означать немедленное и постыдное возвращение в Диппл. Он не собирался рисковать из-за любопытства.

Они сделали еще два ненужных поворота. Вокруг виднелись другие флиттеры на колесах, доставляющие пассажиров к зданиям, — способ передвижения, избранный Зулом, не был чем-то необычным. Но теперь Трой внимательно смотрел на экран обзора. Он хотел выяснить: продолжает ли Вармс следовать за ними.

Ни один флиттер не казался подозрительным. Но Трой понимал, что не может сравниться даже с самым младшим членом Гильдии. Он понимал, что любой из этих флиттеров может участвовать в их ограблении. Следует ли предупредить Зула?

Тот продолжал невозмутимо править на большой скорости. Кожа на спине Троя начала зудеть от напряженного ожидания. И его растущая тревога разделялась обитателями клетки. Их интерес сменился желанием предупредить, насторожить...

Трой открыл рот и собрался заговорить. Из клетки донесся крик, такой громкий, что заглушил все слова. Голова Троя дернулась. Крик замер, но Трой понял: опасность приближается, и быстро. Руки Троя ухватились за крышку ящика, где лежало оружие. Но крышка не поддалась.

Зул рывком бросил флиттер вперед, и они вылетели с авеню в пространство, за которым находился первый круг магазинов. И маленький человек виртуозно скользил между другими флиттерами. Трой сидел напряженно, внимание его раздвоилось. Он смотрел вперед и назад. Из клетки больше не доносились крики. Но Трою они больше были не нужны. Он ощущал волну ожидания и понимал, что неприятности еще впереди.

Они могли бы уйти от опасности, если бы Зул не ошибся на несколько дюймов. Трой поднял руки, защищая голову. Их флиттер ударился о другой.

Толчок, видимо, отбросил крышку оружейного ящика. Трой увидел рукоять шокера. Рука, принявшая на себя удар, бессильно свисала, но вторая рука была в порядке, и ее пальцы жадно сомкнулись на рукояти оружия.

Дверь слева от Зула распахнулась, и от удара маленький человечек вылетел. Он сумел подняться. Из раны на его плече те-

кла кровь. Самостоятельно стоять он не мог и, пошатнувшись, оперся на флиттер.

Трой плечом распахнул дверцу со своей стороны и выскочил со шокером наготове. Он был уверен, что столкнется с противником более опасным, чем этот владелец флиттера, с которым они столкнулись. Трой увидел, как Зул вытащил нож. Но к нему направился владелец другого флиттера.

Вокруг столпились зеваки. Но никто не вызвал патруллера. Схватившись за нож, а не за шокер, Зул показал, что это вопрос чести, хотя такие поединки и были запрещены законом. И если бы Трой не получил предупреждения, он сомневался бы, помогать ли Зулу.

Онемевшая рука беспокоила его, он пристроил шокер на колено. Лезвия ножей сверкнули на солнце. Зул, прислонившись спиной к флиттеру, защищался.

Трой спустил курок, помня наставления отца: «Тщательно прицеливайся, парень. Это важнее, чем быстрота».

Послышался слабый свист. Человек, стоявший перед Зулом, зашатался, повернулся и оперся на свою машину, онемело тряся головой. Но Зул не напал на него. Трой дослал второй заряд в шокер.

Он вовремя сделал это: послышался пронзительный предупреждающий крик из клетки. Трой инстинктивно отступил вправо. О столб, где он только что стоял, со звоном ударился нож и отлетел в сторону.

Человек, бросивший нож, отступил, но на его место встал другой. Он сузил глаза, рассчитывая дистанцию. Трой прицелился ему в голову, надеясь, что у того нет защитного экрана. Весь ход нападения, время и место, свидетельствовал, что люди Гильдии охотились за очень ценным грузом или получили очень высокую плату. А это, в свою очередь, означало, что у них самое совершенное оборудование.

Но Трой так и не получил возможности проверить, правильны ли его предположения. В воздухе над головой человека с ножом материализовалась белая проволока. Она свернулась в круг и с поразительной скоростью опустилась на нападающего, охватив его плечи, руки, тело и, наконец, ноги. Человек яростно сопротивлялся. Но через несколько секунд он был опутан,

как добыча паука. А вторая такая же паутина охватила его товарища.

Трой выпрямился и бросил шокер на землю, не желая, чтобы патруллеры занялись им. Оставив оружие, он подошел к Зулу.

Кровь образовала на лице Зула дьявольскую маску, он держался рукой за свисающую дверцу флиттера. Было видно, что стоять без поддержки он не может. Подходя к нему, Трой внезапно осознал, что обитатели клетки больше ничем не дают о себе знать, никакого контакта с ними не было.

Появились патруллеры. Трой правдиво ответил на вопросы о том, что видел, но не упомянул о неслышном предупреждении... К удивлению Троя, из второго патрульного флиттера вышел Кайгер. Зула отправили под присмотром врача, затем Кайгер осмотрел клетку — Трой помог ему перенести клетку на тротуар.

— Весь груз цел, офицер, — сообщил Кайгер патруллеру. — Очевидно, простая попытка грабежа. Но воры бы не получили от него выгоду!

— Почему? — Патруллер был со Шварцеркана, и на смуглозеленой коже его рук, державших звукозаписывающий аппарат, виднелись следы чешуек.

— Потому что эти животные не могут жить без специально импортируемой пищи и особого присмотра, офицер. Это особый заказ для джентльфем Сан дук Бар...

Шварцерканин не моргнул, но в его голосе послышалось почтение, когда он ответил Кайгеру:

— Вам повезло, торговец, что этот груз не попал в руки бандитов. — Взгляд его на мгновение коснулся связанных пленников. — Вам нужно побыстрее доставить этих драгоценных животных в магазин. Но боюсь, что ваш флиттер починить не удастся.

— Мне нужен запасной флиттер.

— Да. Мула, запасной флиттер для торговца!

Один из патруллеров склонился к переговорному устройству флиттера. И тут впервые Кайгер показал, что заметил Троя.

— Это использовали вы? — Он кивнул на лежавший на земле шокер.

— Да.

— Хорошо. — Кайгер поднял оружие и протянул его шварцерканину. — Присягаю, что мой человек использовал оружие для защиты моего имущества, — сказал он, используя требуемую законом формулу.

— Записано, торговец.

Трой посмотрел на Кайгера. Такую присягу дают только по отношению к постоянному работнику, гражданину. Неужели Кайгер хочет...

Но сейчас не было времени задавать вопросы. Приземлился запасной флиттер, и Трой помог Кайгеру перенести в него корзины и клетку. Из клетки по-прежнему ничего не доносилось. Можно было подумать, что происходившее Трою приснилось. Но Трой знал, что это не так. Его распирало любопытство.

Животные, заказанные женой сук Сарфа, действительно должны быть экзотическими и очень дорогими. Сук Сарфа был представителем Пятидесяти Благородных Семей на планете Бульф-3. Но джентльфем Сан дук Бар не жила там. Слухи говорили правду: она с мужем жила на Корваре. И никакие богатства не представляли возможности проникнуть в круг Пятидесяти.

Трой удивился, как сук Сарфа умудрялся править своей планетой на таком расстоянии. Более того, в его власти находилась группа из шести планетных систем, которые никогда не вмешивались в конфликтные ситуации истинных хозяев космоса. Но даже такая осторожность может нарушить непрочное равновесие сил. Сук Сарфа был не единственным представителем, избравшим своей неофициальной резиденцией Корвар.

— У вас в Диппле есть семья? — Вопрос Кайгера прервал мысли Троя.

— Нет, торговец.

— Вы хотите заключить контракт на полный срок?

— С вами, торговец?

— Со мной. От Зула мало толку в ближайшем будущем. Мне нужна замена для него. Всякое может случиться. — Кайгер взглянул на него и отвел глаза. — Может, вы рассчитывали на что-то лучшее, дипплмен?

Глава 3

Трой изучал животных, а их голубые глаза пристально рассматривали его. Новых мысленных контактов не было. Однако он был уверен, что предыдущий не был плодом его воображения.

Кайгер открыл клетку. Черная кошка встала, изогнула гладкую спину, вытянула передние лапы и затем осторожно вышла во двор. Ее голубоватый товарищ держался позади, а черный исследовал окружающее при помощи глаз и носа.

— Ссс... — Властный голос Кайгера перешел в бормотание. Он вытянул руку, чтобы черная кошка обнюхала ее.

Кошки были частью экипажа любого космического корабля. Трой видел их в доках. Но столетия путешествий между звездами привели к радикальным изменениям в породе. Из тех кошек, что Трой видел ранее, никто не обладал такими длинными и гибкими лапами, такой заостренной мордочкой, большими ушами, шерстью такого цвета и такой красоты.

Черная без всяких усилий прыгнула на крышу клетки, оттуда вышла меньшая. Из ее пасти, обрамленной серым, прозвучал крик, похожий на тот, который предшествовал столкновению. Кайгер рассмеялся.

— Голодны? — обратился он к одному из служащих. — Принесите пакет с пищей.

Трой смотрел, как торговец извлек из пакета содержимое и положил его в чашку, которая была прикреплена к задней стенке клетки. Содержимое пакета, сухое и твердое, в чашке стало влажным. Кошки принюхались и стали есть.

За ними ухаживал сам Кайгер. Трой обнаружил, что в магазине несколько служащих: часть заняты клетками во дворе, а остальные работают в магазине. Странно, но Трой должен был работать внутри, возможно исполняя часть обязанностей Зула.

Его плечо все еще болело, но он старательно выполнял все, что поручал ему Кайгер.

В коридоре, который вел от торгового помещения к кабинету, было четыре двери. Две вели в комнаты птиц или летающих существ, которых можно было квалифицировать как птиц. Трой урывками наблюдал за ними, наливая воду и расставляя

кормушки с семенами, экзотическими фруктами и даже кусочками рыбы и мяса. Следующие два помещения по оборудованию сильно отличались. Одно было заполнено баками и аквариумами с жителями моря, и Трой лишь взглянул туда: там уже работал хорошо обученный человек. Последняя комната предназначалась для маленьких животных.

Кошки исчезли из кабинета Кайгера, и Трой больше их не видел. Не испытывал он и странного чувства контакта, работая меж клеток в комнате животных. Все эти создания были достаточно дружелюбны, многие из них добивались его внимания, вытягивая лапы и издавая разнообразные звуки.

Он ел во дворе, отдельно от остальных служителей Кайгера. Жители Диппла и граждане никогда не дружили. А после полудня он видел, как отправляли терранских кошек.

Служебный робот нес путевую клетку и корзину с пищей во главе небольшой процессии. Затем шла, сверкая драгоценностями, богато разодетая компаньонка. Дальше, почтительно сопровождаемая Кайгером, шла вторая женщина, черты которой трудно было рассмотреть под модной окраской: на ее щеки и лоб были нанесены сверкающие звезды. Ультрамодная вуаль скромности укутывала ее рот, подбородок и почти всю голову. Ее одежда была великолепно сшита и лишена украшений, в отличие от одежды компаньонки.

В ее речи слышался неискорененный лимианский акцент. Было ясно, что она восхищена своим приобретением. Трой нырнул в комнату с рыбами, когда процессия проходила мимо него.

Он не понимал, почему чувствует раздражение. Джентльфем Сан дук Бар была одной из богатейших женщин Корвара, и кошки были заказаны именно для удовлетворения ее каприза. Почему он возмущается из-за того, что их унесли? У него теперь свой кусочек удачи — может, Кайгер оставит его у себя, по крайней мере до выздоровления Зула.

Кайгер, проводив покупательницу, позвал Троя в свой кабинет. Коммуникационная панель на стене была активирована, и на ней виднелась белая полоса длиной в ладонь, которую Трой и не надеялся увидеть.

— Контракт на семидневный срок. — Кайгер явно торопился закончить дело. — Не предусматривает вылет за пределы планеты. Вы согласны, Хоран?

Трой кивнул. Даже семидневный контракт был счастьем.

— Продление возможно?

— Возможно, — без колебаний ответил торговец, и настроение Троя улучшилось. Он пересек помещение, приложил к белой полосе правую ладонь.

— Трой Хоран. Норден, класс два, принимает семидневный контракт, без вылета за пределы планеты, у Кайгера, — произнес он необходимую фразу.

Кайгер в свою очередь приложил ладонь.

— Косси Кайгер, зарегистрированный торговец, принимает семидневный контракт у Троя Хорана. Зарегистрируйте.

Послышался голос:

— Записано и зарегистрировано.

Кайгер вернулся в свое кресло.

— Наденьте форму магазина. Вам нужно вечером вернуться в Диппл?

Трой покачал головой. Немногие вещи, принадлежавшие ему, он утром закрыл в камере хранения. Замок откроется только от его прикосновения в течение десяти дней. Он сможет в любое время забрать содержимое камеры хранения. Показалось ли ему или Кайгер был действительно доволен?

— Зул дежурил по ночам. Один человек внутри, один во дворе. У нас есть дорогие животные. Будете делать два обхода...

Его прервал колокольчик, свидетельствующий о приходе посетителя. Кайгер встал.

— Переоденьтесь и принимайтесь за работу, Хоран, — приказал ему Кайгер и вышел из кабинета.

Трой надел форму магазина, а поверх нее свой пояс всадника. Форма была того же темно-синего цвета, который предпочитал Трой в своем костюме. Ножа на его поясе не было. Трой сделал лишь очень небольшой шаг из Диппла.

Торговля продолжалась допоздна. Трой дважды приносил по вызову клетки с животными. Он только успел вернуть визжавшего детеныша, записанного как животное, но с перьями вместо шерсти, с шестью лапами, болтавшимися в воздухе, боль-

шеухой головой, которая с интересом смотрела на мир в клетке, где немедленно началась смешная возня с тремя такими же детенышами, — когда в дверях показался Кайгер.

— Вот это закрывает вас на ночь. Помещение охраны рядом со складом. А это вот здесь. — Он ткнул пальцем в заднюю стену двора, где на втором этаже виднелся ряд окон. — Вот... — Его рука сомкнулась над красной кнопкой в двери. — Если нужна помощь — нажмите. Такие есть в каждой комнате. Сделайте обход в три часа, потом в шесть. А в остальное время, — под кнопкой была ручка, которую он повернул, — вы можете слышать животных. Клетки во дворе вас не касаются.

— Да, торговец, — согласился Трой.

Кайгер вышел в коридор, закрыл дверь в свой кабинет, приложив палец к замку. Делал он это подчеркнуто, как будто хотел, чтобы новый работник был свидетелем его действий.

Затем, не сказав ни слова, ушел. Трой почувствовал груз ответственности. Он вошел в комнату для птиц. Свет был притушен, и большинство обитателей спало. В каждой из комнат был включен коммуникатор, кнопка вызова действовала. После осмотра Трой отправился в уголок склада, где находилась койка, все еще слишком возбужденный, чтобы уснуть.

За три дня он вполне освоился с порядками в магазине Кайгера. Ему удалось справиться с редким раздражительным ястребом, с которым не мог совладать сам Кайгер. Трой начал надеяться, что его семидневный контракт действительно будет продлен. А также он обнаружил, что Кайгер не только продавал, но и покупал.

Во дворе имелся второй вход в магазин, и в него тайком приходили люди, большей частью в одежде звездолетчиков; они несли клетки с различными дикими обитателями. Трой получил распоряжение: всех таких посетителей сразу направлять в кабинет Кайгера. А если торговец был занят покупателями, его следовало вызвать определенным сигналом.

В заключение таких визитов Трою или одному из служителей приходилось уносить результаты сделки. Однако все эти клетки оставались во дворе, а не в магазине, где содержались самые ценные и редкие животные. К тому же Трою казалось, что число таких продавцов не соответствует числу посетителей-покупате-

лей, как будто некоторые из этих людей посещали торговца по другим причинам. Но и на это легко было найти объяснения: вполне могли зайти коллеги по бизнесу, если они останавливались в порту. Но могла быть и третья причина — с ней было связано нападение на Зула и интерес, проявленный Вармсом.

Тикил — порт роскоши. А эта роскошь не всегда доставлялась законными путями. Трой мог назвать запрещенные наркотики, напитки и другие предметы, которые давали огромные прибыли тем, кто сумеет пронести их через таможню. И если Кайгер занимался такими делами, то Троя это совершенно не касалось.

На четвертый день после заключения контракта Троя вызвали в торговое помещение. Здесь было два покупателя. Кайгер был занят с женщиной. Он указал Трою на ожидающего мужчину:

— Покажите джентльхомо трехмерные изображения с Харона. Да, джентльфем, — и Кайгер вернулся к сверкающей драгоценностями посетительнице, — есть много других терранских животных, которые по уму и красоте могут сравниться с кошками. Позвольте мне показать вам...

Трой хотел пройти за изображениями, но человек, которого он хотел обслужить, остановил его кивком. По-видимому, он хотел посмотреть, что показывает посетительнице Кайгер.

Торговец нажал кнопку. Из стены выдвинулся небольшой экран и закрепился на такой высоте, чтобы посетительнице было удобно смотреть. Она была старше жены Бара и гораздо роскошнее одета: на ней была полупрозрачная одежда с Цинуса, совершенно не соответствующая ее тощей фигуре. Ее голос звучал резко. Трой узнал в ней Великого Первого Лидера с Сидона. Сидон — группа из трех планет вокруг умирающей звезды. Там господствовал матриархат, но планеты имели стратегическое значение, находясь на важной звездной магистрали, и поэтому Великий Первый Лидер обладал значительным влиянием.

— Это, джентльфем, — Кайгер щелкнул пальцами, и на экране немедленно появилось трехмерное изображение, — это лиса, у меня как раз есть пара лис, и я могу предложить их вам.

— Да? — Великий Лидер нахмурилась. Углы ее накрашенного рта дрогнули. — И сколько кредитов мне это будет стоить, торговец?

Кайгер назвал сумму, которая пять дней назад показалась бы Трою невероятной. Теперь же он лишь решил для себя, что торг будет продолжаться долго.

— Лиса, — сказал стоящий рядом с ним человек, сказал почти шепотом, как бы думая вслух.

Животное на трехмерном изображении было совсем как живое. У него был густой желто-оранжево-красный мех, черные лапы и белый кончик хвоста. Голова почти треугольная с заостренными ушами и мордой, зеленоватые глаза придавали морде настороженное и озорное выражение. Животное было больше кошки, с хорошо замаскированным выражением разума.

Что-то в голосе покупателя, сказавшего «лиса», говорило Трою, что он не совсем знаком с терранской экзотикой, однако он отступил в другую нишу, и Хоран последовал за ним.

— Я понял, что у вас есть ястреб?

— Да, джентльхомо.

— Вы испытывали его в полете?

— Нет, джентльхомо. Перелет в корабле испугал его, и мы решили дать ему отдохнуть.

Странные золотистые глаза осматривали пояс Троя.

— Вы с Нордена?

— Я там родился, — коротко ответил Трой.

— Значит, вам приходилось охотиться с ястребами?

Губы Троя дрогнули.

— Я видел такую охоту. Но это было давно, джентльхомо. До войны. — Он старался говорить спокойно, но был слегка удивлен. Незнакомец был не похож на бывшего космонавта. Но вряд ли хоть один из десяти тысяч жителей Корвара смог бы узнать пояс Троя или знал, что всадники на Нордене охотились с ястребами. Готовя экран, он изучал своего собеседника.

Они были одного роста, но корварец был лет на десять старше. Он не походил на аристократического обитателя виллы и даже на того, кто дорого платит. Поскольку он не в форме, он не принадлежит ни к одной из официальных служб. Но ясно, что это человек действия. Его кожа загорела не меньше, чем у Троя. В соответствии с модой у него на макушке была длинная прядь волос, перетянутая двумя золотыми кольцами, сами волосы были тускло-золотого цвета, почти не отличаясь от металла. Сво-

бодная светло-коричневая одежда была сшита из металлопласта, в котором, когда он двигался, сверкали маленькие золотые искорки. На ножнах его поясного ножа и на браслетах блестели жемчужины, но все же, несмотря на весь этот блеск, он не производил впечатления щеголя.

— Я раньше вас здесь не встречал. Где Зул? — В этом вопросе не было высокомерия. Незнакомец говорил так, будто интересовался на самом деле и эти сведения были ему важны.

— Он ранен... при аварии флиттера, — уклончиво ответил Трой, потом добавил: — А у меня временный контракт.

— Из Диппла? — Незнакомец произнес это название без акцента, который делал его бранным словом на Тикиле. — Так что у Кайгера с Хатора?

Он наконец сел, отмахнувшись от предложения Троя выпить. Хоран нажал кнопку, и на экране появилась первая картина. Это было начало серии, которая предназначалась для показа покупателям, интересующимся хищными птицами, которых можно было выдрессировать для охоты. Но когда Трой показал всю коллекцию с Хатора, покупатель покачал головой:

— Когда знаешь, что можешь получить первосортное оружие, не станешь брать второсортное. Если у Кайгера есть подходящий ястреб, мне больше ничего не надо.

Он взял курительную палочку, щелкнул ее о ноготь: палочка задымилась, испуская травяной запах.

— А, Кайгер! — Он посмотрел на подошедшего торговца. — Вы кончили? Долго ли матери трех миров придется ждать новой игрушки?

Что-то возникло в нише невидимое, как прикосновение из кошачьей клетки. Какое-то напряжение, какой-то невидимый намек на натянутость. Но внешне оба держались легко. Кайгер сел в другое кресло, как будто между ними не было ранговых барьеров.

— Ничуть не долго. У меня прибывает пара из Шаммора.

— Да? Играете на терранском импорте, Кайгер?

Экс-космонавт пожал плечами:

— Сейчас большой спрос на терранских животных. Мои друзья с кораблей передали мне, что будет разрешен их свободный вывоз.

Покупатель кивнул:

— Да. Что ж, торговля лучше, чем война. Если вам удастся привязать Терру, Совет будет благосклонен к вам.

Снова ощущение напряжения. Золотой человек погасил курительную палочку.

— У вас есть ястреб...

Кайгер взял пластиковый шар с освежающим напитком и выдавил его содержимое в рот.

— Да, но прежде, чем его продавать, я должен испытать его в полете.

— Конечно. Я собираюсь в инспекционную поездку по Диким Землям. Доверьте мне испытание, пошлите со мной вашего человека.

Кайгер взглянул на Хорана:

— Ладно, он знает, как обращаться с ястребом. Хорошо, охотник. Когда вы уезжаете и надолго ли?

— На три дня. Хочу добраться до самых болот. А что касается времени вылета — то, скажем, через два дня. Это даст возможность птице отдохнуть.

— Договорились. Вы должны быть готовы к выполнению приказов охотника Рерна, — сказал он Трою.

Золотой человек вышел неслышной походкой, и Трою теперь не казалось это необычным. Кайгер некоторое время продолжал сидеть, глядя на дверь.

— Рерн, — повторил он негромко. Если в его тоне и было какое-то выражение, то Трой не сумел его распознать.

Охотники, рейнджеры Диких Земель, были легендой Тикила. Они охраняли обширные пространства тщательно оберегаемых лесов и населенных пунктов, где обитатели вилл Корвара, не покидая своих летательных аппаратов, могли наслаждаться видом примитивной жизни. Занятие охотников за два столетия стало наследственным и включало членов десяти-двенадцати семей. Все они восходили к Первому кораблю колонистов Корвара.

Клан Рерна жил на севере. А этот человек, исходя из его возраста, должно быть, один из двух братьев, чье открытие злополучной экспедиции Фауклова превратилось в нечто вроде саги. Трой ощупал пояс, с которого не свисал нож. Даже пол-

ноправный гражданин очень редко может надеяться на возможность проникнуть в Дикие Земли. Рейнджеры, люди леса, строго отстаивали свои привилегии. И все же через два дня он отправился туда с Рерном!

Глава 4

Все события пришлись на период затишья в магазине. Дневные покупатели уже ушли, а вечерние еще не появились. Кайгер ушел в свой кабинет, его служащие собрались на ужин. Трой пристроил тарелку на коленях во дворе. Через раскрытое окно над головой он слышал механическое повторение событий дня в коммуникаторе Кайгера.

— ...Необъяснимая и внезапная смерть саттор-командующего Варена Ди.

Трой перестал жевать. В двух шагах от него стоял флиттер, а в нем ящик с едой, которую надо было доставить на виллу саттор-командующего Варена Ди для его животного.

— ...вышел в отставку из руководства Советом в прошлом году, — продолжал механический голос. — Но многолетний опыт давал ему возможность оставаться консультантом по специальным проблемам. Утверждают, что он выступал советником при заключении договора с Панарком-5. Представители правительства не подтвердили, но и не отрицали эти слухи. Передаем сообщение Совета: «С глубочайшим сожалением...

Монотонный голос замолк, тишина стала еще заметнее из-за внезапности перерыва. Трой продолжал есть. Смерть, «необъяснимая и внезапная», как сказал комментатор, недавнего военного руководителя и главы Совета, не касалась Троя. Десять лет назад — рука Троя остановилась на полпути ко рту — все могло быть по-другому. Именно Варен Ди неожиданно решил превратить Норден в военную базу кораблей класса «саттор». Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

— Хоран! — У входа во двор появился Кайгер. Трой оставил тарелку, заметив раздражение своего нанимателя. — Немедленно доставьте груз на виллу Ди.

Что ж, подумал Трой, животному нужна еда даже после смерти хозяина. Но почему так срочно и почему именно он? Обычно

с такими поручениями отправляли служащих со двора. Но не время было задавать вопросы. Он занял место водителя и взлетел.

Лента с программой полета была уже установлена. Трою ничего не оставалось делать, как смотреть вниз и быть готовым в случае необходимости взять управление на себя. Он наслаждался одиночеством и отдыхом.

Золотая дымка, затягивающая небо Корвара в хорошую погоду, чем-то напомнила ему Рерна и путешествие в Дикие Земли. Он дважды после ухода охотника навещал ястреба. При втором посещении большая птица зашевелилась на насесте и расправила крылья, что было очень хорошим знаком. Птица была самцом примерно двухлетнего возраста, то есть самого лучшего для обучения. Хотя он был совершенно диким, когда его извлекали из путевой клетки, он не ударил Троя, как пытался ударить Кайгера и помогавшего ему работника. Может, птица спокойно поедет с Хораном?

— Предупреждение! — Эти слова вылетели из динамика на приборном щите, вдобавок загорелась лампочка.

Трой посмотрел вверх. Над ним, как ястреб, висел патрульный флиттер, готовый обрушиться на добычу.

— Назовите себя! — послышался приказ.

Трой нажал кнопку, посылая сообщение о цели и маршруте своего полета. Если патруллеры расследуют обстоятельства загадочной смерти, ему не разрешат посадку на вилле Ди.

Но, к его удивлению, ему разрешили продолжать полет. И не остановили, когда он приблизился к вилле командующего.

Подобно всем корварским аристократам, Варен Ди соорудил себе жилище по моде другой планеты, избрав моделью Кван. Даже розово-серые кусты не могли закрыть искусно полуразрушенные стены, закрытые специальными щитами. Трой старался представить себе, сколько кредитов стоила доставка всего этого с Квана. Вряд ли даже саттор-командующий и глава Совета мог получить это законным путем.

Он взвалил на плечи ящик с провизией и пошел к входу в виллу. В саду было полно людей в форме патруллеров. Их внимание сосредоточилось на небольшом сооружении, скрытом зарослями и очень отличающемся от виллы. Если вилла была

полупрозрачна, то это сооружение представляло собой сплошной каменный блок и вызывало воспоминание о примитивной цивилизации на много тысячелетий моложе виллы.

Оттуда вышел человек, и Трой замер. Как в таможне невидимое прикосновение встревожило его, так и здесь он услышал беззвучный крик о помощи. Чувство ужаса и еще большая необходимость передать кому-то очень важную информацию ударили его по мозгу. И, не размышляя, он ответил на эту мольбу бессловесным вопросом: «Что... где... как?»

Человек, вышедший из каменного сооружения, повернулся и сделал хватательное движение, пытаясь поймать что-то вырвавшееся и скрывшееся в ветвях деревьев. Только качающаяся листва показывала движение к вилле... или Трою? Нагнулась ветка, и с нее спрыгнуло маленькое тельце.

Трой успел поставить ящик прежде, чем это опустилось ему на плечо. Хватательный змееподобный хвост обвился вокруг его шеи, маленькие лапки яростно вцепились в одежду, он поднял руку, нащупывая маленькое дрожащее пушистое животное. Круглая широкая голова прижалась к нему: животное как бы хотело свернуться в шар. Трой успокаивающе погладил его по шерсти.

Убить... Никто не произносил этого слова, оно вспыхнуло в его мозгу, а вместе с ним нечеткая дрожащая картина: человек, обвисший в кресле. Трой покачал головой, картина исчезла. Но остался страх, излучаемый животным.

Опасность... Да, опасность не только для животного, которого он держит, но и для людей.

Человек, несший животное, устремился вперед, еще двое патрулеров направились к Трою. В тот же момент он понял, что должен защитить существо даже вопреки законам Корвара.

— Ссс... — Он успокаивал животное, поглаживая его. Трой старался установить с ним контакт, обещая защиту и помощь.

— Кто вы?

Трой поудобнее устроил животное на плече и ответил:

— Хоран.

Он подбородком указал на флиттер, на корпусе которого явно виднелась надпись: «От Кайгера».

Один из патруллеров откашлялся и заговорил с ноткой уважения:

— Это поставщик животных и птиц, джентльхомо. Наверное, саттор-командующий заказывал это животное...

У человека, к которому обращался патруллер, было жесткое лицо и суровые глаза. Он смотрел на Троя так, как будто тот представлял проблему, которую все же необходимо решить.

— Что вы здесь делаете?

Трой носком ноги коснулся ящика.

— Доставка, джентльхомо. Особая пища для животных и птиц командующего.

Жестколицый взглянул на второго патруллера, тот кивнул.

— Заказано на сегодня, джентльхомо. Это особая инопланетная пища для... — он споткнулся на незнакомом названии, — для кинкажу.

— Для чего? Что это за существо?

— Оно терранское, — ответил подчиненный. — И очень редкое. Саттор-командующий чрезвычайно гордился им.

— Кинкажу... с Терры... — Офицер сделал шаг вперед, как бы стараясь рассмотреть животное, прижавшееся к Трою.

— Но если это животное, зачем оно рылось в столе саттор-командующего? У вас и на это ответ есть?

Опасность! Трой не нуждался в этой вспышке предупреждения. Он ясно читал выражение лица офицера.

— Многие животные очень любопытны, джентльхомо. — Трой старался отвлечь внимание офицера. — Разве корвианские ктаны не разворачивают любой сверток, попадающий им в лапы?

Патруллер кивнул в знак согласия. Трой продолжал:

— Животное также подражает действиям людей, с которыми они связаны, джентльхомо. Кинкажу, возможно, повторял жесты саттор-командующего. Что же еще? Ведь, конечно же, тут не может быть цели...

И тут Трой подумал, что, возможно, именно это и делало животное. Неужели у офицера есть какие-нибудь сведения на этот счет?

— Возможно, — согласился тот. — Чтобы больше таких недоразумений не было, возьмите кинкажу и возвращайтесь с ним к

Кайгеру. Он отвечает за него, пока не будет завершено расследование обстоятельств смерти саттор-командующего. Скажите ему, что это приказ коменданта западного сектора.

— Будет сделано, джентльхомо.

Трой попытался сначала посадить кинкажу во флиттер, а потом поставить ящик. Но животное не отцеплялось от него. Вдобавок к страху оно теперь излучало чувство тревоги, связанное с каменным сооружением. Кинкажу хотел вернуться в это здание, чтобы закончить выполнение какого-то задания. Но Трой не мог оставаться. И животное впервые начало кричать, издавая резкие трубные звуки, как бы усиливая безмолвную беседу.

— Убирайтесь!

Комендант вернулся в сооружение в саду, а патруллеры двинулись на Троя. Он не собирался спорить с ними. Ему удалось кое-как втащить ящик во флиттер. Кинкажу продолжал громко протестовать, хотя Трой и заметил, что животное не делает попыток отцепиться от него.

Как только они поднялись, животное успокоилось. Очевидно, признав поражение, сидя на руке Троя и цепляясь за него хвостом, оно рассматривало окружающее с чем-то напоминающим безумный интерес. Но попыток общения больше не было.

Когда флиттер опустился во дворе магазина Кайгера, кинкажу передвинулся к дверце кабины, похлопал по ней передними лапками и вопросительно взглянул на Троя. Каждая линия его закругленного тела говорила о желании освободиться. Трой ухватил его за хвост, не желая быть свидетелем того, как животное великолепными прыжками убегает на волю. Выйдя из флиттера и крепко прижимая к себе кинкажу, Трой отправился в кабинет Кайгера.

В коридоре показался Кайгер. Увидев в руках Троя кричащее животное, он остановился. Снова Трой уловил напряженное беспокойство, такое же, как и то, которое возникло при встрече экс-космонавта и Рерна.

— Что случилось? — У Кайгера был обычный тон. Он прошел в свой кабинет, и Трой последовал его молчаливому приглашению. А кинкажу прекратил попытки убежать. Животное снова прижалось к груди Хорана, как бы прося о защите. Но мысленный контакт полностью прервался.

Трой сжато передал, что произошло на вилле Ди. Но не упомянул о контакте с кинкажу. В суровой школе Диппла он рано узнал, что знание может послужить оружием и защитой, и что-то заставило его хранить в тайне мысленный контакт с двумя видами терранских животных по крайней мере до тех пор, пока он не узнает Кайгера получше.

Кайгер не пытался оторвать животное от Хорана, но сел в свое кресло. Пальцами он растирал шрам на лице.

— Это очень ценный образец, — спокойно сказал он, когда Трой закончил. — Вы правильно поступили, привезя его сюда. Любопытен, как песчаный фолс. Представителям закона не нужно было доводить его до истерии. Поместите его в пустую клетку, дайте ему воды и орехов и оставьте одного.

Трой исполнил приказ, но в клетке ему было трудно отцепить кинкажу. По-видимому, животное считало Хорана наиболее надежным убежищем в этом непрочном мире. Когда же Трой закрыл клетку, пленник свернулся в шар в дальнем углу и подставил миру лишь пушистую спинку.

За несколько дней, проведенных у Кайгера, Трой уже привык ожидать ночных часов, когда он оставался один внутри главного здания. В соответствии с приказом он делал два основных обхода. Но каждую ночь перед сном он совершал собственные визиты. Он навещал ястреба, щенков с голубыми перьями, которые встречали его, вытягивая к нему лапы и испуская ревнивые крики, и несколько других питомцев-любимцев. Сегодня он подошел к клетке с кинкажу. Пушистый шар по-прежнему находился в дальнем углу клетки.

Трой сознательно попытался вступить в мысленный контакт, предлагая дружбу и лучшее понимание. Но если кинкажу и понял его, то никак не проявил этого. Разочарованный Трой покинул комнату, предварительно включив коммуникатор.

Вытянувшись на койке, он попытался сопоставить события дня. Но, вспомнив о Рерне и его предложении испытать ястреба в Диких Землях, он размечтался, и скоро его мечты постепенно перешли в крепкий сон.

Трой вскочил, ударившись плечом о стену и бешено крутя головой. Перед глазами стоял туман, но боли не было. Он от-

крыл глаза. Уже далеко за полночь, но еще рано для обычного обхода.

Впрочем, раз уж проснулся, можно совершить обход. Он сел, надел башмаки. Придавил пальцы к вискам. Какое-то тупое давление оставалось, а это ненормально.

Трой протянул руку и достал из ниши над койкой оружие.

Хотя такой вид воздействия он никогда не испытывал раньше, он все же понял, с чем он столкнулся. Держа шокер наготове, он бесшумно подошел к двери и выглянул в коридор.

Справа находился кабинет Кайгера, как обычно закрытый. Из коммутатора не доносилось никаких звуков. Но отсутствие звука тоже страшно. Трой привык к сопению, вздохам, щелканьям — множеству звуков, доносящихся из клеток.

Тупое давление в голове вместе с отсутствием звуков животных могло означать только одно. Где-то в помещении действовал сонливец — незаконное устройство, которое приводило в беспамятство живые существа. Сонливец не может быть законным оружием. Но уровень поражения его низок — он действует на животных, но не на Троя. Почему?

Держа наготове шокер, Трой толкнул дверь кабинета Кайгера. Она не поддалась, замок не нарушен. Трой скользил вдоль стены, задержавшись у комнаты с аквариумами. Бульканье воды, слабые всплески — по-видимому, подводные жители не подвержены действию сонливца.

Хоран приблизился к помещению животных. Снова ни звука, вдвойне подозрительно. За дверью находился сигнал тревоги, который разбудит охрану во дворе и прозвенит в квартире Кайгера. Трой приблизился к решетчатой двери, прижимаясь к стене, и протянул руку к кнопке.

— Опасность!

Снова в мозгу вспыхнуло это слово. Трой полуобернулся, луч бластера падал так близко от него, что он невольно вскрикнул. Полуослепленный, Трой выстрелил из шокера и бросился на пол.

Казалось, парализующий луч не оказал никакого воздействия на темную фигуру, возникшую в коридоре. Прежде чем Трой снова выстрелил, фигура исчезла, и Трой услышал щел-

чок двери. Хоран с трудом добрался до стены, нажал сигнал тревоги и услышал, как ненормальная тишина помещения разрывается на части. Может быть, охрана во дворе сумеет задержать беглеца?

Глава 5

В ответ на сигнал тревоги из клеток не донеслось ни звука. Это укрепило уверенность Троя в том, что где-то в помещении установлен сонливец. Он полностью включил свет и начал поиски.

Обитатели клеток были погружены в глубокий искусственный сон. Все, за исключением кинкажу. Яркие бусинки глаз смотрели на Троя, маленькие лапки цеплялись за сетку. Трой уловил скорее оживление, чем страх. Сигнал об опасности означал сигнал ему, а не просьбу о помощи, как это было в саду виллы Ди.

Трой провел пальцем по сетке, глядя в эти круглые глаза.

— Если бы ты сказал мне, что за этим скрывается, — прошептал он.

— Кто-то идет...

Кинкажу отпрянул. Он мгновенно свернулся в шар и занял прежнюю позицию в углу клетки. Трой споткнулся о какой-то предмет на полу. Он нагнулся и подобрал тускло-серую трубку — сонливец.

Он снова посмотрел на кинкажу. Внешне животное, как и все остальные обитатели клеток, находилось во власти глубокого гипнотического сна.

Но если животные поддались действию сонливца, то люди — нет. По коридору бежали два охранника, за ними — Кайгер с гораздо более смертоносным оружием в руке — бластером, вероятно наследием его прежней космической службы.

— Должно быть, какой-то одиночка, — нетерпеливо выпалил Кайгер. — Что похищено?

Он прошел вдоль линии клеток, дойдя до конца, остановился и внимательно посмотрел на кинкажу. Трой не сказал о том, что животное смогло противостоять действию сонливца и спасло ему жизнь своими предупреждениями. Что-то удерживало

его от откровенности с Кайгером. Он не знал, что скрывается за вторжением в магазин, но хотел узнать.

— Я не заметил никакого ущерба, — доложил он.

Кайгер провел рукой по сетке клетки кинкажу. Пушистый шар не шелохнулся. Подойдя к Трою, Кайгер взял его за подбородок и повернул лицо Троя к свету.

— У вас ожог. — Его тон был почти обвиняющим.

— У него был бластер, — объяснил Трой.

— Что тут происходит?

Охранника, стоявшего в дверях, отодвинули локтем, и с бластером наготове появился патруллер. Кайгер ответил:

— У нас был посетитель. Он принес вот это...

Он кивнул на трубку сонливца, лежащую на клетке. Патруллер склонился над ней:

— Ущерб?

Кайгер взял Троя за плечо, выталкивая молодого человека перед собой в коридор.

— Пока никакого, если не считать этого ожога. Мангин! Тансвелл!

Охранники вытянулись.

— Проверьте остальные помещения и доложите мне. Этот офицер, — Кайгер кивнул на патруллера, — поможет вам.

Трой спокойно стоял, пока Кайгер накладывал ему на ожог защитное покрытие.

— Вам повезло. Чуть задело.

— Было темно, и он торопился.

Кайгер продолжал внимательно смотреть на него, как бы стараясь проникнуть в самую глубину его мозга.

— Должно быть, он действительно торопился, — заметил Кайгер. — Но я все равно удивлен. Сонливец свидетельствует, что это работа Гильдии... У меня там есть один-два недруга, они могли бы организовать это. — Он слегка нахмурился. — Но люди Гильдии так не суетятся...

— Может быть, новичок?

Кайгер положил руки на стол.

— Новичок? Что вы об этом знаете?

— В таможне я заметил нового члена Гильдии.

Вокруг Кайгера что-то происходило. Прирожденному торговцу он не стал бы ничего объяснять, разве что дело оказалось гораздо серьезнее. Но космонавту, который жил по другому этическому кодексу, можно было сказать многое.

— Испытание для новичка. — Кайгер подумал. — Возможно. Он вас знает?

— Видел меня в таможне, как и я его.

— Какие счеты между вами?

— Личные? Нет. Он жил в Диппле, и я его знаю по имени, но мы никогда не общались.

— Глупая попытка. Разве что он только хотел чему-то помешать. Здесь он ничем не сумел бы поживиться.

Трой и сам удивлялся этому. В Тикиле, где воровство превратилось одновременно в бизнес и разновидность искусства, охота шла только за легко перемещаемыми ценностями. Зачем пытаться похитить животных, большинство из которых требует специальной пищи и обращения. Тут была лишь одна версия.

— Наняты каким-нибудь любителем? — предположил он.

Уникальное животное, единственное в своем роде на Корваре, могло послужить приманкой.

— Невыгодно. Животное пришлось бы скрывать. — Кайгер нашел самое слабое место. — Да, ценность такого животного в возможности демонстрировать его ревнивым соперникам.

— Помешать кому-то получить его?

Снова Кайгер взглянул на него. Трой решил, что назвал подходящее объяснение. И оно попадало если не в самую цель, то весьма близко от нее.

— Может быть. В этом больше смысла. Можете отдыхать. Я сам все проверю.

Это было прямое разрешение. Трой направился на свое место и на этот раз разделся. Спать ему не хотелось. Он закрыл глаза, пытаясь расслабиться.

Но тут как будто круг мыслей возник в воздухе, так же как нависал над бегущими животными аркан Ланга Хорана много лет назад. Мозг Троя уловил обмен мыслями нескольких существ.

— Он умер быстро. Не было времени найти отчет...

— Нужно вернуться! — Это был приказ, резкий и грубый.

— Не так. Нехорошо. Человек видел Шенга с отчетом. Подозревал!

— Не должно быть никаких подозрений.

Протеста, выраженного в словах, не было, скорее — поток сильного страха. Трой открыл глаза, сел, дрожа, как будто сам испытывал этот страх.

Но помимо страха он ощущал и решимость бороться.

— Если возникнут подозрения, будут и вопросы.

Грубый молчал. Значило ли это, что он размышлял? Руки Троя сжались в кулаки. А правильны ли его подозрения? Кинкажу и Кайгер? Способные к телепатии животные используются Кайгером. Кайгер не терранец. А может, терранец? Трой слишком плохо знал миры, чтобы быть уверенным. Он вспомнил, что в день найма Кайгер расспрашивал его о прошлом.

Терра была центром Конфедерации, во всяком случае до войны. Но из войны она вышла ослабленной: слишком много ее союзников потерпело поражение. Из господствующей она превратилась во второсортную и даже третьесортную планету. Совет и Октет Края стремились занять главенствующее положение, в то время как Конфедерация рассыпалась как минимум на три небольшие части. Мысли Троя снова прервались. Он снова услышал голос хозяина:

— Кто приходил ночью?

— Тот, кто ничего не знает. Он за пределами схемы. Соприкосновения не было.

— Но его кто-то нанял. Для ловушки нужна приманка.

Трой понял. Если он прав и обмениваются мыслями Кайгер и кинкажу, то такое животное может быть украдено, чтобы послужить приманкой для хозяина.

Но почему кинкажу не ответил на мысленное обращение Троя? Или кинкажу, боясь хозяина, берег Троя как возможное средство спасения, как на вилле Ди?

— Враг за пределами схемы? Против меня?

— Против вас, — согласился кинкажу (если это был он). — Ему было приказано вызвать тревогу, а когда придете — убить.

Убить! Слово билось в голове Троя. Он пытался уловить ответ. Но ответа не было. Наконец Трой уснул, часто просыпаясь и прислушиваясь. Но, кроме звуков животных и птиц, все еще

находившихся под влиянием гипнотического сна, он ничего не слышал.

Утром после того, как были очищены клетки и накормлены их обитатели, Кайгер позвал Троя к клетке ястреба. Большая птица, очевидно, выходила из оцепенения. Высоко держа увенчанную гребешком голову, она осторожно поворачивала ее из стороны в сторону. Хотя птица была еще слишком молода, чтобы отрастить хвостовой плюмаж, все же это была прекрасная особь, с радужно черным гребешком на голове. Золотой блеск груди и алый цвет спины бледнели на крыльях, переходя в оранжевый, а темный хвост и черные лапы контрастировали с остальным оперением.Но они так высоко ценились не только за свою красоту.

Во многих мирах, человеческих и не только, ястребов и соколов тренировали как охотников-спутников. Сейчас, когда высокоразвитые цивилизации возвращаются к примитивным развлечениям и умениям ради удовольствия, охота с обученными птицами и животными, а не с оружием пользовалась большим спросом. Ястребы, обладающие развитым интеллектом, поддающиеся обучению при правильном подходе и умеющие схватить добычу, а не убивать ее, были хорошим товаром для любого торговца.

Наблюдая за птицей, Трой медленно провел пальцами по клетке. Несмотря на то что два дня назад ястреб был настроен агрессивно, в этот раз он не проявил ни малейшего стремления наказать наглеца. Напротив, из глубины своей клетки он издал звук заинтересованности и переместился на насест напротив двери клетки.

— Могу я подержать его? — спросил Трой.

Кайгер схватился пальцами за клетку с другой стороны. То, что раньше вызывало у ястреба злость, теперь только заинтересовало его: он повернул голову к Кайгеру. Но затем снова перевел взгляд на дверь клетки.

«Держи». Кайгер протянул Трою сокольничью перчатку. Ястреб вновь издал крик, в нем слышались уже просительные нотки.

Хоран открыл дверь и протянул в клетку руку в защитной перчатке. Ястреб наклонил голову, но не чтобы клюнуть, а чтобы

приблизить свой изогнутый клюв к ткани перчатки. Медленно птица переступила с насеста на запястье, и Трой осторожно вынул птицу из клетки, которую они перенесли на открытое пространство коридора для этого эксперимента.

— Оолллахуууууу!

Оба мужчины повернулись, услышав крик Охотника. Рерн стоял неподалеку, на его лице играла легкая улыбка.

— Кажется, твоя приятель хочет полетать, — отметил он.

Ястреб расправил крылья, взмахнул ими несколько раз, радуясь освобождению из клетки. Птица была надежно закреплена на запястье Троя и не выказывала желания сорваться с места.

— Настоящая красота, — сказал Рерн Кайгеру. — Если он охотится так же хорошо, как выглядит, ты сорвал куш, Торговец.

— Ты можешь опробовать его, джентльхомо.

— Сейчас для этого самое время. Кажется, мои услуги понадобятся в Диких землях раньше, чем я предполагал. Я прибыл на день раньше, чтобы забрать птицу и одного из твоих людей.

Кайгер не протестовал. На самом деле скорость, с которой он экипировал Троя, и его любезность смущали Хорана. Он не мог направиться к кинкаджу один. И днем ранее, когда он чистил клетку, Кайгер или один из его работников заходили в комнату, но птица оставалась сидеть на своем насесте. Ему хотелось бы забрать ястреба с собой, но он не смог бы ни объяснить этого, ни попросить о таком. Он вынужден был уехать, все еще мучимый сомнениями.

Флиттер Рерна был очень практичным, у него был небольшой багажный отсек и встроенные предметы первой необходимости для флаера, в том числе временный лагерь-укрытие для дикой местности. Было странно, что флиттер не нуждался в пилоте. Когда Трой, держа ястреба в перевозочной клетке, зашел в пассажирскую кабину, он увидел там Охотника, ждущего его. Рерн был молчалив. Его город удалялся и вместе с ним и его городские манеры. Теперь он был одет в мягкие бриджи, сделанные из пестрой, коричнево-белой кожи, выделанной до мягкости ткани. Его куртка была из такого же материала, без рукавов и с низким вырезом на груди, так что золотистая кожа Рерна виднелась в V-образном вырезе. По цвету она была очень близ-

ка к одежде. Кольца из драгоценного метала, которые держали его волосы, он обменял на кожаные ремешки, стягивающие его волосы также туго, но куда более незаметно. Его талию опоясывал ремень, украшенный драгоценным орнаментом, на котором были закреплены шокер, нож и набор небольших инструментов и приборов, лежавших каждый в своем отделении.

Под его управлением флиттер поднялся выше обычных транспортных путей между виллами и городами и направился на северо-восток. Заботливо ухоженные сады уплывали все дальше и дальше от них. Когда они пересекли хребты гор, Тикил остался позади. Им встретилось небольшое количество домиков и охотничьих приютов прежде, чем они добрались до гор Ларша. Пустынные земли за горами были все еще подчинены человеку.

Но дальше, в поистине Диких Землях, человеческое присутствие ощущалось намного слабее. Охотничьи кланы преднамеренно сохраняли эти земли дикими и получали от этого выгоду. Годами они сохраняли загадки Диких земель, и никто не рисковал пересечь Ларш без их сопровождения.

Тишина в кабине флиттера была наконец нарушена криком ястреба, в котором чувствовалась просьба. Когда Трой попытался успокоить пленника, Рерн заговорил впервые с их отлета.

— Попробуй выпустить его из клетки.

Трой сомневался. Если ястреб откажется сидеть на руке, взлетит или попытается сделать это в замкнутом пространстве флиттера, это может привести к неприятностям. С другой стороны, чтобы в дальнейшем использовать птицу, нужно научиться перевозить ее без клетки, потому что ястреб, слишком много времени проводящий в клетке, теряет характер. Трой натянул перчатку и подставил запястье к полуоткрытой двери клетки. Потом он почувствовал, как птица перебралась на его руку и ее когти крепко вцепились в ткань перчатки.

Осторожно Трой опустил руку себе на колени. Ястреб был спокоен, только его голова с хохолком поворачивалась из стороны в сторону, пока он оглядывал кабину и небо сквозь прозрачную крышу флиттера. Поскольку птица не выказывала ни

малейшего беспокойства, Трой немного расслабился, достаточно, чтобы самому бросить взгляд на сверкающие в полуденном солнце зубчатые пики Ларша.

Они не стали пересекать горные вершины напрямую. Наоборот, Рерн повернул еще на север так, что флиттер летел вдоль стены гор. Они летели этим курсом по меньшей мере час, прежде чем повернуть в проход между двумя вершинами. Впереди они увидели туманную темноту, скрывающую другой мир, о котором Тикил знал так мало.

Рерн направил флиттер вниз, и тот стал опускаться по спирали. Теперь они летели вровень с вершинами. В расщелине между невысокими хребтами и холмами виднелись две ярко-зеленые полоски рек. Трой прижался к прозрачному куполу, стараясь разглядеть как можно больше мест внизу, под ними. Появился туман, ложащийся с наступлением вечера толстым слоем, отделяя флиттер от земли.

Нетерпеливо Охотник вновь взял курс на север. Когда они отлетели совсем немного, на контрольной панели загорелся красный свет. Когда они продолжили свой путь, не отклоняясь от курса, он становился все ярче и сильнее.

— Не приближаться, — резко скомандовал патруллер, хотя законы Тикила не действовали на востоке Ларша.

Рерн ответил в свой микрофон: «Понял, не приближаться. Это Рерн Донерабон».

— Принято. Путь свободен, — ответил ком.

Трою очень хотелось задать вопрос. Но затем Рерн сказал, уже не в микрофон, а своему соседу: «Смотри внимательно направо, мы совершим переход».

Флиттер снижался, следуя вниз по длинному спуску. Здесь не было тумана, скрывающего землю, как не было и растительности. Среди камней и песка расположилась группа строений, явно, даже с такого расстояния, не выглядевших творением природы.

Трой жадно рассматривал их.

— Что это? — спросил он.

— Рухкарв — «проклятое место».

Глава 6

Они не пролетали прямо над этими остатками чужой цивилизации, более древней, чем первая высадка людей на Корваре, а направились на север. Трой знал, что то, что они видели, было лишь частью руин. На мили под поверхностью тянулись коридоры и залы; Рухкарв никогда не был исследован до конца.

— Сокровище... — пробормотал он.

Рядом с ним Рерн невесело засмеялся.

— Если оно и не плод воображения, то никогда не было найдено. Даже после окончания экспедиции Фауклова.

Они миновали голую поверхность с руинами, и теперь под ними снова тянулась богатая растительность, окружавшая пустыню Рухкарва. Трой был поражен страшным видом поверхности.

— Почему вокруг руин пустыня? — спросил он, слишком заинтересованный, чтобы помнить о разделяющем их положении.

— Имеется с полдюжины объяснений, — отозвался Рерн, — только одно из них логично, и, вероятно, оно тоже ложно. Рухкарв нисколько не изменился с тех пор, как исследовательская партия с Первого корабля обнаружила его. Почему это так, видимо, обнаружил Фауклов и его люди — прежде чем сошли с ума и перебили друг друга.

— Их вызыватель работает до сих пор?

Рерн ответил уклончиво:

— Приборы спасательного отряда зарегистрировали импульс откуда-то из глубины. Но едва увидели, что произошло с Фаукловом и остальными, изучение немедленно заглушили. Рухкарв теперь находится под постоянным заглушающим действием и окружен барьером. Ни один флиттер не может приблизиться ближе двух миль к известным входам в подземелья. Время от времени мы задерживаем пустоголовых искателей сокровищ, которые пытаются проникнуть за барьер. Обычно поездка в нашу штаб-квартиру и просмотр трехмерных изображений того, что случилось во время экспедиции Фауклова, полностью излечивает их от желания исследовать Рухкарв.

Если вызыватель действует... Трой размышлял над тем, что могло произойти в подземных переходах. Фауклов был известным археологом, он добился выдающихся успехов в восстановлении дочеловеческих цивилизаций благодаря использованию вызывателя — прибора, все еще находящегося в стадии экспериментальной разработки. Помещенный в сооружение, некогда населенное живыми существами, этот прибор воспроизводил картины того, что здесь происходило давным-давно. До сих пор продолжались споры о датировке и значении уловленных прибором Фауклова сцен, но все соглашались, что археологу удалось увидеть прошлое. И часто эти призрачные видения становились начальным пунктом новых многообещающих исследований.

Загадка Рухкарва привлекала его три года назад. Исследуя верхние уровни подземной крепости, люди не нашли ничего, кроме голых помещений и коридоров. Совет дал Фауклову разрешение использовать вызыватель, с благоразумными оговорками, оставляющими за Корваром право на все, найденное с помощью прибора. Но результатом было кровопролитное убийство, подробности которого никогда не публиковались. Люди, до того работавшие с ним несколько лет, очевидно, сошли с ума от перенесенного ужаса и породили ужас.

— Если вызыватель работает, — ответил ему Рерн, — то слишком хорошо. Спасательный отряд не нашел его: очевидно, он расположен слишком глубоко. Его заглушили, как только поняли, что происходит. А вот и маяк.

В сумерках ясно виден был мигающий на земле фонарь. Рерн сделал круг и аккуратно посадил флиттер на посадочное поле на краю леса. Ястреб на руке Троя расправил крылья и издал крик.

Рерн рассмеялся.

— Хочется поработать, крылатый брат? Но подожди до рассвета.

Из-за древесной стены показались два человека. Как и Рерн, они были одеты в кожаную одежду. У одного из-за плеча торчал охотничий лук. Бегло взглянув на Рерна и Троя, они принялись внимательно разглядывать ястреба.

— От Кайгера. — Без всяких предисловий Рерн указал на птицу. — Это Трой Хоран, приручающий птицу.

Снова беглый взгляд, как будто Троя оценивали.

— Добро пожаловать к очагу. — Это произнес старший.

Трой понял, что в этом мире он чужак, присутствие которого лишь терпят.

Он уже давно принял оценку жителей Диппла, но тут почувствовал себя уязвленным, может быть, потому, что Рерн держал себя с ним по-другому. И снова Рерн тут же пришел ему на помощь.

— Всадник с Нордена, — спокойно сказал он без следа насмешки в голосе, — всегда встретит радушный прием у очага Доупрабона.

Но Трой не успокоился.

— На равнинах Нордена больше нет всадников. Я дипплмен, джентльхомо.

— Равнины остаются в памяти, — ответил Рерн. — Если ястреб поедет с нами, не сажай его в клетку. Сегодня мы ночуем на посту пятой лиги.

Меж деревьев вилась тропа, вполне различимая в полутьме. Но Трой был уверен, что трое рейнджеров Диких Земель нашли бы путь и в темноте. Тропа вела вверх. Вот среди деревьев показались уступы скал. Вскоре, на обрыве у озера, тропа оборвалась.

Пятый пост находился в стене утеса. Почему-то люди, охранявшие эту дикую местность, хотели скрыть свое жилище, как будто они находились вблизи вражеских линий. Пройдя замаскированную дверь, Трой оказался в большом помещении. В его глубине виднелись ниши, служившие спальнями. В голове Троя зашевелились воспоминания: фермы Нордена тоже были сооружены из дерева и камня людьми, которые больше полагались на свои силы и умение, чем на машины.

Ястреб крикнул. В ответ послышался похожий крик в одной из ниш. Трой успел перехватить лапы ястреба прежде, чем тот взлетел. Ястреб вытянул шею, поднял гребень, распустил хвост и испустил вопрошающий возглас. Рерн, пройдя вперед, отбросил занавес. В нише было три насеста. На одном из них сидела птица, совершенно не похожая на ястреба.

Если ястреб был огнем, то эта птица — дымная тень. Круглая голова без хохолка, уши с кисточками, торчащие прямо, необычно возвышаясь на пушистом сером оперении.

Глаза были необычно большие и в свете костра темные, как будто целиком состояли из зрачков. Размером птица не уступала ястребу, а мощные когти и изогнутый клюв выдавали в ней хищника.

Она смотрела на ястреба, но проявляла к нему лишь интерес, а не вражду. Один из лесных жителей протянул ей руку в перчатке, и она перепрыгнула на этот новый насест.

— Овхи, — сказал Рерн. — Они хорошо уживаются с ястребами.

Трой слышал о несравненных ночных охотниках, но до этого никогда не видел их. Он смотрел, как рейнджер вынес птицу из пещеры и подбросил ее. Мгновение спустя они услышали охотничий клич:

— Ооооовхиии!..

Рерн кивком указал на насесты, и Трой поднес к ним руку с ястребом. После минутного осмотра ястреб выбрал насест и перескочил на него, ожидая, пока Трой предложит ему ужин.

Рейнджеры не задержались после того, как Рерн, Трой и их багаж оказались в пещере. У каждого жителя леса была большая территория, которую нужно было обходить днем и ночью. Они мало разговаривали, и Трой решил, что их сдерживает его присутствие. Он ухаживал за ястребом и старался быть незаметным.

После ухода рейнджеров Рерн распаковал ранец с едой, и они сели у огня. Стульев не было, только широкие кожаные подушки, источающие приятный аромат травы.

Пока они ели, охотник говорил, а Трой слушал. Это был рассказ о жизни рейнджера, об изучении Диких Земель, об охране природы, о невмешательстве, о стремлении не нарушать тонкое экологическое равновесие.

Здесь была прекрасная древесина, которую можно было использовать, но только под надзором охотничьих кланов. Были травы, используемые как лекарства на других планетах, были ценные животные. Дикие Земли — это природная кладовая, ключи от которой держали кланы. И в случае необходимости удерживали бы их силой.

В лесистых долинах и на обширных равнинах дальше к востоку происходили сражения между браконьерами и охранниками. И только потому, что Корвар был объявлен планетой удовольствий, кланам пока удавалось справляться с грабителями. В общих чертах о положении дел Трой знал, но Рерн говорил о временах и местах, называл имена.

Рассказ был захватывающим, но Трой не был ребенком, которого можно было отвлечь сказкой. Он начал удивляться разговорчивости Рерна.

— На Корваре нет металлических руд, — продолжал Рерн. — Но если бы здесь нашли их местонахождение... и запрет на разработку был бы снят...

— А разве это возможно? — спросил Трой, неожиданно осознав, что сам готов защищать Дикие Земли от уничтожения, что-то в нем медленно шевельнулось, вспомнилось что-то забытое из чувства самосохранения. Подобно ястребу, он хотел испытать крылья на свободе в открытом небе.

Губы Рерна изогнулись.

— Мы мало чему научились. Я могу назвать сотню планет, погубленных из-за жадности. Нет, не только сгоревших во время войны, но просто уничтоженных за многие годы. Пока мы охраняем Корвар в качестве планеты удовольствий для владык других миров, многие из которых невероятно жадны, мы можем сохранять его неприкосновенным. Никто не хочет жить на опустошенной планете. Пока обитатели вилл сохраняют власть и богатство, они заинтересованы в заповедности Корвара. Но долго ли это будет продолжаться? Могут быть иные сокровища, помимо сказочных сокровищ Рухкарва, и гораздо более доступные!

— У вас было двести лет, — с горечью сказал Трой. — У Нордена — меньше ста, благодаря саттор-командующему Ди!

— Годы не утешат человека, когда он видит, что приходит конец образу жизни, который он любит. Что значит прошлое, когда будущее готово к убийству? Саттор-командующий Ди — он умер от яда в собственном саду, и убийца еще не найден — отвечает за Норден.

Откуда Рерн знает это все о Ди? Сообщение о яде не оглашалось. Трой почувствовал себя как крыса софару, на которую

падала тень ястреба. Неужели Рерн готовит его к расспросам о кинкажу? Или чувство собственной вины заставляет его подозревать всех?

Но охотник не задержался на разговоре о командующем Ди. Он принялся расспрашивать Троя о его детстве. Любой другой корварец показался бы Трою нахальным, но в вопросах Рерна звучала искренность, поэтому молодой человек отвечал правдиво и не уклонялся, как привык это делать. Он даже не скрыл, что воспоминания о Нордене подернуты в его памяти легкой дымкой.

— Здесь тоже есть равнины. Подумайте об этом, — загадочно сказал Рерн, вставая. — Если дать достаточно времени, сильный человек сумеет многому научиться. Крайняя койка ваша, Хоран. Пусть ночью не навестят вас злые сны, — сказал он.

Трой проверил, как чувствует себя ястреб. Птица уснула, подобрав лапу, как это делают птицы этого вида. После этого Трой лег на указанную ему койку.

Прямоугольная койка не была покрыта пластиком. Свежее сено подалось под ним и охватило его тело; слабый аромат наполнил легкие, и он уснул. Ему ничего не снилось.

Когда он проснулся, дверь пещеры была распахнута и снаружи доносились голоса птиц. Протирая глаза, Трой скатился с койки. Огонь в очаге погас, в помещении никого не было. Зарождение нового дня в Диких Землях выманило его наружу и заставило посмотреть вниз, на долину и озеро.

Недалеко от берега что-то качалось на воде. Присмотревшись, он понял, что это пловец. Высеченные в скале ступеньки вели вниз. Трой пошел по ним. Увидев сброшенную спальную пижаму, сбросил свою, пальцами ног проверил температуру воды и нырнул.

Трой барахтался у берега. Он не был таким искусным пловцом, как тот, которого он не видел. Его движения раскачивали плавучие цветы, падавшие с деревьев, что окружали ручей, питавший озеро. Лепестки прилипли к его коже, он почувствовал под ногами песчаное дно и встал, дрожа.

— Ужасно холодная вода, джентльхомо, — сказал он шедшему к нему вброд Рерну.

Тот остановился и рассмеялся.

— Новое развлечение — цветочная ванна?

Трой вторил ему, снимая с себя лепестки.

— Не я его выбрал, джентльхомо.

— Меня зовут Рерн. Мы здесь не ходим тропами Тикила, Хоран. — Рерн вытерся пижамой и сунул ноги в сандалии. Обернув вокруг себя пижаму, он постоял немного, глядя в озеро. Лицо его странно расслабилось. — Прекрасный день. Мы отправимся на плато под Стансилом и проверим, на что способен наш крылатый друг.

Флиттер снова понес их на северо-восток. И снова растительность под ними оскудела, но превратилась не в голый ожог, а перешла в равнину с высокой травой и редкими низкими кустами. Флиттер дважды пролетел над стадами жвачных, и рогатые головы гневно тряслись, когда тяжелые, с мощными плечами животные убегали, высоко задрав хвосты.

— Дикий скот, — сказал Рерн.

— Но у них чешуйки... или что-то похожее.

Трой вспомнил о своих утраченных на Нордене тупанах, которые паслись, как и эти, и так же могли убегать от летящего флиттера.

— Не чешуйчатые, как рыбы или рептилии, — поправил Рерн. — Эти пластинки — затвердевшие мышцы, что-то вроде защитного кокона насекомых. Стада с каждым днем уменьшаются, рождается меньше телят, и мы не знаем почему. У нас есть основания считать, что когда-то они были одомашнены.

— Теми, из Рухкарва?

— Может быть. Хотя кто знает... — Рерн пожал плечами.

— Они оставили после себя только развалины? Я слышал лишь о Рухкарве.

— Это еще одна загадка. Почему у цивилизации единственный город? Может, это лишь передовой пост межзвездной цивилизации, исчезнувшей задолго до того, как человек вышел в космос? Эту теорию хотел подтвердить или опровергнуть Фауклов. На Корваре есть еще один их след — к северу за равнинами, и этот второй след очень мал. Не думаю, чтобы они были аборигенами. Да и панста — дикий скот — настолько чужд остальным животным Диких Земель, что тоже не кажется ту-

земным. Эти одичавшие стада давно исчезнувших рас, пережившие своих неизвестных хозяев.

Равнины оборвались, и под ними снова были хребты и холмы. И вот флиттер приземлился на ровной площадке, казавшейся оторванной от всего мира. Под золотистым светом прекрасного утра тянулось ровное цветущее поле с разбросанными по нему деревьями. Здесь совершенно не чувствовалось присутствия человека. И Трой мог бы подумать, что он первым ступил на эту землю, если бы его сюда не привез Рерн.

Рерн посадил флиттер на полоску гравия у воды. Зеркало воды было меньше, чем у озера, но больше, чем у пруда. Они вышли, ощутив свежий ветерок. Ястреб расправил крылья и закричал.

— Пусть охотится! Олллахуууу!..

Рерн подбросил ястреба. Птица поднялась по большой дуге и исчезла в небе.

Глава 7

Солнце грело. От травы, на которой лежал Трой, поднимался приятный аромат, давно забытый им в Диппле. Он чувствовал сонливость, но не спал.

Они восхищались удивительным утром на поднятом к небу участке Корвара. Даже ястреб насладился свободой и ветром в облаках и теперь спокойно сидел на насесте. Этот насест Трой сделал с помощью ножа из ветки дерева.

Насекомых было мало. Не слышалось гудения, не ощущалось укусов.

Трой встал. Обходя стороной насест и лежавшего Рерна, он отошел от флиттера. И ветер развевал его коротко стриженные волосы, бился о тело. Неожиданно Трой увидел картину прошлого: множество клеток и шар в комнате — свернувшееся в поисках спасения животное.

Эти кошки, кинкажу... ястреб, легко поддающийся приручению... Но терранские животные. Тут была большая разница, как будто они сделали большой шаг навстречу человеку. Трой ощутил, как его охватывает возбуждение... Неужели это правда? Перед ним открывался новый мир.

Он оглянулся на Рерна, испытывая сильное искушение рассказать охотнику о своих догадках. Ему казалось, что Рерн поверит. Никто на Корваре не общался с ним как просто с Троем Хораном, свободным и равным человеком, а не обычным жителем Диппла. С того момента, как они вступили в Дикие Земли, в нем росло ощущение жизни, полноты существования. Трой, все еще сомневаясь в мудрости своего решения, повернулся к Рерну, но было слишком поздно, потому что небо уже не было большой пустой золотой аркой. Второй флиттер опускался на скорости, словно боясь опоздать.

Рерн сел в траве, готовый к действиям. Флиттер коснулся земли неподалеку от их флиттера. Из кабины выскочил человек в поношенной кожаной одежде рейнджера, поверх которой была надета куртка городского жителя. Он торопливо заговорил с охотником. Рерн поманил Троя.

— Харс отвезет вас в Тикил, — сказал он резко, не объясняя, почему изменились их планы, — скажете Кайгеру, что мне нужен ястреб. Заплачу позже. — Он замолчал, его взгляд на одну-две секунды задержался на Трое, как будто он хотел что-то добавить к этому короткому прощанию. Но потом отвернулся и, ни слова не говоря, сел в свой флиттер.

Трой, слегка сердясь на себя за свои недавние мысли, посадил ястреба на руку и присоединился к Харсу во втором флиттере. Флиттер Рерна круто взлетел и направился на север, к штабу Кланов.

Харс выбрал кратчайший путь в Тикил. После полудня Трой снова оказался в магазине Кайгера. Торговец встретил его в коридоре.

— Охотник Рерн? — Экс-космонавт заглядывал за спину Троя, ища Рерна.

Трой все объяснил. Кайгер слушал его, поглаживая шрам на лице. Трою показалось, что торговец ждет более важной информации, чем сообщение о продаже ястреба.

— Посадите его в клетку, — приказал Кайгер. — Вы прибыли как раз вовремя, поможете кормить животных.

Один из служащих наполнял ванночки, он даже не поднял голову, когда Трой подошел к клетке с кинкажу. Только на этот

раз в углу не оказалось мехового шара. На него смотрело совсем другое существо, остроносое, остроглазое.

— Вернулись? — Служащий прислонился к стене. — Вовремя. Нам пришлось делать вашу работу. Как дела?

— Продал ястреба...

Троя больше интересовало, что происходило здесь. Из клетки за время его отсутствия исчезло одно терранское животное, но на его месте оказалось другое, Трой был уверен, что новичок — то самое животное, которое Кайгер показывал Великому Первому Лидеру, — лиса.

Одно терранское животное? Нет, два! Он увидел второе, забившееся в угол, как кинкажу, повернувшись к миру спиной. И он заметил, что глаза первого животного внимательно изучают его, как это делали глаза кошек. «Один на страже...» — почему он так подумал?

— Один сторожит, другой спит.

Ответ пришел ниоткуда. Лиса села, как это делали кошки, она больше не казалась встревоженной...

— Кто эти новые? — спросил Трой у служащего, пытаясь скрыть свой интерес к обитателям клетки.

— Вы не должны заботиться о них, дипплмен. Босс сам решил ухаживать за ними.

— Хоран!

Почему-то чувствуя себя виноватым, Трой оглянулся и увидел Кайгера.

— Идите отсюда, помогите Джингу. — Он сам провел Троя в помещение морских свинок.

На столе, в конце помещения, стоял переносной аквариум, в который Джинг, обычно обслуживающий этих животных, наливал маслянистую жидкость из другого аквариума. К стене этого аквариума прилипло существо. Трой взглянул на него, не веря, что такие существа могут существовать в действительности, а не в безумном воображении.

Он видел много странных животных и во плоти, и в трехмерных изображениях. Но это существо не было странным. Оно было невозможным, его вид вызывал ужас. Трой хотел отвести от него взгляд и не смог. Он почувствовал тошноту.

У края стола, внимательно следя за действиями Джинга, стоял человек маленького роста, в одежде чиновника из административного бюро. Это был бесцветный и незапоминающийся человек: обе руки он положил на стол, в его глазах сверкала жадность, бледный язык, как у ящерицы, двигался взад и вперед по бледным губам.

— Прекрасно, торговец Кайгер, прекрасно.

Кайгер быстро взглянул на обитателя аквариума.

— Это хур-хуры. — Он покачал головой, как бы не найдя подходящего слова, потом закончил: — Их трудно назвать прекрасными, гражданин Драгур.

Маленький человек стал похожим на ястреба, поднявшего крылья и готового ударить.

— Они очаровательны, торговец Кайгер. Великолепное пополнение моей коллекции. — Он перевел взгляд с Кайгера на Троя. — Этот человек поможет при перевозке? Надеюсь, он знает, как обращаться с такой ценностью? Вы отвечаете за него, пока этот великолепный образец не будет благополучно водружен в бассейн с водой у меня.

Трой открыл рот, чтобы сказать, что он не желает иметь ничего общего с хур-хуром, но, поймав взгляд Кайгера, вовремя вспомнил о семидневном контракте, который скоро нужно будет возобновлять. В конце концов аквариум, который он понесет, прочен и можно будет не смотреть на содержимое.

Джинг взял стержень и начал осторожно вводить его в аквариум. Потом тихонько ткнул хур-хура. Трой с отвращением смотрел, как чудовище ощупало стержень щупальцами и прижалось к нему своими присосками. Джинг перенес стержень вместе с хур-хуром в переносной контейнер, захлопнул крышку и начал прилаживать ремень для переноски.

Трой неохотно поднял цилиндр, чувствуя, как он дрожит: очевидно, хур-хур исследовал свою новую тюрьму. Пальцы его чуть не разжались.

— Осторожней! — Драгур приплясывал вокруг Троя, пока тот надевал ремень на плечо.

Кайгер пришел на помощь своему служащему:

— Они вовсе не такие хрупкие, гражданин. А вот и еда для него.

Он почти насильно всунул в руки покупателю небольшой ящик. В нем суетилось маленькое животное, визжа, как будто оно предвидело свое ужасное будущее. Трой знал, каким оно будет. Он взглянул на емкость с хур-хуром и подавил приступ тошноты.

Трой обнаружил, что должен не только донести контейнер до ожидающего флиттера гражданина, но и сопровождать его до дома, обеспечивая безопасность хур-хура. Покупатель вел флиттер со скоростью, ненамного превышающей скорость пешехода. Драгур, в отличие от Рерна, казалось, и минуты не мог просидеть молча. В разговоре он не обращался к Хорану, он мыслил вслух, и мысли его касались соперничества с неким Мазели, который мог превзойти Драгура в иерархии их учреждения, но в коллекции которого не было хур-хура.

— Прекрасно! — Драгур свернул на дорогу, ведущую к окраинам Тикила. — Он никогда не поверит в это. На следующую вечеринку я приглашу его и, скажем, еще Вилвинса и Соркера. Я проведу его по комнате, покажу лупанских улитов, бросающихся червей, дам ему возможность похвастаться тем, что есть у него, а потом... — Драгур снял одну руку с руля и похлопал ею по крышке контейнера. — Потом хур-хур!.. Он никогда не сравнится со мной! Никогда!

Тут маленький человек впервые, по-видимому, вспомнил, что у него есть спутник.

— Верно, не так ли, молодой человек? А торговец Кайгер даст сертификат, что это единственный экземпляр: он ведь при жизни животного не привозит другой экземпляр? Правильно?

Трой не знал, есть ли такое правило, но дал утвердительный ответ:

— Да, гражданин.

— Значит, у Мазели никогда не будет в коллекции хур-хура, никогда! Продолжительность их жизни составляет двести лет, может быть, триста. А Кайгер поклялся, что это молодая особь. У Мазели никогда не будет такого маленького красавца! — И Драгур снова похлопал по крышке цилиндра. И возможно, что его возбуждение передалось животному, которое начало так метаться, что Трой вынужден был держать цилиндр обеими руками.

— Осторожно! Молодой человек, что вы делаете? — Драгур остановил флиттер и возмущенно уставился на Троя.

— Я думаю, оно сильно возбуждено, гражданин. — Трой обеими руками держал трясущийся цилиндр. — Вероятно, хочет назад, в аквариум.

— Да, конечно. — Драгур рывком тронул флиттер и поехал на гораздо большей скорости. — Скоро будем на месте, очень скоро...

Драгуру принадлежал один из небольших домиков на границе с торговой зоной. Одной рукой Драгур прикоснулся к замку, а другой поманил Хорана. Атмосфера, встретившая Троя, была какой угодно, но только не соблазнительной.

В магазине Кайгера стоял устойчивый запах животных, но сложная система вентиляции и дезодорации делала атмосферу вполне пригодной для дыхания. Здесь же запахи морских животных были сильнее в тысячу раз.

Комната представляла собой имитацию морского дна. Свет был приглушен и слегка зеленоват. Вдоль стен на скамьях стояли аквариумы, а в центре находился бассейн.

— Стойте на месте, молодой человек! — Драгур обошел бассейн и направился к столу в темном углу комнаты. Он вытащил пустой аквариум и поставил его в ряд с остальными. Потом с усилием начал переливать жидкость из нескольких стеклянных контейнеров, все время принюхиваясь к полученной смеси.

Трой переминался с ноги на ногу. Контейнер был нелегок и продолжал дергаться, ремень врезался в плечо. Хоран был бы рад поскорее убраться из этой конуры с дурным запахом и страшилищами, многие из которых казались не менее отвратительными, чем хур-хур.

Наконец получившийся бульон, по-видимому, удовлетворил Драгура. С видом художника, делающего последний мазок на полотне, он добавил полоску чего-то похожего на гнилой корень и поманил Троя.

Неужели Драгур думает, что Трой должен пересадить хур-хура по методу Джинга? Коли так, то покупатель на сей раз не будет доволен: Трой не собирался делать этого.

Но, очевидно, Драгур и не собирался предоставлять такую ответственную работу новичку. Как только Трой снял контей-

нер, Драгур велел ему отойти. Он ловко извлек хур-хура и поместил его в новый дом.

— Вот! — Драгур вернул магазинный контейнер Трою. — Теперь нужно оставить его одного на два, может, на три дня и навещать только для кормления.

Трой подумал, что ему не хочется и минуту оставаться в этой вонючей комнате.

— Это все, гражданин? — коротко спросил он.

Драгур, казалось, снова заметил его.

— Что? А, да, это все, молодой человек. Мы с вами раньше не виделись? Вы не доставляли мне продукты?

— Нет. Я недавно у Кайгера.

— Да, в последний раз приходил Зул, это я помню. Вы кто, молодой человек?

— Трой Хоран.

— Хоран? Это инопланетное имя.

— Я с Нордена. — Трой подошел к двери.

— Норден? — Драгур шагнул, как бы представляя звездную карту, на которой можно было бы поместить Норден. — Значит, вы бывший космонавт, как и торговец Кайгер?

— Я из Диппла.

— Ага. — Драгур проявил обычную для гражданина смесь замешательства с раздражением. — Заверьте Кайгера, что я доволен, очень доволен. Я сам сообщу ему. И пожалуйста, напомните, что единственный экземпляр — это должно быть совершенно ясно.

— Я уверен, что торговец помнит об этом.

Драгур проводил его до двери и указал на ближайший движущийся тротуар. Он не входил в дом, пока Трой не удалился на достаточное расстояние. Вероятно, чтобы убедиться, что выходец из Диппла убрался.

На этом не кончился день раздражений и разочарований. Утро начиналось так хорошо, когда он проснулся в Диких Землях. А кончил он вечером у клеток, где расхаживал Зул. Маленький человек хромал, но ходил он быстро и совсем не обрадовался возвращению Троя.

Конец семидневного контракта — Трой все время помнил об этом. Кайгер не обязан возобновлять его. А теперь, когда вернулся Зул, он этого не сделает. Когда Трой принес воду к клет-

ке лис, Зул отослал его прочь. В сущности, Зул отобрал у него всю работу, и Трой ничем не был занят. Всякий раз, когда Трой видел Кайгера, он ожидал услышать слова о том, что действие контракта кончилось.

Но торговец молчал до самых последних минут, пока не закрыли магазин. Тут Троя вызвали в комнату животных, где он нашел Кайгера и Зула. Зул был явно недоволен.

— Будете совершать ночные обходы, как обычно, — приказал Кайгер. Его широкая рука легла на плечо Зула, и он повернул маленького человека с такой силой и легкостью, как будто тот ничего не весил. Желтолицый наградил Троя взглядом, от которого Хоран не в первый раз пожалел, что не имеет право на поясной нож.

Когда магазин закрыли и животные успокоились, Трой совершил первый обход, осмотрев каждое помещение. Что он искал и почему чувствовал растущее беспокойство, он не мог объяснить.

Торговое помещение в комнате птиц было в порядке. Трой прошел мимо ястреба. Птица позволила провести пальцем по ее гребню, слегка притронулась к его ладони мощным клювом, которым могла ударить и даже убить.

И вот он в помещении животных. Тут он понял, что вызвало его беспокойство. Что случилось с кинкажу? Никто не упоминал о нем после его возвращения. На его месте находились лисы. Может, животное передали наследникам саттор-командующего Ди как ценную часть наследства?

Вдруг Трой понял, что обязательно должен найти животное, которое просит его о помощи.

Он вышел из комнаты, направился к своей койке и лег. Хотя он не нашел кинкажу сейчас, вскоре встреча вполне возможна.

Глава 8

Глаза Троя были закрыты. Он расслабил и нервы, и мышцы, стараясь впасть в то же состояние, в котором слышал бессловесный разговор. Коммуникатор доносил обычные звуки животных и птиц. Трой старался не слушать.

— ...Здесь... вне...

Не слово, а скорее впечатление, сигнал, мольба. Трой открыл глаза. Он сел... шепот прекратился. Сердясь на отсутствие у себя самоконтроля, он снова лег, стараясь уловить нить разговора.

— ...Вне... вне... опасность...

Он лежал, затаив дыхание, напряженно вслушиваясь.

— ...Из...

Да, мольба, он был уверен в этом. Но откуда и от кого? Он наткнулся на обрывок веревки посреди большой комнаты и теперь должен найти ее всю.

— Где? — Он старался как можно отчетливее выразить мысленный вопрос неизвестно кому.

Тут он воспринял удивление, такое сильное, что чуть не зажал уши.

— Кто? Кто? — Вопрос был ясный и настойчивый.

— Трой... — Он послал свое имя, но в ответ получил замешательство и разочарование. Может, имена ничего не значат в этой призрачной беседе. Трой постарался создать картину своей внешности, каким он видел себя в зеркале. Он напряженно думал о своем лице, о каждой его детали.

Чувство замешательства ослабело, хотя он был уверен, что контакт не разорван.

— Кто? — молча спросил он в ответ, уверенный, что обращается к кинкажу.

Он получил искаженное изображение треугольной морды, острого носа, блестящих глаз и торчащих ушей — лиса!

Трой соскользнул с койки. Он не ожидал никаких неприятностей. Если Кайгер или Зул вернутся, он всегда может сказать, что проверял источник неизвестного звука. Но, выходя из маленькой комнаты, он взял из стенной ниши шокер и бесшумно двинулся по коридору в помещение животных.

Клетка лис была накрыта покрывалом. Трой поднял его. Оба животных сидели, глядя на него. Он осмотрелся. В тусклом освещении не видно было ничего необычного. Никакого вторжения, как прошлый раз, когда кинкажу спас ему жизнь своим предупреждением.

— Что случилось? — В этот момент ему не казалось странным, что он стоит перед клеткой и мысленно задает вопросы двум терранским лисам.

— Большой... он опасен.

Как будто кто-то, обладающий ограниченным запасом слов, пытался выразить сложную мысль.

— Большой — Кайгер?

— Да! — Ответ последовал быстро и энергично.

— А что такое?

— Он боится, думает, лучше смерть...

— Для кого лучше смерть? — Трой крепче сжал шокер.

— Для тех, кто знает... для всех знающих...

— Я? — быстро спросил Трой. Хотя почему Кайгер мог заподозрить его?

Ответа не последовало. Либо поставил перед ними новую загадку, либо, неспособные дать точный ответ, они решили не отвечать вовсе.

— Вы?

— Да... — Но в этом «да» был элемент сомнения.

Он думал о кинкажу. Одна из лис отступила к задней стенке.

— Он был здесь. Теперь его нет.

— Где? — Трой пытался понять.

Он мысленно увидел клетку, закутанную, но не в помещении магазина.

— Во дворе? — спросил он.

Ответа не было, потом уклончиво:

— Холодный воздух, много запахов, может быть снаружи...

Неужели лиса получает сведения от кинкажу? Что ж, возможно, это и правда.

— Клетка укутана, не видно...

Подходит. Животное, должно быть, во дворе, в одной из транспортных клеток. Но найти его ночью трудно, да и что дальше?

— Спрятаться!

Они уловили его мысль и ответили на нее. Стоящая лиса тяжело дышала.

Трой обдумывал проблему. По каким причинам Кайгер спрятал кинкажу, собираясь избавиться от него? Вмешиваться в это — значит напрашиваться на неприятности. Торговец не только разорвет контракт, но и внесет имя Троя в черный список, и ему уже никогда не получить работы на Корваре. В прошлом такое случалось с жителями Диппла и из-за гораздо мень-

шего... Нужно закрыть лисью клетку, выйти из помещения и забыть обо всем, и он будет в безопасности.

В безопасности? Он посмотрел на лису. Кинкажу, лисы, кошки знали, что он может общаться с ними. Допустим, что они передадут информацию Кайгеру. Этот прервавшийся разговор прошлой ночью... Если бы только Кайгер знал, что он «слышал» его... Да, отказ от помощи может быть опасен.

Он задернул клетку, не делая больше попыток разговаривать с лисами. Затем сунул шокер за пояс и прокрался к задней двери, осторожно выбравшись во тьму.

Точно так же, как он охранял магазин изнутри, старший служащий совершал обходы двора. А присутствие Троя возле клеток крупных животных может разбудить их и вызвать шумные протесты, сразу выдав его. У Хорана не было ни малейшего представления, где находится клетка с кинкажу, если она вообще здесь.

Он скользнул вдоль стены, прижимаясь к ней левым плечом, перебегая через открытые пространства от одного укрытия к другому и направляясь к двери склада. Оттуда доносился запах сена, семян, сухих растений. Эти смешанные ароматы напомнили ему проведенные в Диких Землях двадцать четыре часа. Может быть, именно в эти мгновения у него впервые родилась идея, не настолько конкретная, чтобы назвать ее планом, всего лишь туманная мечта, возможность спастись, если Кайгер отправит его назад в Диппл.

Трой почувствовал, как дверь поддалась под его легким нажимом. Он вошел. Дверь снова закрылась, но сквозь щель видна большая часть двора. Где же здесь спрятана клетка? И прятал ее Кайгер или кто-нибудь из служащих? Зул?

Кайгер или Зул, наиболее вероятно. Зул не хотел, чтобы Трой оставался на ночь в магазине. Трой был уверен в этом.

У двери, ведущей в личные помещения Кайгера, что-то шевельнулось. Какая-то фигура пересекла открытое место. Трой узнал Зула. Зул не хотел, чтобы его обнаружили. Он укрывался в тени, двигаясь вдоль ряда загонов.

Возможно, животные, находившиеся в загонах, привыкли к его запаху, потому что ни одно не встревожилось. Потом Зул исчез, как будто прошел сквозь стену. Но если он шел беззвучно, то теперь с противоположной стороны двора послышались

чьи-то шаги. Трой затаил дыхание, когда они приблизились к складу. Он осторожно прикрыл дверь полностью и напряженно ожидал: будет ли ее открывать проходящий стражник.

Когда шаги миновали дверь без остановки, Хоран чуть приоткрыл ее вновь. Ему не было видно уходящего охранника, но он слышал, как закрылась дверь на противоположной стороне двора. Потом он увидел, как Зул отделился от стены и двинулся дальше. Зул прятался от охранника. Это было очень интересно.

Зул миновал еще несколько загонов и остановился перед последним в ряду, где содержались два небольших траси с Лонгуса... Это были почти ручные создания, походившие на оленей.

Дверь загона открылась, и Зул исчез в ней, скрывшись в темноте.

— Повинуйся!

Трой обхватил голову руками: мысль, угроза были как удар. Но ответа не было: ни согласия, ни возражения. Трой представил себе Зула, стоящего перед завешенной клеткой и пытающегося подчинить себе пушистый шар.

— Слушай! — снова резкий приказ. — Ты будешь повиноваться!

Снова полная тишина. Воля против воли, животное против человека? Трой прижался к холодной поверхности двери лбом, напряженно прислушиваясь.

Проходили минуты. Зул выскользнул из загона, прокрался к стене и исчез в том же проходе, который использовали космонавты, приходя в магазин. Трой беззвучно считал. Досчитав до пятидесяти, он вышел из склада и пошел к загону траси.

Животные зашевелились, когда он поднял щеколду и вошел. Сюда доходило лишь немного света со двора, и вначале Трой подумал, что ошибся: никакой клетки не было видно. Он начал рыться в груде сена у задней стенки загона и больно ушиб палец о какую-то твердую поверхность. Сидя на корточках, он развязал покрытие клетки.

Хотя кинкажу должен был знать о его усилиях, он не двигался и не пытался мысленно обращаться. Покров снят. Но Трой все равно ничего не мог разглядеть в клетке. Он начал открывать дверцу.

Маленькое существо вылетело из клетки, взметнув водоворот сена, опрокинуло Троя, протиснулось в щель под изгородью

загона и исчезло прежде, чем человек сообразил, что оно было готово к бегству. Бесполезно было пытаться найти его во дворе: быстро передвигающееся древесное животное может укрыться в сотне мест.

Трой захлопнул клетку и закрепил покрывало. Потом тщательно очистил сено со своего комбинезона, снял контрольное устройство с пояса. Зачем напрашиваться на неприятности? Кинкажу исчез, и оставалось лишь надеяться, что теперь животное в большей безопасности, чем было в клетке. И пусть его пустая тюрьма составит утреннюю загадку для Кайгера и Зула.

Трой вернулся на койку. Теперь он был убежден, что его хозяин участвует в гораздо более важной игре, чем контрабанда, и что каким-то образом в эту игру вовлечены животные. Засыпая, он думал, сколько четвероногих терранцев с необычными способностями находятся на Корваре и зачем?

Если кинкажу и потеряли, то никакой тревоги на следующее утро не было. Все шло как обычно, только Зул взял на себя большую часть работы в помещении, а Троя отправили чистить клетки и мыть помещения. Но в полдень его вызвали в комнату птиц, потому что Зул не мог справиться с ястребом.

Трой, будучи еще в коридоре, услышал гневные крики птицы. Кайгер, хмурый, велел ему поторопиться. Зул, говоря на каком-то непохожем на основной галактический языке, яростно приплясывал и время от времени подносил ко рту окровавленную руку.

Трой сказал торговцу:

— Нужно, чтоб здесь было спокойно.

Тот кивнул и вытащил из помещения Зула. Ястреб бил крыльями, широко разевая клюв.

Трой медленно приблизился к птице, издавая монотонные звуки, которые, как он установил раньше, действовали успокаивающе на всех обитателей клеток. Торопиться было нельзя, рассердить ястреба до такой степени, чтобы он начал бросаться на стены клетки, означало причинить птице непоправимый вред, если не физический, то эмоциональный. Трой сосредоточился, неосознанно стараясь установить с ястребом мысленный контакт, как с терранскими животными. Ответа он не получил, но ястреб успокоился. Трой смог взять его на руку. Он хотел вы-

нести его на открытый воздух, где птица окончательно пришла бы в себя.

Кайгер встал поблизости.

— Во двор, — предложил он.

Час спустя хорошее настроение птицы восстановилось, и Трой вернул ее в клетку. Он снимал перчатку, когда к нему подошел Кайгер.

— Хорошая работа. Мы сможем вас использовать. Согласны на полный контракт?

Это было то, на что он не смел и надеяться, — контракт, который даст ему права гражданина! Он навсегда освободится от Диппла, потому что полный контракт не может быть отменен, разве что в случае серьезного преступления. Отныне все законы Корвара будут за него, а не против. Но однако... оставалось сомнение в деле кинкажу. Где-то в глубине души Трой уже понял, что не хочет быть верным работником Кайгера, привязанным обычаями и этикой к магазину... Он лишь смутно ощутил, чего он хочет, в то утро в Диких Землях... Он хочет свободы, которую невозможно найти в Тикиле. Глупо. Трой подавил свои желания и посмотрел на хозяина со всей благодарностью, какую был в состоянии выразить.

— Да, торговец, согласен.

— Еще один день старого контракта — и заключим новый. А пока, — Кайгер снова посмотрел на ястреба, — нам не нужно неприятностей с ним. Я свяжусь со штаб-квартирой охотников в городе, и, если все будет в порядке, вечером сможете отвезти птицу.

Но через час Зул вызвал Троя к Кайгеру. Торговец ходил взад и вперед по кабинету, гладя шрам. Он не производил впечатления человека, легко поддающегося тревоге, но теперь это был не спокойный поставщик роскоши в Тикиле.

— Мы сейчас закрываемся, — сказал он Трою. — Не отвечайте ни на какие вопросы по дверному коммуникатору. Совершайте обходы, как обычно. Меня не будет, но, если возникнут какие-нибудь неприятности, немедля включайте тревогу. Не пытайтесь справиться сами. Патруллеры предупреждены.

Чего ожидал Кайгер? Вооруженного нападения? Трой понял, что сейчас не время задавать вопросы. Торговец надевал темный плащ с капюшоном — обычная одежда для посещения

менее респектабельных районов Тикила. На его поясе Трой заметил бластер. Мрачное выражение глаз не позволяло задавать вопросы.

К удовлетворению Троя, Зул сопровождал хозяина. Теперь, когда магазин закрыт, а час ранний, есть возможность понаблюдать за двором. Трой не думал, что кинкажу остается здесь, разве что ему нужна импортируемая пища и он привязан к ее источнику. Но, может быть, сегодня вечером он подтвердит или опровергнет эту теорию.

Существовало только два места, не открытых постоянно в течение дня: склад, в котором он прятался ночью, и личные помещения Кайгера. Их осмотреть нет надежды. Они будут закрыты и откроются только от прикосновения рук торговца... или луча бластера.

Но на складе, среди множества ящиков, тюков, контейнеров, есть десяток укромных местечек, где может спрятаться испуганное животное. Лисы в помещении для животных, а кинкажу на свободе. Трой не мог избавиться от мысли, что эти трое находятся в контакте. Нельзя ли связаться с беглецом через двоих, оставшихся в клетке? И почему они еще в магазине? Насколько знал Трой, Великому Лидеру не сообщили, что ее животные уже прибыли.

Вооружившись ящиком с пищей, он направился в помещение для животных. Клетка с лисами снова была завешена. Трой развязал завязки. Одно животное спало или делало вид, что спит. Другое тоже лежало, но с открытыми глазами. Глядя на них, Трой не мог поверить в их возможности.

— Где другой? — подумал он, стараясь заложить в свою мысль ту требовательность, которая была у Зула.

Лежащая лиса зевнула и с клацаньем захлопнула челюсти, больше не интересуясь Троем. Он попытался снова, подавляя нетерпение, но безрезультатно. Если между лисами и беглецом существовал контакт, они не собирались о нем сообщать Трою. Придется действовать самому.

Он возвращался со двора, когда услышал гудение коммуникатора. Кинулся к ближайшему видеоэкрану. На экране появилось лицо Кайгера.

— Хоран?

— Да, торговец.

— Передайте свои обязанности по охране Джингу и доставьте ястреба в штаб-квартиру охотников в районе Терренг. Ясно?

— Ясно, — ответил Трой. Надежды на исследование склада рухнули. Он привел в порядок одежду и выбрал клетку для перевозки птицы. Вернулся ли Рерн из своей загадочной поездки?

Он надеялся узнать это.

Глава 9

Тикил ночью, вернее, поздно вечером гораздо менее заполнен людьми, чем днем. Хоран вызвал флиттер для полета через весь город к штаб-квартире охотников, но для возвращения решил использовать движущиеся дороги. Он уже направился к такой дороге, когда возле самого здания его остановил Харс.

— Вы видели Рерна?

— По приказу торговца Кайгера я принес ястреба. — Трой был настроен воинственно. За короткое время их знакомства Рерн никогда не давал ему почувствовать, что он из Диппла. А во взаимоотношениях с другими рейнджерами Трой постоянно помнил о своем поясе без ножа и о том, что у него нет родной планеты.

— Рерн хочет вас видеть.

— Но мне сказали, что его здесь нет.

— Он в другом месте. Идемте!

Трой испытывал искушение ответить «нет» на этот приказ. В конце концов, он не заключал контракта с Рерном. Но его заинтересовало, почему Харс был отправлен за ним.

Харс проходил через толпу, как через лес. И привел Троя не к офису, а к маленькому ресторану, одному из тех заведений, которые возникали повсюду для развлечения публики и исчезали, как только внимание корпораций к публике привлекало какое-то другое развлечение.

— Четвертый кабинет, — сказал ему Харс и отошел.

Трой обнаружил, что его костюм не вызывает здесь подозрений. Ресторан обслуживал служащих различных магазинов. В двух кабинетах занавесы были задернуты, значит, там происходил частный прием. В четвертом кабинете сидело двое мужчин.

Рерн в обычной покупной одежде сидел, прислонившись спиной к стене. С ним сидел пожилой человек в темном костюме без каких-либо знаков отличия. От него исходило ощущение властности, как от человека, с ранних лет привыкшего брать на себя ответственность.

— Хоран. — Рерн произнес его имя как приветствие, но скорее всего представляя его незнакомцу.

— Рогаркил. — Незнакомец кивнул Трою.

— Вы заключили постоянный контракт с Кайгером? — пригласив молодого человека присесть, спросил Рерн.

— Заключу... завтра... — Он почувствовал легкое беспокойство, хотя не мог сказать почему.

— А теперь у вас кратковременный контракт?

— Да.

— А если вам предложат другую работу?

— Я дал слово Кайгеру. Поэтому он должен дать позволение на мой переход.

Рогаркил сухо улыбнулся.

— Когда имеешь дело с благородным человеком, всегда возникают определенные неудобства. А связаться с бесчестным — значит заблудиться, еще не сделав первого шага по тропе. Так вы сейчас человек Кайгера?

— Да.

Чего они хотят от него? Этот разговор о чести и бесчестье еще больше встревожил Троя. Но Рерн не дал ему времени поразмыслить: что же скрывается за этими словами.

— На некоторые вопросы вы можете ответить, не нарушая условий контракта? Например, правда ли, что торговец Кайгер приготовил терранское животное лису для Великого Лидера?

— Вы слышали этот заказ, джентльхомо.

— И что он ввозит других терранских животных.

— Да, джентльхомо. Но это общеизвестно.

— Пара кошек для джентльфем Сан дук Бара, кинкажу — для саттор-командующего Ди...

— Я чищу клетки и кормлю животных, — сдержанно ответил Трой. — Я не заключаю сделок и не вижу богатых покупателей.

— Но среди клеток, которые вы чистите, — прервал его Рерн, — есть и клетки этих экзотических животных. Вы видели их своими глазами, молодой человек?

— Я был с гражданином Зулом, когда он получал в порту кошек...

— И попали в неприятность тем утром?

Трой перевел взгляд с одного на другого.

— Джентльхомо, — негромко сказал он, — если я разговариваю с патруллером под прикрытием, то я имею право знать это. Закон защищает человека на Тикиле, даже если этот человек из Диппла.

Рогаркил улыбнулся:

— Вы вправе не доверять нам, молодой человек. Нет, я не патруллер, я не представляю закон на Тикиле. Это дело касается кланов. Вы понимаете, что это значит?

— Даже в Диппле, джентльхомо, у людей есть рты и уши. Да, я знаю, что кланы гораздо старше законов города. Говорят, что власть кланов превосходит власть генерал-губернатора Совета. Но это законы кланов и для кланов. Я из Диппла, и если хочу выбраться оттуда, то должен руководствоваться законами города. Я не знаю, почему вы задаете такие вопросы, но придерживаюсь условий контракта. То, что я говорю вам, вы можете узнать из записей патруллеров. Да, я видел кошек. И привез кинкажу с виллы саттор-командующего Ди. Это животное было сильно напугано. Я видел лис, которые сейчас в магазине. Но кому нужны подобные сведения?

— Это мы и стараемся узнать, — загадочно ответил Рогаркил.

— Вы правы, Хоран. Законы кланов не правят Тикилом. Но помните, что они действуют везде, кроме города...

— Угроза или предупреждение, джентльхомо?

— Предупреждение. У нас есть причины считать, что вы ходите по краю пропасти, молодой человек. Смотрите, как бы вам не упасть.

— Это все, что вы хотели у меня спросить?

Рогаркил взмахом руки отпустил Троя. Но Рерн встал следом за Троем.

— Я хочу увидеться с торговцем Кайгером.

— Не сегодня. Магазин закрыт.

Они смотрели на него так, как будто он сказал что-то необычное.

— Почему?

— Кайгер ушел по какому-то делу.

Обернувшись к своему спутнику, Рерн произнес фразу на незнакомом Трою языке. Рогаркил спросил:

— Это ведь необычно для вашего распорядка?

— Да.

— Так... похоже, у торговца Кайгера есть личные дела... Нельзя вмешиваться в две драки, уделяя обеим одинаковое внимание. Лисы еще у вас? — Он повернулся с вопросом к Трою. — И где кинкажу, которого вы принесли с виллы Ди? Тоже в магазине?

Трой пожал плечами:

— Когда я вернулся из Диких Земель, его в клетке не было. Возможно, его вернули наследникам саттор-командующего. Это весьма ценное животное.

— Кайгер не возвращал его, — коротко заметил Рерн. Он холодно смотрел на Троя.

— Его нет в клетке, — упрямо повторил полуправду Трой. Он не собирался ничего добавлять к этому, не зная, что они имели в виду.

— Парень прав, конечно, — сказал Рогаркил. — Обычный работник, он не может знать больше. И связан условиями контракта... Очень жаль, Хоран. В других обстоятельствах мы могли бы оказаться полезными друг другу. Всадник с Нордена по своим стремлениям и желаниям похож на охотника Корвара.

— Сегодня на Нордене нет всадников, — сказал Трой. Он посмотрел на Рерна. Тот кивнул, разрешая уйти. Подняв руку в знак приветствия, он вышел из кабинета. Почему его мучает предчувствие, что он только что безвозвратно захлопнул дверь, которая могла привести его в новый мир? Он чувствовал разочарование.

Трой пробивался сквозь толпу, почти не замечая окружающего. Подойдя к входу во двор магазина, он нажал сигнальную пластину и стал ждать, когда ночной сторож откроет. Но от его прикосновения дверь открылась, и он увидел тускло освещенный проход.

Шокер Троя остался в его комнате. Он был безоружен и не собирался проникать во двор без средств обороны. Дверь не должна быть открыта: тусклый, необычно тусклый свет внутри — тоже предупреждение. Его может поджидать ловушка.

Он снял украшенный серебряными пряжками пояс. Полоска обшитой металлом кожи была единственным его оружием. Крепко зажав конец пояса, он двинулся вдоль стены по проходу, прислушиваясь к тишине во дворе.

Тихое бормотание животных во дворе скрывало нападение. Но откуда и с какой целью? Трой достиг конца прохода, прижался к стене и осмотрел дверь. Что-то не так с южной стороны...

Тут он заметил разницу. Дверь в личное помещение Кайгера, которую он никогда не видел раскрытой, теперь была еще и распахнута. В центре двора стоял флиттер. Был ли он флиттером, принадлежащим магазину, Трой не мог определить.

Открытая дверь и ожидающий флиттер — это еще не все. Здесь была атмосфера ожидания. Может быть, животные тоже ощутили это, потому что из загонов доносились лишь приглушенные звуки. Снова Трой ощутил ловушку. Но он знал, что ловушка предназначена не для него.

Значит, для Кайгера? Пожалуй, Трой заметил намеки на личные затруднения торговца, может, даже на кровную вражду. И клан тоже интересовался экс-космонавтом. Трой Хоран — в сущности, ничтожная добыча. Эта операция проводится ради гораздо более крупной дичи.

Благоразумие советовало убраться со двора, пойти спать без дальнейших расследований — если ему удастся убраться незамеченным. А как насчет Зула? Маленький человек ушел с Кайгером, но что, если он вернется отдельно? Со своего места он не видел ни одного человека.

Какое-то движение, не во дворе, а наверху одного из загонов, привлекло внимание Троя. Движение повторилось. Что-то маленькое, темное, быстрое пересекло полосу света, за ним другое такое же. Слишком мало для Зула... Животные, бежавшие из клетки? Но почему они устремились во двор, а не из него? Собираются?

Трой наметил расстояние между собой и ближайшим укрытием. Потом, как можно быстрее, прыгнул и замер, прислушиваясь, затаив дыхание.

Еще одна тень мелькнула к полуоткрытой двери помещения Кайгера. Это было не прежнее скользящее движение, а торопливый бег, слишком быстрый, чтобы Трой мог что-то рассмо-

треть. Но он был уверен, что это что-то проникло в квартиру торговца.

Трой двинулся вперед. И тут увидел круглые зеленые огоньки у двери — глаза животного. Он был слишком удивлен и взмахнул поясом. Еще одна тень исчезла в двери.

Теперь тревога смешивалась в нем с любопытством. Он тоже двинулся к двери... Пересек последние метры и вошел, ожидая нападения.

Здесь не слышались звуки со двора, но Трой ощутил биение крови в ушах. Это был не звук, а какое-то давление, вызывающее страх.

Он ощупью двинулся вперед: ночное освещение было выключено. Вот его нога коснулась ступеньки лестницы. Он поднимался шаг за шагом. Биение крови в ушах все усиливалось.

Лестница кончилась. Трой стоял, прислушиваясь и зная, что он больше не один, хотя не слышал ни звука.

Трой не имел представления об очертаниях места, где находился: темнота была полная. Он усилил свое воображение, которое населило комнату людьми. Эти люди стремились к одной цели — к нему. Он присел и сделал мах поясом над полом.

Вдруг справа от него мелькнул свет. Когда глаза привыкли к темноте, Трой увидел, что свет пробивается из-за прикрытой двери.

Он находился в прихожей, в которую выходило три двери, расположенные справа от него. Из последней пробивался этот свет. Ни звука — но теперь он уже не мог отступить. Он знал: кто-то или что-то уже здесь, ждет. И ему придется посмотреть ему в лицо.

Трой быстро и легко двинулся к двери. Рукой коснулся ее поверхности. Теперь он мог заглянуть в нее, хотя не был уверен, что находившиеся внутри не увидят его.

Там сидел Кайгер, но не в удобном кресле, а на табурете без спинки и ручек, плечами прижавшись к стене. В руках у него находился цилиндр длиной примерно в фут, один конец которого стоял на полу у его ног. Человек, находящийся в сознании, не может сидеть так неподвижно. Но глаза Кайгера были открыты, и он неподвижно смотрел на Троя, но так, как будто

тот не существовал. И этот неподвижный взгляд заставил Троя распахнуть дверь и шагнуть вперед.

Кайгер не шевелился. Трой увидел, что Кайгер сидел, сжимая цилиндр. В комнате был лишь набор нескольких полированных шкафчиков у стены, больше ничего.

Трой заговорил и тут же пожалел об этом — слова гулко отдавались в пустоте.

— Торговец Кайгер, что-нибудь случилось?

Кайгер продолжал сидеть, и Трой наконец понял, что он мертв. Он быстро повернулся, чтобы увидеть человека, приоткрывшего дверь, но увидел лишь полосы на стене. Красные, черные и белые линии складывались в карту. Карта Тикила — и в ней щель — открытая дверь.

Трой остановился справа от сидящего человека. Он не видел ни раны, ни других признаков насилия, но Кайгер не умер естественной смертью. Об этом говорила его поза и вся комната. Да и существа, которых он увидел во дворе...

Оставив дверь открытой, чтобы был доступ свету в коридор, Трой вернулся в прихожую и толкнул две другие двери. Одна вела в спальню, другая — в небольшую столовую. Обе комнаты оказались пустыми.

Трой вернулся в комнату Кайгера. И тут перед ним из ниоткуда возникли тени: черная кошка, ее голубая напарница, кинкажу и две лисы, а ведь он мог поклясться, что они благополучно сидят в своей клетке. Похоже, что все терранцы Кайгера теперь перед ним. Сверкали зубы, шерсть стояла дыбом, смертельная опасность была рядом.

— Нет, — ответил он на этот гнев и страх словом и жестом, отбросил пояс и протянул руки вперед ладонями вверх. Черная кошка успокоилась первой, протянув вперед лапы, и Трой опустился на колени.

— Нет, — проговорил он спокойнее.

Фырканье, потом острые зубы сомкнулись на его запястье, но не больно, а как бы в знак согласия. Тут снизу послышался звук. Шел кто-то, не пытавшийся скрывать своего приближения.

Трой бросился к двери и тут же понял, что его силуэт будет хорошо виден снизу. Он прижался к стене. Все это продолжа-

лось несколько секунд, но когда он оглянулся, то не мог догадаться, куда подевались кошки, но по их исчезновению понял, что они опасаются вновь прибывшего.

Он уже не мог так исчезнуть. Трой немного отступил, подобрал свой пояс и стал ждать встречи.

В полоске света появился Зул. Он широко раскрытыми глазами посмотрел на Троя, потом на неподвижного Кайгера. Губы его дернулись, обнажая зубы, как у рычащего зверя, и он с ножом в руке бросился на Троя.

Глава 10

Трой уклонился и взмахнул поясом. Его конец с металлическими украшениями попал в цель: маленький человек закричал и отдернул руку так, что ударился о цилиндр, который держали мертвые пальцы Кайгера. Цилиндр упал, и тело торговца последовало за ним, опустившись на пол так мягко, как будто было без костей. Зул испустил такой нечеловеческий крик, который не смогло бы издать никакое животное, никакая птица.

В тот же момент Трой ощутил, как биение крови в его голове прекратилось. Труба покатилась к нему, и Зул, как будто забыв о своем гневе, попытался схватить ее.

Трой пнул ее ногой так, что труба, вертясь, полетела по комнате.

Потом он ребром ладони ударил Зула по шее, и маленький человек упал, хватая воздух открытым ртом. Трой успел подобрать ножи и цилиндр прежде, чем Зул сел, тяжело дыша.

Положив нож и трубу на шкаф, Трой приблизился к Зулу. Это было похоже на насильственное усмирение разъяренного животного. Несмотря на отвращение, Трой был вынужден оглушить маленького человека, а затем связать ему руки его же собственным поясом.

Трой снова застегивал свой пояс, когда увидел, что глаза Зула открыты и устремлены на тело Кайгера. Лицо маленького человека исказила гримаса, которую Трой не смог разгадать. Потом Зул с усилием приподнял голову и осмотрелся, как будто искал что-то более важное, чем Трой. Его внимание сосредоточилось

на трубе, конец которой выступал над шкафом, и Зул пополз по полу к шкафу.

Трой преградил ему путь. Гримаса Зула стала злобной. Он плюнул, пытаясь оторваться от пола.

Трой взял трубу и вместе с ней направился к красной кнопке тревоги на стене. Чем быстрее он вызовет представителей власти, тем легче ему будет объяснить происшедшее.

— Нет! — Зул впервые заговорил. — Только не патруллеры!

— Почему? Мне нечего скрывать. А тебе?

Яростное движение Зула приблизило его к ряду шкафов. Теперь он не лежал, а сидел, прижимаясь спиной к стене.

— Только не патруллеры! — повторил он, и в его словах слышался скорее приказ, чем просьба. — Пока нет...

— Почему?

Темные глаза Зула были устремлены на трубу, которую держал Трой. Он явно разрывался между необходимостью сохранить тайну и попросить о помощи.

Трой настаивал.

— Из-за терранских животных?

Зул застыл, его лицо выражало крайнее удивление, а может, и другие чувства, которые Трой не сумел прочесть.

— Что ты знаешь? — Его слова звучали хрипло, как будто ему не хватало дыхания.

— Достаточно. — Трой надеялся неопределенным ответом вызвать у пленника откровение.

Зул облизал губы.

— Их нужно скорее убить, до того как появятся патруллеры.

Трой был изумлен. Этого он не ожидал и не собирался выполнять.

— Почему?

Взгляд Зула был уклончивым и подозрительным.

— Если ты не знаешь этого, ты не знаешь ничего. Они опасны для всех нас после смерти хозяина. Убей их, — или пожалеешь, что сам не умер.

Трой одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Он наклонился и схватил Зула за воротник, поставил его на ноги и прижал к шкафу.

— Ты скажешь, почему эти животные опасны, — негромко сказал он, стараясь вложить в свои слова как можно больше силы и угрозы.

— Потому что... — Зул отвел взгляд, — они не просто животные. Они думают, понимают приказы, докладывают...

— Какие приказы и кому докладывают?

Зул глотнул, на его лбу выступил пот. Но Трой чувствовал, что он боится не его, а чего-то другого.

— Они получают приказы от того, кто их вызывает. И ему же они докладывают...

— Что? Информацию?

Разрозненные обрывки сложились в единую фигуру. Домашние животные... со способностью понимать своих хозяев, собирать информацию... помещены в домах, где есть доступ к высокоценной информации!

— И это делал Кайгер? — Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— Да. Теперь животных надо вызвать и убить до прихода патруллеров. Дай мне вызывальщик.

— Нет.

Итак, Зул не знал, что животные уже пришли по зову мертвого или умирающего. И тут, приняв решение, Трой ощутил волну эмоций, заполнивших комнату: страх, решимость бороться, смутная мольба. И он знал, что вновь настроился на спрятавшуюся пятерку. Если животные и использовались Кайгером, то были лишь орудием.

— Если их захватят патруллеры, то сначала потребуют выяснить, что им известно, а потом все равно уничтожат их, — продолжал Зул. — Так не лучше ли убить их сразу?

Трой чувствовал, как его собственная решимость крепнет, объединенная с решимостью остальных.

Бежать? Но куда? В памяти возникла картина плато высоко на свежем ветру. Может, и не туда, но Дикие Земли занимают полконтинента. Найти там одного человека и пять маленьких животных — трудная и долгая задача, а к тому времени ему, возможно, уже удастся найти другое решение.

— Я должен вызвать и убить их. Быстро! — Зул терял спокойствие, голос его звучал громче, он смотрел на Троя сузившимися глазами.

— Спокойно! — Трой подкрепил свои слова, зажав ладонью рот Зула. Не обращая внимания на яростные рывки пленника, Трой установил контакт с животными.

«Уходите вместе — прочь отсюда!» — он вложил в эту мысль всю силу. Он не знал, почему должен спасти пятерку, но чувствовал, что это очень важно не только для них, но и для него.

Если Зул и понял, что он делает, то никак не проявил этого.

Мгновенное движение, которое Трой уловил краем глаза. Ниоткуда материализовалась черная кошка, прижимаясь к ковру, обогнула вытянутую руку Кайгера. Зул замер. Кошка, подойдя к Зулу, угрожающе фыркнула, каждая линия ее тела выражала ненависть.

— Их не нужно созывать, Зул, — негромко сказал Трой. — Они уже здесь... И уйдут отсюда свободные.

И вот они появились: вторая кошка, лисы бок о бок и самым последним кинкажу, быстро взобравшийся на Троя, как на дерево.

— Нам придется немного пройти вместе, — сказал Трой, держа одной рукой кинкажу, другой же пряча себе за пояс нож. Он бросил трубу на пол, и черная кошка лапами немедленно закатила ее под шкаф. И все животные, за исключением кинкажу, который сидел на плече Троя, выскользнули за дверь.

Зул, должно быть, был ошеломлен беззвучным появлением животных и их совместными действиями с Троем. Он подчинился толчку, как управляемый робот, и пошел по лестнице во двор.

Трой думал о запасах и флиттере. Теперь очень многое зависело от случая и удачи.

Все еще держа Зула, он остановился у входа и выглянул во двор. Флиттер стоял на том же месте. И не было охранника, который должен находиться на дежурстве.

Уловив движение у флиттера, Трой понял, что животные уже там. В этот час воздушные дороги полны обитателями вилл, которые возвращаются с ночных развлечений из Тикила. Это интенсивное движение скроет его от патруллеров.

Приняв решение, Трой почувствовал, как его возбуждение улеглось. Впервые за долгие годы он решил испытать свободу. Он ее почувствовал в поездке с Рерном, но этого оказалось недостаточно.

Внутри склада Трой толкнул пленника в угол и начал быстро действовать. Он знал, что Кайгер кормил терранских животных специально импортируемой пищей, и сунул в мешок контейнеры с ней. Нож Зула был у него за поясом, вдобавок в оружейном отсеке флиттера должен был находиться шокер. Трой натянул рюкзак. Наконец Зул заговорил:

— Мы тебя будем искать и убьем. Патруллеры тоже будут искать. Ты не сможешь скрыться. Тебя ждет смерть...

— Потому что я слишком много знаю? — поинтересовался Трой.

— И из-за этого. Мы не можем позволить, чтобы это стало известно.

— И вы пошлете за мной патруллеров?

Зул улыбнулся:

— Нет необходимости рассказывать им о животных. Они придут, увидят мертвеца и, узнав, что один из служащих сбежал, поймут.

— Предположим, что они обнаружат, что бежали двое? — спросил Трой. Он совсем не хотел брать с собой Зула — это все равно что положить во флиттер бомбу со взведенным механизмом. Но исчезновение двоих служащих Кайгера, причем один из них старый помощник экс-космонавта, возможно, собьет Закон со следа.

Взвалив на плечо рюкзак, он снова повел Зула к флиттеру. Но его план не удался... Послышался неожиданный крик из коридора, ведущего к квартире Кайгера. Зул повис на Трое мертвой тяжестью, и Трой не смог дотащить его до флиттера. Он бросил Зула и забрался во флиттер, надеясь, что животные уже там.

— Здесь! — Эта уверенность появилась как бы ниоткуда, и Трой поднял машину со двора. В комнате Кайгера вспыхнул свет. Должно быть, охранники обнаружили тело. Теперь нужно как можно лучше воспользоваться запасом времени.

Главное движение устремлялось на север, а не на восток, но ему пришлось влиться в него и не сворачивать, пока он не миновал район вилл. К тому же приходилось придерживаться скорости, допустимой на пассажирских линиях.

Трой включил коммуникатор на приборном щите и внимательно слушал, стараясь уловить малейшие признаки тревоги.

Слова Зула были не просто угрозой. Однако, оказавшись в Диких Землях, он может не опасаться патруллеров.

Его гораздо больше беспокоили рейнджеры Клана, организованные так, чтобы надежно противостоять любому вторжению в их земли. Они хорошо знают Дикие Земли. Будущее казалось Трою мрачным. Но он сделал выбор и не собирался поворачивать назад.

Рерн! Загнанный в угол, сумеет ли он обратиться к охотнику? Еще раз испытал он раздвоенность, которую впервые ощутил в то утро на плато. Одна часть его сознания оставалась настороженной и лишенной иллюзий, другая стремилась к откровенности с охотником, желая свободы, доступной рейнджеру и его товарищам.

Патруллер пролетел над флиттером. Трой замер. Но государственный флиттер улетел, и Трой облегченно вздохнул. Скоро он сможет свернуть с обычных линий. Трой видел мерцающие огоньки вилл. Выключив огни, он повернул направо и быстро полетел на восток.

Лишь спустя какое-то время он понял, что его не ищут. Никакого предупреждения. Несомненно, если люди в магазине известили патруллеров, теперь всюду разыскивали бы похищенный флиттер. Да, Зул... Неужели Зул все еще предпочитает держаться в стороне от закона?

В своем последнем предупреждении маленький человек сказал «мы», а не «я». Кто это «мы»? Если Кайгер не был хозяином животных — Зул, несомненно, занимал подчиненное положение, — то кто хозяин? Кто-то в Тикиле настолько влиятельный, чтобы помешать официальному расследованию? Зул предупредил Троя, за ним будут вести две охоты. А в Диких Землях добавятся еще люди Клана.

На губах Троя появилась безрадостная улыбка. Слишком много охотников — могут помешать друг другу. Впрочем, он не станет размышлять над несуществующими шансами.

Флиттер летел на северо-восток. К рассвету, когда придется сесть, он должен забраться далеко в Дикие Земли. И, вспомнив горную цепь, которую они пролетали с Рерном, он поднял флиттер, хотя автоматическая предупреждающая система была включена, и автомат все равно не допустил бы столкновения.

Он ощутил тепло сбоку от ноги. Кинкажу прижимался к нему, а остальная часть его странного экипажа вскарабкалась на второе сиденье. Трой начал говорить, не думая о том, поймут ли они его или не поймут.

— Впереди Дикие Земли... там есть только одни рейнджеры и местные животные. В таком месте есть много убежищ, очень много...

— И хорошая охота. — Это быстро ответил кто-то из них.

Трой ощутил растущее возбуждение, рожденное не страхом или необходимостью защищаться, а ожиданием — эти чувства разделяли все пятеро.

— Хорошая охота, — подтвердил он, — деревья, равнины, холмы, горы, реки, скалы...

— Хорошо быть свободным! — прозвучали слова в общем для них чувстве удовлетворения.

— Хорошо быть свободным! — подхватил и Трой. — Свободным от Диппла, от Тикила, вообще от людей.

Над головами посветлели звезды. При свете зеленоватой луны были видны снежные вершины. Беглецы пролетели над первым хребтом Ларша, уже в Диких Землях, и все еще не было ни следа тревоги или преследования. У Троя не было карты, но он знал, что, направляясь на северо-восток, он доберется до равнины.

Он полностью переключил управление на автопилот и расслабился, широко вытянув ноги. Плечи его болели от того напряжения, в котором он находился с самого рассвета. Не мешало отдохнуть.

— К рассвету, — сказал он своим товарищам, — мы сядем на какой-нибудь равнине, где никто не сумеет найти нашего следа, и все будет хорошо.

Кинкажу свернулся у него на коленях. Справа от него сидела черная кошка, глядя в небо.

Должно быть, он слегка задремал, потому что красный огонь, вспыхнувший на приборном щите, захватил его врасплох, неожиданно вернув к страшной действительности.

— Предупреждение! Предупреждение! Предупреждение!

Трой уже когда-то слышал этот металлический голос.

Его руки устремились к приборам. Он хотел выключить автопилот, но не смог. И тут, стуча кулаком по переключателю автопилота, он наконец вспомнил про Рухкарв!

— Предупреждение!

Трой потянулся за микрофоном, чтобы произнести слова, которые положат конец их попытке к бегству. Но было слишком поздно. В ночи уже сверкнул белый луч и протянулся к ним. Флиттер попал в этот луч, нырнул, теряя скорость, и полетел вниз.

Глава 11

Впоследствии Трой мало что мог вспомнить об этом спуске-падении. Его бросало из стороны в сторону. Они не были совсем беспомощны. Трою удалось сбить замок автопилота, и на некоторое время флиттер стал послушен снова. Трой поднял нос машины, и она сделала гигантский прыжок.

Хотя это действие не вернуло свободы, флиттер, прорвавшись сквозь какую-то тугую преграду, оказался за пределами действия луча, перехватившего их в воздухе... Колеса флиттера коснулись земли. Удар... Луна и звезды исчезли.

Голова и грудь болели, во рту незабываемый солоноватый привкус крови. Перед ним была тьма, но сзади пробивался свет, который он видел, поворачивая голову.

— Наружу... — уловил он.

Мимо него, задевая его болевшее тело, скользнули животные.

Каким-то образом ему удалось справиться с дверцей, нажав на нее плечом. Он упал, и легкие лапки пробежали по нему: их владельцы вырывались на свободу. Трой выполз сам и попытался осмотреться. Поверхность под ним казалась необычайно ровной, его руки, ощупывая окружающее, наткнулись на песок, покрывавший очень ровные камни. Он повернулся и смог кое-что увидеть. Флиттер умудрился невероятным образом застрять под какой-то аркой.

Трой обошел машину. Но, лишь пройдя эти несколько футов, он понял, что произошло: защитные установки Клана и его последняя попытка привели их в необычное убежище. А круглые

купола и разрушенные стены, лишенные окон и дверей, глубоко сидели в песке. Он оказался в самом центре Рухкарва.

— Где? — Он попытался вызвать животных и, поскольку не знал их имен, стал изображать их мысленно. Кошки: черная и серо-голубая, лисы, кинкажу. — Где они? Ранены? Убежали?

— Вернитесь! — громко позвал он.

На одной из разрушенных арок появилась тень и устремилась к нему. Кинкажу ответил на его призыв. Он взобрался на плечо Троя, обхватив его своим цепким хвостом. Трой погладил круглую голову, прижав ее к щеке.

Быстрыми прыжками приблизились лисы и остановились перед ним, принюхиваясь к ветру. Глаза их блестели.

— Идите! — Трой уговаривал кошек. Не получив ответа, он отпустил кинкажу и вернулся к месту крушения. Разыскал фонарик и включил его. В конусе света показался нос машины, застрявшей под аркой, как застревает толстая нитка в глазке иголки.

Трой осветил машину и застыл, увидев распростертое маленькое тельце. На него были устремлены голубые глаза с выражением боли. Серо-голубая кошка тяжело дышала, раскрыв рот. Бремя от времени она облизывала переднюю лапу, зажатую между двумя обломками металла. Над ней сидела черная кошка. Увидев Троя, она испустила несколько требовательных резких криков.

К рассвету все необходимое было сделано. Лапа перевязана и прибинтована к дощечке. Трой вынес из флиттера мешок с продовольствием, шокер и несколько инструментов... По мере того как шло время и никто не появлялся в запретной зоне, Трой начал верить, что их остановил какой-то автоматический пост и что у них есть еще шанс спастись. Но есть ли вокруг Рухкарва охрана — этого он не знал.

Лисы и черная кошка растаяли в темноте, предоставив Трою собирать оборудование, и только кинкажу оставался на страже, время от времени вынося из флиттера мелкие предметы. Трой присел на корточки. Только сейчас он мог подумать о дальнейших действиях.

— Стена... невидимая стена... — Из-за соседнего купола вышла черная кошка.

— Вокруг этого? — Трой указал на руины.

— Да. Мы пытались преодолеть ее во многих местах.

Оправдывались опасения Троя. Кланы установили вокруг Рухкарва барьер. Предназначенный для защиты от посторонних, он не выпустит пленников. Как же ему удалось прорваться на флиттере?

— Много нор... может быть, в них можно охотиться... — На открытом пространстве появилась лиса.

Кошка отошла к раненой и стала вылизывать ее.

— Тут под землей опасность. — Трой уловил это по состоянию своих остроухих товарищей.

— Еще нет. — Ответ загадочный. До того как экспедиция Фауклова превратила название Рухкарва в синоним ночного кошмара, верхние галереи незнакомого города исследовались многими любопытными безо всякого вреда для себя. Неужели вызыватель сделал это место проклятым? По словам Рерна, рейнджеры положили конец действию прибора, и подземные коридоры, возможно, на время дадут беглецам убежище. Трой знал, что ему необходимо отдохнуть. И, возможно, именно тут, в центре запретной территории, они будут в безопасности.

— Мы идем в нору...

С рюкзаком за плечами, осторожно прижимая раненую кошку к груди и держа шокер наготове, Трой двинулся. Кинкажу ехал у него на плече, время от времени дотрагиваясь до своего двуногого коня передними лапами, как бы не давая ему забыть о своем присутствии. Лисы и черная кошка повели его к другому куполу, у которого был вырублен большой участок стены либо одним из искателей сокровищ, либо людьми экспедиции Фауклова.

Все слышанные Троем фантастические сказки населяли окружающую тьму кошмарами, но спокойствие животных внушало ему уверенность. Трой знал, что их чувства намного острее, чем у него, и что в случае опасности они предупредят. Он включил фонарик, свисавший с пояса, и конус света заплясал по стенам и земле в такт ходьбе.

Ничего не было видно, кроме стен и мостовой, каменных плит, уложенных с большой точностью и искусством. В дальнем углу купола оказался темный спуск, ведущий в сам Рухкарв.

Трой увидел, что мрак тут похож на туман. И даже свет фонаря погашался и ослаблялся мраком. Однако лис, шедший впереди, уже начал спуск в глубины, его товарищ и черная кошка с нетерпением ждали Троя.

— В этом месте была большая опасность, — предупредил Трой, подкрепляя мысль словами.

— Ничего нет... — Он был уверен, что это черная кошка.

— Ничего нет, — повторил Трой, когда его башмаки застучали о камень спуска, — а что дальше?

— Здесь вода.

Трой был изумлен этим внезапным препятствием. Если в этом лабиринте животные учуяли воду, значит, они более чувствительны к опасности.

— Где?

— Мы идем...

Лестница спустилась на три этажа. И на каждом этаже в сторону отходили коридоры, абсолютно пустые и такие одинаковые при свете фонарика, что Трой подумал, что в этом лабиринте без проводника легко заблудиться. И он старался запомнить путь.

Где-то должна находиться невидимая вентиляция: воздух был сухим, но вполне пригодным для дыхания. Трой несколько раз ощутил дуновение свежего воздуха с поверхности.

На четвертом уровне Трой обнаружил, что животные ждут его, хотя лестница продолжала вести в глубь Корвара. Они пошли прямо на восток, если только его чувство направления не было окончательно сбито с толку. На мгновение Трой почувствовал надежду, что подземный коридор выведет их за пределы невидимой стены и они смогут свободно уйти в Дикие Земли.

Стены из красно-серого камня, мощеный пол — больше ничего, если не считать столетнего слоя пыли, в которую ноги погружались почти по щиколотку и которая заглушала звук шагов. Дважды эти стены прерывались круглыми отверстиями, но когда Трой направлял в них свет, то видел лишь пустые круглые углубления, вряд ли способные вместить человека. Их назначение было еще одной загадкой Рухкарва.

Коридор, ведущий на восток, закончился большим колодцем, в него вела очень узкая и крутая винтовая лестница. Раз-

ведчики снова двинулись вперед, и Трою оставалось лишь последовать за ними.

По мере спуска атмосфера менялась, становилась более влажной. Стены становились холодными и влажными на ощупь. Трой понял, что лис был прав. Где-то внизу находился источник воды. Большой источник.

Влажность росла. Трой уловил неприятный запах нечищеного пруда и какое-то зловоние. На стенах появились потеки воды.

По кругу и снова по кругу... бесконечные круги лестницы вызывали головокружение. Боковых коридоров здесь не было. Трой потерял даже представление о времени, его ноги болели. Он был уверен, что, если бы он решил вернуться назад и подняться на поверхность, даже в тот коридор, с которого начал спуск, — он не нашел бы в себе сил для этого. Ему хотелось лишь добраться до конца лестницы, чтобы можно было упасть и отдохнуть.

И вот свет фонарика упал на мостовую. Трой спрыгнул на нее и осветил дно колодца. Вода... но хотя рот у него пересох, а все тело вопило о жажде, он не смог заставить себя приблизиться к угрюмо текущему ручейку.

Вода выглядела как маслянисто-черная лента, она казалась разбухшей, толстой, как будто состояла из слизи, легкая рябь пробегала по ней от одного берега к другому...

Входом и выходом этого потока шириной в ярд служили большие круглые отверстия, они находились под лестницей. Других выходов не было, кроме лестницы, по которой они спустились. Но черная кошка и лисы ждали у выхода ручья. Трой подошел к ним. Он увидел, что туннель шире ручья и рядом с водой идет узкая тропа.

— Туда? — спросил он, и это слово гулко отдалось в воздухе.

Кинкажу гневно забормотал, а раненая кошка нажала здоровой лапой на грудь Трою и добавила к этому протестующий крик. А тройка впереди оглянулась и углубилась в туннель, ясно показывая, что надо идти за ними.

Рябь на воде приобрела зловещее значение: вглядевшись в нее, Трой заметил, что она идет против течения, и подумал, насколько же глубок на самом деле этот ручей — что-то двигалось под его поверхностью. И это что-то сопровождало Троя, когда

он шел вдоль ручья. Время от времени он направлял туда свет фонарика, но видел лишь чернильную жидкость.

Зловоние становилось сильнее, но вскоре Трой снова ощутил поток свежего воздуха. В ответ на свет фонарика на стенах начали вспыхивать маленькие искорки. Их становилось все больше, они собирались группами. Еще раз повернув голову, чтобы посмотреть на рябь, Трой заметил, что эти искорки не гаснут за ним, а продолжают голубовато светиться. Он на мгновение включил фонарик и оглянулся. Там, где свет коснулся стен, свечение сохранилось. Но впереди было темно. Чем бы ни были эти искорки, им нужен был свет, чтобы они могли вспыхнуть.

Полосы этого свечения становились шире, и Трою показалось, что он различает рисунок — что-то вроде острого зигзага. Пожалуй, эти искорки не природное явление, а созданы неизвестными строителями.

Его фонарик осветил впереди отверстие. Здесь его ждала кошка. Лис не было видно. Трой пошел быстрее, радуясь возможности уйти от ручья.

Выйдя, он оказался не в коридоре, а в обширной подземной пещере, когда-то приспособленной неизвестными строителями Рухкарва для своих целей. Луч фонарика терялся в дали окружающего пространства, и Трой остановился, слегка обескураженный тем, что окружало его. Он увидел город в миниатюре, дороги, проходящие между стенами отдельных сооружений без крыш. Но эти стены! Именно от них исходило зловоние. Трой бессознательно отшатнулся от этих стен. Присмотревшись, он заметил, что это как будто пластины гигантских грибов.

Между выходом из туннеля и началом этих гигантских структур находилось открытое пространство, покрытое чем-то вроде песка или гравия, и Трой поторопился пересечь его.

— Дорога в обход...

Кто-то из его проводников уловил его пожелание, и Трой понял, что животные разделяют его эмоции.

— Идем! — Это было требование, и Трой перешел на быстрый шаг, не зная, долго ли сможет выдерживать его. Он обошел выступ города грибов и увидел еще что-то: яркую полоску, так похожую на его родной мир, что он устремился к ней и с шага перешел на бег.

В середине чуждого — нечеловеческого — мира находился островок безопасности. Откуда-то сверху через искусственную щель или искусственное устройство, этого он так никогда и не узнает, пробивался солнечный свет. И здесь была вода, небольшой пруд, питаемый ручейком, просачивающимся из песка. Чистая вода, никакой ряби. Трой опустил раненую кошку и прикоснулся губами к воде.

Два-три небольших растения, тонких, как шнурок, росли на берегу пруда. Напившись, Трой открыл мешок с продуктами и поделился его содержимым с членами своего отряда.

Есть ли другой выход из этого мертвого грибного мира? В тот момент он слишком устал, чтобы заботиться об этом. Положив голову на мешок, Трой свернулся, смутно ощущая, как вокруг него собрались животные, как будто они тоже не доверяли тому, что лежало за кругом солнечного света.

Живет ли здесь кто-нибудь? Рябь на ручье как будто подтвердила это. И могут быть и другие существа, для которых улица меж стенами из грибов служат домом. Но у Троя не оставалось сил. Он чувствовал тепло пушистых тел, прижатых к нему, и это было последнее, что он запомнил перед сном.

Глава 12

Проснувшись, Трой подумал, что спал лишь мгновение. Солнечный свет по-прежнему падал на бассейн. Окружающее не изменилось, только животные, кроме раненой кошки, исчезли. Когда Трой поднял голову, кошка, облизывая раненую лапу, замурлыкала. Трой покачал головой, еще не проснувшись окончательно.

Тут из сумрака показалась черная кошка, держа во рту тело какого-то животного. Не обращая внимания на Троя, она положила мертвого подземного жителя перед своим товарищем.

Мертвое существо было не менее кошмарно, чем хур-хур — комбинация множества лап, глаз на стебельках, многочисленных сегментов покрытого пластинами тела, — но, очевидно, для кошек оно было вполне съедобно, и они дружно пообедали.

Если терранские кошки могли найти себе пищу даже в этом подземелье, то у Троя появилось еще одно доказательство о

сути деятельности Кайгера. Животные не нуждались в особой пище, которая так торжественно доставлялась их владельцам в Тикиле.

— Хорошая охота? — спросил он у черной кошки.

— Хорошая, — согласилась она.

— Остальные тоже хорошо поохотились? — поинтересовался Трой. — Где в этих грибах охотятся животные и кого они преследуют?

— Они едят, — кратко ответила кошка.

Трой встал, стряхивая крошки с одежды. Он не собирался дальше оставаться в этом подземелье.

— Есть ли выход? — спросил он у кошки и получил мысленный ответ, похожий на пожатие плечами. Казалось, что охота занимает ее гораздо больше, чем исследование новых проходов.

Трой сел, разглядывая кошек. Раненая продолжала есть жадно, но аккуратно. И Трой был уверен, что она знает об обмене мыслями между ними.

Хоран не имел власти над пятью терранскими животными, и знал это. По какой-то случайности он мог общаться с ними. Но в то же время он был уверен, что их общение с Кайгером было яснее и полнее, возможно благодаря использованию специального устройства, которое сжимали руки трупа.

Они сопровождали его в бегстве из Тикила, потому что это соответствовало их планам, поэтому же они привели его сюда. Но он знал, что они могут легко покинуть его, если он не установит с ними более тесную связь. Положение изменилось: в Тикиле он командовал, потому что это был город людей, а здесь животные в нем больше не нуждались.

Неприятно было думать, что его смутные мечты о союзе человека с животными могут так и остаться мечтами. Он мог выпустить ястреба, тот испытает радость свободной охоты и все же вернется назад по его приказу. Но у этих охотников есть собственная воля и разум, и если они вступят с ним в союз, то только по доброй воле. Древние отношения человека с животными нарушены.

Эти мысли помогли Трою лучше понять требование Зула об убийстве животных. Мало кто из людей может согласиться на сотрудничество с существами, которые до того считались собственностью. Человек верит в свое превосходство.

Но Трой знал, что он не оставил бы животных в Тикиле и не уступил бы требованиям Зула. Почему? Сейчас ему придется отказаться от мысли, что он имеет дело с домашними животными, с игрушкой человека, который может владеть и приказывать. Но они не были людьми, чьи мысли и желания он мог себе представить.

Черная кошка кончила туалет и посмотрела на Хорана. Человек беспокойно заерзал под этим немигающим взглядом.

— Ты хочешь выйти?

— Да, — просто ответил Трой. С новой скромностью он готов был принять то, что дают животные.

— То место... не человеческое... не наше...

Трой кивнул.

— Да, людей... чего-то похожего на людей, но другое... еще до людей.

— Здесь опасность — старая опасность. — Эта мысль была похожа на новый голос. Серо-голубая кошка кончила есть и смотрела на Троя, подняв здоровую лапу.

— Несколько лет назад тут случилось несчастье с людьми.

Обе кошки, казалось, обдумывали это. Они обменивались мыслями, которые были недоступны Трою.

— Ты не такой, как те, кого мы знаем. — Это черная кошка. Трой обнаружил, что может отличать мысли одной кошки от другой. Животные все более становились для него личностями.

— Нет.

— Мало людей знают нашу речь... да и те используют прибор. Но ты самого начала разговаривал с нами без него. Ты особый тип человека. — Это серо-голубая.

— Не знаю. Вы не можете говорить со всеми?

— Да. Мы говорили с большим человеком, потому что у него был прибор. С тобой мы не собирались говорить, но ты услышал. И тебе мы не должны подчиняться.

«Должны подчиняться». Неужели они должны подчиняться каким-то людям и «разговаривать» с ними?

— Да, — согласился Трой. — Я не знаю, почему слышу ваш разговор, но я его слышу.

— Теперь, когда большой человек умер, за нами охотятся.

— Да.

— Так нам было сказано. За нами будут охотиться, если мы попытаемся освободиться.

— Мы свободны, — прервала черная. — И мы можем оставить тебя, человек, и ты нас не найдешь, если только мы не захотим.

— Верно.

Снова пауза, немигающие взгляды. Черная кошка подошла к нему, задрав хвост. Села на задние лапы. Хоран протянул руку и почувствовал быстрое прикосновение язычка.

— Выход есть.

Кошка повернула голову к грибному городу. Она смотрела туда, как только что на Троя. И человек не удивился, когда из лабиринта появилась лисья голова и пара лис в сопровождении кинкажу проследовала к нему. Они остановились возле Троя, и человек уловил обрывки бессловесного разговора.

— Не тот, кому нужно повиноваться... с нами охотится на тропе... даст нам ходить на свободе...

Черная кошка говорила от имени всех:

— Мы будем охотиться вместе с тобой, человек. Но мы свободны.

— Вы свободны. Я иду по своей тропе и не заставляю вас идти со мной...

Он стал выражаться как можно яснее, сказав, что он принимает их союз и их условия.

— Выход... — Кошка повернулась к остальным.

Лисы напились воды и убежали. А кинкажу болтал передними лапами в воде... Трой дал ему сухой бисквит, и тот шумно стал его есть. Потом направился вдоль стены пещеры.

— Мы пойдем туда. — Кошка повернулась от бассейна вправо, туда, где лежала полоска чистой земли между грибным городом и стеной пещеры.

Трой вымыл два контейнера из-под пищи и наполнил их водой. Обе кошки медленно пили. Потом Трой подобрал раненую, которая устроилась у него на согнутой руке. Черная пошла вперед.

Хоран шел, изучая путь. Ни грибные стены, ни своды пещеры не менялись. Отойдя дальше от солнечного пятна, Трой зажег фонарь.

Кошка шевельнулась у него на руке, повернув морду к грибам.

— Там что-то... живое? — Трой потянулся к шокеру, висевшему у него на поясе.

— Старое... неживое... — быстро донеслась ответная мысль.

— Саргон нашел...

— Саргон?

Возникла мысленно морда самца-лисы.

— У вас есть имена? — спросил Трой.

Почему-то имена сделали их менее загадочными.

— Человеческие имена! — В ответе звучало презрение и намек на то, что существуют и другие имена, недоступные разуму человека.

Трой, прочитав это в кошачьем ответе, улыбнулся:

— Но я человек. Можно мне использовать эти имена?

Его логика убедила кошку, которую он нес.

— Саргон и Шеба — лисы. Шенг — кинкажу. Симба, Сахиба — ее товарищ и она сама.

— Трой Хоран, — серьезно ответил он, завершая представление. Потом вернулся к ее ответу. — Это старое... оно сделано или жило когда-то?

— Когда-то жило, — быстро передала Сахиба ответ лиса. — Не человек... не мы... а другое...

Любопытство Троя было возбуждено, впрочем, недостаточно, чтобы увлечь его в грибной город. Но он подумал, не лежат ли там останки одного из первоначальных обитателей Рухкарва.

— Отверстие, — передала Сахиба новое сообщение. — Шенг обнаружил отверстие... это наверху... — Она указала здоровой лапой на стену пещеры.

Трой заметил направление, поднявшись по небольшому склону, и обнаружил возбужденно болтавшегося кинкажу, который сидел у куста, закрывавшего расщелину в стене. Вспыхнул фонарик и осветил узкий проход. Он не был похож на искусственный и вряд ли вел далеко.

С разных направлений появились лисы и Симба. Они остановились, принюхиваясь. Трой ощутил дуновение воздуха, которое уносило зловоние грибов и намекало на другое, более чистое место. Возможно, это выход.

Но животные, казалось, не торопились ступить туда.

— Опасность? — спросил Трой, воспринимая их колебания как предупреждение.

Симба приблизился к отверстию, высоко подняв голову, его усы слегка шевелились.

— Что-то ждет... ждет давно...

— Человек? Животное?

Симба казался сбитым с толку.

— Давно ждет, — повторил он. — Может, уже не живет... Но все еще ждет.

Трой попытался понять, что это значит. Кинкажу заставил его вздрогнуть, прыгнув на плечо.

— Спокойно. — Это Шенг. — Мы идем сюда. Здесь выход...

Но Трой ждал окончательного решения Симбы.

— Идем?

Кот взглянул на него, какое-то мгновение мягкое выражение держалось в его взгляде, как будто Трой, проявив уважение к его мнению, сделал еще один шаг на пути взаимопонимания между ними.

— Мы идем... осторожно. Я не понимаю этого...

Лисы, очевидно, были согласны следовать за Симбой. Втроем они исчезли в расщелине. Трой шел позади, освещая дорогу фонариком. Ясно было, что это действительно расщелина, а не искусственный проход.

Хотя щель была выше его головы на несколько футов, она была очень узкая, и Трой надеялся, что дальше она не сузится еще больше. Теперь, когда он углубился в расщелину, дуновение свежего воздуха стало заметнее. Он был уверен, что ощущает запах естественной растительности.

Они прошли немного, и щель начала подниматься, подкрепляя уверенность Троя, что она ведет к поверхности. Вначале подъем был легок, затем стал круче, пока Трой не был вынужден пересадить Сахибу на мешок с едой и использовать при подъеме обе руки. Теперь он ощутил и другие запахи. Какой-то необычный аромат, неуместный среди скал и более подходящий для залитого солнцем сада. Но за этим насыщенным запахом — менее приятный, должно быть, цветы начали разлагаться.

Фонарик показал новый подъем. К счастью, его поверхность была неровной и давала возможность цепляться. Шенг и Симба поднимались легко, лисы — с большим трудом... Трой добрался до верха подъема и был встречен дивным светом. Он выключил фонарик и быстро пошел вперед.

— Нет! — Загадочное предупреждение пришло сразу от нескольких животных.

Трой застыл на месте, глядя вперед, и увидел между собой и выходом какую-то сеть.

Он стоял неподвижно. Кот и лисы были ясно видны на фоне сети.

— Ушло.

Мгновенная мысль. Позволение подойти. Действительно, путь преграждает сеть. И сквозь нее видны растения, яркий дневной свет. Сеть болезненно-бледного цвета шла концентрическими кругами, в ее центре находилась какая-то шишка.

Трой неохотно приблизился к ней, заметив, что кот и лисы тоже держатся на некотором расстоянии. Теперь он заметил кое-что еще: бесчисленные остатки насекомых вдоль кругов сети, пустые каркасы, прикрепленные к нитям сети. Трой взмахнул ножом, сеть поддалась, но тут же спружинила, как очень прочная, эластичная материя.

Нож прилип к сети, которая потащила его за собой, и Трой вынужден был сильно рвануть, чтобы освободить свое оружие. Вторая попытка чуть не вырвала нож из его рук. Нити были не только необыкновенно прочными, но и покрытыми чем-то похожим на клей.

Прохода не было. Но у Троя есть другое оружие. Он опустил мешок, на котором сидела Сахиба, и принялся рыться в имуществе, взятом с разбитого флиттера. Вот — небольшая трубка, сигнальная вспышка. Но ведь ее можно использовать и по-другому.

Трой, не дотрагиваясь до паутины, внимательно осмотрел ее: нити были покрыты толстым слоем пыли, сеть находилась здесь очень давно. Сняв крышку, он направил трубку на центр паутины.

Яркое оранжевое пламя ударило в цель, как копье, языки пламени мгновенно пробежали по нитям от середины к краям.

И вот перед ним свободный путь, лишь несколько струек дыма отделилось от стен.

Они подождали, пока дым рассеется, а потом Симба прыжком пересек выжженное место, лисы последовали за ним. Трой же снова, неся Сахибу и Шенга, шел сзади.

Он уже довольно далеко отошел от утеса, когда понял, что они вышли из пещеры с грибным городом, но вовсе не оказались на поверхности Корвара. Тут была растительность и слабый солнечный свет, пробивавшийся через большое отверстие в крыше. Отверстие было забрано какими-то светлыми полосами, между которыми виднелась матово-белая поверхность, непонятно на чем державшаяся.

Глядя вверх, Трой заметил облако золотистого тумана, отделившееся от пересечения полос. Облако медленно опустилось, на полпути к поверхности оно превратилось в небольшой ливень, обрызгавший каплями жидкости листья растений.

Только теперь Трой заметил разницу между этой растительностью и обычными растениями на поверхности. Вблизи виднелся огромный цветок с четырьмя лепестками ярко-оранжевого цвета. Цветок без всякой поддержки свисал с куста.

От растения доносился тяжелый, угнетающий аромат. Симба, принюхиваясь, подошел к цветку, потом фыркнул, изогнул спину и прижал уши. Трой, уловив волну отвращения и предупреждения, обнаружил, что идет по иссохшим останкам множества мелких животных. Чувствуя тошноту, он взмахнул ножом и увидел, что это вовсе не цветок, а сплетенная из множества нитей сеть. Когда лезвие ножа коснулось нитей, ожило кроваво-красное сердце цветка и устремилось вперед.

На Троя кинулось кошмарное существо со множеством лап, распахнутой пастью и роговым хвостом, оканчивающимся жалом. Но Симба ударил лапой с выпущенными когтями, подбросив зверя в воздух, и Саргон растоптал его.

Симба, гневно размахивая хвостом из стороны в сторону, сел, ожидая нового нападения.

— Плохое место, — спокойно констатировала Сахиба. И Трой был готов согласиться с ней.

Странно, что теперь предводителем выступил Шенг, кинкажу. Он перепрыгнул с плеча Троя на вершину ближайшего ку-

ста, и через мгновение только раскачивающиеся ветви указывали его путь. Трой уклонился от нового искусственного дождя и сел, чтобы разделить со своими загадочными товарищами еду.

Прежде чем действовать дальше, им нужно будет позаботиться о запасах пищи и воде.

Глава 13

То же раскачивание ветвей предупредило о возвращении Шенга. Кинкажу спрыгнул с куста на землю и устремился к Трою.

— Человеческое! — В сообщении было столько возбуждения, что Трой отставил контейнер с водой, не понимая, говорит ли Шенг о предмете или о человеке.

— Где? — спросил Трой и быстро добавил: — Что?

Шенг поднял переднюю лапу и указал на заросли. Казалось, он вообще не был способен определить «что». Трой посмотрел на кошек: он привык признавать их превосходство в таких делах.

Симба посмотрел на стену растительности, и Хоран, подмечавший теперь малейшие изменения, на которые не обратил бы внимания раньше, увидел, как дергается его усатая морда. Сахиба неуклюже присоединилась к своему товарищу и села в такой же позе.

— Зовущая вещь... — Это сообщил Симба.

Трой испытал приступ беспокойства. Существовала «зовущая вещь», связанная с Рухкарвом, и он не хотел иметь с ней ничего общего, особенно вспоминая легенды и слухи.

— Старая? — Он не знал, как Симба получает ответ.

— Нет.

— Человек с ней?

Синие глаза Симбы поднялись от листвы к Трою. Он уловил изумление кота, как будто Симба получил смущающую информацию по каналам, закрытым для человека, но важные звенья в этой информации отсутствовали.

— Человеческая вещь... — Шенг дрожал от возбуждения, делал несколько шагов к растительности, возвращался, очевидно

считая, что эта вещь должна быть исследована Хораном. Но человек ждал решения кошек.

— Опасная?

Снова ни Сахиба, ни Симба не дали прямого ответа. Но призыв к осторожности стал сильнее. Затем Саргон и Шеба целеустремленно углубились в кусты, как бы повинуясь полученному приказу. Трой упаковал продукты, подобрал Сахибу. Он внимательно осматривал местность в поисках тропы или хотя бы менее густых зарослей, где он мог бы пройти.

Свет от странной крыши над головой тускнел, и Трою не очень хотелось углубляться в заросли. Но, увидев просвет между двумя кустами, он решительно направился туда.

Через несколько секунд он абсолютно заблудился. Было невозможно придерживаться одного направления. Ему приходилось при помощи ножа освобождаться от лиан и цепких ветвей. Должно быть, растительность была специально посажена как барьер или огромная ловушка. Сахиба передавала Трою сообщения разведчиков, а Шенг прыгал от одного куста к другому, показывая путь.

Трой чуть не упал, прорвавшись через густую преграду, и снова оказался на открытом месте — перед ним была кошмарная сцена: прямо перед ним находилось отверстие в стене пещеры с мощеной площадкой. В центре площадки, нацелившись на отверстие, стояла небольшая машина, явно принадлежавшая его времени и культуре. Металлопластиковый конус своим широким концом был обращен к отверстию в стене. Трой, ступив на площадку, сразу почувствовал исходящую от машины вибрацию. Она не только находилась в рабочем состоянии, она работала!

Кот, лисы, кинкажу сидели слева от машины, глядя на отверстие в стене, ожидая.

Взглянув на машину, Трой вскрикнул. Должно быть, это когда-то было человеком... то, что слегка дрожало, распростертое на такой же паутине, которая преграждала им путь из грибной пещеры. Но «это» совершенно высохло, ушла не только жизнь, но и большая часть тела. Голова, на которой были видны остатки пыльных волос, свисала на кости груди, и Трой был рад, что не видит лица.

Осматривая паутину, Трой заметил, что она не только покрывает отверстие, но и расстилается по стенам нитями разной толщины. А сплело эту паутину, должно быть, существо, такое же, как кроваво-красное сердце того цветка. Но очень большое.

Где же хозяин паутины? Жертва мертва, и Трой прикинул, сколько времени она висит здесь. Он понял, что машина стоит перед ним, милосердно заглушенная, но все еще способная к действию. Тут был установлен вызыватель, в точке, выбранной Фауклом, который определил, что здесь можно получить ответ на свои вопросы. И ответ был получен — слишком конкретный ответ.

В других местах вызыватель давал только бледные, призрачные картины. Здесь же, благодаря какому-то капризу пространства-времени, призрак получил тело и способность использовать его! Из далекого страшного прошлого, из лабиринтов Рухкарва, появилось существо, разумное или нет, владелец этих коридоров или их тайный житель, возможно, такой же враг строителей, как и людей Фауклова, и это существо напало на тех, кто его оживил.

И, возможно, хозяин паутины был лишь одним из многих чудовищ, что выползли из пещер Рухкарва. Большинство тел исследователей было найдено на поверхности с признаками отчаянной борьбы друг с другом. Ужас свел их с ума и заставил бежать на поверхность.

На поверхность! Трой ухватился за эту мысль, отчаянно стараясь поставить свое воображение под контроль. Люди Фауклова установили вызыватель и бежали отсюда. Значит, отсюда есть путь на поверхность. И, может быть, через это отверстие?

Вряд ли. Нет смысла нацеливать вызыватель на туннель, который привел сюда исследователей. Нет, отверстие имело какое-то значение для мертвого археолога, но не было выходом. Старые рассказы о сокровищах Рухкарва. Неужели Фауклов нашел ключ к ним и думал, что сумеет отыскать в прошлом указание на место, где они скрыты?

Трой знал только то, что ничто не заставит его исследовать туннель за телом человека, который тоже когда-то пытался это сделать. Он посмотрел на животных: они были внимательны, но не встревожены.

— Только мертвый? — спросил он.

Сахиба подошла к нему, готовая устроиться на руке.

— Мертвый здесь... — В ответе звучала нотка удивления.

— Здесь? — повторил он.

— Здесь и не здесь. — Она покачала головой.

Трой не мог понять, что она хочет сказать.

— Да.

— А то, что сплело сеть?

— Оно... — серо-голубая голова потерлась о его плечо, — оно мертво здесь... но ждет.

— Вызыватель! — Трой понял. Заглушенная излучением установки рейнджеров, машина больше не могла материализовать существа из прошлого. Но вызыватель действует. И как только прекратится действие заглушающего излучения, владелец паутины вернется!

Трой посмотрел на множество шкал и кнопок, расположенных на контрольном щите машины. Откуда ему знать, как ее выключить? А экспериментировать он не собирался.

Симба медленно пополз к паутине и ее пленнику. Он был похож на охранника, выслеживающего добычу. Передние лапы осторожно щупали пыль у основания сети. Из пыли выкатилось что-то яркое, и Симба подкатил это к ногам Троя.

Трой нагнулся. В руке оказалось ало-красное металлическое кольцо. Когда его пальцы сомкнулись на нем, кольцо изменило цвет. В нем вспыхнули одиночные искры, потом появились группы искр точно такие же, как и на стенах туннеля. И Трой понял, что у него в руке вещь не мертвеца, но что-то принадлежащее этим подземельям, возможно единственное сокровище Рухкарва, найденное людьми. Неужели оно тоже вызвано из прошлого, материализовалось благодаря работе вызывателя? Или было найдено в туннеле жертвой паутины, который бежал, держа кольцо, и наткнулся на паутину, когда уже видел перед собой свободу?

Искры на кольце засверкали ярче. Когда он поднял кольцо, оно было велико для его пальцев. Это скорее был браслет. Трой повернул его на ладони, сжал пальцы, браслет скользнул по руке и сжал запястье.

Удивленный Трой потянул его и обнаружил, что браслет неподвижен, он не причинял неудобств, но плотно обхватывал руку. Как он мог изменять свой размер?

Сахиба, привлеченная мельканием искорок, трогала браслет. Было ли это только украшением — или это оружие, наступательное или оборонительное?

— Хорошее или плохое? — спросил он, надеясь, что обостренные чувства животных дадут ответ.

— Старое. — Сахиба зевнула.

— Выход? — Трой вернулся к главной проблеме. Возможно, где-то здесь есть дорога. Он подошел к краю мощеной площадки, где стоял вызыватель, ища какие-либо следы тех, кто принес и установил машину и бежал отсюда на поверхность.

Симба и лисы сопровождали его, потом ушли вперед, а Шенг снова исчез в кустах. У края площадки Трой заметил сломанные ветви, теперь вновь затянувшиеся свежими ростками. Он вынул нож и принялся пробивать себе путь, руководствуясь этими указаниями.

Уже совсем стемнело, когда он оказался у подножия лестницы, такой же, как и та, что привела их на эту территорию несколько дней назад. Дней или часов? Трой утратил представление о времени.

Здесь они устроили лагерь. Трой недоверчиво осматривал темные джунгли. До сих пор им встречались только животные-цветы. Но это не означало, что они были застрахованы от появления других. Теперь больше, чем когда-либо, он зависел от чувств своих товарищей.

Трой разделил продукты, заметив, что животные не собираются охотиться.

— Плохая охота?

Симба посмотрел на темную растительность.

— Охота... для других...

— Другие... — Трой запомнил это. Он старался не думать о человеке в паутине. Да, здесь есть охота для других. — То, что поймало человека? — Трой задал этот вопрос против своей воли. Неужели тьма оживляет тех, кого вызыватель призвал из прошлого? Трой положил руку на мешок. Хотя он и устал, у не-

го есть фонарь, и он скорее согласен подниматься по лестнице, чем оказаться в паутине. Ужас охватил его.

— Нет. — Симба был уверен в этом. — Другое существо... Это их место...

И как бы в ответ на это из джунглей донесся крик: долгий, дрожащий вопль, полный боли, ужаса и ощущения приближающейся смерти. Но это не был крик животного. А животные собрались вокруг него, настороженные, ощетинившиеся.

— Прочь отсюда! — Трой включил фонарь. — Вверх!

Ему не надо было уговаривать их. Лисы прыгнули от лагеря к лестнице, кинкажу был готов следовать за ними. Трой, неся Сахибу и мешок, начал подъем, а сзади шел Симба, все время оглядываясь и угрожающе рыча.

Они поднимались. Фонарик освещал лишь очередной виток. Вскоре они оказались в наклонном скальном туннеле. На этом уровне в разных направлениях отходило пять коридоров. Фонарь осветил пыль, потревоженную ногами убегавших людей. Новый подъем, и снова коридоры, на этот раз четыре.

Ребра Троя болели, дыхание затруднилось. Все чаще он останавливался передохнуть. Но его гнала необходимость вырваться на свежий воздух, в мир, который он знал. Он не мог сказать, долго ли продолжался подъем, потому что под конец двигался в тумане усталости, шатаясь от стены к стене, неспособный больше к разговору с животными, даже не сознавая, находятся ли они по-прежнему с ним. Казалось, ужас, изгнавший его из пещеры, становился не слабее, а сильнее, пока не затуманил его обычную реакцию...

Вот, наконец, серый свет, холодный, свежий воздух с запахом дождя. Этот воздух очистил его мозг, прогнал из него тени и страх. Трой ухватился за камень, смутно сознавая, что он вышел на поверхность. Скользя по стене, он упал, и мягкий теплый дождь лил на его лицо, на его тело, пропитывая одежду.

— Опасность! — Это слово прозвучало в голове Троя, как крик, способный порвать барабанные перепонки. Трой поднял голову. Дождь уже кончился. Перед ним на земле лежала полоска солнечного света. Он потряс головой, стараясь проснуться.

И тут он услышал звук современного флиттера. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Трой спрятался за стену, которая

скрыла его из виду, стараясь в то же время определить, где находится машина. Где-то близко. Вокруг него поднимались купола и наружные стены Рухкарва. Появиться на запретной территории патруллеры могли, только выслеживая его. И кто именно? Патруллеры, Зул или рейнджеры?

Впервые за долгое время он вспомнил о животных и оглянулся в их поисках. Их не было видно. Исчезла даже раненая Сахиба. Но ведь они предупредили его. Они ли? Возможно, он до сих пор настроен на общение с ними.

Звук флиттера становился все громче, и Трой постарался спрятаться в тени скалы, сжаться, становясь незаметным. Он увидел флиттер, который пролетал между двумя куполами. Он узнал его. Это был флиттер рейнджеров.

Трой пополз назад, направляясь к спуску. Он обнаружил, что перед опасностью с воздуха исчезла большая часть его ночных страхов. Потом, к его изумлению — ведь он был совершенно открыт для наблюдения с воздуха, — он увидел, как флиттер повернул и исчез за ближайшим куполом. Звук его постепенно замер в отдалении. Со вздохом облегчения Хоран сел.

— Симба, Сахиба... — Он мысленно представил себе кошек, позвал их и услышал ответ.

— Один идет.

Трой не был уверен, откуда донесся этот ответ.

— Флиттер улетел. — Всеми силами он старался успокоить животных, созвать их к себе.

— Один идет. — Они повторили предупреждение. — Один идет, от большого человека.

От большого человека Кайгера — Зул?

— Где? — Трой боялся, что животные ему не ответят. Потом из-за куполов, за которыми исчез флиттер, появился Шенг, показался на мгновение Трою и снова исчез.

Человек последовал за ним, осторожно пересекая пространство между стеной и куполом. Затем, держась одной рукой за купол и сжимая в другой шокер, он начал медленно и, как он надеялся, — бесшумно двигаться. Слышалось жужжание насекомых. Птиц не было, вообще никакой жизни в пустыне Рухкарва. И ни следа животных, если не считать мгновенного появления кинкажу Шенга.

Глава 14

Возможно, именно потому, что его тело было плотно прижато к стене купола, Трой уловил первую вибрацию, слабый звон в крови и костях, знакомое биение, вызывающее воспоминание о тьме и сомнениях.

Биение становилось все сильнее и притягивало к себе, вопреки осторожности, вызывая у Троя желание бежать к его источнику.

Он подавил этот импульс, держась в укрытии, но продолжал двигаться. Отчаяние — безнадежный страх и беспомощность.

Ощутив этот страх, Трой догадался о его причине. И животные, неспособные сопротивляться, шли навстречу своему концу. Их тянуло как на веревке то, что помогало общаться...

Но он-то может сопротивляться! А Зул ведет его именно туда, куда нужно.

Уверившись в цели, Трой свернул направо, выходя из зоны действия трубы и обходя с тыла ничего не подозревающую засаду. Одинок ли Зул? Очень многое зависело от этого.

Трой добрался до первого скального выступа и, полупригнувшись, начал обходить его. Труба продолжала действовать, что означало, что Зул еще не выманил животных из укрытия. Но когда Трой подошел к самой высокой скале, звук неожиданно оборвался, и Трой понял, что теперь осторожности следует предпочесть скорость.

Держа наготове шокер, он обогнул скалу и увидел то, что ожидал. Тут был Зул, и у него на коленях лежала труба. Одной рукой он придерживал ее, а другой держал бластер. А перед ним, прижимаясь к земле, ощетинившись и рыча, выдавая своими напряженными телами ненависть и страх, стояли животные.

Трой нажал на спуск шокера, целясь в руку. Конечно, лучше было целить в голову, но тогда Зул, даже оцепенев, смог бы воспользоваться бластером. Вызывающий оцепенение луч ударил по пальцам с успехом, на который Трой и не надеялся. Зул закричал от шока и удивления, и его крику ответило эхо скал. Бластер выпал из его омертвевших пальцев. Потянувшись за ним другой рукой, Зул выпустил трубу.

Трой снова спустил курок, но выстрела не последовало. Заряды кончились! Он выпрыгнул на открытое место и бросился к бластеру. Зул опустился на колени, прижимая онемевшую руку к груди. Другая его рука была протянута к бластеру. Трой выбросил вперед ногу, носком выбив бластер подальше от Зула, но и от себя тоже.

Зул дрался очень хорошо. Рука, тянувшаяся к бластеру, ухватила лодыжку Троя повыше башмака. Трой потерял равновесие и, пролетев два-три шага, ударился о стену с такой силой, что сразу заболели все старые синяки и ушибы.

На солнце сверкнул нож. Зул приближался. Трой знал, что нападение кончится для него ужасным ударом ножа снизу вверх, который сразу закончит схватку. Зул был опытным бойцом.

Но его правая рука онемела, а левой, вероятно, он владел хуже. Оставался крошечный шанс. Трой увернулся и ударил Зула по голове рукояткой шокера. Но и сам получил удар по ребрам, такой резкий и болезненный, что не удержался от крика.

Зул пошатнулся и упал на скалы. Трой зажал руками раненый бок и прислонился к скале. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть нож, торчащий у него в боку. Но нож лежал у его ног, расколотый на две части, а выше и ниже странного браслета, который он нашел в Рухкарве, виднелась красная полоса. Стальное лезвие сломалось, как сухая палка. Благодаря браслету он жив.

Прижимая руку, чтобы уменьшить кровотечение, Трой склонился над Зулом. Тот неподвижно лежал на земле, но дышал.

— Сзади...

Трой хотел повернуться, запнулся за руку Зула и опустился на колени. Это спасло ему жизнь: над его головой сверкнул луч бластера. Он закашлялся от озонного запаха разряда. Потом, повинуясь инстинкту самосохранения, быстро повернулся, укрываясь за скалу и испытывая мучительную боль в боку и руке. Итак, Зул был не один. На Троя, безоружного и раненого, идет охота, и все преимущества на стороне охотника.

Трой знал лишь одно место, где можно скрыться, — глубины Рухкарва. Их зловещая репутация, возможно, задержит преследователей, даст ему выигрыш во времени. Если бы только он

достал бластер, выбитый из рук Зула! Но сейчас это было совершенно невозможно.

«Вглубь!» — подумал он, стараясь установить контакт с животными, уверенный, что они разбежались в поисках убежища, когда он выбил трубку из рук Зула.

Труба! Пока она в руках Зула, у беглецов вообще нет шансов. Трой осмотрелся. А, вон она лежит, один конец выступает из-за камня. Но покинуть убежище — значит пойти на смерть. Хоран отчаянно искал хоть какое-нибудь оружие.

Он выбрал каменный прямоугольник, отпавший от ближайшего купола, и бросил. От удара труба треснула, конец ее разбился. Трой привстал и убедился, что починить ее невозможно. Пока им везет.

Затем, прижимая раненую руку к груди, пополз, каждую секунду ожидая выстрела из бластера.

Каким-то чудом ему удалось скорее упасть, чем вползти в отверстие купола, откуда они несколько часов назад поднялись с такой надеждой. И луч, который он ожидал, ударил, когда Трой покатился по склону. Он увидел яркую вспышку и услышал треск расколовшегося камня. И вот он уже вне пределов его досягаемости, почти не веря, что все еще жив.

Войдет ли преследователь за ним?

Трой прислушался. Видел он плохо: глаза его все еще были ослеплены последней вспышкой бластера. Послышался звук флиттера. Возвращается первый или это другой? Этот звук послужил сигналом: на одно-два мгновения наверху появились темные фигуры. Животные присоединились к нему.

Вместе они отступили на первый уровень коридоров и здесь остановились. Сверху не доносилось ни звука. Может, разведчики рейнджеров заметили оживление в руинах и решили проверить, что там происходит? Но Трой знал, что Зул лишь частично парализован и вполне способен присоединиться к преследователям. Если бы у него был бластер...

— Здесь...

Сахиба! Трой осмелился на мгновение включить фонарик. Серо-голубая кошка, неловко подвернув пораненную лапу, полусидела рядом с ним, около нее — кот. А перед Симбой лежало оружие, о котором мечтал Трой. Он схватил его и ощутил влаж-

ность ствола, оставшуюся от пасти кота. Проверил заряды. Истрачено меньше трети. Теперь он может защищаться.

— Они идут.

— Сколько? — спросил Трой.

— Один... есть и другие... еще наверху...

Один. Зул или неизвестный с бластером? Трой смотрел в коридор. Там можно окончательно заблудиться. Лучше известная опасность, чем новые враги. Трой был уверен, что Зул не отвяжется. Может быть, в джунглях, внизу, он найдет средство переиграть противника.

Оставалась проблема пищи и воды. Мешок с запасами остался наверху. Но вода внизу есть, а может, и пища, если не быть слишком разборчивым. Он знал, что животные найдут съестное в пещере.

— Вниз! — Он подобрал Сахибу, подвязал полу куртки и усадил в нее кошку, оставив свободной свою здоровую руку. Рана на левой руке перестала кровоточить, но, как только он начинал ею двигать, снова показывалась кровь.

Хотя не было слышно ничего, кроме звуков его дыхания, легких шагов животных и стука его башмаков, разведчики Троя заверили его, когда они опустились еще на один уровень, что преследование продолжается. Трой шел, не включая фонарика, ощупью, и только бледный свет впереди указывал им цель.

Спрыгнув с лестницы, Трой обнаружил, что здесь снова причудливый день. Возможно, настоящие солнечные лучи пробивались сюда благодаря какой-то хитрости строителей Рухкарва. Тонкие облака проливались дождем, и Трой нырнул на сухое место. Он снова оказался на месте, где со стены свисали остатки паутины. Задев нить, он был вынужден освободиться резким рывком.

Это была одна из тех паутин, которая и послужила смертельной ловушкой для человека из экспедиции Фауклова.

У Троя мелькнула идея. Он внимательно присмотрелся к нитям. Они цеплялись за поверхность скалы не по всей своей длине, как он первоначально боялся, а лишь отдельными участками. Сунув бластер за пояс, он ухватился за свисающую нить, и, то ли она была старой, то ли была прикреплена лишь в одной точке, ему удалось вытянуть ее.

Трой работал быстро. Нитей было множество: одни тонкие, другие толще, и он осторожно отделял их от стены. Внешняя сторона нитей была очень клейкая. И ему не всегда удавалось предотвращать их склеивание.

Даже работая одной рукой, он соорудил сеть, как те паутины, что он видел у входа в пещеру. С крайней тщательностью он разместил свою ловушку у основания лестницы перед входом на тропу, прорубленную им в джунглях. Он не знал, почему ему предоставили время, чтобы окончить работу. Но животные, находившиеся на лестнице, не поднимали тревогу. По знаку Троя они перепрыгнули через сеть. Для взгляда человека сеть была спрятана хорошо, и Трой надеялся, что преследователи ее не заметят. Затем они укрылись: животные, за исключением Сахибы, под покровом растительности, а Трой с Сахибой между стеной и лестницей.

Они поставили ловушку. Но сработает ли ловушка без наживки? Больше часа не было звуков. Неужели преследователь или преследователи не решились спуститься за ними?

Трой обнаружил, что человек намного уступает животным в выносливости. Его кожа зудела, бок и рука болели. Его мучили голод и жажда. Сотни маленьких раздражителей, о которых он обычно и не подозревал, теперь превратили ожидание в пытку. Зловещая растительность, которая раньше отталкивала, манила обещанием пищи и воды...

Но под всеми этими физическими неудобствами лежало зловещее воспоминание о ночных ужасах, о том, что здесь есть нечто, что хуже самой большой опасности.

Трой отгонял усталость, смутные страхи, стараясь держать себя в руках. Но долго ли он выдержит, он не знал. Ловушка, но для ловушки нужна приманка.

Дрогнул куст. Шенг спрыгнул с него к лестнице. Он постоял, согнув цепкий хвост вопросительным знаком, потом начал подниматься.

— Нет, — возразил Трой. Конечно, кинкажу может двигаться быстро, но все же недостаточно быстро, чтобы избежать луча бластера.

Но зверек не послушался его. Наживка отправилась за добычей.

Сахиба шевельнулась у него под рукой, и он поморщился от боли.

— Идет один? — спросил Трой с надеждой.

Его менее острая способность к контакту уловила обмен мыслями с кинкажу. Трой, нетерпеливый, все же понял, что сейчас не время докучать вопросами.

Время ползло. Снова сумерки сгущались в джунглях, пятна теней соединялись друг с другом.

— Идет один! — Когти Сахибы впились в руку Троя, он вздрогнул. Достал бластер и посадил кошку перед собой.

Топот по лестнице. Шенг пролетел к кустам. И вот все громче топот человеческих ног.

Вспышка наверху — она исчезла тут же, едва Трой успел заметить ее. Фонарик? Он был уверен, что идущий заметил серый цвет пещеры и теперь идет на него.

— Зул? — Этот вопрос он адресовал Шенгу.

— Нет.

Если не Зул, значит, тот неизвестный, что стрелял в него из бластера. Трой приготовил оружие. Он не был уверен, сможет ли сжечь другого человека, даже защищая свою жизнь. Драки в Диппле всегда велись кулаками и ногами. Нож был общепринят не только на Корваре, но и почти на всех звездных линиях. Но эта штука в руке... Впрочем, остановят ли противника сомнения?

Топот затих. Остановился на лестнице? Или повернул назад?

— Нет!

Значит крадется. Трой пригнулся, удобнее устроив бластер. Но долгое ожидание не подготовило его к неожиданному прыжку с лестницы.

Должно быть, его собственное движение и вызвало это нападение. Но Трой хорошо разместил сеть. Человек, опустившись на четвереньки, запутался в клейких нитях, он катался и бился, запутываясь все сильнее.

Трой встал у стены. В конце концов ему не пришлось стрелять.

— Еще один...

Симба, обходя место, где бился пленник, вышел на открытое место и взглянул вверх.

Мелькнул луч бластера, но нацелен он был не на Троя, а в извивающуюся на земле фигуру. Выстрел ударил так близко, что одежда человека и нити паутины задымились. Связанный

мгновенно откатился — и вовремя: через секунду второй выстрел ударил в то место, где он только что лежал.

При свете выстрела Трой увидел маскировочную одежду человека. Это был не человек Зула, а один из рейнджеров. Хоран послал ответный луч вверх по лестнице. Послышался крик. С лестницы скользнул другой человек и упал на пол пещеры. Когда он перестал двигаться, Трой подошел к рейнджеру.

— Я так и думал, что найду вас здесь, Хоран.

Трой узнал Рерна. И желание освободить рейнджера исчезло. Однажды он чуть не обратился к нему за помощью. Теперь инстинкт преследуемого оживил в нем подозрительность. У него было не меньше причин подозревать и бояться Рерна, чем Зула. Трой, не убирая бластера, смотрел на Рерна.

— Не будьте глупцом. — Рерн перестал извиваться, но попытался поднять голову от земли. — За вами охотятся.

— Знаю, — прервал его Трой. — Вы здесь...

Рерн нахмурился:

— За вами идет нечто большее, чем рейнджеры Клана, парень. И они хотят видеть вас мертвым, а не живым...

Тут его взгляд изумленно устремился на Троя. Трой тоже взглянул туда. Шенг, Симба, Саргон и Шеба материализовались в своей обычной беззвучной манере и сидели, глядя на Рерна неподвижным взглядом, взглядом, который все еще смущал Троя. Прихрамывая, вышла из укрытия Сахиба.

— Вот оно что... — Рерн продолжал разглядывать животных. — Так вот они, самые опасные преступники Корвара.

Глава 15

— Вряд ли, Рерн. — Голос Троя был холоден, а таким тоном он никогда не говорил с людьми из Диппла. — Они не преступники. — Здесь не Тикил, а место, куда люди из Тикила боятся ходить, а он больше не безоружный, а один из группы, готовый сражаться за свою свободу.

— Вы знаете, как они служили Кайгеру?

— Знаю.

— Но вы не могли участвовать в этом? Или могли? — Рерн возмущенно задавал вопрос самому себе. Он изучал Троя взглядом, таким же немигающим, как взгляд Симбы.

— Нет, я не участвовал в делах Кайгера, какими бы они ни были. И не я убил его... если у вас есть сомнения насчет этого. Мы не преступники.

— Мы?

Трой сделал шаг вперед и присоединился к полукругу животных. Теперь они стояли единой линией против рейнджера. Рерн кивнул:

— Понимаю. Действительно «мы».

— И что вы предлагаете сделать? — Трой сменил тему. — Мы все умрем, если не найдем отсюда безопасного выхода. — Он говорил спокойно.

— За вами охотятся не только рейнджеры Клана, их-то вам нужно опасаться меньше всего. И боюсь, что есть приказ: стрелять, не задавая вопросов.

— Ваш приказ? — Трой достал свое оружие.

— Нет. Но, узнав об этом, Клан предпримет шаги. Это я вам обещаю. — В его словах был лед. И Трой, заметив сузившиеся глаза, легкое подергивание губ, оценил то, каким гневом был охвачен охотник и как хорошо он держал себя в руках. — Легко убить беглеца и потом покаяться, что его смерть — просто несчастный случай. Именно в такую игру собираются играть ваши друзья наверху. — Он кивком указал на тело у подножия лестницы. — У вас один шанс из тысячи избежать этой банды...

Он замолчал.

— Идет один. — Симба снова подошел к лестнице.

Трой колебался. Он мог оставить связанного Рерна и скрыться в зарослях, чтобы отыскать выход на нижний уровень, в грибную пещеру. Или мог остаться здесь и сражаться. Рерн перевел взгляд с Троя на кота.

— У нас посетитель.

— У *нас*? — На этот раз Трой подчеркнул местоимение.

— Это не может быть мой человек.

И Трой поверил ему. Значит, идет враг.

— У нас есть прибор, — заметил Рерн. — Вы можете спрятаться в кустах, и им придется долго искать вас...

— А вы?

— Раз вы считаете меня одним из своих преследователей, имеет ли это значение? — В его ответе была угрюмая легкость.

— Этот пытался сжечь вас.

— Я вам сказал, они действуют по принципу: человек, убитый по ошибке, лучше живого свидетеля.

Трой сделал выбор. Ухватившись за нить, он перетащил Рерна под лестницу. Освобождать Рерна не было времени, даже если бы он и захотел этого. Но он знал, что не может оставить беззащитного человека под огнем бластера Зула или кого-нибудь из его банды.

— Зул? — спросил он у Симбы.

— Зул, — ответил кот.

Не было времени для подготовки новой ловушки, и Трой был уверен, что приближается вооруженный враг. Он не мог надеяться на еще один удачный выстрел. Он сел возле Рерна на корточки, надеясь на удачную засаду.

— Освободите меня! — сказал Рерн.

— Их можно пережечь только огнем, — пояснил ему Трой, продолжая смотреть вверх по лестнице.

— Что это за веревка? — резким шепотом спросил Рерн.

— Часть паутины... со стены. — Трой кивнул на свисающие со скал нити, и Рерн замолчал.

Свет заметно тускнел. Трой вспомнил первую стоянку на этом месте, свою уверенность в том, что в зарослях скрывается своя опасная жизнь. Лишь одно место было свободно от растительности: мощеная площадка, на которой стоит вызыватель. И пока машина действует... Если Зул появится не скоро, может, им стоит попытаться добраться до нее. Трой разрывался между двумя планами. Ждать Зула здесь и попытаться подстрелить его в этом неверном сером свете? Или развязать Рерна и отойти к вызывателю?

— Зул? — повторил он вопрос.

Снова ответил Симба, но на этот раз в мысленном ответе звучало удивление.

— Зул начинает бояться.

— Нас? — Трой не поверил в это. Он хорошо знал, что Зул не боялся, когда они сражались наверху, что он смотрел на животных как на беспомощных существ, которыми можно управлять. Чего же он боится? Или его сдерживает присутствие Рерна? Может, использовать охотника для переговоров?

— Зул боится того, чего не может видеть, — ответил Симба, и ответ его по-прежнему был странно окрашен изумлением.

Ответ Симбы на мгновение пробудил собственную тревогу Троя. Чем больше сгущались сумерки, тем чаще он вспоминал высохшего пленника паутины. Но Зул не был здесь, он не может знать о паутине, о вызывателе. Чего же он боится?

— Он не видит глазами, — вмешался Симба, — но мысленно ощущает то, что его ждет.

— Значит, он может говорить с вами?

— Нет. — Это Саргон. — Не может без вещи, которая зовет. Но Зул видит множество теней, и в каждой скрывается враг. — Лис вышел из укрытия, обошел мертвеца, поднялся на одну ступеньку и посмотрел вверх. — Он хочет идти, но страх не пускает его.

Основательны ли страхи Зула? Трой взглянул на ночные заросли и понял, что второй план — пробраться через них к вызывателю — больше неосуществим. Как будто существо, скрывавшееся в зарослях, — неживое и в то же время немертвое — набиралось из темноты жизненных сил. Та же способность общаться с животными помогла ему уловить присутствие этого существа.

— Что это? — Рерн, прижавшись к стене, тоже смотрел на растительность. — Что там происходит?

— Нечто неживое, я надеюсь. — Трой опустился на колено, коснулся бластера, уменьшив силу разряда, и осторожно провел стволом вдоль нитей, связывавших тело охотника. Нити дрогнули и исчезли.

— Нечто неживое? — вопросительно повторил Рерн.

— Его вызвал прибор Фауклова. Ваша машина заглушила аппарат, но он продолжает действовать. Животные сообщили мне, что вызываемое существо частично еще находится в нашем мире.

— Что? Значит, наш друг наверху не может спуститься в логово дракона?

Трой снова сел на корточки. Может, Рерн способен настроиться на разговор между ним и животными? Но он был уверен, что животные знали бы об этом и предупредили бы его.

— Вы каким-то образом общаетесь с животными, — продолжал Рерн, — и подозреваете, что я тоже могу.

Трой кивнул.

— Мысленный контакт. — Это было утверждение. — До сих пор я только догадывался. А теперь знаю. Зул — необычный человек. Большинство из нас — результат смешения рас, результат столетней звездной колонизации. Зул — представитель примитивного терранского племени — бушменов. Это раса охотников и жителей пустыни с врожденным инстинктом Диких Земель, каким мало кто обладает сейчас. А у таких примитивных людей сохраняются утраченные нами чувства. Если он учуял вашего демона, значит, даже долг не погонит его вниз. Скорее он решит, что, пока демон будет охотиться на нас, он лучше посидит наверху и закроет выход. И я вполне согласен с разумностью такого решения. — Рерн шевельнул плечами, освобождаясь от нитей. — Я бы не стал проводить ночь в таком месте, — признался он. В его словах звучало беспокойство.

— Вы были здесь, когда нашли Фауклова?

— Не здесь. Мы даже не знали о существовании этого места. После того, что увидели наверху, никто не предполагал исследовать нижние уровни. Но мы думали, что вызыватель теперь безвреден. Это не так. И если я выберусь отсюда, то меры будут приняты.

— Зул может долго ожидать нас. И с легкостью подстрелить, если мы попытаемся выйти. — Трой размышлял, можно ли сообщить о существовании другого выхода на поверхность. Без пищи и воды вряд ли они смогут проделать тот другой путь.

— Да, он может устроить засаду в любом из коридоров. Но если мы не можем подняться, то можем вызвать помощь, которая зайдет к ним с тыла. — Рерн снова попытался освободить руки. — Если вы освободите меня окончательно, Хоран, я вызову подкрепление.

— Нет. — Ответ Хорана был быстрым и ровным.

— Почему? — Вопрос звучал не гневно, а заинтересованно.

— Мы преступники — помните?

— Если есть общий враг, можно заключить перемирие. В Диких Землях у меня есть кое-какая власть.

Трой обдумывал его слова. Доверие — это редкий дар в Дипле. Если он доверится этому человеку, а он испытывал сильное искушение сделать это, то даст в руки Рерна оружие так же верно, как если бы отдал ему свой бластер. И снова подозрительность боролась в нем с желанием довериться.

— Перемирие, пока мы не выберемся отсюда, — предложил Рерн. — Я дам клятву на ноже, если хотите.

Трой покачал головой:

— Достаточно слова, если я соглашусь. Перемирие — фора во времени для меня.

— Охота будет продолжаться, — предупредил Рерн. — У вас нет шансов. Лучше сдаться — пусть решает закон.

— Закон? — Трой хрипло засмеялся. — Чей закон, охотник? Права клана, кодекс патруллеров или закон уничтожения Зула? Я знаю: мы легкая добыча. Нет, дайте слово, что у нас в запасе будет хотя бы полдня.

— У вас будет столько времени, сколько вы сможете выиграть. Но боюсь, что это будет совсем не много.

Трой принялся пережигать нити.

— Мы попытаемся.

— Всегда *мы*. Почему, Хоран? — Рерн растирал запястье.

— Человек использовал животных как орудия, — медленно ответил Трой, стараясь выразить в словах то, что сам еще не вполне понимал. — Теперь где-то какие-то люди сделали из них орудие, способное обратиться против хозяина. Но это не вина орудия — они больше не орудия, а...

— Может быть, товарищи? — закончил за него Рерн.

— Откуда вы знаете?

— Скажем, я тоже мастер, который способен восхищаться прекрасным инструментом, особенно когда он перестает быть только инструментом.

Трой с оттенком симпатии взглянул на него.

— Вы поняли...

— Лишь немногое. Большинство из нас хочет иметь инструменты, а не товарищей. А старый страх человека, боязнь утратить превосходство пошлет по вашему следу охотников галактики, Хоран. Не ждите помощи от собственной расы, когда ей угрожает то, чего она не понимает. Но вы получите время, а уж

от вас зависит, как вы им воспользуетесь. А теперь давайте посмотрим, нельзя ли выбраться отсюда прежде, чем нами заинтересуются. — Он указал на джунгли.

Рерн достал из кармашка на поясе маленький предмет. Тщательно набрал номер на маленьком циферблате, светя фонариком, а потом улыбнулся Трою.

— Передатчик, настроен на вызов помощи, я добавил еще предупреждение, чтобы наши слепо не наткнулись на компаньонов Зула. Его могут ждать наверху один-два человека. Мы знаем, что прежде, чем явиться сюда, он связался с Гильдией в Тикиле. Думаю, он нанял людей с бластерами.

— Значит, он ограбил Кайгера. У него же нет денег, чтобы уплатить Гильдии.

— А не думаете ли вы, что, возможно, не Кайгер главный в их организации на Корваре? Кто-то другой возглавляет ее, и этот другой способен воздействовать на власти и предотвращать разглашение информации. Вы объявлены в Тикиле убийцей, похитителем ценных животных.

— Я думал, что так и произойдет. — Трой не скрывал свое отчаяние. Объявлен убийцей! Значит, даже городские патруллеры будут стрелять в него, а уж потом задавать вопросы. Но здесь, в Диких Землях, у него все же есть некоторые преимущества.

— Вы говорите, что не убивали его?

— Я нашел его мертвым. — Трой быстро пересказал события ночи своего бегства из Тикила.

— Охотно верю. У Кайгера были опасные знакомства. А вы не подумали, что я могу снабдить вас алиби? Во время смерти Кайгера вы были с Рогаркилом и со мной.

— Вы сказали это патруллерам? — В горле у Троя пересохло. Если это правда, то почему раньше Рерн не говорил об этом?

— Пока нет...

— Хотите что-то получить от меня?

— Возможно.

— Не интересно. Обойдусь без вас. — Трой был уверен, что Рерн сдержит свое слово. Но почему он не оправдал Троя перед патруллерами? Похоже, что он хочет подтолкнуть Троя туда, куда это нужно Клану. Трой вспомнил встречу в кафе. Но, испытав свободу, он не собирался возвращаться к прежней жизни.

— Как хотите. — Рерн поднес миниатюрный прибор к уху, прислушался и кивнул. — Они идут. Скоро доберутся до Зула. Впереди себя они пустили газ.

Значит, они используют оружие, против которого у Зула нет защиты.

— Они арестуют Зула?

Рерн взглянул на него:

— Вы хотите этого?

— Почему бы и нет?

— Нет причин считать Зула главным. Он полностью находился в подчинении у Кайгера. Зул, оставленный на свободе, может привести к хозяину Кайгера.

— Если у преследователей будет время и желание! — ответил Трой. — Сейчас же у меня более важные задачи. — Он замолчал. Рерн прав. Проследить связи Зула до конца. Если бы не животные, он согласился бы.

— Ваш ход, — предложил он.

Рерн снова поднес прибор к уху.

— Зул?

— Ни следа. Но на втором уровне спит человек Гильдии. Его прибрали для патруллеров. Пусть Зул считает, что ему удалось скрыться. Он выскользнул из зоны газа, но за ним можно следить.

Значит, Рерн собирается выслеживать Зула. Вероятно, собирается использовать полученные сведения в споре клана с властями Тикила. Трой поднял Сахибу и жестом предложил Рерну идти вперед.

— У меня есть бластер. Вы заключили со мной перемирие. Может быть, ваши товарищи наверху не будут так великодушны, как вы.

Рерн улыбнулся:

— Осторожность полезна, но думаю, что вы будете лучшего мнения о рейнджерах.

Трою подъем показался таким же длинным, как и спуск в колодец. На первом уровне никакого следа людей не оказалось. Вверх и вверх. Немного впереди шли Симба и Саргон — пара разведчиков, которым не было равных среди людей. Трой был уверен в этом. Шенг сидел у него на плече. Шеба шла рядом. Животные не обращали внимания на Рерна, но Трой знал, что они следят за ним.

Они миновали второй уровень. Впереди уже виднелся выход. Трой заставил себя думать о будущем. Он не надеялся на механический транспорт, так далеко перемирие не простиралось. Но барьер вокруг Рухкарва должен быть снят, чтобы впустить преследователей. Значит, они могут уйти пешком. Усталый, без пищи, он сомневался, чтобы они смогли преодолеть большое расстояние. Но если им только удастся добраться до края леса, то животные будут спасены. Тогда он сможет подумать и о себе.

— Ждут люди, — предупредил Симба.

Что ж, это люди Рерна.

— Не враги, — ответил Трой.

— Вы обнаружены! Бросьте бластер!

Трой уловил впереди движение: плечо в форме, рука, держащая бластер. Он схватил Рерна, держа его перед собой, как щит. Он услышал гневное восклицание рейнджера.

— Так вот чего стоит слово Клана! — Трой плюнул. — Много ли лучше ваша клятва на ноже? — Потом крикнул: — Мы выходим, и этот вождь охотников с нами. Попытайтесь выстрелить, и он поджарится первым!

Рерн не сопротивлялся, когда Трой подтолкнул его к выходу. Послышалось какое-то бормотание, но выстрелов не последовало.

Глава 16

Рерн был странно молчалив, он никак не отреагировал на обвинение Троя. Это беспокоило молодого человека. Он ждал объяснений, хотел увериться, что Рерн не ведет его в ловушку. Теперь, когда у него появилась возможность подумать, он понял, что виденная им форма не была формой рейнджеров.

— Люди, — снова предупреждение.

Трой, держа несопротивляющегося рейнджера и прижимаясь спиной к куполу, осматривал арену действий. Он видел ожидавших, несомненно рейнджеров, их охотничьи одежды сливались с развалинами. Немного позади — он уже не надеялся на это — стоял флиттер.

— Скажите своим людям, — хрипло проговорил он, — чтобы отошли от флиттера.

— Отойдите от флиттера, — послушно проговорил Рерн, голосом бесцветным, как у робота. Черты его лица были неподвижны, но Трой чувствовал его гнев.

Рейнджеры зашевелились. Когда они отошли на достаточное расстояние от флиттера, Трой начал подбираться к нему, все время держа Рерна между собой и людьми Клана, зная, что животные опередили его. И вот он у цели.

Дав волю гневу, Трой размахнулся и ударил рукоятью бластера по голове Рерна. Колени охотника подогнулись, и он упал на землю. Трой забрался во флиттер и повернул рукоять взлета. Они поднялись прыжком. Этот резкий подъем вывел их из зоны досягаемости бластера. Они были в безопасности.

Трой повернул на восток, зная, что флиттер сам теперь доставит их в самое сердце Диких Земель. Их, конечно, будут преследовать. Но если у них нет в Рухкарве другого флиттера, он выиграл драгоценное время.

Глаза Троя смотрели в ночное пространство. Пища, вода, убежище... Он чувствовал сильную усталость и не мог размышлять. Только в одном он был уверен — в упрямой решимости посадить флиттер где-нибудь в Диких Землях и попытаться укрыться вместе с животными.

— Хорошо. — Это Симба. — Здесь хорошая охота. Люди не выгонят нас из этих мест.

— Остается Зул.

— Остается Зул, — проговорил Симба, — но для него мы сделаем ловушку.

Трой, должно быть, уснул. Проснулся он от света в глазах, сонно сел, неспособный вспомнить, где находится. Флиттер продолжал лететь на восток.

Трой посмотрел вниз и увидел волнистую равнину, только впереди, в дымке, виднелась темная полоска растительности. За ночь, должно быть, они преодолели большую часть открытой местности и находились теперь там, куда не заходили охотничьи отряды из Тикила. Трой протер глаза и снова начал думать.

Теперь их можно выследить только по флиттеру. Предположим, они сядут у края этого отдаленного леса, а он пошлет флиттер с автопилотом назад. Это собьет с толку преследователей.

Но когда он потянулся к приборам, время кончилось. Флиттер нырнул, пойманный парализующим лучом. Трой удивленно оглянулся и увидел идущий за ним другой аппарат.

Возможно, искусный пилот вышел бы из затруднения. Но Трой лишь увеличил скорость в попытке добраться до леса.

Наконец Трой сел, почувствовав, как колеса флиттера прорываются сквозь длинную траву. Трава поможет скрыть бегство его пассажиров. Он направил флиттер к выступающему участку леса. Открыв дверь кабины, прежде чем машина остановилась, отдал последний приказ животным:

— Наружу и затаиться!

Сахибу он сам высадил в густую траву, где ее ожидал самец. Лисы и кинкажу исчезли. Трой снова тронул флиттер, уводя его как можно дальше от того места, где он оставил живой груз. Флиттер взревел, задрав нос. Трой был прижат к сиденью. Теперь ему оставалось только ждать.

Неспособный даже повернуть голову из-за действия луча, Трой сидел мокрый от пота. Проходили минуты. По крайней мере, ясно, что его хотят взять живым. Они вполне могли бы подстрелить его в воздухе. Плохо это или хорошо, ему еще предстоит узнать.

Дверь кабины распахнулась. Он не мог повернуть головы и, попытавшись скосить глаза направо, увидел человека, засунувшего в кабину голову и плечи. Он не был одет ни в лесную одежду рейнджера, ни в форму патруллера. Отряд Зула?

Не обращая внимания на беспомощного пленника, человек внимательно осмотрел кабину, заглянув под кресло и в багажные отделения. Несомненно, он искал животных. Настроение Троя слегка поднялось. Либо они не заметили его крохотной остановки у края леса, либо не догадались о ее значении. Они ожидали найти во флиттере шестерых беспомощных пленников.

Человек попятился назад.

— Их здесь нет, — услышал Трой его голос.

Трой знал, что нельзя бороться с парализующим лучом. Рукоять бластера, прижатая поясом, врезалась ему в грудь. Если бы он только мог дотянуться до него. Кровь в висках стучала от напряжения, он не мог сделать ни одного движения.

Но ждать ему пришлось недолго. Зул, с лицом, искаженным злобой, занял место своего наемника. Как и тот, он осмотрел пол машины, очевидно не веря в доклад первого. А потом взглянул прямо на Троя.

— Они ушли, — сказал Трой. И, помолчав, добавил: — Ты не сможешь их найти.

Зул не ответил. Выйдя из кабины, он отдал какой-то приказ. Через мгновение дверца рядом с Троем открылась, и его послушное тело выпало из кабины. Трой упал лицом в траву. Но падение вывело его из прямого действия луча, позволив свободно двигаться. Он попытался встать, но не успел. Резкий удар по шее — и он снова лежит.

Когда Трой очнулся и попытался поднять руку, он обнаружил, что связан на этот раз не парализующим лучом, а самой обыкновенной веревкой. Через несколько секунд он понял, что освободиться от веревки не легче, чем от парализующего луча. К тому же обнаружил, что глаза у него завязаны.

Каковы бы ни были их намерения, похитители сохранили ему жизнь.

Убедившись в том, что он связан, как обычный багаж, Трой попытался догадаться, где он. Вибрация и толчки передавались его телу через поверхность, на которой он лежал. Трой предположил, что он лежит в багажнике флиттера: либо того, в котором он улетел из Рухкарва, либо того, на котором Зул его выследил. А поскольку отрядом командовал Зул, то Трой решил, что они направляются в Тикил, возможно, к тому человеку, который отдавал приказы после смерти Кайгера. Животные... Они ожидали, что найдут их во флиттере. После того как они его оглушили, нашли ли они животных? Вряд ли.

Трой попытался вступить в контакт с животными. Ответа не было: очевидно, их не захватили. Он не слышал ничего, кроме звуков, обычных во флиттере.

Он не мог определить, долго ли находился без сознания. Но его мучил голод, а еще больше жажда. Трудно было вспомнить последний глоток воды. И эта пытка добавлялась к неудобствам его положения, мешала ему ясно мыслить, обдумывать, что его ждет в конце пути. Трой повернулся, стараясь выпрямить ноги, потом понял, что темп полета изменился. Пилот рывками сбра-

сывал скорость. Они готовились опуститься на более низкую линию. И, может быть, они приближаются к Тикилу.

Трой попытался разобраться в доносившихся до него звуках. Да, они, несомненно, опускаются. Потом он услышал свисток патрульного флиттера.

Трой застыл.

Но если пилота и расспрашивали, то он сумел дать правильный ответ, так как мотор флиттера продолжал работать без изменений: им не приказали спуститься. Теперь они летели на скорости, допущенной на городских линиях, когда готовишься к посадке. К посадке где? Тело Троя болело от напряжения. Он пытался оценить все, что слышал и чувствовал. Потом ощутил легкий толчок от прикосновения колес к почве, мотор смолк.

Надо притвориться мертвым — подумал Трой. Пусть считают, что он все еще без сознания.

Порывы свежего ветра. Он услышал шаги. Потом рядом с его головой открыли одну панель. Его грубо выдернули, так что он ногами ударился о мостовую. Человек, сделавший это, продолжал тащить его.

Но воздух, окружавший пленника в повязке, дал ему ключ к разгадке местонахождения: он находился в магазине Кайгера. Он оказался там же, откуда бежал несколько дней назад.

Трой упал на землю, брошенный стражниками, и услышал легкий скрип открываемой двери. Снова его нос ощутил перемену. Он находился на складе. Троя бесцеремонно бросили на мешок с зерном, так что он оказался в полусидячем положении. Он свесил голову, изображая свою бессознательность. Но, если это и убедило его похитителей, они не хотели оставлять его в покое. Удар по щеке отбросил голову к мешку. Потом второй удар...

— Что?

— Проснись, дипплмен! — Это Зул.

Но Трой был уверен, что у маленького человека не хватило бы сил втащить его сюда. Здесь есть кто-то еще.

— Что? — снова спросил Трой.

— Используй рот для этого.

К его рту приставили жесткий металлический край с такой силой, что он почувствовал боль. В рот хлынуло что-то, какой-то густой суп. Рот его наполнился. Густая масса потекла по под-

бородку. Вкус был отвратительным, но сопротивляться было невозможно, и Трой сделал большой глоток обжигающего месива.

— Поможет? — Кажется, это Зул.

— Никогда не подводило, — ответил другой. — Придет в себя, но будет резвый, как камень. Вам ведь это надо? Мы знаем свое дело.

Голову Троя выпустили, и она снова упала вперед. Тепло поднялось из желудка, омывая его мышцы и нервы: он совершенно потерял способность двигаться. Один из известных наркотиков, используемых Гильдией. Это означало, смутно подумал Трой, высокооплачиваемую работу с использованием специалистов. А где Зул взял деньги и нужные связи?

Оцепенение, охватившее тело, теперь добралось и до мозга. Троя охватила усталость и равнодушие. Он тихо плыл на мягком облаке, которое постепенно поднялось выше любого флиттера.

Холодно... очень холодно... Холод проник внутрь.

— Вы говорили, что он будет готов... — Слова лишь слегка ударялись о его мозг.

— Работа обычная... да и желудок у него, должно быть, пуст. — Это снова слова, от которых болит голова.

Холод тек по плечам, по рукам, опускался ниже... Холод грыз, а он не способен даже дрожать.

— Приведите его в порядок! — Это был резкий приказ.

Новая порция жидкости хлынула ему в рот и заполнила его, и он глотнул. На этот раз вкус был сладковатый, клейкий. Жидкость прогнала холод, вернула жизнь в тело...

Рука, прижатая к его губам, скользнула на горло, проверяя пульс.

— Он приходит в себя. Скоро будет готов.

Усталость, голод, жажда исчезли, Трой был в полном сознании и чувствовал себя прекрасно, хотя и не вполне доверял своему чувству: оно вполне могло быть результатом применения наркотиков. Троя оставили в покое. Но он все еще находился на складе магазина. Мешок зерна подпирал его плечо. Время давно потеряло для него значение: мог пройти день или несколько дней после того, как он выпустил животных в Диких Землях.

Животные! Он снова попытался установить с ними контакт. Никакого ответа.

Топот! Топот громче. Запах человеческого тела. Трой нашел время удивиться обострившемуся у него обонянию.

Веревка на ногах снята.

— Вставай и иди, дипплмен! На этот раз пойдешь сам.

Он сделал один-два шага и больно ударился об угол ящика. Последовал толчок, от которого он зашатался. Подталкиваемый, он вышел во двор, услышал гудение готового к полету флиттера.

Его подвели к флиттеру и снова затолкали в багажник, в котором он прибыл в Тикил. Трой был уверен в двух обстоятельствах: что Зул распоряжался перевозкой — он слышал голос маленького человека с сиденья пилота — и что его перевозкой занималась Воровская гильдия. Ее секция людей с бластерами самая высокооплачиваемая и опытная. Значит, всякую надежду на побег или сопротивление можно оставить.

Глава 17

Полет был очень недолог, должно быть, они просто перелетели с улицы на улицу. Колеса мягко коснулись мостовой. Это означало, что их цель находится где-то в деловом районе, а не на одиноких виллах. Мастерская... контора? Где-нибудь, где появление человека с повязкой на глазах в сопровождении стражников не привлечет внимания. Если сейчас ночь, то встреча в районе мастерских и контор пройдет незаметно.

Трой пытался припомнить географию Тикила, но понял, что это безнадежный вариант. Если бы у него не были завязаны глаза... Они повернули один раз, другой. Их скорость оставалась в пределах разрешенной. Несомненно, принимались все предосторожности, чтобы не вызвать подозрений у патруллеров. У Гильдии были отличные специалисты. Вероятно, Трой находился на пути в штаб-квартиру Гильдии. Видимо, ему предстояло встретиться с хозяином Зула.

Еще поворот. Никто во флиттере не говорил. По уличному шуму Трой заключил, что сейчас начало вечера. Они влились в движение возвращающихся домой, а это означало, что они направляются не к мастерским.

Флиттер остановился. Трой, с его обострившимися чувствами обоняния и слуха, знал, что один человек наклонился над перегородкой и свесил голову и плечи над ним.

— Слушай, ты. — Слова были сухими, и Трой знал, что говоривший не обманывает его. — Ты пойдешь сам, дипплмен. И пойдешь спокойно, без шума. Одно лишнее движение — и ты уже не сможешь ходить. Понял?

Трой кивнул, надеясь, что его жест увидят. Он не имел ни малейшего желания сопротивляться.

Ему помогли выбраться из флиттера. Они спокойно пошли по тротуару.

Трой ощутил запах растительности. Должно быть, жилой район. Небольшая пауза... Потом снова пошли, причем звуки шагов звучали глухо.

Голова Троя дернулась. Он понял, где они. Второе такое ощущение не может встретиться на Тикиле!

Что общего имеет чиновник Драгур, коллекционер морских животных, с тайным хозяином Кайгера?

С другой стороны, — мысли Троя неслись стремительно, — хобби этого человека служило отличным прикрытием его связей с магазином и тем более подходящим, что его увлечение было искренним. Трой был готов поклясться в этом. Единственным возражением мог служить сам характер этого человека. Трой просто не мог представить себе Драгура таинственным и могущественным главой заговора.

Уши Троя уловили слабый всплеск от движения какого-то подводного обитателя, и он постарался припомнить расположение комнат.

— Ваш человек, гражданин, в целости и сохранности, — доложил стражник.

— Прекрасно! — ответил Драгур. — Но мне кажется, что договор выполнен не полностью. Я должен получить всех, гильдиец, всех!

— Можете спросить у этого, что он сделал с остальными, гражданин. Договаривайтесь с Большим Человеком, а меня отпустите...

— Вашему Большому Человеку придется пересмотреть договор о плате, — выпалил Драгур. — Я договаривался о полной доставке. Договор не выполнен.

— Большому Человеку это не понравится.

— Неужели? Что ж, я с ним согласен! — И Драгур фыркнул. — Можете сообщить ему это.

— Нет платы — нет и пленника. — Рука, что сжимала плечо Троя, сжалась крепче.

— И вы думаете, что сможете уйти отсюда, забрав его с собой?

Наступила долгая тишина. Трой старался представить себе, что происходит.

— Где вы взяли это? — медленно спросил его страж.

— Я не спрашиваю вас об источниках вашего снабжения оборудованием, — возразил Драгур. — Сейчас же уберите руки от моего пленника и идите к своему флиттеру. И можете сообщить вашему Большому Человеку, можете сказать ему, что взаимовыгодные отношения между нами не окончены. Разумеется, если мы придем к разумному соглашению. Напоминаю, что я также заключил с вашей организацией договор об охране и срок еще не истек. Я не намерен порвать контракт.

Рука отпустила Троя. С возгласом разочарования стражник отошел от него. Спустя мгновение хлопнула дверь. Драгур рассмеялся.

— Он немедленно свяжется с Большим Человеком. Лучше получить нагоняй немедленно, чем позже сгореть за то, что не доложил.

— Гильдийцы любят деньги, — впервые заговорил Зул.

— А вы разве нет? Но они должны держать свои обещания. Они обещали доставить всех, а доставили только одного, значит, они нарушили контракт и должны нести ответственность. Зул, устройте нашего гостя поудобнее.

Веревку развязали. Трой растирал руки. Рывок — и повязка упала ему на шею. Он замигал, ослепленный светом.

— Весьма энергичный молодой человек.

Трой сосредоточил внимание на говорившем. Драгур сидел на необычном кресле: высокая стеклянная плита образовывала спинку и в ней с маслянистой легкостью плавало одно из кошмарных чудовищ, заглядывая через плечо хозяина. Ручками кресла тоже служили аквариумы: в одном находились хищные крабы дорч, в другом — трамджайская рифовая змея. Крышка аквариума с крабами была снята, и время от времени Драгур бросал туда визжащих зверьков, чтобы удовлетворить голод

своих любимцев. Это кресло было явно предназначено для того, чтобы вызывать в собеседнике тошноту и отбить у него желание спорить.

На коленях Драгура лежало иглоружье, поражающее нервную систему. Увидев его, Трой сразу понял, почему гильдиец так охотно и испуганно удалился.

— Вы, должно быть, устали, — продолжал Драгур. — Путешествие длительное и не в очень комфортабельных условиях. Зул, дайте Хорану стул. Вам должно быть в нем удобно. Я верю в комфорт. Ага, вот мои хорошие! Прыг! — Он бросил что-то в аквариум с крабами. — Заметили, какая энергия! Какое мужество! Никто не поверит, что крабы способны на такие прыжки. Но я много раз наблюдал, как нужными средствами вынуждали животных или человека намного превышать свои способности...

— Например, с таким ружьем?

Зул принес стул. Трой с удовольствием заметил, что стул не был снабжен аквариумами.

— Очень грубый стимулятор, его следует применять лишь в исключительных случаях. Нет, действие под угрозой наказания и смерти не может продолжаться долго. Человек согласится на все, что угодно, чтобы спастись от боли, когда пройдена критическая точка его сопротивления. У иглоружей свое место. Я предпочел бы более привлекательные средства...

— Какие же? — Трой старался не смотреть на прыгающих крабов.

— Например... — Но тут Драгура прервало низкое гудение. Зул с бластером в руках исчез. Драгур направил ствол иглоружья на Троя. — Возможно, я ошибался, — сказал он, — и этот случай требует более грубых средств. Сидите спокойно, Хоран. Малейшее движение, и я спущу курок. Вы знаете, какие результаты это вызовет. То же самое я сделаю, если вы закричите. Если у нас не дружественный посетитель, его ждет сюрприз.

Послышались звуки драки, наконец глухой удар. Трой заметил, что Драгур даже не повернул головы в том направлении: все его внимание по-прежнему сосредоточено на пленнике.

— Действительно, гость. — Голос его звучал шепотом. — И, вероятно, попал в одну из наших маленьких ловушек. Скоро узнаем.

Они узнали. Во главе процессии появился Зул. За ним на подгибающихся ногах шел человек, неожиданно получивший заряд шокера. Его поддерживал тот самый гильдиец, который осматривал флиттер Троя в Диких Землях. Но личность пленника поразила Троя.

Рерн!

Точно так же, как они не ожидали увидеть рейнджера в ловушке в пещере Рухкарва, так же не предвидел Трой и его появления в Тикиле, именно в этом доме.

Драгур осматривал пленника.

— Приветствую благородного охотника! — Он произнес эту фразу с саркастическим выражением. — Я не совсем понимаю, почему представитель Клана желает проникнуть в скромный дом через задний ход и без моего приглашения. Зул, стул для моего гостя. Здесь становится многолюдно. — Он взглянул на гильдийца, который усаживал Рерна. — Вы можете быть свободны. Я сообщу вашему Большому Человеку, что вы прекрасно проявили себя. Я полагаю, охотник Рерн, что ваша голова достаточно ясна. Вы заметили и должным образом оценили это маленькое приспособление. — Иглоружье слегка переместилось и теперь держало под прицелом сразу двух пленников. — Вы нам помешали. — Драгур покачал головой. — У нас тут очень серьезный разговор, охотник.

— Прошу прощения за вмешательство. — Это формальная фраза со стороны Рерна. Похоже на то, что, если не считать оцепенения мышц, Рерн не утратил самоконтроля.

«Most gracious of you, noble Hunter. Time presses or we could resume our conference later and in more privacy, Horan. But you have no ties with the Clans. Or have you? This sudden and unheralded arrival of the noble Hunter is provocative».

Драгур задумчиво перевел взгляд с Троя на Рерна и обратно.

Рерн ответил:

— Ваши люди оставили след, по которому легко было идти, гражданин. А мы интересуемся любым следом, ведущим из Диких Земель в Тикил.

— Интересуетесь! — Драгур повторил это слово так, как будто вдумывался в него. Его внимание вернулось к Трою, у которого уже был готов ответ. Он не знал, почему Рерн оказался здесь, но не желал иметь ничего общего с Кланом.

— У меня нет связей с Дикими Землями.

— Разделяю вашу уверенность, Хоран. Мне легко проверить, что у вас нет никаких симпатий к властителям просторов Корвара.

— И я не гильдиец.

— Разве я это предполагал? Это просто комментарии фактов. И у вас не может быть никакой привязанности к Дипплу или законам, которые держат вас там. С другой стороны, — он достал из кармана белую карточку, — вот ваше разрешение покинуть этот мир.

— И куда же отправиться?

— На Норден.

Ответ был неожиданным. Трой почувствовал шок. Потом осторожность, которой он научился за все эти годы, взяла верх над возбуждением. Он надеялся ничем не выдать своего возбуждения и волнения. Он понял, что Драгур, вероятно, самый опасный человек, с которым ему приходилось встречаться: не из-за оружия, что лежало у него на коленях, а из-за того, что это оружие ему не нужно было применять. Агент был прав: существуют другие способы сломать человека, и он эффективно продемонстрировал это на Трое.

— Как? — Трой умудрился произнести это спокойно.

— Допустим, у меня есть...

— Лакомый кусочек для краба? — продолжал Трой. Он боялся гораздо сильнее, чем тогда, когда глядел на ствол иглоружья.

— Лакомый кусочек, совершенно верно. Норден находится под юрисдикцией Конфедерации. Хоранам там принадлежит Долина Морозных Пастбищ — прекрасные пастбища, очень плодородная земля. Дом с постройками, сад, превосходные леса на предгорьях. Прекрасное маленькое королевство для вас, Хозяин Пастбищ. Всадники вашей семьи будут довольны... Какая жалость, столетие роста, и все сметено по приказу человека, даже не принадлежавшего этой планете. Командующий Ди слишком полагался на свои приказы. Боюсь, вам многое придется начать сначала: тупаны одичали, но их легко вновь взять под контроль. И вам будет позволено выбрать себе Всадников.

— Много обещаний, гражданин? — Трой владел своими чувствами. Каждое слово Драгура действовало на него как удар хлыста. Он не осмеливался поверить в то, что это правда.

— Я не обещаю тебе того, что не могу выполнить, Хоран.

И Трой поверил ему.

— Корвар — планета Совета, — напомнил ему Трой, чувствуя уверенность Драгура.

— Для меня это ничего не значит. — И снова в его голосе звучала убежденность.

— И что вы просите взамен?

— Успешное выполнение одного задания вами, Хозяин Пастбищ. Похоже, что по какому-то капризу судьбы только вы способны общаться с моими бежавшими слугами. Я хочу вернуть их. Вы можете помочь мне в этом.

Вот оно что: выдать животных и получить Норден. Очень просто.

— У вас особые слуги, — вмешался Рерн.

— Несомненно, благородный охотник. Они — результат многолетних экспериментов. И единственные представители своих видов...

— На Корваре. — В словах Рерна звучал не вопрос, а утверждение. — Да, пятеро, оставшиеся в Диких Землях, были единственными представителями своих видов на Корваре. Но в других местах, на других планетах, аналогичные орудия использовались агентами Конфедерации.

Драгур слегка шевельнулся.

— Происходящее на других планетах, благородный охотник, не касается Клана. Могу вас заверить, что, как только мои слуги вернутся ко мне, на Корваре подобной деятельности больше не будет. Эксперимент потерпел неудачу, мы вынуждены признать свое поражение и сейчас же отступить.

Трой поверил и в это.

— А животные?

— Они теперь бесполезны. Не думаю, чтобы вы стали колебаться, пожертвовать их жизнью и вернуться на Норден, а, Хозяин Пастбища?

Трой облизал губы, пересохшие от волнения. Ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы подавить дрожь в руках и ногах.

— Вы не можете быть уверены в том, что я приведу их.

— Нет, но вы — единственный контакт с ними. И я считаю, что мой краб прыгнет за этим кусочком со всей энергией, на какую только способен. Вы не согласны?

— Да! — хрипло ответил Трой. — Да, я согласен! — Он увидел, как Рерн повернул голову в его направлении. На его лице появилась гримаса отвращения. Но мнение Рерна сейчас не имело значения. Он должен думать о будущем.

— Видите, как просто можно решать дела? — сказал Драгур, обращаясь к Рерну. — Клану незачем вмешиваться. Я полагаю, Хозяин Пастбища, животные все еще в Диких Землях?

— Они покинули флиттер перед тем, как ваши люди поразили меня лучом.

— Как легко понять все, если знаешь факты. Хорошо, теперь не о чем беспокоиться. Вы, благородный охотник, по-прежнему будете нашим пропуском для прохода в Дикие Земли. Счастливый случай привел вас сюда вовремя. Поневоле начинаешь думать и верить в древние суеверия, в судьбу. Мы составим охотничий отряд — только Зул, я, вы, благородный охотник, Хозяин Пастбища Хоран и мой гильдиец. Коли все пойдет хорошо, до завтрашней полуночи дело может закончиться. Я уверен, что все мы разумные люди и никаких препятствий и неприятностей не будет. — Он слегка приподнял ствол иглоружья.

Трой не был уверен, что Рерн заметил этот предупредительный жест. Когда рейнджер ответил, его голос звучал спокойно.

— Спорить не о чем, гражданин. Я к вашим услугам.

— Я и не ожидал другого ответа, благородный охотник. Мы можем отправляться.

Глава 18

Трой не имел представления, как далеко в Дикие Земли они проникли. Как и предвидел Драгур, Рерн легко провел их через патрули Клана. Рассвет превратился в день, а они продолжали двигаться на восток. Трой прислонил голову к стене кабины, закрыл глаза, но не спал.

Правой рукой он снова и снова гладил браслет на левом запястье, который он невольно надел в Рухкарве, прикасаясь к гладкой поверхности, пока это движение не совпало с ритмом его мыслей.

Флиттер шел на предельной скорости, но, разумеется, мысль летела дальше и быстрее любой машины. Он старался предста-

вить себе тот лесной выступ, куда бежали животные, — это было несколько часов или дней назад.

Симба... Если бы только он мог связаться с Симбой. Если он только сможет убедить кота, а через него всех остальных прийти на место встречи и там подождать.

Он должен сосредоточиться на предстоящем.

Драгур утверждает, что, кроме него, никто не способен общаться с животными. Если это так, почему они хотят, чтобы он помог им?

Тело Троя было напряжено. Он не знал, что лицо его угрюмо, а под глазами появились глубокие морщины. Он не знал, что Рерн внимательно и с интересом следит за ним.

Поворот направо, налево, его пальцы скользили по браслету, безмолвный приказ летел вперед. Трой жевал протянутый ему жесткий кусок чего-то съестного, почти не чувствуя остальных в кабине. Он так устал, что лишь силой воли заставлял себя продолжать безответный поиск.

Отчаяние его росло. Должно быть, животные, будучи свидетелями его пленения, не рассчитывают больше на связь с ним.

Ночь застала флиттер далеко над равниной. Драгур не обратил внимания на протесты гильдийца, который вел машину и хотел остановиться на ночь. Но вскоре пришлось сесть.

— Перед нами возникает проблема, — с вежливостью, похожей на насмешку, заявил агент. — Вы на своей территории должны быть связаны. Надеюсь, вы простите нам эту необходимость. Наш юный друг не нуждается в таких ограничениях.

Рерн, связанный по рукам и ногам, не возражал, когда его уложили между Зулом и гильдийцем. Трой, не обращая внимания на окружающее, уснул почти немедленно. Он ворочался, вздыхал, стараясь и во сне выполнить свою задачу.

Звезды над головой бледнели, наступал рассвет того дня, когда они придут в лес. На мгновение Трой вновь ощутил то чувство свободы и вольной жизни, потом это чувство исчезло. Трой не шевелился, лишь рука его бессознательно сжимала браслет, и прикосновение к этому странному металлу подействовало успокаивающе. Он смутно увидел молодые деревца. Под ними — Симба... ждет...

— Жди!

Трой поднял руку и прижал металл Рухкарва ко лбу. Мысленная картина приобрела резкость.

— Ты идешь?

— Иду, — кратко подтвердил Трой. — Будьте готовы, когда я приду. — Он старался найти нужные доводы, чтобы убедить их прийти туда, где приземлится Драгур.

— Итак, вы, наконец, вступили в контакт, Хозяин Пастбищ?

Рука Троя упала со лба. Он хмуро взглянул на агента Конфедерации. Но не было причин отрицать правду. Он сделал, что смог.

— Да. Они будут ждать.

— Прекрасно. Примите мои поздравления, Хоран, вы отлично справляетесь со своей частью договора. Мы отправляемся устраивать ловушку.

Трой ел медленно. Теперь все зависело от ответа Симбы, от его влияния на остальных. Если связь между человеком и животными недостаточно сильна, ему просто не поверят, и он полностью потерпит поражение.

Во флиттере он не делал больше попыток связаться с беглецами. Все, что было нужно, он сделал во время утреннего контакта. Либо они ждут, либо нет. То или другое определяет будущее, что именно — он узнает лишь после приземления.

В середине утра, яркого и спокойного, флиттер с безукоризненной точностью коснулся земли на краю леса. Драгур приказал им выйти: ствол иглоружья был направлен на Троя и Рерна.

— Где же они? — Агент смотрел на лес.

— Там. — Трой кивнул.

Да, они все ждали там, в укрытии. Покажутся ли они — это другое дело.

Гильдиец извлек бластер, настроил его на широкий диапазон поражения. Трой сжался, чтобы прыгнуть, если тот коснется курка. Но агент заговорил первым.

— Никакой стрельбы! — выпалил он. — Вначале мы должны убедиться, что они здесь. Выманите их.

— У меня нет прибора, а меня они не послушаются. Я не могу привести их против воли. Могу лишь удержать их на месте.

Секунду или две он боялся, что Драгур откажется вступить в тень деревьев. Но агент, очевидно, понял разумность слов Троя.

— Марш! — Вся прежняя вежливость Драгура исчезла. Трой повиновался. Агент с ружьем наготове шел сразу за ним. Хоран обогнул куст и склонился под нависшей ветвью.

— Здесь...

Симба, Саргон, Шеба...

Трой бросился лицом вниз на землю, перевернулся. Драгур закричал. Трой вскочил на ноги и увидел Драгура, размахивающего пустыми руками.

Симба вцепился тремя лапами в плечо агента, а четвертой безжалостно рвал его лицо. Обе лисы острыми клыками хватали агента за ноги.

Трой подхватил ружье, которое выронил Драгур, когда Симба прыгнул на него. Теперь у него было оружие, чтобы встретить прорвавшегося через заросли Зула.

— Стой! Брось оружие!

Глаза Зула расширились. Он неохотно выпустил бластер.

— Ты тоже!

Гильдиец, который подталкивал Рерна, повиновался. Пушистая тень с длинным хвостом выскользнула из укрытия, взяла в пасть бластер Зула, принесла его Трою и вернулась за оружием гильдийца. Драгур руками зажимал кровоточащие порезы на голове и лице. Симба больше не сидел у него на плече, а присоединился к лисам, которые гнали агента.

Ослепленный, кричащий от боли, полностью деморализованный неожиданным и невероятным нападением, агент упал у ног Рерна. Симба фыркнул и в последний раз рванул когтями лицо агента. Рейнджер очнулся от изумления и перевел взгляд от животных к Трою.

— Ты спланировал это? — спросил он голосом достаточно громким, чтобы перекрыть стоны Драгура.

— *Мы* спланировали это! — поправил Трой.

Он сунул бластер за пояс, но держал остальных под прицелом ружья.

— Подберите Драгура! — приказал он гильдийцу. — Мы возвращаемся к флиттеру.

С иглоружьем никто не спорил. Все направились к флиттеру, позади шел Трой. Он знал, что животные рассыпались по флангам.

— Вы, — Трой кивнул Рерну, — разгрузите запасы воды и продовольствия.

— Вы останетесь здесь? — Рерн не удивился.

— Мы останемся здесь, — вновь поправил Трой, наблюдая, как охотник выносит из флиттера вещи, необходимые, чтобы выжить в Диких Землях. Затем гильдиец, по приказу Троя, оказал первую помощь Драгуру, связал его и усадил в машину. Затем проделал то же самое с Зулом, а затем и сам был связан. Его связал Рерн.

— А как вы полагаете поступить со мной? — спросил Рерн, когда последний житель Тикила оказался в машине.

— Можете забрать их. — Трой поколебался, потом неловко добавил: — Прошу прощения за тот удар по голове в Рухкарве.

Рерн спокойно посмотрел на него. Его лицо ничего не выражало, но в глазах сверкала искорка какого-то чувства.

— Вы были правы: нарушитель клятвы не заслуживает уважения.

В этих словах был и какой-то скрытый смысл.

— Ожидавшие были не вашими людьми, а патруллерами? — Трой требовал подтверждения возникшего у него подозрения.

— Значит, вы это заметили? — Огонек в глазах Рерна разгорелся ярче.

— Видел. У меня было время подумать. — Это было извинение, и Трой хотел, чтобы собеседник это понял, хотя вряд ли существовал путь к настоящему примирению.

— Я вернусь, понимаете?

Трой улыбнулся. Победа опьянила его. Свобода от напряжения последних часов, последних дней действовала ошеломляюще: с этим чувством трудно бороться.

— Как хотите, Рерн. Вряд ли я сравнюсь с вами в знании Диких Земель, но все вместе мы можем поспорить...

— *Мы?* — Рерн оглянулся, но не увидел животных. Однако они все были здесь, даже Сахиба.

— Да, *мы*!

— А как же Норден?

Улыбка Троя померкла. Такого удара в спину он от Рерна не ожидал. Рука с бластером потянулась к поясу.

— Краб не прыгнул, — ровно сказал он.

— Возможно, была предложена не та наживка. — Рерн покачал головой. — Тут Дикие Земли, а вы не тренированный рейнджер. По нашим законам я не могу помочь вам, если вы только сами не попросите об этом, а это будет означать вашу сдачу. — Он ждал и как будто на самом деле надеялся получить подтверждение от Троя.

Трой кивнул:

— Я знаю. Отныне вы и все ваши против нас. Только не будьте слишком уверены в успехе, Рерн.

Он следил, как вертикально взлетел флиттер. Затем, перебросив через плечо ремень ружья, увязал припасы.

Заход солнца, восход, ночь, утро — в лесных глубинах солнце приобретало зеленоватый оттенок. Трой знал лишь то, что они по-прежнему направляются на восток. По крайней мере, в лесу их невозможно выследить с воздуха. Преследователи должны будут идти пешком, и их легко обнаружат острые чувства животных. Шенг двигался по деревьям, Симба и лисы широко рассыпались по земле, а Трой нес Сахибу.

Однажды на Сахибу напало какое-то животное, и Трой на лету подстрелил его из бластера. Больше им никто не встречался. Трою Дикие Земли не казались угрожающими. Леса вокруг него смыкались, как обширный занавес. И воспоминания о Нордене уносились, как туман над головой. Вместе с животными он жил в новом мире, а Тикил все более становился забытым сном, кошмаром. Единственное, что смущало его, — это стремление к другому существу такого же вида, что и он сам.

На пятый день местность стала подниматься. Один или два раза через разрывы деревьев Трой заметил впереди на фоне неба горные вершины. Возможно, что он найдет пещеру. Им понадобится убежище: собирающиеся тучи грозили бурей.

— Люди!

Трой застыл. От неожиданности ему пришлось ухватиться за дерево. Он совсем забыл о возможности преследования. Он услышал крик боли и гнева, крик Симбы, и ощутил страх, пронзивший его мозг, как копье. Парализующий луч! Та же сила, что пригвоздила его во флиттере. Но сейчас никакого флиттера не было видно, ни следа преследователей.

— Далеко? — спросил он у разведчиков.

— Выше по склону: они идут нам навстречу. — Теперь Трой уловил отдаленные звуки.

Трой попытался подавить начинающуюся панику у животных. Да, ловушка. Но откуда они знают, что Трой и его товарищи выйдут из леса в этом пункте? Или они на всякий случай установили повсюду барьер из парализующих лучей?

У него не было возможности использовать иглоружье, он даже не мог поднять руку, чтобы снять с пояса бластер. Они будут ждать приближения врага. Он ощутил горечь во рту.

Сахиба закричала у него на руках. Он знал, что каждый маленький мозг занят решением одной проблемы, которую они не могут решить. И заняты не в одиночку, а совместно.

Трой быстро коснулся мозга всех по очереди. Выбор пал на Симбу. Черный кот, боевая техника которого основана на подкрадывании и мгновенном ударе. Если бы только они могли освободить Симбу! Это была фантастическая возможность. Трой сосредоточил всю силу своего мозга на картине освободившегося Симбы, украдкой убегающего по склону из сферы действия луча. Остальные восприняли эту картину, напрягая всю силу разума.

Струйка пота потекла по щеке Троя. Безумием было надеяться, что мозг может разорвать путы тела. Только из-за того, что они ощутили свободу в прошедшие несколько дней, они могли питать такую безумную надежду. Трой почувствовал себя слабым, истощенным и понял, что они смогут освободить Симбу.

Трой не видел, как черная тень метнулась по склону холма. Не видел этого и человек, управляющий парализующей установкой.

Послышался крик боли, и Трой был освобожден. Он упал на колено и приготовился стрелять.

Выше по склону, из-за скалы, с поднятыми руками появился Рерн. Из травы выскочили Саргон, Шеба, Шенг. Серией прыжков спустился Симба. Снова Трой оказался в их оборонительном кругу.

— Вы сумели освободиться от парализатора! — Рерн спускался ровной походкой, не отводя взгляда от Троя.

— А вы нашли нас. — Несмотря на временную победу, Трой сознавал, что они потерпели последнее поражение. Дикие Земли для них больше не укрытие.

— Мы нашли вас. — Рерн поднял руку. Еще двое людей начали спускаться по склону, подняв руки. Один был Рогаркил, другой — человек в форме атташе Совета.

Рерн бросил через плечо:

— Вы видели сами.

— Вы недооцениваете опасность! — Голос атташе Совета звучал резко и грубо, он тяжело дышал. Было ясно, что он недоволен.

— Опасность относительна, — возразил ему Рерн. — Нож можно переложить из одного пояса в другой, от этого он не утратит остроты.

Охотник говорил с представителем Совета как равный, и, хотя атташе это и не нравилось, здесь, в Диких Землях, он вынужден был мириться с этим. Его рот сжался в неодобрении.

— Я не согласен с вами, охотник!

Рогаркил спокойно возразил:

— Это ваше право, джентльхомо. Рерн не спрашивает вашего согласия, он просит вас сообщить об этом и чтобы дело внимательно изучили. Я хочу сказать также, что не следует отбрасывать новую вещь только потому, что она незнакома. Нужно проверить, насколько она полезна. Это Дикие Земли.

— И здесь правите вы? Совет это запомнит!

Рогаркил пожал плечами:

— Это тоже ваше право.

Бросив последний взгляд на Троя и животных, чиновник повернулся и зашагал вверх по холму. На вершине к нему присоединилась группа вышедших из-за скалы патруллеров. Потом он исчез.

— Мир? — спросил Рерн, улыбаясь.

Трой колебался лишь мгновение, потом убрал ружье. Он побежал к указанному рейнджером убежищу — пространству между двумя наклонными скалами. Убежище было очень мало, а они по-прежнему представляли две группы: с одной стороны Трой и животные, с другой — люди Клана.

— Ему придется кое о чем подумать по пути в Тикил, — заметил Рерн.

Рогаркил кивнул:

— Нам тоже. Когда они примут решение, мы должны быть готовы.

— Почему вы это сделали? — спросил Трой, догадавшись по услышанному, что Клан принял его сторону.

— Потому что мы верны в том, что я только что сказал Хаволу: нож, сменивший ножны, остается ножом, — ответил Рерн. — И может нанести удар своему прежнему владельцу. Кайгер умер из-за личной вражды. И если бы не это, нападение на Совет и Корвар увенчалось бы успехом. Поскольку его шпионаж был направлен против Корвара, это касается и нас. Наши гости, правители галактики, должны быть защищены. Как мы говорили вам тем вечером в Тикиле, сохранение нашего образа жизни зависит от комфорта и безопасности гостей. Все, что угрожает им, — угрожает Клану.

Если Конфедерация испытает это оружие на другой планете, что ж, это забота Совета. Но здесь этому положен конец. И не думаю, что Кайгер, Драгур или те, что стоят за ними, знали, какие возможности скрываются в изготовленном ими оружии. Что произойдет, когда две или три расы, издавна разделенные, станут работать вместе, как равные, а не как слуги и хозяева.

— И кто лучше сможет изучить эти возможности, чем Кланы? — спросил Рогаркил.

Трой напрягся. Слишком многое уже решено. Ему и животным тоже следует предоставить право голоса.

— Прыгнет ли краб на эту наживку, Трой Хоран? — Рерн слегка наклонился вперед, заглушая своим голосом шум бури. — Права рейнджера для вас и для всей вашей компании в обмен на право узнать вас получше. Возможно, это хуже, чем звание Хозяина Пастбищ на Нордене...

Он замолчал. Трой невольно поморщился. Мысли Троя коснулись пятерых. Он не старался убедить их. Решение принадлежало им. А если они не согласятся, то у него оставалось иглоружье. Ответ пришел. Трой поднял подбородок и посмотрел на рейнджеров с холодным спокойствием, которое за последние дни стало частью его самого.

— Если вы дадите письменную гарантию...

Рерн улыбнулся:

— Осторожность — хорошее качество для человека и его друзей. Что ж, договор имеет силу, пока вы согласны с ним. Готов признаться, что и я хотел бы взглянуть на жизнь кошачьим взглядом, если вы мне позволите присоединиться к вашей компании.

Глаза Троя и Рерна встретились. И Трой вспомнил пещеру, и утес над озером, и голос Рерна, говорящий об этом мире и его очаровании.

— Почему? — он не подумал, что его вопрос, казавшийся ему таким ясным, может оказаться непонятным для остальных. Но его мысль коснулась мысли Рерна, как это было с животными. Тот ответил:

— Мы — люди одного типа, Всадник с равнин.

Рерн посмотрел на животных и добавил:

— В конце концов мы все будем едины.

— Да будет так! — согласился Трой, зная, что теперь он говорит правду.

СУД НА ЯНУСЕ

Глава 1

СНАДОБЬЕ ДЛЯ СНОВИДЕНИЙ

Даже солнце здесь не грело, а только слепило глаза, освещая унылые квадраты домов Диппла. Нейл Ренфо прижался лбом к холодному стеклу окна, пытаясь не думать, не вспоминать, отогнать жгучие волны гнева и ярости, которые в последние несколько дней сжимали ему горло, камнем наваливались на грудь.

Диппл на планете Корвар — последнее убежище, скорее даже тюрьма для беспланетных обломков космической войны. Много лет назад военные действия, принимать участие в которых они не имели ни малейшего желания, выгнали их из родных миров и пригнали сюда. Когда война кончилась, оказалось, что вернуться домой они не могут. Их дома были либо уничтожены, превращены в пепел в результате военных действий, либо по соглашениям, подписанным на конференциях, там теперь имели «исключительные права» другие поселенцы. А те, кто не по своей воле оказался в стенах Диппла, могут гнить здесь до конца своих дней. Выросло целое поколение детей трущоб, знающих только Диппл. Но те, кто помнил...

Нейл закрыл глаза. Тесные кабины, округлые стены, постоянная дрожь от вибрации машин, несущих вольного торговца по не отмеченным на картах дорогам космоса, яркое возбуждающее зрелище странных миров, причудливых созданий, новых людей, то чуждых душой и телом, то похожих на мальчиков, застенчиво держащихся в тени, жадное впитывание всех чудес торговых встреч... Это он помнил. Затем суматоха, страх, сжимающий желудок, кислый привкус во рту, когда он лежал в тесной койке спасательного бота, и держащие его теплые руки, испуг, когда их выбросило с корабля, который был его домом, период дрейфа, во время которого радио передавало сигналы

бедствия, приход крейсера, подобравшего их, единственных выживших... А потом Диппл — на много лет, навсегда.

Тогда была надежда, что война скоро кончится и он, когда вырастет и окрепнет, станет вольным торговцем или они получат как-нибудь деньги, оставшиеся в банке на счету Дуана Ренфо, и оплатят проезд до родной планеты. Но эти надежды оказались лишь бесплодными мечтами. Долгие унылые годы показали им призрачную несостоятельность их грез. Оставался только Диппл, оставался навечно. Уйти из него нельзя. Так было для него... но не для нее — теперь.

Нейлу хотелось заткнуть уши, как он закрыл глаза. Он мог закрыться от серости Диппла, но не от тяжкой жалобы, полупения-полустона, монотонно исходящего от постели у дальней стены. Нейл отошел от окна и остановился рядом с кроватью, заставил себя посмотреть на лежавшую на ней женщину.

Теперь это был призрак, кожа да кости, то, что осталось от Мелани.

Нейл был готов бить кулаками в серые стены и кричать от боли и от злобы. Если бы только он мог взять ее на руки и убежать отсюда, от слишком резкого света, от холодной сырости, которые убивали ее, как убили Дуана Ренфо. Ее иссушили уныние и безнадежность Диппла.

Но вместо того чтобы дать выход бушующей в нем буре, Нейл опустился на колени перед кроватью, взял беспокойные, все время двигающиеся руки в свои и прижал к своим щекам.

— Мелани, — тихо окликнул он, надеясь вопреки всему, что она на этот раз ответит, узнает его. Или милосерднее не вытягивать ее из бреда? Из бреда... Нейл задохнулся — это возможность побега для Мелани! Если бы он был уверен, совсем уверен, что другого пути нет...

Он бережно опустил ее руки, натянул покрывало на ее плечи. Был уверен... Он резко кивнул, хотя Мелани не могла видеть этого жеста внезапного решения, и быстро пошел к двери. Три шага по коридору, и он постучался в другую дверь.

— А, это ты, сынок! — Хмурое широкое лицо женщины смягчилось. — Ей хуже?

— Не знаю. Она ничего не ест, и доктор...

Губы женщины изобразили слово, которое она не произнесла вслух.

— Он сказал, что у нее нет шансов?

— Да.

— В данном случае он прав. Она не хочет никакого шанса, ты сам видишь, мальчик.

Он видел это еще на прошлой неделе!

Нейл прижал руки к бокам, словно приглушая резкий ответ на эту жестокую правду.

— Да, — ответил он ровным голосом. — Я хотел бы знать... как долго...

Женщина откинула упавшие на лицо волосы. Глаза ее вдруг прояснились, взгляд стал суровым. Она медленно облизнула губы.

— Ладно. — Она плотно закрыла за собой дверь своей комнаты. — Ладно, — повторила она, словно удерживая себя в чем-то. Но, остановившись у постели Мелани, она выглядела озабоченной, руки ее стали осторожными, даже напряженными. Она подняла покрывало и обернулась к Нейлу. — Два дня, может, чуть больше. Если ты хочешь сделать это, откуда возьмешь деньги?

— Достану!

— Она... она не хотела бы этого таким путем, сынок.

— У нее будет это! — Он схватил свою верхнюю тунику. — Ты побудешь здесь, пока я вернусь?

Женщина кивнула.

— Самый лучший — Стовар. Он торгует честно, никогда не обсчитывает.

— Я знаю! — нетерпеливо ответил Нейл, выскочил за дверь и через коридор на улицу.

Время близилось к полудню. Людей на улице было мало. Те, кому повезло найти случайную работу на день, уже давно ушли. Другие были в общественной столовой за полуденной едой. Сейчас на улицах были в основном лишь те, кто имел работу в определенных местах, темную работу.

Корвар, если не считать Диппл, был планетой увеселений. Местное население жило обеспечением роскоши и всевозможных развлечений для знати и богачей с полусотни планетных систем. И вдобавок к этой роскоши и удовольствиям здесь бы-

ли модные пороки, запрещенные радости, доставляемые контрабандой и незаконной торговлей. Человек, обладающий достаточным количеством кредитов, мог вступить в Воровскую гильдию и принять участие в подобном обеспечении. Но существовали также группы дельцов, хватающих те крохи, которых лидеры гильдии не удостаивали внимания. Жизнь этих дельцов была ненадежна, опасна, и набирались они из безнадежно отчаявшихся — из отбросов Диппла.

Некоторые радости можно было купить у таких, как Стовар. Радости — или, для измученной беспомощной женщины, возможность легко умереть.

Нейл остановился перед бледным мальчиком, прислонившимся к непримечательной двери, внимательно поглядел в узкие глаза на крысиной мордочке и сказал только одно слово:

— Стовар.

— Дело, новичок?

— Дело.

Мальчик ткнул пальцем через плечо, указывая, и дважды стукнул в дверь.

Нейл открыл дверь и чуть не закашлялся, попав в плотное облако дыма. Вокруг стола на подушках сидели четыре человека и играли в звезды-и-кометы. Щелканье их счетчиков время от времени прерывалось недовольным ворчаньем, когда кто-нибудь из играющих терял комплект своих звезд.

— Какого дьявола? — Голова Стовара приподнялась на два дюйма, и он взглянул на Нейла. — Давай выкладывай, здесь все свои.

Один из игроков хмыкнул. Двое других, видимо, не слышали, их внимание было поглощено столом.

— У тебя есть галюс? Сколько стоит? — сразу перешел к делу Нейл.

— Сколько тебе надо?

Нейл сделал расчет еще по дороге. Если Мара Диза сказала верно — один пакет. Но лучше два, на всякий случай.

— Два пакета.

— Два пакета — двести кредитов, — ответил Стовар. — Товар нерезанный. Я даю полную меру.

Нейл кивнул. Стовар был честен на свой манер, и за эту честность нужно было платить. Двести кредитов. Нейл надеялся, что купит дешевле. Товар, конечно, контрабандный, привезенный из другого мира каким-нибудь членом корабельного экипажа, желавшего иметь лишние деньги, несмотря на риск портовой проверки.

— У меня будут деньги... через час.

Стовар кивнул.

— Приноси, и товар твой... Моя сдача, Грем.

Нейл вышел на улицу и глубоко вздохнул, выгоняя дым из легких. Домой возвращаться не было смысла: за все их нищенские вещи не выручить не то что двухсот, а и двадцати кредитов. Он давно уже продал все ценное, когда приглашал специалиста — врача из верхнего города. Да, была только одна вещь, за которую можно было получить двести кредитов, — он сам. Он пустился бегом, словно должен был сделать это быстро, пока его не оставило мужество. Он добежал до здания, стоявшего так удобно и угрожающе близко к главным воротам Диппла — месту набора рабочей силы для других планет.

Все еще оставались миры, и немало, где дешевле было использовать человеческую силу, куда не ввозились машины с опытным обслуживающим персоналом, и частично они удерживались в этом состоянии разорительными торговыми налогами. Такие места, как Диппл, давали рабочую силу. Мужчина или женщина подписывали контракт, получали «колониальные», их отвозили в замороженном сне, и затем они работали за свою плату — пять, десять, двадцать лет. По идее это было избавлением от гниения заживо в Диппле. Но... замораживание было делом удачи. Случалось, что некоторые так и не просыпались. Тем же, кому повезло, доставались арктические миры, тропические миры, миры, где люди выживали под ударами необузданной стихии. Контракт был азартной игрой, в которой не выигрывал никто, кроме Агентства.

Нейл вошел в селектор, на некоторое время закрыл глаза, а затем снова открыл. Когда он положил руку на рычаг и опустил его, он сделал тем самым бесповоротный шаг. Возврата не будет никогда.

Через час он снова пришел к Стовару. Игра в звезды-и-кометы кончилась, контрабандист был один, и Нейл был рад этому, когда выкладывал пачку кредитов.

— Двести пятьдесят, — сосчитал Стовар и достал из-под стола маленький сверток. — Вот два и пятьдесят кредитов сдачи. Записался на другой мир?

— Да. — Нейл взял сверток и кредиты.

— Ты мог бы получить деньги иначе, — заметил Стовар.

Нейл покачал головой.

— Нет? Ну, может, ты и прав. Ты получил, что хотел, а это — самое главное.

Нейл почти бегом вернулся в свой барак. Мара Диза ждала его.

— Снова приходил врач. Директор прислал его.

— Что он сказал?

— То же самое. Два дня, может быть, три.

Нейл упал на стул у стола. Он доверял Маре и раньше, и это сообщение ничего не изменило в его планах. Он развернул сверток, полученный от Стовара: две металлические трубочки. Они имели цену... цену его рабства в неизвестном мире, цену всего, что могло случиться с ним в будущем. Они помогут спокойно принять смерть женщине, которая была его матерью.

Галюс — порошок, содержащийся в трубочке, — надо было высыпать в чашку с горячей водой. Тогда Мелани Ренфо не будет лежать здесь, в Диппле: она, может быть, снова переживет счастливейшие дни в своей жизни. И если тонкая нить, привязывающая ее к этому миру, не оборвется к тому времени, когда она проснется, наготове будет вторая трубочка. Мелани жила в страхе, отчаянии и боли, а умрет счастливой.

Он оглянулся и встретил взгляд Мары.

— Я дам ей это, — он коснулся трубочки, — а если... понадобится, ты дашь вторую?

— Разве тебя не будет здесь?

— Я... я улетаю ночью... Мне дали два часа... Ты поклянешься, что останешься с ней? — Он развернул сверток из пятидесяти кредитов. — Возьми это и поклянись!

— Нейл! — В ее глазах вспыхнули яркие искры. — Ладно, сынок, я поклянусь. Хотя нам здесь не очень-то нужны были

старые боги и духи, не так ли? Я даю клятву, хотя ты мог бы и не просить об этом. А это я возьму... только из-за Вейса. Вейс должен уйти отсюда... не твоим путем — другим. — Ее руки конвульсивно сжали пачку кредитов. Нейл почти ощутил горькую решимость, исходящую от нее. Вейс Диза имел шанс освободиться от Диппла, если его мать будет сражаться за него.

— Куда ты записался? — спросила она, ставя греть воду.

— В какой-то мир, называемый Янусом, — ответил он. — Неважно, пусть это окажется грубая пограничная планета, лишь бы подальше от Диппла и Корвара. — Он не хотел думать о будущем.

— Янус, — повторила Мара. — Никогда не слышала о такой. Послушай, сынок, ты сегодня ничего не ел. У меня есть немного лепешек для Вейса, но он, наверное, нашел на сегодня работу и не придет. Я...

— Нет. Я улетаю сегодня, помнишь? — Он слабо улыбнулся. — Послушай, Мара, ты посмотри вещи... потом, ладно? — Он осмотрел комнату. Он ничего не возьмет с собой: в морозильную камеру багаж не берут. — Если тебе что пригодится — возьми. Тут мало, что осталось. Только... — Он подошел к ящику, где хранил свои бумаги и немногие драгоценности. Браслеты матери и пояс Дуана давно проданы. Нейл быстро просмотрел бумаги. Торговые контракты, которыми они никогда не могут воспользоваться, — их можно уничтожить. Опознавательные диски...

— Это вот все Директору... потом. А вот это... — Нейл покачал на ладони кольцо мастера, принадлежавшее Дуану Ренфо. — Продай его и купи цветов... Она любила цветы, деревья... все, что растет.

— Я сделаю это, мальчик.

И Нейл в этом не сомневался. От воды уже шел пар. Нейл наполнил чашку и высыпал порошок из трубочки в воду. Они подняли голову Мелани и уговорили женщину проглотить снадобье.

Нейл снова прижал к щеке ее исхудалую руку и вгляделся в слабую улыбку на синеватых губах, легкую краску счастья, как паутинкой покрывшую скулы и подбородок. Она больше не стонала, а шептала что-то — не то слово, не то имя. Некоторые

имена были ему знакомы, другие — нет, они исходили из прошлого, в котором он не участвовал. Мелани снова была девушкой, жила на своей родной планете с мелководными морями, усеянными кольцами островов, где высокие деревья шелестели поздней ночью под легким ветерком. Все это она добровольно обменяла на жизнь в корабле, когда вышла замуж за человека, называвшего своим домом не планету, а корабль, и ушла за Дуаном Ренфо в космические просторы.

— Будь счастлива. — Нейл отпустил ее руку. Он отдал ей все, что мог, — последнее возвращение от забот, печали, безжалостного настоящего в дорогое ей прошлое.

— Эй, ты! Ты Нейл Ренфо?

В дверях стоял человек в форме Агентства. На его поясе покачивался шокер. Это был типичный надсмотрщик, загоняющий добычу на борт поджидающего транспорта.

— Иду.

Нейл осторожно поправил одеяло и встал. Он вышел твердым шагом, не оглядываясь, но у двери Мары остановился и постучал.

— Я пошел, — сказал он. — Ты присмотришь?

— Присмотрю. Я останусь с ней до конца и сделаю все, как ты хотел. Удачи тебе, сынок.

Но было ясно, что это пожелание неисполнимо. Нейл в последний раз спустился по лестнице, стараясь ни о чем не думать или, по крайней мере, думать о том, что Мелани ушла из Диппла другим путем, неизмеримо более приятным. Представитель Агентства труда подобрал еще двоих завербованных и отвел всех в секцию обработки порта.

Нейл покорно подчинился процедуре, которая должна была сделать из живого человека беспомощную часть груза, достаточно ценную, чтобы привести ее неповрежденной и оживить. Он взял с собой в холодный сон только память о слабой улыбке, которую увидел на губах матери.

Долго ли длилось путешествие, в каком направлении и с какой целью, кроме доставки груза, Нейл так и не узнал, да, в сущности, и не интересовался. Этот самый Янус, конечно, был пограничным миром, иначе там не требовалась бы человеческая рабочая сила — вот и все, что он знал об этой планете. При

посадке он не видел громадный темно-зеленый шар на экране пилота, с обширными континентами и узкими морями, землю, задавленную густой зеленью лесов, таких лесов, о каких более цивилизованные планеты давно забыли.

Космопорт, на котором приземлился транспорт, был расположен в голой каменистой местности, в рубцах и ожогах пламени, хлещущего из садящихся и взлетающих кораблей. Из этого центра неправильными линиями шли расчистки, сделанные поселенцами.

В лесу были вырублены участки — голые пятна в темной зелени, зелени с сероватым оттенком, словно на широких листьях этих гигантских деревьев, буйной молодой поросли и кустарников осела серебристая пленка. Люди обрабатывали поля, сажали ровные ряды растений, на перекрестьях этих рядов были бревенчатые, выдолбленные, прорубленные или еще как-нибудь приспособленные жилища для людей, рубивших лес.

Это была война между человеком и деревом; тут выдергивали вьющееся растение, там атаковали куст или молодое деревце, стремящееся занять расчищенное с таким трудом пространство. Лес был упорным. И упорными были люди в этом лесу...

Люди, занятые этой борьбой, были угрюмы, молчаливы, тверды, как здешние деревья, несломимы, как закаленный космосом металл. Эта война началась сто лет назад, когда первые разведчики Службы изысканий отметили Янус как пригодный для заселения человеком. Первая попытка завоевать планету для человека провалилась. Потом пришли все-таки заселившие ее инопланетники и остались. Но лес был все еще мало вырублен, очень мало.

Разрозненные участки поселенцев вытягивались в сторону порта и образовали город. Они ненавидели его, но терпели, потому что он был связующим звеном между ними и другими мирами. Это были суровые люди, объединенные строгой безрадостной верой, самоуверенностью и решимостью, люди, работающие от зари до зари, считавшие красоту и радость смертным грехом, принуждавшие себя, своих детей и трудовых рабов к нудной работе, которой они поклонялись. Все так же оставалось и теперь, когда можно было покупать свежую рабочую силу для борьбы с лесом.

Глава 2

ОПУШКА ЛЕСА

— Все они перед вами, мастер участка. Мне что, везти свой товар обратно?

Суперкарго покачивался, положив руки на бедра, и в глазах его светилось презрение. По сравнению с покупателем он был тонок, как проволока, и выглядел мальчишкой.

— И вы привезли такое барахло, чтобы они жгли лес и работали на полях? — сказал покупатель. Он тоже был полон презрения — как к космонавту, так и к его товару.

— Люди, которым есть за что платить, не вербуются в рабочие, как вам известно, мастер участка. Удивительно, что мы вообще кого-то привезли.

Поселенец резко отличался от жалкой компании, которая стояла перед ним. Большинство мужчин терранского происхождения, как бы они ни были далеки от родной планеты и даже от своего племени, бреют волосы на лице, этот же неуклюжий гигант возвращался в первобытное состояние. Густая борода веером расстилалась по его бочкообразной груди и скрывала лицо, полностью пряча скулы. Густые волосы покрывали тыльную сторону широких рук. Все остальное на нем было серым: грубая одежда, сапоги из шкур, шапка, нахлобученная на копну волос. Он говорил на основном галактическом гортанно, с незнакомыми интонациями, ходил тяжело, будто давил невидимые помехи. Высокий, массивный, он и сам напоминал дерево, на которое он и весь его род обрушивали угрюмую ненависть. И люди, находившиеся перед ним, казались хилыми пигмеями.

Их было десять. Они все еще дрожали от холода после пробуждения, и никто из них физически не был похож на мастера участка. Завербованные были, как указывал суперкарго, людьми без надежды, людьми почти конченными как морально, так и физически.

Поселенец сердито осмотрел каждого. Его глаза словно снимали с несчастных то, что на них еще оставалось, отмечая недостатки тощих тел.

— Я — Калло Козберг с Опушки. Мне нужно расчистить сорок просек до первого снега. А кого вы мне предлагаете? Если

они поработают как следует час — и то слава богу! И просить за таких груз коры — просто жульничество!

Выражение лица суперкарго стало сердитым.

— Жульничество, говорите? Не хотите ли вы обвинить меня в этом перед Говорящим? Если так, то я приведу доказательства: сколько кредитов заплачено завербованным, что стоило замораживание и перевозка. И, думаю, смогу доказать, что цена вполне в дозволенных пределах. Вы все еще говорите «жульничество», мистер Козберг?

Тот пожал плечами.

— Это просто форма речи. Нет, я не собираюсь обвинять вас. Не сомневаюсь, что вы можете привести доказательства в этом случае. Но человеку нужны помощники для расчистки, даже если они еле двигаются. Я возьму этого... этого... и этого... — Его палец указал на троих рабочих. — И тебя тоже. — Он в первый раз взглянул рабочему в лицо. — Да, ты — третий с конца. Сколько тебе лет?

Нейл Ренфо понял, что вопрос относится к нему. Голова у него еще кружилась, желудок сжимался от варева, которое в него влили, и он с трудом ответил:

— Не знаю...

— Как не знаешь? Ну и пустая же башка у парня, коли он не знает даже, сколько ему лет! Много глупостей я слышал от инопланетников, но такого не приходилось!

— Он сказал правду, мастер. По имеющимся сведениям, он родился в космосе. Планетные годы на таких не распространяются.

Борода Козберга задвигалась, словно он прожевал слова, прежде чем их выплюнуть.

— Рожденный в космосе... так... ладно, он выглядит достаточно молодым, чтобы научиться работать руками. Его я тоже возьму. Они все на полный срок?

Суперкарго ухмыльнулся.

— Для такого дальнего рейса — на Янус — разве мы можем тратиться на меньшее? У вас есть готовая кора для груза, мастер?

— Кора есть. Мы сложим ее на погрузочную площадку, чтобы скорее отправиться в путь — мы ведь едем к Опушке! Надо

скорее разгрузиться, хотя, если посмотреть на вас, вы много не наработаете.

Космопорт был скопищем разномастных домов вокруг выжженного бетона посадочного поля, имевших странный вид времянок без фундамента, безобразных, напоминающих унылую серость Диппла. Непрерывно понукаемые потоком приказов, рабочие торопились к линии повозок. Их груз — громоздкие связки серебристой коры — складывались вручную в большую кипу под внимательным надзором корабельного приемщика.

— Эй, идите сюда. — Козберг махнул рукой, указывая на повозку и связки коры. Нейл посмотрел на человека, стоящего в ближайшей повозке. В его опущенной руке качалась связка коры.

Это была уменьшенная версия Козберга. Можно было безошибочно определить, что они отец и сын. Борода на его выдающемся вперед квадратном подбородке была еще шелковистой, и губы заметно выступали над ней. Как и отец, он был одет в тяжелую серую, скверного пошива одежду. Люди, работавшие вдоль этой линии и быстро разгружавшие повозки, представляли собой серо-коричневое однообразие формы, похожей на армейскую.

Но Нейлу не пришлось их долго разглядывать, потому что перед ним оказалась связка коры, и нужно было скорее хватать ее. Она оказалась легче, чем можно было ожидать, хотя объем связки очень затруднял переноску. Нейл осторожно положил ее в большую кучу. Ноги еще плохо слушались его.

В три захода повозка была опустошена, и Нейл стоял, оглядываясь.

В каждую повозку было запряжено два тяжеловесных фыркающих животных. Массивные задние ноги и задняя часть не соответствовали слабым передним ногам, совершенно не похожим на задние. Животные сидели на задах и старательно чесали задними ногами густой мех на брюхе. Шкура их была сланцево-голубой, гривы — пыльно-серые, начинающиеся от круглой, как у грызунов, головы и спускающиеся до окончания хребта. Хвоста не было и следа. Широкие ошейники на их плечах крепились к передку повозки паутиной сбруи, но поводьев Нейл не видел.

— Сюда! — Волосатая рука Козберга махнула перед его носом.

И Нейл взобрался в опустевшую повозку и сел на кучу грубых мешков, от которых шел сильный, но не противный запах коры. Двое его товарищей-иммигрантов последовали за ним. В задней части повозки было отгорожено место для мастера.

Сын, не произнесший во время выгрузки ни слова, занял единственное сиденье впереди, поднял шест и резко стукнул по обоим запряженным чешущимся животным. Те глухо зафыркали, но сошли с линии разгрузки порта и двинулись то шагом, а то прыжками, отчего повозка дергалась, доставляя неудобства пассажирам. Одного из людей затошнило, и он едва успел перегнуться через борт.

Нейл спокойно изучал своих спутников. Один был очень крупным человеком с зеленовато-коричневой кожей, явно бывший член экипажа космического корабля, с пустыми глазами совершенно спившегося человека. Он сидел, прислонившись к стенке повозки и опустив руки между коленями, — лишь тело человека, сознание которого давно помутилось.

Тот, кого тошнило, все еще висел над бортом, вцепившись пальцами в край. Редкие черные волосы на круглом черепе, кожа белая, как тесто. Нейл видел таких и раньше. Какой-нибудь портовый лодырь, завербовавшийся из страха перед законом, а может быть, и действительно всерьез надувший начальство.

— Эй, парень! — Человек, за которым наблюдал Нейл, повернул голову. — Ты что-нибудь знаешь об этой планете?

Нейл покачал головой.

— Вербовщик сказал: Янус, сельское хозяйство.

Несмотря на тряску, ему удалось встать, чтобы по возможности осмотреть окрестности. Они ехали по неровной голой земле между изгородями полей. Первым впечатлением Нейла была мрачность. Ландшафт был лишен красок и жизни, как кварталы Диппла.

На полях росли низкие кусты, посаженные перекрестными рядами. Изгороди, защищавшие их, состояли из ободранных кольев, переплетенных лианами. Такие поля тянулись миля за милей, но вдалеке темнело что-то, что, вероятно, холмы или лес.

— Что там? — Мужчина отошел от заднего борта и по краю добрался до Нейла.

— Не знаю, — пожал плечами Нейл. Они были товарищами по ссылке, но этот человек ему не нравился. Маленькие блестящие и умные глаза пристально смотрели на Нейла.

— Ты из Диппла, друг? Меня зовут Сэм Тейлос.

— Нейл Ренфо. Да, я из Диппла.

Тейлос заржал.

— И ты решил сбежать оттуда и начать новую жизнь в другом мире, пацан? Напрасно. Ты просто сел в другую такую же дыру.

— Может быть, — ответил Нейл. Он смотрел на темное пятно в этом скучном однообразии несчастной страны с зеленоватым небом, и ему вдруг захотелось оказаться ближе к темной линии, узнать о ней побольше.

Животные, то прыгая, то раскачиваясь, быстро тащили повозку, и пять повозок держались все время на одинаковом расстоянии друг от друга. Сэм Тейлос указал пальцем на кучера их повозки:

— Может, он чуток расскажет?

— Спроси.

Нейл пропустил Тейлоса мимо себя, но не пошел за ним. Тейлос остановился за сиденьем кучера и заговорил заискивающе-плаксиво:

— Джентльхомо, не будете ли вы...

— Чего тебе?

Основной Козберга-младшего был еще более гортанным, чем у отца.

— Просто немного информации, джентльхомо... — начал Тейлос.

— Вроде того, куда ты едешь и что ты будешь делать, работяга? — прервал его Козберг-младший. — Ты едешь прямиком к концу полей на Опушку, где, наверное, увидишь всяких чудовищ. А делать будешь тяжелую работу, если не хочешь, чтобы Говорящий заставил тебя отвечать за твои тяжкие грехи. Понятно? — Он показал концом своего поощряющего шеста на кусты на полях. — Это наш главный товар — латтамус. Сажать его надо на поле, очищенное от всяких корней и побегов, — голое поле. А получить на Опушке голое поле непросто — надо рубить,

и выкорчевывать, и резать. Мы собираемся получить несколько хороших латтамусовых полей, прежде чем вы рассчитаетесь за свои грехи. — Козберг-младший наклонился и взглянул прямо в глаза Тейлосу. — Бывают такие грешники, что не хотят помогать в работе Чистого Неба, да, не хотят. Так их обучают — хорошо обучают. Мой отец — хороший учитель. Говорящий благословил Словом его на то, чтобы он сводил счеты с настоящими грешниками. Мы, Небесный Народ, не убиваем инопланетных грешников, но некоторые уроки очень тяжелы для закоренелого грешника.

Слова его были темными, но смысл их был вполне ясен. Козберг произнес эту речь с удовольствием. Тейлос попятился и бочком отодвинулся от сиденья кучера. Козберг засмеялся и повернулся к рабочему спиной. Тот стоял, насколько это позволяла тряска повозки, и смотрел на окружающую местность, а затем почти шепотом обратился к Нейлу:

— Дрянная нам досталась планетка — на авось не проедешь. Работать тут, похоже, надо без дураков, до смерти. Это пограничная планета, тут, похоже, всего один космопорт.

Нейл решил, что маленький человек скорее думает вслух, чем разговаривает с ним.

— Когда играют, не ставят звезду, если нет уверенности, что она будет на одной линии с хвостом кометы. Никакой поспешности! А тут — с ходу разговор о выучке. Они что же, так сразу и зажмут нас? Подумать только!

У Нейла болела голова, и подскакивание повозки начало вызывать тошноту. Он сел напротив все еще застывшего экскосмонавта и попытался думать. Договор, который он подписывал в вербовочной конторе, был очень подробным. Большой аванс — память Нейла испуганно отринула воспоминания, как этот аванс истрачен, — и большие издержки по переезду в этот мир. Нейл не имел представления о стоимости коры, которой Козберг расплатился за него, Нейла, но это можно узнать. По договору он имел право возместить эту сумму и снова стать свободным человеком. Но когда это может случиться? Самое лучшее — это сидеть здесь и узнавать, что можно, держа глаза и уши открытыми. Диппл был статичным видом смерти, здесь же

был какой-то шанс... У Нейла снова появилась надежда, неизвестно, правда, на что.

Дуан Ренфо был вольным торговцем, его предки также были исследователями и неугомонными космическими скитальцами. Хотя Нейл едва помнил отца, интуиция и способности этого неустроенного и беспечного человека были наследственными качествами. Мелани Ренфо была из пограничного мира, хотя и отличающегося от Януса, как осень от весны. Она была из третьего поколения от первого корабля, и ее народ все еще был скорее исследователями, чем поселенцами. Наблюдать, учиться, экспериментировать — вот желания и потребности, которые скрывались в Нейле, зажатом в тисках Диппла. Теперь эти потребности проснулись и зашевелились.

Когда повозки остановились и люди поели грубого хлеба и сушеных ягод, Нейл присмотрелся к животным, жующим корм. Кучер второй повозки, маленький и тощий, со шрамом от старого ожога бластером на голове, явно был инопланетным рабочим.

— Как вы их называете? — спросил его Нейл.

— Фэзы, — односложно ответил тот.

— Здешнего происхождения? — продолжал спрашивать Нейл.

— Нет. Их привезли с Первым Кораблем. — Он указал подбородком на Козбергов.

Первый Корабль. Нейл был поражен. Он пытался вспомнить скудную информацию о Янусе. Конечно, поселенцы обосновались здесь более одного поколения назад.

— Они прилетели двадцать лет назад. Эти «любимцы небес» получили поселение прямо от Угольного Синдиката и двинули сюда. Чтобы основать здесь свободную страну.

— Свободная страна?

— Свободная от иноземцев. Все здесь — владения любимцев небес — семейные участки, понемногу расширяющиеся с каждым годом. — Он снова указал подбородком, на этот раз на темную линию на горизонте. — Следи за этими фэзами: выглядят они мирно, но не всегда любезны с чужаками. Их зубы при желании могут грызть не только орехи.

Зубы были длинные, белые и устрашающе выделялись на покрытой темным мехом морде животного. Но сами фэзы оказались совершенно поглощенными едой и не обращали внимания на людей.

— Хулла! — заорал Козберг-старший, злясь даже на фэзов. — Готовьте животных в путь! Эй, ты! — Он указал Нейлу на задок своей повозки. — Полезай!

После обеденной остановки латтамус на придорожных полях стал попадаться реже. Там и тут виднелись полосы зерновых и овощей. Изгороди вокруг них были попроще, будто поставленные на короткое время. А впереди по-прежнему ползла темная тень... а может, Нейлу просто казалось, что тень ползет к людям и повозкам, а не наоборот. Теперь уже стало ясно, что это темный лес, стена деревьев, и так же ясно, что отодвинуть ее будет нелегко. На полях местами остались огромные пни, некоторые были обуглены, словно обглоданы огнем. Нейл представил себе, какую работу нужно провести, чтобы вырвать из девственного леса такое поле, и глубоко вздохнул.

Он попытался объединить то, о чем догадывался и что знал, насчет участков и людей, которые на них работали. Одежда, повозки, намеки обоих Козбергов и слова рабочего-кучера показали Нейлу, что это поселение сектантов. Таких появилось немало за столетия, прошедшие после путешествия первых терранцев в глубокий космос и колонизации других миров. Группы, объединенные религией, находили необитаемые миры и, не тревожимые «мирскими» оккупантами, претворяли в жизнь свои утопии. Некоторые становились столь эксцентричными, что их жизнь обращалась в цивилизацию, полностью чуждую прошлому первопоселенцев. Другие же освободились от иллюзий или утратили, забыли прежние мечты, и только развалины и могилы указывали на прошлое.

Нейл встревожился. Фермерская работа могла оказаться непосильно тяжелой — похоже на то. И религиозный фанатизм был опасностью, казавшейся ему хуже, чем любая естественная опасность на любой планете. У вольных торговцев и верования были свободными. Их космополитическое происхождение и работа привели к большой терпимости к людям и идеям. «На-

правляющий дух» на родной планете Мелани, уничтоженной огнем во время войны, признавался его поклонниками в качестве доброй и снисходительной силы. Узкие жесткие рамки, в которые некоторые люди заключали свою религию, делали ее силой, стоящей далеко от человеческой борьбы, и это было так же опасно для чужаков, попавших в их среду, как бластер в руках врагов. И это зловещее напоминание Козберга-младшего об «обучении» больно поразило Нейла.

Он страстно хотел получить возможность спрашивать. Но вопросы могли привлечь к нему внимание, а этого он не хотел. Вопросы относительно религии и целей внутри фанатичной общины чаще всего были запретными даже для своих. Нет, лучше смотреть, слушать и пытаться объединять обрывки сведений.

Повозка свернула с дороги в ворота в стене из кольев, бывшей значительно выше полевых изгородей — по всей вероятности, воздвигнутой для защиты, а не просто для отделения одного участка от другого. Их появление было встречено лаем.

Собаки, достаточно похожие на терранских, чтобы их можно было так назвать, в количестве пяти или шести бегали и прыгали за более низким забором и изо всех сил старались привлечь внимание прибывших. Нейл смотрел на это зрелище и думал, какая угроза заставила жителей участков, находящихся в тени видимого теперь леса, держать такую свору. Может быть — по спине Нейла пробежал холодок — они караулили рабочих?

Повозка въехала на пустую площадь, окруженную домами, и Нейл мигом забыл о собаках, с удивлением уставившись на главный дом участка. Этот... эта штука была такой вышины, как двухэтажные дома в Диппле, но это был просто ствол дерева, положенный набок, с прорубленными в нем двумя рядами окон и широкой дверью, сохранившей еще остатки коры. Ну и ну! Его удивили пни на полях, но то были остатки молодых деревьев по сравнению с этим чудовищем! Вот, значит, из каких деревьев состоит лес Януса!

Глава 3

СОКРОВИЩЕ

Нейл стоял, опираясь руками на длинную рукоять большого обдирочного топора. По его обнаженному до пояса телу, покрытому серебристой пылью, струйками сбегал пот. Солнце, показавшееся ему в первый день таким бледным, выказывало свою силу волнами жара. Он повернул голову, как часто делал за последние недели, к холодной зелени леса, который они атаковали. Неясная протяженность темной зелени была как обещание водоема, куда человек мог бы окунуть вспотевшее, опаленное жаром тело, расслабиться, уснуть.

В первую очередь Козберг, прибыв на эту часть Опушки, указал своим новым рабочим на ужасные опасности этой лесистой местности, манящей своими соблазнами. И самая большая опасность таилась в одинокой полуразрушенной хижине, на которую он указал им — она стояла как раз посередине полоски леса, выдававшегося языком в очищенные с великим трудом акры будущего поля. Теперь это было проклятое место, которое человек не смеет тревожить. Эта хижина — они смотрели на нее с безопасного расстояния — была и будет могилой грешного человека, который так страшно оскорбил Небо, что был поражен «зеленой лихорадкой».

Религиозные фанатики не убивали, нет, они просто бросали в холодное одиночество леса тех, кто подхватывал эту неизлечимую болезнь, посланную в наказание за грехи. И может ли выжить человек, оставшись в дикой местности без ухода, с высокой температурой и бредом, характерными для первой стадии болезни? И кто знает, какие еще опасности подстерегают людей в тени гигантских деревьев? Время от времени люди там видели чудовищ, и всегда это было ранним утром до восхода солнца или в сумерках.

Нейл задумался насчет этих «чудовищ». Рассказы домочадцев Козберга всегда имели дикий, достаточно странный привкус, но описание существ явно было рождено живым воображением. Все рассказы сходились только в одном — что неизвестное

существо было такого же цвета, что и окружающая его растительность, и что у него четыре конечности. Как оно ходило, на двух ногах или на четырех, свидетельства, похоже, расходились. Собаки на участках ненавидели это существо.

Любопытно, что характерной чертой поселенцев было отсутствие добра и сочувствия. Первые опасения Нейла относительно особенностей общества на Янусе полностью подтвердились. Вера любимцев небес была узкой и жестоко реакционной. Жители участков явно шагнули назад на тысячу лет, в прошлое своего рода. У них не было желания узнать что-нибудь о природе Януса, они лишь упорно, день за днем дрессировали страну, приспосабливая ее к образу жизни их родной планеты. Там, где другой тип поселенца пошел бы в глубину лесной страны для изучения, любимцы небес боялись подойти к дереву иначе, как с топором, ножом или лопатой, и жаждали только рубить, обдирать, выкапывать.

— Эй, Ренфо, наклоняй его! — крикнул Ласья, который тащился по полуразрытому участку, держа топор на плече.

Это был давний работник Козберга. Он взял на себя обязанность подгонять новичков. Следом за ним шел Тейлос с ведром грязной воды. Его лицо сморщилось от усилия, которого ему это стоило. Бывший воришка из Корвара старался использовать все хитрости и плутни, каким он научился в своем темном прошлом, чтобы облегчить себе жизнь. В первый день расчистки его вернули обратно в усадьбу с распухшей лодыжкой, и Нейлу показалось, что это было преднамеренно неудачное обращение с корчевальным крюком. Демонстративно прихрамывая при ходьбе, Тейлос добивался расположения на кухне и в ткацкой. Его лукавый язык был столь же быстр, сколь медлительны в работе руки. В конце концов, женское население дома Козберга приняло его в помощники. Таким образом он избавился от полевых работ. Правда, Нейл, слыша резкий голос хозяйки, сомневался, что Тейлос выбрал благую участь.

Сейчас Тейлос наклонился над стволом поваленного дерева и глупо ухмылялся за широкой спиной Ласьи, подмигивая Нейлу, в то время как тот начал обрабатывать один из стволов.

— Ну, видел каких-нибудь чудовищ? — спросил Тейлос, когда Нейл сделал паузу, чтобы подойти напиться. — Полагаю, что

за их шкуру можно получить хорошую цену в порту, но никто не был достаточно умен, чтобы взять с собой пару собак и немножко поохотиться.

Его полунамек указывал на мысль, которая бродила в сознании всех новичков, — каким-нибудь образом организовать самостоятельную торговлю, открыть кредит в порту и в один прекрасный день, пусть не скоро, получить свободу.

Ласья нахмурился.

— И не мечтай! Никакой торговли у тебя не будет, ты это знаешь, трусливый жук. Все, что ты добудешь или найдешь, принадлежит мастеру участка, не забывай этого! Не хочешь ли ты, чтобы тебя осудили, как грешника первой степени, и Говорящий наложил на тебя кару?

Нейл бросил взгляд через край деревянного ковша.

— Что здесь можно добыть или найти такого, что неугодно Говорящему?

Ласья нахмурился еще больше.

— Греховные вещи, — пробормотал он.

Нейл опустил ковш в бадью. Он заметил, что Сэм Тейлос внезапно вздрогнул и застыл в ожидании. Так как Ласья не продолжил, Тейлос задал вопрос, интересовавший как Нейла, так и его:

— Греховные вещи, вот как? И какие они, Ласья? Мы не хотим иметь дело с Говорящим, так что лучше скажи нам, чего не поднимать, если мы найдем. А то мы еще влезем в неприятности и уж тогда заявим, что нам не говорили. Козберг — двуногий ужас, это уж точно, но он может выслушать нас, если мы так скажем.

Тейлос был прав. Как бы ни был мастер участка суров, чувство справедливости у него оставалось. Справедливости, но не милосердия, конечно. Ласья замер с поднятым топором. Его нижняя губа подобралась, так что в профиль он стал похож на какую-то хищную птицу.

— Ладно, ладно! — Он резко опустил топор. — Иной раз люди, работающие на расчистке, находят вещи...

— Какие вещи? — перебил его Нейл.

Замешательство Ласьи возрастало.

— Вещи... ну, можно сказать, вроде сокровищ...

— Сокровища? — воскликнул Тейлос, и его бледные губы сжались, в сузившихся глазах блеснул жадный интерес.

— Какого рода сокровища? — спросил Нейл.

— Не знаю... ну, предметы... по виду как драгоценные...

— И что делают с этими вещами? — Тейлос облизал губы.

— По слову Говорящего их разбивают на куски и сжигают.

— Зачем? — спросил Нейл.

— Потому что они прокляты — вот почему! И всякий, кто их коснется, проклят тоже!

Тейлос усмехнулся:

— Драгоценности, значит. Пусть себе будут прокляты, лишь бы мы их нашли. Их можно отнести в порт и свободно обменять или продать. Зачем же их ломать? Может, они и здесь окажутся полезными — может, это машины, каких у нас нет, а мы надрываемся, валя деревья и выкорчевывая пни.

Ласья поднял на него тяжелый взгляд:

— Ну, ты-то не надрываешься, Тейлос. А любимцы небес не пользуются машинами. Во всяком случае, если кто-нибудь попытается сцапать сокровища и об этом узнают, его выгонят туда, — он ткнул большим пальцем в сторону леса, — одного, без еды, без инструментов, без всего, с голыми руками. И ты ничего не продашь в порту. Тебе не позволят идти в порт, пока не убедятся, что на тебе нет ничего, кроме штанов на голой заднице. Нет, они правы — эти сокровища не для того, чтобы их брать. Так что, если найдете, кричите, и достаточно громко.

— Откуда они появились? Я думал, в этом мире нет местной расы, — сказал Нейл.

— Конечно нет. Здесь никогда не встречали людей. Я как-то слышал, что эта планета известна уже более ста лет по планетному времени. Угольный Синдикат купил ее на первом аукционе Службы изысканий — для перепродажи. Это было задолго до войны. Но Синдикат только и сделал, что занес эту планету в свои списки и послал две экспедиции, которые ничего здесь не нашли. Тут пара маленьких морей, а все остальное — лес. Полезных ископаемых не обнаружено, по крайней мере, в таком количестве, чтобы имело смысл их добывать, вообще нет ничего, кроме деревьев. Когда это выяснилось, Синдикат решил избавиться от невыгодной планеты и продать ее поселенцам. Эти

любимцы небес раньше жили на каком-то клочке неплодородной земли на сверхсухой планете и лезли из кожи, чтобы как-нибудь выжить. Каким-то образом они сумели собрать нужную сумму для уплаты аванса Синдикату и ринулись сюда. Как раз в это время началась война. Акции Синдиката оказались у врага и обесценились, так что никто больше не являлся сюда требовать свою собственность. Насколько я знаю, любимцы небес таким образом получили весь Янус. У них есть для продажи латтамус и кора — достаточно для того, чтобы держать открытым космопорт и быть занесенными в торговые карты. Вот и вся история. И здесь не было и признаков аборигенов, просто эти сокровища появляются через время от времени. Никаких остатков, никаких развалин — ничто не указывает, чтобы тут когда-нибудь что-то было, кроме деревьев. А эти деревья росли — некоторые, конечно, — почти две тысячи планетных лет. Как раз такие мощные, чтобы быть убежищем для грабителей или им подобных. Но никогда не находили и следов посадки кораблей. Любимцы небес решили, что сокровища насаждает Темная Сила, желающая ввести людей в грех, и пока невозможно доказать, что это утверждение неверно.

Тейлос презрительно фыркнул.

— Ну и глупо же рассуждают!

— Может быть, но они здесь хозяева, — предупредил Ласья.

— А ты сам когда-нибудь видел эти сокровища? — спросил Нейл, возвращаясь к своей обычной работе.

— Один раз, на участке Моргейма — он следующий к югу. В том году там был лесоповал как раз в подходящее время для выжигания. И нашел его хозяйский сын. Они сразу позвали Говорящего и окружили нас, чтобы молиться и уничтожить находку. Однако им это не очень помогло, только подтвердило их точку зрения насчет греховности.

— Как?

— Ровно через неделю этот самый сын заболел зеленой лихорадкой. Они вывезли его в лес. Я был одним из его сторожей.

— А зачем его было сторожить?

— Больной зеленой лихорадкой полностью теряет соображение и иногда бежит куда попало. Его нельзя подпускать к людям, потому что тот, кого он коснется, заболеет тоже. Так что,

если он пытается сбежать, на него накидывают веревку и привязывают к дереву.

— И оставляют больного умирать! — Нейл уставился на Ласью.

— А больше ничего и не сделаешь, болезнь неизлечимая. Врач из порта сказал, что мы все можем ею заразиться. Иногда родня дает больному сонное питье, чтобы он умер во сне, но Говорящие говорят, что это неправильно: человек должен сознавать, какой он грешник. И знаешь, парень, больной ни в чем не нуждается, ни на что не смотрит. Он уже не человек. — Ласья ударил по дереву. — Говорят, что болезнь эта нападает на тех, кто нарушил какие-нибудь правила или был с чем-то не согласен. А этого Моргейма отец два раза учил в поле за то, что тот неправильно работал. Так что, когда он заболел, это было вроде наказания.

— Ты веришь этому? — спросил Нейл.

Ласья пожал плечами.

— Бывает, видишь, как это происходит, или слышишь о таких случаях. Все те, кого поразила зеленая лихорадка, имели неприятности с правилами поведения. Была одна девушка, вроде слегка свихнутая — все ходила в лес, говорила, что очень любит деревья. Ее крепко проучили за бродяжничество. Она была еще не вполне взрослая. Однажды ночью ее нашли в постели всю в жару и увезли прямо в лес. Неприятно было, она так кричала! А ее мать — вторая жена Козберга — впала в ужасное состояние. Старик запер ее на две недели, пока не удостоверился, что все благополучно прошло.

Нейл яростно спросил:

— Почему же ее просто не убили? Это было бы милосерднее!

Ласья хрюкнул.

— Они так не думают. Быть добрыми к ее телу — значит губить душу. Она умерла в муках, в соответствии с ее грехом. Они думают, что, если человек умрет не в Очищении, как они это называют, он вечно будет во тьме. Если на нем большой грех, он должен за него платить: либо принять нелегкую смерть, либо еще что-нибудь. Их образ мышления не изменишь, лучше не ввязываться. Они дают выучку всякому, не только своим верующим. Ну, хватит болтовни! Ты, Тейлос, давай проваливай с ве-

драми! Скажи мастеру участка, что груз у нас почти готов. И не мешкай по дороге.

Тейлос, вылив воду, заторопился, пока был в поле зрения Ласьи. По всей вероятности, эта быстрая походка превратилась в еле ползущую, когда он скрылся за кустарником. Поскольку обычно молчаливый Ласья сегодня был вроде бы разговорчив, Нейл решил воспользоваться этим и узнать, что можно.

— Ласья, здесь кто-нибудь покупал себе свободу?

— Свободу? — Дровосек, видимо, был оторван от каких-то своих мыслей. Он усмехнулся. — Не мучай себя, парень, не думай об этом. Если бы ты мог взять на плечи фэза и обежать с ним дважды вокруг участка, тогда ты мог бы думать о покупке свободы. Это гнусно-нищенский мир, и внешняя Опушка — владения Козберга. И он не отпустит ту пару рук, которую он добыл. Пока они еще могут работать, разумеется. Ты не очень силен, но ты не лодырь, как Тейлос. Ты выполняешь дневную норму. Я был военнопленным на Авалоне. По лагерю ходили и предлагали работу. И я согласился — это лучше, чем оставаться там взаперти и сойти с ума. Когда я сюда приехал, у меня тоже были идеи насчет того, чтобы выкупить себя. Но только здесь вся земля, каждый кусочек вонючего гнилого дерева принадлежит Небу, по их понятиям. И только истинно верующий может получить право на участок. Это хитрый трюк в их игре. Истинно верующий должен быть таковым от рождения. Они составили договор, когда покидали тот неудачный мир, где жили раньше, чтобы их не беспокоили посторонние с другими идеями. А раз уж ты не прирожденный верующий, ты не можешь сказать им, как ты был бы счастлив принять их веру. Ты здесь, и они зажмут тебя в кулак, если ты возмутишься, тебя проучат, а то и выгонят в лес, причем там, где захотят. А теперь давай-ка зачищай здесь. Нам лучше сделать красивый груз для старика, когда он придет нюхать вокруг.

Далеко ли они от порта? Добрый день путешествия в повозке, запряженной фэзами. Пешком, наверное, куда больше. Да и можно ли удрать с работы, даже если и добраться до этой единственной связи с космосом? Плата за проезд на космическом корабле будет баснословно высокой, а проситься в члены команды бесполезно. Симпатии офицеров всегда будут на сторо-

не мастера участка, а не рабочего, пытающегося удрать. И если здесь нет законной системы выкупа за свободу... Нейл яростно воткнул топор в твердое дерево. Не хотелось думать, что мрачная информация Ласьи правильная, но похоже, что так оно и есть.

Ласья оторвал его от тяжелых раздумий.

— Возьми-ка веревку и вытащи одно из тех бревен. Подтяни его сюда.

Нейл бросил топор и пошел к тому месту, где лежали сваленные за последние два дня деревья. Он все еще был вне зоны основного леса, но масса начавшей вянуть зелени действовала освежающе. Здесь природа ощущалась по-другому: здесь были ароматы, свободные от человеческой грязи. Он импульсивно сорвал горсть шелковистых листьев и прикоснулся к ним лицом, вдыхая их пряный аромат.

Внезапно ему захотелось уйти дальше, к деревьям. Что, если какой-то человек полюбит лес? Это будет означать изгнание в неизвестную местность. Но будет ли это хуже, чем жизнь на участке? Он думал об этом, обвязывая ствол веревкой. При первом рывке веревка больно врезалась ему в плечо. Слишком велико сопротивление. Нейл встал на колени и увидел, что ветка воткнулась в мягкую землю и крепко заякорила дерево. Он стал обрезать ее обдирочным ножом. Солнечный свет пробивался сквозь листву, и в том месте, где Нейл возился, что-то блеснуло. Нейл зацепил ладонью влажную глину и открыл то, что лежало под ней.

Он заморгал. Рассказ Ласьи не подготовил его к такому зрелищу. И в самом деле, что это? По виду вроде бы из дерева — на серой земле лежали шар, коробочка, стержень длиной в ладонь и толщиной дюйма в два, свернутое кольцом ожерелье из сверкающих зеленых капелек.

Рука Нейла протянулась к прутику и подняла его на свет. Он глубоко вздохнул в полном изумлении. Сколько лет уныния, однообразия, и вот он не мог дать названия тому, что держал в руке. Пруток приятно холодил руку, как весенняя вода, зачерпнутая из ручья, освежает рот. Он весь светился зеленым, золотым, опаловым цветами драгоценного камня. Его форма,

очертания приводили в восторг, очаровывали глаза. Это было сказочное чудо. И оно принадлежало ему. Ему!

Движимый инстинктивным страхом, Нейл огляделся вокруг. Разбивают, сжигают — вот что, по словам Ласьи, делают с такими вещами! Да, конечно, таковы их ограниченные воззрения. Сломать красоту, разрушить ее, как они ломают и разрушают красоту леса. У Нейла не было ни малейшей надежды сохранить сокровище целиком, он не хотел и пытаться сделать это, но этот стержень, эту трубку с ее пленяющей магической красотой он не мог отдать разрушению!

В любую минуту мог подойти Ласья, но можно ли где-то спрятать его?

Нейл крепко сжал свое сокровище в кулаке. Не найдется ли подходящего места в деревьях? Нейл встал, шагнул в тень деревьев и увидел в одном стволе темное дупло. Он сунул в него пруток как раз вовремя: Ласья замахал ему рукой.

Нейл метнулся обратно, закидал разрытую землю и стал тянуть за веревку. Ласья подошел к нему. Нейл не посмел оглянуться, посмотреть, закрылась ли вновь землей его находка.

— Пустоголовый дурень! — накинулся на него Ласья. — Чего ты надрываешь брюхо? Подложи под него ветку!

Ласья опустился на одно колено, чтобы копнуть ножом, как только что сделал Нейл, но вдруг отпрыгнул назад, словно наткнулся рукой на притаившегося ядовитого червя. Он вскочил и вцепился в Нейла, оттаскивая его от дерева и громко при этом призывая Козберга. Ласья повиновался закону.

Глава 4

ГРЕШНИК

Тейлос стоял у изголовья койки, сводя и разводя руки, словно хотел схватить что-то несуществующее. Он наклонился к Нейлу, то и дело облизывая губы бледным языком.

— Ты видел что-то, ты видел! Сокровище? Какое сокровище, парень?

Все двенадцать инопланетных рабочих спали в одном специально отведенном для этого помещении. Все они, кроме Ласьи,

который остался снаружи, как надзиратель, окружили Нейла. Одиннадцать пар глаз уставились на него.

— Ласья его выкопал, потому что дерево зацепилось ветвями. Я тянул веревку, а он копал. Вдруг он оттолкнул меня и позвал Козберга. Я увидел в земле что-то блестящее — вот и все.

— Зачем, зачем было звать Козберга? — спросил Тейлос, обращаясь ко всей компании. — Отнести клад в порт, и любой торговец выхватит его из рук и даст цену, достаточную, чтобы можно было уехать отсюда.

— Нет, — сказал, покачав головой, Ханноза, неразговорчивый человек, один из тех рабочих, что были здесь уже долго, — ты не в курсе, Тейлос. Ни один из торговцев, прибывших на Янус, не будет иметь дела с нами, потому что в противном случае потеряет портовую лицензию.

— Капитан — может быть, — согласился Тейлос. — Но не говори мне, что вся команда так уж и отвернется от выгодного дельца на стороне. Послушай, ты, грязный корчевщик, я с Корвара и знаю, как можно пристроить сокровища. За диковинные вещи дают большую цену, достаточно большую, чтобы неплохо заплатить всей цепочке — от члена команды до финального продавца в каком-нибудь богатом месте.

Ханноза по-прежнему качал головой.

— Тут дело в доверии. Ты знаешь или должен знать — в любом порту это означает наказание по полной строгости. За последние три года только в этом районе было найдено пять кладов, как говорят. И со всеми поступили одинаково: уничтожили под внимательным наблюдением.

— Зачем? — спросил Нейл. — Разве они не понимают, что это важные находки?

— Для кого важные? — возразил Ханноза. — Для любимцев небес важнее всего их вера и их образ жизни. Если известия о таких находках дойдут до археологов, придется открыть двери всем этим людям, которые бросятся на Янус. Это означает контакт с другими обычаями и верованиями. Любимцы небес считают, что этого не должно быть. С их точки зрения, в этих предметах заложено зло, вот они и уничтожают его.

— Это же глупо! — Тейлос ударил маленьким кулачком по койке. — Абсолютно глупо ломать такие вещи!

— Подойди, скажи об этом Козбергу, — посоветовал один из рабочих. — Мы же, поскольку во время церемонии продолжали работать на полях, должны немного отдохнуть. — И он вытянулся на своей койке, подавая пример другим.

Тейлос подошел к окну, хотя что он мог отсюда увидеть, Нейл не знал. Сам Нейл лег и закрыл глаза. Все его тело дрожало от сильного возбуждения, и он опасался, как бы остальные в комнате не почувствовали этого. Значит, он сделал невозможное, утаив для себя часть находки? Видно, удача благоволила ему.

Закрыв глаза, он снова увидел эту трубочку, ее цвет, ее узор и ощутил в ладони ее гладкость. Что это такое? Для чего она была сделана? Кто оставил ее там и зачем? Спрятано про запас или поспешно укрытая добыча? Хотелось бы порасспросить окружающих насчет других находок, но можно ли это сделать, не выдавая никому, что он знает об этой находке больше, чем говорит?

Если ему удастся сохранить свою находку, то прав ли Тейлос? Можно ли будет договориться с каким-нибудь членом экипажа? И каким образом он сможет впоследствии объяснить наличие у него денег? Впрочем, потом будет время, полно времени, чтобы об этом подумать. Все зависит от того, хорошо ли он спрятал трубку.

Зеленый, золотой, красный, синий и другие цвета, названий которых Нейл не знал, смешивались, кружились, составляя то один, то другой узор. Как хотелось бы Нейлу снова взять эту вещь в руки и посмотреть на нее подольше. Это была красота сама по себе, даже больше, чем красота: сердечность. Взять бы ее в руки и принести Мелани... Нейл вертелся на жесткой узкой койке возле стены из ободранных бревен.

— Выходи! — приказал Козберг, распахнув дверь.

Рабочие немедленно подчинились его реву.

Нейл вышел вслед за Ханнозой и увидел во дворе все население участка. Младенцы протестующе кричали на руках у матерей. Ребятишки стояли нахмуренные, удивленные. Сам Козберг, держа шапку в руках, стоял во главе всего семейства истинно верующих, лицом к человеку в длинном сером плаще поверх обычной тусклой одежды поселенца.

Незнакомец был с непокрытой головой, со всклокоченными волосами, такими же серыми, как и плащ, так что трудно было разобрать, где кончаются волосы и начинается ткань. На лице с густой бородой выделяется острый, как клюв, нос и удивительно бледные, с красным ободком, глаза. Один глаз все время слезился, слезы капали на широкую бороду и блестели на ней.

— Грешники! — словно кнут, хлестнул голос, такой же повелительный, как и у Козберга. Заметный трепет пробежал по семейству верующих при этом обвинении. — Темная Сила пробралась на ваш участок, чтобы поставить свою ловушку. Тьма тянется только ко тьме. Ваше Небо закрыто облаками.

Одна из женщин застонала. Два ребенка захныкали. Человек в плаще обратил взор к небу, которое действительно было облачным, более темным, чем обычно бывало по утрам, и запел, вернее, захрипел, как ржавая пила. Слова песни Нейл не понимал.

Все еще глядя в небо, незнакомец повернулся к лесу и, не глядя себе под ноги, тяжело пошел в том направлении. Верующие потянулись за ним, мужчины впереди, а Нейл присоединился к рабочим, которые держались в тылу.

Конечно, это было просто совпадение, но облака сгущались, жара спала, и откуда-то поднялся холодный ветер. Он подгонял их, пока они шли на поляну, где лежал клад.

Говорящий трижды обошел блестящую кучу, лежащую на земле, взял топор, которым раньше работал Ласья, и протянул его Козбергу. Мастер участка перевернул инструмент лезвием вверх и стал бить его тяжелой частью по драгоценным предметам, превращая их в неразличимую массу мелких обломков и пыли, в то время как Говорящий продолжал пение. Когда Козберг отошел, старик вытащил из-под плаща бластер старого образца и прицелился в груду осколков. Ослепительный луч ударил по этой мишени, и зрители попятились от жара вспышки. Затем все, что осталось от клада после такой жестокой расправы, было закопано в землю. Спикер обернулся к Козбергу:

— Вы будете очищаться, будете искупать грех, будете ждать!

Мастер участка кивнул косматой головой.

— Мы будем очищаться, будем искупать, будем ждать. — Они снова образовали процессию и пошли обратно через поля.

Тейлос первый спросил у одного из старожилов:

— Что будет дальше?

— Только одно, — ответил ему ветеран Бринхольд. — Ляжем спать на пустое брюхо. Ласья, почему ты не помешал этой вонючей мессе? Зачем ты навел старика на эту очистительную работу?

— Да уж, — хором поддержали его товарищи. — Теперь нам придется поститься, пока они умиротворяют Небо!

Ласья пожал плечами:

— Вы же знаете закон. Лучше пару деньков поголодать, чем получить полную выучку.

— Знаете, он прав, — поддержал Ханноза. — Просто нам не повезло, что мы это здесь нашли. Около двух лет назад сам Козберг наткнулся на такой клад.

Нейл повернулся к нему:

— Здесь же?

— Да. Козберг искал свою дочь. Она была странной девочкой и вечно убегала в лес, когда ей удавалось вырваться из дома. Говорили, что у нее голова не в порядке. — Спокойное лицо Ханнозы приняло выражение неприязни. — Я бы сказал, что у нее был атавизм — возвращение к тому состоянию, в котором этот народ был раньше, до того как стал верующими. И в моем мире ходили сказки о том, что раньше существовала другая раса; когда захватчики взяли их землю, эта раса спряталась. Время от времени люди этой старой расы заходят в дом, где есть новорожденный, и крадут ребенка, оставляя на его месте своего.

— Зачем? — спросил Нейл.

На него накатила волна странного возбуждения, как и тогда, когда он думал о спрятанном прутке.

— Кто знает? Может, для обновления крови в их умирающей расе. Во всяком случае, подменыш, как называли оставленного ребенка, был чуждым и странным и обычно рано умирал. Эйли была вроде этого, она вовсе не походила на остальных Козбергов, так что вполне могла быть из другой расы.

— Да, она и в самом деле была совсем другая, — согласился Ласья. — Не повезло ей.

— Что с ней случилось? — поинтересовался Нейл.

— Я же тебе рассказывал — она заболела зеленой лихорадкой, и ее выгнали в лес, как это всегда делается. Только ни к чему было поднимать такой шум насчет того, что она была грешницей. Она никому не делала вреда, просто хотела жить по-своему.

— А это здесь — грех. В других местах — тоже. Никто не должен отделяться от стада. Быть другим — настоящий непростительный грех, — сказал Ханноза, ложась на свою койку и закрывая глаза. — Ложись и отдыхай, парень. Мы не будем ни работать, ни есть, пока не кончится период очищения.

— Это долго?

Ханноза улыбнулся.

— Это зависит от даяния, которым Козберг отблагодарит Говорящего. Старый Хайзендер весьма сообразителен в смысле выгоды и знает, что наш уважаемый мастер хочет до зимы очистить западные поля, так что они поторгуются.

Они не нашли трубочку, думал Нейл, лежа на койке ранним утром. Он не видел ее в той куче уничтожаемых предметов. Когда он рискнет вернуться к своему тайнику и взять ее? Здравый смысл говорил, что надо ждать долго, но у него чесались руки: он жаждал этой трубки, как его тело жаждало пищи. Где-то в глубине сознания было удивление: почему его так занимает этот чуждый артефакт, почему эта вещь так притягивает его? Может, потому, что она дает шанс на освобождение в том случае, если ему удастся отнести ее в порт и продать? Или он просто хочет иметь ее? И это удивление было окрашено страхом.

Нейл, как мог, боролся с этим сильным притяжением. Он устал физически, но его мозг не успокаивался даже во сне. Он старался думать о всяких мелочах: о листьях деревьев, о глубинах леса за вырубкой, об ароматах цветов, о ветре, качающем ветви и кусты.

Видимо, он спал, потому что, когда открыл глаза, было темно. Он лежал на своей койке, слышал скрип дерева, вздохи, бормотание кого-то из соседей. Он был здесь, на участке Козберга, во владении, вырванном у леса Януса людской волей, упрямством и руками. Но где же еще он мог быть? Где-то в другом, *правильном* месте. Испуганный, Нейл обдумывал это впечатление, пытаясь понять смысл эмоционального впечатле-

ния. Он был где-то, и то место было правильным. Теперь он здесь — это неправильно, как поставленная не на свое место деталь машины.

Жарко. Он заперт в ящике, в западне. Он осторожно двинулся, прислушиваясь, как животное, проникшее на территорию своего врага. Ему хотелось выскочить наружу, в холодную темноту, а затем, через поля, поспешить к своему дереву, где лежало спрятанное. У него так тряслись руки, что он прижал их к груди, где дико колотилось сердце. Выйти отсюда — в ночь, на свободу!

Осторожность сдерживала его — но только до тех пор, пока он не перешагнул порог дома, где спали рабочие, а затем его захлестнуло бурное ликование, и он побежал, как бы заскользил по грубой поверхности полей, словно его вела связь с тем, что ждало его в дупле дерева. Темно, конечно, но это не та тьма, что скрывается в их бараке. И опять та часть сознания, которая еще могла удивляться и пока не была еще охвачена желанием, сжигающим Нейла, отметила, что он *видел* в этой темноте, что от него скрывалось только то, что в самой глубокой тени.

Когда он добежал до грубо расчищенного места, где они работали, ветер закрутился вокруг него, ласково приветствуя. Листья не шелестели теперь под ветром — они пели! И Нейлу тоже захотелось петь. Лишь последняя гаснущая искра сознания задушила звуки в его горле.

Воняет горелым... Нейл миновал то место, где Говорящий орудовал бластером, не сознавая, что его губы приподнялись как бы в рычании, что глаза его горят, что в нем поднимается ярость от осознания того, что случилось здесь несколько часов назад. Нейл прошел сквозь завесу кустов к дереву. Его пальцы прикоснулись к коре, гладкой, приветствующей...

«Почему приветствующей?» — спросил почти неслышный голос в Нейле. Но этот голос исчез, когда пальцы перешли от коры к трубке. Нейл достал ее и вскрикнул от восторга. Цвет — переливчатый, сочетающий оттенки, играющий, цвет откуда-то из того места, где Нейл хотел бы быть. Это ключ от его собственной калитки, которую он должен найти!

— Ну, так и есть, парень. Ты, значит, это сделал. Я так и думал.

Нейл повернулся, пригнувшись и прижав трубку к себе. Тейлос! Тейлос стоял там и ухмылялся.

— Урвал от них, Ренфо? Неплохой фокус. Хватит, чтобы покрыть долг, хватит для нас обоих!

— Нет! — Нейл лишь частично вышел из чар, которые держали его с тех пор, как он проснулся в спальном бараке. Единственное, в чем он был уверен, — что Тейлос не имеет и никогда не будет иметь той вещи, которую он, Нейл, держит в руках.

— Ну нет, ты не скинешь меня с хвоста, Ренфо. Стоит мне только заорать, как у тебя не останется никакого сокровища. Или ты не помнишь, что они сделали сегодня с остальными?

— У меня не будет, но и у тебя тоже, — сказал Нейл. Разум постепенно возвращался к нему.

— Верно. Но я не позволю тебе уйти с ним. Парни там говорили, что такие штуки находят здесь второй раз. А может, у тебя и еще? И от такого дела Сэма Тейлоса не отгонишь, никакому заморышу из Диппла этого не удастся! Вот увидишь!

Нейл плотно прижался спиной к дереву с дуплом.

— Нет!

— Нет? — Голос Тейлоса все еще держался на тоне обычного разговора, но рука его двинулась. При свете голубовато-зеленой луны Януса блеснуло лезвие ножа, направленное вперед и вверх. — Здешний народ не приемлет кровопускания, так, по крайней мере, говорили парни, но я-то ведь не верующий, и ты тоже. И ты отдашь эту вещь!

Нож резанул воздух. Тейлос, вооруженный обнаженным лезвием, жаждущий того, что держал Нейл, уже не был тем попрошайкой и лодырем, каким казался раньше.

— Так. — Из темноты выступили тени Козберга, его сына и двоих рабочих. — Так, Зло все еще здесь, и грешники тоже! Хорошо, что мы следили в эту ночь. Эндон, возьми коротышку!

Веревочная петля прижала руки Тейлоса к бокам, сделав его сопротивление невозможным.

Козберг посмотрел на Тейлоса.

— Он не коснулся этого. Намерение — еще не полный грех. Возьми его под стражу. Его поучат, хорошо поучат!

Второй жестокий рывок сбил Тейлоса с ног и вызвал у него несвязные вопли о пощаде и попытки оправдания. Но пинок Эндона объяснил ему мудрость молчания.

— А ты, — Козберг повернулся к Нейлу, — ты полный грешник, язычник! Ты нашел и скрыл! Ты навлек на нас гнев Неба!

Его рука двинулась с такой скоростью, какой Нейл не ожидал, и дубина обрушилась на предплечье юноши. Он невольно вскрикнул и упал на колени, но, несмотря на боль, не сводил глаз с выпавшей из рук трубки. Она выкатилась на открытое место и лежала, теплая, прекрасная, сияющая в лунном свете. Но так было лишь одно мгновение. Козберг наступил на нее тяжелым сапогом и раздавил в порошок все это тепло и жизнь.

Нейл закричал, бросился на тушу мастера участка, словно бы в пляске яростно разбрасывающего ногами опавшие листья и землю, но на него тут же обрушился удар, сделавший его слабым и беспомощным.

Мрак. Головная боль и вонючий мрак, вызывающий тошноту. Мрак... Как же огонь может сочетаться с мраком. Он лежал в пламени и не мог убежать. Огонь был и внутри, и снаружи — кругом. Весь мир пылал.

Много времени прошло с тех пор, как он пришел в себя в огне и мраке, просил воды, катался по земляному полу, разрывая и так уже рваную одежду. Еще больше времени он пробыл в другом месте, о котором ничего не помнил, но оно было куда более важно, чем тьма и огонь.

Ударил свет. Нейл зажмурился и закрыл лицо руками. Он отшатнулся от света, который смешался с болью в голове и пожиравшим его огнем. Но свет заполнил весь мир, и не было места, где можно было укрыться от него.

— Взгляните на него!

Отвращение, страх — эти эмоции дошли до него даже там, где он скорчился и дрожал.

— Зеленая лихорадка! Уведите его отсюда, у него зеленая лихорадка!

Другой голос хрипло каркнул:

— Небо покарало грешника. Поступите с ним по обычаю, мастер участка!

На Нейла накинули веревки, выволокли на свет, причинявший страшную боль глазам. Его подгоняли, толкали, тащили куда-то на подгибающихся ногах и волоком по земле. Это был кошмар. Он не понимал его, все это должно скоро кончиться, и он снова вернется во тьму.

Глава 5

ИЗМЕНИВШИЙСЯ

Вода... вода, бегущая по камням, поток под открытым небом... пить эту воду, лить на горящее тело. Лечь в текущую воду...

Нейл полз на коленях, щурясь от до боли яркого света. Но здесь были места прохладных теней, где свет приглушался, экранировался, и эти места становились все шире.

Ифткан... Силы Ларша напали на восходе луны, и кто-то слабый дал им возможность просочиться через Первый Круг. Так пал Ифткан, и ларши теперь охотятся за беглецами из Башни.

Нейл скорчился в зеленоватой тени и закрыл лицо руками. Ифткан... Ларши... Сны? Реальность? Вода... Ах, как нужна вода! Вздрагивая, он тащился между деревьями, находя путь на ощупь. Ноги тонули в опавших листьях, в мягкой земле. Над ним шептались ветви, и он в конце концов начал понимать их неясную чуждую речь.

Теперь он слышал журчание воды. Этот звук рос, уже ревел в его ушах. Нейл наполовину сполз, наполовину скатился по склону к водоему, куда вода поступала из маленького водопада, который можно было охватить двумя руками. Нейл погрузился в воду, омыл руки и голову, всю верхнюю часть своего горящего тела. Он жадно пил из сложенных ладоней и чувствовал, как жидкость бежит по его воспаленному горлу. Наконец он вылез и лег, глядя на кружево листьев и ветвей над головой, а высоко наверху был кружок чистого неба.

Нейл провел руками по лицу, по голове. Что-то запуталось в его пальцах, и он поднес их к глазам. Волосы, длинные мокрые волосы!

Он долго смотрел на них, затем снова поднял руку к голове и ощупал ее. Купание частично освежило его мозг. Он — Нейл

Ренфо, инопланетный рабочий на Янусе. Он был болен... болен.

Он резко вскочил, холодная дрожь сотрясала его. Его пальцы ощупали голый череп; прядка волос, что выпала при его первом прикосновении к голове, была последней.

Что с ним? Что с ним случилось? Его руки еще раз прошлись по голове, по ушам, и застыли. Он сел, прижав колени к груди и тяжело дыша. Затем его глаза, все еще болящие от слишком яркого света, увидели второй водоем, поменьше, в котором отражалась нависшая листва. Он пополз к воде и наклонился над ней.

— Не может быть! — вырвалось у него со стоном, и он ударил кулаком по поверхности воды, чтобы разбить это лживое зеркало, стереть то, что оно показывало. Но рябь на воде успокоилась, и он снова увидел, не очень отчетливо, но достаточно...

Он опять потрогал голову — проверить правдивость отражения. Безволосая голова, уши шире человеческих, с заостренными концами, выступающими выше макушки. И... — он вытянул перед собой дрожащие руки, заставляя свои глаза смотреть: его смуглая кожа стала зеленой. И это не отражение зелени деревьев, не шутки солнечного света Януса — он вправду стал зеленым!

Лохмотья его рубашки давно исчезли, и он увидел свою голую грудь, плечи, ребра. Все было зеленым. Не имело смысла снимать еще остававшиеся на нем брюки и разбитые сапоги — он знал, что цвет везде один. Юноша снова посмотрел на свое отражение в воде. Он больше не человек. Он был Нейлом Ренфо...

И был Айяром...

Он сжимал и выкручивал руки, не сознавая этих отчаянных жестов. Айяр из Ифткана, лорд Ки-Кик. Ларши сломали Первый Круг, они были во Внешних Посадках. Был сезон Серого Листа, и другого посева быть не могло.

Нейл раскачивался взад и вперед. Он не издавал ни звука, опасаясь, что лишился и голоса. Конец... Конец... Настали предсказанные времена — конец. Потому что варварство ларшей не было секретом. Они разрушали и не сажали вновь. Ког-

да Ифткан пал, Старая Раса умерла, и свет жизни и знания ушел с планеты.

Но он же был Нейлом Ренфо! Ифткан, Айяр, Ки-Кик, Ларш... Он отодвинулся от водяного зеркала и затряс головой, пытаясь забыть то, что увидел. У него жар, он просто бредит, вот и все. Его глаза болят от света, так? Вот они и сыграли с ним злую шутку. Ну конечно! Иначе и быть не может! Однако он больше не чувствовал сжигающего его жара. И он был голоден, очень голоден. Нейл медленно поднялся, обнаружил, что способен держаться прямо, и пошел. Спотыкаясь, он то поднимался, то опускался по небольшим плотинам, под которыми плескались маленькие водопады. По пути ему попались кусты со стручками величиной с мизинец. Он механически сорвал их, вылущил семена и положил их в рот. Сделав это несколько раз, он вдруг удивился: откуда ему известно, что они съедобны? Почему, когда он срывал их, ему казалось, что он ел их и раньше?

Ну конечно, ел. Это же фисан, друг охотника, на него всегда можно было рассчитывать в это время года, и он издавна угощался ими. Нейл остановился и отбросил последнюю горсть, будто обжегшись. Он не знал о таких вещах, не мог знать! Он снова сел на землю, обхватил руками колени и опустил на них голову. Его тело свернулось в клубок, словно хотело опять вернуться в небытие, в забвение. Может быть, если он заснет, то проснется — нормальным, в своем обычном виде? Но когда он снова поднял голову, то почувствовал себя бодрым и готовым к действиям, его ноздри раздувались, ощущая знакомые запахи, уши насторожились и указывали на источники звуков.

Приносящий боль солнечный свет ушел, сумерки были бальзамом для глаз, мягкие тени не мешали видеть. Нейл видел каждую жилку на листьях — такого зрения у него никогда не было! Он легко пошел, ступая мягко и уверенно.

Ниже по ручью кормился берфонд с детенышем. Нейлу не потребовалось смотреть из-за кустов: нос сказал ему, а уши уловили звук жадно жующих зубастых челюстей. А поодаль, на ветке дерева, распластался кикфин, с любопытством поглядывая на Нейла. «Берфонд», «кикфин». Нейл с удивлением повторял эти слова тихим шепотом. А в сознании рисовались образы живых существ, которых Нейл никогда, конечно, не видел.

Его охватила паника, убийственная, как луч бластера. Бластер? — спросила другая часть Нейла. Что такое бластер? Его руки скользнули по голове, прижали чудовищные уши. Берфонд — бластер... Воспоминания, чужие для разных половин его сознания, боролись между собой.

Он был Нейлом Ренфо, сыном вольного торговца, рожденным в космосе. Мелани... Диппл... Янус... продажа Козбергу... участок... все правильно. Он должен уйти отсюда, уйти к людям.

Нейл отвернулся от ручья и побежал, петляя между деревьями, но деревья росли гуще и гуще, и он повернул обратно к открытому пространству ручья. У него не было ведущей тропы, но была цель. Должны же деревья где-то кончиться. Есть же где-то открытое место, и там люди, люди его собственной породы. Это просто горячечный сон, бред, и Нейл должен доказать себе это!

Но пока он шел, уши и глаза сообщали сведения его мозгу, мозг давал ответы на то, что они обоняли, слышали и видели, а Нейл Ренфо совершенно в этом не участвовал. Его паническое бегство замедлилось, когда он больно ударился о дерево. Прерывистое дыхание стало успокаиваться, он снова поднял голову и отогнал дрожь и страх. Легкий шепот ветерка в листве, тепло... Тот же ветерок гладил его ласково по голой груди и плечам, и к нему пришло ощущение, что все хорошо, все правильно, так и следует жить. Будто он тоже пустил корни в землю под ногами, поднял качающиеся ветви-руки к небу в знак родства с миром леса.

Он пошел медленным шагом. Еще раз остановился, сорвал длинные узкие листья с низко наклонившейся ветки, растер их в руках и глубоко вдохнул их запах. В голове прояснилось, усталость ушла, появилось легкость и нетерпение.

Однако это нетерпение сменилось другим чувством, когда он вышел на прорубленную полосу, где поселенцы вели войну с диким лесом. Обломанные ветви, увядшие листья... Ноздри Нейла зашевелились в спазме отвращения, он зажмурился, не замечая этого. Запах смерти, разложения там, где этого не должно быть. И еще один неприятный запах — запах чужой жизни.

Он вышел по этому запаху в вырубки, хотя разреженные кусты царапали и рвали его ноги, когда он продирался. И вот он очутился на краю поля, где пни еще стояли, как безобразные

монументы смерти, постигшей деревья несколько дней назад. Нейл зарычал, глядя на это разорение, в нем поднялось нежелание идти дальше по открытому месту.

Вдали показались светящиеся точки. Его прищуренный взгляд остановился на них. Вероятно, это участок Козберга. Можно ли рискнуть подойти ближе? Это необходимо сделать. Он человек, а там были люди. Если он увидит их, поговорит с ними, он будет знать, что глаза его обманули там, в водном зеркале, что он вовсе не такой, каким себя увидел.

Хотя это желание узнать гнало Нейла вперед, он не пошел открыто — не столько потому, что понимал, к чему может это привести, а скорее инстинктивно, и этот инстинкт был совершенно чужд Нейлу Ренфо. Он шел бесшумно, ставя ноги с бесконечной осторожностью, и перебегал, согнувшись, от одного укрытия к другому — разведка глубоко во владениях врага.

Зловоние по-прежнему было тяжело для его носа, оно вызывало тошноту и усиливалось по мере приближения к усадьбе. Он был еще в поле, когда тишину прорезал лай — собаки! Это был их военный клич. Каким-то образом Нейл знал — будто не собаки лаяли, а люди стреляли и кричали, — что он, Нейл, являлся дичью. Значит, он в свое время правильно догадался — на участках держали именно четвероногих охотников на сбежавших рабочих.

Но Нейл вспомнил также обычай Козберга: ночью собаки в поле не выпускались, поскольку они могли увлечься охотой, убежать в лес и не вернуться. По ночам собаки охраняли усадьбу внутри ограждающей ее стены.

Да, это были владения Козберга. Нейл узнал очертания главного дома, вырисовывающегося в ночном небе. Там было одно место, где ловкий человек мог влезть на внешнюю стенку и заглянуть в окно верхнего этажа, не спускаясь во двор. Нейл должен был это сделать. Зачем? Этого он не мог себе объяснить.

Вздрагивая от собачьего лая, он бежал зигзагами от тени к тени, пока его рука не уперлась в стену дома. Он прыгнул вверх, не сознавая, что это движение куда более эффективно, чем когда-либо удавалось Нейлу Ренфо.

Убежища делались из убитых деревьев. Неужели эти люди не понимали, что деревья могли бы жить и радоваться жильцам?

Нет, эта порода обязательно должна убивать, пользоваться мертвыми, наваливать их вокруг себя до тех пор, пока от их берлоги не понесет вонью разложения, как из норы хищного келрока!

Вонь была такая сильная, что он едва мог ее переносить — его желудок протестовал. Нейл скорчился перед открытым окном и заглянул в освещенную комнату. Он дернулся и едва не потерял равновесие. Там... там существа, даже два! Они были чудовищами, такими же ужасными, как запах их мертвых логовищ!

Люди — долбила малая часть его сознания. Козберг-младший и женщина.

Чудовища! Отвратительно волосатые, как животные, чуждые не только разумом, но и телом. Разглядывая их, Нейл мог теперь, сам не понимая как, видеть их грубые помыслы, их ограниченность, и обе части его собственного разума безжалостно отталкивали это.

Женщина повернула голову и случайно бросила взгляд в окно. Рот ее исказился в истошном крике, пронзительном, бессмысленном.

Нейл соскочил со стены и легко приземлился на ноги. Женщина увидела его как раз тогда, когда он проникся возмущением и отказался от родства с этими представителями чуждой расы. Он бежал от вони мертвых деревьев и от тех созданий, что делали в них свои логовища. Он держал путь к лесу с его чистыми убежищами.

Но его отречение от поселенцев на этом не кончилось. Час спустя он лежал усталый, задыхающийся, все еще слыша остервенелый лай собак. Жители усадьбы пустили собак по его следу. Его спасло только то, что они держали собак на поводках. Однако, судя по звукам, они не пошли дальше расчищенного места. Может, они решили дождаться утра? А что, если они преодолеют свою ненависть к лесу и либо пойдут по его следу, либо спустят собак с поводков? Не лучше ли уйти в лесные глубины? Уйти дальше и оставить свое племя... Его племя?

О, Дух Космоса, кто же теперь был его племенем? Нейл вздрогнул. Отвращение к поселенцам было столь же реально, как горячечный жар, как головная боль. Он не может идти к этим людям и заявить о родстве с ними, и никогда не пойдет.

Этот факт нельзя было не признать. Что-то странное случилось с Нейлом — и снаружи, и внутри. Он больше не был Нейлом Ренфо. Хотя он сейчас и не видел собственного отражения в воде, но заглянул внутрь себя и понял, что его сознание изменилось, как и тело.

Айяр... Кто этот Айяр? Если он не Нейл Ренфо, то он Айяр. И он знал, кто или каков был Айяр: его настоящим домом был лес, его странные воспоминания приходили к Нейлу отрывочно, кусками. Он должен найти племя Айяра.

Да... но где искать следы этого странного племени? Физически, на лесных тропах, или мысленно? Этого Нейл не знал. Он отправился к единственному ориентиру, о котором знал, — назад к тому озерцу, где он впервые увидел отражение чужого лица.

И чем более он соглашался, что он уже не Нейл Ренфо, тем сильнее эта новая личность захватывала его, брала верх над сознанием Нейла. Он остановился и подергал шнурки тяжелых ботинок, висевших грузом на его ногах. Обувь должна быть совершенно другой — из кожи берфонда, хорошо прилегающей, высотой до колен, охотничьи сапоги, в которых чувствуешь каждую неровность почвы, а не эти неуклюжие покрышки, что заключают ноги в тюрьму. Он с раздражением потер брюки. Это тоже неправильное — бесформенное, грубое. Зеленовато-серый шелковистый материал, ласкающий тело, — скрученная паутина кладется на ростки стесса, и все вместе прессуется, чтобы высохло и выдержалось — вот настоящая одежда для леса. Ифткан... Но ведь здесь были ларши. Нейл наткнулся на дерево, остановился и потер голову. Нет ясной памяти, одни обрывки, отдельные странные сцены. Горсточка людей, похожих на него, в отчаянии защищается среди деревьев, тех деревьев, в которых живет, и умирают один за другим перед ордой дикарей... Орда рассыпается, крушит все... Каким-то образом он знал, что это был конец его племени.

А каково его племя? Кто такой Айяр? Нейл шел вслепую, хотя и знал, куда идет. Он должен прийти к озерцу.

И он пришел, упал в этом спокойном месте, снова напился, омыл вспотевшее тело. Узкий ручеек из озерца побежит к реке... и за реку. Нейл глубоко вздохнул. За рекой Ифткан, высокий,

прекрасный, с серебряными поющими листьями, деревья-башни Ифткана!

Но он устал, так устал! Он расслабился здесь, у воды, и усталость охватила его. Ноги болели — наверное, не надо было сбрасывать с них те сковывающие покрышки, но он просто не мог больше выносить их прикосновения. Он опустил ступни в воду, и вода пошла вокруг них рябью, успокаивая боль. Он вытер ноги пучком травы и свернулся подремать.

Звук пробудил Нейла от глубокого сна. Он не сразу пришел в себя, и каждая часть его сознания допрашивала чувства, куда более обостренные, чем у любого инопланетника. Он откатился под куст и посмотрел в небо.

Солнце еще не встало, но небо просветлело, и на этом фоне — инородное пятно. Флиттер из порта, маленький, двухместный. Летел он низко. Память Ренфо узнала его. Но зачем он здесь?

Может, Козберг вызвал его на помощь, чтобы охотиться за ним, Нейлом? А зачем? Скоро наступит день, Нейл уйдет в чащу леса и не покажется открыто при дневном свете. Лучше уйти сейчас же: на берег и через реку в Ифткан. Есть ли еще там дикари? Нет, это было в Ифткане очень-очень давно. Ифткан тянул Айяра, и Нейл Ренфо одобрил этот выбор.

Он пошел вниз по ручью, укрываясь под деревьями. Над его головой то усиливалось, то затихало мурлыканье мотора флиттера. Пилот явно искал что-то. Он вел машину кругами над лесом. Но что он мог увидеть внизу, кроме сплошного ковра крон деревьев, недоумевал Нейл. Однако круги были такими правильными, что не было никаких сомнений: пилот преследовал определенную цель.

Ручей, который вел Нейла, слился с другим, расширился, заметно ускорил течение. Там плавали водяные существа — а может, прыгали в воду из кустов, когда Нейл проходил мимо. Он обнаружил еще один куст фисана, нарвал стручков и стал жевать зерна на ходу.

Затем нос предупредил его об опасности. Не человеческий запах, но в некотором смысле значительно хуже. В сознании вспыхнула яркая картина: опасность многоногая, она прячется в засаде и кидается на любого, проходящего по ее охотничьей

территории. Нейл вздрогнул и ухватился за низко висящую ветку. Он взобрался на дерево и прошел над тропой со злым запахом, перебираясь по ветвям с одного дерева на другое, пока, наконец, запах совсем не ослаб.

Наступил день, но яркие лучи солнца не добрались сюда. Затем Нейл увидел впереди ослепительный свет, отражающийся в быстро бегущей воде. Он прикрыл рукой глаза и попытался разобраться, что находится на другом берегу. Неужели это и есть Ифткан?

Глава 6

МЕРТВЫЙ ИФТКАН

Темная зелень, но только местами. Есть и белые пятна — абсолютно белые стволы мертвых деревьев, вокруг которых растет лишь мелкий кустарник и несколько задержавшихся в росте чахлых молодых деревьев. В сознании Нейла ожили серебряно-зеленые высокие и прекрасные деревья-башни Ифткана. Ах, если бы он мог вспомнить яснее! И больше!

Нейл смотрел сквозь щелочки между пальцами. Река была широкой, но в ней были камни, выступавшие над обмелевшим за лето потоком. По ним можно перебраться, но... под открытым небом, где слышался гул флиттера.

Можно, конечно, скользнуть в воду чуть восточнее и плыть по течению к тому месту, где из воды торчат камни. Там прибились сломанные грозой ветви и листья, они могут служить укрытием.

Нейл прислушался к угрожающим звукам над головой, пытаясь определить, как далеко находится флиттер и какую часть берега может сейчас видеть пилот. Он не рискнул глядеть на небо; его глаза протестовали даже против незначительного количества света, и он боялся ослепнуть. Он снял брюки — зеленое тело менее заметно. Пора! Насколько Нейл мог судить, флиттер был в дальнем конце описываемого им круга. Нейл пополз к воде, стараясь все время быть под прикрытием. Флиттер развернулся. Нейл замер, распластавшись по земле, как насекомое под

гигантским сапогом, который вот-вот его раздавит, отчаянно желая слепоты пилоту и невидимости себе.

Мотор громко гудел в его ушах. Может, машина зависла и уже направляет сжигающий луч прямо на него? Страшным усилием воли он заставил себя лежать неподвижно, слушать и ждать.

Нет, не зависла. Прошла с юга. Когда она станет поворачивать, нужно бросаться в воду. Он прислушался, а затем двинулся.

Вода холодила его голое тело, когда он вошел в нее без предательского всплеска и отдался на волю течения. Флиттер возвращался.

Ногти Нейла царапали скалу, когда он вцепился в ее теневую сторону, стараясь быть как можно более незаметным. Ему повезло — машина прошла мимо. Нейл отпустил камень и опять поплыл по течению. Ухватившись за следующий камень, он уже не смог сдержать себя, выскочил из воды, пробежал по камням и нырнул под прикрытие куста на другом берегу, в футе от белеющих костей мертвого дерева-башни Ифткана.

Некоторое время он просто лежал, прислушиваясь, боясь, что выдал себя этим приступом паники. Но жужжание снова ослабло — флиттер ушел к северу. Значит, он не заметил Нейла. Теперь надо найти укрытие и ждать вечера, благоприятного для его болевших глаз. Нейл протянул руку к высохшей коре мертвого дерева. Он был огромен, этот ствол. Ведь это Ифткан, где некоторые деревья росли уже тысячу планетарных лет. Он отдернул руку, как от мертвеца, и почувствовал такое же отвращение, что и на участке. Живые не должны укрываться среди мертвых.

Нейл пошел прочь от берега, стараясь скрываться. Вокруг были деревья, лишенные листвы, давным-давно погибшие, но все еще стоявшие, как памятники своей смерти. Тут была тишина, на этих окраинах Ифткана. Шаги Нейла не встревожили ни птиц, ни мелких насекомых. Жизни здесь не было. И не было здесь песни ветра, той песни, слова которой Нейл почти понимал. И флиттер не последовал за ним, а по-прежнему кружил над рекой.

Нейл прошел Первый Круг. Здесь был пояс густой зелени, и в нем возвышались кроны двух молодых деревьев, бесфор-

менные, неухоженные, просто живые растения, и только. Нейл подошел к одному из них и погладил ствол. Кора, казалось, пульсировала под его рукой, как если бы он гладил любимое животное, которое в ответ выгибало спину, плотнее прижимаясь к его ладони.

Он монотонно, почти шепотом, запел:

Расти, расти, сначала семя,
Затем младой росток
От корня в рост пойдет.
Пусть дышит тело дерева,
Его листва шуршит.
И ифт — по сути, дерево,
А дерево — как ифт!

— Что значат эти слова? — спросил Нейл Ренфо.

— Рост слов, власть слов, слова узнавания, — ответил Айяр. Мертвое не окончательно умерло! Торжество ларшей неполное. И эти молодые деревья посажены правильно — хоть одна-две из Великих Крон еще живы!

Идя петляющей тропой между мертвыми стволами, Нейл углублялся в неизвестное. Вот еще одно живое дерево. А там...

Он остановился в изумлении. Старое. Очень старое. Огромное. Это... Его расплывчатая память выделила, нашла — это была Ифтсайга, древняя цитадель Юга. И она была жива!

Лестница не свисала с громадных веток, распростертых высоко над головой Нейла. Не было никакой возможности добраться до дупла, которое он видел среди мощных ветвей. И у Нейла не было крыльев. Он медленно повернул голову, потому что в ветерке, шевелящем листья, он уловил слабый намек на какой-то другой запах.

Идя по этому запаху, он обнаружил то, что в другом случае обязательно пропустил бы, — лежащую на земле и заботливо прикрытую лестницу из молодого деревца. Иноземец или колонист принял бы ее просто за мертвое дерево с обрубками веток, все еще выступающими из ствола. Айяр из Ифткана тотчас узнал ее, приставил к стволу Ифтсайги и проворно взобрался по ней на ветку такой толщины, что по ней могли идти рядом четыре человека. Он пошел по ней и только на секунду задержал-

ся у входа в дупло, прежде чем шагнуть в прошлое — далекое, далекое прошлое.

Стены этой круглой комнаты были очень толстыми, как были и в те времена, когда жизнь и сила Ифтсайги еще обитала здесь — живая оболочка, скрытая в выдолбленном стволе. Запах, приведший Нейла к лестнице, здесь был сильнее. Но верхняя комната была пуста. На потолке над головой Нейла пульсировал свет — ларгасы, личинки, гроздьями сидящие в сердцевине дерева, привлекали своими фосфоресцирующими телами крошечных насекомых и пожирали их. Они расположились кольцом вокруг отверстия, через которое вверх и вниз по середине ствола проходил столб. Нейлу захотелось спуститься вниз. Держась руками и ногами за старые пазы в стволе, он быстро спустился. Этот запах все еще держался здесь, но было ясно, что те, кто были здесь, ушли дня четыре назад.

Еще одна комната, на этот раз не пустая. Нейл огляделся. Мягкий свет, исходящий от такой же группы личинок, был вполне достаточным. В комнате несколько резных табуретов, сложенные кучей циновки. А у дальней стены...

Он бросился туда, нетерпеливо протягивая руки, чтобы откинуть узорчатую крышку с сундучка, мастерски сработанного из разных пород дерева в сложном их сочетании. Опустившись перед сундучком на колено, он отвернул защитную покрышку из коры и свистнул от восторга, достав из промасленного гнезда оружие.

Оно сияло мягким зеленовато-серебряным блеском, это оружие — меч с листовидным лезвием, отлично сбалансированный. Этот меч, наверное, был выкован специально для Нейла, так как его украшенная драгоценными камнями рукоятка удобно лежала в руке, когда Нейл взмахнул мечом для проверки. Для Нейла Ренфо этот меч был необычным, хотя и прекрасным оружием. Для Айяра он был самым подходящим ответом на его желание иметь хоть что-то для защиты.

Меч, дополненный ножнами и плечевым ремнем, которые Нейл нашел при дальнейшем осмотре сундучка, был не единственным, в чем Нейл нуждался. Он начал осматривать мебель в древесной комнате.

В длинной плетеной корзине — аккуратно сложенная одежда. Когда он встряхнул ее, чтобы посмотреть и примерить на свое тощее тело, из складок посыпались ароматические листья. Нейл оделся. Мягкий зеленовато-серебряно-коричневый материал растягивался и сам прилаживался к каждому движению тела: узкие штаны, туника, с вышивкой на груди серебряным шнуром, мягкие сапоги, о которых он мечтал, плащ с капюшоном и драгоценной пряжкой у шеи — все было странным и, в то же время, очень знакомым. Нейл разглядывал материал на бедрах. Он удивлялся, почему и как он знает все мелочи этой другой жизни. Он охотно принял Айяра с его отрывочными воспоминаниями, его чуждым знанием, а не отталкивал, как чужака, вторгшегося в его сознание. Это был мир Айяра, а не его. Мудрость говорила, что нужно принять этот факт и, насколько возможно, строить будущее исходя из этого.

Он сел на груду матов, жуя хрустящее печенье из чего-то, и пытался привести свои мысли в порядок, вернуться к началу всего этого. Нейл Ренфо нашел спрятанное таинственное сокровище, которое неизвестно почему не раз уже находили во владениях Верующих. Отсюда все и началось. Он смутно помнил о зеленой лихорадке. Его вытащили из комнаты-тюрьмы на участке Козберга и решили его судьбу: ссылка и смерть в лесу. Но Нейл Ренфо не умер. Точнее, умер не полностью, а стал Айяром из Ифткана, у которого тоже были свои воспоминания — о сражении в городе громадных деревьев, о горечи окончательного и полного поражения.

Он и физически не был теперь Нейлом Ренфо; он был зеленокожим большеухим жителем леса, и его появление вызвало панику среди жителей участка. Он был чудовищем.

Зеленая лихорадка — изменение — чудовище... Последовательность событий заставляла думать, что они взаимосвязаны. Но ведь заболевали и другие — и тоже изменялись. Руки его, поднесшие ко рту подобие хлеба, замерли. Если так, то они тоже, может быть, были здесь! Может быть, это они оставили свой запах, след своего пребывания, и, значит, он не одинок в своем изгнании!

Они были здесь и оставили свои вещи аккуратно сложенным до их будущего возвращения. Наверное, лучше всего ждать их

здесь. Ему все равно нужен отдых, и он не хотел делать что-нибудь такое, что может вызвать любопытство со стороны людей из флиттера. Он подождет до ночи, потому что ночь принадлежит ему.

Нейл покончил с хлебом и улегся на циновках, накрывшись плащом. Обнаженный меч лежал рядом, чтобы в любой момент он мог схватить его рукоятку. Он сонно щурился на кольца личинок. Некоторые выпускали нить с липкими точками, чтобы лучше захватить свою законную добычу, лениво парившую в воздухе. Спокойствие сошло на Нейла. Казалось, живое дерево окутало это комнату успокаивающими чарами, и Нейл уснул.

Он не знал, долго ли спал, но проснулся моментально, с настороженными чувствами. В комнате ничего не изменилось, никаких звуков он не слышал. Он встал, подошел к столбу и, повинуясь инстинкту, спустился на другой уровень Ифтсайги. Там была третья круглая комната, чуть шире предыдущей. Вдоль стен стояли сундучки, один был выдвинут. Нейл поднял крышку, сдвинул кожаную упаковку и не смог удержаться от изумленного восклицания.

Зеленые камни ожерелья, ящичек, трубка, сверкающая разными цветами, еще что-то — все эти вещи были точной копией сокровища, найденного им на вырубке! Нейл вытащил цветную трубку. Она была такой же, какую Козберг растоптал в порошок: та же игра красок, меняющийся узор на поверхности. Как это могло быть? Он осторожно брал каждую вещь, разглядывал ее и осторожно откладывал в сторону. Сундучок еще далеко не опустел; там лежал еще второй слой кожаного материала, а под ним еще сокровища. Нейл осторожно развернул предметы, сел на пол, все еще придерживая рукой крышку сундука, и задумался. Два ряда сокровищ, и оба — точно такие же, как те, что уничтожил Козберг. А все другие клады, найденные на участках и сожженные, были такими же? И если да, то почему?

Что это? Ритуальные предметы, принесенные в жертву, или важные отметки? Нейл поискал ответ в памяти Айяра, но не нашел. То ли Айяр об этом не знал, то ли между памятью его и Нейла Ренфо был поставлен барьер. Но все же была какая-то причина прятать эти вещи здесь, в лесу, в хранилище. Этот сундук был отодвинут от других — зачем? Чтобы легче было

извлечь из него часть содержимого? А зачем? Нейл готов был громко выкрикнуть этот вопрос.

Может быть, где-нибудь еще в Ифтсайге он найдет ответ. Но когда он прошел еще ниже по шесту-лестнице, то увидел, что вход в нижние комнаты запечатан. И как он в раздражении ни колотил по закрытым отверстиям, закругленное дерево не поддавалось. Расстроенный, он вернулся в ту комнату, где спал, и решил подняться выше.

Тусклый предвечерний свет проникал через отверстие у ветви, когда он достиг выхода. Снаружи не доносилось ни звука, кроме шелеста листьев. Через две-три секунды он поднялся на следующий уровень. Здесь не было личинок-ларгасов на потолке, лишь серый свет проникал сквозь дупло-окно. В комнате не было ничего, кроме пыли и нескольких как-то попавших сюда опавших листьев. Возможно, и на более высоких уровнях было то же самое, но Нейл решил все-таки пройти еще одну-две комнаты.

Он был еще на столбе-лестнице, когда услышал яростное щелканье, закончившееся свистящим призывом низкого тона, в котором явно слышалась настойчивость. И Айяр ответил на это рывком вверх на максимальной скорости. Нейл увидел хлопающие крылья, лицо в перьях и громадные глаза, окруженные темным кольцом, отчего они казались еще больше. И когда глаза Нейла встретились с этим неподвижным взглядом, он оторопел.

Речь? Нет, свист и щелканье большого изогнутого клюва не укладывалось в человеческую речь. Однако это крылатое существо узнало его, просило о помощи, напоминая о союзе между ними!

Союз... Не тот, что существует между человеком и животными, а союз между равными формами жизни, с равными, хотя различными разумами. В первый момент понимания Нейл был так поражен, как если бы дерево, укрывшее их обоих, заговорило по-человечески.

Птица была ранена. В нее стреляли из бластера. У Нейла возник странно искаженный мысленный образ охотника, похоже, переданный ему другим разумом. Кто-то из порта от скуки решил поохотиться. Нейл смотрел на волочащееся крыло: опа-

ленные перья, ссадину от луча бластера. Эта птица с Януса была не маленькой — размах крыльев почти в пять футов. Ее тело, одетое в пушистые бело-серые перья, стоящее на мощных когтистых лапах, было создано для охоты. Теперь просьба о помощи и внимании резко проявилась в голове Нейла.

Птица позволила ему осмотреть ожог. Рана была не столь значительна, чтобы покалечить птицу, лишить ее возможности летать. Нейл принял еще одно расплывчатое мысленное впечатление жертвы, перелетавшей с дерева на дерево, чтобы уйти в лес подальше от инопланетников, но не имел ни малейшего представления, что делать с такой раной.

Птица присела перед Нейлом, сложив здоровое крыло и распустив больное. Нейл вздрогнул, когда чужое сознание насильно вторглось в его собственное. Казалось, будто сознание имело две версии, в основном похожие, но различающиеся в мелких деталях. И эти записи должны были быть подогнаны друг к другу для создания образа. Они совпадали, но не полностью, а лишь в главных точках, но и этого было достаточно.

— Да! — сказал Нейл вслух, словно птица могла его понять. — Да! — И он быстро спустился в свою бывшую спальню. В той плетеной корзине, где он взял одежду, он видел мешочек. Повесив его за шнурок на руку, он снова поднялся туда, где ждала его птица.

Осторожно смешав измельченные в порошок листья из одной коробочки с пастой из другой, он бережно обмазал обожженное место на крыле. Птица снова засвистела и пошла по кругу, словно пробуя свои возможности, но взлететь не пыталась.

— Кто ты или что? — неожиданно спросил Нейл. Но ответ пришел не от птицы, а от Айяра.

Кваррины, древесные жители, в далеком прошлом заключили пакт о дружбе и союзе с ифтами, которые тоже были древесными жителями и любили лесной мир. Охотник на двух ногах и крылатый охотник; воин с мечом и воин с когтями при необходимости охотились и сражались бок о бок, потому что по какому-то капризу природы они были способны в какой-то мере общаться друг с другом. Это не был союз между мыслящим человеком и управляемым инстинктом животным или птицей,

это было партнерство равных, хотя и различных разумов. Раненый кваррин отправился туда, где надеялся найти помощь, и требовал ее от Нейла по праву.

Движимый каким-то непонятным чувством, Нейл протянул правую руку. Круглая голова с ушами в пучках перьев, напоминающими остроконечные уши Нейла, чуть наклонилась вперед. Большие глаза с оранжевыми огоньками в глубине изучали протянутую руку со странной настойчивостью. Затем голова наклонилась ниже, страшный крючковатый клюв раскрылся и сомкнулся на человеческой плоти, но не щипал и рвал, а лишь крепко сжал, как человек пожимает товарищу руку в знак благодарности и дружбы — быстро сжал и почти сразу же отпустил. Нейл довольно улыбнулся. Нейл-Айяр больше не одинок в мертвом Ифткане.

Глава 7

СДВОЕННЫЙ СЛЕД

— Хурурр. — Нейл назвал птицу по имени. — Я думаю, они не скоро вернутся.

Он сидел в верхней комнате Ифтсайги и ждал возвращения незнакомцев.

Три дня, вернее, три ночи, потому что теперь активным временем для него стала ночь — и нет никаких признаков, что какой-нибудь ифт взбирается по лестнице или устраивает себе лагерь в дупле дерева. Теперь нос Нейла подсказывал, что, похоже, он прибыл сюда всего лишь несколько часов спустя после их ухода.

Несмотря на терпеливые попытки мысленного общения с кваррином, он не мог понять, то ли птица отстала от какого-то ифта, то ли связь между крылатыми и двуногими была большей, нежели случайное знакомство. Без понятной им обоим речи мысленный контакт мог передать только самые необходимые мысли и нужды.

Но Хурурр составлял компанию Нейлу, и тот привык разговаривать с птицей. Не было причин оставаться в Ифтсайге, если она сейчас пуста. Но кто были временно жившие здесь?

Другие измененные, такие же, как и он, или остатки племени настоящих ифтов, кто выжил и является теперь лишь тенью того, чем они были раньше?

Тревожило, что знания Айяра все еще доходили до Нейла только отрывками, кусками, в них были провалы, и они не соединялись в единое целое. То, что имело отношение к повседневному кругу поддержания жизни, легко пришло к Нейлу. Он точно знал, куда идти внутри дерева за водой и пищей. Но насчет всего остального эти чужие воспоминания были смутными и разрозненными.

Когда-то на Янусе было две расы: ифты, жители деревьев, обладатели знания, позволявшего им формировать растения и заботиться о них, так что у них было родство, если не телом, то чувством с лесом; и ларши, более примитивные, не похожие ни умственно, ни физически на лесных людей. Ларши боялись «магии» древесного народа, этот страх привел их к желанию убивать, уничтожить ифтов полностью, как сейчас поселенцы старались уничтожить лес. Однако ларши не были инопланетными колонистами, и война между ифтами и ларшами велась столетиями. Ифты вымерли давно, очень давно. Но почему же Айяр помнил? И каким образом Айяр стал частью Нейла Ренфо; или Нейл Ренфо стал частью Айяра?

Как только мысли Нейла попадали в такое русло, он всегда чувствовал тревогу и начинал ходить по древесной комнате, в то время как Хурурр нетерпеливо щелкал клювом.

— Нет, — повторял Нейл, — они не вернутся. Все здесь подготовлено к долгому периоду ожидания. Мечи были смазаны маслом, все остальное убрано. Они ушли... Я опоздал!

Если бы он мог учуять следы тех, кто был здесь, найти их, он узнал бы правду. И не было признаков, чтобы поселенцы или портовые флиттеры появлялись на этом берегу реки. Он никогда не слышал об Ифткане, а ведь такой участок леса с почти мертвыми деревьями вполне мог быть захвачен поселенцами, если бы они знали о его существовании. Не слишком ли поздно пытаться выследить неизвестных?

— Хурурр. — Нейл пристально посмотрел в большие глаза птицы. — Я должен пойти за ними.

Как словами, так и мыслью Нейл старался объяснить свое желание, пользуясь этой удивительной смесью.

Птица распахнула крылья, проверяя поврежденное крыло, и издала охотничий клич. Хурурр был в порядке, но Нейл должен был идти один. Кваррин не хотел оставлять Ифткан и свои охотничьи угодья.

Одно дело принять решение, а другое — его выполнять. Нейл выбрался из Ифтсайги и убрал лестницу туда, где нашел ее. Он не думал, что те, кого он ищет, еще находящегося в районе Ифткана, даже если остались другие деревья-башни.

Но куда идти? На север, на юг, на запад? На юге участки поселенцев. Нейл подумал, что может спокойно исключить это направление. Он почему-то был уверен, что не найдет тех, кого ищет, вблизи мест обитания инопланетников. На запад, где, как говорят карты, неподалеку один из узких, словно палец, морских заливов? В конце концов он решил, что направление ему выберет случай и... ветер. Потому что ветер, вздыхающий среди листвы, странным образом сопутствовал судьбе, он был успокаивающим голосом над головой. И ветер гнал Нейла на запад. Он сделал ошибку, что задержался слишком долго в Ифтсайге, запах, который мог бы вести его, теперь пропал. Однако он все же надеялся на помощь своего носа, который уловит признаки жизни в мертвом лесу.

Жизнь там была, память Айяра подсказывала о ней — животные, летающие существа на клочках растительности, кое-где имеющейся возле голых стволов мертвых деревьев-башен, особенно в Первом Круге. Там деревья были опалены мертвящим огнем и сгнили, потому что лежали на земле. И расстилавшаяся на многие мили вокруг местность выглядела уныло, но уже наполовину закрылась буйно растущими рядами тех растений, которые ифты в старые времена никогда не приняли бы и не позволили бы им расти возле своего города. Полузнание Нейла советовало ему держаться подальше от некоторых растений с отвратительным запахом, щиплющим ноздри. И попадались усыпанные колючками лианы, стелющиеся по земле и готовые схватить неосторожного.

В этой нездоровой массе пряталась другая жизнь, враждебная человеку. Разрушение, произведенное ларшами, дало до-

рогу Осквернению и Злу, которые всегда ждут случая разбить защитную стену и теперь вошли и жадно захватили когда-то чистый город. Внутренняя часть Ифткана стала дурным местом, мерзким склепом, и Нейл заколебался, идти ли в этом направлении. Пока он размышлял, память Айяра зашевелилась и выдала странные эмоции. Нейл почувствовал не только отвращение, но и опасность, явное предупреждение, что там находится нечто чужое и опасное.

Оставалась река. Если идти по берегу, можно дойти до моря. Но зачем ему море? Страной ифтов был лес, а не беспокойная вода на западе. Однако ветер гнал его в сторону моря.

Нейл отошел от края пустоши к бегущей воде и пошел по берегу в надежде найти место, где можно будет безопасно углубиться в лес. Луна превратилась на воде в серебряную ленту, сминаемую и прерываемую течением, и показывала ему дорогу.

На заре он устроил себе гнездо в густой чаще, укрывшей его от солнца, и лежал там, слушая убаюкивающее бормотание воды. В этом полусонном состоянии он увидел еще одну отрывочную картину из памяти Айяра — лодку с гребцами, одетыми в одежду ифтов, смотрящими глазами ифтов, с мечами ифтов. Они направляли лодку между опасными скалами, где кипела вода. Это были морские воины ифта, они шли по древнему пути — по воде.

Поздним вечером Нейл вновь пошел вдоль берега и вскоре обнаружил во впадине скалы стоянку. Он остановился, пытаясь уловить желанный след запаха, который еще не успел унести ветер. Затем осмотрел пол впадины, пытаясь найти какой-нибудь след, доказывающий правильность его догадок. Эту каменную чашу заполнял речной песок. Просеивая его между пальцами, Нейл нашел расплющенный стручок фисана. Поблизости не было ни одного куста фисана, так что стручок не мог попасть сюда естественным путем. Значит, Нейл был прав. Здесь недавно проходили, кого он искал. Как и люди в лодке, в его видении, они шли к морю!

Он ушел со стоянки, и его шаг сменился рысью — его подгоняло усиливающееся чувство, что ему совершенно необходимо догнать незнакомцев, и как можно скорее, иначе будет поздно. Почему поздно? Это опять-таки одна из тайн, которые были его

уделом на Янусе. Нейл не мог отогнать это ощущение, оно все усиливалось, так что он даже не остановился с восходом солнца и шел дальше, стараясь передвигаться под покровом леса. Но к середине утра ему стало ясно, что дальше идти нельзя, потому что лес начал редеть, стало меньше больших деревьев, и они стояли далеко друг от друга. В основном была мелкая поросль и кустарник, разделенные обширными травянистыми полянами.

Нейл нашел себе убежище в тени, но она была непостоянной и недостаточно густой, чтобы ему было действительно удобно. Все его тело болело от усталости, ему нужен был отдых, но его грызла необходимость торопиться, так что этот отдых был всего лишь нетерпеливым ожиданием вечера.

В сумерках он вышел на открытое место, на вершину холма. Прямо перед ним была низина, где река впадала в море. С каждой стороны стеной стояли утесы. Нейл спустился с холма и пошел к северной точке утеса. Может, расстояние оказалось обманчивым, может, ноги вязли в песочных дюнах, только шел он медленно. Он не мог измерить время, но ему казалось, что прошло не меньше часа, пока он дошел до подножия утеса. Он чувствовал запах моря и ветра, слышал, как волны бьются о берег.

Он взобрался на утес и перегнулся через край северного склона. Он увидел внизу море. Утес, на который он взобрался, имел двойника в полумиле отсюда, и между ними волны омывали берег, создавая естественную гавань. И в этой гавани укрывался теперь...

Корабль?

Нет, этот предмет не походил ни на какой корабль, который когда-либо видел Нейл. Он скорее напоминал гигантское бревно, обтесанное волнами сверху и снизу. Не было ни весел, ни парусов, ни отверстий в закругленной части поверхности, лежащей над ватерлинией. И на этот раз память Айяра не давала никаких объяснений. Однако Нейл знал, что огромные бревна просто так не плавают по морям. Есть ли в нем люди? И если есть, то куда оно несет их теперь?

Бревно медленно покачивалось на волнах. Нейл рассматривал спуск, ища тропу. Он отступил на некоторое расстояние,

двинулся вдоль утеса и вскоре увидел тропу, спускающуюся к морю.

Когда он спустился, бревно, которое, казалось, плавало само по себе, вдруг повернулось носом к морю и поплыло, рассекая волны.

Нейл закричал и, спотыкаясь, бросился к воде. Волна захлестнула его ноги. Он не видел ничего, кроме бревна. Оно было управляемо и плыло к какой-то цели — это было ясно. Теперь оно быстро уходило в открытое море. Нейл опоздал!

Он медленно отступил от пены прибоя и только тогда увидел множество отпечатков на песке. Место посадки?

Нейл осмотрел следы. Они, как ему показалось, отмечали конец вполне определенного пути, идущего изнутри континента. Единственный источник ответов на все его вопросы — бревно, которое, конечно, было не просто бревном. Оно теперь недосягаемо. Но откуда идет этот след? Из Ифткана? Или из какого-нибудь другого места? След был совсем свежим.

Когда бревно стало черной точкой, Нейл отвернулся от моря и пошел по следу тех, кто вел это странное судно.

Много позже он лежал на ковре из листьев и смотрел сквозь завесу кустов. Он никак не ожидал, что через две ночи след приведет его снова через реку и на юг, к Опушке поселенцев. Последний час он шел вдоль границы участка — не Козберга, много западнее. Этот участок был меньше, более новый, менее благоустроенный.

Незнакомцы обследовали его, придя сюда с северо-востока, возможно, прямо из Ифткана. И они потратили некоторое время, чтобы исходить вдоль и поперек две другие вырубки к югу и к западу, словно искали кого-то или чего-то. Нейл нашел место, где двое отдыхали некоторое время — может, день, а то и больше. Не следили ли они за деятельностью на участке? Может, планировали набег? Конечно, они приняли меры, чтобы их не заметили. Они следили, выслеживали... что? Из этого места их след вел к морю. Значит, миссия здесь была либо выполнена, либо отменена.

Было раннее утро. У Нейла оставалось очень мало времени на расследование: пора было прятаться в дупло, в котором те прятались раньше от дневного света. Он слышал звуки про-

буждающейся на участке жизни — лай собак, пофыркивания фэзов у стены. Если мастер участка достаточно напорист, его рабочие могут начать свой рабочий день еще до восхода солнца.

У Нейла вдруг забрезжила мысль: может быть, здесь спрятано сокровище. Тайник мог быть устроен так хитро, чтобы кто-нибудь с участка мог его найти, и сокровище это вовсе не осталось от старых времен, а положено недавно. И если его отгадка правильна, то он знает, где увидеть подтверждение. Юноша пополз вокруг бревен, осторожно осматривая землю.

Но то, что он искал, было помещено не вблизи поваленных деревьев, а среди диких ягодных кустов. Усыпанные ягодами ветки были заботливо поправлены, чтобы скрыть разрытую землю, но блеск металла привлекал взгляд. И ягоды тоже. Нейл знал это. Они были сладкие и радовали всех, кого мучила жажда. Приманка была отлично задумана. Любой работающий здесь захочет полакомиться ягодами и, конечно, увидит металлические предметы...

Голоса на участке заставили Нейла поспешить к убежищу. Он был прав: рабочие спозаранок шли на работу. А что, если они возьмут с собой несколько собак?

Он шмыгнул в кусты и побежал. Через несколько минут он был в потайном месте и внимательно прислушивался к усиливающемуся шуму повозок, едущих по полям к вырубке, где был ягодный куст.

Незнакомцы, теперь он был в этом уверен, ставили ловушки с приманкой! И сам он попал в такой капкан. В разрозненной картине появился еще один кусочек. Трубка, которую он спрятал, желая сохранить, и зеленая лихорадка — были ли они связаны друг с другом? Вполне возможно. Те, кто грешил, пряча или просто беря в руки сокровище, бывали быстро наказаны — причина и следствие, которые были даже ближе к истине, чем думали поселенцы. Но цель этой хитро продуманной схемы все еще ускользала от Нейла. Он уверился теперь, что его болезнь была не случайной, естественной, а вызванной и контролируемой чьей-то волей. И он стал другим человеком, чужим самому себе не только физически, но и умственно.

Ловушки — охотники — бревно — судно — Ифткан — Айяр... Голова Нейла тупо ныла, будто в его черепе что-то билось

в наглухо закрытую дверь... Какая-то тайная часть его самого сражалась за свою свободу.

Нейл почувствовал неприятный запах людей и животных, но собачьего лая не было слышно. Он решил, что будет оставаться поблизости до тех пор, пока не увидит, как ловушка захлопнется, пока не узнает, что последует за этим.

Глава 8

ПОИМКА

Нейл быстро обнаружил, что убежище, где он скрывался, было не зря выбрано теми, кто был здесь раньше, как наблюдательный пункт — из него хорошо просматривалась вырубка.

Отряд рабочих здесь был меньше, чем у Козберга — всего два раба и трое бородатых верующих, один из которых был совсем молодым. Они начали работать далеко от ягодного куста. Мастер участка работал энергично и сосредоточенно и, как видно, управлял участком железной рукой. Работа была точно такой же, на какой раньше надрывался и Нейл. Но теперь в нем поднялась злоба — они разрушали хорошее, правильное, отвратительно уродовали место. Когда он смотрел на лидера этой банды, его пальцы бессознательно сжимали эфес меча. Ужасно было оставаться здесь, но Нейла удерживала необходимость узнать, что произойдет, если кто-нибудь найдет клад. Скроет ли нашедший его от хозяина, постарается ли завладеть частью сокровища?

Нейл внимательно следил за рабочими и не сразу заметил, как в конце вырубки появилась еще одна маленькая группа. Он вздрогнул, увидев юбку.

По первому впечатлению, женская часть верующих так же усиленно старалась казаться некрасивой, как женщины других миров стараются поддерживать красоту. Мешкообразное коричневое одеяние, заношенное до серого цвета, волосы зачесаны назад в тугой узел. Выходя из дому, женщины следовали диктатам Правил и закрывали лицо тряпичной маской с прорезями, что делало их всех одинаковыми и отвратительными. Они не отходили далеко от домов и участков. За все время, что

Нейл пробыл у Козберга, он ни разу не видел, чтобы какая-нибудь женщина ходила дальше поля или конюшни, исключая те случаи, когда их вели в дурацкой маске и плаще с капюшоном на еженедельный Небесный Сход.

Но здесь женщину сопровождали две фигуры поменьше. Все замаскированные, они шли собирать ягоды.

— Хо! — Мастер взмахнул топором и опустил его, не сделав полного удара. Женщина остановилась и повернулась к нему. Ее маленькие спутницы чуть отступили за ее спину. Так они и стояли, пока мастер перелезал через ствол срубленного дерева и шел к ним.

— Что тебе, девушка, здесь надо? — спросил он. Красная, натруженная рука показала на обильный урожай ягод.

— Кусты должны быть скоро выкорчеваны, — сказала она тихим невыразительным голосом, — зачем же пропадать урожаю?

Мастер обдумал эту точку зрения, подошел ближе к кустам, как бы прикидывая ценность ягодного изобилия, и наконец кивнул.

— Делай свою работу, девушка, — приказал он, — и поторапливайся, мы хотим до ночи тут все расчистить.

Как только он отошел, дети бросились собирать ягоды. Женщина некоторое время стояла, повернув голову к лесу, и Нейлу показалось, что ее глаза смотрят не на ягоды, а на лесную страну. Затем она сделала необычную вещь: потянула пальцами стебель с гроздью белых мелких цветочков, быстро оглянулась по сторонам, понюхала цветущую ветку, а затем стала собирать ягоды в корзинку быстрыми уверенными движениями.

Случайно или намеренно, она шла, срывая на ходу ягоды, так, что очень скоро кусты заслонили ее от рабочих. Добавив последнюю горсть ягод в корзинку, она поставила ее на землю и выпрямилась, вглядываясь в глубину леса. Ее руки отбросили капюшон, нетерпеливым жестом она скинула маску, и подбородок ее вздернулся, как показалось Нейлу, с вызовом.

У нее была бледная кожа, как у всех женщин участка, черты ее лица не имели ни намека на красоту, но она была молода, почти девочка. Нос с высокой переносицей, маленький рот с бледными губами, глаза хорошего разреза, но кустистые брови над ними казались грубым и отталкивающим обрамлением.

Нет, она даже отдаленно не была миловидной по иноземным стандартам, а тот чужак, что был в Нейле, нашел ее бледную кожу отталкивающе безобразной.

Она прижала ладони к щекам — Нейл не понял этого жеста, — а затем быстро пошла вперед. Ее убогая юбка цеплялась за кусты. Скрывшись за нависающими деревьями, она опять остановилась и стояла неподвижно, подняв голову, будто чего-то ждала. Ее рука опять нерешительно потянулась к цветущей ветке. Она взяла цветы в ладони, как в чашу, и поднесла к лицу, а затем, быстро и воровато оглянувшись через плечо, сунула цветы за ворот платья. Голова ее снова поднялась, глаза искали что-то в зеленовато-серебристой завесе деревьев.

— Эшла!

Девушка вздрогнула. Рука ее нервно вытащила из-за ворота цветы и отбросила их жестом отречения, а затем стала быстро прилаживать маску. Откликнувшись девочке и подождав ее, она взглянула в ее корзинку.

— Ты хорошо поработала, Самира, — сказала она одобрительно и с теплотой в голосе, чего не было, когда она разговаривала с мастером участка. — Скажи Эльзе и Арме, что вы теперь можете съесть горсточку и сами.

Замаскированный ребенок поднял голову и с сомнением спросил:

— Это разрешено?

— Разрешено, Самира. Я отвечаю за это.

Когда девочка убежала, Эшла вернулась к своему сбору, продвигаясь к ветке, склоненной над ловушкой. Глаза Нейла болели; солнце пробивалось отовсюду и слепило его. Но ему нужно было быть свидетелем того, что сейчас произойдет. Найдет ли она? Или спрятанное останется ждать кого-нибудь из рабочих, который придет корчевать куст?

Девушка потянула ветку к себе и стала обеими руками срывать ягоды. Потом отвела ветку как можно дальше и застыла, наклонив замаскированное лицо. Она повернула голову к детям, но те уже почти скрылись из виду, лишь их темная одежда пятнами виднелась меж кустов. Девушка схватила сухую ветку и быстрым ударом воткнула ее в землю.

Зеленый огонь сверкнул так ярко, что Нейл прикрыл глаза рукой. Когда он снова открыл их, девушка уже держала перед собой ожерелье. Выражения ее лица нельзя было видеть под маской, но она не издала ни звука, не звала людей, а растянула ожерелье, так что кружево из камней мягко свисало ровными рядами. Нейл, уделивший не слишком много внимания этой части клада, не мог сейчас не оценить всей его красоты. Если камни были настоящими, девушка с участка держала теперь в руках стоимость целого королевства. Такое ожерелье могла бы надеть на свою коронацию императрица. И у Нейла не было причин думать, что это не драгоценные камни.

Как бы не в силах совладать со своим желанием, Эшла приложила прекрасную вещь к себе, и грубая ткань платья по контрасту показалась еще безобразнее. Может быть, девушка тоже подумала об этом, потому что быстро отвела от себя камни. Затем, к удивлению Нейла, она сложила ожерелье, завернула его в большой лист, сорванный с ближайшего дерева, и обвязала травяным жгутом. Быстрый взгляд показал ей, что дети не обращают на нее внимания. Она быстро пошла в лес. Обутые в грубые сандалии ноги показывались из-под ее широкого платья, когда она разгребала влажные листья, потом положила туда свою находку и быстро завалила камнем. Это было сделано так ловко, словно такие действия она производила и раньше.

Эшла в последний раз осмотрелась и заторопилась обратно к кусту. Здесь она воткнутой в землю веткой она прикрыла оставшиеся сокровища.

— Эшла! — раздался голос мастера, и одна из девочек схватила девушку за юбку. Та быстро кивнула ребенку, и все трое пошли к открытому месту.

Итак, даже верующие не застрахованы от искушения! Нейл вспомнил историю дочери Козберга. Наверное, она тоже спрятала часть сокровища, как пытался сделать и он сам, и как только что сделала Эшла.

Звон топоров и громкие голоса рабочих отметили перемену места их работы. Скоро они дойдут до ягодной тропинки и будут слишком близко от его наблюдательного пункта. Придется отползти дальше.

Нейл нашел убежище, куда звуки топоров едва доносились, и проспал остаток дня. В сумерках он проснулся. У него еще оставался хлеб, взятый из запасов Ифтсайги, и он не торопясь поел. В эту ночь не было луны, ветер был мягкий, насыщенный влагой. Скоро будет дождь.

Он мог бы остаться в дупле и переждать грозу, но он хотел знать, нашли ли тайник те, кто работал на расчистке. Есть ли у них здесь сторож? Или страх перед ночным лесом удержит их?

Нейл перебрался к вырубке с большой осторожностью, нюхая воздух, прислушиваясь к каждому шороху, смотря во все глаза. Камень, оставленный Эшлой для отметки, оставался нетронутым. Но дальше кусты были выкорчеваны, и... Нейл почувствовал запах врага. К счастью, ветер дул в направлении Нейла, а не наоборот. Готовый к неприятностям, он быстро отступил в лес и тут же услышал кашляющий лай собаки, сопровождаемый возбужденными криками по меньшей мере двоих людей.

Сторожа правильно сделали, взяв с собой сторожевую собаку. Но Нейл не думал, что они рискнут преследовать его; суеверный страх перед лесной страной ночью наверняка удваивался. Кроме того, он был уверен, что они его не видели. Поселенцы, по крайней мере Козберг, были убеждены, что лес населен невидимыми врагами. Шум, поднятый собакой, могли объяснить появлением какого-нибудь животного. Но охотиться на него не будут.

Присутствие сторожей на вырубке означало, что тайник открыт, что завтра или послезавтра, как только Мастер Участка сумеет вызвать Говорящего, греховные предметы будут торжественно уничтожены, и «грех» всей маленькой общины будет очищаться постом и ритуалами. Самое лучшее — лежать тихо, пока все не кончится.

Зато он узнал, что его догадки относительно ловушек правильны. Теперь он должен узнать, последует ли Эшла тем же путем — заболеет ли зеленой лихорадкой, будет ли изгнана, как заразная, и, в конце концов, станет ли такой же, как он.

Кому и зачем это надо? Эти вопросы все еще стояли перед ним, но важнее было другое: что ему теперь делать? Вернуться в Ифткан и ждать? Или?..

В этот момент до Нейла дошло, что лес населен не только друзьями и забывать об этом нельзя.

Он упал ничком, когда в нос ему ударила ошеломляющая вонь, но был уже не в силах освободить правую ногу из клейкой петли. И вот он повис головой вниз над ямой, откуда доносился тошнотворный запах.

Келрок! Так память Нейла определила врага и метод его нападения. Нейл извивался, пытаясь поднять голову и плечи. Меч болтался в его руке. Ему удалось упереться локтями в стенку ямы и частично повернуть плечи. Он выставил острие меча лишь за секунду до того, как фосфоресцирующая масса на другой стороне прыгнула.

Келрок сделал летящий прыжок, чтобы пришпилить своим весом качающееся тело жертвы к земляной стене, но со всей силы наткнулся брюхом на меч, выставленный Нейлом.

Нейл вскрикнул, когда когти полоснули по его ногам, когда отвратительная тяжелая смердящая масса ударилась о него. Затем раздался тонкий визг. Он был так высок, что вызвал резкую боль в голове. Келрок упал вниз, кувыркаясь и визжа, в глубину своей ловушки, унося с собой глубоко вонзившийся ему в брюхо меч.

Нейл, близкий к беспамятству, опять опустил голову вниз. Но память Айяра подстрекала его к действиям. Висеть так — смерть, даже если келрок тоже получил смертельный удар. Надо пытаться выбраться.

На одной руке была кровоточащая ссадина, ноги изодраны, но Нейл должен освободиться — должен! Он крутился и извивался, обдирая тело о стенку.

Возможно, сила прыжка келрока уже ослабила толстую, как шнурок, паутину, что держала Нейла, а может, и его собственные усилия перетерли ее о грубый край ямы — только она подалась, и Нейл упал вниз, на дно ямы.

Светящаяся глыба, бывшая хозяином этой западни, лежала на спине. Ее когтистые лапы еще шевелились, рукоятка меча торчала из брюха. Нейл кое-как поднялся на ноги и нагнулся, чтобы вытащить свое запачканное оружие. Затем воткнул меч в земляную стенку, чтобы очистить его, и ошеломленно огляделся.

Взобраться по этим стенам было явно невозможно. Они были сделаны специально так, чтобы не допускать побега жертвы из ловушки. Но келроки обязательно имеют внизу выход. Они не могли зависеть в своем пропитании только от ловушки.

Но... такой выход возможен только через гнездо келрока, и там могли быть еще обитатели. Память Айяра была достаточно отчетлива, чтобы заставить Нейла вздрогнуть. Двинуться нужно сейчас же, до того как там кто-нибудь зашевелится! Нейл обошел вокруг мертвого келрока, придерживаясь рукой за стену. Боль в израненных ногах усилилась. Надо идти, пока он вообще не лишился способности двигать ногами.

Так и есть: отверстие в темноту, из которого исходит зловоние. Поборов страх и отвращение, Нейл просунулся туда с мечом впереди и пополз по проходу.

Стенки были гладкими, отполированными телом келрока. Это было давнее, хорошо устроенное логово — тем больше оснований опасаться выводка! И здесь было так темно, что даже ночное зрение Нейла при всем его высоком качестве не могло помочь. Нос? Но можно ли выделить один злой запах из общего зловония в этом дьявольском месте? Уши? Теперь судьба Нейла целиком зависела только от них, поэтому продвигался он медленно.

Так он полз, раскачивая перед собой меч, чтобы проверить, нет ли других отверстий с боков или сверху, часто останавливаясь и прислушиваясь. Если в гнезде есть обитатели, предупредят ли они его шорохом ног по земле, движением тела?

Острие меча встретило слева пустоту. Нейл застыл, прислушиваясь. Ничего. Может, дети чудовища затаились для прыжка? И есть ли они тут вообще? Задерживаться Нейл боялся. Это было труднейшее испытание для его мужества и воли, когда он медленно пополз вперед, в невидимое отверстие, с единственной защитой — мечом — впереди, а позади лежала смерть, не внезапная, но очень страшная.

Кончик меча уперся в стену. Тупик. Теперь придется пятиться назад, не зная, откуда произойдет нападение. Это был такой же бесконечный кошмар, от какого он, бывало, просыпался в поту, дрожа.

Тишина. Никаких звуков позади. Но Нейл все еще не был уверен, что гнездо пусто. На такую удачу не стоило рассчитывать. Одно неосторожное движение может все изменить. Быть начеку, прислушиваться, ползти... Правда, Нейл не представлял себе, как он сможет повернуться в этом узком проходе, если придется сражаться.

Наконец поверхность под ним стала круто подниматься. Он глубоко вздохнул. Выход! Он воткнул меч в землю, чтобы упереться в него и выползти. И попал под холодный дождь, хлестнувший по его телу. Неподалеку слышался шум реки. Река... А за ней — Ифткан!

Впоследствии Нейл считал, что в эту минуту Айяр полностью овладел им, как в то время, когда болезнь держала его и обрывки сна окутывали его сознание. Реальны ли были те минуты, когда он лез по мокрым камням и бурный поток перекатывался над ним, когда он шатался под ударами ливня и стрелы молний показали ему мертвую башню города из деревьев?

Раздался оглушительный удар грома, молния сверкнула так ослепительно, что почернел весь мир. И о дальнейшем Нейл уже ничего не помнил.

Деревья. Ифтсайга! Нейл лежал и смотрел вверх, на мощную древнюю цитадель, на ее серебристо-зеленую крону, поднимающуюся так высоко, что листья казались цветным туманом в небе, почти так же высоко, как и звезды.

Ларши! Нейл сел и схватился за меч, оглядываясь в поисках врага. Все тело у него болело от ран, полученных в сражении. Он выжил, проскочив во Второй Круг.

— Дкагна! Майдар! — позвал он слабым шепотом. Над его головой пронесся свист. Нейл держал меч наготове. Захлопали широкие белые крылья, и ноги птицы коснулись земли. Кваррин подошел к Нейлу, в его клюве болтался мешочек.

— Хурурр! — Нейл выпустил рукоять меча и заморгал, снова ощутив то, что знал Айяр. — Хурурр!

Птица уронила мешочек в руку Нейла, треща и щелкая в ответ. Затем кваррин медленно обошел вокруг Нейла, как бы осматривая его раны. Нейл вернулся под защиту Ифткана, хотя решительно ничего не помнил с того момента, как выполз из норы келрока.

Глава 9

ЧУДОВИЩЕ

Когда Нейл вышел победителем из западни келрока, в лесу бушевала буря, и с тех пор гроза так и не прекратилась. Нейл лечил свои раны тем же лекарством, которое употребил для обожженного крыла Хурурра. Он лежал в Ифтсайге на матах, а живое дерево стен комнаты трепетало и пело под яростным ветром.

Однажды раздался грохот более сильный, чем громовой раскат, и вся Ифтсайга вздрогнула от сотрясения, а Нейл испугался, не угрожает ли землетрясение корням цитадели, но потом понял, что это одно из деревьев-башен разрушено молнией и сбито ветром — потому и грохот.

Невозможно было определить течение времени, не было периодов дневной жары и благословенной прохлады ночи. Хурурр сновал из комнаты в комнату, складывая крылья, чтобы подняться или спуститься по лестнице, навестить Нейла и снова уйти. Кваррин был недоволен, что гроза держала его здесь в плену.

Однажды Нейл, проснувшись в тишине, попробовал вытянуть ноги и почувствовал, что они болят значительно меньше. Значит, он уже может кое-как двигаться. И ветер стих, дерево молчало, его не трясло и не било грозой.

Нейл сменил свою рваную и грязную одежду на чистую из здешних запасов, поднялся к выходу и посмотрел на лес при бледном свете закрытого облаками солнца. Гроза и вправду наделала бед. Деревья, что стояли белыми скелетами в зелени молодой поросли, были разбиты, расщеплены. От обугленных стволов поднимался дымок. На западе, где простиралась опустошенная Злом земля, медленно перемещался мрак, будто где-то вблизи все еще горел огонь.

С высокой ветви Нейл видел сквозь обтрепанную бурей листву другой берег реки. В воздухе было по-прежнему холодно. Сколько же времени прошло с тех пор, как он попал на Янус? Нейл попытался подсчитать число прожитых планетных дней, сначала в уме, а потом, по-детски, на пальцах, и обнаружил

слишком много противоречий. Козберг взял его в середине лета. В конце сезона дни стали холоднее. И на участке он слышал, что зима в этих краях бывает сухой и жестокой.

Однако — опять подсказывала память Айяра — в давние времена были другие зимы, когда люди не прятались в убежища от ударов шторма, и листья на деревьях оставались, только становились более серебряными, пока открывшиеся новые почки не скидывали их весной. Но это было до смерти Ифткана.

Теперь поселенцы готовятся к холодному сезону. И этот недавний ураган был первым предвестником конца осени. Нейл радовался, что на нем плащ, когда ветер пронизывающе обдувал ветку, на которой он сидел. Зима — это опавшие листья, голый лес, и, если случится облава, у беглеца будет куда меньше шансов. Как знать, может, именно приближение зимы и погнало незнакомцев из Ифткана в море? Он, сидя в Ифтсайге, прокручивал эту мысль, соображая. Участки выжигают именно зимой. За огнем никто не следит, как бы далеко в лес он ни распространился. Чем дальше вгрызется пламя в лесную страну, тем лучше для поселенцев. А здесь мертвые деревья могли бы превратить умерший город в один гигантский факел.

Уйти куда-нибудь на запад, поближе к морю... В таком походе на запад он может пройти мимо пограничного участка и посмотреть, что случилось с Эшлой. Сегодня... Нет, надо, пожалуй, отдохнуть еще денек. Раны затянутся, и он пойдет легче и быстрее.

В эту ночь он охотился с Хурурром. Птица бесшумно нападала на берфонда, била его крыльями и лапами, а меч Нейла обрывал жизнь животного. Он развел на камнях небольшой костер, поджарил на заостренных прутьях ароматное мясо и нашел его очень вкусным, особенно после долгого пребывания на хлебе из запасов незнакомцев, ягодах и стручках. Память Айяра говорила, что так делалось часто в старой свободной жизни ифтов.

На четвертую ночь после окончания бури Нейл нашел среди запасов дорожный мешок на тот случай, если он не сможет быстро вернуться и путешествие затянется. В него он положил смену одежды, включая сапоги из шкур, хлеб, мешочек с целебной мазью, нож. Нейл осмотрел во время сборов все ящики

и сундуки, но ничего из сокровищ нижней комнаты не тронул. Почему-то теперь ему не хотелось иметь дело с этими предметами. Он готов был согласиться с поселенцами, что над тайниками висит проклятие, а проверять эту теорию у него не было желания.

Когда он остановился у подножия Ифтсайги, собираясь уйти, его охватило внезапное ощущение опасности, такое сильное, что лишь усилием воли он заставил себя двинуться.

Откуда-то появился Хурурр и пролетел над Нейлом с беспокойными криками. Кваррин передавал человеку искаженное сообщение: опасность! Встревоженный Нейл остановился и посмотрел на птицу, усевшуюся теперь прямо над его головой.

— Где? — мысленно и вслух спросил он. Но сообщения, полученные в ответ, были настолько отрывочными, настолько чуждыми, что не давали настоящего ответа. Ясно было только, что опасность не новая, что она древняя, древнее, может быть, самого Ифткана.

— Огонь? Поселенцы? — спрашивал Нейл. Нет, это было что-то другое. И затем пришел ответ, более четкий, более ясный. С запада шла угроза — с пустынного пятна. Берегись, держись подальше от него. Там живет древнее зло, оно может снова развиться, если его разбудить.

Каким образом разбудить? Разбудить что? Но Хурурр не дал вразумительного ответа.

— Ладно, — согласился Нейл, — я пойду той дорогой. — Он мысленно изобразил юго-западную дорогу вниз к реке, к участку, где жила Эшла.

Круглые глаза Хурурра глядели на него оценивающе. Теперь от птицы не исходило смутной мысли. Может быть, он рассматривал ответ Нейла, поворачивая его в мозгу и сравнивая с собственным мнением?

— Ты тоже пойдешь? — спросил Нейл.

Иметь спутником остроглазого крылатого охотника означало бы для Нейла двойную безопасность. Он не сомневался, что у кваррина чувства куда острее, чем у человека.

Хохлатая голова Хурурра повернулась. Кваррин посмотрел на запад, против которого он только что предупреждал Нейла, расправил крылья, как бы собираясь напасть на добычу или на

врага, и негромко зашипел. В этом шипении слышались ярость и холодная, змеиная злоба. Он олицетворял собой вызов.

Да, это был вызов! Хурурр выступал против чего-то страшного. Нейл отчаянно пытался добраться до сознания кваррина, получить информацию, скрывавшуюся в этой хохлатой голове. Снова прижав крылья к телу, скребя когтями по ветке, кваррин боком подошел к месту точно над головой Нейла и еще раз подал голос, но уже не шипел, а щелкал клювом. Нейл понял, что это знак согласия.

Вода в реке поднялась, скалы покрылись ожерельем пены. Обломки ветвей, обломанных бурей, во множестве плыли по течению. Переправиться через реку для Хурурра не составляло проблемы: несколько взмахов крыльями — и он сел на дереве на том берегу. Нейл же прошел вдоль берега, изучая положение скал и прикидывая возможность воспользоваться ими, как ступеньками.

Когда-то здесь был мост. Его высокие арки давно уже обрушились и были разломаны многочисленными наводнениями. Наверное, только помять Айяра помогла глазам Нейла найти эти точки, выстроить их мысленно в линию и увидеть, как надо идти. Рискованный путь по мокрым камням, скрытым под бурлящей водой.

На той стороне реки буря явно поработала в полную силу. Не будь тут Хурурра, Нейл дал бы большой круг, чтобы не запутаться: деревья, такие же высокие, как в Ифткане, и такие же широкие, повергающие инопланетников в изумление, были повалены, как и их меньшие братья. Кратчайшая дорога к участку была так завалена обломками, что прошел добрый час, пока Нейл пробрался через все это, днем послужившее бы ему убежищем.

Когда он услышал этот тонкий жалобный плач? Солнце уже не было бледным: его лучи били в бреши в листве, оставленные яростными порывами бури, и держали Нейла пленником в яме под вывернутыми корнями. Его окружали звуки, издаваемые дневными обитателями леса. Но этот звук...

Нейл лежал, положив голову на мешок, и прислушивался. Нет, это не крик животного, не зов птицы! Низкий, продолжительный, вызывающий жалость звук шел издалека.

Сколько времени прошло, прежде чем этот звук связался в его сознании с болью? Какое-то существо попало в ловушку, томится между поваленными стволами и землей, может быть, покалеченное и страдающее? Нейл сел и повернул голову на юг, прослеживая звук. Иногда он пропадал, а потом снова становился отчетливым, поднимаясь до плача. Наконец Нейл расслышал почти различимые слова. Заблудившийся поселенец?

Нейл пополз к противоположному краю своего убежища, щурясь и пытаясь разглядеть что-нибудь в рассеянном солнечном свете. Ему пришлось раскидать завал из веток.

Близко или далеко? Если он выйдет, то будет, в сущности, слепым. Если он не дойдет до следующего укрытия в лесу, то, вероятно, будет ни на что не способен. Но зов — если это был зов — подгонял его, не позволял ему сидеть спокойно.

Нейл вытянул губы и издал звук, имитирующий крик Хуррра — он научился призывать так птицу. Ответный щелчок клюва пришел сверху — кваррин устроился на вывернутых корнях дерева над головой Нейла.

— Посмотри... кто... зовет... — послал он птице мысль-приказ.

Хуррр протестующе защелкал, но перескочил на другой ствол и пошел вдоль него. Его серо-белое оперение ослепительно горело на солнце, когда он поднялся, взмахнув крыльями. Кваррин предпочитал ночь, но и днем он видел много лучше Нейла.

Нейл попытался отметить кратчайшее расстояние через открытое пространство к деревьям впереди. Плач доносился оттуда.

Он надел заплечный мешок и пошел, щурясь. Споткнувшись о корень, он подвернул лодыжку и ободрал полузажившую рану, так что дальше шел, хромая.

В этом плаче были слова, слившиеся вместе, неразличимые, но все-таки слова. И шел этот звук откуда-то неподалеку от полей поселенцев. Что случилось? Может, опустошающий ветер снес все постройки и люди загнаны в лес, которого смертельно боятся?

— Существо... одинокое... неправильно... — пришло сообщение Хурурра.

Существо одно. Но что значит «неправильно»? Вред, ловушка? Нейл заторопился, дошел до края прогалины и понял.

Козберг показывал своим новым рабочим, как предупреждение, ветхую заброшенную хижину. Эту развалюху все на участке избегали. Здесь была другая такая же, готовая упасть от любого толчка. Хурурр сидел на самой высокой точке ее кровли.

Нейл сделал второй рывок через открытое пространство и остановился у входа в хижину. Голос упал до бормотания. Нога Нейла запнулась за глиняный кувшин для воды. Кувшин был пуст.

На девушке не было ни маски, ни капюшона, платье было разорвано, так что видны голые, непрерывно шевелящиеся руки. Бледная кожа была испещрена зелеными пятнами. Густые спутанные волосы спадали с запрокинутой головы. Глаза были открыты, но ничего не видели.

Нейл приподнял ее качающуюся голову, прислонил к своему плечу и стал смачивать потрескавшиеся губы водой из фляги. Она облизала губы, и он смог напоить ее. Кожа ее была горяча, как огонь, она явно была в жару от зеленой лихорадки. Нейл снова уложил ее и огляделся. Девушка лежала на куче старых, грязных мешков, в которых, вероятно, раньше хранилось зерно. У двери стояло блюдо с какими-то корками и массой подгнивших и совсем испорченных фруктов, по которым уже ползали насекомые. Нейл выбросил блюдо за дверь с сердитым восклицанием. Ничего себе! Пища, вода и постель для больной! Но на что больше могла надеяться грешница? А Эшла — он узнал ее, несмотря на болезненную перемену — конечно, была признана грешницей по законам своего народа. Нейл, злобно оскалившись, взглянул в направлении участка, откуда ее выгнали, как только поняли, что она больна. Но сам-то он выжил и предполагал, что не он один, так что не было причин считать, что с Эшлой будет иначе.

— Воды...

Нейл помог ей напиться еще раз, а затем обтер ей лицо и руки влажной тряпкой. Девушка вздохнула.

— Зеленый... зеленый огонь...

Сначала он подумал, что она говорит о своей болезни, потому что помнил свой собственный бред, но она развела руки, и он вспомнил, как она стояла в тот день, держа прекрасное ожерелье.

— Холодная зелень Ифткана...

Он жадно схватил эти слова. Ифткан! Значит, у Эшлы в ее болезненном жару тоже измененная память и знание того, что никогда не было частью ее поселенческой истории.

Нейл импульсивно взял ее руки в свои и крепко сжал, несмотря на слабые попытки освободиться.

— Ифткан, — тихонько повторил он. — В лесу... в прохладном лесу.

— Ифткан стоит... в лесу.

Голова Эшлы замедлила свое беспрерывное движение, из ее закрытых глаз вдруг покатились слезы, побежали по впалым щекам.

— Ифткан умер, — твердо сказала она, и авторитетность ее тона поразила его.

— Нет, не весь, — тихо уверял он. — Ифтсайга стоит, она еще жива. Прохлада, зелень, живой лес. Думай о лесе, Эшла!

Над ее закрытыми глазами собрались морщинки. Кустистые брови, придававшие грубость ее лицу, исчезли, как и большая часть волос. Нейл удивлялся, как быстро она прошла полное изменение. И глаза... Да, они стали шире обычных человеческих.

Руки ее больше не пытались вырваться, а плотнее прижались к его рукам.

— Лес... Но я не Эшла, — снова твердые решительные нотки. — Я — Иллиль!

— Иллиль, — повторил Нейл. — А я — Айяр.

Если она и слышала его голос, то его слова ничего для нее не значили. Слезы все еще катились по ее лицу. Губы издавали слабый стон, а уже не тот крик, что привел сюда Нейла.

Нужно больше воды. Но идти к реке слишком далеко при свете солнца. Нейл послал мысль Хурурру в надежде, что птица сможет привести его к какому-нибудь лесному ручью.

— Сверху — на листьях, — пришел ответ.

Нейл понял его только тогда, когда вышел на прогалину перед хижиной. Кваррин слетел с крыши на высокую ветку дерева и пошел по ней к грозди различной формы листьев, на которые человек сначала не обратил внимания — какая-то паразитирующая лиана. В центральной части ствола-ветви был большой круглый нарост, вроде чаши. Нейл залез туда и действительно нашел там источник воды — в этом плотном волокнистом резервуаре было по меньшей мере две полных чашки воды. Нейл перелил ее в свою флягу, вернулся в хижину и стал умывать ею лицо Эшлы, когда приглушенный вздох заставил его обернуться. В дверях стояла фигура в маске и в плаще, но маленькая — та же девочка, что сопровождала ее при сборе ягод несколько дней назад. Фигура держала перед собой корзинку. Теперь она отвела ее назад и подняла, как бы собираясь защищаться от неожиданного нападения.

— Ой, не надо! — раздался громкий плач, быстро поднявшийся до визга. — Уходи! Убирайся!

Девочка замахнулась на Нейла корзиной. Из корзины вылетела фляжка и стукнула Нейла по руке.

— Оставь Эшлу, оставь! — снова завизжала девочка.

За его спиной зашевелилась сама Эшла, ухватила его за плечо, встала.

— Самира...

Голос ее был хриплым карканьем, но в нем чувствовалось пробуждение сознания.

Ребенок застыл. Испуг светился в глазах в прорезях маски. Девочка снова завопила, на этот раз без слов — слишком велик был ее ужас. Она упала, перевернулась и поползла, продолжая визжать, и в ее визге было столько ужаса, что Нейл боялся сделать лишнее движение.

— Самира! Самира! — Эшла качнулась вперед, желая подойти к ребенку.

Нейл взял ее за плечи и прижал к себе, преодолевая слабое сопротивление. Теперь он в какой-то степени понял ужас Самиры: перемена в Эшле завершилась полностью, он держал женщину, такую же измененную, как и он сам. Эшла действительно стала Иллиль, чудовищем в глазах ее родичей.

Глава 10

ИЛЛИЛЬ

Глаза Эшлы закрылись, голова свесилась на грудь, и Нейл снова уложил ее в постель. Крики Самиры еще были слышны, но уже слабее — видимо, она отбежала достаточно далеко. Не привлек бы этот шум людей с участка! Нейл присел на пятки. Девушка изменилась достаточно для того, чтобы вызвать страх и отвращение, это было видно по поведению Самиры. Верующие не убивают — это их кредо. Но на участке Козберга его гнали с собаками, а собаки Закону не подчиняются. И теперь Самира могла вызвать такую охоту.

Сам он легко оставит свору позади, но Эшла... Нейл ничего не должен поселенцам, но ведь теперь Эшла — уже не женщина с участка, она из его рода. Сможет ли он поднять ее и унести?

— Иллиль! — Нейл опять взял ее за руки, движимый надеждой, что ему удастся вызвать ифтийку, часть Эшлы. — Иллиль! Ларши идут! Нам пора домой, в Ифткан.

Он медленно и настойчиво повторял эти слова ей на ухо. Она приоткрыла глаза, взглянула на него из-под полуопущенных век и, кажется, узнала. В ее лице не было ни страха, ни отвращения, а что-то вроде узнавания, словно она и надеялась увидеть его таким.

— В Ифткан? — почти беззвучно прошептали ее губы.

— В Ифткан! — подтвердил Нейл. — Пошли!

Когда он стал поднимать ее, она, к его удивлению, оказалась вполне способной встать на ноги. Хотя у Иллиль было получужое тело Эшлы, зато у нее была нужная энергия. Нейл на всякий случай обнял ее за плечи и вывел из хижины, подобрав по дороге свой заплечный мешок.

Когда они вышли, она вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Ай, как больно! — В ее голосе появились совсем другие интонации.

— Не смотри, — посоветовал он, — но иди.

Он полуповел-полупонес ее через прогалину в лес, посылая в то же время мысли Хурурру:

— Последи, не пойдут ли те за нами.

Он услышал шелест крыльев: кваррин улетел. Дух или решимость поддерживали Эшлу, позволяли ей достаточно твердо держаться на ногах. Шаги ее стали тверже. Далеко ли они ушли? Не привлекли ли охотников вопли Самиры? Нейл помнил рассказы людей Козберга о «чудовищах», но никто не говорил об их пленении. Люди никогда не заходили в глубину леса, так как считали, что там «нечисто».

Если он переведет Эшлу через реку, то, конечно, никто не пойдет за ними в Ифткан. Они быстро прошли лесом и опять оказались на открытом месте, где свистел ветер. Вести полубессознательную девушку под ярким солнцем... Нейл сомневался, возможно ли это. Он прислушался, но все еще не слышал собачьего лая. И крики Самиры давно затихли. Наверное, девочка пошла в хижину тайно, вопреки приказу мастера участка. Если это так, то она не выдала своего ужаса другим, чтобы не подвергнуться наказанию.

— Закрой глаза, Иллиль, — сказал Нейл. — Здесь яркий свет.

Он повесил свой мешок на левое плечо, а правой рукой поддерживал горевшее в лихорадке тело девушки. Он сощурил глаза в щелочки и попытался держать курс через завалы поваленной бурей растительности. Несколько раз навесы из сломанных веток давали им временное укрытие, где можно было отдохнуть и попить и протереть закрытые глаза мокрой тряпкой. Нейл боялся останавливаться надолго, чтобы его спутница могла хоть немного полежать, но и подгонять ее тоже не мог. Она шла как в трансе, погруженная в другой мир. По ее бормотанию он понял, что у нее были те же сны, какие посещали и его, — бой за Ифткан.

Широкое платье, висевшее на девушке лохмотьями, цеплялось за сломанные ветки. Наконец Иллиль отстранилась от Нейла, расстегнула пояс и воротник и скинула платье на землю.

— Плохо! — Она оттолкнула одежду ногой. На ней осталась только короткая тонкая сорочка.

Когда они продирались через густой кустарник, она потеряла последние оставшиеся волосы, и зеленая пигментация кожи теперь была по всему телу. Раньше она была некрасива, в ней не было ничего привлекательного, кроме юности. Теперь же, если

принять такой цвет кожи, лысый череп и длинные остроконечные уши — ну да, она была красива!

Как глубоко проникла Иллиль в Эшлу? Испугается ли она, когда узнает, что с ней произошло, как испугался он?

Подала голос собака, и ей ответила свора позади. Нейл схватил девушку за руку.

— Пошли!

Ее глаза бессмысленно скользнули по нему. Она покачала головой и попыталась вырвать руку.

— Ларши! — воспользовался Нейл древней памятью, и это сработало: Эшла бросилась к ближайшей тропинке, а он, прихрамывая, поспешил сзади. От солнца их скрывала прохлада леса.

Вероятно, память Айяра усилилась в Нейле, потому что он вдруг почувствовал, как сзади бегут и принюхиваются... не собаки с участка, а те, кто еще не были людьми, но ходили прямой походкой, как люди. Нейл чувствовал, что должен добраться до Ифткана, пока ларши не собрались вместе на последнее испытание силы против силы, жизни против жизни...

Над головой зашелестели крылья. Прилетел Хурурр и послал человеку мысленное изображение веревки. Из очередной прогалины Нейл заковылял в заросли зелени, будто ныряя из палящей пустыни в море.

— Трубин! Трубин!

Нейл повернулся. Крик подействовал на него, как удар по лицу. Эшла прижалась спиной к стволу, ноздри ее раздувались, глаза горели, но по щекам текли слезы.

— Иллиль! — Нейл шагнул к ней.

— Ты не Трубин! — резко бросила она и исчезла между деревьями.

Колодцы келроков, обрывы, ее собственная ослабленность — куча опасностей, с которыми она могла встретиться. Нейл захромал следом. Может, та же память, которая вела его в Ифткан, ведет ее теперь? Но неужели она рискнет перебираться через реку одна?

— Хурурр! — позвал он кваррина и увидел только отблеск белых крыльев, машущих вслед за исчезнувшей девушкой.

— Здесь, — пришел с запада ответ Хурурра.

Продолжая беспокоиться, Нейл кое-как перепрыгнул через упавшее дерево и бросился налево. Где здесь была ловушка келрока? Даже если ее ужасного хозяина нет в живых, сам колодец по-прежнему опасен для неосторожного.

Нейл нашел Эшлу в лесистой ложбинке у ручья. Она скорчилась, прижав голову к коленям. Все ее тело тряслось.

— Иллиль! — тихо окрикнул ее Нейл, боясь подойти ближе, чтобы опять не спугнуть.

При звуке его голоса Эшла застыла, но не подняла головы.

— Иллиль! — Он сделал шаг, второй.

Она медленно подняла голову с плотно зажмуренными глазами.

Теперь Нейл понял, что повергло ее в состояние дикого страха. Как он сам увидел в озерце Айяра, так и она увидела Иллиль вместо собственного отражения.

Опустившись на колени, Нейл плеснул воды на свое разгоряченное тело, а затем и на искаженное лицо Иллиль.

Она открыла глаза. Ужасно было видеть, как в ней увеличивается страх. Она отползла от Нейла, рот ее был искажен в беззвучном крике. Видимо, в эту минуту она ничего не соображала. Сознание ее было отгорожено потрясением, и здравый смысл не мог в него проникнуть.

Нейл подался вперед и схватил ее за руки. Она вырывалась. Самым лучшим и быстрейшим способом избавления от паники было бы оглушить ее, но Нейл сомневался, сможет ли он потом донести ее до реки. Он попытался представить себе ориентиры, и снова уловил собачий лай, слабый, но с заметной ликующей ноткой. Собаки обнаружили след беглецов, и шли по этому свежему следу. Нейл надеялся, что их еще не спустили с поводков.

Он сомневался, сумеют ли они перебраться через реку, даже если Эшла очнется от шока и пойдет с ним, но отдать ее в руки людей с участка — гораздо хуже, чем неудавшаяся попытка.

Эшла сжалась в комок и дикими глазами следила за каждым движением Нейла. Если бы ему удалось вызвать память Иллиль на поверхность ее сознания...

— Ты Иллиль из Ифткана, — медленно говорил он. — Ты Иллиль, а я — Айяр. За нами охотятся, мы должны бежать в Ифткан.

Она издала слабый приглушенный звук и наклонилась над водой, притянув к ее поверхности и Нейла. Как видно, сходство Нейла с его отражением успокоило ее.

— Я... не... — Она снова задохнулась.

— Ты Иллиль, — ответил он. — Ты была больна, у тебя был дурной сон.

— Значит, это сон? — Она коснулась его.

Нейл покачал головой.

— Это реальность. Там, — он указал на юг, — сон. А теперь — слушай!

До них снова донесся лай.

— Собаки! — Она узнала их, непроизвольно оглянувшись через плечо. — Зачем?

— Потому что мы из леса! Бежим!

Нейл повесил мешок на плечо и взял конец лианы, связывавшей руки Эшлы. Он еще не слишком хорошо понимал, почему так важно взять девушку с собой, увести ее от родственников. Но ведь теперь они не были ее родственниками, это был отряд охотников, преследующих с собаками «чудовищ». Он и она, одинаково измененные, равно одинокие. Он испытывал одиночество в Диппле, когда Мелани заболела и часто блуждала в грезах, убегая от действительности. Но то одиночество, которое он познал, став Айяром, было куда хуже.

— Пошли! — приказал он и помог ей встать.

Она завертелась в его руках, отворачивая лицо, будто боялась взглянуть на него. Неужели она так и не примет изменения? Нейл дернул за лиану и пошел. Эшла шагнула за ним, полузакрыв глаза, сжав губы. Она шла твердо, не отставая.

— Ты ранен... Кровь...

Нейла изумили ее первые слова. На его больной ноге оставались еще пятна крови, но уже высохшие.

— Я попал в колодец келрока, — ответил он и подумал, нельзя ли словами поддержать память Иллиль. — Это злое создание, живущее частично под землей, — добавил он. — Рана зажила, но я упал и снова разбередил ее.

— Ты убил этого келрока? — как-то по-детски спросила она. — Большим ножом? — Она указала связанными руками на меч в ножнах, висевший на его поясе.

— Мечом, — рассеянно поправил Нейл. — Да, я убил его, мне повезло.

— Ты всегда жил здесь, в лесу?

— Нет. — Нейл ухватился за шанс направить ее мысли на их общую судьбу. — Я был рабочим на участке и нашел клад.

— Клад, — подхватила она тем же детским голосом. — Зеленый, красивый, ах, какой красивый! У меня тоже было... зеленое, как листья.

— Да, — согласился он, — такой же клад, как нашла ты. Потом я заболел зеленой лихорадкой и стал Айяром, хотя раньше был Нейлом Ренфо.

— Я Эшла Хаймер. Но ты называл меня по-другому.

— Ты — Иллиль, или Иллиль часть тебя.

— Иллиль, — тихо повторила она. — Красивое имя. Но я согрешила! Я грешница, иначе я не стала бы чудовищем.

Нейл остановился и повернулся к ней.

— Посмотри на меня, Иллиль, хорошенько посмотри на меня и подумай. Разве ты видишь чудовище? Ты вправду *видишь чудовище*?

Сначала она, казалось, готова была ответить утвердительно. Но его пристальный взгляд остановил ее, в этом взгляде была мольба, и девушка заколебалась. Она внимательно оглядела его.

— Нет, — медленно сказала она, — ты другой. Ты не чудовище, ты просто другой.

— И ты другая, Иллиль, и ты не чудовище. Ты не урод, ты просто другая, и как ифтийка, ты красивая.

— Не чудовище... не урод... как ифтийка красивая... — задумчиво повторила она. — Пожалуйста, — она протянула к нему связанные руки, — развяжи. Я не убегу. Ты Айяр, а также и грешник Нейл Ренфо.

Он снял лиану. Она приняла изменение быстрее и полнее, чем он мог надеяться.

— Скажи мне, мы идем в город, в город деревьев? Мне кажется, я помню деревья-башни. Но как я могу помнить? — рассеянно спросила она.

— Да, есть такой город, Ифткан, но большая часть его умерла. Память о нем у тебя от давних времен.

— Но как? И почему? — Она задавала те же вопросы, что он задавал себе сам.

— Как — я частично догадываюсь. Почему, — Нейл пожал плечами, — не знаю. Но вот что я узнал.

Они шли, и Нейл рассказывал о том, что нашел в Ифтсайге, о зарытом на участке Эшлы сокровище, обо всем, что узнал и о чем догадывался.

— Значит, те, кто совершил грех, взяв запретные вещи, — подытожила Эшла, — были наказаны и стали такими, как мы. И, значит, нас искушал Лесной Дьявол, именно как и говорит Говорящий.

— Но разве это так? — возразил Нейл. — Разве это и в самом деле наказание, Иллиль? Разве ты ненавидишь лес и ты несчастлива здесь, как это должно быть при наказании?

Может, Нейл и не очень умело аргументировал, но он был уверен, что должен изменить в ней убеждение Верующих и их отношение к проблемам. Если она верит, что лес — наказание за грехи, тогда для нее это так и есть.

— Говорящий сказал... — начала она, но замолчала, обдумывая какую-то мысль, возможно не новую для нее, но к которой она относилась осторожно. Она резко остановилась у дерева и коснулась его нежным жестом — будто ее теплая плоть прикоснулась к чему-то своему, любимому и прекрасному. — Это... это не зло! — громко крикнула она. — И город деревьев, который я видела во сне, тоже не зло! Это доброе, очень доброе! Для Эшлы это зло, а для Иллиль — добро. Для Иллиль не существует Говорящего, никто не скажет ей, что плохо то, что хорошо! — Она посмотрела на Нейла с улыбкой, глаза ее сияли, все лицо сияло открытием радости свободы. — Теперь я Иллиль, мир для меня хорош, а не полон греха — вечно все грех, их так много, этих грехов, в списке Правил!

Нейл невольно улыбнулся, и она тут же ответила ему улыбкой. Между ними как бы пронеслось ощущение радости, и Нейл на мгновение забыл усталость и боль. Но позади лаяли собаки, и в его сознание глубоко вошло предупреждение Хурурра:

— Они идут быстрее. Уходи, лесной брат!

Нейл схватил Иллиль за руку и пошел быстро, насколько мог.

Глава 11

К ЗЕРКАЛУ

Густые облака скрыли досаждавшее им солнце. Иллиль смотрела на открывшуюся перед ними речную долину. За рекой на высоком камне примостился Хурурр, медленно поворачивая голову от Нейла к северу и обратно и издавая недовольное пощелкивание.

По ту сторону воды лежал каменистый берег, по нему вялыми шлейфами тянулся туман или дым от погасшего костра.

— Что там? — спросила Иллиль.

— Не знаю. Но...

— Там зло! — уверенно сказала Иллиль, подняла руку к голове, чуть наклонилась вперед и прищурилась.

Нейл положил руку ей на плечо.

— Тебе плохо?

Она покачала головой. Кваррин зашевелился, посмотрел на девушку с таким явным удивлением, какое могло появиться лишь на человеческом лице. Из горла Хурурра вырвалась серия мурлычущих звуков, каких Нейл еще ни разу от него не слышал. Кваррин приподнял правую ногу, затем левую, словно собираясь начать церемониальный танец.

Нейл увидел, что голова Иллиль тоже стала поворачиваться в том же ритме, в такт танцу Хурурра и его негромким крикам. А может, кваррин подражал ей? Нейл не понимал, что это, но в нем росло убеждение, что лидерство в их маленьком отряде перешло от него к Иллиль. Он попытался еще раз взять ее за плечо, но она легко уклонилась, метнулась вперед, в мелкую воду, и пошла вброд, но не поперек, а почти по течению. Хурурр громко закричал и полетел кругами над девушкой. Нейлу ничего не оставалось, как тоже идти за ними.

Иллиль без колебаний шла вперед, словно точно знала, куда идет и зачем. Она отклонилась от своего направления, обходя нанесенные бурей обломки деревьев, но тут же вернулась на свой курс, который, по-видимому, вел к выступу скалы на другом берегу. Один из шлейфов тумана протянулся над рекой, и Нейл уловил запах дыма.

Девушка вскарабкалась на выступ, прошла по нему на четвереньках до вершины скалы. Хуррр кружил над ней, но больше не кричал. На плоской вершине скалы Иллиль остановилась и неподвижно стояла. Мокрая одежда прилипла к ее телу, к исцарапанным и исколотым ногам. Руки ее были опущены, глаза широко раскрыты, но, как показалось Нейлу, не смотрели ни в какое определенное место. То ли она видела дальше, чем он, то ли она смотрела на что-то внутри своего сознания.

Во тьме собирайтесь, во тьме собирайтесь
Несите мечи, несите факелы –
Собирайте силу страны для похода.

Голос ее был очень тихим, близким к шепоту, и она странно выговаривала слова нараспев.

— Хууурррр! — громко отвечал ей кваррин.

Когда Нейл добрался до нее, она повернула голову, и он опять увидел сияющие искры в ее глазах.

— Силы малы. Видимо, больше нельзя собрать.

Что означали эти слова? Видимо, она настолько глубоко проникла в память Иллиль, что Нейл не мог понять ее.

— Пошли, — сказал он, глядя на восток, в сторону Ифткана.

— Этот путь закрыт. — Теперь уже ее рука удерживала его. — Барьер уплотнился. — На ее губах появилась улыбка. — Ни один воин не может прорубить тропу через Белый Лес.

— Что? — Нейл растерялся, но понял, что ее загадочное предупреждение имело действительно серьезное значение, тем более что память Айяра всколыхнулась при упоминании о Белом Лесе. — Как же мы тогда пройдем?

Иллиль подняла голову. Ноздри ее зашевелились. Темную массу туч прорезала стрела молнии, над рекой запел ветер, и ему вторил громкий голос:

— Они собираются, о, они собираются! Но сила их так слаба!

Нейл терял терпение. Быть застигнутым такой же грозой, как предыдущая, на открытом месте — безумие, близкое к самоубийству. Он повысил голос, чтобы перекричать ветер:

— Мы должны укрыться от грозы!

Она взяла его за руку и побежала к западу, по каменистому уступу вдоль реки. Нейл чувствовал, что замедляет бег девушки:

его больная нога не гнулась. Иллиль посмотрела на него и пришла к какому-то решению.

— ...не... бежать... — Ее слова уносил ветер. Она круто повернулась от реки в мрачную глубину пустоши. Нейл упирался и протестовал.

Какая-то великая цель, видимо, переборола ее прежнее отвращение к этой местности.

— Зеркало! Зеркало Танта! — Память Айяра... На мгновение в сознании Нейла появилось изображение чего-то серебряного в раме из остроконечных камней. Место Силы — не Силы Леса, но все равно Силы.

Изображение исчезло, и множество его значений пропало для Нейла, когда ветер разогнал мрачный туман на их пути и расчистил им тропу в унылой растительности пустоши.

Нейл не сразу заметил, что у него под ногами не изрытая земля с ловушками из спутанных лиан, а мостовая из серого камня, очень древняя, с пыльными выбоинами и трещинами, как бы истертая ногами, ходившими здесь много столетий. Древняя... и чуждая даже для ифтов... но не запретная.

Иллиль бежала чуть впереди. Она выпустила его руку, когда он перестал спотыкаться и пошел следом. В ней чувствовалась радость и нетерпение, не только в глазах и в изгибе губ, но и в каждой линии ее сухощавого тела. Она словно спешила на долгожданное свидание... или домой.

Мостовая была неширокой, местами песок и земля осели на ней, так что камень был едва различим. Однако девушка не смотрела под ноги, она глядела вперед, ища какого-то другого гида, а может быть, этот гид уже вел ее.

Стемнело. И вместе с этой темнотой... Нейл огляделся по сторонам. Но его ночного зрения не хватало, чтобы видеть, когда луна закрыта грозовыми тучами. Там двигались тени — то ли кусты, качаемые ветром, то ли еще что-то. Но все эти обманчивые кусты были далеко от дороги. По обе ее стороны были камни и голая земля И камни сначала были круглыми валунами и выглядели обычными, но затем образовали у краев дороги валы, сплотились в грубые стенки — сначала высотой по пояс бегущим, затем до плеч и наконец вознеслись башнями над го-

ловами людей, и гигантские плиты с каждой стороны оставляли только полосу угрюмого серого неба над ними. Нейл подумал, что стены были построены не зря — они защищали дорогу и укрывали тех, кто шел по ней.

В проходе между этими каменными стенами ветра не было, но время от времени были отблески отдаленной игры молний. Начался дождь, и вода стекала на дорогу, как в воронку, и бежала потоками, собираясь в ручьи и по щиколотку захлестывая ноги бегущих.

— Иллиль, если вода поднимется... — начал Нейл.

— Этого не будет. Мы скоро выйдем на Сторожевой Путь.

— Куда мы идем? — осведомился он.

— Наверх, к Зеркалу. К Центру Земли.

Она не ошиблась: дорога пошла на подъем. И шла она на север, значит, они зашли далеко в пустошь. Но на этом пути не было такого глубокого мрака, не было мерзкого запаха, приносимого дрейфующим туманом. Здесь был только камень, омытый дождем.

Иллиль замедлила шаги.

— Сторожевой Путь? Ты знаешь слово?

— Нет.

Нейл жадно смотрел вперед. Камни в стене разошлись, но впереди виднелось темное пятно — вероятно, туннель. Это была защита от грозы, но тут могло быть и кое-что другое, о чем следовало подумать. Потому что по неизвестной причине рука Нейла легла на рукоятку меча и вытащила его из ножен.

Серебро в темноте. Зеленые пятна светятся и горят на острых гранях обрамляющих арку камней. Затем Нейл увидел на камнях арки другие зеленые пятна, вспыхивающие, но не угасающие. На замковом камне арки пылал символ входящего в жизнь.

Иллиль засмеялась.

— Не смерть, не смерть, только переход к пробуждению. — Ее голос перешел в торжествующий крик:

Звездный свет, меча ифта блеск,
Встречайте вернувшихся странников.
Длинный путь, долгий сон,
Сила вернулась опять.

Она стояла под крутыми изгибами арки и раскачивалась, протягивая Нейлу руки широким жестом гостеприимства.

— Носитель меча, назови свое имя!

Нейл Ренфо — с отчаянием упрямства твердила часть Нейла, но вслух он сказал:

— Я — Айяр, из рода Ки-Кик — Капитан Первого Круга Иф-ткана.

— Носитель меча, входи и будь свободен на Сторожевом Пути.

Там оказалась лестница, а не туннель, ступени шли вверх под каменный свод. Но куда — Нейл не мог догадаться. И память Айяра не дала ответа.

Нейл поднимался с трудом, Иллиль помогала ему, и они плечом к плечу осиливали подъем. От ее поддерживающей руки в его усталое тело входило чувство безмятежности и комфорта.

Скоро ли эта лестница кончится? Сколько времени они уже поднимаются по ней? На этом странном пути они были уже вне обычного времени. Нейл Ренфо не мог бы подобрать слов для объяснения, но Айяр находил все правильным и естественным.

Вокруг было прошлое, и некий барьер вот-вот рухнет, и прошлое вольется в них обоих. И тогда они будут знать ответы на все вопросы, и вопросов больше не будет.

Однако этого не случилось: лестница кончилась раньше, чем упал этот неосязаемый барьер. Они прошли через арку и оказались на гладком прямом выступе чаши, которая, по-видимому, была конусообразным кратером небольшого вулкана. Крепкие стены поднимались от спокойной воды; это серебряное зеркало не отражало света, потому что света над ним не было, даже света звезд, оно содержало в себе мрак, словно это была не вода, а расплавленный металл.

— Зеркало, — сказала Иллиль очень тихо, потому что они вторглись сюда и потревожили что-то огромное — выше человеческого понимания, — что-то такое древнее, полное силы и власти, что Нейл поднял руку с мечом и заслонил лицо. Горячие пальцы Иллиль потянули его руку вниз.

— Смотри! — скомандовала она столь повелительным тоном, что он невольно повиновался.

Спокойное блестящее зеркало, обширное, как океан, и достаточно мелкое, чтобы его можно было вычерпать пригорш-

нями, растягивалось и сжималось, притягивало и отталкивало. И над всеми эмоциональными переживаниями Нейла — страхом и благоговением — рос болезненный голод. То, чего он желал больше всего, не приходило. Здесь был барьер между ними и тем, что ожидало вдали, чем-то таким удивительным, таким изменяющим разум, что Нейлу захотелось громко закричать о разрушении своих надежд, разбить этот барьер мечом. Здесь было все знание, а он не мог до него дотянуться!

Из глубин своих желаний и печали Нейл услышал крик Эшлы. Этот звук вернул Нейла к реальности, он увидел и понял не то, что могло быть, а то, что было. Девушка перегнулась через край над Зеркалом и смотрела в него, как недавно в ручей, когда к ней впервые пришло осознание ее изменения. Но теперь в ней не было ни страха, ни отвращения. Нет, она, как Нейл, оплакивала потерю того, чего не имела, не могла достичь.

Нейл опустился на колени рядом с ней и обнял ее. Им было хорошо вместе, потому что оба ощущали свое полное поражение.

— Мы обмануты? — прошептала она наконец.

— Так и должно быть, — ответил он, зная, что говорит правду. — Мы — только часть тех, кто должен стоять здесь. Мы — Иллиль и Айяр. Но мы также Нейл и Эшла. Если бы мы были только теми или другими, мы были бы либо беспредельно напуганы, либо... получили бы все.

— Я не могу... — Она закрыла руками мокрое от слез лицо. — Как может человек идти к знанию, которое здесь есть, и не получить его? Это наказание свыше.

— Ты уверена, что так будет всегда — наказание в конце пути? — твердо начал Нейл и сам себе удивился. — Допустим... — он путался в словах, а слова были как вода для иссушенного зноем путника, — что Иллиль и Айяр станут сильнее, а Нейл и Эшла ослабеют. Прошло слишком мало времени с тех пор, как мы изменились.

— Ты действительно так думаешь или просто говоришь в утешение?

— Мне казалось, что эти слова — утешение, но теперь... теперь я так не считаю.

— Это Зеркало Танта. В нем Сила и Видение. Когда-нибудь, возможно, Видение будет нашим... И богатство Видения!

— А теперь, — Нейл встал и потянул ее за собой, — нам лучше уйти.

Эшла кивнула.

— Если бы я могла вспомнить побольше — Путь Просящего и Дающего...

— Я помню меньше тебя, — быстро сказал Нейл.

— Но ты воин, носитель меча, для тебя путь Дающего, а не Просящего, — нетерпеливо воскликнула она и остановилась, прижав руку к губам, словно испугавшись своих слов. — Я вспоминаю только обрывки... Но когда-нибудь я узнаю все! Иллиль придет полностью, тогда я и узнаю. Но ты прав: сейчас это место для меня запретно. Мы избежали Гнева только потому, что пришли с чистым сердцем и в неведении.

Они спустились по лестнице. Но возле ворот Сторожевого Пути Нейл поскользнулся и тяжело упал на каменную мостовую под аркой.

— Не думаю, что смогу идти дальше, независимо от того, вызову я Гнев или нет, — просто сказал он.

— А я не верю, что этот кров откажет нам, — ответила она. — Дай мне свой меч, потому что я что-то вспомнила.

Она взяла его оружие за лезвие в форме листа и положила его на мостовую прямо перед аркой.

— Ключ сохранит путь открытым.

Затем Эшла открыла мешок Нейла и ахнула, увидев его содержимое. Они поели хлеба, выпили воды из фляги. Последнее, что Нейл видел перед тем, как заснуть, — как Эшла вытряхивает из мешка его запасную одежду и прикладывает ее к себе. Затем он уснул, положив голову на плащ. Его убаюкивало бормотание воды, бегущей по древней дороге.

Сияющий меч перед ним — предупреждение... Нейл пошевелился, больно оцарапал плечо о каменную стену и сел. Да, меч лежал на полу и сиял, но не зеленым светом, как это было ниже ворот, а холодным светом серебра. Нейл засмеялся: это было отражение дневного света — бледного, но достаточного, чтобы его отразила отличная полировка лезвия.

Шорох в противоположном конце их убежища — Эшла тоже села, сонно щурясь. Теперь она была одета в костюм охотника, взятый из мешка Нейла, а на ее поясе был длинный нож, который Нейл, ложась спать, положил рядом с собой.

— Как спала? — спросил он вместо приветствия.

— Видела много снов, — уклончиво ответила Эшла. — У меня такое ощущение, что нам надо уходить отсюда.

Она выразила ту же мысль, что была у Нейла. Здесь было холодно, и казалось, что они пришли незваными, им тут не рады. Им давно пора уходить. Нейл прошелся, проверяя ногу. Трудновато, но идти можно — прихрамывая. Он разломил пополам кусок хлеба и протянул половину Эшле.

— Теперь назад, к реке, — сказал он.

Да, конечно, к реке, и на запад, к морю. Они должны найти тех, кто ставил ловушки с сокровищами, и узнать, что скрывается за всем этим.

— Назад, к участку Хаймера.

Нейл был так погружен в планирование их путешествия на запад, что слова Эшлы не сразу проникли в его сознание. Но когда он понял сказанное ею, то в изумлении уставился на нее.

— Зачем?

— Там Самира, — ответила Эшла, как будто это имя все разъясняло.

— Самира? Маленькая девочка? — Нейл все еще не понимал, в чем дело.

— Самира — моя сестра. Когда меня бросили умирать в лесу, как, по их мнению, следует поступать с осужденными грешниками, она пришла с водой и пищей. Если бы это стало известно, ее побили бы. Теперь она, может быть, тоже больна. Я должна узнать, неужели ты не понимаешь? Я не могу оставить Самиру! Новая жена отца, Хранительница Правил Дома, — она ненавидела меня и всегда была недоброй к Самире, потому что мы от первой жены. Пока я была там, я заступалась за Самиру, а теперь она совсем одна и еще слишком мала для одиночества.

— Для Самиры ты теперь чудовище. Это ведь она навела охотников на наш след, — сказал Нейл. Это была правда, хотя и жестокая.

— Может, и так, но все-таки я не могу оставить Самиру. Тебе совершенно не нужно идти со мной. Я спрячусь в лесу, а ночью постараюсь добраться до сестры.

— Она не пойдет с тобой. Испугается.

— Она узнает меня и тогда не будет бояться.

— А как ты войдешь ночью во двор? Как найдешь запертого ребенка? Собаки и сторожа услышат, что кто-то пришел из леса.

— Я знаю только одно: я не могу оставить Самиру, она пропадет без меня.

— Послушай, Иллиль, я скажу тебе правду. Мы больше не одной породы с твоей сестрой. Ты не узнаешь ее, и она тебя не узнает.

И Нейл рассказал о своем возвращении на участок Козберга. Эшла почувствует такое же изменение.

— В этом деле я все еще Эшла, а не Иллиль. И я пойду к Самире!

Нейл стиснул зубы и поднял на плечо уменьшившийся мешок.

— Ну, тогда пошли!

— Но тебе это вовсе не нужно.

— Нужно. Либо мы идем вместе, либо не идем совсем.

Глава 12

ОГНЕННАЯ ОХОТА

— Скажи, зачем ты пошел со мной?

В лесной одежде Эшла выглядела почти тенью, когда они остановились между двумя деревьями с поникшими ветвями. По ее настоянию они пошли к западу, в обход, а не прямо на юг, чтобы подойти к участку Хаймера с другой стороны и избежать часовых на Опушке.

— Зачем тебе искать Самиру? — ответил Нейл вопросом на вопрос.

— Она моя сестра. Я за нее в ответе.

— Ты ифтийка, я ифт, так что мы теперь родственники.

— Но не кровная родня, — возразила она. — Ты можешь идти к морю и найти тех, о ком ты говоришь. А Самира — не твоя забота.

— Могу? — неторопливо спросил Нейл. — Могу ли я быть уверен, что они тоже из Ифткана? Какое у меня доказательство? Кое-какие следы, и то довольно слабые. Ясно только, что кто-то двуногий шел по земле и по песку. И еще видение бревна, уплывающего в море... Нет, я не видел ифтов, я только угадывал, складывая кусочки, но я мог и ошибиться в своих догадках.

— Но ведь и другие болели зеленой лихорадкой, и они стали такими, как мы.

— Много ли их было?

— Не знаю, — покачала головой Эшла. — Лихорадка — это наказание грешникам. Ни один участок не сообщает о происшествиях со своими людьми. Иногда доходят слухи. Я, например, знала пять таких случаев.

— Пять — с одного округа?

— С линии южной Опушки. И это за пять лет.

— Устойчивая утечка. Но зачем? — повторил он свой старый вопрос. — Интересно было бы знать, сколько их было за все эти годы, с тех пор как инопланетники поселились здесь. И все ли они теперь... ифты?

— Ты свободен. Поищи — найдешь, — сказала Эшла.

— Я не свободен. Я останусь с ифтийкой, которую нашел. Но взамен прошу обещания.

Эшла вздернула подбородок.

— Если насчет Самиры — ничего не обещаю.

— Выслушай. Если ты увидишь, что желала невозможного — либо ты не сможешь до нее добраться, либо она не захочет идти с тобой, — пойдешь ли ты тогда без промедления?

— Почему ты так уверен, что она не пойдет со мной?

— Я не смогу объяснить тебе это словами. Сама увидишь.

— Она пойдет, лишь бы мне найти ее, — с непоколебимой уверенностью ответила Эшла. — Уже совсем стемнело. Может, пойдем?

Хурурр исчез два дня назад, когда они шли к Зеркалу, и Нейл очень жалел об этом. С птицей-разведчиком вторжение на уча-

сток казалось менее рискованным. Без Хурурра они могли надеяться лишь на свои органы чувств.

Он вынудил Эшлу сделать ему одну уступку: подчиняться его указаниям в лесу, пока они не дойдут до полей. Девушка держала свое обещание, слушалась Нейла и, как могла, усваивала его знание леса. В эту ночь не было луны, и в воздухе снова чувствовалось приближение дождя.

— В этом году зима, наверное, наступит рано, — заметила Эшла. — Так всегда бывает, если много грозовых дождей.

— Когда она может наступить?

— Дней через двадцать может быть снег с дождем, потом снегопады, один хуже другого..

Нейл отложил эту печаль на будущее, потому что сейчас были другие дела.

— Тихо. — Его рука легла ей на плечо, как сигнал. Лай. Они отчетливо слышали его.

— На участке, — шепнула Эшла.

Напряжение Нейла не ослабевало. Одна собака могла быть во дворе, но это не значит, что другие не патрулируют со стражниками поля. Он сказал об этом.

— Нет. Лес ночью — страшное место, а Хаймер — человек осторожный: он всех будет держать на участке, за закрытыми воротами.

— Однако ты собираешься войти туда, — уколол ее Нейл. Впервые в решении Эшлы появилась трещина.

— Но ведь... я должна...

Твердость обета победила появившуюся нерешительность.

— В какой части дома может быть Самира? — спросил Нейл, вспоминая собственную экспедицию на участок Козберга, когда увидел там существа, с которыми не имел более ничего общего.

— Все девочки спят вместе в верхнем этаже. Там два окна... — Эшла старалась представить себе то, что описывала. — Да, сначала крытый навес, где находятся два детеныша фэзов. А с крыши навеса легко дотянуться до окна. Оттуда я позову Самиру.

— А когда она увидит тебя?

Помолчав, Эшла резко ответила:

— Ты думаешь, что она испугается меня и закричит, как тогда, в хижине? Возможно, тогда она испугалась тебя. А ведь я Эшла, я люблю ее, она не может меня бояться! К тому же на верхнем этаже нет света, так что она только услышит мой голос, а он ее не испугает.

В этом аргументе была своя логика. Да и не мог Нейл оттаскивать Эшлу силой, значит, оставалось только уступить ее желанию и помочь ей, насколько это возможно.

Они обошли участок с юга, чтобы подходить к нему против ветра. Единственным освещением на участке был ночной фонарь на дворе. Похоже, обитатели дома мирно спали.

Они быстро пересекли поле и очутились у забора, окружающего строения.

Нейл поморщился от запаха участка и его населения. Так же сильно пахло и на участке Козберга. Но сейчас удар по обонянию Нейла оказался даже сильнее. Он услышал, как у его спутницы сбилось дыхание, и увидел ее руку, поднявшуюся к носу.

— Это, — уточнил Нейл, — запах инопланетников.

— Но ведь мы... — Она была смущена и потрясена.

— Мы — ифты, мы не убиваем деревьев, не живем закрывшись в мертвых вещах. Теперь ты понимаешь, что мы — это мы, а они — это они?

— Самира тоже может стать такой же, как мы! — упрямо сказала Эшла.

Но Нейл подумал, что она рассматривает строения перед ней новыми глазами и, уж конечно, не предполагает вернуться в семью.

Прыжком с разбега Нейл преодолел расстояние до крыши и спустил вниз свой пояс, чтобы помочь Эшле взобраться. Они слышали, как внизу ворочаются и принюхиваются животные. Эшла легла на крышу и тихо монотонно запела. Животные утихли.

— Они будут молчать, — прошептала она. — Я их кормила, и они знают мой голос. А вот окно!

Она поползла по крыше и скорчилась над окном, затем медленно поднялась и заглянула внутрь. Она долго смотрела, и Нейл подумал, что там слишком темно даже для ночного зре-

ния ифта. Затем она подала сигнал чуть свистящим шепотом — какие-то слова, которые Нейл со своего места не расслышал. Она произнесла их трижды. Нейл уловил движение внутри. Рама открылась, в окне появился ребенок, протягивающий руки к Эшле. Но когда руки Эшлы протянулись в ответ, ребенок отшатнулся, и Нейл услышал испуганный крик.

— Нет, это не Эшла, это демон! Здесь демон!

Она вопила так же дико, как тогда, на вырубке. Нейл бросился к Эшле, схватил ее и потащил с собой вниз. На участке послышались другие звуки. Вопли Самиры потонули в яростном лае собак.

— Бежим! — Нейл схватил Эшлу за руку.

Они уже промчались через первое поле, когда Нейл осознал, что он уже не тащит Эшлу, что она бежит так же уверенно и быстро, как и он. Только она рыдала на бегу.

— Не... не... — Она старалась выговорить то, что Нейл и так знал. — Не Эшла, — всхлипывала она. — Эшлы больше никогда не будет!

У самого Нейла отвращение к роду поселенцев было окончательно сформировано, но он ни с кем не был связан у Козберга ближе, чем пассивными товарищескими отношениями. Насколько же тяжелее это дается тому, кто был связан с поселенцами кровными узами. Не будет ли это таким же шоком для Эшлы, как в тот раз, когда она увидела отражение Иллиль вместо своего?

Самое главное — уйти отсюда под покров леса. Люди с участка могут выпустить собак на поля и караулить до утра на открытом месте, но заходить далеко в лес не рискнут. И Нейл хотел уйти до зари как можно дальше на запад.

— Ты был прав, — сказала Эшла, когда он повернул ее к оврагу. — Это была Самира, но мы... мы больше не сестры. Она испугалась меня, а я, поглядев на нее, увидела незнакомое лицо, лицо кого-то, кого я больше не держу в сердце. Почему так?

— Спроси тех, кто ставил ловушки с кладом, — ответил Нейл. — Я не знаю, зачем им подменыши. Нас больше ничто не связывает с инопланетниками.

— С тобой тоже так?

— Да. Как только я увидел тех людей, я понял, что возврата нет.

— Возврата нет, — безнадежно повторила она. — Куда мы пойдем?

— На запад, к морю.

— Ну что ж, это место не хуже всякого другого, — согласилась она.

И они углубились в лес. Они шли и утром, потому что день был пасмурным. Дождя не было, но поднялся туман и принес холод, так что они были рады плащам с капюшонами. В этих плащах они настолько сливались с общими тонами леса, что Нейл подумал: ни один следопыт без собак не заметит их, даже пройдя рядом.

Река загибалась к северу. Они еще не дошли до берега, когда Нейл понял, что недооценил врага и это может принести им смерть: послышалось жужжание флиттера и щелканье энергетических разрядов. Гарь и дым отмечали каждое место удара огненного хлыста, посланного с высоты.

Пилот вел флиттер кругами на уровне вершин деревьев и обстреливал из переносного лучемета более низкую лесную поросль у реки.

Несмотря на сырой туман и недавний дождь, растительность не могла противиться огню, который начал распространяться с такой силой, что погасить его мог бы только ураган. Не надеясь на собственные методы охоты, поселенцы, похоже, обратились за помощью к администрации порта. Таким образом, будь Нейл и Эшла на открытом берегу, они стали бы легкой добычей.

Безжалостности этих огненных хлыстов было достаточно, чтобы вызвать у беглецов панику. Нейл силой воли обуздал свой страх.

— Что это? — спросила Эшла, увидев дым и услышав треск деревьев, по которым луч бил наугад.

— Флиттер, а в нем лучемет, — ответил Нейл.

— Флиттер, лучемет... — Эшла растерялась. — Но ведь это инопланетное оружие, поселенцы им не пользуются.

— Значит, они обратились к администрации порта.

— Как они могли? У верующих нет коммуникаторов — они тоже инопланетные.

— Значит, по какой-то причине портовая полиция сама обратилась к ним.

Когда Нейл шел в Ифткан, над рекой тоже кружил охотящийся флиттер. Но это было давно! Или они все еще патрулируют дикую местность? Такой охотничий отряд в лесу прострелил крыло Хурурра. Может, этот отряд все еще здесь?

Но дело сейчас не в том, как и зачем они тут появились; главное, что они методически обстреливали лес своими смертоносными лучами. И вместе с беглецами-ифтами бежали и другие существа. Небольшая группа берфондов продралась сквозь кусты и бежала в нескольких шагах позади Нейла и Эшлы, а потом снова нырнула в кусты. Птицы перелетали с дерева на дерево, другие существа слетали или сползали с веток и двигались к северу, спасаясь от огня.

Эшла остановилась, сдернула с себя плащ, свернула и бросила через плечо, чтобы он не мешал ей бежать.

— Мы пойдем к реке?

Нейл готов был признать, что это было бы наилучшим выходом, но не решился. Флиттер... Странно, но Нейл ни разу не подумал о попытке общения с пилотом этой машины. Взаимное отвращение между измененными и поселенцами было так велико, что он не надеялся ни на какое понимание со стороны официальных лиц порта. Но все равно — к реке.

Они изнемогали от усталости. К счастью, пилот флиттера был поглощен тем, что исчерчивал местность огненными лучами. Эшла спотыкалась, почти падала, ей не хватало дыхания.

— Не могу!.. — задохнулась она.

— Можешь! — закричал Нейл с уверенностью, которой не чувствовал.

Его лодыжка опять разболелась. Но река была уже близко. Косматое животное размером несколько меньше фэза проковыляло мимо них, задев тяжелым плечом Нейла. Нейл снова побежал, таща за собой девушку, вслед за животным, которое бросилось на открытую тропу прямо через кусты.

Наконец они оказались на берегу и пробежали шагов десять над линией воды. Косматое животное было уже в воде и то шло вброд, то плыло в глубоких участках потока, где уже плескалась другая живность. Вниз по реке шла толкающаяся и кричащая

толпа самых разнообразных животных, и Нейл подумал, что много миль леса осталось без обитателей, которые теперь находились в сомнительной безопасности на этом небольшом отрезке реки.

— Как мы попадем туда? — Эшла вцепилась в Нейла, следя за борьбой широко раскрытыми от ужаса глазами.

Нейл бросил взгляд через реку. Мрак над пустошью сгустился, в нем виднелись красные искры. Нейл был уверен, что там бушует пламя. Даже если им и удастся проплыть среди пихающихся животных, они не смогут выйти на берег. Но все-таки в воде был шанс на спасение, а здесь — нет.

— Пошли! — крикнул он и повернул Эшлу к краю берега. — Вот! — он указал на плывущую между камнями ветку дерева. — Схватишься за нее, и она поможет тебе держать голову над водой.

Но у них не оказалось времени осторожно спуститься с кручи: сзади повеяло очень знакомым запахом. Нейл резко обернулся, подтолкнул Эшлу к самому краю обрыва и загородил ее собой.

В темном колодце Нейл видел келрока, когда тот полагал его своей жертвой. Сейчас Нейл оказался перед взрослым образцом той же ужасной породы на открытом месте. Шелковистые волосы на его броне были опалены — видимо, он отсиживался в логове до последней минуты и потом прорвался через огонь. Боль от ожогов превратила его естественную злобу в безумную ярость.

Свернутым плащом Нейл, как цепом, ударил животное по голове. Плащ был вырван из его рук, и Нейл отступил назад, но тут же почувствовал, что падает.

Он упал в песчаную яму, неловко подвернув под себя левую руку, и лежал, задыхаясь. Сверху над ним раздалось рычание, перешедшее в вой. На него сыпались песок и земля, но келрок не прыгнул.

Потрясенный и ослабевший, Нейл приподнялся на колено. Где Эшла? Барьер из скал возвышался между ним и маленькой бухтой, где плавал тот кусок дерева.

Рука, похоже, была сломана, но Нейл пополз вдоль камней, высматривая девушку. Обломок все еще бился об скалы, но Эш-

лы не было и в помине. Может, она ушла под воду и теперь ее несет поток?

Нейл пополз к воде, но, к счастью, вовремя увидел массу рыжего меха, катящуюся сверху. Из многочисленных ран животного сочилась светло-красная жидкость. Зубастая пасть еще издавала рычащий вой, когда животное упало в воду, забарахталось и затем тихо поплыло к тому самому куску дерева, который должен был поддерживать Эшлу. У Нейла как раз хватило сил, чтобы отползти от бухточки. В нем пробудилась слабая надежда, что девушка не в воде, а где-нибудь ждет его. А затем послышалось жужжание флиттера. Инстинкт самосохранения бросил Нейла ничком на землю. Он лежал, слегка постанывая, потому что рука нестерпимо болела, и боль отдавалась во всем теле, и каждую минуту ждал, что его прошьет выстрел лучемета. В нем вспыхнула угрюмая ненависть к этому инопланетному пилоту, ко всем, кто убивал деревья, выжигал страну. Это было новое племя ларшей! Если он, Нейл, чудом выживет, уйдет от этой огненной охоты, он станет преследовать этих новых ларшей, и устроит такой праздник меча, какого древние и не видывали! Он — Айяр, это страна ифтов, и, пока он жив, она останется страной ифтов!

Боль... Лучемет? Нет, луч прикончил бы его. И флиттер улетел. На короткий, очень короткий промежуток времени победил ифт — если считать победой сохранение жизни.

Глава 13

ТО, ЧТО ЖДЕТ

— Аааааййаааар!

Нейл повернулся и оцарапал щеку о гравий. Почему такой пустяк вывел его из тумана боли? Он сражался с келроком и вышел победителем из его колодца... Нет, не то; он встретил другого келрока на берегу реки и упал.

— Аааааййаааар!

Его глаза невольно открылись. Над ним клубился дым, от которого он закашлялся. Кашель разбередил боль. С дымом

пришел жар, его обжигающие пальцы тянулись к Нейлу. Вода... здесь была вода.

Нейл полз, пока его здоровая рука не коснулась воды. Затем он скатился в реку, сам не зная как, окунулся с головой и снова потерял сознание.

— Айяр!

Что-то тащило его. Он пытался отбиваться, потому что это причиняло ему мучительную боль.

— Не надо! — закричал он или хотел закричать.

Вода... Нейл был в воде, но голова его была на поверхности, на чем-то, что двигалось, вертелось, тянуло его в одну, затем в другую сторону. Затем в голове прояснилось, и Нейл огляделся, уже кое-что соображая. Его поврежденная рука лежала на мокром бревне, а здоровая болталась в воде по другую сторону бревна, так что его голова и плечи были под водой. Когда он с бесконечным трудом сумел поднять голову и повернуть ее, то увидел, что он не один. Зеленое лицо, очень большие глаза, остроконечные уши на безволосой голове... Значит, он все-таки нашел Эшлу, и они были в реке, понял Нейл. Все остальное несущественно.

Дым или сумерки? Река затуманилась. Перед ним маячила узкая полоса земли между скалами и густой кустарник. Там выбирались из реки другие беглецы. Дно под Нейлом резко поднялось, колени заскребли по песку, а руку так дернуло, что он вскрикнул.

Они выползли на берег вместе с другими, бежавшими от огня. Тут было много скал, сходящихся вершинами, и под такую арку они протиснулись. Нейл был почти без сознания, только валун за его плечами поддерживал его в сидячем положении.

Эшла склонилась над ним.

— Покажи-ка мне руку.

Красный жар боли копьем ударил в плечо, спустился на грудь. Нейл старался избежать этой пытки, но Эшла навалилась на него, обеими руками держа за подбородок, чтобы он держал голову прямо, и говорила медленно, чтобы дошло до его сознания:

— Кость сломана. Я постараюсь укрепить ее неподвижно. Держись сам вот так... и так.

Ее руки чуть заметно двигали его. Он смутно понимал, чего хочет Эшла, и старался делать это. Затем... такая боль, какой он еще никогда не испытывал. Он завертелся, не чувствуя ни камней, ни твердой земли под собой, ничего, кроме окутавшей его боли.

На его теле лежал груз, рука пульсировала. Нейл поднял голову. Свет... Он зажмурился, но заставил себя снова открыть глаза. Груз на его груди оказался его левой рукой в лубке и на перевязи. А свет — это был день.

Иллиль! Она была с ним в реке, она вывела его из тумана и боли и сейчас шла к нему, неся воду в сложенной чашей листе.

— Ты можешь идти? — требовательно спросила она и подсунула руки под его плечи, помогая встать.

— Это необходимо?

— Необходимо.

Он встал с легким головокружением, но уже готовый идти. В сущности, он шел не сам, Эшла вела его, обняв за плечи и проводя между скалами. По-видимому, они шли берегом в голой пустыне. Ни единой травинки, только скалы блестят в утреннем свете. Найдется ли убежище от солнца, или они так и будут слепнуть до вечера?

— Куда мы идем? — спросил Нейл, надеясь на конкретный ответ.

— Вверх.

Они действительно поднимались вверх. Земля была грубой, растрескавшейся и создавала как бы естественные ступени.

Наконец они осилили подъем и с высоты оглядели землю в трещинах и рытвинах, откуда поднимались языки зеленого дыма. Покачивались верхушки растений, скорее серых, чем зеленых. И там не было гостеприимного леса.

— Это пустошь, — сказал Нейл. Ощущение этого места ошеломило его, как захватывает дух от запаха разложения в колодце келрока. Нейл видел только скалы и овраги, где задыхалась больная растительность, но чувствовал — как раньше, по дороге к Зеркалу — засаду, слежку, наблюдение. Не за ним, не за Эшлой, но что-то... откуда-то...

— Пустошь, — подтвердила она почти бесстрастно. — Но солнце поднимается, мы не сможем вернуться к реке. И флиттер из порта дважды пролетал над нами.

Нейл смотрел на голую местность и вспоминал предостережение Хурурра. Они прошли незаметно, без вреда для себя, к Зеркалу и вернулись, но на пути назад Нейл почему-то был уверен, что безопасность лежит только на древней дороге между теми двумя стенами и что стены эти как раз и воздвигнуты для защиты... от чего? Эта дорога была очень древней. Неужели угроза, от которой отгородились стенами, еще существует?

— У нас нет выбора, — продолжала Эшла, и ее рука, обнимавшая Нейла за плечи, дрогнула. — Далеко мы не пойдем, и у тебя есть меч.

Нейл увидел теперь, что его меч свисает с его плеча. Каким образом она нашла его и сохранила в путешествии через реку? Он почему-то был уверен, что в это время и в этом месте оружие, выкованное ифтами, — слабая защита. Но выбора у них действительно не было. Найти тень в расщелине, лечь под этой растительностью и ждать вечера — больше ничего нельзя было придумать.

— Оставь меня там, — он указал на ближайшую яму, — а сама иди, держась ближе к воде, и двигайся на запад, пока солнце не поднимется высоко. Я не знаю, далеко ли это простирается и сможешь ли ты выйти за час.

Она ничего не сказала и повела его вперед. То, что он предлагал, сулило очень мало шансов на успех, но для нее это было все-таки лучше, чем оставаться здесь.

Эшла заговорила только для того, чтобы указать кратчайший путь к небольшому оврагу и предупредить о возможном спуске. Кусты, через которые они продирались, ломкие, удивительно сухие, были, несмотря на их живой вид, словно давно мертвыми и только сохраняли сходство с настоящими кустами. Он сломанных веток и раздавленных листьев шел резкий запах, ничуть не напоминавший здоровый аромат лесной страны. Когда они спустились на дно оврага, Нейл увидел бледные растения, стелющиеся у самой земли, и кустики с мясистыми, туго скрученными листьями.

— Сюда. — Эшла направила его прямо и остановила. Часть древесного ствола, еще казавшаяся настоящим деревом, торчала из стенки оврага. Его сердцевина давно сгнила, но оболочка представляла собой нечто вроде древесной пещеры, что для Нейла было более естественным кровом, нежели псевдоживая растительность вокруг. Но когда он протянул руку к старой коре, то коснулся не давно умершего дерева, а чего-то твердого как скала. Дерево окаменело.

— Это мне подходит, — быстро сказал он, — а ты иди, пока есть время.

Эшла помогла ему забраться под каменную кору и спокойно устроилась рядом с ним.

— Мы дойдем вместе или вовсе не дойдем.

Нейла встревожил этот намек на предчувствие.

— Вовсе не дойдем?

Эшла наклонила голову и закрыла лицо руками. Нейл был уверен, что она не плачет, но во всей ее фигуре чувствовалось отчаяние, даже страх. Однако уже через минуту она снова подняла голову и положила руки на колени. Только глаза ее оставались закрытыми.

— Только бы вспомнить... знать! — воскликнула она, но не Нейлу, а обстоятельствам их бытия. — Иллиль знала, многое знала, а Эшла — нет. И иногда я не могу добраться через Эшлу к Иллиль. Нейл, что ты знаешь об Айяре, действительно знаешь?

Она открыла глаза и смотрела на Нейла так напряженно, словно его ответ был самым важным на свете и мог привести к спасению их обоих. И это зажгло в нем необходимость искать в своем сознании Айяра и то что Айяр знал.

— Я думаю, — неторопливо заговорил Нейл, проверяя наличие полной уверенности в каждом отдельном факте, — он был воином и Лордом Ки-Кик, но что это значит, я не помню. Он был Капитаном Первого Круга Ифткана и сражался там, когда ларши напали на Башни. Он был охотником и большую часть времени скитался в лесу. Вот и все, в чем я уверен. Иногда я срываю плод, замечаю след, вижу или слышу животное или птицу — и знаю о них то, что знал Айяр. Но о самом Айяре я знаю очень мало.

— Достаточно знаний, чтобы жить в лесу, — резюмировала Эшла.

Нейл выпрямился. Это дало ощущение нового пути!

— Может, Айяр больше ничего не предполагал дать мне! — выпалил он. — Достаточно знаний, чтобы выжить в лесу, а все остальное, насчет падения Ифткана, предполагалось забытым, но почему-то не забылось!

— Если у человека есть записывающий аппарат и нужно срочно передать сообщение, которое находится на одной из кассет, можно просто передать всю кассету, но часть сообщений окажется лишней.

— Записывающий аппарат! — удивился Нейл. — Разве Верующие пользуются ими?

— Нет. Но когда у моей матери было кровотечение, а молитвы Говоящего не помогли, пришел ее отец и отвез ее в порт, к инопланетному врачу. Я поехала с ней, потому что меня не с кем было оставить. Но было уже поздно. Если бы мы привезли ее раньше, ее можно было бы спасти. — Эшла помолчала, затем продолжила: — Там я видела записывающие аппараты и много других вещей, тех, что заставляют думать и удивляться. Я часто вспоминала и думала о том, что видела там. Ну, допустим, эти лесные знания важны для того, чтобы выжить, вот ты и получил память Айяра. Но другие части память тоже остались с тобой.

— А как начет Иллиль? Она тоже снабдила тебя такой помощью?

— Да. Знание животных, страх перед врагами, несколько съедобных растений, умение лечить, — Эшла нахмурилась, — которое может служить и оружием. Только... Иллиль была когда-то знатной персоной. Она знала Зеркало и имела право стоять перед ним и вызывать то, что находится в глубине воды. Я думаю, что она была кем-то вроде Говорящего у своего народа, Говорящего с невидимым оружием и невидимыми инструментами. И в том месте я это особенно почувствовала и поэтому хочу иметь это оружие.

— Против кого?

Она помрачнела.

— Не знаю! — Она снова поднесла руки к голове. — Это закрыто, но я знаю, что Оно здесь! И вспомнить то, что знала Ил-

лиль, очень важно. Здесь опасность гораздо хуже, чем лучемет, собаки или охотники с участков. Она осталась с древних времен — не то спит, не то терпеливо ждет... а теперь... — Опустив руки, девушка посмотрела на Нейла с ужасом, поднимавшимся из глубины ее глаз, а голос упал до шепота, когда она закончила: — Оно проголодалось и начало охоту.

Нейл почувствовал, что слушает не только ушами, но и всем существом, как охотник, который слушает фыркающую и принюхивающуюся собаку. И он знал, что им угрожает не животное, не человек. Это много старше, много сильнее и сложнее, чем любая форма жизни, известная Нейлу. Может, оно уже здесь? Или еще не проснулось, но уже начинает понимать, что длительный голод будет теперь утолен?

— Белый Лес! — вдруг сказала Иллиль, и страх Нейла вспыхнул от этих слов. — Это Опушка Белого Леса.

Рука ифта — меч,
Его сердце — во мраке
Холодного света луны.
Рожденный быть воином, встань –
Если Круг разорвется,
Дерево-башня падет.

Песня тянулась в тишине. В этой песне слышался мерный шаг воинов, звон мечей, рокот деревянных барабанов.

— «Рука ифта — меч!» — повторила она и быстрым движением подняла меч, который Нейл нашел в Ифтсайге. — «Во мраке холодного света луны!»

— Это было частью памяти Айяра, — сказал Нейл. — Ты понимаешь, что это означает?

— Мало. Чуть-чуть. Это пророчество, обещание, сделанное ифтом-героем в день Голубого Листа. И оно было выполнено. Но тогда был Голубой Лист, а наш лист — серый и увядший. — Она поворачивала в руках меч, разглядывая его. — Он был ключом к Сторожевому Пути, мы с тобой видели это. Но, может быть, это не только ключ. Возможно, это меч Кимона или подобный ему. Если так, то в нем сила и власть, в самой его природе. Иллиль, Иллиль, дай мне больше знания! — Последние слова она выкрикнула почти с рыданием.

Нейл взял у нее меч. Действительно, он видел зеленые искры, горевшие на кончике лезвия, и символ на замковом камне пылал в ответ. Но в руке Нейла этот меч был просто хорошо сработанным оружием.

— А что сделал Кимон? Он был героем пророчества?

— Да... Это было очень давно — в памяти туман. Кимон не побоялся опасностей Белого Леса и завоевал для Ифткана мир, так что люди его крови могли жить в Великих Деревьях. А то, что питало Белый Лес, было связано Клятвой Забвения и Отстранения. Затем Голубой Лист стал Зеленым, но Клятва все еще держалась между ифтами и Тем, Что Ждет. Но когда Зеленый Лист опал, ифтов стало меньше, и То, Что Ждет, зашевелилось. Клятва была громко произнесена перед Ифтканом, так что Пустошь не смела наступать. Но ларши, не дававшие Клятвы потому, что в день ее произнесения еще не умели говорить, ответили на приглашение Того, Что Ждет, и пошли под его начало. Таким образом они стали народом и их стало больше, в то время как ифты уменьшались в числе.

Когда Серый Лист дал почки, То, Что Ждет, опять зашевелилось, и Башни Ифткана задрожали. Клятва была заслоном для Горящего Света, но ларши, не дававшие Клятвы, стали руками Того, Что Ждет, его оружием. Ларшей было много, а ифтов — горсточка... — Эшла сложила руки чашей и развела пальцы. Айяр в Нейле отвечал волной ярости и отчаяния. — Так пришел конец Ифткану и ифтам. Связующей Клятвы больше не было, и То, Что Ждет, вольно было делать что угодно со своими слугами ларшами.

— И это есть в памяти Иллиль? — тихо спросил Нейл.

— Это передано Иллиль, но приходит ко мне расплывчато... Значит, теперь День Ларша, а Ночь Ифта прошла?

— Я думаю, что День Ларша тоже прошел. О них ни разу не слышали с тех пор, как первый корабль приземлился на Янусе сто планетарных лет назад.

— Ларши, может, и исчезли, но то, что послало их, не исчезло! В этой стране дремлют древние силы! — Голос ее окреп. — Может, это и не тот меч, что выковал Кимон и принес на Великий Праздник Меча в Белый Лес, но я знаю, что у этого меча есть своя сила и... — она сделала паузу, затем кивнула, словно

ее мысль подтвердил неслышимый для Нейла голос, — что ты должен принять участие в происходящем, помочь в достижении цели. Скоро наступит день, а день — это время Того, Что Ждет. Нам надо отдохнуть. Дай мне меч, Айяр-Нейл, и поспи, а во мне что-то пробуждается, может, я вспомню побольше. Если же я усну, я смогу пропустить...

Она говорила так уверенно, что Нейл не стал спорить, а лег на землю, и в его сознании закружились обрывки рассказанного Иллиль — Кимон, герой, заставивший произнести такую клятву, что деревья Ифткана могли служить его народу надежным убежищем, и прошли века, а Клятва удерживала в отдалении безжалостный Белый Лес, до тех пор пока ифтов не осталось совсем немного... Слишком слаба линия крови, слишком тяжел груз древней памяти, чтобы поддерживать свои крепости и свою жизнь против накатывающихся волн ларшей, только что вышедших из животного состояния и отважных в своем юношеском невежестве, против их растущей ненависти, любви к разрушению того, что они не строили и никогда не смогут построить, к уничтожению того, чего не понимали. Да, память Айяра говорила Нейлу, что Эшла права... Иллиль-Эшла была Хранительницей Зеркала.

Глава 14

ПЛЕННИКИ

Обнаженный меч лежал на коленях Нейла, здоровая рука была наготове на рукояти меча. По другую сторону поросшего кустарником оврага иссушенная зноем земля была залита слепящим светом солнца, но здесь, в стволе окаменевшего дерева, можно было смотреть и прислушиваться — чтобы уловить предупреждение. Эшла, свернувшись, спала. Капли пота блестели на ее лбу. Хотя слепящий глаза свет сюда не проникал, жар проходил свободно.

Нейл сидел и не отрываясь смотрел вдоль оврага. Когда солнце добралось до пятен толстой мясистой растительности, ее листья раскрылись, стали плоскими и начали питаться. Нейл видел, как на эти листья садились мелкие насекомые, крепко

приклеивались, а затем медленно втягивались в поверхность листа. Это место по своей природе было чуждым человеку.

Лесная страна была окружена поселенцами, которые боялись и ненавидели ее, но она была домом ифтов и поэтому близка всякой жизни, кроме той, что была соблазнена или подчинена себе врагом. В глазах Нейла все здесь было мертвым или умирающим. Он не ошибался: жизнь пустоши просто была совершенно иной и устрашающей.

Айяр дал Нейлу уши охотника и шестое чувство лесного жителя. И Нейл ощутил движение и осознал его. Затем отметил регулярное пощелкивание, вначале очень слабое, затем более громкое и опять слабое. Словно кто-то шел по краю оврага, не имея причины подкрадываться, — сторожевой патруль.

Может, это воображение? Однако ощущения говорили обратное, и так определенно, как если бы он своими глазами видел того, кто там идет. До каких пор беглецы будут сидеть в этой яме? Это «до каких пор» могло иметь много значений: до вынужденного боя, до гибели, до прихода значительно превосходящей их силы.

Память Айяра не снабдила Нейла изображением того, с кем связан этот щелкающий шаг. Теперь щелканье стало громче и шло уже с другой стороны оврага. Либо страж обходил весь овраг, либо их было двое. Разумнее было бы выскочить из укрытия, пока здесь только один страж или хотя бы двое, но беглецы не решались на такой шаг: их ослепит солнце, и они не смогут ни бежать, ни сражаться. Какое-то летающее создание спланировало вниз и пронеслось прямо над растительностью в овраге.

Хурурр? Нейл на секунду поддался невероятной надежде, но эта надежда обманула его и даже предала: он попытался послать мысль-контакт летящему и получил ответ настолько вне его понимания, что тот показался ему чудовищным ударом, швырнувшим его к противоположной стенке ствола. Это не летающее существо отвечало, слабо подумал Нейл, а разум, интеллект, пославший меньшее и слабейшее создание искать его, Нейла.

Кажется, Нейл закричал, но он не был в этом уверен, возможно, он только противился этому вторжению чужого сознания. Он был уже не в стволе дерева, а в каком-то месте, которое не мог описать словами, и противостоял существу или разуму, не

имеющему формы, а только силу и чуждые цели, существу, для которого Нейл и его род были ненужной загадкой, так как не подходили под шаблоны, созданные этим существом. И именно этот факт непохожести показался Нейлу щитом. Нейл чувствовал, что у него есть какая-то защита от врага, бьющая прямо в сердце этой поглощающей уверенности.

— Ка-Как! — вырвался у Нейла древний боевой клич.

— Нейл!

Его голова была прижата к окаменевшему дереву. Руки Эшлы лежали на его плечах, ее глаза смотрели на него так пристально, будто силы этого взгляда было достаточно, чтобы вернуть Нейла назад оттуда, где он стоял перед Врагом.

— Оно движется! Оно знает! — Лицо ее было застывшим, суровым, ее глаза все еще держали его, как бы обыскивая его сознание в поисках какой-то мысли, какого-то ощущения, которых в нем не могло быть. Затем чуть заметно кивнула. — Подтверждается древняя истина! *Это* может убить нас, но не сломить, даже если здесь Нейл-Айяр, а не настоящий Айяр!

Мысль Нейла была смутной, он сам не вполне осознал ее:

— Возможно, именно *из-за* Нейла, а не *несмотря на* Нейла.

Она подхватила его смутную мысль:

— Если так, то все в порядке. Проиграв в древнем знании, мы что-то выигрываем взамен. Но... *Оно* знает о нас!

Нейл осторожно пробрался вдоль внутренней части ствола. Он не знал, сможет ли увидеть стражей, тех, что щелкали, или летающих. Эшла предупреждающе подняла руку и показала вверх.

Крылатый разведчик все еще был наверху и подал голос. Не зовущий посвист или щелканье клюва кваррина, а долгий дрожащий плач, более подходящий для грозового неба и сильного ветра, чем для залитого солнцем дня. И Нейл увидел, как пролетело это создание. Увидел ли? Он испытывал сомнения: свет был слишком ярок для его глаз. Может, это проплыло облако. Нейл заметил только, что оно было блестяще-белым и неопределенной формы.

— Вряд ли это птица, — высказал он свою первую догадку.

— Это Следящий и Ищущий... — Эшла вытерла лоб тыльной стороной руки. — Каждый раз узнаешь только кусочек чего-то.

Сам по себе он нестрашен, он только добавление к чему-то другому...

— Тихо! — сказал Нейл беззвучно, одними губами, так как боялся, что страж сможет расслышать даже шепот. Щелканье раздавалось с противоположной стороны оврага. Нейл посмотрел в дырку в стволе, прикинул расстояние и высоту растительности, а затем подергал повязку, на которой висела его поврежденная рука.

Эшла хотела протестовать, но Нейл показал знаками, что он хочет сделать, и она ослабила тугую травяную перевязь, чтобы освободить его руку. Нейл начал медленно и осторожно выползать на открытое место.

Щелканье смолкло — страж перешел на дальней склон оврага. Нейл нашел удобный для наблюдения пост — пологий бугор, с которого можно было видеть небольшую часть края оврага. Но вот щелканье возобновилось. Нейл медленно сполз в кустарник, который стал щитом между ним и стражем. Нейл рассчитывал на то, что он, со своей зеленой кожей и созданной для маскировки в лесу одеждой, не будет обнаружен, если, конечно, не станет шевелиться.

Страж появился в поле зрения, и Нейл, не веря своим глазам, уставился на него: это было не чудовище из прошлого Януса, не чужеземный кошмар, а то, что Нейл уже видел, и не один раз. И теперь, когда его растерянность прошла, он осознал, что эта штука неправильна в одной детали.

Инопланетник в скафандре шел прыгающей походкой человека, одетого в неудобную одежду. Щелкающий звук происходил от магнитных пластинок на подошвах — обычное снаряжение инопланетника с какого-нибудь космического корабля. Весь скафандр был тяжелым, объемным, шлем типа «форсдженал» был украшен на затылке что-то вроде петушиного гребня. Эти гребни перестали делать много лет назад. Нейл вспомнил дни, когда он свободно расхаживал по отцовскому кораблю. На всех скафандрах были шлемы «халмейкер». Ну, конечно, «форсдженал» можно увидеть только в музеях устаревшего оборудования. Этот скафандр был по меньшей мере столетней давности!

Нейл хотел удостовериться, что это не какая-то галлюцинация, вызванная его слабым дневным зрением, и с нетерпением прислушивался, когда вернется щелканье сапог по камню. Зачем страж носит скафандр на планете, условия которой для человека благоприятны — ведь, судя по всему, он терранец или потомок терранцев.

Щелк... щелк... Нейл поднял голову как можно выше, но не высовывался из-за маскирующего куста. Да, точно, «форсдженал»! Когда он установил этот анахронизм, он обратил внимание на другое: скафандр был древним. Ни один современный космолетчик, каковы бы ни были его средства, не доверит свою жизнь скафандру из далекого прошлого. И, конечно, современный космолетчик не мог пользоваться им, возможно, даже не знал, как приводятся в действие некоторые детали этого архаичного сооружения.

С дрожью внутри, несмотря на жару, Нейл подождал, пока щелканье затихнет, и быстро вернулся в ствол дерева.

— Что там? — спросила Эшла.

Нейл замялся. Странное дело, он частично смог принять то летающее существо за инструмент чужого разума. Он принял собственное физическое изменение, память Айяра, как часть его, Нейла, сознания — все это было легче принять, чем скафандр столетней давности, методично шагающий по краю оврага в этой пустыне. Может, из-за того, что силы ифтов были чужды ему, он принимал их на веру, как ребенок верит старой сказке, в то время как ходячий скафандр — вещь конкретная, не связанная ни с памятью, ни с эмоциями, являющаяся просто фактом — и вдруг этот факт оказывается невозможным.

Скафандр шел, но кто был внутри? Со своего наблюдательного пункта Нейл не мог разглядеть черт лица за лицевой пластиной шлема. Было только странное, совершенно непонятное и тревожное ощущение пустого скафандра, одушевленного кем-то, кого Нейл не ощущал, и скафандр повиновался, как повиновалось летающее создание.

— Что там? — Эшла села рядом и положила руку на его здоровое плечо. — Что ты видел?

— Ходячий скафандр, — ответил Нейл.

— Скафандр... Кто?

— Что, — поправил Нейл. — Это очень древний костюм.

— Старый? Однажды говорили, что охотничий отряд из порта потерял...

— Древний. Ни один охотник не наденет здесь скафандра. На Янусе никто их не стал бы носить. Эта планета по условиям подходит выходцам с Терры.

— Я не понимаю.

— Я понимаю только отчасти, — сказал Нейл. — То, что здесь... имеет другого слугу, бывшего инопланетника, но теперь он... или оно...

— Через два часа солнце зайдет. Сумерки более благоприятны для нас. Этот скафандр делает его обладателя неуклюжим. Тот, кто носит его, не может быстро передвигаться по изрытой земле.

— Ты права. — Нейл уже вывел такое же заключение. Но он знал еще кое-что: на этой фигуре был пояс для оружия. Если не было бластера, то были инструменты, которыми можно пользоваться, как оружием. Нейл сказал об этом Эшле.

— Все очень старое, — сказала она. — За долгое время вряд ли сохранился заряд в сварщике или тросарезе.

Нейл опять удивился ее знакомству с инопланетными машинами и инструментами.

— После смерти матери я несколько дней пробыла в порту. Там было на что посмотреть и над чем поразмыслить, — сказала она в ответ на его невысказанный вопрос, — и там не было тех, кто сказал бы, что такое знание — зло.

— У тебя всегда было стремление к инопланетным знаниям?

— После порта — да. А еще я хотела побольше узнать о лесе — не об уничтожении его, как делали на участке, а знать, какой он — свободный, высокий, прекрасный. Такие желания у меня были еще до того, как я стала Иллиль. Но все это не относится к скафандру и к тому, что он может сделать. Я не думаю, что мы сможем переждать его здесь.

— Нет. — Нейл уже решил. — Вода у нас на исходе, пища тоже. Как стемнеет, мы пойдем. Овраг длинный и узкий, идет с северо-востока на юго-запад, насколько я помню, хотя, когда мы шли сюда, в моей голове не было ясности.

Эшла закрыла глаза, представляя себе местность.

— Ты прав. Другой конец очень узкий, почти как лезвие меча, направленного вот так. — Она изобразила пальцами.

— Если мы сумеем пролезть через этот узкий конец, это для нас лучший путь. Скафандр идет ровным шагом. Как только будет достаточно темно, мы укроемся на дне оврага и станем ждать, пока скафандр пройдет в этот конец, а затем пробираться на запад, пользуясь тенью, как укрытием.

— Тут слишком много случайностей.

— Рискнем или будем сидеть здесь, пока не сдохнем или пока нас не выкурят отсюда, как крыс! — разозлился Нейл.

К его удивлению, Эшла мягко улыбнулась:

— Нет, воин, я не ставлю под сомнение твой план, потому что у меня в мыслях тоже только это. Но есть ли у нас скорость в ногах, хватит ли у нас ловкости, чтобы найти способ выйти отсюда?

— Мы это узнаем.

Это утверждение прозвучало не так оптимистично, как ему хотелось. И за то медленно ползущее время, пока они ждали темноты, Нейл познал нетерпение, а затем растущее ощущение полнейшего безумия того, что они собираются сделать. По биению пульса он мог точно измерить шаг стража и прикинуть, сколько времени тому потребуется, чтобы обойти весь овраг.

Эшла снова легла и положила голову на руки. Нейл удивлялся, как она может сейчас спать.

Солнце заходило. Тени росли. И все время регулярно звучал клик-клак стража. Наконец Нейл слегка толкнул девушку:

— Пошли. Держись низко, под кустами, но по возможности не касайся растений.

— Ты имеешь в виду плотоядных? Да, я видела их работу. Не подвязать ли тебе руку снова?

— Нет. Пусть уж будет сбоку, если придется ползти. А теперь — держись позади и старайся не колыхать кусты.

Они шли, и минута быстрого движения сменялась часом прислушивания и минимального движения. Нейлу хотелось вскочить и бежать по долине с обнаженным мечом, а приходилось ползти.

Так они добрались до узкой щели. Теперь им предстояло подняться на десять футов — на открытый камень равнины. Идти

назад, к реке, означало пройти в открытую мимо стража, а на это Нейл пока не решался — разве что если не будет другого выхода.

Он начал подниматься, молясь, чтобы пальцы не соскользнули, и упираясь носками сапог. Снизу его подталкивала Эшла. Наконец он лег на край расселины и опустил вниз здоровую руку, чтобы помочь девушке подняться. Страж шел по другой стороне оврага.

— Левее! — Нейл с благодарностью взглянул на черное пятно тени от обломка скалы.

Их выдал меч. Нейл вложил его в ножны перед тем, как лезть, и теперь оружие в ножнах с шумом зацепилось за камень.

— Быстро! — Эшла ухватилась за Нейла и потащила его вперед. — Ох, пожалуйста, быстрее!

Они проползли в это темное пятно, но регулярное щелканье космических сапог сменилось громким стуком. А затем тишина. Может быть, страж достал оружие из-за пояса? Взметнется ли полоса огня, предназначенная для сварки треснувшей обшивки корабля, вокруг их скалы, словно кнут пастуха, загоняющего отставшее животное обратно в стадо?

— Айяр! Сзади!

Нейл круто обернулся. С той стороны к ним шел не скафандр, а скачками бежали бледные существа, похожие и непохожие на собак с участков. Но собаки были животными, их род с давних пор знал и подчинялся человеческому роду, а эти же создания были совершенно другого племени, вне всякой связи с природой, насколько мог понять Нейл.

— Вайты ларшей!

Теперь Айяр вспомнил такие стаи, охотящиеся меж деревьев Ифткана. Это охотилось само зло, но одного такого зверя он встретил с мечом в руке, как и сейчас. Узкая голова с горящими желтыми глазами оскалилась на Нейла. Он размахнулся, разрубил череп вожака и отшвырнул назад, к стае. Выбирать следующего не было времени, потому что зубы уже подбирались к горлу Нейла. Он ударил мечом снизу вверх, и второй вайт упал.

— Держись позади меня, — приказал Нейл Эшле.

— Нет, в эту ночь я тоже охочусь на вайтов! — услышал он ее ответ и увидел, как она отражает их атаки своим длинным охотничьим ножом.

Нападение дорого обошлось своре, и она немного отступила. Один вайт поднял голову и издал долгий вой. Ему ответили — с темного неба. Кричало летающее создание, парившее над оврагом. А затем, пока вайты держали людей в кольце, появилась фигура в скафандре.

Странное партнерство — вайты и закованный в металл незнакомец. Однако вайты приняли фигуру в скафандре как своего вожака и расступились, дав ему проход. Он шагнул в круг и остановился прямо перед беглецами. Нейл пытался рассмотреть лицо за пластиной шлема. Одноцветная поверхность была затуманена, покрыта паутиной тонких линий и трещин и полностью скрывала носителя шлема.

— Берегись! Эй, берегись!

Нейл так увлекся попыткой распознать врага, что не заметил движения рук в перчатках, пока Эшла не закричала. Однако предупреждение не могло спасти их. Старинный скафандр был, может, и неуклюжим по современным стандартам, но зато надежно сделан, прекрасно экипирован для опасной работы, и ничто, кроме бластера, не могло удержать его от выполнения задания.

Они были уже способны бороться за существование. Они стали беспомощными пленниками того, кто был в этом скафандре, прятался за растрескавшейся пластиной... или его хозяина.

Он что-то накинул на них и повел.

Глава 15

БЕЛЫЙ ЛЕС

Темная чаша долины раскинулась ниже того места, где они остановились. Появление луны превратило неопределенное мерцание в яркое свечение. Нейл прикрыл глаза рукой. Пальцы Эшлы сомкнулись на его локте.

— Белый Лес, — сказала она, и голос ее звучал сухо и невыразительно, но, подумал Нейл, вряд ли это от усталости, вызванной их путешествием по изрытой равнине пустоши.

С тех пор как кольцо света, созданное скафандром, окружило их и повернуло обратно к краю этой запретной территории, они шли вслед за захватчиком в скафандре прямиком на север, в неизвестность. Свора вайтов трусила на расстоянии, прикрывая тыл.

Окружавшее ифтов кольцо света сделало их достаточно послушными и заставило двигаться по команде, исходящей откуда то из скафандра. На все их попытки общения ответа не было. Куда они шли? В этот лес?

Это был лес, если можно так назвать поросль, вертикально поднимающуюся от земли и протягивающую густые ветви, но лес этот был из ветвящихся сверкающих кристаллов. Здесь не шелестели листья, не было цвета, кроме радужного мерцания в лунном свете. Деревья были как бы сделаны изо льда.

Контролирующее кольцо тянуло их вниз по склону в это место холода и смертоносной красоты. И оно действительно было смертоносным. Память Айяра несла Нейлу страх, ужас, когда человек стоит перед каким-то неизмеримо большим, чем он сам, врагом, и врагом не лично его, а всего его рода. Как раньше терранские племена боялись тьмы и того, что невидимо ходит во тьме, так ифты издавна чувствовали отвращение к яркому свету и к тому, что может жить в этом сиянии. Но у Нейла и Эшлы не было выбора — их вели на поводке, как упирающихся собак.

Когда они спустились в этот белый свет, вайты уже не провожали их. Возможно, они тоже считали это место страшным и не собирались подвергать себя этому страху.

Поверхность под ногами Нейла захрустела. Он поглядел вниз и увидел следы разбитых кристаллов, превратившихся в искрящуюся пыль. Тяжелые отпечатки ног стража в скафандре были отчетливо видны, и они накладывались на другие следы, неизвестно кого.

От дерева шел звон. Подойдя ближе, Нейл увидел, что горизонтально вытянутые ветви находятся очень высоко — не выше макушек обычных деревьев, как на деревьях-башнях Ифткана, но все-таки очень высоко.

— Белый Лес, — сказала Эшла, — растет высоко и прямо. — В ее голосе слышались странные нотки, и Нейлу показалось,

что это говорит Иллиль. — Но он не настоящий, он не живой... Значит, его нет!

Он не понял, что она хотела этим сказать, но ему показалось странным такое отрицание того, что они оба видели.

— Создано, выращено волей, — продолжала она, — оно живет по воле и умрет по воле. Но воля эта не может сделать второй Ифткан, как ни пытается.

Они прошли под большими твердыми ветками первого «дерева». Звон колокольчиков стал громче, но в нем появилось злобное шипение. Эшла засмеялась и показала на другое дерево.

Листья растить — не можешь!
Живое питать — не можешь!
Путнику тень дать — не можешь!
Накормить его плодами своими — не можешь!
Лес поддельный боится жизни,
Боится дождя и всего, что для дерева — благо...

Ее голос снова стал напевным, она опять схватила Нейла за руку.

— Почему я это сказала? Если бы я могла держать в голове древнее знание так же крепко, как ты держишь меч в руке, мы с тобой, возможно, пошли бы тропой Кимона и... и... — Она покачала головой. — Но даже способ победы Кимона для меня сейчас потерян. Будь у нас древнее знание, мы могли бы бороться. В пробелах моей памяти есть какая-то тайна; когда я хочу узнать дальше — именно это всегда уходит от меня. Здесь место Силы, но не Силы Ифткана, и, значит, одну можно противопоставить другой, если иметь надлежащий ключ.

Шипящее позвякивание леса звучало все громче. Их окружил какой-то странный шорох. Но шаг скафандра не изменился, державшее пленников кольцо тащило их следом.

Чуть заметная тропинка, змеившаяся под уклон, повела их теперь между стволами кристаллических деревьев, а лунный свет переливался на сверкающих поверхностях и гранях, сбивая с толку людей и вызывая их смятение. Если слабый свет луны создавал такой потрясающий эффект, то что же делает солнце с этим лесом, с его сверкающими стволами?

Никакой жизни тут не было. Это было место смерти.

— Иллиль помнит это? — спросил Нейл.

— Слабо. Очень слабо.

— Ты представляешь, куда мы идем?

— Нет. Знаю только, что это будет опасное место, потому что оно противоположно тому, что живет в Зеркале. Они в равновесии.

Земля все еще шла под уклон. За время их короткой остановки на краю долины Нейл не мог оценить, какова протяженность кристаллического леса. Возможно, тот, кто контролирует стража в скафандре, вайтов и летающих существ, находится в самом центре этой местности.

У Нейла пересохло во рту, нога тупо болела, рука тоже. Он знал, что Эшла тоже голодна, устала и хочет пить. Пища, вода, отдых — они страшно нуждаются в этом и будут нуждаться все сильнее, пока их путешествие не закончится.

Кристаллические ветви над их головами сплели густую сеть, закрывшую ночное небо. Люди шли, как под ледяным пологом. Могли ли они отметить свой след для возможного возвращения?

Нейла вывели из этих соображений пальцы Эшлы, впившиеся в его руку. Он удивленно оглянулся, но она словно бы не видела его, а пристально смотрела на дерево впереди. В стволе отражался...

Сначала Нейл подумал, что эта зеленоватая фигура — он сам или Эшла, но потом сообразил, что под таким углом они не могли отразиться. Это был ифт, но другой. Кто он? И где?

Они сделали еще два шага, и изображение исчезло, будто его и не было совсем. Но они чувствовали и знали, что они не одни в этой сверкающей тюрьме.

Если скафандр и видел отражение, он ничем не показал этого, не остановился, не замедлил шаг. Нейл почти убедил себя, что и он сам ничего не видел, но Эшла была уверена в реальности виденного.

— Ифт, такой же, как и мы, — сказала она. — Тоже пленник.

— Почему ты так думаешь?

— В Белом Лесу может быть только ифт-пленник. Это место — смерть для нас.

Теперь земля стала ровной. Видимо, они приблизились к центру долины и к тайне, содержащейся в ней. Кристаллические деревья были здесь очень высокими, лишь немного ниже деревьев-башен Ифткана, и почти не имели веток, только на самом верху находилась крона, словно шляпка гриба.

Пленники вдруг оказались у лестницы, похожей на ту, что вела к Зеркалу, только теперь они спускались вниз, в другую долину или расселину, как бы прорезанную в земле мечом гиганта — но здесь была не земля, а стеклянная глазурь, мучительно бьющая в глаза нестерпимыми бликами.

Нейл с сомнением оглядел лестницу. Спуск под таким острым углом представлял собой испытание даже для сильного мужчины.

Их страж поднял закованные в металл руки и лениво подбросил маленький диск. Эшла завизжала, Нейл тоже вскрикнул, потому что их потащило за этим крутящимся диском. Ноги их скользили по гладкой поверхности стеклянного края, затем их подняло в воздух над расщелиной, и удержаться не было никакой возможности.

Однако быстрого падения, как боялся Нейл, не последовало. Они полетели в пропасть, но не настолько быстро, чтобы внизу разбиться. Вокруг них поднимались молочно-белые стены, идеально гладкие, без единого ориентира, если не считать ленты лестницы. Нейл вертелся вокруг своей оси и вспоминал, что такое с ним было однажды на корабле. Но если он пытался приблизиться к Эшле или к лестнице, то оказывалось, что он все время находился под невидимым контролем.

После первой вспышки ужаса Эшла успокоилась, хотя Нейл слышал ее тяжелое дыхание, видел откровенный ужас в широко раскрытых глазах. У нее не было объяснения странности этого полета, потому что она никогда не испытывала невесомость.

— Это... свободное падение... как на корабле... — выкрикнул Нейл. Ему удалось схватить ее рукой за запястье, так что они чуть-чуть приблизились друг к другу. — Это управляется, видимо, лучом диска.

Но сейчас важно было, *куда* они летели, а не *как*. Под ними были какие-то мрачные волны, не то пар, не то дым, однако

жара в воздухе не ощущалась. Когда первые волны этого мрака окутали их, Нейл не заметил изменения температуры. Их несет не в пламя, и это уже хорошо.

Темнота сгущалась. Долго ли им еще падать? Полет вниз продолжался. Пробившись сквозь тьму, они вновь оказались среди кристаллов. Здесь кристаллы не походили на деревья наверху, а напоминали гроздья грубых геометрических форм. Может, это были башни, укрепления, чуждые здания, и все они пульсировали линиями света, узора которых Нейл не мог понять.

Они еще не долетели до поверхности, когда на их ногах вспыхнули искры. То, что держало людей в воздухе, исчезло, и они упали между двумя высокими хрустальными стенами.

Нейл встал и помог подняться Эшле. Звон колокольчиков, бывший составной частью этого мира с тех пор, как они вошли в Белый Лес, теперь смолк, и полная тишина испугала их.

— Что это за место? — спросила Эшла, крепко ухватившись за Нейла.

— Иллиль не знает?

Эшла покачала головой:

— Иллиль спит... или ушла. — В ее ответе слышалась печаль одиночества.

Нейл попытался обрести контакт с Айяром, но ничего не получил из его памяти. Они были полностью предоставлены самим себе, чужие, пленники в чужом месте. Но это не означало, что они должны сидеть и ждать беды! Можно пытаться действовать самим на поле битвы! И Нейл подумал, что, когда управляющий луч коснулся земли, он перестал действовать, так что они теперь свободны от его уз.

— Пошли! — Он поднял Эшлу. Его рука была все еще в лубке, хотя и не привязана к боку. Можно ее так и оставить, он не может пользоваться правой рукой, а меч у него не отобрали. Но может ли меч послужить защитой от разума, обрушившего на них теперешние несчастья?

— Куда мы пойдем? — спросила Эшла. Вопрос был резонным. Над стенами клубился туман. Видимости хватало лишь на несколько ярдов в любом направлении. Инстинкт предупреждал Нейла оставаться там, где их высадил диск. Туман был

помехой, но мог также оказаться и укрытием. Об этом Нейл и сказал ей. — Тогда в какую сторону? — Эшла повернулась, изучая невидимую местность.

— Когда мы падали, там была лестница, — сказал Нейл. — Может, дойти до ее подножия?

— Есть ли у нас надежда найти пищу и воду? — Она облизала сухие растрескавшиеся губы. — Наверное, должны быть, потому что нас доставили сюда бережно. Если бы собирались убить, зачем было заботиться о нашем спуске? — Эшла говорила медленно, как бы рассуждала сама с собой. — Так ведь?

— Так... Значит, где-то здесь есть пища и вода? Наверное, ты права, но сколько времени мы потратим на поиск вслепую?

— Пока человек жив, у него есть и надежда. Если мы взберемся по лестнице, мы опять попадем в Белый Лес, и там нас будет ждать эта штука в скафандре, а то и солнце в зените. А оно там здорово сияет!

Пути наверх не было. Подняться в солнечный свет, сияющий ослепительным блеском в этих кристаллических деревьях, означало верную смерть.

— Тогда куда же? — теперь уже спросил Нейл.

— Видимо, нам придется надеяться на удачу. — Эшла остановилась, подняла что-то и стала перекатывать в руке. — Это то, что принесло нас сюда. Посмотрим, может, нам повезет, и он доставит нас и дальше?

Она закрыла глаза и, быстро повернувшись, отбросила от себя диск.

Раздался слабый звон. Диск отскочил от стены и лег на землю у большого отверстия в стене. И они решили испытать этот путь.

Здесь было что-то вроде уходящего вдаль прямого коридора. Хрустальные стены, полузатянутые туманом, поднимались выше головы.

— Слышишь? — Эшла заспешила вперед, безошибочно узнав шум воды.

Они шли, торопясь, оступаясь, а шум воды становился все сильнее. Коридор, похоже, закончился, и они вышли на открытое пространство, хотя ничего и не было видно.

Это не было настоящей рекой, как они сначала подумали. Вода текла, как ей положено, но ее русло было хрустальным желобом.

Упав на колени, Эшла погрузила обе руки в воду, как бы проверяя реальность того, что видели ее глаза, а затем напилась. Возможно, верить в безвредность того, что они найдут в этом месте, было величайшей глупостью, но сопротивление Нейла тут же исчезло, и он последовал примеру Эшлы. Вода ничем не отличалась от той, что он пил в лесном ручье, — чистая, холодная, она как бы вливала в тело новую жизнь.

— Как видишь, — улыбнулась Эшла, — Фортуна к нам благосклонна. Воду мы нашли.

Утолив жажду, Нейл присел на корточки. Разум его снова заработал.

— Мы нашли не только воду, — сказал он. — Вода ведет...

— Ты хочешь сказать — следовать этому потоку до его начала или до конца? Да, это хорошо.

— Вода — хороший проводник. К тому же у нас нет возможности взять с собой запасы.

Мешок с флягой и остатками пищи пришлось оставить в том окаменевшем дереве, где они прятались.

— Но какой путь мы выбираем: вверх по течению или вниз?

Нейл не успел ничего сказать, как Эшла вдруг вскрикнула, бросилась к воде и выловила стручок, полный зерен и совсем свежий.

— Он приплыл сверху! Где один, там могут быть и другие!

У Нейла появилась та же надежда. Он поднялся.

— Раз он плывет сверху — пойдем вверх!

Глава 16

ТЮРЬМА ИФТОВ

— Я думала, — Эшла облизала губы, — что мечтаю только о воде, но теперь чувствую голод и усталость. Дойдем ли мы когда-нибудь до начала этого потока?

— Похоже, что мы к чему-то приближаемся.

Нейл вглядывался в туман. Смутно проступающий контур, который он видел впереди, сохранялся неизменным, несмотря на наплывы и колыхания этой разряженной массы.

Наконец перед ними оказалась хрустальная стена, тянущаяся, насколько можно судить, через всю долину. Водный поток, что вел их, стремительно выливался из прохода в стене, но проход был слишком узок, чтобы через него можно было пройти. Эшла обессиленно села.

— Обратно я не пойду. Мне очень жаль, но я не могу, — просто сказала она, и ее спокойный тон подчеркнул капитуляцию перед этим последним ударом.

— Не обратно! — Нейл подошел к стене. Она была гладкой, но там и сям встречались впадины. Через нее можно перебраться — ну, может быть, не он с одной рукой, но хотя бы Эшла. — Не обратно, — повторил он, — а через стену. Она дырявая, ее можно использовать как лестницу.

Эшла подошла к стене, осмотрела ее и бросила взгляд на Нейла.

— А ты? Распустишь крылья и перелетишь?

— Нет, но есть вот что. — Он снял перевязь для меча. — Поднявшись наверх, ты зацепишь ее за что-нибудь и спустишь мне конец.

Эшла с сомнением поглядела на стену и на Нейла. Он старался победить ее апатию.

— Мы должны сделать это немедленно, пока у нас еще есть силы. Или ты предпочитаешь оставаться здесь и оплакивать нашу судьбу, пока нас не прикончит голод?

Эшла улыбнулась, но на ее исхудавшем лице была не радость, а скорее намек на грусть.

— Ты прав, воин. Сражаться лучше, чем сдаваться. Я поднимусь.

Нейл вовсе не был уверен, что даже с помощью ремня сумеет одолеть стену. Но это был их единственный шанс. Судя по собственному головокружению и слабости, он думал, что назад они все равно не смогут вернуться.

Эшла медленно и осторожно карабкалась, ощупывая каждую впадину, прежде чем зацепится за нее. Нейлу казалось, что она

взбирается уже целые часы. Но вот, наконец, ее голова и плечи оказались за краем, и она заглянула на ту сторону. Когда она обернулась к Нейлу, ее лицо сияло радостью.

— Там настоящий лес! Мы поступили правильно!

Ее сообщение помогло ему напрячь последние силы и энергию, чтобы подняться с помощью ремня и Эшлы. Теперь они смотрели на приветливый серо-зеленый лес. Это был не Ифткан и даже не тот лес, в котором бесчинствовали поселенцы, но все-таки лес.

Нейл не видел ничего, кроме этой зелени. Его вывело из оцепенения то, что Эшла внезапно напряглась. Голова девушки повернулась, остроконечные уши отогнулись от головы, глаза пристально смотрели в лес.

— Что там? — Нейл подавил всплеск тревоги. Он ничего не слышал и не видел в ожидающей их лесной стране. — В чем дело?

Но Эшла уже перекинула ноги через край и быстро спускалась. Затем, даже не оглянувшись, будто Нейл для нее больше не существовал, побежала по мелкому кристаллическому песку к деревьям и исчезла.

— Эшла! Иллиль! — глухо прозвучал голос Нейла, и этот единственный звук умер в слабом эхе.

Нейл медленно и неуклюже спустился на землю. Здесь тоже тянулся туман, то скрывая местность, то позволяя ее видеть. Это тоже, подумал Нейл, настоящий лес. И Эшла исчезла в нем. Он пошел по слабому следу, оставленному ею на песке.

Внешне это был лес как лес, но уши Нейла напрасно прислушивались в поисках хоть каких-нибудь звуков, производимых насекомыми или лесными обитателями; тут стояла тишина. Этот лес был как бы уменьшенной копией других лесов.

Его взгляд — взгляд охотника — находил следы поспешного бега Эшлы: сломанные веточки, сорванные листья, отпечатки ног на земле. Похоже, что она бежала к какой-то цели, не обращая внимания на препятствия. Куда и зачем?

Наконец Нейл очутился на поляне.

Два... три... четыре, считая с тем, который стоял напротив Эшлы. Четыре зеленокожих, большеухих — измененных? Или

настоящих ифтов? Все они были мужчинами в разорванной лесной одежде, такой же, как у Нейла. У двоих были такие же мечи, как у Нейла, у одного — деревянное копье с хрустальным наконечником. Нейл быстро оглядел группу и все внимание перенес на человека, стоявшего перед Эшлой.

Незнакомец был примерно на дюйм выше остальных, но в остальном ничем не отличался. Нейл пытался понять, в чем дело. Когда он смотрел на этого оборванного спокойного человека, то чувствовал к нему уважение, готовность поступиться своей независимостью и свободой. Такое чувство появилось у него лишь на мгновение, и Нейл поборол его.

— Кто ты? — спросил человек.

Нейл готов был ответить, но сообразил, что вопрос относится к Эшле.

— Иллиль. А ты — Джервис, — ответила она уверенно, почти нетерпеливо, как бы считая такой вопрос ненужным.

Рука человека поднялась в предупреждающем жесте.

— Я Пит Сейшенс.

— Ты Джервис, Мастер Зеркала!

Человек проворно шагнул вперед. Его ладонь закрыла ей рот, другой рукой он крепко схватил девушку. Нейл прыгнул к ним с обнаженным мечом.

Эшла отчаянно, но тщетно пыталась вырваться из рук человека. Нейл замешкался, боясь задеть девушку, и это колебание оказалось для него роковым. Инстинкт предупредил его, но на долю секунды позже, чем следовало. Тупой конец копья ударил его по голове, и Нейл упал.

Холод... зелень... он лежал на траве в Ифткане, и ветви над ним пели в осеннем ветре. Ночью будет праздник Прощания с Листьями, и он пойдет во Двор Девушек для выбора.

Девушки... Одна... С худым бледным лицом, немного усталым и печальным, Эшла... нет, Иллиль. Иллиль-Эшла, одно имя уравновешивает другое...

— Вот таким образом, сестренка. Мы как были здесь, так и останемся, пока не победим.

Слова из воздуха. Нейл не понял их, но услышал ответ:

— Ну, тогда я Эшла с участка.

— Здесь ты всегда Эшла, не забывай этого. А я — Пит, а это — Монро, Дерек и Торри. А твой порывистый друг — Нейл. Мы инопланетники, поселенцы, только и всего, и ничего более.

— Но ведь это не так. Достаточно поглядеть на нас.

— Мы абсолютно чужды этой Силе. Дело не в физическом облике, а в сознании, в памяти, содержащейся в нем. Сейчас Оно в сомнении, в неуверенности насчет нашей идентичности. Но в один прекрасный день Оно узнает правду...

— Понимаю.

Нейл ничего не понял, но заставил себя открыть глаза и повернуть голову. Он лежал на груде листьев под грубым навесом. Неподалеку был небольшой костер, вокруг которого сидели четверо мужчин и Эшла. Человек, сидевший рядом с ней, повернул голову, встретился глазами с Нейлом, быстро поднялся и присел рядом с ним на корточки.

— Как ты себя чувствуешь?

— Кто ты? — вопросом ответил Нейл.

— Я Пит Сейшенс, перворазведчик, Служба изысканий. А это, — он махнул рукой в сторону человека у костра, — Хэф Монро, штурман-пилот с «Торова камня».

В Нейле шевельнулось далекое воспоминание: «Торов камень» — давно пропавший крейсер... Неужели это правда?

— Дерек Верстер с участка Верстеров, и Ледим Торри, врач Синдиката.

Синдикат? Но люди Синдиката покинули Янус тридцать лет назад! Однако зеленокожий ифт, которого Сейшенс представил как врача, казался совсем юным. перворазведчик, штурман-пилот, мастер участка, врач Синдиката — широкий спектр должностей на Янусе, охватывающий, возможно, все то время, с какого планета была обнаружена изыскателями.

— Вы все... — Нейл споткнулся на слове, впервые услышанном им на участке Козберга, — подменыши!

Большеухая голова Сейшенса медленно качнулась в знак отрицания, тем более выразительного, что этот жест был медленным.

— Мы — инопланетники из разных времен и миров, попавшие на Янус по разным причинам. Вот кто мы сейчас и кто мы будем *здесь*. А кто ты?

— Нейл Ренфо, купленный рабочий.

— Хорошо. Не забывай этого, Нейл Ренфо, и мы легко договоримся. Прости, что нам пришлось тебя ударить, но на уговоры не было времени.

— Что это за место? Как вы сюда попали? — Нейл приподнялся на локте. В голове билась тупая боль, но он уже достаточно пришел в себя, чтобы понять речь Сейшенса — тот предупреждал о какой-то вполне реальной опасности.

— Это... в некотором роде тюрьма. Мы сами не слишком много знаем о причинах нашего ареста, разве что ощущаем беспокойство. Как мы сюда попали? Ну, мы пришли разными путями и в разное время. Монро и я искали друга, который пошел в этом направлении и исчез. Нас захватил...

— Скафандр? — перебил Нейл.

— Ходячий скафандр, — согласился Сейшенс. — Торри мы нашли уже здесь — он был первым в резиденции. Его схватили возле реки, когда он пытался сократить путь на запад. А Дерек пришел позже с товарищем, который предпочел уйти.

— Значит, вы можете уйти? — удивленно спросил Нейл.

— Ты можешь уйти, если хочешь совершить самоубийство. Крепкий человек с большим запасом решимости и без мозгов может перебраться через стену к Белому Лесу.

— Значит, вы просто сидите кружком и ждете, не произойдет ли чего-нибудь? — ошеломленно спросил Нейл. Насколько он понимал Сейшенса, подобное поведение было явно чуждо его природе, и Нейл не мог поверить, что Сейшенс говорит серьезно.

— Именно так, ждем, — уверил его Сейшенс. — Мы ждем и помним, кто мы и где мы.

Опять подчеркнутое предупреждение. Нейл сел. Они смотрели на него как-то особенно, словно ждали движения, которое важно повлияет на их суждение или оценку.

— Долго ли будем ждать? — спокойно спросил он.

— Не знаем. Возможно, до тех пор, пока то, что нас здесь держит, не проявит себя, и мы узнаем, кто или что Оно. Или

до тех пор, пока не найдем решения. Теперь же... — Сейшенс взял миску и подал ее Нейлу. В ней было что-то горячее. Нейл попробовал, а затем жадно съел тушеное мясо.

— Становится светло. — Торри встал, держа в руке копье с хрустальным наконечником. — Давайте-ка обратно в нору. — Он подошел к Нейлу и помог ему встать.

— Куда мы идем?

— От солнца, — коротко ответил бывший врач. — Днем мы здесь как слепые. Плохо оказаться на открытом месте.

— А попасть в Белый Лес при солнце — это конец, — добавил Сейшенс. — И мы никак не можем придумать способ прохода через него ночью. Это и есть засов нашей тюрьмы, Ренфо.

Нейл согласился с правотой этого рассуждения. Смотреть на кристаллический лес было тяжело даже при лунном свете.

— Там был кто-то из нашей породы; когда мы шли сюда, то видели его отражение в кристаллическом дереве, — сказал он.

— Холсвид! — подскочил Дерек. — Где он был, у края леса? Пит, может быть, и мы сможем?

— Мы не можем сказать точно, — ответил Нейл. — Отражение могло быть обманчивым.

Сейшенс согласился.

— Оно могло прийти с любого направления. Но даже если он достиг края леса до восхода солнца — так что из этого?

И в самом деле, что? Много миль голой и пустой каменистой местности без всякого укрытия, подумал Нейл. Да, это настоящая тюрьма. И упрямое безнадежное бегство — не ответ. Теперь Нейл лучше понимал Сейшенса.

— Дом, — сказал Монро, останавливаясь у темного отверстия, закрытого занавесью из зеленых листьев. За Монро туда влезла Эшла, а за ней — все остальные.

Это было дерево с высоко выдававшимися корнями, которые тянулись из ствола над их головами, как мощные ветви, но не горизонтально, а наклонно, так что ствол в центре как бы стоял на подпорках. Внутри и снаружи корни были оплетены скрученными листьями, сухими лианами и полосками коры, так что образовывалось помещение с живым деревом в центре. Эшла подошла прямо к дереву и приложила ладонь к его коре.

Путь ифтов, кров ифтов,
Живое, живое дерево...

Так же, как на поляне, рука Сейшенса зажала ей рот. Она отняла руки от дерева и оторвала его пальцы от своих губ.

— Ты слишком много забыл! — Это уже говорила Иллиль со всей своей силой, какую проявляла тогда, когда брала верх над землянкой в Эшле. — Это Ифткар из древесного семени. Он не выдаст нас. Хотя зачем ему расти в Белой Стране?.. А! — Она кивнула какой-то своей мысли или воспоминанию. — Когда Кимон пошел дальше, у него был мешочек, освященный Счетчиками Семян, которые дали Кимону свою Силу. И здесь упал орех Ифткара, и за долгое время Истинных Листьев он вырос. Загляни в свою память, Джервис, Мастер Зеркала, ты слишком робок!

Она закрыла лицо руками. Сейшенс двинулся к ней, как бы собираясь оттолкнуть ее, но вдруг выпрямился и медленно, очень медленно приложил ладони к стволу, как это только что делала Эшла. Она отодвинулась в сторону и вскинула руки в жесте приветствия.

— Ифткар! Мы укрываемся здесь. Именем Серого Листа, мы требуем то, что ты можешь дать нам.

— Пит! Пит! — Монро положил руку на плечо Сейшенса, но девушка оттащила его.

— Оставь его! Он получает силу, которую должен был получить еще много лет назад. Он забыл, хотя должен был вспомнить! Оставь его! У тебя нет Видения!

Руки Сейшенса упали. Он повернулся, широко раскрыв глаза, а затем замигал, вернувшись из необозримой дали, и обратился к Эшле:

— Я и впрямь дурак. Здесь может быть ключ, а мы не старались получить его, иначе он уже был бы в наших руках.

— Если у тебя нет правильного воспоминания, разумнее не охотиться за потерянными ключами. У вас всех, как и у нас с Нейлом, только часть памяти, а не полные знания ваших ифтов?

— Да.

— И ты боишься, и правильно, действовать без контроля и знания. Я уверена, Мастер Зеркала, что такая осторожность — не глупость, а мудрость.

— Может, две памяти, объединенные вместе, дадут нам ключ от этой тюрьмы! — Сейшенс протянул руки к Эшле, и она положила на них свои.

Нейл смотрел на них со странным ощущением собственного ничтожества. Кто, в сущности, был Айяр? Воин, потерпевший поражение в последнем сражении. Простой солдат, который не посмел использовать Зеркало Танта, удрал от него. А Нейл Ренфо — раб-рабочий из Диппла. Ни одна его часть не имела ни силы, ни власти, а целое, возможно, было еще менее значительным...

— У нас много воспоминаний, — сказала Эшла. Ее глаза переходили с одного человека на другого. — Но они могут быть очень различны. Чтобы собрать силу, нужно единство. Мы можем сделать попытку с тобой, поскольку ты был Джервисом.

— Что вы делаете? — резко спросил Монро.

— Мы, видимо, были чересчур осторожны, — сказал Сейшенс в своей обычной для инопланетника манере. — Этот дом-дерево даст нам здесь иммунитет против неких сил. Теперь же... — он оглядел их требовательно, настойчиво, — мы попытаемся объединить наши ифтийские воспоминания и, возможно, соберем то, что нам нужно, — чаша весов фортуны качнулась в нашу сторону.

— Но ведь ты говорил, — Дерек хмуро взглянул на Эшлу, — что это способно полностью изменить наш мозг.

— Мы так и не смогли разобраться, заложена ли в нас эта память ифтов по плану или случайно. Возможно, мы так и не узнаем правды. Но сегодня впервые встретились двое, имевшие некогда силу в наших ифтийских аналогах, и мы хотим объединить эти силы и добыть другое знание от вас, — Сейшенс высоко поднял голову, торжественность в его голосе отражалась на лице, — и это приведет нас к свободе. Мы попытаемся... Вы присоединяетесь к нам?

Они поколебались, но один за другим дали согласие.

Глава 17

ПОТЕРЯННЫЙ КОРАБЛЬ

Нейл прислонился к корню дерева, осторожно примостил руку в лубке на колене и задумался.

Они откликнулись на призыв Эшлы, объединили свои ифтийские воспоминания, но выяснили, что воспоминания эти настолько различны, что почти не имеют общей почвы. Их ифтийские личности пришли не только из разных мест, но и из разных эпох, далеко отстоящих друг от друга. И ключа от их тюрьмы они так и не нашли.

Чтобы пройти через Белый Лес и окружающую его пустыню, нужны, как минимум, скафандры, потому что нечего было и думать преодолеть этот путь за одну ночь.

Скафандры... Нейл отбросил все ифтийские воспоминания и вызвал в памяти то, что знал Нейл Ренфо, совсем юный Нейл Ренфо. Сколько ему было тогда? Шесть? Семь? Восемь? Родившийся и выросший в космосе, он уже в детстве знал, что для него планетное время неприменимо. Тогда у Нейла был скафандр, сделанный по его росту. И он помнил, что инструкции по его использованию получил в гипносне. Он два раза надевал его: когда выходил с отцом на жаркую пустынную планету и когда выходил в открытый космос возле корабля, что составляло часть его обучения и тренировки. Да, он отлично помнил этот скафандр, как он работал, как управлялся и как был экипирован.

Здесь есть скафандр, в рабочем состоянии, но пользовалось им что-то местное. Пусть нельзя захватить этот скафандр и существо, что пользовалось им, — все равно его наличие означает, что здесь был какой-то корабль. И Нейл был уверен, что ни один инопланетник не стал бы разгуливать далеко от корабля в этом громоздком снаряжении, да еще в стороне от космопорта. Это было ясно.

Кроме того, в порту не знали о существовании этой пустыни и о том, кто управляет ею. От поселенцев Нейл ничего на этот счет не слышал. И пленники были захвачены лишь тогда, когда попали в пустыню. Кто бы или что бы ни хозяйничало тут, оно

не старалось искать добычу, а ждало, когда жертва сама подойдет поближе.

Следовательно, наличие скафандра означает, что корабль где-то поблизости. А для Нейла корабль означал также и возможность иметь оружие, надежду на защиту. Пусть Эшла и Сейшенс пользуются ифтийскими методами против этого так и не определенного врага, — однако можно использовать и другие средства.

Однако здешние люди наверняка уже все обыскали. Сейшенс утверждал, что он перворазведчик. Эти исследователи Службы изысканий славились гибкостью ума, способностью к импровизации и экспериментам. А Монро был астропилотом, и уж на корабль он должен был обратить внимание. Эти люди не могли не заметить связи между скафандром и кораблем.

Мысль об этих двух вещах — скафандре и корабле — продолжала занимать его сознание. Нейл нашел и противоположные аргументы — что такой корабль, если он существует поблизости, давным-давно разграблен. Скафандр был старой модели, очень старой.

— Как твоя рука? — вывел Нейла из задумчивости Торри, присев рядом. — Болит?

— Время от времени побаливает. — Нейл вдруг осознал, что за последнее время не чувствовал боли, а ведь рука в лубке, туго завязанная, — серьезное неудобство.

— Дай-ка я посмотрю. Ты знаешь, с тех пор, как мы сменили кожу, на нас все заживает намного быстрее. Мы стали крепче во многих отношениях. Хотел бы я знать побольше о том, что с нами случилось...

— Ты ведь из порта? — спросил Нейл. — Как ты подхватил зеленую лихорадку?

— Тем же путем, что и все мы. Я был слишком любопытен. Пошел на прогулку, хотел сорвать одно местное растение для изучения, а нашел спрятанное сокровище и заболел, не успев дойти до своих. Я подумал, что у меня что-то исключительно заразное, и решил сначала поправиться. А потом было уже поздно — я изменился и не захотел возвращаться обратно.

— Какова же цель этих тайников и перемен? — спросил Нейл, глядя, как врач разбинтовывает его руку и снимает лубок.

— Больно? — Пальцы быстро, но с нажимом пробежали по руке.

— Нет.

— Я бы сказал, что кость срослась. Будь с рукой осторожней, а все остальное можно выбросить. А насчет цели тайников — ты и сам видишь. Вербовка рекрутов.

— Для кого и зачем?

— Этого мы не знаем, у нас только общие представления. Сейшенс попался первым и с тех пор помогал с вербовкой. В определенное время года мы чувствовали необходимость ставить ловушки и ничего не могли с этим поделать. Насколько мы можем судить, на Янусе с давних времен была своя цивилизация. Они работали с природой, не стараясь подавлять или управлять ею. Машин у них не было. Но затем эта раса стала клониться к упадку и в конце концов была разорена и уничтожена.

— Ларшами! — перебил Нейл. — Я помню!

— Помнишь? Дерек тоже помнит, а Пит, я и Монро — нет. Мы из более раннего периода. Во всяком случае, после падения Ифткана выжило очень мало. Однако в этой горсточке оставшихся в живых, по-видимому, были ученые. Они сконструировали сундучки с сокровищами, закопали некоторые из них и оставили ждать. Они наверняка надеялись или предполагали, что либо возникнет здесь, либо прибудет из космоса другая раса и эти устройства сработают. Тот, кто возьмет в руки особо приглянувшийся ему предмет, принимает изменение личности и тела в соответствии с особенностями тайника. Мы не знаем, каким образом это срабатывает, но есть какая-то связь между нашедшим и одним из предметов этой коллекции.

— Но если Пит Сейшенс был изыскателем-перворазведчиком, то он должен был высадиться здесь... — Нейл уставился на Тори.

— Примерно сто двадцать лет назад? — Тори кивнул. — Да.

— Но он же... он же молодой! — возразил Нейл.

— Мы не имеем понятия о продолжительности жизни ифтов и не знаем, что случилось с нашими телами от зеленой лихорадки. Можно только сказать, что после изменения мы почти не стареем. Я нахожусь здесь почти семьдесят пять планетарных

лет. Но число измененных растет очень медленно, потому что не все спрятанное находится, и не всегда найденное берет кто-то из людей.

Нейл пытался осознать, что такое нестареющий организм. Он знал, что некоторые чуждые расы стареют неизмеримо медленнее, чем терранское племя. Но каким образом такому изменению смог подвергнуться терранский организм?

— Тайники притягивают только определенный тип людей, — продолжал Тори. — Но методы отбора таких привлеченных и способ привлечения — опять-таки неразгаданная тайна. Нас всего чуть больше сотни, из них тридцать — женщины. Родилось пятеро детей, они — изначальные ифты, и воспоминаний у них поэтому нет. Мы все еще обязаны ставить ловушки. Сейшенс и я как раз этим занимались, когда нас взяли в плен.

— Вы жили в Ифткане?

— У нас там база. Именно там Пит нашел первый клад, с которого начался наш путь. Но наш новый дом на западе, за морем. Пока не узнаем побольше, мы должны терпеливо ждать и делать все, что можем, для восстановления нашего рода.

— До каких пор?

— До тех пор, пока снова не станем нацией. Ты знаешь Первый Закон: мир, населенный разумными аборигенами и имеющий цивилизацию, имеет право выбора — присоединиться к Федерации или отказаться от всяких контактов. Со временем Янус будет нашим, и инопланетники не смогут удерживать эту планету против нашей воли.

— Но поселенцы...

— Они не аборигены. И они хотят изменить Янус по образцу своей родины, образцу узкому, бесплодному, смешному. Они мало увеличиваются в численности, потому что все больше и больше их уходит к нам. Этот мир для них неприветлив, и они радуются, когда находят тайник и оказываются в наших рядах, как это было с тобой и Эшлой. Какая часть клада привлекла тебя настолько, что ты взял ее в руки и оставил себе?

— Трубка, — тут же ответил Нейл. — Ее цвет... ее узоры. Что-то тянуло меня, что именно — не могу объяснить.

— А меня — статуэтка, — улыбнулся Торри. — Когда я ее нашел, я держал ее в руках чуть ли не всю ночь. Те, кто не может

устоять перед этими вещами, становятся одним из нас. И каждый получает тело и умения древнего ифта. Я — Торри, но также и Килмарк из Ифтленсера. Я ухаживал за молодыми деревцами и изучал травы и другие растения.

— Никто из вас не пытался вернуться в порт, в поселок?

— А ты пытался?

— Да, но это был участок, у них суеверный страх перед лесом и всем, что приходит из него. А зеленая лихорадка, по их понятиям, наказание за грехи. Естественно, они стали охотиться на меня.

— А ты сам, когда туда пришел, хотел остаться? Эти люди были *твоим* народом?

— Нет.

— Мы думаем, что это тоже было спланировано: став ифтами, мы впитали в себя отвращение к своему бывшему племени. Итак, если планирующие имели целью восстановить их расу независимых, настоящих ифтов, то они считали, что мы должны быть в стороне от племени, к которому принадлежали раньше. И чем дольше мы живем в лесу, тем сильнее наше отвращение к иноземцам. Мы делаем набор среди них, но не смешиваемся с ними.

— А это? — Нейл указал на окружение. — Какую роль это играет?

— Мы знаем только то, что удалось собрать по крохам из воспоминаний. Твоя Эшла, похоже, знает больше, чем мы. Ее ифтийская часть была в древние времена не то жрицей, не то пророчицей. Здесь есть силы, издавна враждебные ифтам. Они снова зашевелились, потому что ифты возродились через нас. Но что это и почему держит нас здесь — мы абсолютно не знаем.

— А скафандр?

Торри помолчал.

— Я много думал об этом. Не думаю, чтобы нормальный человек ходил здесь в этой штуке, хотя она из другого мира и такого типа, как я сам носил.

— Каковы границы этого места?

— У нас здесь узкая полоса леса, идущая на большое расстояние на север и юг. Кругом стена, через которую ты перелез, а за ней кристаллический лес. Мы делали вылазки ночью, но не

нашли ничего, кроме лестницы и стен с коридорами, и так и не поняли, куда они ведут и зачем они.

— И только? А где же то, что всем этим управляет?

— Мы не смогли установить место, где находится Оно. Мы обнаружили, что лес из кристаллических деревьев простирается на большое расстояние, но мы не могли далеко заходить из опасения, что там нас застанет день.

— Значит, вы смирились с тем, чтобы оставаться в плену? — Нейл все больше и больше удивлялся недостатку предприимчивости у этих пленников.

Торри криво улыбнулся.

— Ты думаешь, Ренфо, что мы полностью бездеятельны? Нет, не совсем. Выход не всегда бывает открытым настежь. Со временем увидишь сам.

— Айяр! — вошла Эшла, держа в руках свернутый лист. — Смотри, ягоды сансан. Спелые! — Она показала три грозди темно-красных плодов. Ее глаза затуманились. — Ах, как сладко пахнут их цветы в сезон Нового Листа!

— Иллиль, — спросил Торри, — ты вспомнила о Великой Цели?

— Многое, но еще недостаточно. — Глаза ее вновь прояснились, но выглядела она несколько печально. — Я была уверена, что все вместе мы пробьемся, найдем потерянное. Тем более, что здесь Джервис, который был Мастером Зеркала. Но он оказался не столько Джервисом, сколько Питом, и мы ничего не смогли сделать. А остальные все из разного времени, разного могущества. Может быть, в этом виновато Превращение Листьев?

— Превращение Листьев, Иллиль? — Сейшенс вошел следом и взял Эшлу за руку. — Что это такое?

Эшла нетерпеливо поморщилась.

— Когда мир был юн и ифты сильны и мощны, в нашем мире был Голубой Лист. Но затем сюда пришел Кимон, сразился с Тем, Что Ждет, и две Силы дали друг другу Клятву. Никто из нас не жил в то время, те могучие люди давно исчезли, так давно, что и не вспомнить. Потом пришел Зеленый Лист, и в это время жил ты, Джервис, хотя, похоже, ты не помнишь об этом. И настало Испытание Клятвы. Слово еще держали. Со

временем оно ослабело, но все-таки еще связывало обе Силы. Третьим был Серый Лист. Это было время конца, и в то время жила Иллиль, и тот, кто сейчас Дерек — тогда он был Локатат, Повелитель Моря, и Айяр, Капитан Первого Круга в Ифткане. Это было мрачное время, потому что людей осталось мало, дети рождались все реже. И тогда выступили ларши. Настал конец, и Листья опали. И вот мы пришли из разного времени, из разной жизни и не смогли объединить силу и власть, как я надеялась.

Все эти люди древнее меня, размышлял Нейл, и, судя по воспоминаниям Иллиль, все они были когда-то важными лицами в Ифткане. А он, Нейл Ренфо, бездомный скиталец, позднее — купленный рабочий. Однако что-то поднялось в нем, и он сказал:

— У нас не одна наследственная сила. — Он сделал паузу и был слегка озадачен, что все уставились на него. — У нас есть еще одно наследство. Здесь есть скафандр, сделанный нашим собственным народом. Скафандр мог появиться только с корабля. Пусть этот корабль и попорчен теперь, но он тоже наш!

Пит Сейшенс улыбнулся:

— Все правильно. Торри, как у него с рукой? Может он путешествовать?

— С разумной осторожностью. Вообще-то зажило быстро, как обычно.

— Тогда я думаю, нам пора идти. — Он взглянул на ствол дерева, под которым была их хижина. — Ифткар, видимо, является для нас естественной защитой от этого проснувшегося Оно. — Он указал на полосу леса. — Но сегодня там движение, я чувствую его. Оно мало знает о нас, но что-то ощущает. Оно встревожено и просыпается.

— Да! — вмешалась Иллиль. — Это правда! Оно готовится действовать. Оно знает свою силу и умеет пользоваться ею.

Она и Пит как-то умели улавливать в воздухе то, чего другие не замечали, но никто не сомневался в их словах.

— В последний раз мы были очень близки к тому, чтобы пробиться, — заметил Монро. — А сейчас вечер только начинается, так что у нас в запасе вся ночь.

Они собрали имевшуюся утварь, наполнили водой кожаные фляги, упаковали сушеные ягоды и орехи. Видимо, они не со-

бирались возвращаться сюда. Нейл взял одну из сумок и повесил на плечо, не задавая вопросов. Он решил, что у них какой-то давно разработанный план. Судя по запасам воды и пищи, путешествие должно быть достаточно длительным.

Сейшенс шел впереди. Эшла за ним. Она редко отходила от человека, которого называла Джервисом и Мастером Зеркала. За ней шел Дерек, Торри и Нейл, а Монро замыкал их процессию. Вооружение отряда состояло из трех мечей и двух копий. Нейл был несколько удивлен уверенностью, с которой Сейшенс шел впереди.

Когда тропа вышла на открытое место, тень деревьев по-прежнему закрывала ее. С этой стороны стена была не из прозрачного стекла, а поднималась белой скалой с проломом, в который лился поток воды. Сейшенс зашел по колено в воду и пролез в пролом. За ним последовали остальные.

Русло было гладким. Сильное течение толкало их назад, так что им пришлось идти по его краю. Стало так темно, что даже их ночное зрение не помогало, и Нейл удивился, как они еще находят свою тропу. Затем они вышли на широкое пространство, освещенное тусклым серым светом. С двух сторон тянулись гладкие хрустальные стены. Впереди ограда была из грубого и попорченного то ли взрывом, то ли землетрясением камня.

Через узкую щель в хрустальной стене пробивался свет. Щель эта была затянута каким-то прозрачным веществом. По выступу на каменной стене можно было добраться до этой трещины, но между ней и выступом оставалось пространство.

Сейшенс забрался на выступ с легкостью, свидетельствовавшей о том, что делал он это не впервые. Добравшись до самой высокой точки выступа, он обвязал вокруг талии фибровую ленту, закинул петлю на острия каменного рифа и откинулся назад на этой хрупкой опоре. Наклонившись наружу и влево под устрашающим углом, он принялся за работу. Инструментом ему служил меч. Взмахивая, он нацеливал острие меча на нижний конец трещины и бил по заклеенному месту. Четыре взмаха... пять... После десятого он сделал передышку.

— Поддается? — окликнул его Монро. — Может, сменить тебя?

— Вроде поддалась при последнем ударе. Попробую еще раз.

Видно было, как ходили мышцы под лохмотьями лесной куртки. Острие меча глухо ударяло по стене и наконец прошло насквозь.

Раздался громкий треск. По поверхности стены пошли трещины. Кто-то в восторге закричал. Сейшенс ударил еще раз и уже не встретил сопротивления. Вниз полетел дождь осколков, и в пробитое отверстие ворвался свежий ветер.

— Веревку! — коротко приказал Сейшенс.

Дерек уже был готов карабкаться наверх с тяжелым мотком свитой из лозы веревки. Долгое время они проверяли ее на прочность, и наконец Сейшенс отцепил поддерживающую его лямку и обвязал себя веревкой. Затем он прыгнул и ухватился за нижний край щели. В следующий момент он подтянулся, сел на край и выглянул наружу.

— Ну, как там? — спросил Монро.

— Насколько я могу судить, чисто. — Он повернулся и взглянул на Нейла. — Твой корабль ждет нас, Ренфо.

Он спустился на ту сторону, а Дерек и Монро вытравили веревку. Следом пошел бывший пилот, затем по очереди Торри, Эшла, Нейл, а Дерек держал веревку и смотрел на них сквозь щель.

За стеной была другая долина, но там не росли кристаллические деревья, а был только песок и камень. И на песке стоял корабль, прямой, высокий, с виду не поврежденный. Люк открыт, и трап спущен. Подножие трапа заметено песком, и опоры тоже не видны.

Группа осторожно подошла к старому кораблю. «Странник 5» С-класса. Это значило, что ему по меньшей мере сто лет. Видимо, он переходил из рук в руки и, когда его сочли устаревшим для внутренних линий, для границы он еще представлял некоторую ценность. Может, это был вольный торговец. На его корпусе не было опознавательных знаков. И он был слишком мал для транспортного или рейсового грузовика.

— Корабль мертв, — сказал Монро, остановившись у трапа.

— Возможно, — согласился Сейшенс. — Но ограблен ли? Если нет...

Если нет, то есть и еще скафандры, в которых можно будет пересечь пустошь, есть оружие, лучшее, чем мечи и копья. Монро уже поднимался по трапу, остальные выстроились в очередь.

Поразило ли это всех сразу, или кто-то был более стоек, чем другие? Эшла вскрикнула, остановилась, вцепившись в перила, покачнулась и чуть не упала. Знакомое Нейлу по посещению участка отвращение, но стократно усиленное, ударило по всем. Двигаться вперед означало бороться за каждый дюйм с внутренним протестом. Это было не просто отвращение, но отвращение, дошедшее до предела, до ужаса!

Они качались, держась за перила. Эшла на коленях сползла обратно. Монро тоже повернул назад. Сейшенс пятился, спотыкаясь. Теперь Нейл был первым в линии и крепко держался за перила, глядя в открытое отверстие люка. Его воля боролась с телом, он заставлял себя двигаться — не вниз, а вверх!

Глава 18

ПРИГОВОР

Он — Нейл Ренфо. В нем нет ни Айяра, ни ифта. Он Нейл Ренфо, и это всего лишь космический корабль, похожий на тот, что принадлежал его отцу.

Отсек для скафандров пуст. Под ногами — мягкая пыль. Запах древнего, столетнего запустения... Он, Нейл Ренфо, осматривает старый корабль. Итак, космических скафандров нет. Но, может быть, осталось еще что-то, что может им пригодиться? Нейл пошел дальше, твердо держа в мыслях свое человеческое инопланетное прошлое и перечень тех вещей, которые ему необходимы.

Оружейная тоже пуста. Второе разочарование. Похоже, из этого отсека было вытащено все, что могло помочь экипажу выжить. Возможно, это была вынужденная посадка, команда вышла со снаряжением и не вернулась.

Ни оружия, ни скафандров. Нейл прислонился к стене и попытался вспомнить склады на отцовском корабле, их местоположение. Это было трудно, поскольку приходилось бороться с ужасом, разрывающим сознание, выворачивающим желудок.

Не там ли? Нейл с трудом потащился. Надо проверить еще одно место. Нейл был уверен, что у него не хватит сил идти по другим отсекам, подняться на другой уровень. Здесь! Он вздохнул и нажал панель. Здесь должны быть инструменты и материалы для наружного ремонта. Внутреннее расположение важных отсеков на корабле не слишком изменялось, даже если сами корабли делались по разным образцам.

Нейл открыл панель. По коридорам разнесся его торжествующий крик. Он взял в руки защитные очки, которые надевают при сварке. Вот их ключ к свободе! Нейл крепко прижал их к груди, шатаясь, прошел по коридору в открытый люк и спустился по трапу.

— Ну что? — встретил его Сейшенс.

— Вот... — У Нейла было только начало плана, и он показал очки бывшему изыскателю. — С ними солнце нам не помеха.

— Всего одни, а нас шестеро, — возразил подошедший Торри.

— Их оденет ведущий, — объяснил Нейл. — А остальные завяжут глаза и обвяжутся одной веревкой. Очки можно надевать по очереди.

Сейшенс примерил очки.

— Сработает! Как по-твоему, Торри?

Бывший врач в свою очередь надел очки и посмотрел на Сейшенса.

— С уверенностью сказать не могу, надо попробовать. Пользоваться не подолгу, меняться, как советует Ренфо... Знаете, лучшей возможности не будет. Хотя кто знает, сколько нам придется идти на запад, пока мы не найдем приличное укрытие.

— Не на запад! — сказала Эшла так выразительно, что все повернулись к ней. — В западном направлении нас будет ждать Оно... будет ждать, как только узнает, что мы убежали.

— Значит, на юг, к реке? — с сомнением в голосе спросил Дерек.

Девушка, казалось, так была уверена в своих словах, что эта уверенность подействовала на всех.

— Нет! — столь же твердо сказала она. — На восток!

— Обратно в Ифткан? — спросил Монро.

Нейл внимательно смотрел на Эшлу. Она была в том странном состоянии, в каком он не раз видел ее в течение их совместного бегства. Как он опирался на свое человеческое инопланетное прошлое и его наследство, корабль, так она теперь тянулась в свою ифтийскую личность.

— Не в Ифткан. — Она покачала головой. — Дни Ифткана сочтены. Лес высох, листьев больше не будет. Мы должны идти к Зеркалу. Это наш долг! — с силой выкрикнула она, обращаясь к Сейшенсу. — Мы *обязаны* идти к Танту.

— А я считаю, что нам надо идти на запад, — протестовал Дерек.

— Она права в одном, — перебил его Торри. — Кто бы ни управлял этим местом, они будут думать, что мы пойдем именно на запад, чтобы не делать большой круг. Если же мы пойдем на восток, а затем на юг, к реке, это будет, пожалуй, как раз ближе.

— Мы пойдем к Танту! — повторила Иллиль, и теперь Сейшенс согласился с ней, хотя и не совсем.

— На восток... сначала.

И они пошли от заброшенного корабля на восток, стараясь пройти как можно большее расстояние за оставшиеся ночные часы.

Долина, в которой приземлился старый корабль, замыкалась утесом. Перебравшись через него, они оказались в пустыне с кристаллическим песком, а в нескольких ярдах начинался Белый Лес, где отражался и горел лунный свет.

— Здесь нет никакой тропы, — сказал Монро, указывая на лес. — Как мы узнаем, что действительно идем на восток?

— Посмотрите на ветки. — Сейшенс указал на ближайшее «дерево». — Все строго под прямым углом и растут по определенному образцу. Мы будем ориентироваться на третью ветку каждого второго дерева и постараемся пройти до восхода солнца.

Странный способ прокладывать тропу в прозрачной дикой местности, но Разведчик-изыскатель, тренированный, замечающий всякие такие странности, был совершенно прав. Третья ветка каждого второго дерева указывала то же самое направление — длинный сверкающий палец был обращен на вос-

ток. И они поочередно смотрели сквозь очки на этот палец, а остальные прикрывали глаза от яркого блеска.

Была очередь Нейла вести группу, когда он заметил на стволе ближайшего дерева отражение темного пятна и резко остановился. Несмотря на искажение, можно было безошибочно узнать скафандр.

Беглецы собрались кучкой и уставились на ломаное отражение. Они не знали, где находится оригинал отражения.

— Он не движется, — нарушила молчание Иллиль.

— Это верно. Может, он ждет, когда мы подойдем, и снова схватит нас, — прокомментировал Монро.

— Не думаю, — покачал головой Сейшенс и перевел взгляд с отражения на другие деревья. — Он позади нас и, возможно, правее. И он совершенно неподвижен.

— Скоро рассвет, — сказал Торри. — Может, эта штука считает, что ей незачем торопиться, поскольку нас можно поймать и утром. Мне кажется, нам надо поторапливаться.

Все ускорили шаги. Время от времени они оборачивались к отражению, но оно по-прежнему не шевелилось. Может быть, предположение врача не было лишено справедливости — страж Белого Леса не имел оснований торопиться.

Беглецы снова остановились, чтобы подготовиться к восходу солнца. Торри объявил, что он пойдет первым, чтобы проверить очки как следует. Остальные завязали глаза лоскутками одежды, а затем обвязались одной веревкой.

Они шли медленно, чуть ли не ползли, а Торри снабжал их описанием дороги, предупреждая обо всем, что их ожидает. Но, конечно, и падали, и ушибались, и натыкались на кристаллические деревья. Вообще, это была отчаянная попытка, и только ободряющая уверенность Торри помогала им продвигаться вперед.

Солнечные лучи уже жгли кожу, и свет в какой-то мере проникал через повязки на глазах.

— Как очки? — хрипло спросил Сейшенс.

— В них идти не хуже, чем в лунном свете, — ответил Торри. Значит, они могли идти. Но что, если их ждет впереди стая вайтов? Сражаться вслепую нельзя. Да еще скафандр — может, он

лениво тащится за ними, готовый схватить их с такой же легкостью, с какой взял Нейла и Эшлу на границе пустоши?

— Лес кончился, — сказал Торри. — Впереди открытое пространство. Я буду говорить, какой рельеф.

Но наступила очередь Нейла. Он протянул руки за очками. Через несколько минут он уже смотрел в утренний свет; очки превратили его в нечто вполне терпимое. Нейл поспешил помочь Торри завязать глаза и повернулся лицом к открытой местности. Там были только скалы и песок. Песок непрерывно тек потоками, как вода. Один из этих песчаных потоков шел на восток. Нейл погрузил в него ноги и пошел, ведя за собой цепочку товарищей. Время от времени он оглядывался, каждый раз ожидая увидеть стража в скафандре, появившегося на фоне слепящего сияния Белого Леса, и заодно прислушиваясь, не раздастся ли рычащий вопль вайтов.

Песчаная река, которая могла оказаться неплохой дорогой от леса, не могла долго служить им проводником, поскольку повернула на север, и Нейл оказался перед фактом, что им придется идти перебираясь через холмы. Они отдохнули, поели орехов и сушеных ягод, выпили немного воды.

— Сейчас моя очередь, — сказал Монро, но Эшла резко перебила его:

— Подождите! — Она стояла лицом к Белому Лесу, который теперь был просто блестящим пятном. — Оно шевелится! Оно знает! Размышляет! Скоро двинется!

Ее руки сжались в кулаки. Нейл видел только ее губы, не скрытые повязкой.

— Иллиль права, — заметил Сейшенс. — Начинается погоня.

— Мы не можем бежать или лететь. Похоже, что нам конец, — сказал Монро.

— Нет! — протестующе вскричала девушка и повернулась к Нейлу, словно видела его через повязку. — Сейчас поведу я!

— Но твоя очередь...

— Дело не в очереди, а в знании. А у меня есть подходящее знание. Именно то, которое нужно сейчас!

— Дай ей очки, — сказал Сейшенс, и его решительный тон победил протест Нейла.

Его повязка была уже на месте, когда Эшла объявила:

— Я готова. Теперь мы возьмемся за руки, веревка уже не нужна.

Ее пальцы крепко сжали руку Нейла. Он осторожно вложил другую руку в ладонь Монро. А затем...

У Нейла не было слов, чтобы описать дальнейшее, а Айяр неопределенно назвал это потоком Силы. Нейл как бы видел — не физически, а мысленно, — что их окружает, но шло это не от его собственных ощущений, а от девушки, и проходило по всей цепочке людей, держащих друг друга за руки.

Связанные таким образом, они вышли из песчаной реки и перешли через гребень. Нейл почувствовал такое воодушевление и подъем, идущий от Эшлы, что, как и другие, пошел гораздо быстрее, чем раньше.

— Оно узнало! — сказала Эшла. — Теперь Оно двинется по-настоящему. Оно собирает своих слуг.

И Нейл услышал далекий бездушный плач вайтов.

— Соединяйтесь с моей волей! — взмолилась Эшла. — Воины ифта, Мастер Зеркала, Повелитель Моря, все вы однажды подняли меч и силу против Того, Что Ждет. Объедините свою волю с моей, боритесь с чужой волей, как сражались мечами в давно прошедшие времена.

Нейл не знал, что ответили ей остальные, но в нем поднялась волна ярости и жестокой решимости встать против Врага. Он издал давно забытый боевой клич, даже не сознавая этого, потому что он был теперь не с группой беглецов, а выступил во главе своих воинов из Первого Круга Ифткана. И его боевой восторг и вера были теперь светлыми и чистыми, как зеленая вспышка, что сверкала на кончике его меча на Сторожевом Пути Зеркала. Ифткан и зрелище пустоши наложились для него одно на другое, так что голые скалы как бы покрыла растительность, на песок легла плодородная лесная почва. И он, Нейл, был Айяром, таким, каким тот был в самые великие дни своей жизни.

— Круг Зеркала... О, мои братья, это Круг Зеркала! — Голос Иллиль вторгся в мысли Нейла, и то, что она теперь видела, накрыло видение деревьев-башен Ифткана — серая гора с облаками над ней, прорезаемыми солнечными светом. И люди побежали, хотя не видели своими глазами землю под ногами.

И Враг ударил. Жар, свет или что-то похожее плеснуло в лицо. Тот страх, что ожидал за стенами Дороги, теперь навалился на Нейла.

Плач вайтов слышался уже рядом, и прежнее поле битвы Нейла-Айяра уже было здесь.

Сам не зная зачем, он откинул голову, поднял лицо к небу и закричал — не только голосом, но и вкладывая в это эмоции, идущие от обоих его сознаний.

— Хууруурр! — И эхо многократно повторило его призыв.

— Вперед, вперед! — требовала Иллиль. Она вела их, проецируя им дорогу, собирала их волю и силы.

С неба доносились бормочущие раскаты. Порыв ветра ударил им в лицо, закрутил песок, только это был не раскаленный зной пустыни, а прохладный ветер, пахнущий лесом. И с ветром появились пернатые — свистящие, возмущенные, закружились над головами бегущих. На зов Нейла откликнулся не один Хурурр, а весь его род, который жил в тенях и на прогалинах Ифткана. Беглецы не могли видеть птиц, но ощущали их мысли, слышали сквозь ветер свист их крыльев. Птицы сделали три круга над бегущими людьми и спикировали на вайтов, воющих над свежим следом.

Жар вокруг бегущих тел был жаром ярости. Слишком много времени прошло с тех пор, как То, Что Ждет, принимало участие в каком-либо сражении, и теперь оно опоздало, не сумело вовремя собрать древнюю силу. Это спасло людей.

Ударь Оно раньше теми силами, какими располагало, — и люди уже превратились бы в пыль.

— Вперед — вверх! — Голос Иллиль прозвучал как рыдание. Она спотыкалась и едва держалась на ногах. Но перед ними была стена Дороги к Зеркалу, то место, где скалы были выше человеческого роста.

Иллиль вырвала свою руку из руки Нейла и исчезла из его сознания. Между ними как бы упал занавес.

— Сюда! — позвал он остальных и нарисовал в своем сознании изображение барьера, каким его помнил. Он помог товарищам перебраться через стену.

Вайты кричали совсем близко. Их охотничий вой перемежался рычанием и щелканьем челюстей — они сражались. Нейл

догадывался, что кварины сильно мешали этой части вражеских сил.

С невидимой силой обстояло хуже. Нейла толкало назад, оттягивало от дороги, означавшей для них спасение. Еще шаг назад, и он потеряется, будучи слепым в этой местности. Жар ударил в мозг, нервы и мышцы оцепенели.

Неизвестно откуда появилась веревка — петля упала на плечи Нейла, больно стянула руки и потащила — но не в пустыню, а к стене. Нейл не мог дышать и почти потерял сознание.

Темное семя, зеленый лист —
Сила ифта, вера ифта...

Сказал он это или подумал? Откуда это вообще взялось? И в тот момент давление, ставшее нестерпимым, ослабело, и его тело больно ударилось о каменную стену Дороги. Он взобрался на стену и упал в быстрый поток прохладного воздуха и в ожидающие руки товарищей.

Загремел гром. Нейл снял с глаз повязку и пошел по дороге вместе с друзьями. Над ними тянулась серая лента облаков, край мощной завесы, надвигающейся с востока, будто рождающейся над умершим Ифтканом.

Ворота Сторожевого Пути. Символ на Ключевом Камне горел сейчас зеленым светом. Они стали терпеливо подниматься по лестнице и остановились только на выступе перед Зеркалом.

Началась гроза, такая же, как была, когда Нейл искал убежища в Ифтсайге. Ветер не достигал бассейна Зеркала, но вода в нем заволновалась. Рябь на ней пошла кругами, и с каждым кругом вода поднималась все выше.

Здесь собралась сила, которую Нейл не понимал, которая вызывала у Айяра страх.

Иллиль выступила вперед. Очки она сняла и теперь следила за движениями воды.

— Здесь был посев. Теперь будет рост, и скоро придет пора Листа. Но без семян не будет Листа! Если Лист нужен — защити семена и ростки. Дай нам теперь твой приговор. Выдержат ли ростки до появления листьев?

Было ли это совершенно противоположным тому, от чего они бежали, чем-то, что можно счесть настоящей жизнью Яну-

са? Нейл подумал, что это так и есть. И они стали свидетелями ответа, который просила Иллиль.

Вода поднималась все выше и выше, дошла до краев обрамления Зеркала, лизала край выступа, где они стояли, но никто из них не отошел.

Нейл не чувствовал страха. Ему казалось, что он на пороге великого события. Может быть, время еще не настало, но скоро оно придет, и он, Нейл, станет частью этого!

Первая волна коснулась козырьков, прикрывающих Зеркало, лизнула их и перелилась через верх. Она кружилась все быстрее и быстрее. На ней появилась зеленая пена. Затем она потоками полилась по десяткам каналов и залила пустошь далеко за пределами Круга Зеркала. Завыл ветер, из туч полился второй поток. В этом буйстве стихии беглецы задыхались и шатались, но не искали убежища. Это был хороший дождь для подрастания семян — новой жизни.

На западе молнии хлестали по земле. А здесь была ответная вспышка: белый свет пронесся по небу и будто тут же высушил тучи. Страшная ярость била в людей даже с такого большого расстояния, как и волны разлившейся энергии. Затем дождь прекратился, но Зеркало продолжало изливать свою субстанцию.

Долго ли это продолжалось — разлив Зеркала; тучи, яростно изливающие дождь?

Несколько часов? День? Нейл не мог бы ответить. Он знал только, что ярости пришел конец. Тучи ушли. В ясном небе показались звезды. Люди все еще стояли на выступе над спокойным теперь Зеркалом, испытывая некоторую робость перед силой, величия которой они не могли себе даже представить.

— Нам надо многому учиться, — сказал Джервис, бывший Пит Сейшенс.

— И много надо сделать, — отозвался Торри, теперь Килмарк.

— На этот раз Оно проиграло. — Нейл-Айяр держал руку на мече, глядя на запад.

Тот, кто был раньше Монро, а теперь окончательно стал Райзеком, улыбнулся, а Иллиль тихо запела.

Нейл-Айяр знал эту песню. Слова падали в его сознание одно за другим. Песня была очень старая — старше Ифткана, потому что под это пение росли из молодых саженцев деревья-башни Ифткана. Это была Песня Первой посадки.

— Снова будет город. — Иллиль оборвала пение пророчеством, пришедшим из прошлого, и они все его знали. — Он возвысится там, где было запустение. И Клятва снова будет произнесена, потому что ифты посажены снова, и вырастет Племя, хотя ростки его не из этого мира. Был произведен суд и вынесено решение. Мы увидим Четвертый Лист в полную величину. Но рост всегда нетороплив, и садовнику приходится бороться с разрушением извне. — И она снова запела — песню, которую поет только Хозяйка посадок. Остальные жадно слушали.

Иллиль стала спускаться по лестнице на равнину, в ночь. Все, радостные, шли следом.

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ

Багровое зимнее солнце пылало над Янусом. Его холодные лучи косо падали на гибнущий Лес. Огонь уничтожал деревья, лопаты убивали корни, спрятанные в земле. Голые ветви трепетали, словно предупреждая о беде, постигшей Ифткан, древний древесный город.

В сердцевине Ифтсайги, могучего дерева, последнего из рода деревьев-башен, таивших в себе всесильный сок жизни, проснулись от глубокого зимнего сна его жители.

...Ларши! Это слово пришло из памяти почти столь же древней, как и сама Ифтсайга: смерть от людей-дикарей. Братья, выходите на защиту Ифткана, встаньте против ларшей с мечом в руке и отвагой в сердце!..

Айяр открыл тяжелые веки, откинул покрывало. В сердцевине гигантского ствола было темно: под потолком не висели гирлянды ларгасов — летних светящихся личинок. Похоже, они еще спали в трещинах коры. Тишина, окружавшая его раньше, бесследно исчезла, все вокруг трепетало и пульсировало. И хотя он не мог помнить этих сигналов, Айяр мгновенно узнал тревогу Лесной Цитадели.

«Просыпайтесь! Опасность!» Каждый удар подстегивал его, но двигаться было так трудно! Зимний сон, сковавший Айяра и его род, не хотел сразу выпускать их из своих объятий. Еще не готовый к новой, весенней жизни, ифт с трудом выбрался из гнезда.

— Джервис? Райзек? — хриплым голосом окликнул Айяр сородичей, с которыми делил комнату. Тревожные сигналы усилились, понуждая его — спасаться... бежать! Бежать, не оказывая сопротивления, из Ифтсайги — твердыни, которую не смог разрушить древний враг? Ифтсайга, Вечная, была посажена в

легендарные времена, чтобы укрывать расу ифтов при последнем бедствии в дни Зеленого и Серого Листа. Она пережила нападения ларшей, помогла пробуждению нового племени ифтов... Однако предупреждение повторялось: «Бегите! Бегите!»

Айяр, опираясь на слабые, дрожащие руки, подполз к живой стене дерева. Под холодными ладонями древесная плоть казалась теплой, пульсирующей, будто жизнь текла в ней нескончаемыми толчками и волнами. Но сейчас этот поток нес с собой болезненность, угрозу, смерть.

— Джервис! — Ифт пошевелился и стал подниматься.

Проснулись еще двое.

— Ларши? — спросили справа. — Откуда? Ведь дни ларшей давно миновали?

И вновь его память обрела цельность, хотя в ней сосуществовали воспоминания двух разных рас. Таков удел всех нынешних жителей Ифтсайги. Некогда Айяр был инопланетянином, трудовым рабочим-рабом Нейлом Ренфо. При этом воспоминании лицо ифта исказилось.

Нейл Ренфо нашел в лесу то, что поселенцы называли «сокровищем», и, выкопав его, подхватил зеленую лихорадку. Перенеся эту тяжелую болезнь, он стал ифтом — зеленокожим безволосым существом, живущим в гармонии с Лесом, имеющем обрывки памяти Айяра, Капитана Первого Круга последних дней Ифткана. Затем Айяр-Нейл нашел других себе подобных: Эшлу с участка поселенца Хаммера, которая переродилась в Иллиль, Хранительницу Зеркала; Джервиса-Пита, Локатата-Дерека, Райзека-Монро, Килмарка-Торри. По ту сторону Южного моря жили и другие ифты, также прошедшие перерождение, но их было мало: не все инопланетники попадали в сеть ловушек с «сокровищами», созданными последними из настоящих ифтов перед гибелью их рода. Перерождение случалось лишь с теми, кто имел соответствующий характер. И никто из переродившихся не был цельным существом, в них всегда сохранялся шаткий баланс — два прошлых боролись друг с другом. Иногда он становился Айяром, иногда — Нейлом. Правда, теперь Нейл спал все дольше, и он мог пользоваться знаниями Айяра.

— Смерть вокруг нас, — сказал Айяр. — Это предупреждение...

— Но ведь время сна еще не закончилось, — отозвался Джервис. — Есть ли у нас средство, ускоряющее пробуждение... — Он пополз на четвереньках к противоположной стене и ощупал живую ткань дерева. — Неужели Ифтсайга откажет нам! — В его голосе звучала надежда и мольба.

Айяр поспешил через комнату к Джервису, который уже жадно пил из ладоней сладкий сок, сочащийся из трубки в стене. Айяр припал рядом и последовал примеру друга. Холод внутри рассасывался, тепло бежало по жилам, наполняя все тело. Вскоре они уже могли свободно двигаться, в голове прояснилось.

— Что случилось? — Райзек тоже подполз напиться сока жизни, даруемого Великой Ифтсайгой.

— Смерть! Пришла смерть Ифтсайги! — Джервис поднялся. — Слушайте!

И они услышали легкий шелест ветвей, бормотание — так древнее дерево пыталось общаться со своими обитателями.

— Это идет с востока! — сказал Джервис, повернувшись. К востоку лежали участки поселенцев — пятна черной смерти на теле Леса. Еще там находились здания космопорта, куда садились инопланетные корабли.

— Но почему? — Райзек недоуменно огляделся. — Они же не расчищают землю зимой, а весна еще не наступила.

— Ифтсайга не разбудила бы нас без крайней нужды. Это серьезная опасность... — ответил Джервис.

— Нас зовут. — Айяр направился к лестнице-столбу, связывающему уровни дерева-башни.

— Джервис, Айяр, — тихонько окликнули снизу, едва он поставил ногу на ступеньку. — Быстрее! — Голос стал громче, и показалось встревоженное лицо Иллиль. — Нам надо торопиться.

Они спустились на нижний уровень, где у стен стояло множество сундучков. Там уже суетились Килмарк и Локатат, с лихорадочной поспешностью перетаскивая сундучки вниз, к корневым покоям Ифтсайги.

— Мы должны спасти семена! — сказала Иллиль и подняла один из сундучков.

В них хранились семена, необходимые для возобновления рода ифтов. Это были те самые сокровища-ловушки, несущие перерождение. Если сундучки будут уничтожены, мечты ифтов

о новой расе погибнут. Ночное зрение Айяра почти восстановилось. Он уже видел встревоженное лицо Иллиль.

— Куда? — спросил он, подхватывая два сундучка.

— К корневым комнатам.

Если Ифтсайга позволила войти в нижние ярусы — значит, опасность была действительно смертельной, и Великая Цитадель Ифткана не надеялась выжить. Ифты направились к самым дальним корням, самим своим приходом обрекая на смерть неприступную твердыню, служившую им веками, и пряча там единственную надежду на возрождение рода ифтов. Пока они лихорадочно работали, сигнал тревоги не умолкал. Когда верхние уровни опустели, Джервис и Иллиль запечатали узкие проходы землей, смешанной с древесным соком, и наложили на печать заклятие древними словами власти. Затем Джервис сказал:

— Пока Ифтсайга не умерла, мы должны узнать, кто вызвал ее гибель. Враги ифтов спали — но теперь нам придется сразиться за дерево-башню с проснувшимися.

Он и Иллиль встали у противоположных стен, положив руки на дрожащее тело древесного гиганта. Ифтсайга закачалась, ее пульсирующее тело издавало уже не стон, а вой и рычание просыпающегося гигантского зверя. Джервис произнес:

— Мы должны знать, кто наш враг, откуда он пришел и что намерен здесь делать. Разведчики пойдут на восток и на север, а ты, Сеятельница Семян, — назвал он Иллиль ее древним титулом, — иди за помощью к Зеркалу, оно не оставит нас.

Иллиль печально покачала головой:

— Однажды я уже сделала это. Боюсь, что воззвать к Силе Танта во второй раз мне не удастся. Ведь я не полностью Иллиль, во мне живет человеческая память, чуждая ифту.

Потом она повернулась к остальным и добавила более решительно:

— Братья, что бы ни случилось — не выбирайте смерть! Звезды могут нас покинуть, но мы не можем оставить без опеки семена, нашу единственную надежду!

Была уже ночь, время ифтов. Они шли по Лесу, в котором ощущалась тревога мечущихся, пробужденных от спячки жителей леса. Пикфриды скользили по ветвям, и их мех серебрился в лунном свете над головами ифтов; берфонды ворчали и ска-

лились на невидимого еще врага; в воздухе носились крылатые тени.

— Хурурр?

В приветствии кваррина, давнего охотничьего товарища ифтов, слышалась ворчливая жалоба. Айяр открыл свое сознание, чтобы услышать мысли птицы.

— Рвут... убивают... ломают!

— Кто?

— Ползающие вещи! Неправильная охота! Убивают! Убивают!

— Зачем?

Кваррин зашипел, взмахнул огромными крыльями и взмыл в темноту.

— Ползающие вещи... — повторил Райзек. — Корчеватели? — Он робко пытался воспользоваться информацией из своего инопланетного прошлого.

Машины могут изменить облик любой планеты — было бы только время и человеческая воля. Но машин на Янусе почти не было. Этот мир деревьев принадлежал «любимцам небес» — суровой религиозной секте, которая использовала только силу собственных рук и домашних животных. Единственное место на Янусе, где Верующие позволяли держать машины, — это порт. Корчевателей на планете никогда не было: лес вырубался вручную.

— Порт находится на северо-востоке, — сказал Килмарк. — Но они не стали бы выводить машины со своей территории. И охоты сейчас быть не может — поселенцы не занимаются этим зимой.

В самом деле, поселенцы вряд ли стали бы сейчас охотиться на тех, кого они называли «чудовищами».

— Люди с участков никогда не используют машины, — уверенно сказал Локатат. До зеленой лихорадки он сам был поселенцем.

— Догадки — это не то же, что правда! — воскликнул Айяр-Нейл. В нем жил ифт-воин, действием отвечающий на вызов судьбы.

— Нам нельзя напрасно рисковать нашими жизнями, — снова напомнила Иллиль.

Айяр улыбнулся:

— Все дни на этой планете моя жизнь идет рядом со смертью, и я привык защищать ее мечом.

— Разделимся, — сказал Джервис, когда они отошли от Ифтсайги, — и встретимся у Сторожевого Пути. Зеркало Танта — наша последняя защита.

Они растворились в Лесу, став его частью. Каждый шел сам по себе, стараясь не терять общего для всех направления. Животных теперь почти не было. Те, что попадались, двигались вяло, только что очнувшись от спячки, но им негде было выпить живительного древесного сока.

Ноздри Айяра настороженно зашевелились, ловя лесные запахи. Следовало опасаться не только вони келрока, но и следа человека, ибо вместе с человеком шел запах смерти, наступающей на Лес. Сейчас же, судя по всему, нужно искать прежде всего запах неведомых машин. Келрока рядом не было, а вот человек... Айяр миновал два дерева-башни, погибшие много веков назад, возможно, еще во времена войны ларшей и ифтов. Айяр был одним из главных защитников Ифткана, но в его теперешней памяти не осталось никаких воспоминаний об этих схватках. Впрочем, он мог погибнуть в одной из них... Никто из переродившихся инопланетников не знал, каким образом зеленая лихорадка перенесла в них личности и память давно погибших ифтов и как эти личности оказались спрятаны в таинственных ловушках-сокровищах. Айяр знал одно: в прежние времена он охранял Ифткан. Похоже, его роль не изменилась.

Когда налетели порывы предутреннего ветра, запах людей смешался с ужасным запахом гари, который, бывало, налетал на Лес, когда поселенцы расширяли свои участки.

Заря была уже не за горами. Айяр сунул руку в карман своей зелено-коричневой охотничьей куртки. Килмарк, бывший когда-то врачом, научился делать защитные очки из нескольких слоев сухих листьев. В них ифты могли свободно передвигаться в любое время суток, за исключением разве что знойных полуденных часов.

За вонью горелого леса запах человека не чувствовался, и теперь приходилось полагаться только на зрение. На молодых деревцах и кустарнике еще не распустились листья, в тени лежали голубоватые сугробы. Дымные полосы сплелись с туманом,

воздух потеплел, и Айяр смотрел сквозь это дрожащее марево на царящее вокруг опустошение. Рот его скривился.

Когда он уходил, чтобы залечь в спячку, Ифткан был отделен от участков поселенцев речным потоком. Сейчас выжженные тропы лучами расходились от единого центра по всему Лесу. Это работали машины, а не топоры. Но как случилось, что портовикам разрешили расчищать Лес — им это всегда запрещалось?! Да и что могло им понадобиться в Лесу?

Айяр бежал вдоль полосы пепла, закрывая рукой нос, когда приходилось преодолевать особенно зловонные участки гари. Огненная атака на Лес явно проводилась не как попало, а систематически. Расположение выжженных просек свидетельствовало, что ведется планомерный и тотальный штурм Леса.

Он выбежал на обгорелую поляну, посреди которой стояла машина — черный квадратный ящик на гусеницах, тяжело бороздящих почву. У нее сзади был корчеватель — сейчас его рыло мирно приподнято, но позади гусениц почва выворочена.

Взошедшее солнце резало глаза даже сквозь защитные очки, и Айяр щурился, вглядываясь в пространство за машинами. Там высились несколько мерцающих полусфер, будто истерзанная земля исторгла из себя тусклые воздушные пузыри. Это был лагерь. И такие передвижные лагеря были только у портовиков.

Айяр призвал память Нейла, пытаясь вспомнить какой-нибудь официальный знак или символ, чтобы определить принадлежность лагеря.

После открытия Януса лет сто назад планету отдали Угольному Синдикату. Правда, его дельцы мало в чем преуспели — вскоре началась галактическая война. Опустошив миры, она разорвала старые связи между ними. Она же сделала Нейла Ренфо беспланетным сиротой. И она же дала любимцам небес возможность выкупить Янус у обанкротившегося Синдиката. Освоение человеком космоса прекратилось, остановилась его неудержимая экспансия. Янус с его обширными густыми лесами и малым количеством полезных ископаемых никого теперь не интересовал, и его легко уступили Верующим.

Айяр прикинул на глаз расстояние до машин и лагеря. Поляна была слишком хорошо расчищена, чтобы ифт мог рискнуть подобраться поближе. Кроме того, перерождение, коснувшееся и тела и души, превратившее его из Нейла в Айяра, вызвало в

нем отвращение к бывшим сородичам. Ему была тошнотворна сама мысль о возможности близкого контакта с ними.

С другой стороны, узнать правду о происходящем можно было, лишь подобравшись на такое расстояние к лагерю, с которого все разговоры людей станут ему слышны. При этом надо не забывать про опасность попасть под лучевой удар — раз здесь есть машины, этого нельзя сбрасывать со счетов.

Из спальных палаток начали появляться люди — двое в форме стражи, остальные в униформе работников космопорта. Айяр отметил, что все они вооружены не обычным для Януса оружием — шокерами, а бластерами, предназначенными для использования только на необитаемых планетах и только в экстремальных ситуациях. Это уже было серьезной причиной держаться по возможности подальше: мечи ифтов никак нельзя сравнить с бластерами.

Люди ушли в другую полусферу — видимо, столовую, потом до Айяра донеслось характерное жужжание флиттера, и он замер под своим маскировочным плащом. Флиттер летел со стороны порта и опустился на землю неподалеку от наблюдательного пункта Айяра. Двое выскочили из кабины и направились не к лагерю, а в сторону лучемета. Один из них взглянул на выжженные пятна вокруг поляны.

— На эту работу уйдет уйма времени, пока не очистим весь континент! — сказал он.

Второй взглянул через плечо.

— Но не дожидаться же нам инопланетной помощи! Ты еще не видел участок Шмидта. И это уже третий случай. Пока они прячутся в лесах, нам с ними не справиться.

— А кто они?

Второй пожал плечами:

— Вот поймаем хоть одного, тогда и увидишь. Поселенцы — ну, ты знаешь, эти Верующие — называют их зелеными дьяволами. Я... — Он сделал короткую паузу, едва ли не нежно поглаживая раструб лучемета. — Я был на Темрисе и Лантуре во время войны и знаю, о чем говорю. Участок Шмидта хуже, чем все, что я там видел. Здесь сложные условия — у врага все преимущества. Единственный шанс вытянуть зеленую нечисть из укрытий — спалить весь этот чертов лес.

— Тогда нечего тянуть. Чем скорее мы этим займемся...

Они повернули к лагерю и остановились в нескольких шагах от полусфер. В воздухе вокруг них возникло слабое мерцание, а когда они шагнули вперед, мерцание осталось позади людей. Айяр понял, что лагерь окружен силовым полем. Это означало, что портовики готовы к отражению самой серьезной опасности.

Зеленые лесные дьяволы? Айяр посмотрел на свои тонкие руки с зеленоватым отливом кожи. Неужели они говорили об ифтах? Но ведь те укрывались на зиму в Ифтсайге. Зеленые дьяволы не могут быть ифтами. Но кто же они?

Глава 2

НОВЫЕ ЛАРШИ

У рода ифтов был заклятый враг. То, Что Ждет, было много древнее и опаснее людей. Его воинство — ларши — появлялось с просторов губительной Пустоши. Однако там же, посреди пустыни, находилась и защита ифтов — священное Зеркало Танта. Под солнцем — оружием Того, Что Ждет, — Айяр по изъеденной временем дороге направлялся к кратеру — вместилищу вод Зеркала.

Удастся ли им вновь воспользоваться Силой Танта? Несколько месяцев назад Иллиль и Джервис призвали ее, чтобы сразиться с помощью грозы и воды со слугами Того, Что Ждет, и остановить их. Бурный поток выплеснулся за каменную кромку Зеркала и омыл часть Пустоши, очищая ее от Зла.

В этом было их спасение — и спасение даровало им Зеркало! Но никто не знал, насколько велика его Сила. Сможет ли она противостоять инопланетникам и их машинам, не подчиняющимся законам природы Януса? У каждой планеты есть свои потаенные силы, которые могут служить оружием для ее обитателей, но ничего не значить для пришельцев со звезд. Для ифтов Зеркало и то, что скрывалось в его глубинах, было священной Силой, — другие же могли видеть в нем просто озеро в каменном бассейне.

— Айяр!

Он поднял голову, не отрывая взгляда от источенных веками камней.

— Да, Килмарк, — отозвался он. Значит, он добрался не первым.

На Килмарке, как и на Айяре, был плащ, у обоих — мечи и заплечные мешки. Но, помимо этого, через руку Килмарка был перекинут кусок рваной, покрытой пятнами ткани. Запах, исходившей от нее, заставил нос Айяра непроизвольно сморщиться. Этот запах не соответствовал ни человеку, ни машине. Это был запах неизвестного и коварного. Он въедался в ноздри и надолго отравлял легкие. Но во всем остальном ткань лоскута не отличалась от одежды ифта, на нем переливались, переходя друг в друга, зеленый, коричневый и серебряный цвета.

— Что это? — спросил Айяр.

— Я нашел его в колючем кустарнике. — Килмарк протянул руку вперед, и лоскут внезапно затрепетал, как живой. Килмарк испуганно вскрикнул и сбросил его на землю. Запах усилился, и оба ифта попятились, инстинктивно принимая оборонительную позу.

Айяр бессознательно выхватил меч. Он держал его за лезвие ниже перекрестья рукоятки, направив острие не к невидимому врагу, а к небу.

Рука ифта — меч,
Его сердце — во мраке
Холодного света луны.

Эти слова возникли из его двойной памяти, когда он совершал мечом ритуальные движения. Он не был ни Мастером Зеркала, ни Сеятелем, ни Хранителем, ни Стражем, — он был просто воином. Но существовали древние приемы защиты от Врага, известные всем.

Меч в руках Айяра окружило сияние, и с него начали скатываться капли зеленого огня. Падая на землю, они образовывали вокруг лоскута огненное кольцо. Но огонь не уничтожил ткань, а лишь окружил ее. В этот момент со стороны лестницы, ведущей к Зеркалу, послышался крик и топот бегущих ифтов. Подбежавшие Иллиль и Джервис остановились, увидев окруженный огнем лоскут.

— Кто и где нашел эту вещь? — спросил Джервис.

— Она висела на колючих кустах недалеко от выжженного места, — ответил Килмарк. — Я думал... Я боялся, что там кто-

то из нас... Только подняв его, я понял, что он оставлен не ифтами, но все равно в нем что-то очень важное...

Опустившись на колени, Иллиль внимательно рассматривала лоскут. Затем достала из-за пояса тонкую белую лучинку длиной с палец. Хотя дорогу часто заливало водой, кое-где вдоль нее сохранились островки сухого песка. Один как раз находился поблизости. Иллиль направила конец лучины на ткань, а затем коснулась им песка. Она придерживала лучину в вертикальном положении, но та сама по себе двигалась и рисовала. Возникшие на песке линии изображали дерево с тремя большими листьями — символ ифта. Но рисунок еще не был завершен — дергаясь в пальцах Иллиль, лучина превращала листья в угловатые голые ветви. Айяр смотрел на песок. Кажется, он уже видел эти изломанные ветви.

— Ифт... Нет, это не ифт... Неужели Враг? — прошептал Джервис. — Но что это значит? — Он перевел взгляд на Иллиль, которая внимательно рассматривала рисунок.

Она отрицательно покачала головой.

— Я не понимаю. Это, — она указала на лоскут, — имеет облик ифта, но оно пришло из Белого Леса. — Уронив лучинку, она сжала голову руками. — Я помню слишком мало! Если бы мы были цельными, если бы память ифтов не заглушали инопланетные обрывки воспоминаний, нам все было бы ясно. Но сейчас я уверена только в одном — то, что лежит здесь, нечто насквозь злое и лживое.

Джервис обернулся к мужчинам:

— Что вам удалось узнать?

— Они на той стороне реки, — ответил Килмарк. — Выжигают, а потом корчуют. Они хотят уничтожить весь Лес и тех, кто живет в нем.

— Это лагерь портовиков, — добавил Айяр и пересказал подслушанный им разговор.

— Значит, некие зеленые дьяволы нападают на участки, — прервал его рассказ Джервис. — Из-за своего неведения люди боятся нас и считают чудовищами. Но по эту сторону Южного моря сейчас находимся только мы — единственные из ифтов, зимовавшие в Ифтсайге.

— Лишь одним способом мы можем узнать больше, — поднялась с колен Иллиль. — Я спрошу у вод Зеркала. Но ты, — она

взглянула на Килмарка, — должен остаться здесь. Тебе нельзя приближаться к Танту, если твоя ифтийская память еще не прояснилась.

Айяру она ничего не сказала, и он последовал за ней и Джервисом вверх по лестнице к выступу над молчаливым озером, хранящим неизвестную Силу. На краю уступа Иллиль встала на колени, протянув руки над водой.

— Да будет благословенна вода, дающая жизнь, — произнесла она и, смочив кончик пальца, поднесла его к губам, чтобы ее уста могли дать нужный ответ. Теперь ее сознание было открыто Зеркалу.

Когда она вновь заговорила, ее взгляд устремился не на спутников, а вдаль, за озеро, и над ней витала аура того, что было местом Силы:

— Ифт — не ифт. Под маской жизни — Зло. Поражение — это еще не конец войны. Семя беззащитно, пока не брошено в землю...

Айяр не уловил смысла в этих словах. Однако он видел, что Джервис все понял, и лицо его помрачнело. Джервис простер руку и возложил ее на голову Иллиль, и она заморгала, придя в себя от его прикосновения.

— Пойдемте. — Джервис двинулся обратно под стены Пути, где уже ждали Локатат и Райзек.

— Там ифты, Джервис... — начал Локатат.

— Нет, это не настоящие ифты, — перебив его, крикнула Иллиль, — у них облик ифтов, но они подчиняются воле Белого, а не Зеленого Леса.

Джервис кивнул:

— Да, То, Что Ждет, пробудилось. С помощью поддельных ифтов Оно настроило инопланетников против нас.

— Лжеифты опустошили несколько участков, — продолжил Локатат, — я прятался в скалах у реки и слышал, как об этом говорили люди из лагеря. Поддельные ифты убивали и разрушали, чтобы восстановить против нас поселенцев и портовиков. Теперь те забыли старые правила и объединились, чтобы уничтожить Лес и всех ифтов.

— Но Лес огромен, — произнесла Иллиль и взглянула на Джервиса. — Смогут ли они это сделать?

— Сейчас людей здесь мало, но они, несомненно, уже вызвали помощь с других планет, — печально сказал Джервис, — и если помощь придет, то смогут.

Рука Айяра стиснула рукоять меча.

— То, Что Ждет, просто пользуется ими — так же, как прежде использовало ларшей...

— Похоже, — согласился Джервис. — В мое время ларши еще не были орудием Того, Что Ждет. У меня память Зеленого Листа, а не Серого. Сейчас, наверное, Враг использует инопланетников, как раньше — ларшей, и, возможно, добьется успеха.

— Интересно, всегда ли То, Что Ждет, использовало людей как оружие? — сказал Айяр. — Мы так и не узнали, кем был тот в скафандре, что взял в плен нас с Иллиль. Также непонятно, что происходило, когда Оно захватило вас в плен. Вайты, псы Того, Что Ждет, преследовали нас, и мы чувствовали его присутствие, когда бежали к Зеркалу. Во времена Айяра уничтожение Ифткана было поручено ларшам. А теперь То, Что Ждет, с помощью провокации заставило служить своим целям инопланетников. Вот только почему То, Что Ждет, никогда не действовало без помощников? Вы не забыли о Клятве Кимона?

— Может быть, дело в его сущности? — спросил Килмарк. — Действительно, Джервис, если То, Что Ждет, обладает такой силой, почему...

— Кимон пришел в Белый Лес, чтобы сразиться с Тем, Что Ждет, и заставил его дать Клятву, которая соблюдалась во времена Голубого и Зеленого Листа, но при Сером была нарушена, — повторила Иллиль известную всем историю.

— А что известно о природе встреченного Кимоном в Белом Лесу? — допытывался Айяр.

Она покачала головой.

— Джервис, может, ты знаешь?

— Нет. Пока нам известно одно: То, Что Ждет, действует с помощью контроля сознания, а помимо этого... — Он огорченно пожал плечами. — Видимо, теперь оно завладело ифтами, или существами, похожими на ифтов, и заставляет их выполнять свою волю. Нам нужно найти их.

— Нам помогут наши носы. — Райзек кивком указал на дурно пахнущий лоскут.

— А Лес тем временем погибнет, — с горечью сказала Иллиль. — У нас была надежда — восстановить наш народ, чтобы потом законно освободиться от колонизации нашей земли инопланетянками. Но если Лес будет уничтожен, о чем мы станем договариваться с людьми?

— Это верно, — согласился Райзек. — Мы должны дать им понять, что происходит, прежде чем возрождение нашей расы окажется невозможным.

— И как ты собираешься это сделать? — осведомился Локатат.

— Захватим одного из этих фальшивых ифтов и покажем, чем они отличаются от нас, — ответил Айяр.

Все посмотрели на него. После небольшой паузы Джервис сказал:

— Самое простое и, пожалуй, наилучшее решение. Начнем охоту на Врага. Наверное, пробираться к участкам лучше вдоль реки.

— Ты можешь проследить за их движением? — спросил Килмарк у Иллиль.

— Нет. Когда они передвигаются, их защищает хозяин, и я не могу разрушить эту защиту. Нам придется полагаться на наши глаза, нос и уши.

Они решили идти вдоль реки, на юг от Зеркала. День клонился к вечеру, но до ночи, больше подходящей для такого путешествия, еще оставалось время, и они, завернувшись в плащи, уснули прямо на дороге.

С наступлением сумерек они начали путь. Высушенный холодом тростник возвышался над их головами, словно был уменьшенной версией Леса. Они обошли его стороной. Ночью еще больше похолодало, и смена температуры изменила запахи Леса, усилив одни и ослабив другие. Из темноты доносились звуки лесной жизни — перекликались крылатые и четвероногие охотники, ящерица тащила по гравию водяного червя. Раз им пришлось затаиться в тишине, когда большая кошка, разинув пасть, сунула морду в воду, прополаскивая рот после еды. Они почувствовали, что пахнет свежей кровью.

Ифты миновали местность, очищенную водами Зеркала. Справа от них темнела грозная Пустошь. Небо на севере было светлым.

— Они продолжают жечь лес и ночью, — заметил Локатат.

— Они очень торопятся, потому что боятся, — добавил Килмарк.

Может быть, огонь добрался уже до Ифтсайги, с грустью подумал Айяр. Уцелеют ли семена в сундучках? Достаточно ли глубоко расположен тайник в корнях Цитадели? Не доберется ли до него рыло корчевателя? Внезапно ветер принес тот запах, что они искали. Локатат сплюнул, Айяр тоже почувствовал горечь во рту. Эта вонь была гораздо хуже мерзкого запаха лоскута. Казалось, что, проникая в ноздри, она заполняет легкие тяжелым тошнотворным воздухом.

— Свежий? — спросил Райзек.

— Да. След ведет к участкам за рекой.

Обледеневшие бревна и камни, выступавшие из студеной воды, послужили мостом, по которому они перебрались на противоположный берег.

— Ах! — еле слышно выдохнула Иллиль. Наморщив лоб, она оглядывала окружающее, словно вспоминая полузабытые места.

— Что случилось?

— Не к участку ли Хаммера ведет эта тропа?

Юго-запад... Где-то здесь он, ставший недавно ифтом, наблюдал перерождение Эшлы Хаммер в Иллиль и помог ей принять нелегкую мысль, что она стала чуждой своему роду. Сначала она не могла поверить в это и стремилась вернуться на свой участок за любимой сестренкой. Лишь взаимная неприязнь доказала ей, что родня Эшлы не является родней Иллиль. Сейчас, наверное, в ней зашевелились воспоминания, пробудив остатки былой привязанности.

За рекой след петлял, словно те, кого они выслеживали, тоже искали добычу. Вдалеке послышался лай собак поселенцев. Айяр не знал, чей это участок, но надеялся, что Хаммер живет западнее.

Следы уже шли ровно, и ифты перешли на привычный для них полубег. Лес принял их в себя, и, несмотря на то что это был не их Лес, находиться среди деревьев, даже лишенных листьев, было так же приятно, как пить холодную воду в знойный летний день.

Из-за того, что участки поселенцев постоянно вгрызались в Лес с севера и с востока, большинство обитателей уже покину-

ло его. Некоторые животные, впрочем, еще оставались здесь. В это время года они пребывали в спячке в своих норах или дуплах деревьев.

Запах усилился, собачий лай стал громче. Поднятая собаками тревога уже давно должна была вытащить из постелей их хозяев, которые, помня о судьбе, постигшей других поселенцев, не могли не быть настороже, ожидая нападения с оружием в руках. Не хватало только ненароком налететь на них и быть принятыми за Врага. Айяр увидел, как Джервис резким жестом разделил отряд на две группы. Айяр и Иллиль повернули направо, за ними последовал Райзек. Они обогнули опасные заросли цепкого колючего дерева и почувствовали, что вонь стала немного слабее. Айяр принюхался к другому запаху — запаху смерти, витавшему вокруг каждого участка, потому что прекрасная лесная жизнь Януса гибла в результате безжалостного истребления деревьев и кустов. Он вновь почувствовал, как ненавидит тех, кто повинен в уничтожении этой красоты. И спросил у Иллиль, не узнает ли она участок Хаммера. Та покачала головой:

— Нет, это дальше к востоку. Возможно, здесь живет Тольферг.

Айяру показалось, что лай затихает. Собаки совсем перестали подавать голос. Впереди, за деревьями, появились отблески горящих факелов.

Ифты замедлили шаг и, затаившись, наблюдали через переплетения кустарника за раскорчеванным участком, на котором кое-где громоздились обугленные пни.

Свет шел от горящих на заборе факелов. За забором в глубине участка виднелся дом. Несколько пылающих факелов были спущены вниз, чтобы в случае необходимости поджечь сваленный в кучу на открытом месте сухой валежник и осветить местность. Четыре собаки, скалясь в темноту, прижимались задами к запертым воротам. Было видно, что им едва хватает сил оставаться на ногах — на боках и плечах у них кровоточили многочисленные раны. Еще одна собака лежала, конвульсивно дергаясь и пытаясь встать.

На расчищенном пространстве между краем леса и воротами лежало не менее шести четвероногих стражей. Видимо, хозяева спустили собак, надеясь выиграть время.

— Справа, у раздвоенного пня... — шепнула Иллиль.

Обугленный пень выглядел необычно: его середина выгорела, а края остались целыми, так что пень напоминал голову поднявшего уши животного, настороженно прислушивающегося к малейшему шороху. Между его торчащими ушами было заметно какое-то движение. На мгновение мелькнула округлая тень существа, похожего на ифта. Голова повернулась, и стало ясно, что это действительно ифт. Пальцы Иллиль сжали руку Айяра. Сидевшие в засаде не могли понять, кем же был злоумышленник. Райзек прошептал:

— Может быть, То, Что Ждет, захватило несколько настоящих ифтов и заставило их служить себе?

— Кто знает? Ясно одно — это враги, — уверенно ответил Айяр. — Сколько их?

Он осмотрелся, и его обоняние обнаружило впереди еще пятерых. Наверняка это были не все лжеифты и неподалеку их могло быть в несколько раз больше.

— Почему они медлят? — резко выдохнула Иллиль.

Словно в ответ на ее вопрос раздался жуткий вопль, который может вырваться из человеческого горла только от неимоверного страха или боли. От кустов отделилась человеческая фигура и, шатаясь, вышла на расчищенную площадку. Лохмотья, бывшие когда-то ее одеждой, говорили о том, что это женщина. Она прошла мимо затаившихся лжеифтов и, издав еще один вопль, неверными шагами побрела к воротам. Один из нападавших крался вслед за ней, не пытаясь, однако, оттащить ее обратно.

— Они используют ее, как ключ к воротам! — возмутился Райзек.

Эта уловка могла увенчаться успехом, если бы не собаки. Почти одновременно две из них набросились на женщину и повалили ее наземь. Когда их клыки вошли в ее горло, крик оборвался. Из-за забора по собакам ударил луч бластера, они взвыли и забились в агонии. Хозяева, видимо, решили, что собаки взбесились. Фальшивый ифт, на которого собаки не обратили внимания, выскочил из тени, схватил труп женщины за руку и оттащил его назад к пню. Подоспевшие к нему на помощь товарищи поволокли тело дальше.

— Посмотрите наверх! — Райзек вскинул голову. В ночном небе кружил портовый флиттер, поливая землю огненными лучами.

— Быстрее назад! — Айяр схватил Иллиль за руку, и они побежали, спасаясь от беспощадного прожорливого пламени.

— Уходим вниз по реке... На юг, — тяжело дыша, проговорил через несколько минут Райзек.

Он был прав: если они доберутся до реки, опередив пожар, то смогут укрыться от огня в прибрежных камнях или на песке. Пока лучи поджигали лес только вблизи участка, но площадь пожара могла и расшириться.

Ифтов спасало то, что деревья загораются медленно. Опасность была бы гораздо большей, если бы огненные лучи хлестали понизу, воспламеняя подлесок. Вокруг них слышались звуки, издаваемые бегущими животными, спасавшимися от огня. Потом они увидели слева от себя двух бегущих лжеифтов. Одежда одного из них пылала, но он словно не чувствовал жжения и боли. Ложные ифты тоже направлялись к реке.

Только ли эти двое уцелели после нападения или спасся кто-то из них еще? Наверное, большинство лжеифтов погибло после первого же обстрела из лучемета.

— Не успеваем... — Райзек закашлялся от дыма.

— Направо! — быстро осмотревшись, решил Айяр.

Столетия назад на этом месте рухнуло гигантское дерево, размерами почти не уступавшее деревьям-башням Ифткана. Его сухие спутанные корни торчали из образовавшейся при падении ямы, от которой исходил хорошо известный Айяру запах келрока. Запах был старый — похоже, хозяин давно покинул свое жилище. Из-за близости участка дичь в округе разбежалась — и нора оказалась заброшенной.

— Вниз, — скомандовал Айяр и, потянув за собой Иллиль, спрыгнул на остатки подстилки. За ними последовали остальные.

Проход в нору, который искал Айяр, оказался прямо перед ним. Опасной паутины на стенах почти не было. Затаиться в этой норе — их шанс на спасение, и Айяр пополз вперед, в логово келрока.

Глава 3

СОЛЕНАЯ КОРА

Они двигались глубоко под землей по узкой норе. Где-то впереди находилось бывшее жилище келрока, которое могло спасти их от яростного пламени. Сердце Айяра все еще гулко колотилось в груди, когда они наконец разместились в этом скверно пахнущем закутке.

— Джервис, Килмарк, Локатат... — послышался голос Иллиль.

Действительно, что случилось с ними? Удалось ли им спастись? Но Райзек уже думал о том, что их ожидает в ближайшем будущем.

— Вокруг все выгорит, и люди без труда смогут обнаружить нас. Им достаточно спустить собак...

— У этих нор несколько выходов, — сказал Айяр, вспоминая свой страшный опыт. — Обычно они расположены по прямой линии. Другой лаз должен вести прямо к реке.

— Когда наши собратья вернутся из-за Южного моря, Райзек? — спросила Иллиль.

— Мы проснулись раньше обычного. Они вернутся, когда наступит настоящая весна.

— И обнаружат, что люди настроены против них.

— Они ведь придут скрытно. — Райзек явно надеялся на осторожность переродившихся сородичей, которых их новые инстинкты тянут в Лес, чтобы там ставить ловушки-сокровища, которые помогут новым людям превратиться после зеленой лихорадки в их родственников.

— Но они еще никогда не встречались с подобной опасностью, — заметил Айяр. — Они придут и увидят, что Лес уничтожен, а все инопланетники будут охотиться за ними. То, Что Ждет, хорошо продумало удар, нанося его зимой, когда ифты спят.

— Не могу поверить, — прошептала Иллиль, — что Зеркало Танта подвело нас. Ведь мы все видели, какой удар нанесли гроза и наводнение по Пустоши. Как же То, Что Ждет, могло выжить?

— Нам ничего не известно о природе Того, Что Ждет, — перебил ее Айяр. — Возможно, что опасность лишь увеличила его

упорство и вынудила набрать еще больше слуг и воинов. По его воле ларши погубили Ифткан, а теперь инопланетники превратят остатки города в черный пепел. У нас есть только один выход — встретиться с Тем, Что Ждет, лицом к лицу.

— Да, и надо как-то поговорить с портовиками: они должны узнать, что происходит на самом деле!

Айяр ощутил, как вздрогнула Иллиль. Сам он чувствовал то же, что и она. Даже мысль о том, что надо идти к людям, разговаривать с ними, быть с ними рядом, была мучительной. Если бы нашелся другой способ поговорить с ними — не встречаясь! Райзек, наверное, думал о том же, потому что обратился к Иллиль:

— А нет ли на участках коммуникаторов для связи с портом?

— Нет, — ответила бывшая поселенка. — Коммуникатор — это техника. Такие вещи могут быть только в порту.

— Да еще в том лагере у реки, — добавил Айяр.

Райзек подхватил его мысль.

— Лагерь должен хорошо охраняться. Они наверняка ожидают нападения в отместку за уничтожение Леса.

Айяр почти ничего не помнил о порте. Во время высадки он еще не вполне пришел в себя после замораживания, которому подвергались рабочие при перевозке. Он как бы снова увидел, как стоит в шеренге таких же рабочих. Бородатый Козберг придирчиво рассматривает их и отбирает понравившихся. Потом Айяр таскал тюки коры на погрузочную площадку. После этого он в порту Януса не был ни разу.

— Ты знаком с космопортом? — спросил он Райзека.

— С портом? Нет, я вообще не с этой планеты. Я приземлился в Лесу на спасательной шлюпке с корабля «Торов камень». На борту свирепствовала болезнь, но мы держались и надеялись на помощь. Когда корабль проходил через эту планетную систему, я был болен, но еще жив. Меня вместе с другими такими же доходягами запихали в спасательную шлюпку, чтобы избавиться от заразы. Когда шлюпка приземлилась, я был единственным живым на борту. Потом в Лесу нашел сокровище и превратился в ифта. Так что я совсем не знаю порта Януса. Даже ни разу в нем не был.

— Локатат был поселенцем, — сказал Айяр. — Зато Килмарк — врачом.

— Да, но со времени Угольного Синдиката прошло больше пятидесяти лет, — напомнил Райзек. — За это время все могло не один раз измениться. Джервис был одним из перворазведчиков — тогда еще и порта не существовало.

— Я знаю порт, — неожиданно сказала Иллиль. — Я провела в нем двадцать дней. И это было недавно — всего несколько сезонов назад. Ты предлагаешь идти туда, Айяр?

— Нам нужен только коммуникатор. Да что там, если бы нам удалось достать хотя бы переносную рацию!

— Значит, порт... — задумчиво проговорил Райзек. — Не знаю. Мысль о том, чтобы поговорить с помощью кома, неплоха. Но для начала давайте подумаем о том, как будем выбираться из этой дыры.

Он был прав. Айяр уже начинал опасаться, что, убегая от огня, они попали в могилу. Воздуха в норе становилось все меньше, и дышать было все труднее. Они начали задыхаться, а затем впали в состояние, похожее на спячку. Очнувшись, ифты почувствовали, что, хотя воздуха в норе стало больше, вместе с ним внутрь проникли и струйки дыма. Иллиль беспрерывно кашляла, Айяра мучила резь в носу и горле. Если бы снаружи не ждал огонь, ничто не заставило бы их сидеть здесь.

— Вы слышите?

Снаружи шел дождь. Они не могли и надеяться на такой ливень. По-видимому, сезон молодых листьев был ближе, чем они думали. Пол в норе стал мокрым — вода просачивалась из ямы, в которой, наверное, уже образовались лужи.

Айяр выполз из норы. За ним — все остальные.

Хотя снаружи был день, плотные тучи сильно ослабляли солнечный свет. Выбравшись из убежища, ифты оказались под ледяным дождем. Огненные лучи с флиттера уничтожили подлесок и верхушки деревьев, но громадные обугленные стволы уцелели. По выгоревшему Лесу ифты направились к реке.

Между двумя выступавшими из воды камнями лежал труп. Айяр заметил его первым и резко обернулся. Он хотел скрыть это зрелище от Иллиль, но та уже увидела тело и бросилась к реке, чтобы лучше рассмотреть его. Их волнение улеглось, когда

они обступили мертвого. У него было человеческое, но странно пустое лицо. Сначала Айяр подумал, что перед смертью тот обрел смиренный покой, но ни о каком покое не могло быть и речи, потому что горло и верхняя часть груди были разорваны собачьими клыками. Раны обнажили проволоку, металл и покореженные сочленения.

— Это робот! — Память Нейла нашла нужное слово.

Райзек наклонился ниже и провел пальцами по руке робота:

— Потрогай его!

Айяр с отвращением сделал это. Рука была холодной, мокрой, но неожиданно мягкой и упругой, как настоящее человеческое тело — разве только раны на нем не кровоточили.

— Искусственная женщина, — сказала Иллиль. — Но если не знать этого...

— Да, это было их ключом, — кивнул Райзек. — Это она вопила перед воротами, чтобы разжалобить поселенцев и вынудить их открыть засовы. Только на этот раз хитрость не удалась. Бедные собаки поняли, что это такое, и поплатились жизнью. Лжеифты тащили ее за собой — видимо, она им была зачем-то нужна, — но после бросили. Похоже, это их первая крупная ошибка.

— Почему? — спросила Иллиль.

— Нам нужны доказательства. У нас пока нет фальшивого ифта, но уже есть эта кукла, которая заставит инопланетников задуматься. Она не похожа на тех роботов, которых я видел, но тем не менее это робот. Допустим, что мы вытащим его на открытое место. Через какое-то время порт пришлет сюда разведчика — и, скорее всего, не одного. Пусть они найдут его. Это заставит их поразмыслить!

«Действительно, — решил Айяр, — если подкинуть администрации порта такую находку, у них будут основания поверить, что между фальшивыми ифтами и настоящими существует некоторая разница».

— Интересно, а фальшивые ифты тоже роботы? — спросила Иллиль.

— Не исключено. Вот только кто их сделал? И где?

Иллиль глубоко вздохнула, глядя на искалеченное тело робота:

— Об этом можно и не спрашивать. Дождь не смыл запаха Зла. Это создание тоже пришло из Белого Леса.

— Не понимаю, что все это значит, — выразил свои чувства Айяр. Он очень немного знал о Том, Что Ждет. Однажды его и Иллиль пленил ходячий скафандр древнего образца, который гнал их через Белый Лес, чтобы заточить в бездонной пропасти. Но такой робот, как этот, мог быть сотворен только высочайшей технологической цивилизацией, до которой Янусу было далеко.

— Ты не можешь понять, — сказала Иллиль, — потому что мы почти ничего не знаем о Том, Что Ждет. Возможно, в Пустоши не раз садились звездолеты, и То, Что Ждет, смогло воспользоваться взятыми с них вещами.

Не исключено, что все это было именно так, но тратить время на бесполезные разговоры не стоило. Айяр помог Райзеку вытащить робота из воды и уложить лицом вверх на открытом месте. Если предположения Райзека насчет разведчиков справедливы, то робот вскоре должен оказаться в руках портовиков. Ифтам же нужно переправиться через реку и идти на поиски своих товарищей.

— Будем надеяться, что им удалось перебраться на тот берег. — Райзек поглядел в том направлении, откуда они пришли накануне. — В такую погоду этот мостик долго не продержится. Где мы встретимся? На Сторожевом Пути?

— Нет, — твердо ответил Айяр. Это было лишь предчувствие, но он был уверен, что оно оправдается. — На юге.

Иллиль и Райзек не стали спорить. На юге лежало море, и на его песчаных берегах ифты могли чувствовать себя в относительной безопасности. Разведчики из порта, наверное, до сих пор прочесывают Лес в поисках зеленых дьяволов. В этих местах не было ни деревьев, ни кустов, ни каменных осыпей, которые могли бы их надежно укрыть, поэтому приходилось передвигаться почти на виду. Постоянно прислушиваясь, чтобы флиттер не смог застать их врасплох, они перешли реку и направились вниз по течению. Внезапно они услышали жужжание и легли, спрятавшись среди прибрежных камней.

— Зависли, — прошептал Райзек. — Наверное, обнаружили нашу леди.

Вспышка почти ослепила их. Прежде чем посадить флиттер, люди на нем обработали местность огненным лучом, чтобы

удостовериться, что лежащее тело — не приманка в ловушке, и разогнать предполагаемые засады.

— Бежим!

Пока люди из флиттера занимаются роботом, нужно уйти от них как можно дальше. Обежав скалу, Айяр выглянул и осмотрелся. На гравии не было следов, но обоняние подсказало ему, что совсем недавно здесь прошли ифты, причем не фальшивые, а те, в чьих жилах текла истинная кровь. По крайней мере один ифт из их отряда сумел перейти на этот берег и сейчас направлялся к морю. Когда они отошли достаточно далеко от флиттера, Айяр свистнул. Уши, не привыкшие к голосам ифтов, приняли бы этот свист за пение речной птицы. Айяр продолжал свистеть с разными интервалами, пока не услышал ответную трель. Идя на звук, они забрались в заросли прореженного зимними холодами, но все же густого кустарника. И в глубине их, в гнезде из жесткой травы и срезанного тростника, они нашли Джервиса и Килмарка.

— Здесь...

Третья фигура в одежде ифта неподвижно лежала в стороне. Айяр направился к ней. Это мог быть только Локатат, но... Почему он лежит не со всеми? Да и само тело какое-то странное. Это было настолько противоестественное зрелище, что Айяр не сразу понял: странность заключалась в том, что у лежащего ифта отсутствовала половина черепа!

Райзек остановился рядом с Айяром и тоже поглядел вниз.

— Итак, перед нами еще одна машина! — Губы его брезгливо искривились, словно он собирался плюнуть на робота.

— Еще одна?! Значит, вы тоже нашли такого же? — удивился Джервис.

— Да, женщину, подделку под поселенку. Она должна была заставить хозяев участка открыть ворота, но ее прикончили собаки. Впрочем, вы же все это видели.

— Видели. Что вы с ней сделали?

Райзек улыбнулся:

— Мы оставили ее там же, где нашли, чтобы дать инопланетникам пищу для размышлений. — Он опустился на колени, чтобы рассмотреть робота поближе. — Да, встретив такого, будешь абсолютно уверен, что перед тобой ифт. Пока не увидишь вот

это. — Он указал на проломленный череп и массу перепутанных проволочек внутри.

— Он пахнет Злом, — добавила Иллиль. — Твой нюх тут же предупредит тебя об этом.

— Но у инопланетников не такое тонкое обоняние, — напомнил ей Джервис, — и любой из них примет фальшивого ифта за настоящего. Это действительно умно, чертовски умно. Таким вот образом То, Что Ждет, воздвигло стену между нами и инопланетянками.

Райзек кивнул.

— Айяр советует нам войти с ними в контакт через коммуникатор.

— Через ком? — Килмарк резко повернулся и уставился в глаза младшему из ифтов. — А где же мы его найдем?

— В порту, — ответил Айяр. — Нам достаточно переносной рации. — И он повернулся к Джервису. — Ты же был перворазведчиком, знаешь все официальные коды. Допустим, передачу будешь вести ты. Они услышат тебя?

— Должны. Эх, если бы у нас был ком! Но как взять его в порту... — Джервис замолчал, лицо его стало задумчивым.

— А где Локатат, с ним ничего не случилось? — спросила Иллиль.

— Нет. — Килмарк покачал головой. — Он пошел к скалам на берегу моря. Там необходимо поставить маяк, чтобы предупредить собратьев.

— Возможно, они появятся не скоро, — добавил Джервис, — но ведь мы так и не знаем, насколько рано нас разбудили, а терять этот шанс не стоит.

Джервис расчистил небольшой участок земли и разложил на нем несколько камешков.

— Это порт. Все верно, Килмарк?

Бывший врач космопорта взглянул через плечо:

— Я видел его так давно...

— Но Иллиль была там всего лишь несколько сезонов назад, — вмешался Айяр. — Она обращалась туда за медицинской помощью, когда умирала ее мать. Так ведь, Иллиль?

— Да. — Она опустилась на землю напротив Джервиса. — Вот здесь, — сказала она, указывая на разложенные камешки, — садятся корабли, но их никогда не бывает много. Раз в десять лет

приходит правительственный крейсер. В сезон сбора урожая прилетают корабли торговцев.

— Имейте в виду, — предупредил Райзек, — что они могут запросить помощь у инопланетников.

— Не стоит паниковать — будем надеяться на удачу, — ответил Джервис. — Итак, все корабли находятся в западной части порта. Что еще?

— Здесь, — Иллиль положила камень побольше, — дома для торговцев и правительственных чиновников. Дальше госпиталь, за ним казарма полиции, еще дальше — квартиры рабочих. Здесь вот — склады для хранения латтамусовой коры. Вот и все. Ах да! Здесь здание для рабочих машин.

— Это значительно дальше к северу. К тому же оно теперь должно быть пустым, — заметил Айяр.

— Север. — Джервис внимательно изучал план. — Они обстреливали Ифткан отсюда. — Он указал рукой на восток. — А их патруль идет вдоль реки. На северо-западе находится Пустошь и силы Того, Что Ждет. Да, похоже, мы появились как раз вовремя.

— Жителей всех участков, вероятно, уже предупредили об опасности, — сказала Иллиль. — Возможно, порт даже предложил убежище тем поселенцам, которые рискнут туда прийти.

— В чем здесь риск? — спросил Айяр.

— Их вера запрещает подобное. Но если дойдет до крайностей... — Она помедлила. — Участок Хаммера находится вот здесь. — Девушка указала на северо-восток от их укрытия.

Все ждали, что она скажет дальше.

— Участок Хаммера мне знаком. И я знаю животных оттуда. У Хаммера есть два фэза, их в свое время выдрессировали для верховой езды. Они придут на мой зов, и верхом мы быстро...

— Слишком маленький шанс, — отверг предложение Джервис. — По тревоге поднимутся все участки. А у них собаки.

— Да, но каким образом участок, подвергшийся нападению, смог вызвать флиттер? — внезапно спросил Айяр.

— Может, в связи с опасностью на участках уже есть комы? — подхватил Райзек.

— Но тогда... — начал было Айяр.

— Нет, — оборвал его Килмарк. — Пытаться захватить участок, не зная наверняка, есть ли там ком, — все равно что без оружия лезть в паутину келрока, надеясь на его хорошее расположение духа.

— Флиттер-разведчик... А что, если выставить этого, — Райзек кивнул на робота, — на открытое место. Пускай его найдут.

— Нет уж! Они сначала выжгут все вокруг и только потом сядут, и у каждого в руках будет по бластеру, — возразил Килмарк.

— Но ведь можно захватить их без нападения, — вмешалась Иллиль.

— Каким же образом... — начал Айяр, но Иллиль перебила его:

— Соленая кора!

И она открыла им древнее лесное знание. Кору снимают с маленького красно-коричневого деревца, которое даже летом из-за своих крошечных листьев казалось по-осеннему голым. Толченую кору сыплют в огонь и получают дым, который усыпляет тело и разум. С его помощью удавалось покончить с келроком, когда это чудище забивалось в свою нору. Айяр понял ее мысль:

— Найдем открытое место, поросшее кустарником. Перед тем как сесть, они подожгут кусты лучеметом. В кустарнике мы заранее рассыплем порошок соленой коры. Если повезет, то в наших руках окажется коммуникатор флиттера или ручная рация кого-нибудь из команды.

— А как мы сами сможем подобраться к ним сквозь дым соленой коры? — сухо спросил Райзек.

— Нужно выбрать место поближе к воде, — сказал Килмарк. — Тогда дым не будет держаться долго. Да и вряд ли мы добудем много соленой коры.

Джервис рассмеялся:

— План, конечно, выстроен на славу, но...

— Вы забыли кое-что важное. Или вы теперь больше люди, чем ифты?! — Иллиль нахмурилась. — Люди слишком зависят от того, что видят их глаза и слышат их уши. Они забывают, что есть и другие силы. У меня нет многих моих прежних знаний, но, когда я была Сеятельницей Семян, я знала, что из сил, которые коренятся в чувствах и перерастают видимое и осязаемое,

может вырасти необычная поросль. Этим даром ифты пользовались в те времена, и им мы должны воспользоваться теперь, когда нам грозит опасность!

Благоговейный страх, охвативший душу Айяра над поверхностью Зеркала Танта в тот момент, когда эта слабая девушка вызвала таинственные силы, превосходящие все, что можно увидеть и понять смертным, — этот страх снова проник в него. Уверенность Иллиль постепенно передалась всем.

Поиски соленой коры увели их далеко от скал. Однако ифты старались не приближаться к окраинам Пустоши. Они знали: в этом саду зла подобные деревья расти не могут.

Килмарк был прав: сбор оказался более чем скудным. Айяр вернулся с двумя горстями. Иллиль оказалась находчивее. Она подвязала полу своего плаща так, что получилось что-то вроде мешка. Девушка сумела наполнить его на четверть.

Джервис направился вверх по реке выискивать подходящее для засады место. Остальные складывали собранную по крохам кору в общую кучу, сразу же укрывая ее плащами от моросящего дождя. Потом Иллиль провела руками над кучей, тихо напевая.

Айяр даже не пытался разобрать слова. Он понял, что это священная песнь прорастания, и петь ее может не каждый.

Райзек разделил между ними припасы, взятые еще из кладовых Ифтсайги — в основном лепешки из орехов и мяса. Сок жизни, пробудивший ифтов ото сна, долго поддерживал в них силы, но настало время вернуться к обычной пище.

— С наступлением ночи наши шансы на успех уменьшатся, — сказал Килмарк.

— Вечер будет долгий, — отозвалась Иллиль, стряхивая с пальцев крошки соленой коры.

Да, подумал Айяр, вечер будет долгим. Но время тянется не ко благу человека, ифта или даже Того, Что Ждет. Оно затаилось в Пустоши — и ифты отравились в спячку, поверив в его поражение. Но было ли это поражением? Похоже, когда Зеркало вышло из своих берегов, то была лишь небольшая стычка в грандиозном поединке сил. А силы Того, Что Ждет, явно превосходят все, что ифты могут себе представить. Так что главное сражение еще впереди.

Знание, потребовавшееся для создания фальшивых ифтов, не могло происходить с Януса. Оно скорее напоминало инопланетные технологии. Если в Пустоши садились звездолеты, их грузы давно перешли во владение Того, Что Ждет. С такого корабля могла прийти и женщина-робот — но не фальшивые ифты. Они-то здешние, с Януса. Значит, эти роботы созданы здесь, для определенной цели: поставить всех ифтов вне закона, подвергнуть их род преследованиям и уничтожению. Может ли быть, что это — следствие влияния инопланетников, а вовсе не цель Того, Что Ждет? Но нет, они давно были знакомы со зловонием, висевшим сейчас над мнимыми ифтами.

В отрывочной памяти перерожденных ифтов не было знаний о природе Того, Что Ждет. Если его сила не сродни поднявшейся из вод Зеркала, значит, она совершенно другого рода.

Айяр внимательно посмотрел на Пустошь. Там не чувствовалось никаких признаков жизни, если не считать начинавшейся атаки сил Того, Что Ждет.

Ифты шли вдоль реки по живой, не принадлежащей Врагу земле. Его слуг не было видно, но Белый Лес и бездонная стеклянная пропасть находились неподалеку, и где-то дальше таилось истинное логово Того, Что Ждет. Раздался свист. Этим знаком Джервис предупреждал о своем появлении.

— Есть подходящее место недалеко отсюда, но нам надо подождать до утра. Флиттер все еще продолжает патрулирование.

— Что ж, — хмыкнул Райзек, — подождем.

Странно было перевернуть природный порядок вещей: проспать холодное раннее утро и с нетерпением ждать палящего солнца. Пришлось снова переходить к человеческому времени, раз уж они твердо решили достичь своей цели.

Айяр дежурил в эту ночь последним. Он следил за западом, но там царило безмолвие. В Лесу, среди существ, которых Айяр понимал, с которыми он чувствовал родство, было бы легче. А тут — ничего, кроме явственного ощущения собирающейся грозы, но грозы совершенно другого рода, без порывов ветра и рваных туч. Ифты должны быть готовы к моменту, когда она разразится, и настанет время выполнить все, что им предназначено. От этой грозы нельзя было ни укрыться, ни спрятаться.

Глава 4

ПЕРВАЯ УДАЧА

Айяр с неприязнью поглядывал на воду, в которой плавал лед. Дождь кончился, небо становилось все яснее, и, пока свет зари еще не слепил глаз, они начали готовить ловушку.

Робота распластали на камне, стянув с него защитный плащ, чтобы приманку было отчетливей видно. Затем наложили рядом кустарника, добавив соленой коры — побольше с северной, подветренной стороны. Джервис поправил голову робота, слегка передвинул левую руку и отошел. Ловушка была готова. Конечно, она вышла так себе, но ничего лучшего они придумать не смогли.

Бросили жребий, и Айяр, в одежде и при мече, лег у самого края воды, ожидая появления флиттера. Он сунул руку в воду, ощутив неприятный холод, зачерпнул ее ладонью и, разбрызгивая капли, поднял руку вверх. Древние заклинания помнила не только Иллиль. Айяр тоже когда-то лил наземь жидкость из замысловато расписанной чаши и говорил те заклинания, что сейчас тихо бормотал Нейл-Айяр.

Тому Айяру заклинания не помогли, вряд ли и теперь они подействует на инопланетников, поселенцев или То, Что Ждет. Но ифту, как и человеку, в такую минуту захотелось уцепиться за веру в нечто его превосходящее.

Удар дождя словно распахнул дверцу другому времени года. День ожидался ясный, В воздухе веяло весной. Что-то зашевелилось в отрывках переданной ифту памяти, и кровь — как сок, весело бегущий по стволам деревьев-башен, по всем лесным растениям, — забилась в жилах, едва он вспомнил весну в Ифткане. Время сажать, а не умирать. Впрочем, некогда смерть поразила Айяра и ныне снова маячила перед ним. Но у него в руках меч! Только так ифт встречает врага! Он услышал жужжание. Давиз? Рановато для насекомых, хотя... Айяр замер: кровосос не трогает неподвижных. И вдруг он уловил звук иной, более настойчивый. Флиттер! Джервис мог и не свистеть, Айяр уже укрылся в воде между скалами и поверженным грозой деревом. Звук приближался. Лишь бы они увидели робота... Пора!

Айяр нырнул, пламя луча с шипением хлестнуло из флиттера. Только бы ветер не отнес соленый дым в сторону! Флиттер приземлился. Айяр обогнул скалу, присел в тени. Боль пронизала плечо, он чуть не вскрикнул — было досадно: совсем забыл о давизе. И тут же устыдился, что ему не хватило выдержки: с флиттера могли заметить его возню.

— Эй... Прикрой меня!

Как странно звучали слова на основном галактическом — словно иностранный язык. Айяр втиснулся между скалами. Вверху вился дым. Пилотов было двое: один оставался в кабине, другой со странным простодушием шагнул к роботу, тронул его сгорбленное плечо. Вдруг закашлялся, замотал головой, отгоняя дым. С сердитым бормотанием потянул мнимого ифта, сунул бластер в кобуру, обеими руками рванул, пытаясь высвободить ноги приманки, которые Джервис с Килмарком старательно заклинили между камнями.

— Еще один робот, — выкрикнул он. — Крепко, черт, застрял...

Пилот повернулся к флиттеру, но, сделав несколько шагов, грузно сел на землю.

— Рейшен! — окликнули его из флиттера.

Он пополз было на зов, но упал, уткнувшись лицом в землю, и затих.

— Рейшен!

Айяр увидел, как высунулась рука с бластером. Хватит ли дыма на второго, в кабине? Скорчившись, инопланетник вылез из флиттера, огляделся и с подозрением посмотрел на кустарник, окутанный дымом. Схватив приятеля за куртку, он попробовал втащить его внутрь машины, но Рейшен был тяжел, к тому же второй не хотел выпускать из руки бластер. Он с отчаянием тянул на себя обессилевшего товарища. Ветер переменился, и дым пошел на него. Человек закашлялся, бросился к двери и свалился у входа.

Айяр тоненько свистнул. Как долго будет действовать их средство, можно было только гадать. Закрыв нос и рот мокрым рукавом, он побежал к флиттеру. Чувствовался лишь запах тлеющего кустарника — похоже, кора уже прогорела. Преодолевая омерзение к механизмам, Айяр принудил себя забраться внутрь.

Ком он обнаружил быстро, тот был встроен в панель управления. Если бы Джервис мог превозмочь отвращение к флиттеру, стоило бы воспользоваться передатчиком хотя бы для одного сообщения. Впрочем, у людей могли быть и переносные рации.

Тело дрожало, как в лихорадке, и оттого он ощущал себя куда хуже, нежели от укуса давиза. Айяр взял себя в руки. Дрожащими пальцами он нащупал на запястье пилота, лежавшего около входа, передатчик. Застежка не хотела поддаваться, но все-таки он ее расстегнул и взял диск вызова. Айяр едва мог вытерпеть прикосновение к ладони этого крошечного металлического кружка и еще теплого от человеческой руки браслета. Казалось, он держит невообразимую мерзость.

Ифт бросился к берегу, огибая еще окутанные редеющим дымом кусты. Рацию он уронил на камень и, почуяв рвотные спазмы, отскочил в сторону. В дрожи, в холодном поту он вернулся, увидев лишь Джервиса и Иллиль. Джервис, с выступившей на голове испариной, изучал передатчик.

— А где же?.. — прохрипел Айяр.

Иллиль мотнула головой:

— Отправляют этих обратно, в порт. Райзек включит на панели программу возврата. Пусть летят и прихватят с собой ложного ифта.

— Зачем?..

— Джервис говорит, пусть они вернутся невредимыми, это докажет, что мы не строим козней. Тогда в космопорте скорее поверят и нашему сообщению, если, разумеется, получат его.

Флиттер взмыл вверх, направляясь к порту, а Райзек и Килмарк, пошатываясь, подошли к ним. Райзек рухнул наземь, закрыв глаза. Он хрипло дышал. Влезть в кабину и разобраться, как включить возврат, — это требовало непомерной силы воли, которой от него трудно было и ожидать. И почему перерождение затронуло их чувства, принесло столь непереносимое отвращение к тем, кто некогда был с ними одной плоти, одной крови? Джервис полагал, что это мера безопасности, которую предусмотрели мастера-биологи, создатели перерожденных ифтов. Новую расу надо было держать в изоляции от прочих существ, пока она не разрастется в достаточной степени. Но мастера-биологи не могли предвидеть нынешних трудностей. Как ифтам входить в контакт с теми, кто одним лишь своим видом

вызывает чисто физическую гадливость? Вероятно, общаться придется только через передатчик.

— Ты думаешь, это удастся? — спросила Иллиль.

— Не знаю... Мы можем хотя бы попытаться. — Джервис выглядел усталым, совершенно измотанным. Возле добычи Айяра он оставался ценой невероятного усилия. Крышка прибора была снята, но Джервис, вместо того чтобы сказать самое необходимое в крошечный микрофон, выстукивал двумя палочками над самой рацией какой-то диковинный ритмический рисунок. Иногда он прерывался, что-то мучительно вспоминал, глядя вверх, затем снова стучал, то неуверенно, то весьма настойчиво. В одну из пауз его прервал тонкий, но требовательный, с металлическими нотками голос из кома:

— Уокерс! Что ты там вытворяешь?

Джервис повторил сообщение, чуть помедленней.

— Да в чем же дело, Уокерс!

Наступило глухое молчание, лишь Джервис выстукивал код, который некогда знал лучше собственного имени. Пит Сейшенс... И как давно это было! Перворазведчик Пит Сейшенс тогда еще не был ифтом Джервисом.

— Они должны все это записать, — предположил Килмарк, — и расшифровать...

— Если сумеют, — добавил, едва шевеля губами, Райзек. Ритм стал медленнее. Казалось, чем больше Джервис напрягает память, тем труднее ему вспоминать. Наконец он повернулся, усталый и угрюмый.

— Я сделал что мог. Попытаюсь еще разок. Пожалуй, вышло не так уж скверно.

Он опять взялся за палочки, но из кома вылетел все тот же металлический голос:

— Эй, кем бы вы ни были — мы засекли вас!

Райзек глянул вверх, словно флиттер-разведчик уже спускался к ним.

— Зачем они предупреждают? — не понял Айяр.

— Быть может, потому, что Джервис не совсем плохо сделал свое дело? — ответила Иллиль. — Быть может, они поняли код. Ну что, будем ждать встречи?

Джервис помотал головой:

— Нет... не стоит. Пока не разузнаем побольше. Но... — Намочив палочку и окунув ее в пепел уже совсем зачахшего костра, он начал писать на камне около рации какие-то знаки, в которых был скрытый смысл. Джервис предполагал, что их расшифровка потребует от людей немало труда и времени.

Они направились к югу. У Айяра уже не осталось той силы, что была дарована соком Ифтсайги. Иногда кружилась голова, и ему казалось, что долго держать темп, который задал Килмарк, он не сможет. Впереди должно быть море, хотя Пустоши справа все еще не было видно конца. Неужели там что-то шевелилось, уж не мерещилось ли это им? В маленькой рощице ифты решили передохнуть. Айяр лег на прошлогодние сухие листья и вдыхал лесную свежесть, не решаясь закрыть глаза. Сон был так близок, веки наливались тяжестью, тело обмякло...

— Они придут проверить? — спросила Иллиль.

— Не знаю, — мрачно проговорил Джервис. — Нет никаких сомнений, что нас заметили. Быть может, они поверили коду, ведь иначе напали бы без предупреждения. Скоро вернется флиттер с невредимым экипажем и роботом. Они должны воспринять это как доказательство нашей благожелательности. И потом они прочтут мои письмена около кома. Коды, известные изыскателям, и за столетия не могут сильно перемениться. К тому же они могут сделать запрос на другую планету о некоем Пите Сейшенсе.

— Но это же займет уйму времени! — возразила Иллиль.

— Да. И этого времени у нас может и не быть. Но какой выход ты предлагаешь?

Иллиль молчала. Айяр заметил, что иногда она косится в сторону Пустоши. Неужели и у нее было ощущение, что за ними кто-то следит? Когда они достигли края песчаной дюны, их догнал Локатат. Щека его кровоточила, словно расцарапанная сильным ударом ветки. Он тяжело дышал.

— Они собираются!

— Кто? Инопланетники?

— Нет. Те, оттуда... — Локатат махнул рукой в сторону Пустоши. — Вайты идут, с ложным ифтом, который ведет их к реке!

— И много их?

— Не знаю. Мечутся туда-сюда... Кажется, сама земля шевелится.

— Такое вполне возможно, — согласилась Иллиль. — У Того, Что Ждет, много сил, и порой самых странных. Вот только почему они идут днем?..

— Да потому, что время — это наш враг, — перебил Райзек. — Ты можешь предложить более вероятную причину? То, Что Ждет, знает: мы где-то здесь, раз мы не отправились через море, вслед за сородичами, — и теперь идет в наступление. Вернутся другие ифты — и попадут в самую кашу событий. Не успеют они узнать, откуда на Лес свалилось столько недругов, как их сожгут.

— А что, если люди из порта наткнутся на фальшивого ифта, который будет поджидать их у рации, и попадут в западню? — По старой привычке Айяр рассуждал вслух.

— Да. — Джервис признал его правоту. — Нам необходимо разузнать, зачем движется эта орда и намерена ли она оставить Пустошь. Если бы наша память была отчетливей! Мне казалось, что слуги Того, Что Ждет, не могут пересечь границу Пустоши... А фальшивые ифты перебрались через реку.

— Ты забыл о ларшах. По воле Того, Что Ждет, они нарушили Клятву, — заметила Иллиль. — А хозяин редко напоминает слуге свой приказ.

— Я довольно отчетливо помню, как Айяр убил вайта у подножия дерева-башни, — сообщил Айяр. — Но в те древние времена ничего подобного не могло случиться и на подступах к Ифткану. Если люди придут к рации и окажется, что мы поставили им ловушку... Вот вам и доказательство!

Джервис встал:

— Это не должно оказаться ловушкой! Если мы упустим шанс сказать правду, нас развеет, как ветер разносит сухие листья. Нужно разделиться! Иллиль, тебе более всего следует опасаться внимания Того, Что Ждет. Если Оно захватит тебя, мы лишимся даже частичной памяти Сеятельницы. Иди назад, к берегу моря.

— Но и ты, Джервис, — она тоже поднялась, — должен быть осторожным по той же самой причине. Раньше ты знал все о Словах и Даре, а теперь помнишь об этом меньше меня. А если То, Что Ждет, способно пробудить в тебе память больше, чем ты желаешь? Так что не лезь в сети.

Он усмехнулся.

— Чтобы убедить людей порта, нужна моя память, те сведения, которые сидят у меня в голове. У меня нет выбора. Я должен идти им навстречу и сделать все, что в моих силах. Итак, — он повернулся к остальным, — Райзек со мной, Килмарк с Иллиль — к морю... — Он посмотрел на Айяра и Локатата. — Вы — на разведку, один на север, другой вдоль реки. Сами решайте, кто куда.

— А запад? — спросил Локатат.

— Пока оставим. Выслеживать врага на его же территории... На такой риск сейчас идти нельзя. Важней узнать о силах порта и поселенцев.

Они распаковали заплечные мешки, оставили себе плащи, а припасами нагрузили Иллиль и Килмарка, отправив их на юг. Остальные подались в противоположную сторону. Локатат поднял голову и принюхался.

— Чувствуешь?

— Да, попахивает фальшивым ифтом... и этими, — заметил Айяр.

— Если ты не против, я пойду через реку, — сказал Локатат. — Я знаю эту местность.

Снова путь Айяра лежал на север. Сначала — с Джервисом и Райзеком, затем идти придется одному — возможно, до самых руин Ифткана. Солнце поднялось уже высоко, глаз не спасали даже очки из листьев. Но, кроме птиц, животных и обитателей водоемов, ничего движущегося он не видел. По реке плыли обгоревшие стволы, распространяя в воздухе запах смерти: губители Леса продолжали свое дело. И как можно было переубедить людей из порта, сломить эту ненависть, заставить их изменить свое решение уничтожить Лес?

— Флиттер! Северо-восток... — крикнул Райзек.

Они бросились на землю.

Послышалось знакомое жужжание. В ярком небе появилась машина.

— Опоздали! — застонал Джервис. — Мы не успеем туда добраться, как они прибудут!

— Опоздали, — согласился Айяр, — и не только здесь.

Из Пустоши донесся жуткий лай, от которого кровь стыла в жилах. Рука сама потянулась за мечом.

— Вайты охотятся!

И он вспомнил, как однажды уже встречался с ними, когда его с Иллиль загнали на мертвую территорию Врага. Вайты, собаки Того, Что Ждет, не имели, как собаки поселенцев, собственной плоти. Их не трудно убить, но они нападают стаей. Он закричал:

— Приближаются!

— Ищут... смотрите! — заорал рядом Райзек.

Летящая машина была больше обычного разведывательного флиттера и двигалась быстрее. И вдруг из глубины Пустоши ударил луч и словно раскалил флиттер докрасна. Ифты рухнули на камни, закрыв глаза руками. Едкие слезы брызнули из-под судорожно сжатых век. Мир стал кровавым.

— По... погиб? — Слабый голос Райзека просочился сквозь красный мир и достиг ушей Айяра. Тот поневоле открыл глаза. Перед ним все плыло: камни, кусты...

Флиттера слышно не было. Айяр подался в сторону, и его плечо стиснула крепкая рука.

— Еще летит... садится...

Айяр заморгал и снова посмотрел. Джервис оказался прав. Флиттер спускался как обычно, но без привычного жужжания. Визг вайтов уже резал уши. Айяр вскочил и побежал к флиттеру. За ним бросились остальные. Зачем он понесся туда, он и сам не знал. Он лишь чувствовал, что должен это сделать. Айяр выскочил на поляну в ту самую секунду, когда флиттер уже коснулся земли, и даже не подумал, что может наскочить на огненный удар бластера. Он остановился, лишь когда к нему вернулся разум. Дверь машины все не открывалась.

— Погибли! — вскричал Райзек.

— Все может быть, — ответил Джервис. Он двинулся к флиттеру тяжелым, скованным шагом: тело едва подчинялось рассудку. И когда ифт оказался у самого носа машины, дверца отворилась. Из нее вывалился человек в мундире офицера службы безопасности порта со звездой на плече. С высоты в несколько футов он рухнул на землю, снова подполз к флиттеру и замер, глядя перед собой, как слепой.

Второй человек, много старше и в гражданской одежде, появился следом за ним. Он был такой же беспомощный и полз лицом вниз, поэтому третий — пилот — споткнулся об него.

— Все в шоке, — определил Райзек. Лай вайтов, отчетливый, громкий, был совсем недалеко. Охотники с флиттера могли стать добычей охотников Пустоши.

— Хватайте! Их надо унести! — Джервис уцепился за пилота.

Коснуться людей! Нести их! Каждая клеточка тела Айяра вопила: невозможно! невыносимо! Но он понимал: это необходимо. Нельзя оставить их на растерзание. Задыхаясь, он взял старшего за руку и потянул. Инопланетник, к общему изумлению, встал, будто давно нуждался в поводыре. Он позволил ифту повести себя к скалам, где был хоть маленький, почти ничтожный шанс спастись. И так же легко пошли за ифтами остальные. Они смотрели перед собой пустым взглядом, словно превратились в роботов. Спрятав инопланетников в укрытие, ифты стали впереди, обнажив мечи.

Глава 5

СНОВА В ПЛЕНУ

Временная позиция для обороны казалась удачной: сзади защищали скалы, а с любой другой стороны подобраться, миновав вооруженных ифтов, было невозможно. Проход был узок, одновременно напасть могли только два вайта. Но если за ними следуют иные слуги Того, Что Ждет... Вдруг настоящим ифтам придется встретиться с фальшивыми?

Айяр чутко вслушивался, в каждый малейший звук, словно превратился в огромное ухо. Как долго молчат вайты! Почему Враг наступает молча? Вдруг он увидел, как нечто белое и тонкое, на худых костлявых ногах, с узкой головой вертится у флиттера. Вайт обошел вокруг машины, обнюхал дверь, сунул морду внутрь, понюхал землю, где недавно ползали инопланетники, повернул голову и увидел ифтов. Он открыл пасть, высунув бледный глистообразный язык, откинул голову. Визг его пронзил уши, терзая сознание... Когда Айяр открыл глаза, бледный костлявый пес уже несся в их сторону.

Райзек, превозмогая отвращение, шарил рукой по поясу инопланетника. Он судорожно сжал рукоять бластера, вытянул его из кобуры. С неимоверным усилием, будто легкое оружие вдруг стало невыносимо тяжелым, он прицелился и выстрелил.

Вайт не издал ни звука. Да его уже и не существовало, разглядеть можно было лишь странное подобие узловатых корней уже сгнившего дерева. Райзек убил разведчика стаи, и Айяр напряженно ждал, что будет дальше.

— Бежим по берегу, к югу... — вдруг приказал Джервис.

Покинуть убежище, пусть и не слишком надежное, и выйти на открытую местность? Айяр чувствовал досаду. Но сидеть и ждать неведомо чего тоже не слишком умное занятие.

— Пойдем! — сказал Джервис на основном и положил податливую ладонь инспектора на свое плечо. Глаза инопланетника повернулись к Джервису. Они стали оживать, в них пробуждалось сознание.

Ифты повели людей по обледеневшим камням вниз, к воде.

— Осторожно! — Айяр увернулся и потому не удержал на ногах своего подопечного. Райзек выстрелил, и вайты — их было трое — скорчились в огне.

— Что... кто это... кто вы? — заговорил гражданский на основном, напугав тем самым Айяра. Тому уже казалось, что эти трое — нечто полуодушевленное. Но взор инопланетника был ясный и осмысленный. Его рука потянулась к оружию.

— Вставай, если можешь, — сказал Джервис. — Они сейчас появятся снова.

Райзек вскрикнул: в его предплечье сидела стрела. Он выронил оружие, и Айяр, подхватив бластер, пальнул в зеленую фигуру, видневшуюся среди скал. Луч сжег одежду, но фальшивый ифт стоял, словно и не заметив этого. Вторая стрела ударила в камень рядом с Айяром.

— Бей в голову! — крикнул Джервис.

Превозмогая неприязнь к технике, Айяр упер оружие в предплечье, вздрогнув от прикосновения, и ударил в голову лучника. Мнимый ифт забегал нелепыми, хаотическими шажками, он метался до тех пор, пока не очутился на вершине одного из утесов, откуда рухнул вниз и пропал из виду.

— Назад, через поток. Дорога на юг отрезана.

Гражданский подчинился приказу Джервиса, словно и он превратился в ифта. Он достал бластер и, когда вайты в зловещем молчании хлынули на отряд, выстрелил сам. У Айяра дрожали руки, и он, не успевая целиться, лишь разбрасывал лучи по скалам. Атака оборвалась столь же внезапно, как и началась.

В скалах стало тихо, даже душевная тревога схлынула. Похоже, враг отступал.

— Кто вы? — Инопланетник направил бластер на ифтов.

— Мы из Леса... Ифты, — ответил Джервис.

— Тоже роботы... — Пилот выхватил бластер из рук Айяра.

— Нет, роботы с запада. — Джервис махнул рукой. — Вы только что видели их и собак. Мы оставили вам одного робота, чтобы вы поняли правду...

— Так мы и поверили...

— Хэнфорс! — оборвал его инспектор. — Кто давал сигнал... — Он повторил ритмический рисунок.

— Два, семь, девять, — добавил Джервис. — Пит Сейшене, перворазведчик.

— Где он?

— Он с нами, он посылал этот код, — ответил Джервис. — Мы не роботы, мы никак не связаны с Тем, Что Ждет, которое управляет ими. Роботов напустили, чтобы поссорить вас с нами.

Инспектор опустил оружие и взглянул на старшего. Гражданский усмехнулся:

— И вы сбили нас, чтобы все это сообщить?

— Вас сбило То, Что Ждет, чтобы слуги его могли напасть на вас.

— Что это за странное существо: То, Что Ждет?

— Не так просто ответить... Сила, которая существовала века и всегда была врагом моего народа. Теперь она опять напала на нас — с помощью вас.

— Как это?

— Вы уничтожаете Лес, корчуете пни...

Хэнфорс брезгливо фыркнул:

— Еще бы! Как иначе найти норы хищников, которые нападают на поселенцев. Ваши норы!

— Ифты никогда не нападали на людей...

— Что ж... — Хэнфорс обернулся к своим. — Возьмем этих дружков с собой и узнаем правду. Я проверю флиттер, а вы смотрите за этими... ифтами.

Он сунул оружие в кобуру и направился вверх, к машине.

— Давайте-ка, разоружайтесь, — произнес старший.

Джервис отстегнул плечевой пояс и бросил меч с ножнами на землю.

— Вы дадите мне осмотреть его рану?

— Разумеется. Только для начала разоружите и вашего приятеля.

Райзек держал поврежденную руку другой рукой. Вокруг стрелы уже было красное пятно. Джервис снял с друга меч, бросил его рядом со своим и принялся за рану.

— Эй, приятель! — Инопланетник смотрел на Айяра. — Давай-ка и ты свой меч.

Айяр неохотно поднял руки, чтобы снять свое оружие, но со стороны флиттера донесся крик. Хэнфорс, оставив кабину, бежал по склону, задыхаясь:

— Управление сдохло!.. Нам не подняться!

— Пошли вызов.

Хэнфорс замотал головой.

— И мотор сдох, и ком...

— Черт... Чини.

— Я посмотрел — никаких повреждений.

— Повреждений нет, а не работает, — мрачно сострил третий. — Значит, мы находимся вне портового луча, и за нами должны прилететь.

— Когда, Стеф? — Он хмуро глянул на Джервиса, который обрабатывал рану Райзека. — Тем более что это место не курорт, чтобы долго здесь засиживаться. Двинемся на север. На этой стороне реки расчищают лес, бригада, наверное, уже включила поисковый ком, когда мы шли над ними. К тому же мы при бластерах. Похоже, что оружие противника... — он покосился на мечи, на стрелу, вынутую Джервисом, — не столь эффективно. Да и три заложника — это кое-что значит.

— Эй ты, — Стеф выругался, — брось меч! Пойдем по берегу, здесь не так уж далеко.

Старший посмотрел вверх по течению, потом на останки вайтов. Айяр бросил меч. Ему казалось, он чувствовал все, о чем думал гражданский. Когда они неслись над Лесом, где его соплеменники выполняли свое задание, Пустошь не привлекала его внимание. Им нечего было опасаться. А теперь приходится идти пешком после нападения столь странных врагов, и все не так легко и просто. Пустошь велика, и Лес уже не просто досадная помеха. Человек словно уменьшился ростом, потерял свою силу. Идти по диким местам, охраняя при этом трех диковин-

ных пленников, да плюс к этому постоянная тревога и опасения, что вот-вот попадешь в засаду...

— Здесь не пустая земля, — сказал Джервис, словно тоже уловил мысли старшего. — То, Что Ждет, и все, кто ему служат, всегда в готовности.

— А вы на что? — усмехнулся Хэнфорс. — Разве они станут атаковать, когда вы в наших руках?

— Думаешь, не станут? А откуда прилетела стрела? — Нейл в Айяре пытался найти убедительные аргументы. — Они что, стреляли по своим?

Старший улыбнулся лишь уголками губ.

— Этому есть объяснение. Почему бы вас не забросить к нам, чтобы разыграть спасение и завоевать наше доверие?

— Есть объяснение, — прервал Стеф. — Если этот парень стрелял в робота, то чего ему печалиться? Роботом легко можно пожертвовать для того, чтобы мы поверили этой истории. А то, что клюнули в руку, — эка беда! Вы правы, инспектор Бэрш!

Джервис пожал плечами:

— Убежденных не переубедишь, у них сознание на замке. Только знайте, ни для кого мы не заложники. Для тех — враги. Вам не удастся прикрыться нами.

— Может, и так. Но мы найдем, что с вами делать, — сказал Стеф. — Так что — марш!

Хэнфорс собрал мечи и навесил их на себя. Под прицелом бластера Стефа ифты двинулись на север вдоль реки. Иногда ветер приносил запах мертвых сгоревших деревьев. Айяр чуял, что внимание Того, Что Ждет, опять направлено на них, хотя не было слышно ни лая, ни какого-нибудь другого звука, никакого заметного движения. Инопланетники двигались настороженно, осматривая все по сторонам и прислушиваясь.

Джервис шел у самой реки, рядом — Райзек. Айяр — около стражей. Может, стоило попробовать скрыться? Он споткнется, толкнет Стефа... Успеет Джервис нырнуть? И спасет ли вода от огня бластера? Вряд ли, Хэнфорс всего на шаг отстает от ифтов. Райзек, похоже, серьезно ранен. Он шатался, натыкался на Джервиса, хотя и не жаловался. Если бы у них был хоть один шанс... Далеко ли они от погибшей части Леса? Вероятно, день хода. Ночью у ифтов преимущество зрения, но даст ли им путе-

шествовать То, Что Ждет? Оно следит, а недалеко отсюда лежит дорога к Зеркалу...

— *Нет!* — как резкий приказ прошло сквозь сознание Айяра. Нельзя тянуть врага в собственную крепость. Зеркало помогло им против Того, Что Ждет, но вряд ли защитит, если они появятся с инопланетниками. Отвращение к бывшим сородичам словно тысячекратно умножилось.

Близился закат. Джервис, который поддерживал раненого, пошел еще медленней, не обращая внимания на понукания инопланетников. Вдруг Бэрш остановился:

— Слышите?

Звук? Нечто неуловимое? Айяр понял, что это, потому что уже встречался с подобным. Посланец Того, Что Ждет. Крылатая тень в воздухе. Она пошла ниже, Бэрш замотал головой, зажав руками уши. Хэнфорс вскрикнул. Айяр подался назад, налетел на пилота, и они упали. Айяр вцепился в него, вопреки обычному отвращению ифтов к людям, но то ли ударился головой о камень, то ли его стукнул пилот... Мрак, непроницаемый даже для глаз ифта, навалился на него.

Его куда-то тащили. Ему было нехорошо. Тяжело, невыносимо. Он крикнул. Или лишь подумал, что кричит? Его продолжали тащить. Он хотел понять, что случилось. Наконец с усилием открыл глаза. Перед ним была спина Бэрша. Сам он находился между пилотом и инспектором. Вокруг плясали безумные тени и отблески света. Он не мог понять, что это. Но от этой пляски кружилась голова. А где Джервис, Райзек? Неужели и впрямь скрылись в воде? Или напоролись на луч бластера? Он вроде еще шагал вдоль берега, но инопланетники словно переменились. Они шли легко и странно. Бэрш уже не осторожничал, шел глядя только вперед, словно видел только ему одному понятную цель.

И тут Айяр вспомнил, как появилась тень, глаз Того, Что Ждет. Он узнал то, с чем когда-то встретился вместе с Иллиль. Это был удар, ментальный удар по ифтам и людям. Но ифт не поддался господству Того, Что Ждет, а инопланетники? Оно управляло ими! Они шли без раздумий, четкими, размеренными шагами, как роботы.

Айяр не вырывался, он пытался лишь добиться ясности мысли. Визга вайтов не было слышно. Зато громыхало другое, и то-

же — чуждое. Этот лязг грузных машин для шагавших людей имел особый смысл. Они остановились, повернулись лицом к северу, в сторону звука. С берега реки выше по течению доносились слабые крики людей. Послышался треск кустов, деревьев, и появилась машина. Что это было? Не трактор, не лучемет, уже знакомые Айяру. Казалось, космический корабль рухнул с посадочных стабилизаторов и гигантским червем пополз по земле.

Большегруз, мощная машина, способная тащить самые тяжелые стволы. Стрела крана, почти вырванная из гнезда, торчала криво, вокруг нее дрожала увядающая зелень. Обрывки растений цеплялись за каждую щель и каждый выступ на машине и посыпались вниз, когда она стала двигаться через реку, разламывая кромку льда. Грохот усилился, когда большегруз вступил в схватку с рекой. Казалось, мощь течения, сотрясавшая машину, мало что значила по сравнению с ее упорным желанием перебраться на противоположный берег. Преодолевая толчки воды, металлический гигант шел с редким упрямством, двигаясь под углом. Маленькая кабина вверху пустовала, она была сплющена упавшим деревом, и казалось, машина жила своей странной безмозглой жизнью. Показался передвижной лучемет. Его нос был обвит такими же обрывками лианы и будто бы указывал согнутым пальцем в сторону Пустоши.

Большегруз наконец выполз на берег. Инопланетники все еще стояли, уставившись прямо перед собой, и не выказывали ни удивления, ни тревоги, глядя на появившиеся механизмы. Лучемет выбрался на открытую местность, повернулся к Пустоши и неспешно пополз на запад. Следом появилась еще одна машина — трактор с поднятым корчевателем — и повернула туда же. Крики с противоположной стороны, в кильватере колонны машин, зазвучали громче. Айяр увидел покачивающиеся факелы. Инопланетники с Айяром потянулись вслед за машинами. Они не обернулись, даже когда факелы достигли края воды. Айяр не думал, что поселенцы с их ущербным ночным зрением заметили с такого расстояния четыре фигуры. Они толпами шли вдоль берега.

Айяр увидел отблески металла. Косы, топоры, длинные ножи — орудия, используемые для расчистки, в руках отчаянных людей могли превратиться в оружие. Быть может, их заметили,

когда инопланетники по колее от грузовика заставили его подняться на высокий берег? Во всяком случае, крики усилились. Но вырваться было невозможно. По тропе шли уже и другие, люди с таким же неподвижным взглядом. Все они были одеты в форму работников порта. Айяр напрягся, стараясь вырваться, цепляясь ногами за малейшие неровности в колее. Но это было столь же бесполезно, как противоборствовать большегрузу.

То, Что Ждет, собирает еще одну послушную армию? Но ведь с реки кричали. Он не знал, были ли это окрики на вышедшую из подчинения технику или они тоже подчинились воле Того, Что Ждет?

Когда с ними поравнялись двое полицейских с бластерами, никто даже не обратил внимания на новых спутников. Оружие их покоилось в кобуре, а походка была так легка, что могло показаться, будто Айяр оказался в компании бессмертных и непобедимых. Они добрались до оврага, откуда, рыча и отчаянно фыркая, пыталась выбраться застрявшая машина. Хэнфорс и Стеф свернули влево и поволокли Айяра за собой. Другие направились к машине, присоединяясь к тем, кто хотел вытолкнуть ее из ямы. Мокрые поселенцы — видимо, только что переплывшие реку — молча стали помогать им. Машина стонала, хрипела, плевалась, наконец дернулась, выкарабкиваясь из ловушки, оставив за собой упавших, измученных людей. Те молча поднялись и тупо пошли следом.

Глава 6

К ТАНТУ ЗА ПОМОЩЬЮ

Стражники вели Айяра все тем же размеренным механическим шагом. Теперь они оказались в хвосте большой пестрой толпы, направлявшейся в глубину Пустоши. На севере возвышалась горная гряда, обрамляющая Зеркало. Но теперь оно ничем уже не могло помочь Айяру...

Дорога была тяжелой. Машины медленно ползли по мягкой почве, увязая и оставляя за собой глубокие борозды. Это место, очищенное и освобожденное от Зла наводнением, водой, излившейся из Зеркала, все же оставалось пустыней.

Они шли и шли. Летающее нечто парило над людьми и машинами, то исчезая, то возвращаясь снова. Возможно, мнимые ифты и вайты до сих пор бродили по этой гнилой земле, но сейчас их не было видно. Айяр перестал сопротивляться. Он решил беречь силы. Может быть, позже представится удачный случай... Сознание его было ясно и настороженно, оно тщательно фиксировало окружающее.

Время близилось к полуночи. Для инопланетников, пожалуй, эта тьма была вовсе непроницаемой, но, видимо, то, что их объединяло, делало их равнодушными к смене дня и ночи. Порой то один, то другой человек соскальзывал в колею, но тут же вставал и продолжал свой путь. Айяр размышлял. Если один или, еще лучше, оба его стража потеряют равновесие, быть может, удастся затянуть их в какую-нибудь заполненную грязью канаву. Он напряженно вглядывался в местность, по которой они шли. Опыт научил его: бесполезно пытаться изменить направление движения стражников. Но не сможет ли он сбить их с толку, отклонившись в сторону хотя бы на шаг?

А вот и вторая остановка. Стражники, будто по сигналу, обошли застывшие машины. Теперь в грязи застрял трактор. Молчаливая толпа окружила машину и пыталась на руках вытащить ее из грязи. Айяра ошеломило то, что один из толкавших упал под гусеницы, но стоящие рядом словно не заметили его падения и продолжали свое дело. Машина медленно тронулась с места и раздавила упавшего. Тогда люди отошли в сторону, вяло опустив руки. Их лица были застывшими, а глаза словно устремлены в какую-то далекую точку. Трактор набрал ход и пошел дальше. Люди тоже пустились в путь.

Человек, попавший под трактор, не издал ни звука. Если фальшивые ифты — роботы, то в кого превратились те, кто прежде были людьми? Отвращение Айяра к инопланетникам усилилось десятикратно. Стало таким же, как раньше — к ларшам.

Память ифта почти не отзывалась на его усилия, но Айяр снова и снова пытался пробудить ее. Похоже, Нейл был сейчас сильнее и разумнее Айяра, и пленник смотрел на этих людей и на эти машины глазами Нейла. «Психическая заторможенность!..» — всплыло в памяти. Но что это, по сути, означает? Говорят, есть наркотики, делающие живого человека безмозглым роботом. Но они так ослабляют волю, рефлексы, что безволь-

ное существо приходится насильно заставлять есть, спать и выполнять другие присущие живому организму действия. Кроме того, эти люди не принимали наркотиков. Во всяком случае те, что вели его.

Левой, правой... Левой, правой... Неожиданно Айяр осознал, что движется в ногу с остальными. Как по команде... Но ведь это значит, что он становится похожим на них, сливается со слугами Того, Что Ждет! «С ларшами, — настаивала другая половина его сознания. — Нет-нет, только не ифты! Их мозг устроен иначе, чем мозг ларшей!..

Нейл... Айяр... Он разрывался между этими двумя, живущими в нем. Нейл готов был влиться в размеренно шагающую толпу пленников. Айяр же чувствовал к ним только отвращение и страх. Стать Нейлом сейчас — это гибель! Надо держаться за сознание Айяра! Да, он — Айяр! Айяр из рода Ки-Кик, бывший Капитан Первого Круга Ифткана! Ифткан... Ифтсайга... Она лечила его, давала свою кровь, питала своим соком всего несколько дней назад. Он был един с деревьями-башнями, с Лесом, но не с теми, кто методично уничтожал жизнь и красоту!

Словно пробившись сквозь дымную пелену к чистому воздуху, Айяр усилием воли освободился от сознания Нейла, готового отдать его во власть Того, Что Ждет. Дальше медлить было нельзя: каждая минута этого безнадежного пути приближала его к капкану, из которого не выбраться. Он намеренно сбил шаг и все внимание сосредоточил на изучении дороги перед собой. За неимением лучшего, он решил воспользоваться для своей цели кустом, что был почти выдран из земли колесами прошедших машин. Слева от колеи торчал обломок ветви; он мог бы зацепить человека где-то на уровне колена.

Постепенно уклоняясь в эту сторону, Айяр стал подталкивать своих стражей. Еще немного — и Хэнфорс «случайно» споткнется о торчащую ветку. Какие пустяки питают надежду! Левее. Еще левее. Похоже, все складывалось удачнее, чем он ожидал. Хэнфорс брел по глубокой колее, оставшейся от тяжелых машин. Стеф — по такой же колее справа. Теперь только Айяр шел по ровному грунту, немного возвышаясь между своими конвоирами. Это давало ему преимущество. Он боялся, что они заподозрят неладное и исправят положение, но, к счастью, этого не

произошло. Только бы Хэнфорс не заметил опасности и зацепился за куст. Шаг. Еще один. Пора!

Сломанная ветка поддела Хэнфорса ниже колена. Удача улыбнулась пленнику: куст прочно сидел в земле. Хэнфорс пошатнулся и упал ничком, выпустив руку пленника. Айяр что было силы рванулся назад, выдирая свою руку из захвата Стефа, но молодой пилот держал крепко. Развернувшись, Айяр резко ударил его в лицо. Тот упал. Освободившийся пленник, отскочив на два шага, бросился бежать, каждую секунду ожидая, что его схватят... Видимо, удар и падение замедлили их реакцию, так как спустя минуту он понял: за ним не гонятся.

Куда же теперь? К реке, на другом берегу которой обосновались поселенцы? На север, к Зеркалу? Или на юг, к морю? На юге, по крайней мере, были его товарищи по несчастью, и, возможно, Джервису и Райзеку тоже удалось бежать. Повернув к югу, Айяр преодолел уже около трети обратного пути, когда какое-то движение неподалеку заставило его спрятаться в укрытие. Он пытался увидеть или понять по запаху, что ждет его впереди. Быть может, фальшивые ифты и вайты патрулируют берег? Однако лая не слышно.

— Не может быть, — с ужасом прошептал он.

Навстречу шел еще один отряд новой армии Пустоши: поселенцы с топорами и прочими инструментами, которые можно было использовать как оружие. Они брели той же размеренной тупой походкой, что и предыдущая партия пленников. И среди них были ифты! Фальшивые ифты гонят пленников?

Колонна приблизилась. Айяр узнал лицо ближайшего стражника: Джервис! Значит, и он поддался страшному влиянию Того, Что Ждет! Быть может, в нем победило сознание Пита Сейшенса, и он не смог не подчиниться воле, покорявшей всех остальных с такой неизбежностью? С другой стороны колонну охранял Локатат. А ведь он сейчас должен быть в разведке на противоположном берегу реки!

Прячась за высохшим кустарником, Айяр подобрался поближе к марширующим. Прыжок! Его руки схватили за шею ближайшего к нему ифта, и тот упал. Если Джервис находился под влиянием Того, Что Ждет, то теперь он пришел в себя. Резко освободившись от захвата Айяра приемом, известным Питу Сейшенсу, но незнакомым Джервису, он свалил Айяра, полностью

лишив его возможности двигаться. Лица противников сблизились... В глазах Джервиса вспыхнуло изумление.

Он отпустил своего пленника и сел на землю рядом с ним. Быстрым шагом приблизился Локатат. Значит, это были настоящие ифты, неподвластные воле Того, Что Ждет. Айяр вопросительно взглянул на Джервиса, и тот успокаивающе кивнул.

— Оно не действует на нас, — проговорил Локатат и тут же добавил: — Если только не позволять себе помнить о том, что когда-то мы были не ифтами.

Но что все-таки случилось? Почему эти люди внезапно превратились в такие покорные чужой воле полуавтоматы? Идут словно по приказу; реку переплыли, как будто с единственной целью достичь этого берега. Чего же хочет То, Что Ждет?..

— Стать во главе армии, как мне кажется. — И Айяр вкратце рассказал о том, что видел.

— Машины? Люди? — удивился Локатат.

— Видимо, тактика ведения войны при помощи лжеифтов оказалась для Того, Что Ждет, слишком осторожной. Похоже, Оно решило отказаться от нее и теперь идет в открытую атаку. — Джервис встал и окинул взглядом мерно шагающих поселенцев. — То, Что Ждет, собирает воедино всех своих слуг, все механизмы и орудия, которые могут пригодиться...

— Зачем? Чтобы выкорчевать весь лес, дерево за деревом? — с недоумением спросил Айяр. — Сражаться с нами? На этом берегу моря нас только шестеро. Стоит ли ковать топор, чтобы срезать пучок травы?

— Как зачем? — Джервис посмотрел на север, в сторону Зеркала. — Есть еще одна Сила, еще один противник, куда более серьезный для Того, Что Ждет, чем мы. Не так давно эта Сила нанесла удар, чем и вызвала нынешнюю отчаянную жажду мщения. Нет, эти люди идут не против нас, и даже не против Леса. Некогда То, Что Ждет, послало ларшей уничтожить Ифткан. А теперь собирает силы для того, чтобы расправиться с главным, что ему противостоит, — Зеркалом Танта!

Айяр содрогнулся при мысли о подобном кощунстве. В Зеркале жила Сила — или, быть может, фокусировалась им. Но благодаря ей, под ее защитой, прорастало семя, существовали ифты, Ифткан простирал свои несущие прохладу ветви под ветром зеленых сезонов. Целые столетия Сила хранила жизнь на Яну-

се. И веками по воле Того, Что Ждет, жизни угрожали смерть и гниение, наползала Пустошь, неся страх и безнадежность. Теперь, когда ифтов осталось так немного, а То, Что Ждет, стало так могущественно, недалека последняя схватка. И уже одна мысль об этом приводила в отчаяние. Из груди Айяра вырвались слова, пришедшие из глубокой древности. У него не было больше меча, но рука гордо поднялась, словно вознося оружие острием к небу:

Почка набухла, лист распустился,
Ифт пробудился, готовый к сраженьям!
Но чем робко прятаться, крова лишившись,
Уж лучше опавший лист пораженья!

Локатат громко рассмеялся:

— Хорошо сказано, Айяр! Ты прав, лучше умереть в бою, чем подчиниться силе Того, Что Ждет.

— Но еще лучше, — вмешался Джервис, — жить. И знать, что наши мечи еще могут стать на защиту Танта. Сейчас мы идем в бой, словно калеки, лишенные силы и знания наших предшественников, всех тех, кого мы волей судеб заменили в борьбе. Тогда как То, Что Ждет, может использовать всю свою память, всю свою силу. Разумеется, надо постараться сделать все возможное. Отныне нам нельзя разделяться. Райзек ждет на берегу в укрытии. Рана не помешает ему присоединиться к нам. И обязательно нужно взять с собой Иллиль!

— Я беру на себя найти их, — сказал Локатат. — Но... Уже светает. Скоро день — время Того, Что Ждет. Мы не сможем быстро идти.

— Не стоит рисковать, — кивнул Джервис. — По дорогам рыщут лжеифты и вайты. И не исключено, что То, Что Ждет, поручит наблюдение еще и поселенцам. Вряд ли Оно потеряет бдительность, несмотря даже на свой перевес в силах. Так что бежать сломя голову опасно.

— А если пробираться по двое? — спросил Айяр.

— Нет. Ни в коем случае нельзя распылять силы. Ты, я и Райзек двинемся к Зеркалу и будем ждать там столько, сколько потребуется.

Не тратя время на поиски дороги к Зеркалу, они оставили берег реки и прямо через Пустошь направились к зеленеющему пространству, где уже начала укореняться очнувшаяся от зимнего оцепенения растительность, хотя корни ее еще были позимнему сухими.

Вот и стена, охраняющая Сторожевой Путь. Здесь она была примерно по плечо. В прежние времена эта стена надежно сохраняла неприкосновенность дороги от притязаний Пустоши. Они быстро перебрались через преграду и с грустью обнаружили, что ее защита ослабела: на узком Пути больше не чувствовалось мира, не было ощущения безопасности, появилось желание как можно скорее спрятаться, будто некий охотник притаился в засаде и лишь выжидает удобного момента для нападения.

Джервис остановился, не приближаясь к ступеням, ведущим к Зеркалу. Спутники не торопили его. Их было теперь трое: по пути к ним присоединился раненый Райзек. Перед ними встала арка со светящимся символом. Айяр помнил его другим. Еще несколько месяцев назад он сиял изнутри ровным зеленым светом. А сейчас знак потемнел и пульсировал. В прошлый раз искра, вспыхнувшая на мече Айяра, стала ключом, который позволил им войти в святилище. Теперь они молча стояли, глядя на арку.

«Мы всё гадали, что такое То, Что Ждет, — подумал Айяр, — а ведь не меньшая загадка, в чем тайна Зеркала. Что управляет им и с его помощью общается с ифтами?» Айяру были понятны неуверенность и осторожность Джервиса, медлящего у ступеней. Как безмерно малы их собственные силы! Какими песчинками казались себе ифты, находясь в центре столкновения двух гигантских противоборствующих сил!

Джервис сел, скрестив ноги, прямо на дорогу. Лицо его было сосредоточенным, словно он пристально вглядывался в себя. Айяр знал, что сейчас его друг тщится восстановить память, чтобы, отрешившись от сознания Пита Сейшенса, стать всецело Джервисом, бывшим Мастером Зеркала. Конечно, не самим тем мастером, но его преемником.

Рейзек закрыл глаза и отдыхал, прислонившись к каменной стене. Его раненая рука безвольно повисла на перевязи. А Айяр не находил себе места. Он в нетерпении ходил вдоль стены и все смотрел и смотрел на Пустошь, пытаясь угадать, какую опасность таит в себе серое предрассветное небо...

Что это в небе? Крылатый ли вестник Того, Что Ждет, или флиттер из порта? Неужели Оно способно подчинять себе все машины? Или какой-то легкомысленный инопланетник решил разведать обстановку? Не меняя курса, флиттер пронесся прямо над Зеркалом. Рука Айяра приподнялась в предупреждающем жесте, но летательный аппарат вдруг резко свернул, будто потеряв управление, и сменил курс, огибая гору и кратер.

Миновав Зеркало, флиттер исчез в том же направлении, куда двигалась ночная колонна пленников Того, Что Ждет. Других признаков жизни по ту сторону стены как будто не было. Но восходящее солнце выявляло на западе то тут, то там какие-то блестящие пятна. Из-за дальности расстояния Айяр не мог угадать их природу, но блеск был настолько ярок, что слепил глаза. Айяр снова перевел взгляд на стену.

Наконец Джервис пришел в себя и посмотрел на своих спутников. Солнце поднималось все выше, их начинал мучить голод, но все припасы пропали вместе с оружием. Айяр как раз размышлял об этом, когда Джервис спросил:

— Ну как, есть там что-нибудь?

— Нет.

— То, Что Ждет, копит силы, — мрачно произнес Райзек, не открывая глаз. — Что будем делать? Пойдем навстречу судьбе?

— Иного выхода нет, — устало ответил Джервис.

Ему никто не возразил: пути назад действительно не было. С тех пор как они приняли в свои руки сокровище, так изменившее их жизнь, они действовали только по необходимости. Теперь они были ифтами и продолжали древнюю борьбу ифтов за существование.

— Надо отдохнуть. Попытайтесь уснуть. Я постою на страже, — сказал Джервис.

Солнце светило ярко, но часть дороги затеняла стена, и Айяр с наслаждением растянулся в тени, закрыл глаза и задремал. Во сне ему казалось, что это было нечто, способное подсказать

ответ на все мучившие их вопросы, но неожиданный толчок разбудил его, разрушив сновидение, и ответ исчез. Это Райзек будил его, тряся за плечо. Айяр открыл глаза и вдохнул прохладный воздух сумерек. Затем посмотрел на арку: символ горел ровным, теплым светом, словно вобрав в себя всю необходимую ему энергию. Вокруг чувствовался такой покой, такая уверенность, что Айяру показалось, будто кто-то еще, спокойный и сильный, присоединился к их компании, пока он спал. Он оглянулся. Джервиса не было. Райзек, отвечая на молчаливый вопрос Айяра, показал головой:

— Он ушел наверх.

Айяр поднялся, намереваясь идти следом.

— Наше время еще не пришло, — остановил его Райзек.

Взглянув на символ, Айяр согласился.

На ветвях, что корень питает,
Голубая листва шелестит.

Никогда враг не будет корни сечь,
Их всегда защитит ифта меч.

Песня ошибалась: однажды мечи не защитили, и не исключено, что сделают это еще не раз. Мысли Нейла вторглись в сознание Айяра и смутили его. Но тут за его спиной прозвучало:

Лист, распускайся, расти
В серебристом свете луны.
Прорастают в ночи семена,
Корешки чуть заметно белеют.

Райзек умолк.

— Не удается, — сказал он после паузы. — Сила песни в ее совокупной мудрости. Нельзя разделять ее на слова. Ах, если бы мы все вместе могли спеть легенду о Мече Кимона! Быть может, тогда нам стала бы ясна природа Того, Что Ждет, и то, каким образом Кимону удалось заставить его дать Клятву. Увы! Пока нам это не под силу.

Айяру казалось странным то, что они задумались над словами песни. Была ли сокрыта в древней легенде тайная мудрость? Весьма вероятно, что Кимон шел когда-то именно этой дорогой — Сторожевым Путем Танта. А может быть, его никогда не

существовало. Видимо, старые песни не помогут им теперь. Тем более не помогут их разрозненные отрывки. Но в голове его все еще звучали ясные слова, так много значащие для всех ифтов:

Распускается Лист Голубой,
Ветер ласково треплет его...

Тогда, во времена Голубого Листа, в золотой век их рода, город Ифткан и сами ифты были хозяевами Януса...

Ночь казалась бесконечной. Они сидели и ждали знака, страдая от голода и жажды, но пытаясь забыть об этих настойчивых требованиях тела. Пустошь молчала. Но они заставляли себя вновь и вновь вглядываться и вслушиваться.

Джервис не появился даже на рассвете.

Мучительно хотелось пить. Айяр нашел немного воды в углублении скалы, и они вылизали ее до капли. Все чаще вспоминался животворный сок Ифтсайги. Все чаще приходила мысль о том, надолго ли хватит у них сил и терпения. День тянулся в пустом ожидании.

На следующую ночь они услышали шаги. Кто-то приближался с востока. Айяр на всякий случай вооружился камнем — единственным оружием, предоставленным судьбой, но отбросил его, услышав знакомый свист. Из-за поворота дороги показались трое: Локатат, Иллиль, Килмарк. Каждый нес за плечами небольшой мешок. Они приблизились, и на их лицах замерцал теплый отблеск сияющего символа...

Глава 7

ИЗБРАННЫЙ СИЛОЙ

Третий раз в жизни Айяр, возродившийся ифт, стоял на уступе, нависающем над Зеркалом Танта. И каждый раз оно было для него иным. Когда он и Иллиль впервые прошли Сторожевым Путем, Зеркало вызвало у него благоговейный трепет, желание отползти назад и не смущать себя созерцанием того, что не поддавалось воображению человека или ифта. Во второй раз, когда все они искали у Танта прибежища от враждебного мира,

зеркало было чашей накопляющейся силы, ярость которой и пугала, и поддерживала.

Сейчас он видел внизу клубящийся, кипящий туман, некую субстанцию, не существующую ни на Янусе, ни в каком-либо другом мире. В ней не было ни радушия, ни спокойствия, говорящего о безопасности, а лишь непрерывные метания и... нет, не страх, но смятение, напряжение — как перед битвой. Даже Иллиль, без малейших колебаний поднявшаяся сюда, чтобы вступить в общение с Зеркалом, стояла, забыв обо всем.

Джервис не оглянулся, когда они вышли на уступ. Он был неподвижен, как статуя. Опущенные руки, вся его поза выражали ожидание. Наконец Иллиль подошла к нему и встала рядом. Может быть, она вспомнила, а может, интуиция подсказывала ей, что надо делать, думал Айяр, когда она вытянула руки ладонями вверх.

И вот Иллиль запела. Некоторые слова Айяр понимал, остальные были на Тайной Речи, на которой обращались к Высшим Силам. Туман, поднявшись до краев котловины, превратился в студенистый язык, готовый слизать смельчаков, которые решились обратиться с требованиями к Зеркалу Танта. Ни разу за две свои жизни Айяр не испытывал такого страха. Не смерть страшна воину — страшно, когда могучая и последняя защита обращается против тебя самого.

Однако никто из них не отступил и не пал духом. Теперь пел и Джервис, будто голос Иллиль пробудил в нем былого Мастера Зеркала. И страшный язык тумана не слизнул их с камня. Руки Иллиль пришли в движение — она как будто сеяла невидимые семена, и язык тумана качался в том же ритме. Страх Айяра исчез, пришло благоговейное осознание того, что их приняли. Великий и нестихающий гнев, неизмеримая сила, средоточием которой было Зеркало, приняла и признала их. Туман опустился, оставив холод. Иллиль вздрогнула и, по-прежнему глядя вниз, проговорила:

— Я сказала Зеркалу, что мы готовы. Теперь нужно ждать, какую миссию на нас возложат.

В человеческой жизни время меряется числом восходов и закатов солнца — днями, и числом сезонов роста и созревания — годами. Жизнь требует от человека все более точного

счета времени, он делит секунды на доли и доли долей. Нейл Ренфо родился в космосе, время для него было более абстрактным, чем для земных людей. Когда он стал Айяром, время стало отмеряться по сезонам — росту и зимнему сну. Теперь же он оказался во времени ожидания, в котором его тело ничего не значило. Как долго длилось оно, это время, он не знал, а потом, когда пытался оценить его, — не смог.

Но пришел момент, когда туман внизу смешался с водой. Теперь на самом Зеркале появилась рябь голубых и зеленых полос, потом цвета побледнели, и полосы превратились в серебряные линии, сложились в рисунок. Если Зеркало Танта и было в каком-то отношении просто водой, теперь оно совсем не походило на озеро.

Иллиль и Джервис запели новую песню, смысл которой был не в словах, а в звуках, слагающих мелодию. Серебряные нити вычерчивали фантастические узоры, в них мерцало сокровенное знание, но сознание не успевало понять его. Вода поднялась над стенами кратера, как в день, когда гроза и ливень бросили вызов Тому, Что Ждет.

Из воды поднялся второй язык тумана, более плотный, чем первый. Поднимаясь все выше, он вытягивался и оплетал стену, словно лиана. В эту лиану вплелись серебряные нити, она заблестела, но этот яркий блеск не ослеплял глаза ифтов. Вот она приблизилась к выступу. Яркая звезда на ее верхушке кружилась над головами. Потом она закачалась, задерживаясь над каждым ифтом. Над одними — на мгновение, над другими — чуть дольше. Она искала. Вот Иллиль окуталась серебряной пеленой; вот лиана нагнулась над Айяром, коснулась его. Это было не прикосновение воды — он почувствовал легкое покалывание в костях и в крови, как будто серебряный поток прошел сквозь его тело.

И вдруг все исчезло. Язык вернулся в Зеркало. Волнение внизу улеглось. Они снова видели гладкую поверхность. Айяр понял, что дверь закрылась. Его руки и плечи, по которым пробежала серебряная река, ощущали тепло, голод и жажда отступили, он был полон энергии и желания действовать. Но как? Что он должен делать? Он знал, что ответ теперь в нем самом — и в самом Зеркале.

Подошла Иллиль.

— Мы избраны. Прежде был Кимон, теперь — мы. Мы пойдем туда, где скрывается То, Что Ждет, и, быть может, станем сосудами, из которых гнев Зеркала Танта выплеснется на Врага.

«Но ведь я пришел сюда совсем за другим, — подумал было Нейл, но тут же понял. — Нет, за этим. Я пришел сюда и, значит, предложил себя для битвы. Предложение принято, и уже нельзя отказаться. Но почему я? Я же не Мастер Зеркала. Я всего лишь воин, который однажды уже сражался с Врагом. Хотя... Кимон тоже был воином. Если он вообще существовал. Если это не легенда. И он не возражал, когда был выбран». Айяр повернулся к Иллиль:

— Мы идем сейчас?

— Да.

— Возьми. — Килмарк снял перевязь с мечом и протянул Айяру.

Джервис запахнул плащ.

— Все, что следовало сделать здесь, — сделано. Значит, пора уходить.

— Но куда? — спросила Иллиль.

— К бухте, если вам суждено добраться туда. Если придут братья из-за моря, их надо встретить. — Джервис помолчал. — Мы были бы рады идти с вами, но поможет ли это вам, защитит ли? — Он пожал плечами. — Я знаю, что вы столкнетесь со многими опасностями, но никому из нас не дано взять на себя хоть часть из них. Раз ты выбран для этого дела, значит, никто не сделает его лучше.

Айяр и Иллиль направились в сторону Пустоши и остановились там, где стены Пути доходили им до пояса. Затянутое облаками небо не слепило глаза, идти было легко, но куда идти? Наугад в цитадель Того, Что Ждет?

— Куда — я догадываюсь. Но что мы будем делать, когда дойдем?

— Узнаем, когда настанет время.

Уверенность Иллиль не рассеяла его сомнений.

— Слепо идти против Того, Что Ждет, не скрываясь? Но ведь это значит отказаться даже от той защиты, которая у нас есть.

— Защита? Разве была она у вечного воина, Капитана Первого Круга Ифткана? Бороться можно не только мечом...

— Да, — ответил он, — бластером и лучеметом! Ты же видела армию, которую То, Что Ждет, собрало здесь. Я знаю, что в нас вложена сила, которая проявится при встрече с Врагом, но для этого надо встретиться с ним. Нужно встать лицом к лицу с Тем, Что Ждет, как в песне о Кимоне. А для этого нужно пройти через Защиту. Помнишь, как легко захватил нас ходячий скафандр, а ведь, возможно, наименьшая из опасностей.

— У нас нет времени ползти и выискивать хорошую тропу.

— А я думаю, что именно это нам и следует сделать. Мы не в Лесу, а в стране Врага. — Он задумался, и мысль его была ясна, как никогда прежде. — У Врага есть фальшивые ифты, верно? На вид они не отличаются от нас.

— И что же?

— Их посылают в рейды... Значит, мы можем выследить такой отряд на обратном пути и присоединиться к нему...

— Но ведь они неживые. Разве То, Что Ждет, не заметит разницы?

— Надо попробовать. Во всяком случае, это не более опасно, чем идти вслепую.

— А где их искать?

— Они переходят через реку. Локатат был с теми, кто преследовал их, пока его самого не затянуло То, Что Ждет... След надо искать на юго-западе.

Она нахмурилась:

— Стоит ли тратить время на такой неопределенный план?

— Все наше будущее неопределенно, Сеятельница Семян, а здесь должна решать мудрость воина. Никто не бросается очертя голову в нору келрока, только потому, что нет времени искать другое убежище. Я думаю, что лучше прийти к Тому, Что Ждет, по нашей воле, а не по его. Если удастся.

Иллиль хотя и с явной неохотой, но согласилась. Погода была пасмурной. Айяр не забывал о блестящих пятнах, которые увидел с дороги, но пока их не было видно. Вот появились первые глубокие колеи, оставленные пленниками Того, Что Ждет. Айяр поглядывал на небо, боясь найти там летающего слугу Того, Что Ждет, но небо пока было их союзником.

— Ты хоть знаешь, что мы должны будем делать, когда... если дойдем до Того, Что Ждет?

— Я знаю только то, что тогда Сила направит нас по нужному пути.

Если верить легенде, Кимон перед своим сражением знал больше. Но не исключено, что и он был только орудием одной Силы против другой. Ведь легенда — это тень, а не зеркало истины. Возможно, герой Белого Леса шел так же, как они — неуверенный и непосвященный. Айяр почувствовал новый запах. Так и есть: здесь прошли фальшивые ифты. С вайтами или одни? От этого зависит, как вести себя.

— Они... — шепнула Иллиль.

Айяр кивнул, знаком приказав ей молчать.

Чуть западнее... да, запах стал сильнее. Но куда они идут? Если на восток, то преследовать их нет смысла. Айяр неслышно обогнул скалу и нашел на грунте отпечатки узких ступней. На запад! Он снова сделал знак Иллиль и всмотрелся в даль зоркими глазами разведчика.

Пустыня была изрезана оврагами, обнажавшими камни такой причудливой формы, что казалось, будто не эрозия, а чья-то рука придала им черты звериных морд и демонических чудовищ. Эта местность так отличалась от Леса, что походила скорее на инопланетный ландшафт. На голом песке лишь изредка встречались кусты с длинными мертвыми корнями, тянувшимися по сторонам, как щупальца. Местами ветер оголил темные пятна настолько твердого грунта, что брошенный камень производил металлический звон. Айяру вспомнились рубцы от ракетного огня на поле космопорта. Но эти пятна слишком малы и довольно далеки друг от друга.

Красное чешуйчатое существо блеснуло выпуклым глазом и скрылось между камнями. Айяр подозрительно проследил за ним. Все здесь могло шпионить для Того, Что Ждет.

— Это просто дикое животное, — сказала Иллиль, угадав мысли Айяра.

— Почему ты в этом уверена?

— Все, кто служат Тому, Что Ждет, отбрасывают тень своего хозяина. Хотя в этой земле все кажется подозрительным. Ты лучше скажи, что мы станем делать, когда найдем отряд? Фальшивые ифты наверняка не примут нас...

Айяр рванул ее назад, к краю оврага, и загородил собой. Воздух наполнился запахом фальшивых ифтов. Стена оврага выворачивалась здесь резким выступом. За ним было отличное место для засады. Айяр осмотрел склон. Успеют ли они взобраться незамеченными? Не хотелось и думать о том, какой мишенью будут распластанные по склону тела. Иллиль достала меч. По лезвию побежали искрящиеся серебряные полосы. Девушка покачала мечом, направляя его то вверх, то вниз, и шепнула:

— Иди!

Айяр подпрыгнул и ухватился за корни. Впиваясь пальцами в землю, вскарабкался наверх, пополз по гребню. Иллиль подалась вперед. Сверкающее острие меча периодически опускалось, и Айяру казалось, что она с трудом удерживает его в руках, заставляя снова указывать вверх. Айяр не понимал, что она делает, но, во всяком случае, его не заметили и не атаковали. Выглянув наружу, Айяр увидел зеленую безволосую голову, высокие острые уши и плащ ифта, только в руках был не меч, а нечто напоминающее бластер. Голова фальшивого ифта была поднята и покачивалась в такт движениям меча Иллиль. Глаза тупо смотрели в стену.

Айяр потянулся к своему мечу, не вполне понимая, что он сможет сделать с металлическим корпусом робота. Но едва он коснулся рукояти, серебряная рябь, такая же, как на мече Иллиль, брызнула из его пальцев. Некая сила, вложенная в Айяра, требовала действий. Он поднял меч и направил его на голову противника. Рябь потекла с меча вниз и достигла зеленого черепа робота. Айяр ощущал, что какая-то его новая внутренняя сила выходит из меча вместе с рябью.

Фальшивый ифт дернулся и упал навзничь. Некоторое время он еще бился в конвульсиях, но даже не пытался встать. Айяр вложил меч в ножны, сам несколько испуганный случившимся. Робот чуть приподнялся в последнем усилии и упал. Айяр сполз со склона неподалеку от него. Когда он нагнулся, чтобы поднять выпавшее оружие, Иллиль резко выкрикнула:

— Нет! — Она медленно приблизилась, держась за стену оврага, и объяснила. — Ты несешь в себе Силу. Чужое оружие брать нельзя.

Айяр поднял камень и бросил в бластер. Оружие, оказавшись неожиданно хрупким, разлетелось вдребезги. Тогда он взял камень побольше и обрушил на череп фальшивого ифта. Внутри был покрытый окалиной металл и оплавленные провода. Айяр присел на корточки, чтобы рассмотреть получше. Увиденное вселило в воина некоторую уверенность. Энергия, направленная мечом, способна производить страшные разрушения.

— Ты все еще не понимаешь? — спросила Иллиль. — Ты сосуд Силы. Но ее нельзя тратить понапрасну... Куда мы теперь идем?

— В прежнем направлении. И осторожно.

Облака, закрывавшие солнце, стали еще темнее. Было это действие Зеркала или нет, но для них такой защитный фон был очень нужным подспорьем. Овраги вились, будто специально давая кому-то возможность рассматривать силуэты идущих вдоль края. До сих пор ни фальшивые ифты, ни их хозяин ничем не обнаружили, что знают о гибели робота, но Айяр предпочитал полагать, что они все-таки знают.

Над третьим оврагом стояла первая ловушка. Когда их вели через Белый Лес, деревья из сверкающих кристаллов слепили ифтам глаза, лишая их зрения. Здесь был установлен высокий столб из такого же кристалла, который днем должен был ослепить их.

Холодный грозовой воздух ослабил все запахи. На пустыню с яростью обрушилась гроза, заставив ифтов искать убежище, которое, к счастью, быстро нашлось. Темнота — друг ифтов, но не сбивающий с ног ветер, яростный град и леденящий кровь дождь со снегом.

Они втиснулись в расщелину и завернулись с головой в плащи, чтобы спрятать глаза от вспышек молний. Какая бы сила ни вызвала эту грозу, ее безмерная ярость казалась Айяру осмысленной.

— Она смоет все следы... — чуть слышно прошептала ему на ухо Иллиль.

Сеятельница права. Когда это кончится и они смогут выйти, придется снова держать путь на запад, пока...

Иллиль ткнула его в бок, но он и сам увидел это, выхваченное вспышкой молнии. Когда они прятались, этого не было, а

сейчас оно стояло чуть западнее, неподвижно, как кристаллический столб.

Это не человек. И не ифт. Хотя у него четыре конечности и стоит оно на двух. Айяр смутно ощущал, что когда-то он знал или хотя бы видел нечто подобное, но где и когда?..

Глава 8

В ПУТИ

Оно продолжало стоять неподвижно, обращенное лицом к востоку. Если, конечно, у него было лицо. Айяр знал, как опасно будить память Нейла, но знал также, что это необходимо, чтобы понять природу опасности. Он сказал Иллиль о своем плане и о его возможных последствиях.

— Но ведь... У меня есть память Эшлы, и я не нахожу там ничего подобного.

— Поселенцы мало знают об инопланетном. А я много лет жил в Диппле на Корваре. Это была резервация, но мы там общались с половиной галактики. Корвар — планета развлечений — конечно, не для беспланетных узников Диппла. Время от времени мне давали однодневную работу в порту, и там бывало множество странных вещей. Эта штука... я чувствую, что она есть где-то в глубине моей памяти. Если мы хоть что-то узнаем о ней, это может пойти на пользу. Но если проснувшегося Нейла затянет в ловушку для инопланетников... Ты должна быть готова.

Она улыбнулась:

— Не думаю, что омытый в субстанции Танта может быть пойман так легко. Я буду готова, Айяр... Но готова к чему? Проткнуть тебя мечом?

Он серьезно взглянул на нее:

— Лучше смерть от руки друга, чем стать таким, как те, что прошли здесь. Если я зашагаю на запад, останови меня любой ценой.

Айяр отвернулся и стал рассматривать непонятное существо. Если у этого ящика были голова и туловище, то границы между ними не существовало. Он стоял на двух тонких ногах, и еще две конечности свисали по бокам. В том месте, которое услов-

но можно было назвать грудью, ряд загорающихся и гаснущих огоньков. Штуковина, конечно, металлическая. И он уже видел такую. Когда? Где? Нейл Ренфо... Он звал в себе Нейла Ренфо. Что в ранней памяти Нейла могло помочь сейчас? Что-то там было, но так далеко, что извлекать приходилось с трудом, по крупицам.

Корабль отца... Он заставил себя мысленно пройти по узкому коридору в свою собственную каморку — единственный дом, который он когда-либо имел. Вольный торговец капитан Дуан Ренфо и его жена Мелани, вывезенная с теплой веселой планеты, покрытой мелкими морями с множеством островов, с бесконечным ласковым лесом. Миры, куда они летали... Потом их корабль захватили в битве на чужой войне... Мелани и Нейл на спасательном боте... Их нашли и отвезли на Корвар... Бесконечное полусуществование в Диппле — резервации для отбросов, для тех, кого война лишила родного мира, кому некуда возвращаться.

Корабль... Нейл-Айяр настойчиво возвращал память к кораблю. Нет, ничего похожего на эту вещь на его корабле не было. Значит, в каком-то из миров, где они торговали... Нет, там он ничего не помнит. Значит, только Диппл. Не в бараках, конечно... Город или порт. Скорее всего, космопорт. Там садились самые разные корабли — торговцы роскошью с тысяч планет, пассажирские лайнеры, частные яхты. Что же?.. Вот! Он ухватился за мелькнувшую картинку.

Длинный ряд компьютеров... Лайнер был помещен в карантин — на его борту обнаружили какой-то новый вирус. Но оборванцы из Диппла хватались за любую работу, и их послали через разблокированный проход, чтобы вынести какой-то сверхважный груз. По пути он заглянул в компьютерный зал... Там стоял точно такой же робот! Робот служебного типа, что-то связанное с ремонтом компьютеров. Вот все, что знал о нем Нейл Ренфо. Но что серворобот делает здесь? Не важно. Если пойти за ним, то можно попасть туда, где он нужен. А он, конечно, скоро туда пойдет: что может делать здесь, под дождем и молниями, такая полезная машина? Конечно, нужно идти за ним...

— Айяр!

Надо идти, а ему мешают. Он сердито отмахнулся. Нейл Ренфо знает, что он должен делать... Так и есть: робот повернулся... уходит... Если он уйдет, Нейл не найдет своих, не сможет соединиться с ними, как положено человеку!

— Айяр!

Он отчаянно рванулся, и что-то вспыхнуло перед его глазами, ослепив и превратив в пустую высохшую оболочку. Теперь он был в темноте, и он не был Нейл. Он был никто...

— Айяр! — слабый и далекий зов.

К чему отвечать? Это так тяжело и ненужно.

— Айяр!

Зов преследовал его, вытаскивая из темноты снова в мир. Он неохотно приоткрыл глаза и увидел зеленоватое лицо. Косо поставленные глаза выражали тревогу. Мелани? Нет... Иллиль! Медленно и болезненно мозг начинал работать. Это — Иллиль, а он — Айяр. Айяр — ифт. Они в Пустоши в убежище среди скал. Вокруг свирепствует гроза, а над ними... Он пытался встать, но руки девушки давили на его еще слабые плечи.

— Все в порядке. Я — Айяр...

Она увидела в его глазах подтверждение этим словам и отпустила его. Робота на прежнем месте не было, но Айяр не удивился. Шпион? У Врага эта штука работает шпионом? В том, что робот принадлежал Тому, Что Ждет, Айяр не сомневался.

— Оно ушло туда. — Иллиль показала на запад. — Теперь ты знаешь, что это?

— Знаю, но этого недостаточно. Однажды я видел такого — давно и на другой планете, в компьютерном зале лайнера. Это робот-ремонтник. Больше я ничего не знаю.

— Зачем же он здесь?

— Во всяком случае, не для нашей пользы.

Нейл хотел использовать робота как проводника. Айяр должен был сделать то же самое, только Айяра такое путешествие не радовало.

— Идем.

Гроза утихает, думал Айяр, и они не имеют права терять этот шанс.

Они выбрались из расщелины, встряхнули и накинули на головы плащи. В оврагах бежали потоки воды, но робот уверенно шел по высоким местам. Похоже, он действовал автономно.

Кто знает, сколько космических кораблей приземлилось в Пустоши и было захвачено Тем, Что Ждет. Один они обнаружили при своем первом бегстве — торговец такой старой конструкции, каких Нейлу не приходилось встречать. Но ведь могли быть и более совершенные космолеты, могли быть даже лайнеры.

Сильный треск, ослепительная вспышка. Иллиль вскрикнула. Айяр тер глаза — идти в залитом чернотой мире он не мог. По телу пробежала жаркая пульсация, как от прикосновения языка Зеркала. Полуослепший Айяр поддерживал девушку и оглядывался по сторонам. Но не назад — там продолжалось свечение. Инстинкт подсказал ему скалу, где можно спрятаться, и он заковылял туда, таща Иллиль.

— Что это было? Я ничего не вижу! Я ослепла!

Ее обычная уверенность исчезла, она цеплялась за воина обеими руками и прижималась к нему всем телом.

— Это пройдет. Закрой глаза и подожди. Я не знаю, что это, но позади нас — яркий свет. Нужно идти вперед, там укрытие.

— Но я ослепла. Если ты видишь, оставь меня и иди один.

— Я тоже не очень-то вижу, — сказал Айяр, и это было правдой. Как правдой было и то, что потеря зрения могла погубить их. — Подождем, может быть, пройдет.

Они сели. Иллиль до боли сжимала руку Айяра, но молчала, а он не решался спросить, проходит ли ее слепота. Его зрение прояснялось, хотя и очень медленно. Гроза закончилась. Солнца не было, и Айяр не мог сказать, кончилась ли уже ночь. Свет с востока уже лился широким веером, но от него их укрывала скала. Айяр понял, что видит это. Значит, зрение вернулось. Он тихо спросил Иллиль:

— Теперь ты видишь?

Она открыла глаза, поморгала.

— Немного... Вижу, но все расплывается. Айяр, что, если...

— Если хоть немного видишь, значит, зрение восстанавливается, — успокоил ее Айяр, надеясь, что говорит правду. — Ты можешь идти?

Если ее слепота не пройдет, придется искать другое убежище, и немедленно. Кто знает, что еще здесь бродит? Найти бы пещеру. Пещеру с узким входом, где мог бы защищаться один воин с мечом. Но как найти ее, если Иллиль не может идти?

— Веди меня, — решительно сказала девушка. — Идем!

Так началось ужасное путешествие. От одной тени до другой, с остановками, когда Айяр тщательно выбирал самую безопасную дорогу. Он давно отказался от мысли выследить робота. Оставалось идти на запад, и они шли туда бесчисленными зигзагами.

— Тебе лучше? — спросил он во время одной из остановок.

— Чуточку. Совсем немного.

Он надеялся, что сказано это не для того, чтобы ободрить его. За очередным поворотом впереди показался какой-то блеск. Не такой яркий, как сзади, но настораживающий.

— Что там? — спросила Иллиль.

— Там может быть только одно — Белый Лес.

Кристаллические деревья, отражающий свет, уже льющийся с востока, могли давать именно такие блики. А Белый Лес либо охраняет самое сердце Того, Что Ждет, либо находится очень близко к нему. Смогут ли они пройти через Белый Лес без проводника? Однажды они вышли оттуда, ориентируясь по ветвям, направленным на призматических стволах строго по определенной системе. Но тогда они были пленниками и пришли в сопровождении ходячего скафандра.

— Лес Ифткара! — радостно вспомнила Иллиль.

Да, лес Ифткара, пятнышко зеленой жизни на земле Врага, спас тогда пленных ифтов. Но он растет на дне котловины, а им сейчас не спуститься с обрыва. Айяр шел впереди. Блеск стал сильнее, но в нем было что-то странное. Деревья Белого Леса стояли высоко и прямо, а эти, похоже, почти лежали. Подойдя ближе, он увидел непроходимый барьер. Кристаллические деревья лежали грудой острых осколков, готовых впиться в тело смельчака, который рискнул бы пойти через них. Возможно, здесь прошла ярость Зеркала Танта, а То, Что Ждет, либо не смогло, либо не пожелало восстановить разрушенное.

— Здесь нельзя пройти, — сказала Иллиль.

Если бы они не упустили робота! Теперь оставалось только идти вдоль барьера в надежде на убежище. А когда солнце взойдет и ударит в осколки... Этот свет ослепит их навсегда... Но они должны идти. На север или на юг? На севере — Зеркало, однажды они уже прошли этим путем, наверняка То, Что Ждет, не

забыло этого. Айяр повернул на юг. Нужно найти хоть какое-нибудь убежище. Вряд ли стоит рассчитывать на тучи.

— Айяр! — Девушка подняла голову и принюхалась.

В воздухе не пахло ни фальшивыми ифтами, ни каким-либо другим созданием Того, Что Ждет: здесь был холодный и чистый запах зеленой жизни. В этом месте?..

— Туда! — Она мотнула головой влево. — Скорее, пожалуйста, скорее!

Перед ними лежали смертоносные осколки кристаллов, и Айяр удержал девушку.

— Этот путь опасен...

— Этот — нет! — Она резко повернулась. — Мы должны найти...

Дорога потребовала от Айяра предельной сосредоточенности. Иллиль шагала за ним, напряженно слушая указания, куда ставить ногу. Время от времени он осторожно, стараясь не порезаться, отодвигал в сторону крупные обломки, которые нельзя было обойти. А в воздухе все усиливался запах свежей земли и живых растений.

Но ведь сейчас зима, каким-то краем сознания думал Айяр, нигде не может быть никакой зелени. А что, если это приманка, перед которой не устоит ни один ифт? Нет, То, Что Ждет, не в силах так подделать жизнь, чтобы обмануть обитателей Леса.

Свет... Шел ли он с неба или усиливалось излучение с востока, но кристаллы вокруг вспыхнули, и Иллиль снова уцепилась за Айяра. Он понимал, что глаза ее нестерпимо страдают от блеска. Далеко ли еще?..

Осколки двумя широкими колеями были размолоты в пыль. Айяру очень хотелось повернуть, но запах вел дальше. Воин осмотрел дорогу: по ней ничего не двигалось, но здесь скорее всего будут...

— Вперед! — толкнула его Иллиль.

Они пересекли открытое пространство, и Айяр при этом заметал их следы на кристаллической пыли. Вайтов это не собьет со следа, но другие патрули пользуются только глазами. К счастью, по ту сторону проложенной машинами дороги Лес был не так изломан. Овраг, а в нем — зелень. Иллиль выпустила Айяра и протянула руки.

— Деревья? — прошептала она.

Это были не лесные гиганты Ифткана, но все же деревья, и на них даже были листья, хотя Айяр вообще не мог понять, как они выросли на территории Того, Что Ждет. Иллиль повернула голову. Очки скрывали большую часть лица, но губы улыбались, впервые за все эти дни.

— Не понимаешь? То, Что Ждет, не могло бы вырастить их само, без силы истинного роста. Для этого необходимо семя. Белый Лес создавался и питался, пока рос, энергией Того, Что Ждет, поэтому он умер от прикосновения Гнева Танта. Но истинное семя не погибло, и То, Что Ждет, не смогло уничтожить его.

Айяр не знал, насколько верно то, что говорит Сеятельница Семян, но видел, что она уверена в своих словах. В любом случае они не могли отказаться от этого зеленого убежища в пустыне смерти — оно им было просто необходимо. Они спускались, соблюдая лишь самую минимальную осторожность, и, как только на них упала тень листьев и веток, Иллиль приникла к земле, раскинув руки и вонзив пальцы в плодородную землю, будто по ним, как по корням, могут потечь соки силы и здоровья. Айяр прислонился к стволу. После избрания Зеркалом он не нуждался ни в питье, ни в пище, но запахи и звуки Леса, прикосновение к дереву восстанавливали в нем силу и уверенность.

— По дороге, — размышлял он вслух, — шли инопланетники и машины. А если ифт... не фальшивый...

— Подожди, — прошептала Иллиль. — Здесь трудно думать. Здесь надо отдаться ощущению и просто существовать...

Айяр согласился бы с радостью, но теперь его сознанием овладели воспоминания Капитана Первого Крута, воина, испытавшего поражение в отчаянной битве. Поверить в благодать этого островка Леса, отдаться его целительной тишине значило забыть о своем предназначении. Нет, дорога... Мысли Айяра, путаясь, сменяли одна другую. Здесь можно оставить Иллиль и не беспокоиться за нее. Он не знал, насколько восстановилось ее зрение, но чувствовал, что необходимо действовать одному, рисковать только собой. А для этого нужно быть уверенным, что Иллиль в безопасности. Но как сказать ей?

— Как твои глаза?

Она села, неуверенно сняла очки и повертела головой.

— Все еще как в тумане...

— Тогда сегодня ты останешься здесь.

— Но избраны мы оба...

— Туда мы пойдем вместе. А пока я осмотрю дорогу.

— Днем? Это, — она указала на солнце, — вижу даже я. А в разрушенном Лесу блеск будет в сто раз страшнее.

— Не волнуйся, я буду осторожен. Посмотрю, не идет ли кто по дороге, и если свет окажется слишком ярким — сразу вернусь обратно.

Он вернулся из чистой зелени в жестокий свет Пустоши. Солнце стояло низко над горизонтом, и Айяру приходилось беречь от сияния осколков скорее не глаза, а кожу.

Он услышал хруст и втиснулся между двумя кучами камней. По дороге кто-то шел. Когда он приблизился, Айяр узнал космический скафандр с затемненной, чтобы нельзя было заглянуть снаружи, лицевой пластиной. Тот грузно шагал на восток.

Айяр лежал совершенно неподвижно. Когда-то эта штука или ее двойник захватила их в плен с помощью какого-то непонятного ему оружия. Вот оно, висит на поясе скафандра. Не пришел ли он и сейчас с той же целью? Айяр был готов увидеть, как скафандр свернет к их убежищу. Он был так уверен в этом, что заморгал от растерянности, когда тот прошел мимо. За ним появился второй. Тоже скафандр? Да, но только не гуманоидный: низкий и необычно широкий. Он передвигался на четырех конечностях, а рук не было вовсе. Сферический шлем был затемнен так же, как лицевая пластина первого. Он тоже шел на восток, таким же широким, размеренным шагом.

Осколки кристаллов сверкали все сильнее, но Айяр не уходил, ожидая появления людей или фальшивых ифтов. Их не было, зато прошли еще четыре скафандра. Два — людские, устаревшего типа, еще один с четырьмя ходовыми конечностями, а последний совсем отличался от других. Тело у него было яйцевидное, и двигался он на двух небольших гусеницах. По экватору «яйца» шел ряд небольших иллюминаторов, сейчас закрытых, а сверху болтались две антенны. Вероятно, они были сконструированы упругими и подвижными, но теперь просто висели, ударяясь об оболочку.

Вся эта жуткая компания двумя колоннами маршировала на восток, выдерживая интервалы между парами. По-видимому, это был патруль. С такой информацией Айяр вернулся в зеленое убежище.

— А раньше ты видел такие странные скафандры?

Айяр рассмеялся.

— Даже когда я был Нейлом Ренфо, я не мог знать все, что встречается в космических закоулках. Скафандры земного типа — старинные, таких давно уже не выпускают; негуманоидные, вероятно, тоже устаревшие.

— А кто в них?

— Мне почему-то кажется, что ничего живого внутри нет.

— Я тоже так думаю. Послушай. — Она положила ладонь на его руку. — Пока я ждала тебя, пришло сообщение — не словесное и даже не мысленное. Я не знаю, как это объяснить, но здесь место Силы, и мы несем часть ее в себе. Я уверена, что, если открыть сознание, мы узнаем больше из того, что пыталось достичь меня...

— То, Что Ждет! — Айяр сразу вспомнил о том, что случилось, когда он вызвал память Нейла.

Она резко помотала головой:

— Это не Оно! Мы посланы как орудия, и то, что вошло в нас, теперь будет действовать, если открыть, когда это необходимо, память Иллиль и Айяра.

Он не вполне избавился от настороженности, но уверенность Иллиль действовала убеждающе, и он решился попробовать.

Глава 9

ОДИНОЧКА

Они вновь припали к земле — не к мертвым камням Пустоши, а к темной плодородной почве — и глубоко погрузили в нее пальцы, будто стремясь пустить корни, стать частью Леса, который дал им приют. Айяру все еще было страшно открыть сознание, сделать его беззащитным перед вторжением Того, Что Ждет. Но все-таки они находились в Лесу, а Лес — сам по себе защита.

В этом крохотном лесочке не росло ни одного ростка деревьев-башен. Их и не могло быть. Бели, как думает Иллиль, это зародыш, из которого То, Что Ждет, взяло жизненную силу для выращивания Белого Леса, то ни одно из благородных семян не проросло бы здесь. И тем не менее это были живые деревья. В чужом лесу, глубоко во владениях Того, Что Ждет, ифты нашли зелень, которая всегда означала Ифткан, родной Лес...

Память Айяра вернулась к той зелени. Весна, ток возродившегося сока... Пробуждение ифтов. Лето, короткие ночи охоты. Осень, приход потребности во сне. Зима, когда тело покоится в безопасной колыбели Великой Цитадели и только мысль живет и странствует через сон.

Каковы были эти сны? Слабые воспоминания от прикосновения мысли рассыпались. Зима... Зимний сон... Время учебы... Учеба... Одно воспоминание не только не исчезло, но начало проясняться. Айяр внимательно просматривал его, как видеозапись. Да, так можно. Вот так... Да... Но смогут ли они проделать это? Ведь он не Мастер Зеркала. Какую силу он должен вызвать?

Тело, сквозь туман сонной памяти, ответило на сомнение теплым потоком жизни, что-то внутри него оживало и требовало высвобождения. Айяр открыл глаза и увидел зеленую крышу ветвей над головой. Потребность действия осталась в нем. Взгляд встретился со взглядом Иллиль.

— Теперь мы знаем, — тихо сказала Сеятельница. — Теперь мы знаем...

— Скафандр... — Сознание Айяра уже пыталось облечь знание в практические планы.

Она нахмурилась:

— Они — чужие. Разве можно вложить в них нашу силу?

— Но другого пути нет. Надо попробовать.

— Тогда иди.

Он с готовностью принял выбор. Идет Айяр-воин, а не Иллиль-жрица. Его жизненная сила может приспособиться к энергии, которая сожгла бы Иллиль. Но с ним, через него пойдет та часть Иллиль, которую даровала ей волна Танта, так что в бой с Тем, Что Ждет, вступит двойной заряд Силы. Правда, Айяр еще не вполне понимал, как это сделать. Его собственная

часть сознания была уже очищена от таинственного общения в снах с далеким прошлым. Но он был готов идти.

Как скоро скафандры-пустышки вернутся из своего патрулирования? И как захватить один из них? Фальшивый ифт был бы уничтожен энергией, идущей через меч, но подействует ли она на пустышку?

— Если воспользоваться Силой, чтобы захватить скафандр, я не ослабею?

— На какое-то время — да. Так было с нами обоими, когда мы уничтожили лжеифта. Но сила возобновляется, иначе нас не послали бы в этот путь.

— А ты?

— Когда придется отдать тебе все, что я получила от Танта, я засну. Нужно найти место, где я смогу отдохнуть, пока ты не вернешься и не разбудишь меня.

Она говорила со спокойствием и уверенностью, удивившими Айяра. Он-то вовсе не был уверен, что, победив, останется в живых и сможет вернуться. Но промолчал.

— У нас мало времени, — продолжала Иллиль. — Если скафандры не вернутся, придется искать что-то другое...

Дорога означала солнце и сверкание кристаллов, но выбора не было. Айяр надеялся только на очки.

Как захватить скафандр? Прыгнуть на него с кучи кристаллов и повалить? Нет, в солнечном свете он может промахнуться. А что, если в скафандре кто-то есть? И кто?

«Буду действовать по обстоятельствам», — решил Айяр. Иллиль молча смотрела вслед. Он добрался до своей прежней засады и закрыл глаза. Пока не придет время действовать, можно полагаться на уши — пустышки производят много шума.

Солнечный свет ощущался словно тяжелый груз. Он давил к земле. Временами Айяру казалось, что больше терпеть невозможно, что он умрет, если не уйдет отсюда сейчас же. Но он оставался на месте и отгонял мысли о неудаче.

Слух не подвел. Когда однообразный хруст стал ближе, Айяр приоткрыл глаза и посмотрел на восток. Гусеничное «яйцо» возвращалось, а за ним, на дистанции в несколько шагов, шел скафандр гуманоидного типа. Если все они возвращаются в прежнем порядке, то нужно подождать последнего, чтобы не иметь дело со всем отрядом. Прошло три скафандра. Четвероногий,

гуманоидный и опять четвероногий. Айяр ждал, обнажив меч. Пора. Если он все правильно рассчитал, то сейчас пойдет последний. Айяр приготовился к действиям. Скафандр поравнялся с ним. Еще два шага. Пора!

Одним прыжком воин оказался на дороге. Светлое лезвие меча скользнуло вверх и прикоснулось острием к шлему. Бесшумно сверкнули искры, и скафандр остановился. Остальные продолжали двигаться по дороге.

Айяр был готов к тому, что патруль обнаружит потерю замыкающего. Кроме того, он допускал, что остановленный скафандр еще может оказывать сопротивление. Но пока все шло хорошо: передние удалялись, а его пустышка стояла неподвижно. Айяр вложил меч в ножны и схватил скафандр за плечо. Тот упал так неожиданно, что Айяр отскочил, снова схватившись за меч. Скафандр лежал без движения. Айяр осторожно приблизился к нему, подхватил и поволок к лесу. Ифта тошнило от прикосновения к металлу. Но нужно было терпеть, пока хватает сил. Бесчувственная оболочка выпала из рук на край откоса и покатилась вниз, ломая ветви. Несмотря на немалый вес скафандра, Айяр был почти уверен, что внутри его никого нет. Спустившись, он перевернул скафандр на спину. Конструкция была старая — гораздо старее той, с которой имел дело юный Ренфо, но все же отличалась не настолько, чтобы Айяр не сумел найти и открыть архаичную застежку.

Он осторожно потянул шлем. Тот подался легко — скафандр действительно был пуст, — но из-под шлема вырвался клуб пара, и Айяр, отпрянув, тяжело закашлялся, выхаркивая из легких кислый запах металла и раздирающий горло озон. Преодолевая отвращение, Айяр раскрыл металлическую оболочку. В той части, которая когда-то закрывала грудь владельца скафандра, была закреплена проволокой небольшая коробочка. Айяр с ужасом подумал, что, вероятно, это сердце конструкции. Коробка деформировалась, почернела и все еще дымилась. Не в силах заставить себя прикоснуться к ней рукой или мечом, Айяр подобрал две сломанные ветки, оборвал проволоку, потом зажал ими коробочку и отшвырнул как можно дальше. Иллиль принесла пригоршню листьев и подала Айяру:

— Протри. Листья очистят его, и тебе будет легче.

Свежие ароматные листья оставили на внутренней поверхности скафандра зеленые пятна и удалили чужой запах. Прежний хозяин скафандра был крупнее Айяра, но это не страшно — хуже было то, что сам по себе скафандр оказался тяжеловат. Айяр будет в нем медлительным и неуклюжим. С другой стороны, этим он будет походить на пустышки, которые служат Тому, Что Ждет.

Айяр поднял шлем. Затемненная лицевая пластина совершенно не пропускает свет. Без особой надежды он попробовал протереть ее, и это неожиданно дало результат: образовалось небольшое окошко — обзор будет ограниченным, однако немногим хуже, чем в очках в середине дня. Как воину, ему все это не слишком нравилось, но выбирать не приходилось, а медлить нельзя. Он повернулся к Иллиль:

— Все.

— Пока ты не надел его, иди сюда.

Она подвела его к противоположной стене оврага и показала на небольшое углубление. Рядом лежала груда недавно принесенных камней.

— Перед тем как идти, замуруй меня здесь. Я буду спать, пока ты не вернешься и не разбудишь меня.

— А если я... — Пора было сказать это.

— Мы ведь и не рассчитывали, что будет просто. Наша задача — не выжить самим, а спасти от уничтожения Семя. То, что подняло нас из пыли столетий, должно быть сохранено.

— Да.

— Тогда дай мне руки.

Иллиль встала спиной к стене и негромко запела. Слова Тайной Речи активировали скрытую в нем силу и соединяли ее с силой, которую несла Иллиль. Из тела жрицы струился серебряный поток, данный ей Тантом, — теперь он переливался в Айяра. Из ее рук шло и распространялось по телу воина уже знакомое покалывание. Потом глаза Иллиль закрылись, лицо побледнело и застыло, она покачнулась и упала на Айяра. Он поднял легкое тело, завернул в оба плаща и бережно положил в нишу. Оставалось замуровать и по возможности замаскировать отверстие. Покончив с этим, Айяр влез в скафандр. Запах листьев напоминал об Иллиль, и все же Айяру потребовалось все его мужество, чтобы, надев шлем, полностью заключить себя в

оболочку Врага. Телу, привыкшему к свободной и легкой одежде лесного охотника, было крайне неудобно двигаться в тяжелой упаковке. Айяр поднял и повесил на пояс меч:

— Будем надеяться, что его сочтут трофеем. Не идти же без оружия.

Затем он выбрался из оврага и неуклюже заспешил по дороге. Патруль ушел далеко вперед, а каждый шаг в скафандре давался с трудом. Хорошо хоть видимость была достаточная, чтобы обходить рытвины.

Дорога шла уступами, как гигантская лестница, и по краям были груды обломков. Айяр ждал, когда же будет пропасть, у которой закончилось их прошлое путешествие по Белому Лесу. Вот и она. Колея повернула на юг и пошла вдоль края обрыва. Внизу клубился густой туман.

Вскоре Айяр дошел до места, где колея спускалась вниз. Он нырнул в туман и пошел между кристаллическими деревьями Белого Леса. Здесь они почти все были целы, хотя по краям дороги хватало обломков. Среди этих обломков он заметил что-то темное. Это был человек. Судя по бороде и превратившейся в лохмотья одежде, поселенец с участка. Он лежал неловко подвернув голову и, скорее всего, был мертв. Впереди сквозь туман проступала долина и несколько черных холмов на ней — судя по резкому отличию от красновато-желтой песчаной почвы долины и строгим геометрическим очертаниям, искусственного происхождения. Для их сооружения, должно быть, потребовалась циклопическая работа.

Подойдя ближе, Айяр увидел, что вокруг холмов происходит постоянное движение. Трудно было сказать, люди ли там или скафандры, оживленные волей Того, Что Ждет, но движения их казались странно бесцельными. Точно так же бесцельно перемещались машины. Айяр видел явно без определенной цели крутившийся у подножия холма трактор. Рядом с черной громадой механизм казался крошечным. Вероятно, это просто стоянка для слуг Того, Что Ждет, если, конечно, можно назвать стоянием эту тупую суету. Здесь его вряд ли заметят, но как он найдет путь отсюда к сердцу Врага? Впрочем, он не сомневался в том, что найдет. Если для этого придется обойти всю Пустошь — значит, он обойдет ее всю.

Почему никто из исследователей Януса не упоминал об этих холмах? Они должны быть хорошо видны сверху, а при таких свидетельствах местного разума планету нельзя было выставить на аукцион, где Угольный Синдикат почти сто лет назад приобрел право на нее. Можно понять, почему исследователи не заметили скрытый деревьями Ифткан, но как они пропустили эти холмы?

Чем ближе становился к ним Айяр, тем больший интерес они вызывали. На здания это не было похоже — скорее, просто кучи земли. Могильники исчезнувшей расы? Но память ифтов не знала других обитателей Януса, кроме них самих, Того, Что Ждет, и ларшей. Ларши в последние дни Ифткана только-только перестали быть животными. Правда, потом у них могло быть еще десять веков развития цивилизации под управлением Того, Что Ждет. Может, они и сложили эти пирамиды в честь своих предков или в честь Силы, которая вела их против Леса?

На дне долины ноги Айяра увязли в рыхлом песке, и он почувствовал себя в скафандре еще более неуклюжим, чем при первых шагах. Навстречу шел человек, и ифт остановился. На приближающемся был мундир портовой полиции; глаза на загорелом лице тупо смотрели только вперед, и шел он так, будто был механической игрушкой, которую завели и пустили шагать, пока не сотрутся детали. Все остальные вокруг двигались так же: шли, поворачивали и снова шли до следующего непредсказуемого поворота. Айяр искал глазами патрульные пустышки, но здесь скафандров вообще не было. И колеи не было. Может, обойти долину по краю? По крайней мере, не придется лавировать среди этих сомнамбул. Из отвесных стен местами торчали кристаллы; на песке он дважды встречал людей, неподвижно лежавших с раскинутыми руками. Оба раза это были не портовые служащие, а поселенцы. Ходьба по песку в скафандре так измучила ифта, что пришлось сделать то, что могло оказаться очень опасным: он прислонился к стене. Давая отдых мышцам, Айяр осматривал долину.

Солнце уже клонилось к западу, и мысль о том, что ночи осталось ждать недолго, обнадеживала и придавала силы. Ни ифтов, ни скафандров в толпе не попадалось, очевидно, у них была другая стоянка-бродилка. Айяр оттолкнулся от стены, покачнувшись, восстановил равновесие и двинулся дальше. Что-

то заставило его взглянуть на вершину ближайшего холма: там виднелся флиттер. Но он явно стоял на месте — не было слышно характерного жужжания. Вдруг что-то вокруг изменилось. Если бы Айяр не рискнул отдохнуть, прислонившись к стене, он мог бы и не заметить этого.

Шедший неподалеку поселенец неожиданно остановился с занесенной ногой, мгновение постоял так и упал навзничь. Айяр осмотрелся. Оказывается, теперь во всей долине стоял он один. Он почувствовал, будто что-то коснулось его сознания. Поисковая мысль? Не его ли ищут? Нужно не только наглухо запереть сознание, но не думать вообще, стереть Айяра. В нормальном состоянии он бы с этой задачей не справился, но сейчас помогала Сила Зеркала. Мыслей не стало, и даже чувства притупились. Ощущался только прощупывающий долину скрытый поиск, как будто над ней повисла огромная рука с хищными пальцами, готовыми вцепиться в жертву. Проходили минуты, тени холмов наползали на лежащие на песке фигуры, а поиск продолжался...

И вдруг поисковой мысли не стало. Ничего не изменилось, никто из пленников не поднялся на ноги и даже не пошевелился, в долине стоила мертвая тишина, но Айяр знал, что охота кончилась, и если дичью был он, то кончилась ничем. Идти дальше? Но движение может выдать его. Сколько же ему изображать статую? До ночи? Темнота укроет его, как ифтийский плащ, и можно будет снова самому стать охотником.

Но ждать до ночи не пришлось. Из-за холмов вышли два скафандра-пустышки: гуманоидный и четвероногий. Они остановились рядом с одним из лежащих на песке, гуманоидная пустышка подняла обмякшее человеческое тело, а четвероногая зачем-то выпрямила его. Затем они двинулись, волоча свой груз, к дальнему концу долины. Айяр, забыв о страхе, потащился за ними. Человек, которого они волокли, был в мундире с офицерскими нашивками на воротнике. Похоже, То, Что Ждет, заманило сюда весь персонал порта.

Пустышки свернули налево и скрылись за холмом. Айяр, проклиная свою неуклюжесть, черепашьим шагом заспешил вдоль стены, чтобы встретиться со скафандрами, когда холм кончится, но, добравшись до предполагаемого места встречи, не нашел там ни носильщиков, ни ноши. Он подождал. Без

толку. Потом рискнул отойти от стены и поплелся вдоль холма, чтобы, как только появятся пустышки, пойти за ними. Но он обошел весь холм, а скафандры так и не появились. Айяр обошел его в другом направлении — никого. Вообще никого. Как будто вся троица растворилась в воздухе или просто привиделась ему. Ифт двинулся в ту сторону, откуда появились скафандры. Попадались только лежащие без движения люди. Айяр пытался найти хотя бы следы, оставленные башмаками носильщиков или волочащейся за ними ношей.

Следы нашлись, привели к стене холма и там оборвались. Здесь они действительно исчезли. Айяр с усилием поднял руку и ткнул перчаткой скафандра в стену холма. На песок упал темный ком. Ифт осмотрелся и увидел такие же комья у конца следа. Влезли наверх? Он пошел вдоль стены, тщательно осматривая ее через мутное окошко лицевой пластины. Почти прижавшись шлемом к стене, он обнаружил в ней отверстие, которое, вероятно, осталось бы незамеченным, не окажись оно почти на уровне глаз. Он сунул руку в дыру.

Песок под ногами зашевелился. Айяр медленно увязал в нем и, скованный предательской скорлупой, не мог ничего предпринять. Вот он увяз уже по колено, потом по пояс; руке было не за что уцепиться, и она выскочила из отверстия. Песок перестал сыпаться. Похоже, Айяр стоит на чем-то твердом, на какой-то платформе, которая уходит вниз, туда, куда утащили человека и куда теперь спускается он, такой же беспомощный, как и тот.

Глава 10

В ЛОГОВЕ

Стен не было видно, и Айяр инстинктивно передвинулся к центру платформы. Было слишком темно даже для ифта, ничего разглядеть не удавалось, к тому же посмотреть на здешний мир мешал шлем.

Платформа коснулась пола. Айяр подождал, слабо надеясь, что она станет подниматься. Но не дождался и осторожно сошел с нее. Чтобы осмотреться, пришлось снять шлем, точнее,

откинуть его на плечи. С непокрытой головой остро ощущалась беззащитность, но зато можно было оглядеться, что Айяр проделал, радуясь обретенной вновь способностью видеть. Входное отверстие находилось слишком высоко, чтобы попытаться лезть к нему в скафандре или даже без него.

Платформа, по-видимому среагировав на исчезновение груза, стряхнула песок и двинулась обратно. Айяр, забыв о своей неуклюжести, попытался прыгнуть на нее. Прыжка, разумеется, не получилось, платформа уходила, а он едва не упал на пол. Ему удалось сохранить равновесие, но это было слабым утешением — ловушка захлопнулась. Как теперь двигаться дальше в полном мраке? Едва люк наверху закрылся, обретенное было зрение оказалось бесполезным. Айяр стоял перед стеной — это он знал, — но что находится справа и слева? Сзади? Куда идти?

Обострившийся с потерей зрения слух уловил жужжание за стеной. Там была жизнь, но не жизнь людей или ифтов. Потом он заметил вдоль стены... Пульсацию мрака? Да, если можно такое представить, то по абсолютной тьме проходила тень, еще более темная. Энергия? Можно ли увидеть энергию?

Запахи! Это напомнило о себе обоняние. Его поведет запах человека. Принюхиваясь, Айяр пошел влево. Несколько шагов по песку, а затем — твердая и чистая поверхность. Идти было гораздо легче, чем по вязкой долине, но время от времени башмаки скафандра, несмотря на все старания, звякали об пол. Характер пульсации на стене не менялся. Если от него и сработала какая-то сигнализация, то никаких результатов этого пока не было заметно.

Ни проходов в стене, ни каких-либо ориентиров. Будучи воином и охотником, он даже во тьме помнил бы пройденный путь, если бы проклятый скафандр не изменил мышечные усилия. Если это действительно ловушка, то он теперь даже не знает, где вход в нее. И все же Айяр знал, что какое-то новое и пока непонятное, пока ничем не проявляющееся чувство живет в нем и готово повести, когда...

Дальше! Судя по запаху, он идет правильно. Он спешил, насколько позволяли осторожность и тяжесть скафандра. Пожалуй, даже сильнее, чем требовала осторожность.

Свет показался тогда, когда он уже был готов поверить в бесконечность этого прохода. Но вот и дверь. Круглая, как люк

на космическом корабле. Она приоткрыта, а за ней свет. Айяр осторожно потянул ручку на себя и прижался к стене. Стало чуть светлее. Однако он не спешил радоваться — скорее всего, там засада, и его нос подскажет о ней. Кислый дым, вроде того, что едва не отравил его, вырвавшись из скафандра, но слабее; запах человека; еще какие-то запахи, но все — слабые. Нет, его там не ждут.

Айяр взялся за меч и перешагнул высокий порог. Он стоял в совершенно круглом помещении, размером в обхват Ифтсайги. Три двери. Он почему-то сразу решил, что за каждой из них такой же коридор. Вокруг толстой центральной колонны вьется узкая лестница. Все это похоже на космолет. Айяр подошел к лестнице и обнюхал ступени.

Запах был, но лезть очень не хотелось. Освободившись от скафандра, он взлетел бы быстро и бесшумно, но снимать мерзкий металл нельзя. Даже откинутый шлем был непозволительным риском, но в шлеме он был бы слеп. С грохотом ползти по ступеням в тяжелом и сковывающем движения железном футляре — риск еще больший... Но выбора нет. Единственный способ избавиться от риска — это сейчас же перерезать себе горло.

Он ухватился за ребристые перила и поставил ногу на первую ступеньку. Для таких случаев на подошвах скафандров предусматриваются магнитные присоски, но они, конечно, не действовали, так что приходилось подтягиваться на руках, медленно переставляя скользящие ноги, но почти не опираясь на них.

Как ни странно, лестница была преодолена, и ничего не случилось. Теперь он стоял в начале нового, плавно идущего вверх коридора. У него тоже не было ответвлений. Айяр шел, останавливаясь через каждую дюжину шагов, чтобы слушать, принюхиваться, а главное, чтобы проверить, не будет ли какого внутреннего предупреждения. Чем дальше он шел, тем светлее становилось, и вскоре Айяр смог рассмотреть стены. Если это коридор космического корабля, то почему нет швов? Как будто весь туннель прорублен в огромном монолите. Нейл Ренфо не знал таких технологий. И такого холода, какой царил здесь, он тоже не знал, хотя хорошо помнил, что такое стылый металл.

В конце концов подъем закончился, коридор привел в новое круглое помещение с несколькими выходами без дверей. Здесь

в нос ифту ударила мерзкая мешанина чужих запахов. Айяр был в замешательстве, но не из-за отвращения, а потому, что стало невозможно ориентироваться с помощью обоняния. В какой же из коридоров идти?

— *Попробуй...*

Айяр, скованный скафандром, не успел выхватить меч. Он только пригнулся и дотянулся до рукояти, когда осознал, что не *услышал* — слово возникло у него в сознании. То, Что Ждет?

— *Попробуй... мечом...*

Опять же не глазами он увидел слабые очертания знакомого лица. Глаза закрыты, щеки впали. Иллиль! Не совсем такая, какой он оставил ее, но все-таки:

— Иллиль!

Он не произнес, а, ощущая соединившую их тонкую ниточку мысли, передал по ней это имя.

И внутренним зрением увидел, как шевельнулись ее губы.

— *Попробуй мечом...*

Айяр достал меч и направил его к ближайшему коридору. Он не знал, что должно произойти, но в этот раз ничего и не произошло. Он попробовал другой коридор, третий... Есть! Не свечение, а только одна зеленая искра отделилась от острия и тут же исчезла. Предостережение? Скорее наоборот. Он пошел в указанный коридор. Потолок здесь был выше, чем в той трубе, по которой он поднимался. Кое-где на стенах видны были царапины, знакомые грузчику Нейлу Ренфо, перетаскавшему немало громоздких вещей по узким проходам. Какого же рода грузы носили здесь?

Иллиль! — мысленно позвал он.

— *Следи... меч...*

Лица не было. Только слова, и с ними чувство опасности, словно сам контакт грозил ему чем-то. И все же Айяр почувствовал себя увереннее, зная, что идет не один.

Жужжание в стенах здесь было сильнее, чем внизу, и даже в воздухе чувствовалась пульсация. Все запахи заглушала сильная, застоявшаяся вонь машин. Айяр поравнялся с неплотно прикрытой дверью в стене и осторожно заглянул внутрь.

Огромные пыльные и воняющие предметы, приглушенный рев. Машины. Зачем они Тому, Что Ждет? Ифты знали о маши-

нах только то, что те принадлежат людям и не идут ни в какое сравнение с силой Того, Что Ждет, или Зеркала Танта. Зачем же они здесь? Может, ими пользуются слуги Врага? Во всяком случае, Айяру здесь делать нечего. Больше дверей в стенах не было, но через два десятка шагов Айяр оказался между двумя параллельными кристаллическими пластинами, и меч заискрился.

Опасность? Он шагнул вперед, повернулся и прикоснулся мечом к блестящей поверхности. Не ударил, а только прикоснулся, но кристалл мгновенно покрылся паутиной трещин и потускнел. Айяр так же обработал вторую пластину. Если это был датчик, то больше он не работает. А если сигнал уже дан? Значит, вызов брошен. Теперь он ждал на пути новых пластин.

Их оказалось еще две пары. Очевидно, легкие победы над кристаллами сделали его излишне самоуверенным, и то, что случилось с ним потом, едва не повергло его в панику. Когда он остановился отдохнуть, испортив последнюю пару, оказалось, что скафандр шагает дальше помимо его воли. Несмотря на все сопротивление, Айяр не мог ни остановить его, ни хотя бы заставить сбиться с шага. Единственное, что удалось сделать ценой невероятных усилий, — это вложить в ножны меч, чтобы вышедшая из повиновения, а вернее, вернувшаяся под власть прежнего хозяина оболочка не выронила по дороге единственное оружие ифта. Он-то думал, что, выбросив «сердце», обезопасил скафандр. Выходит, осталось что-то еще, что может принимать команды извне.

Скафандр целенаправленно двигался вперед. Мелькали двери, и Айяр, мельком успевая заглядывать в них, видел незнакомые машины. Снова винтовая лестница. Скафандр взобрался по ней гораздо увереннее, чем когда им двигал ифт.

Айяру очень хотелось связаться с Иллиль. Он не надеялся получить помощь, но просто хотел почувствовать прикосновение живой мысли среди этой веками враждебной его роду антижизни. Однако он помнил предостережение, полученное при последнем контакте, и не позволил себе искать эту поддержку.

Едва скафандр поднялся по лестнице, как рядом заскрежетало гусеницами «яйцо». Айяр решил было, что яйцеобразный послан за ним, но ошибся — «яйцо» покатило дальше. А может

быть, и не ошибся, потому что «его» скафандр зашагал в том же направлении.

Ифт беспомощно повторял движения металлической оболочки, и тем не менее Айяр, понимая, что близок к цели своей миссии, ощущал себя не жертвой, а воином, готовым к последней битве. Впереди из двери показался еще один скафандр. Айяр рванулся, мгновенно забыв о бесполезности усилий: через плечо пустышки безжизненно болтались руки и голова ифта.

— *Как они смогли!..*

И снова его попытка оказалась тщетной. Скафандры двигались каждый к своей цели. Однако, минуя дверь, куда внесли ифта, Айяр, выворачивая шею, сумел рассмотреть в комнате зеленое тело, лежащее лицом вверх на столе-манипуляторе. Нет! Он увидел щель на уровне горла. Металлические руки стола поднялись для работы... Фальшивый ифт!

Айяр заглядывал после этого еще во многие комнаты, но не понимал того, что там происходит. Наконец скафандр вошел в очередную дверь, и ифту пришлось зажмурить глаза от нестерпимого света. Скафандр прошел вперед, повернул, сделал два шага и остановился.

Айяр чуть приоткрыл глаза и попытался осмотреться. Свет лился из нескольких плоских источников, но, к счастью, не бил прямо в лицо. Рядом стояло гусеничное «яйцо», потом — робот-ремонтник, четыре человеческих скафандра разного типа и дальше еще какие-то не то пустышки, не то роботы, но их уже нельзя было рассмотреть. Светильники или зеркала были расположены несколько правее на противоположной стене, а впереди, перед серединой строя, стоял стол с вертикально поднятой крышкой. К ней был привязан инопланетник из долины. Открытые глаза смотрели в зеркало, отражение в котором показалось Айяру каким-то неправильным, хотя, несомненно, воспроизводило неподвижного человека. Или труп. Только переведя взгляд на второе зеркало, перед которым ничего не было, Айяр понял, в чем дело. С того места, где он стоял, не должно было видно отражения инопланетника. Во втором зеркале отражался другой поселенец. Густая борода, спутанные волосы, серо-коричневый комбинезон. Но человека перед зеркалом не было!

Скафандр Айяра понес его к столу. Вместе с ним последовал еще один человеческий скафандр. Под зеркало?! Он закрыл глаза.

Рукава поднялись, перчатки согнули пальцы Айяра. Начали манипулировать. Он снова приоткрыл глаза. Скафандры освобождали из креплений на стене зеркало с изображением поселенца. Панель была высокая — задача для скафандров непростая, но они действовали без спешки и вполне уверенно. Когда зеркало отделилось от стены, изображение поселенца на нем не исчезло. Конечно, оно не было отражением, а панель — зеркалом. Скафандры понесли зеркало из комнаты. Инопланетник остался лежать на столе.

Они двигались в направлении обратном тому, с которого пришел сюда Айяр. Скоро они вошли в помещение с длинным рядом столов. На одном лежало незаконченное тело фальшивого ифта. Вместо рук — пузыри желеобразной массы, на лице еще не проявились черты, остроконечные уши висели. Его тело отражалось в зеркальной поверхности. Но отражение, в отличие от тела, было полным. Очевидно, на самом деле оно было образцом.

На другом столе дрожащей неопределенной массой лежало желе. Над ним плясали вспышки света, поочередно касаясь отдельных участков. Все, что было в Айяре от ифта, восставало против увиденного. Рассудок его готов был помутиться. Однако то ли сработала какая-то защита в нем, то ли просто от физически невыносимой вони — он потерял сознание, а когда пришел в себя, скафандры уже выходили из комнаты, выполнив, очевидно, свою задачу.

На обратном пути Айяр задумался о том, как освободиться от своей оболочки. «Ясно, — думал он, — что мной здесь никто не интересуется. Значит, можно попробовать». Конечно, выбраться из этих нор не удастся, а избавившись от скафандра, он лишится всякой маскировки, но зато сможет легко двигаться и управлять своим телом. Вот только как это сделать?

Энергия, вложенная в него Тантом, действует через меч. Значит, нужно вытащить его. Айяр попробовал поднять руку. Не получилось. Повернуть ладонь в перчатке? Приложив всю силу к запястью, он сделал это. Перчатка подалась, шевельну-

лась. Айяр чувствовал, что вздувшиеся мышцы готовы лопнуть от напряжения, но рука дюйм за дюймом двигалась к мечу, пока пальцы не ткнулись в рукоятку. Очень хорошо. Что теперь? Чтобы энергия вошла в меч, он должен коснуться голой плоти. Айяр попытался передать ее через перчатку, но безуспешно.

Скафандр снова вышел из ряда — теперь в паре с четвероногим — и прошагал к столу, где лежал инопланетник. Айяр вынужден был закрыть глаза, уберегая их от яркого света, но теперь он не просто позволял вести себя, а повторял движения оболочки, готовясь к решительному рывку.

Скафандры сняли скобы, фиксировавшие тело. Айяр сильным движением, точно соотнесенным с движением скафандра, развернул его так, что рукоятка меча зацепилась за скобу. Когда скафандр отступил, меч вышел из ножен и со звоном упал на пол. Ифт получил шанс на спасение. Если он успеет добраться до меча, пока скафандр не отошел от стола, — свобода; если нет — оружие утрачено безвозвратно.

Скафандр наклонился, чтобы снять зажим с лодыжки инопланетника. Айяр помог ему, усилил его движение и свалил свою оболочку на пол. Меч лежал перед самым лицом. Вытянув шею так, что казалось, сейчас потеряет сознание, Айяр дотянулся зубами до рукоятки. Скафандр вставал. Айяр попытался направить энергию в меч через конвульсивно сжатые челюсти. Лезвие, оторванное от пола движением скафандра, качнулось, коснулось металла, хлынула серебряная рябь... Скафандр замер.

Айяр, не встречая сопротивления, взялся за меч рукой. Не выпуская оружия, левой рукой он начал расстегивать замки. Айяр не был уверен, что скафандр окончательно выведен из строя, а не парализован, и потому спешил. Наконец пустая оболочка упала на пол.

За это время четвероногая пустышка успела снять тело со стола и понесла его к двери. Айяр надел перевязь с мечом и вышел вслед за четвероногим. Остановить этот скафандр? Но инопланетник не шевелился; широко раскрытые глаза не мигали. Его уже не спасти.

Скафандр вошел в комнату с двумя рядами высоких прозрачных цилиндров. В левых, накрытых тяжелыми куполами из

красноватого металла была темно-розовая жидкость, в которой смутно проступали плотные образования. Четвероногий подошел к пустому цилиндру и нажал кнопку у основания. Контейнер опустился. Скафандр сбросил в него свой груз, после чего цилиндр вернулся в прежнее положение, сверху опустился купол, и из подведенной к нему трубки полилась жидкость. Айяр вжался в дверной косяк, так что сам едва заметил, как четвероногий носильщик прошел мимо него и скрылся из виду.

Глава 11

ЛУННЫЙ ЛЕС

Заметил ли четвероногий Айяра? Если оболочка скафандра пуста, энергия меча могла легко обезвредить его, однако, если внутри скрывается живое существо, схватка может быть опасной. Поэтому Айяр затаился, уступая дорогу: осторожность не помешает. Не проявив к Айяру ни малейшего интереса, скафандр неторопливо зашагал к выходу.

Оставшись в одиночестве, ифт осмотрелся. Он был потрясен количеством цилиндров, находившихся в громадном помещении. Вокруг словно бы стоял лес из мертвых, злых деревьев. Заполненных цилиндрических контейнеров было, без сомнения, значительно больше, чем поддельных ифтов, что он видел на дорогах. Похоже, здесь формировалась настоящая армия. Но в кого же они превратятся потом, эти спящие матрицы существ, только внешне напоминавших ифтов? Кто они? Ифты, изменившиеся под злобным влиянием Того, Что Ждет? Или... — у Айяра перехватило дыхание, — или это те самые ифты из древних времен, попавшие в плен к ларшам?.. Сможет ли кто-нибудь снова вернуть их к подлинной жизни?

Айяр заглянул в контейнер: человек-инопланетник внутри не подавал никаких признаков жизни.

Где же Оно, это проклятое То, Что Ждет, которое здесь всем правит? Где искать его — вверху или внизу? И куда ведут эти норы — под холмы или, может, под каменные стены долины? Главное сейчас — вовремя заметить пластины, чтобы не попасть впросак... Да вот и они, и совсем рядом! На этот раз Ай-

яр не стал разрушать их, а осторожно, почти вжимаясь в пол, прополз точно посередине узкого пространства, разделяющего пластины...

Почудился запах, напомнивший тут же о чистом и остром лезвии ножа, легко рассекающего вонючую паутину келрока. Айяр остановился. От ифта не укроется запах растений. Это самый важный для него запах, он необходим, как чувство пути... Как нужен был Айяру запах долины, где он покинул уснувшую Иллиль...

Внезапно ощутив прилив бодрости, Айяр двинулся на запах. Его движения были быстры, но не беспечны: забывать об опасностях нельзя. Иначе он рисковал свернуть себе шею, свалившись в какую-нибудь предательскую шахту.

Вместо лестницы был пологий спуск. С каждым шагом вокруг Айяра усиливался знакомый запах — запах настоящей жизни. Только... первоначальное радостное возбуждение Айяра угасло, заглушенное природной осторожностью: вдруг пришло сознание того, что сейчас должна стоять зима, а пахло — пахло весной! Проверяя себя, он глубоко вдохнул. Так и есть: ноздри затрепетали от манящего аромата молодых листьев. «Похоже, — подумал Айяр, — на своей территории То, Что Ждет, управляет даже сменами времен года...» Чтобы выйти на открытое пространство, ему пришлось еще дважды пробираться ползком между кристаллическими пластинами. Зато теперь снизу поднимался упоительный аромат, сравнимый только с запахом самого Ифткана. И свет — серебряный, лунный, ласковый... Этот свет благодарно воспринимали усталые глаза Айяра, а к телу, словно омываемому целительными волнами, снова возвращались силы. Айяр постепенно расслаблялся: он все-таки дошел...

Но чувство опасности, глубоко укоренившееся в сознании, вернуло его к действительности... Тревога: это не Ифткан, он не имеет права забывать, что находится в самом сердце владений Того, Что Ждет! Нельзя позволять себе обманываться внешней видимостью! Он уже сталкивался с ложными ифтами и знает, как обманчиво подобие... Но как манил пейзаж, открывшийся внизу, как сладко усыплял, как звал! Все было так знакомо, так похоже на Дом... Да это и был его Дом!

Айяр быстро спускался по узкой крутой тропе, такой узкой и такой крутой, что приходилось соблюдать крайнюю осторожность. А внизу росли деревья, целая густая роща. Их зеленые спокойные кроны радовали глаз, а ноздри ифта не чуяли запаха зла... Сойдя с тропы, он двинулся по мягкому глубокому мху. В траве то здесь, то там встречались закрывшиеся на ночь головки колокольчиков, а ближе к подножию стены росли высокие лилии-бергеры. Странно: у них, похоже, совсем не было запаха, а ведь расцветающие лишь ночью бергеры Ифткана распространяли далеко вокруг удивительный аромат... Может быть, он ошибся — это другие цветы? Айяр наклонился, потрогал нежный бархатистый лепесток: бергер. Цветок стоял живой, реальный... Но где же запах, куда он подевался?

Айяр насторожился: эта мелочь разрушила начавшееся было слияние ифта с буйной растительностью вокруг. Он стал внимательно приглядываться к другим цветам и травам... Вот — мох... Да, мох настоящий. Вот соленое деревце с капельками ночной росы на крошечных серых листьях... Айяр осматривал одно за другим деревья, кустарники, травы, припоминая их особенности. Пожалуй, все правильно. Вот только лилии... Что это?

В воздухе неожиданно разлился резкий аромат бергеров, до пресыщения сладкий и терпкий, словно кто-то окатил цветы свежей струей воды. Воды?.. Айяр облизнул сухие губы. Стоило ему подумать об отсутствии запаха, стоило усомниться в подлинности лилий, остановиться и оглядеться вокруг — и запах возник. Но слишком поздно, чтобы развеять подозрения.

Сорвав лист, Айяр размял его в руке: лист издавал сильный, характерный для бергеров запах, совершенно натуральный. Но Айяр больше не верил ни листу, ни всей уютной зеленой рощице: это была западня. Он поспешил к тропе, с которой так необдуманно сошел...

Тропа исчезла. На ее месте возвышалась голая каменная стена. Что ж... То, Что Ждет, знает о его присутствии. По крайней мере, он предупрежден.

Айяр снова осмотрелся. Деревья были низкорослыми. Для того, кто помнил, эта роща смотрелась миниатюрной копией деревьев-башен Ифткана. Обойти рощу было нельзя. Спуска-

ющейся тропы нет — значит, путь назад теперь тоже отрезан. Остается идти прямо вперед. Попытаться преодолеть хитроумную ловушку, положившись лишь на обычный разум ифта и — меч. Айяр решительно шагнул под ближайшее дерево.

Даже при внимательном рассмотрении роща, казалось, ничем не отличалась от привычной маленькой рощицы Януса. Айяр уже было подумал, не померещились ли ему странные лилии. И тут он вышел на поляну. Деревья расступились, и глазам открылось крошечное озерцо, серебрящееся в лунном свете. Айяру захотелось подбежать и вволю напиться холодной, чистой лунной воды. Он сделал шаг — и замер. Что-то, что со времени прикосновения Танта поддерживало и предостерегало его, остановило и на этот раз. Что было не так? Луна как луна. Обычное озеро, трава, камни...

У края озера, возле прибрежных камней, высунулась суставчатая лапа с крючковатыми когтями. Быстро погрузившись в воду, она вновь появилась над поверхностью, сжимая трепещущую крупную рыбу, и, неуловимо изогнувшись, исчезла... Но и это нормально. Обыкновенный фишер. Самое естественное явление в этом месте и в это время. Слух ифта различал множество звуков, издаваемых ночными охотниками леса — летающими и ползающими, большими и маленькими. Не было лишь одного — печального призывного крика кваррина.

Кварины и ифты, издавна жившие бок о бок в Великом Лесу, были скорее партнерами и друзьями, чем хозяевами и слугами. Две разновидности разумных существ мирно соседствовали в дебрях Великого Леса, всегда ощущая присутствие друг друга. И сейчас Айяр остро ощутил, что в лесу нет кварринов. «Если То, Что Ждет, следит за мной, ему ничего не стоит воспроизвести зов кваррина, как Оно добавило недостающий запах лилии», — подумал Айяр, не двигаясь с места и прислушиваясь. Но знакомое «ху-урурр» так и не прозвучало. Обогнув озеро, Айяр снова углубился в лес. Он шел и напряженно размышлял над тем, что такое этот лес и зачем он стоит на его пути.

Все машины здесь действовали по приказу Того, Что Ждет, по его воле выросло и миниатюрное подобие Великого Леса. Айяр ни секунды не сомневался, что это творение Того, Что Ждет. Видимо, Иллиль ошибалась, предполагая, что этот лес

настоящий. Поддельный запах лилий был сроден фальшивому ифту. Был ли весь этот лес такой иллюзорной подделкой?

Ни шорохов, ни звука шагов не было слышно, но запах усилился. Айяр почувствовал, что кто-то приближается. Куст вздрогнул, тонкая рука отвела ветку, и на открытое пространство шагнула женщина. Да, он помнил ее, хотя это была не Иллиль, которую он недавно видел в охотничьей куртке с капюшоном. Эшла-Иллиль была верным товарищем в любой опасности, а эта — была совсем иная. Прекрасная девушка-ифтийка в прозрачном платье из живых цветов. Такие источающие аромат платья девушки носили во время Выбора на весенних играх... Вся красота древней расы, казалось, воплотилась в ней. Девушка смотрела на Айяра, улыбалась и — манила, манила его к себе ритуальным чарующим жестом Выбора...

Включилась древняя реакция, лихорадочное возбуждение, ни разу не посещавшее Айяра после перерождения, вдруг нахлынуло на него, и он послушно пошел на призыв, протягивая руку к стройной ифтийке...

— *Фальшь*, — слабо шевельнулось в сознании, и смутно привиделось другое, знакомое лицо. — *Фальшь, подделка...*

Предупреждение было таким робким, а нежная девушка покачивалась перед Айяром все ближе в первых движениях танца Выбора, и ее руки томно тянулись к нему...

— Я — Валлиль, твоя Валлиль, могучий воин...

Платье из цветов дурманило, травы мягко обвивали ноги, но улыбка девушки стала неуверенной, почти злой. О Валлиль, задумчивая Валлиль, когда-то Айяр страстно искал тебя на Выборе, когда-то это было правдой...

— *Ложь!* — отчаянно настаивал шепот глубоко в сердце.

— Иди ко мне! — повелительно произнесла девушка. — Валлиль не ждет воина — многие ждут ее!

Память подтвердила: многие бы отдали полжизни за то, чтобы танцевать танец Выбора с Валлиль. И колебаться теперь, когда счастье так близко... Она снова поманила его. Бессознательно улыбаясь, Айяр двинулся навстречу Валлиль...

— *Фальшивка!..*

Рука его дрогнула. Так уже бывало в те моменты, когда скафандр управлял им, а не он — скафандром. Стоп, скафандр...

Лабиринт темных нор... комната зеркал... Подобия людей!.. Айяр очнулся — запах мнимого ифта окружал его удушающим смрадом... Рука рефлекторно потянула меч из ножен. Девушка перестала улыбаться, страх исказил ее лицо и превратил его в безобразную маску. Красота и очарование исчезли. Лже-Валлиль съежилась, воздела руки в мольбе и ужасе... Если она была создана волей Того, Что Ждет, то создание это было почти совершенно и превосходно играло свою роль. Айяр заколебался. Да, запах не оставлял сомнений, но убить девушку... Противника для него выбрали удачно.

— Сумасшедший!.. Безумец! — закричала она дрожащим голосом.

Айяр наконец заставил себя заговорить:

— Я не безумец. Ты создана Тем, Что Ждет...

Он по-прежнему сжимал в руке меч, а осторожность требовала: «Убей!» Но, словно околдованный, не мог, да и не хотел взмахнуть клинком... Она тихо повернулась и скрылась за деревьями, а Айяр все стоял и смотрел ей вслед, смутно сознавая, что, возможно, только что обрек себя на провал и смерть...

Было тихо, но эта тишина содержала обычные ночные шумы: шуршание ящериц в траве, взлет сонной птицы, треск ветки, сломленной зверем... Опять ошибка. Совсем маленькая, почти незаметная для неискушенного слуха ошибка, вроде лилий без запаха... Но для Айяра не было приметы ясней, знака, верней разоблачающего подделку: в настоящем лесу их ссора и паническое бегство Валлиль вызвали бы на некоторое время полное безмолвие, мертвую тишину. Айяра так и подмывало испытать энергию меча на первом попавшемся дереве, хотя бы на том, к которому он только что прислонялся. Хотелось как-то разрядиться, сбросить накопившееся напряжение. Но глупо понапрасну тратить Силу.

Преодолев минутный настрой, Айяр двинулся дальше с осторожностью истинного охотника, внимательно следя за тем, куда ступает, прислушиваясь к окружающим звукам. Но если в этом лесу и были еще обитатели, то пока Айяр не обнаружил их. Не появлялась больше и Валлиль, но впечатление, что он дичь, за которой следит зоркое око преследователя, постоянно усиливалось. Айяр неожиданно поворачивался, резко останав-

ливался, прислушиваясь и оглядываясь, но никого не мог обнаружить. В конце концов, измученный ощущением подступающей со всех сторон опасности, он остановился и, тяжело дыша, привалился к дереву.

Машинально ведя взглядом, Айяр обратил внимание на лиану, вьющуюся по ветке прямо у него над головой. Зеленое змеистое растение обвивало также и ствол, цепляясь усиками за соседние ветви... Такие лианы встречались кое-где и в Великом Лесу. Они росли быстро, давали множество побегов и если бы так же быстро не отмирали, то могли бы повалить дерево своим весом. И это растение было не из самых больших.

На листьях и вдоль стебля собрались капли влаги — то ли роса, то ли сок, подобный тому, что выделяет по ночам солевое деревце. Айяр поднял голову и принюхался к слабому и странному запаху. Ему показалось или действительно капли стали крупнее, замерцали призрачным фосфорическим светом? Нет, они действительно росли и светились даже там, где их не достигало спокойное лунное сияние. Несколько капелек помельче слились воедино и скользнули с листа на землю. В месте падения с почвы поднялся крошечный завиток пара и раздалось легкое шипение, такое тихое, что, будь Айяр менее внимательным, он ничего бы и не заметил. Капли падали все чаще. Звук их падения напомнил шелест моросящего дождя...

Боль! Айяр едва сдержал крик: левую кисть лизнул язычок огня. На коже осталась маслянистая капля. Он резко махнул рукой, пытаясь стряхнуть ее, но капля даже не сместилась. Болезненный жар впился в плоть. Он потянулся было вытереть руку об одежду, но вовремя сообразил, что жгучая гадость может впитаться в ткань. Встав на колено, Айяр поспешно вытер кисть о землю, но тут же другая капля упала на плечо, и он, застонав от боли, выпрямился. Дождь! Огненный дождь! К тому же лиана оказалась не одна: вот еще... и еще, и еще! Они пышными гирляндами висели над Айяром, беспрерывно осыпая его ядовитой изморосью... Айяр бросился бежать, но проклятым лианам, казалось, не было конца. Едва не задохнувшись, он выскочил на поляну и остановился под открытым небом, еще не веря, что избавился от огненного ужаса.

Схватив горсть листьев вместе с землей, Айяр тщательно вытер все пораженные жидким огнем места. Стертые капли оставляли после себя красные сочащиеся ранки...

— Вот второй ход Того, Что Ждет, — мрачно констатировал он. — Сколько их будет еще?

Айяр не понимал причин, вызывающих очередной ход противника, и потому не мог их предсказать. Он точно знал одно: эта игра — его смертельное единоборство с Тем, Что Ждет. Человечество сыграло уже немало партий на дорогах космоса, используя опыт и навыки, держа в памяти знание выигрышных ходов. Оно даже нередко выходило победителем... Сейчас ставкой в предложенной Айяру игре была его и, скорее всего, не только его жизнь. Но ни суть игры, ни ее правила, если, конечно, они существовали, не были ему известны. Возможно, Айяр и имел в своем распоряжении какие-то фигуры, возможно, у него были даже преимущества, но он не знал, как и когда ими пользоваться. Каким должен быть следующий ход?

Айяр присел на корточки, одной рукой коснувшись земли, а другую держа на рукояти меча. Он знал, что охота продолжается, но вокруг был только вполне обычный шум ночного леса, и ничего, что могло бы...

Его спасло только то, что, резко повернувшись, он потерял равновесие и упал лицом вниз. Клейкая нить копьем пролетела сквозь то место, где только что была его голова, и, противно свистнув, упала на землю. Келрок! Послышалось раздраженное фырканье и бормотание голодного келрока, и поперек меча ударила еще одна клейкая нить. Лезвие вспыхнуло, отражая нападение...

Айяр, обманутый отсутствием неприятного запаха, всегда предшествовавшего удару келрока, едва избежал новой атаки — он забыл о силе, которую мог высвобождать меч в критические минуты. На этот раз меч сам рассек паутину. Однако ифт знал, что келрок не откажется от добычи и надо ждать нового нападения — откуда? Ни запах, ни движение не указывали на противника. Руководствоваться памятью о настоящем Лесе было бессмысленно...

Попытаться укрыться за деревьями? Но любое из них могло оказаться тем самым местом, откуда чудовище выбрасывает

свою паутину. Мгновенно взвесив уже известные опасности и предчувствуя скорое появление новой, Айяр зажал в зубах меч и скачками бросился к ближайшему дереву, на котором вроде бы не было ядовитой лианы, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку и проворно поднял послушное тело вверх.

Им руководило не сознание, а инстинкт охотника и воина. Определить дерево без лиан. Найти на нем подходящую ветку. Точно прыгнуть и снова искать безопасное дерево. Один прыжок, второй, третий, четвертый. Он потерял направление, весь поглощенный слежкой за подстерегающими опасностями. Странно, что его перемещение не распугало ни птиц, ни других мелких обитателей крон — Айяр слышал звуки, но не видел никого из тех, кто мог их производить. Сколько еще иллюзорного, поддельного в этом кошмарном лесу?

Ожоги болели — особенно тот, что на плече, — затрудняя прыжки. Айяр по-прежнему не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости, но надолго ли хватит дарованной ему силы? Местность пошла под уклон, перебираться с дерева на дерево становилось все труднее. Может, спуститься на землю? Сидя на ветке, Айяр прислушался и принюхался. Внизу отдельными островками рос высокий кустарник, по виду напоминающий папоротник. Он был слишком новый и свежий — как лиана — и наводил на сходные подозрения. Пышные листья, шарообразные темно-зеленые с черными прожилками соцветия... Отломив длинную ветку, Айяр лег на прочный сук и дотянулся до самого высокого шара. Тихий хлопок — и кудрявая головка цветка исчезла в облачке черной пыли...

«Нет уж, — решил Айяр, — лучше держаться деревьев, пока это возможно. Или пока внизу не появится что-нибудь более знакомое. Если взобраться повыше, можно, пожалуй, разглядеть, что лежит впереди, тем более что местность понижается...

Поискав взглядом, он выбрал подходящее дерево: на него нетрудно взобраться, а наверху торчали обломанные сучья без мелких веточек — значит, видно будет хорошо.

Склон становился все круче, но деревья росли по-прежнему густо. Вид залитых лунным светом древесных крон вызвал в памяти схожую картину — ту, что он наблюдал еще с тропы, до того как спустился в этот негостеприимный лес. Лунный свет

на листве... Сколько же он будет блуждать здесь, потеряв всякое представление о времени? Сутки? Двое? Трое? Луна — или то, что было луной в этом странном и опасном месте, — висела над головой измученного Айяра все в том же положении. Как будто в этом мире нет ни дня, сменяющего ночь, ни солнечного восхода.

Что-то разрушало однообразие контуров округлых крон в лунном свете, сковывало и притягивало взгляд, пока, сосредоточившись, он не узнал Ифтсайгу.

Ифтсайга! Нет, конечно же, это не она возвышалась над лесным массивом... Но не было сомнений в том, что одно из деревьев-башен каким-то чудесным образом оказалось в самом центре угрюмых владений Того, Что Ждет. Башня Ифткана! То единственное, чего искал бы любой ифт, надеясь на спасение и жизнь...

Айяр снова двинулся вперед, подыскивая ветки покрепче, чтобы смогли выдержать его вес. Постепенно лес редел, сменяясь высоким кустарником, и Айяр снова оказался на земле.

Это были настоящие дебри: густые заросли кустарника с колючими цепкими ветками казались непроходимыми. Что делать? Использовать без крайней нужды силу меча не хотелось: кто знает, что ждет его впереди? Приходилось надеяться только на себя и на удачу. Собравшись с духом, Айяр начал продираться сквозь колючки. Растительность была слишком высокой, и он почти не видел заветной цели. Призрачный лунный свет скрадывал знакомые очертания величественного прямого ствола, но Айяр чувствовал: это не фантом, не иллюзия — и упрямо стремился к цели. Его внутренний голос, прежде предостерегавший об опасности, теперь молчал.

С приближением к дереву склон становился все круче. Теперь Айяр видел его полностью — высокое, серебристое, живое, как Ифтсайга, как все деревья в Ифткане в пору его расцвета... Великое Дерево наполнило душу Айяра обещанием и надеждой, и весь мир казался ему растворившимся в этом чувстве... Колкие ветки резко хлестали по его лицу, но стремление вперед было сильнее боли. Почти не замечая ударов, ссадин и глубоких царапин, он с ожесточением рванулся к дереву-башне. Встреться

ему на пути келрок, прегради проход ядовитая лиана — он едва удостоил бы их вниманием и поспешил бы дальше...

Айяр смотрел только на дерево и, не заметив бездонного провала, внезапно оказавшегося на его пути, рухнул во тьму.

Глава 12

СЕРДЦЕ ТОГО, ЧТО ЖДЕТ

Он находился неизвестно где, в месте, лишенном каких-либо примет. Перед ним стояла небольшая доска, кое-где отмеченная кружками. На некоторых кружках располагались миниатюрные фигурки наподобие шахматных. В фигурках было что-то знакомое. Айяр вгляделся. Так и есть! Вот крошечный ларш с чуть приподнятым волосатым лицом. Его маленькие живые глазки, казалось, пристально следили за Айяром... Вот поселенец... Инопланетник в униформе космопорта... Игрушечного размера машина, похожая на настоящую. Целая армия смотрела на него с противоположной стороны доски, выстроившись в полной боеготовности: вот-вот начнется атака... На стороне Айяра фигур было немного: горсточка ифтов, совсем небольшой отряд, и деревья, подобие деревьев-башен, только в тысячу раз меньше.

Почему-то Айяр знал, что от этой игры ему не уйти. И надо было во что бы то ни стало выйти из нее победителем, несмотря на то что правил этой игры он не знает. Единственный шанс на успех — это попытаться понять тайное значение происходящего на доске до того момента, когда провал станет неизбежным...

Крошечная фигурка ларша выступила вперед. Освободившуюся позицию тут же занял яйцеобразный скафандр. Брешь в рядах наступающих закрылась мгновенно, и Айяр почувствовал, что его противник доволен своим ходом. Это вызвало у него желание действовать.

Айяр выставил против ларша маленького зеленого воина. В отличие от самостоятельно и слаженно маневрирующей армии неприятеля воинство Айяра представляло собой лишь набор маленьких неподвижных кукол, вроде игрушечных солдатиков, и каждый ход приходилось продумывать и делать са-

мому. Айяр почти физически ощущал огромный груз ответственности.

Когда зеленый воин стал на кружок, по игральной доске проскочила искра, и между стоящими лицом к лицу ларшем и ифтом возник слабо мерцающий зеркальный барьер. В зеркале появилось отражение мини-ифта и на мгновение задержалось там, слегка меняя свои очертания. Потом зеленая фигурка просто исчезла с доски, словно скользнула вниз, перед этим на мгновение став странно плоской. В тот же миг в рядах армии противника появился плоский зеленый ифт...

И снова Айяр почувствовал: противник удовлетворен исходом поединка. Хотя он по-прежнему не знал, чья злая воля противостоит ему. Что ж, попробуем разобраться. Очевидно, ифт был побежден ларшем. Но каким образом? Использование зеркала, изменение отражения, превращение зеленого воина в плоскую фишку врага... Что все это значило? Было ли то эхо давно минувших дней? Заключало ли в себе тайный прием борьбы? Могло ли напомнить о чем-то? Память всколыхнулась.

Зеркала... Гигантские норы... Лунный лес... Как он попал сюда? И где находится?.. Он бежал по роще, залитой луной и увитой ядовитыми лианами; он спасался от смертоносных нитей келрока; он отчаянно продирался сквозь густой и колючий кустарник к дереву-башне — увенчанному листвой прекрасному маяку... Мысль остановилась. Провал в памяти... Провал...

Он смотрел на доску и фигуры на ней, но мысли бродили далеко, стараясь найти объяснение случившемуся. Движение на доске! Нужно быть внимательным и осторожным — отложить поиски ответов и следить за доской. Снова шевельнулось сомнение: кто ты такой, чтобы играть в смертоносную игру, не зная правил? Он был всего лишь Айяром, одним из многих, поднявшихся на защиту Ифткана. Не мудрым прорицателем, не Мастером Зеркала. Кто дал ему право осуществлять волю...

«Тант, шепнул голос внутри. — Сила Танта, переданная в твое тело и в мое...

«Иллиль, — мысленно позвал он. — Что мне делать?»

«Сам поймешь... Но будь начеку, Айяр. Надо видеть и тайное, и явное... не позволяй себя обманывать...»

Голос затих.

Явное действие: доска, фигуры на ней. Тайное: не дать себя обмануть... Он растерялся, и это на руку Врагу. Доска? Ее нет, как нет и жалкого строя зеленых фишек, противостоящих превосходящей армии противника. Занеся руку над игральной доской, Айяр сконцентрировал волю и желание... Зеленая искра пробежала по рядам фишек — и доска вместе со всеми фигурами исчезла.

Туман рассеивался. Он обнаружил, что лежит на боку лицом к стене, усеянной кристаллами, сияющими болезненно-искрящим светом. Поспешно прикрыв рукой глаза, Айяр вскрикнул: все тело ныло, как больной зуб, и малейшее движение пронзало его резкой болью. Но он заставил себя сесть и оглядеться.

Внизу, под ним, был мелкий красноватый гравий. Рука нащупала сбоку металлический предмет — Айяр облегченно вздохнул, обнаружив, что меч с ним, и сжал рукоять. Рядом отвесно поднималась стена огромного оврага, в который он, очевидно, свалился, когда спешил к дереву.

Эта мысль полностью вернула Айяра к действительности. Только бы скорее добраться до дерева, и силы вернутся к нему. Тогда будут не страшны любые посланцы Того, Что Ждет!..

Но для чего Оно явило Айяру эту доску с символическими фигурками, чего добивалось этим? Надменное пророчество, что все, выступившее против его воли, будет поглощено силами Того, Что Ждет, так же легко, как зеркальный барьер поглотил в своей плоской глубине беспомощную фигурку ифта? Зеркало! В зеркале — суть тайной силы!.. Но именно эту тайну Айяр не мог разгадать.

Пора!

Добравшись до стены, Айяр осмотрел ее. Нет, наверх не взобраться. Часть пути еще можно преодолеть, цепляясь за выступы стены и торчащие из нее кристаллы, но последние несколько футов у самого края обрыва абсолютно гладкие. Выход один — искать другое место для подъема. Он захромал по дну оврага, с трудом сдерживая стоны.

Стена не только не понижалась, но становилась еще выше. Обернувшись назад, он увидел, что края постепенно сближались и вдали расселина замыкалась неглубокой темной пещерой. Оставалось только идти по дну в тайной надежде на везе-

ние. Вскоре дно пошло под уклон, забирая при этом вправо. Впрочем, это, пожалуй, к лучшему — так он становился ближе к дереву. Подняв глаза, Айяр увидел высоко над головой могучие ветки, накрывающие его тенью. Чем более дорога забирала вправо, тем плотнее становился узор ветвей, тем гуще была тень.

Айяр время от времени останавливался и глядел наверх, чтобы полнее ощутить себя под защитной сенью Великой Цитадели... Но постепенно пришло сознание того, что дерево было не тем, к чему стремилось его сердце: в нем не было жизни. Это не Башня Ифткана! С его приближением не шевельнулся ни один лист, а он так жаждал неповторимого ощущения жизни, силы и радости, которое испытывает всякий ифт, подходя к зеленеющему Великому Дереву и видя, как шелестящие листья приветствуют его!..

Небытие. Деревья-башни тоже знали смерть, но в тишине, опустившейся на Айяра сейчас, в тишине застывшего мертвого гиганта не было смерти — смерти того, что прежде было живым. Лишь холодное небытие неживого.

В тот момент, когда Айяру открылась его ошибка, он обнаружил, что стены вокруг — это вовсе не стены, а гигантские опорные корни дерева. И он идет, следуя их изгибам. На первый взгляд они ничем не отличались от корней Великих Деревьев в Ифткане. В каком-то смысле он сейчас действительно шел к Ифтсайге, только не к живой, а поддельной, как Валлиль, что явилась ему в лунном лесу. Та, фальшивая, Валлиль была просто зеркальным отражением настоящей... Зеркальное отражение, безжизненное, как поверхность зеркала... Приманка для любого ифта, встречающего ее.

Рукоять меча в руке Айяра нагрелась, вспыхнула зеленая искра. Да, ему надо пройти по своему пути до конца.

Когда Айяр приблизился к стволу дерева-гиганта, стены корней закрывали большую часть неба. Это ли — его цель? Нахлынуло чувство одиночества, оторванности от дома, от своего рода.

Входя под темные своды, он мысленно воззвал к Иллиль, к ее помощи. На ответ он не надеялся, но молчание верной спутницы показалось дурным знаком. Он похолодел, как человек,

входящий во тьму и знающий, что никогда не вернется на свет... Да сейчас он и не мог вернуться: его вело нечто могучее, иная воля, как тогда, когда скафандр тащил его в норы... Но тогда принуждение исходило от Того, Что Ждет. Сейчас же Айяра вела живущая в нем Сила Танта.

Перебравшись через невысокую стену, Айяр обнаружил, что попал в замкнутое пространство, освещаемое снизу слабыми красноватыми бликами; он словно шел по углям гаснущего костра. И, сделав несколько шагов, столкнулся с ифтом — воином с усталым лицом, покрытым плохо залеченными рубцами... Судя по горьким складкам у рта, он сражался долго и безуспешно, и древко знамени в его руках — повисшего, рваного, покрытого пятнами и потеками — было сломано.

— Хафсор, — слабо прошептал Айяр.

Воин не ответил. Было время, когда они плечом к плечу шли в битву и доблестно сражались с врагом. Теперь же Хафсор молчал и стоял неподвижный, как статуя, а за его плечами выстроились немые ряды воинов, когда-то ведших ифтов за собою и к славе и к поражению... Некоторые лица были знакомы Айяру — это были его давние соратники. В те дни с его меча не раз стекала кровь убитого ларша. Но большинство из стоящих здесь воинов он знал только по рассказам, они были намного старше его, жили значительно раньше, и имена их уже стали историей...

Тут стояли и Ванок, и Силмак, и другие воины Последних дней... Но немало и из времени Зеленого Листа, когда То, Что Ждет, связывала ограничительная Клятва, — они знали славу и расцвет, а не упадок своей расы...

В сердце Айяра зародилось сомнение. Если зрелище, представшее сейчас его глазам, означало неизбежный и вечный триумф Того, Что Ждет, значит, полной правды не говорил никто или она никому не известна... И это маленькое открытие было важным для Айяра, хотя он пока и не мог понять почему.

Трудно было сказать, стоит ли перед ним просто длинный ряд статуй или оставшиеся в живых, но побежденные ифты построены траурной шеренгой во славу победителя. Айяр не решался исследовать более тщательно. Он медленно шел вдоль строя и вдруг увидел позади стоящих стеной воинов-ифтов еще один ряд фигур. Эти воины были вооружены не только меча-

ми и копьями, но и каким-то другим оружием. Но ближе всех к Айяру, вне всякого сомнения, стояли... ларши! Изумленно разглядывая их, Айяр брел, на мгновение останавливаясь у каждой следующей фигуры, и машинально отмечал про себя все изменения в строении тела, одежде, деталях экипировки. Да, они, несомненно, менялись. Люди-звери становились иными: прямее, стройнее, выше; шерсть на теле редела и наконец исчезла совсем...

Айяр стоял между двумя фигурами, замыкающими идущие параллельно ряды. На ифте была одежда, какой Айяр никогда прежде не видел, но тем не менее это был ифт от головы до пят, тогда как другого, из правого ряда, ларшем уже совсем нельзя было назвать — это был высокий, со светлым лицом... космолетчик. Рука его сжимала оружие, напомнившее Айяру инопланетный бластер.

И тот странный порядок, в котором располагались фигуры, был, конечно, не случаен. Строй ифтов, возглавляемый Хафсором, как бы отражал прямое течение времени из глубины веков к современности. У ларшей же последовательность была обратной, она демонстрировала медленную, но поразительную по результату эволюцию от явного примитива к высокой цивилизации; настолько высокой, что она могла осваивать космическое пространство!

Пораженный открытием, Айяр замер, подобно этим статуям. Сколько же времени прошло с тех пор, как ифты исчезли с Януса? Сколько столетий или тысячелетий должно было пройти в истории ларшей, чтобы их народ успел возвыситься, а затем, в свою очередь, тоже исчезнуть из этого мира?..

Мысль о необозримо широком витке времени испугала Айяра, потому что в своем перерождении, ставшем последним ответом ифтов на уничтожение их рода, он нес частицу памяти человека, чья собственная раса превзошла ифтов, ларшей и неведомых космолетчиков из этой шеренги.

Думать над этим было невыносимо, и мысли Айяра потекли по иному руслу. Он сосредоточился на конкретном образе ларша-космолетчика. Итак, под властью Того, Что Ждет, их цивилизация в конце концов устремилась к звездам... Но что же случилось потом? Что могло бесследно стереть все следы дол-

гих веков их существования на Янусе? Стереть все, до мелочей. Катастрофа?.. И при этом все же деревья Ифткана продолжали жить, сохраняя в себе залог будущего возрождения — семена ифтов...

Значит, могущество Того, Что Ждет, огромно, но все же преодолимо. Айяр вспомнил слова из старой боевой песни: «Между деревьями бродят ларши, Но Лес — это ифтов Дом...» Лес — это Дом, но сейчас в него пришли другие хозяева. Переродившихся так мало. Не нация, не великий род — крохотная горсточка ифтов будет призвана на Первый Круг... А То, Что Ждет, неутомимо и неизменно готово вести смертельную игру... И, несмотря на всю ловкость, знания и волю к жизни, шансы ифтов невелики.

Желания изучить еще раз двойной строй ифтов и ларшей не было, этот строй подтверждал лишь очевидное: ларши исчезли, и это обнаруживало промах Того, Что Ждет. Главное, чтобы Оно не смогло возродить к жизни эту шеренгу вражеских фигур...

Вот и выход, в конце строя немых стражей...

Через узкий коридор Айяр попал в закрытое помещение: здесь, тускло поблескивая под слоем пыли, в красноватом свете громоздились ряды машин и непонятных конструкций. Созданные некогда разумом, они были мертвы, как и их творцы.

Внезапно меч в руке Айяра резко повернулся, потяжелел и коснулся острием пола. Раздался треск, яркая вспышка на секунду ослепила Айяра, и пол ушел из-под ног.

Вопреки ожиданиям, равновесие удалось восстановить довольно быстро, и Айяр понял, что произошло. Он стоял на платформе, похожей на ту, в долине холмов. Медленно, со скрипом, она двигалась вниз, и Айяр балансировал на шаткой плите. Откуда-то сбоку сочился мутный багровый свет, но различить что-либо вокруг было невозможно.

Толчок. Сверху посыпалась тонкой струйкой земля — платформа остановилась. Айяр шагнул на гладкий пол подземелья. Видимо, он вернулся в норы. Платформа не поднялась закрыть брешь в потолке — значит, путь к отступлению пока открыт...

Куда двинуться? Направо? Налево?.. Меч в руке засверкал, и от рукояти по телу волной пошло тепло. Искры, обильно сыпавшиеся с лезвия, были не зеленоватые и серебряные, как пре-

жде, а теплые, желтые. Айяр почувствовал прилив мужества и сил: энергия меча поддерживала его.

Он шел по извилистому проходу, ведомый, без сомнений, той волей, которая послала его во владения Того, Что Ждет, и которая хранила во всех опасностях... Он почти успокоился и приобрел некоторую уверенность. В стенах коридора не было дверей, только боковые ответвления. Он двигался вперед, а сила продолжала прибывать, входить в его тело откуда-то извне. Айяр чувствовал, что эта энергия — не только Сила Танта, но и какая-то здешняя, подземная, поддерживающая и заряжающая новой решимостью.

Вот наконец и дверь. Она оказалась наглухо запертой и не поддавалась усилиям Айяра, пока он не коснулся ее мечом. Последовала ослепительная вспышка, от которой Айяр едва успел прикрыть глаза, и клуб едкого, удушливого дыма ударил в лицо. Когда он осторожно открыл глаза, дверь оказалась окружена тонкой сверкающей полосой оплавленного металла и упала от первого же толчка.

Меч горел ярко и ровно, как факел, но обширное помещение поглощало свет. Айяр увидел тонкие металлические стержни, поддерживающие большие зеркала... Их было множество, покрытых густым слоем пыли и отделенных друг от друга более низкими стержнями. Наклонившись, Айяр стер ладонью пыль с ближайшего зеркала. Под ней оказалась хрупкая непрозрачная пленка, высохшая от времени и облетевшая большими кусками. Айяр поднес меч ближе — и вздрогнул.

Зеркало лежало на боку, и изображение искажалось, но ошибиться было невозможно: на него широко раскрытыми глазами смотрела женщина, белокожая и желтоволосая. Короткая пышная прядь спадала на лоб...

Не ифт, но и не ларш, подумал Айяр. Скорее эволюционировавший ларш...

Айяр потянулся к памяти Нейла. В порту Корвара можно было встретить представителей тысячи рас и миров, не только людей. Однако такое лицо он видел впервые. Женщина пристально смотрела на Айяра, и казалось, что она вот-вот заговорит.

Зеленая лихорадка, изменившая Нейла, породила в нем отвращение ко всему человеческому. Но сейчас, глядя в эти неми-

гающие глаза, Айяр чувствовал не просто отвращение — его охватила жгучая ненависть! Что случилось? Почему? Какой вред могло принести ему или его роду это недвижное зеркальное отражение? Разве что — мурашки побежали по спине Айяра, — разве что зеркальное существо может ожить и покинуть свою тюрьму... Не так ли случилось с ларшами, которых заточили в зеркала и хранили потом на складе?

Но если предположение верно, непонятно, зачем То, Что Ждет, ищет новые и новые зеркала для изготовления все новых слуг, рабов и воинов? Ведь здесь, в этом кошмарном хранилище, уже складированы в бессчетных рядах зеркал целые армии, целые расы!

Айяр побрел вдоль рядов, время от времени склоняясь и очищая зеркала. Один раз на его взгляд ответил взгляд пожилого мужчины неизвестной расы; в другой Айяр отпрянул, встретившись с бурой мохнатой мордой зверя. Этот ряд зеркал оканчивался красной трубкой; были ряды с трубками почти бесцветными, был ряд, помеченный голубым.

Нагнувшись, Айяр очистил поверхность еще одного зеркала. Оно было вдвое меньше тех, где хранились отражения людей, и отраженное в нем создание было знакомо Айяру. Белое безволосое существо с острой мордой и маленькими круглыми ушами, с острыми клыками в полуоткрытой пасти — это был вайт! Нет, не точная копия собак, известных Нейлу, но все-таки произошедший от общего с ними предка. Возможно, вайты тоже изменились за многие столетия, и этот, спящий, — более поздней эпохи... То, Что Ждет, все еще пользовалось услугами вайтов в Пустоши, но они выглядели так же, как во времена Ифткана, память Айяра не давала повода для сомнений. Что же значит это странное изменение?

Или этот вайт — еще не вайт?

Наверное, Айяр мог бы долго бродить по пыльным унылым рядам этого места смерти. Но было здесь нечто такое, что обдавало зловонием его сознание, подобно тому как запах фальшивого ифта оскорблял обоняние. Айяр ускорил шаг, минуя ряд за рядом, но казалось, что страшному складу не будет конца. Энергия меча все еще наполняла Айяра, и ему казалось, что

стоит пошевелить рукой — и с кончиков пальцев посыплются искры... Впервые с тех пор, как он покинул Зеркало Танта, так не похожее на эти мертвые зеркала, родилось ощущение, что ответ на все вопросы лежит перед ним и надо только суметь прочитать его.

И вот склад зеркал закончился. Меч-факел указал стену и дверь, которую Айяр прожег без колебаний. Коридор за дверью оказался несколько шире тех, что встречались до сих пор, пол был покрыт вековой пылью. Меч по-прежнему указывал вперед, и, следуя его воле, Айяр приблизился к новой двери, за которой оказалось круглое помещение с трапом, ведущим наверх. Но меч потянул вниз и заставил Айяра опуститься на колени — так же, как тогда, под деревом, но с еще большей силой.

Люк, скрывавший продолжение трапа, оказался запечатанным темной массой металла. Присмотревшись, Айяр понял, что крышка оплавлена намеренно, чтобы закрыть путь вниз. Он попробовал снова воспользоваться мечом, но на этот раз не смог снять даже верхний слой. Меч, как будто отказываясь от дальнейшего руководства, предоставил Айяру возможность свободно управлять собой и самому принимать решения. Однако Айяру теперь казалось, что именно внизу лежит то, что он так долго искал, мозг и сердце этого проклятого места. У него даже здесь не хватало сил проникнуть и выяснить суть Того, Что Ждет, тогда как сила самого Того, Что Ждет, легко могла достать противника и вдали от своего источника.

Неужели, проникнув так глубоко, в самый центр территории Врага, он потерпит поражение, как потерпели его Хафсор и множество других воинов Последних Дней? Айяр опустился на корточки, положил меч на колени и внимательно исследовал оплавленное отверстие. Он чувствовал, что Сила, сообщенная Зеркалом Танта и приведшая его сюда, тоже изучает преграду и оценивает ситуацию...

Никто из ифтов не смог бы в одиночку одолеть эту преграду, но здесь, в царстве Того, Что Ждет, существовали орудия, которые могли бы помочь, и инопланетники знали, как пользоваться ими. Но удастся ли освоить их ифтам? Условия, так резко отделившие ифтов от тех, кем они сами были когда-то, казались

непреодолимым препятствием; добраться до космопорта через хаос опасностей, исходящих от Того, Что Ждет, тоже невообразимо трудно. Но другого пути к победе, кроме как проникнуть вниз и разрушить сердце Зла на Янусе, не было... Механизмы и люди находились в долине холмов, но они были под неусыпным контролем Того, Что Ждет... Что же предпринять?

Времени у него не слишком много. Айяр поднялся. Главное теперь ясно: где угодно, любым способом ифты должны найти средство, союзников и уничтожить преграду, иначе ничто живое — ни ифты, ни поселенцы, ни инопланетники из порта — ничто и никто не имеет здесь иного будущего, кроме как быть слугами Того, Что Ждет... А встретить смерть в попытке одолеть небытие лучше, чем без борьбы принять свое поражение.

Айяр вложил меч в ножны и направился к трапу. Надо было выбираться наверх, чтобы вернуться в Пустошь, к Иллиль и другим ифтам. Решать придется сообща. Все ифты, прошедшие перерождение, были из разных районов Януса, и, возможно, их разрозненные воспоминания, собранные воедино, помогут составить верный план...

Сила, еще несколько мгновений назад жившая в нем и смотревшая его глазами, действовавшая вместе с ним, теперь ушла. Айяр не ощутил момента ее ухода, просто вдруг почувствовал себя пустым. Он полез по трапу, прошел еще два подземных уровня и продолжал подниматься до тех пор, пока солнце наконец не ослепило его, а в лицо пахнула свежесть открытого воздуха...

Айяр попробовал осмотреться, чтобы понять, куда он попал. Он оказался на гребне какого-то высокого холма. Распластавшись на ближайшем уступе, чтобы от непривычной высоты не закружилась голова, он осторожно заглянул вниз. Долгие блуждания в подземельях сбили его природное чувство направления, но тем не менее ему показалось — нет, он был почти уверен в том, что лежит на склоне одного из холмов, что видел тогда в долине!..

Айяр принялся искать ориентир, который мог бы подтвердить догадку. Да, вот — трактор из порта!.. Итак, он снова в красной долине. Остается только пересечь ее и выйти на дорогу. Только на этот раз его не защищает скафандр.

Глава 13

ОТСТУПЛЕНИЕ

Раньше здесь были люди: ходили, лежали на песке, обслуживали механизмы... Где же они теперь?.. Никого. Быть может, все это по другую сторону холмов?

Айяр достал сделанные из листьев очки и надел их: яркий свет солнца стал окончательно нестерпим. С теневой стороны холма спуск был достаточно крут, зато на нем не росло ни травинки. Легче и быстрее всего — просто съехать вниз, а в случае необходимости можно притормозить мечом в ножнах. Трактор далеко и ползет в другом направлении...

Он оттолкнулся и понесся вниз. Земля, веером разлетавшаяся в стороны, пахла застарелой гнилью, и Айяр с трудом подавлял тошноту. Он конвульсивно сглатывал и, выбирая траекторию поудобнее, пытался отвлечься от омерзительного ощущения грязи, облепившей тело. Уже дважды пришлось корректировать направление спуска мечом, чуть не по самую рукоять вонзая его в эту зловонную рыхлую гадость, покрывавшую склон, — ифт не мог называть ее землей... Наконец, наглотавшись пыли и мусора, он затормозил возле кучи песка и, пригнувшись, осторожно и внимательно принялся изучать окрестности — прислушиваться, принюхиваться, осматривать каждую выемку, каждый бугорок вокруг своего ненадежного укрытия: следовало опасаться стражи...

Прежде чем двинуться дальше, Айяр еще раз оглянулся на холм: надо было хорошо запомнить его, чтобы потом, если удастся сюда вернуться, быстро найти среди других. Там была дверь к Врагу. Вот только ключа от нее у ифта пока не было...

Два холма Айяр миновал, не встретив ни людей, ни машин, но на подходе к третьему вдруг получил резкий удар в левое бедро, потерял равновесие и едва не упал. С трудом удержавшись на ногах, он взглянул на ногу — чуть выше колена торчала оперенная стрела...

Ифт? Откуда?.. Айяр постарался идти с прежней скоростью: лучника он не видел, и тот в любом случае без труда мог пронзить его второй стрелой... Если бы подул хоть самый слабый

ветерок, резкий запах фальшивого ифта выдал бы местонахождение противника, и Айяр смог бы сразиться с ним. Но ветра не было, а из раны текла кровь... Долго ли он продержится? Рука инстинктивно сжала рукоять меча... Меч! В сознании всплыла картина: он, рядом Иллиль, фальшивый ифт ждет их в засаде... Меч в руке медленно развернулся, почувствовав волю Айяра. Второго выстрела не было. Похоже, враг уверен, что легко возьмет его, раненого, живьем...

— Выходи!.. Именем Того, кто вложил в меня Силу Танта, — выходи!

Айяр далеко не был уверен в том, что сможет подчинить нападающего своей воле, но слова возымели действие: по песку протянулась тень лука, за ней последовала тень воина. Голова тени качалась, подчиняясь ритму покачивающегося меча Айяра: вперед — назад — вперед...

— Ближе!.. Сюда! Ко мне! — Айяр старался, чтобы слова звучали властно, чтобы мысль стала шнуром, который притянет противника... — Выходи!!!

Он появился из-за холма — ифт по обличью, но только по обличью, как подсказывали интуиция и память Айяра. Дергающейся походкой, необычно высоко поднимая ноги, словно шагая по воде, он сомнамбулически приближался к Айяру. Зеленая голова механически повторяла движения меча, который сиял серебристым светом... И Айяр почувствовал, что могучая Сила вливается в него — Сила, рожденная Древним могуществом...

— Иди сюда, — тихо повторил он, — иди!

Ифт безвольно повиновался. Пустые глаза, бессмысленное лицо... Из какого пьяного зеркала он появился? Шаг... Еще... Внезапно ифт остановился. Зашатался, словно находясь под влиянием двух противоположных сил... Медленно, с трудом, руки его стали поднимать лук... Выжидать исхода борьбы Айяр не решился. Он применил боевой прием древних воинов: глубоко погрузив пальцы левой руки в гнилую землю холма и на мгновение перенеся вес тела на раненую ногу, он резко рванулся к фальшивому ифту, метнув вперед горсть черной пыли, чтобы ослепить врага. И хотя прыжок получился короче, чем рассчитывал Айяр, лезвие меча достало врага и рассекло зеле-

ное тело наискосок от плеча к ноге. Падая, Айяр надеялся, что нанесенная им рана достаточно глубока.

Ифт зашатался, выронил лук и закружился в жутком танце. Губы его кривились, издавая хрип, и наконец, нырнув вперед, он упал ничком на холм, судорожно цепляясь руками, сполз по склону и застыл на песке. Сверху на него сыпались комья грязи. Послышался режущий уши визг, но Айяр знал, что убил не живого ифта.

Теперь можно было заняться собой. При падении стрела сломалась, и острие еще глубже засело в ране. Морщась от боли, он встал. Выдернуть обломок стрелы из собственного тела не так просто, но он все-таки справился с этим и перевязал рану лоскутом, оторванным от своего плаща. Надо было продолжать путь. Айяр поднял лук фальшивого ифта, чтобы пользоваться им как костылем. Сколько еще неожиданностей таит долина?

Айяр с тревогой вглядывался в тени. Вдруг сзади раздался металлический лязг и шум мотора. Из-за холма прямо на Айяра ехал грузовик... Припадая на левую ногу, воин неуклюже заковылял за насыпь. Грузовик поравнялся с местом, где лежал фальшивый ифт. Айяр был уверен, что машина свернет, объезжая тело. Не хотелось верить, что она никем не управляется. Но грузовик, не замедляя хода, вдавил лежащего в песок и прогромыхал дальше. Айяр инстинктивно поднял меч... Хотя что может сделать меч против тонны безмозгло движущегося металла?! Если машина, не доезжая до холма, свернет налево, спастись не удастся.

К счастью, грузовик проследовал прямо, и ифт облегченно перевел дыхание. Шум мотора стих, и Айяр, опираясь на лук, побрел дальше. Он шел теперь пригибаясь к земле, боясь преследования или стрелы нового лучника. Боль от раны отходила на второй план, заслоняемая этой тревогой. Некоторое время ему не встречались ни механизмы, ни безвольные слуги врага.

Вот и дорога вдоль стены. Патрулируют ли ее скафандры? Нужно бы укрыться, но между последним холмом и дорогой лежит только голый песок. Айяр дохромал до стены и скорчился около нее, сознавая, что выбор места плох, но лучшего он не видел.

По тропе спускалась на дорогу группа: не патрульные скафандры, которых он ждал и боялся увидеть, а... колонна женщин! Айяр не поверил своим глазам. Некоторые женщины были еще в обязательных для поселенок масках. Узкие прорези для глаз, узкая щель для рта — маски делали женщин похожими на бездушных роботов. Несколько женщин потеряли или сбросили маски, но отсутствующее выражение на их лицах производило еще более жуткое впечатление... Женщины-поселенки прежде никогда не выходили за пределы участка с детьми. «Похоже, То, Что Ждет, решило очистить от поселенцев всю территорию Януса», — подумал Айяр.

Они двигались ровным, мертвым шагом, бесстрастно глядя перед собой. Детей вели за руки, совсем маленьких несли. И все молчали. Даже дети. Все были под властью злых чар. Это зрелище было куда страшнее, чем недавние сомнамбулические передвижения мужчин. Айяр едва удерживался от желания броситься к колонне и попытаться спасти хоть кого-нибудь.

Женщин было около двадцати. Они спустились в долину и так же размеренно зашагали по песку между холмами... Память Нейла требовала сделать что-нибудь, чтобы спасти их от страшной судьбы. Но Айяр обязан был найти путь к Тому, что управляло этим злом. Для этого он должен уйти отсюда и вернуться с помощью.

Айяр, не оглядываясь на удалявшихся женщин, поднялся во весь рост и решительно двинулся по дороге в противоположную сторону. Спускаться сюда было несложно, но, начав подъем, Айяр почувствовал, как мешает ему рана в ноге. Он не знал, сколько силы ушло на борьбу с фальшивым ифтом, но понимал, что с каждой минутой становится слабее.

Выше, выше... Он не удержался от вскрика, когда блеск осколков Белого Леса резанул глаза. Даже надев очки, он еще некоторое время боялся поднять взгляд. Солнце обжигало тело, но Айяр заставлял себя тащиться по дороге, волоча больную ногу и опасаясь слишком сильно опираться на лук, чтобы не сломать этот ненадежный костыль.

Дорога была усыпана осколками кристаллов, и идти было трудно...

Он замер, услышав хруст. Кто? Скафандр или машина? Оглядевшись, Айяр увидел поблизости глыбы белых кристаллов, достаточно большие, чтобы укрыться за ними. Он протянул руку — и тут же отдернул ее: поверхность кристалла была раскалена жарким солнцем. Но больше прятаться негде, и Айяр заставил себя вжаться всем телом в горячие камни. Хруст приближался.

Черный раструб, появившийся в поле зрения, казался смутно знакомым. Айяр затаил дыхание: машина на гусеничном ходу предназначалась не для покорения земли и Леса, а для уничтожения живых существ! Это был вибратор, входивший когда-то в состав защитных средств космопорта. С его помощью на людей или гуманоидов оказывалось воздействие, нарушавшее нормальный контроль над мышцами, после чего жертва на целые часы, а то и дни превращалась в аморфное желе. Айяр не знал, что на Янусе есть такие машины, — про них знал только Нейл... И вот вибратор полным ходом шел вперед, ведомый неслышной командой из долины, которая делала его еще более подвижным и опасным, чем предполагали конструкторы-люди.

Методичный сбор машин и людей продолжался, и это могло означать лишь одно: создавалась гигантская армия. Ясно, что ифтам, даже объединившись с братьями из-за моря, не устоять и против сотой ее части. Но Враг покушался явно не только на ифтов.

Айяр подождал, пока виброшокер минует его укрытие, и, обожженный, полуослепший, снова выбрался на дорогу. Он шел и раздумывал о причинах тотальной мобилизации. Когда она началась? Быть может, это он, Айяр, попав в норы, включил сигнал тревоги? Нет, сбор сил начался раньше. Похоже, То, Что Ждет, чувствует себя в опасности... С каких же пор?

Айяр нахмурился, пытаясь вспомнить точнее. Их разбудило предупреждение Ифтсайги. Люди из космопорта уже атаковали Лес, но тогда они еще не находились под полным контролем Того, Что Ждет. Во всяком случае те, кого видел Айяр в лагере, были вполне нормальны. И рейд мнимых ифтов не имел целью захватить поселенцев и превратить их в рабов. Нет, эта беспредельная власть над людьми не проявлялась до тех самых пор,

пока ифты не вызвали флиттер из порта, попытавшись наладить контакт с поселенцами и инопланетниками.

Скорее всего, именно так, решил Айяр. То, Что Ждет, узнало о нашей попытке и вмешалось. Значит, Оно опасается такой связи.

Ища спасение, ифты устремились к Танту, взывая к издревле оберегавшей их Силе. В ответ То, Что Ждет, взяло под контроль всех инопланетников, с которыми могли бы контактировать ифты.

Чем же обладают ифты, что так опасно для Того, Что Ждет?

В давние времена легендарный герой ифтов, Кимон, отправился в его цитадель и добился того, что Оно дало Клятву, вынуждавшую эту злую силу оставаться в установленных ей пределах. Впоследствии То, Что Ждет, преступило Клятву, и ифты не смогли устоять перед его разрушительной мощью. Так пал Ифткан. С тех пор Оно уже не страшится Клятвы и собирает армию новых ларшей, чтобы положить конец всякому сопротивлению.

Клятва... Если когда-то действительно существовал Кимон и он наложил Клятву на Врага, то впоследствии эта история так обросла легендами, что ифты более поздних времен могли не знать, как это было на самом деле... Он, Айяр, спускался в норы и нашел закрытый ход вниз. Он подозревает, что именно под этой печатью находится твердыня Того, Что Ждет. Вот и все, что он нес тем, кого сейчас искал.

Но в первую очередь надо найти Иллиль. Вместе они пересекут Пустошь и доберутся до моря, до остальных ифтов. Наверное, результат этого его похода можно определить так: «провал». Но честный рассказ обо всем, что он видел и пережил, необходимо донести до своих. Может быть, собравшись вместе, они объединят свои ифтийские знания с обрывками памяти о человеческом прошлом каждого из них, и это сможет помочь.

Айяр смертельно устал. Каждый новый шаг давался все с большим и большим трудом.

«Скорее всего, — думал он, — сила была дана мне лишь для одной цели... А я ее не достиг. И раз я не выполнил задачи, Сила уходит... Капает из меня, как кровь из-под повязки...

Ему казалось, что он идет уже целую вечность — во всяком случае, день уже должен был клониться к вечеру, но обжигаю-

ще-яркий свет все еще лился с неба, и глаза слезились и болели все сильнее, несмотря на то что Айяр старательно прикрывал их. Поэтому надеяться приходилось только на слух и обоняние.

Как он жаждал ночи, ее прохлады и целительного полумрака!.. Но время словно остановилось. По-прежнему нужно быть внимательным: нельзя пропустить поворот в долину, туда, где растут настоящие деревья.

Голод и жажда становились невыносимыми. Губы высохли и потрескались. Он мысленно окликнул Иллиль, но ответа не было. Вот наконец место, где он оставил отметку — раздвоенный обломок кристалла. Здесь надо сворачивать. Запах рощи тянул его, обещая укрытие и покой. На склоне Айяр, оступившись, упал и покатился вниз. Боль от растревоженной раны была так сильна, что потемнело в глазах... Он пришел в себя, радуясь тени, упавшей на лицо. Пролежать бы здесь до утра, под зеленым тентом, защищающим от жесткого света! Но надо вставать. Вставать, чтобы искать Иллиль и идти к морю.

Айяр со стоном приподнялся. Поврежденная нога одеревенела, распухла и совсем перестала слушаться, так что опереться было на нее невозможно. Вцепившись в дерево, он попытался подтянуться и встать.

Будь мне в жизни опорой, дерево,
Дай мне силу, спаси меня!

Руки Айяра судорожно сжимали гладкий ствол обыкновенного молоденького деревца, но он обращался к нему со словами мольбы и надежды, как если бы стоял перед жизнедающей Ифтсайгой и его ладони касались грубой, шершавой коры дерева-башни Ифткана.

Наверное, его воля и сознание железной необходимости собрали воедино остатки таинственной энергии, вложенной в него Тантом. Медленно, с частыми остановками, он от дерева к дереву двигался к той части стены, где в глубоком и странном сне ждала его Иллиль.

Айяр опустился на здоровое колено и стал вынимать камни, за которыми была укрыта спящая Иллиль. Его руки тряслись от слабости, он напрягал свою волю ради каждого движения. Хорошо, что вокруг был полумрак, создаваемый тенью от расти-

тельности, и легкие ифта, истосковавшиеся по живому воздуху Леса, благодарно вбирали его освежающие ароматы. Иллиль лежала в той самой позе, в какой он ее оставил. На исхудавшем лице, черты которого заострились, светилась необычная печаль.

— Иллиль!.. — тихо позвал он.

Но тяжелые веки не поднялись. Айяр даже не видел, дышит ли она...

— Иллиль! — Он настойчиво потряс ее за плечи, потом осторожно привлек к себе.

Тело девушки было мягким, безвольным и тяжелым. Ноги волочились по земле. Айяр сжал ее руки, отчаянно надеясь, что Сила, которую она передала ему, вновь вольется в нее и пробудит к жизни. Но ничего не произошло. Неужели он настолько пуст, неужели запас Силы в нем так иссяк, что поднять Иллиль на ноги не удастся?..

Ему стало страшно. Это был не тот страх, что постоянно сопровождал его в пути от Зеркала к Тому, Что Ждет, — страх воина, вызываемый ощущением опасности вокруг и необходимостью самозащиты. Сейчас он боялся за Иллиль так сильно, что все остальное меркло перед этим страхом.

Ее могли бы привести в себя Джервис или Зеркало Танта, будь они неподалеку. А после ранения Айяр не сможет нести Иллиль через Пустошь. Значит, как это ни ужасно, придется опять оставить ее здесь, самому же идти далее к Джервису, уже не только ради известия о Том, Что Ждет, но и ради спасения Иллиль.

Не торопясь, с мукой в сердце, со всей возможной заботливостью, Айяр уложил ее тело снова в ту же расщелину и прикрыл отверстие камнями. Потом постарался уничтожить все следы своего пребывания здесь. Завершив этот печальный труд, он долго сидел, отдыхая и размышляя над тем, где раздобыть пищу и воду, без которых пускаться в дальний путь к морю было бессмысленно. Наконец он заставил себя встать и почти наугад искать их под деревьями.

Споткнувшись, он покачнулся и, пытаясь сохранить равновесие, схватился за какой-то куст. И заметил на его ветках созревающие стручки. Фисан! Там, в Лесу, еще была зима, а здесь

стоял более мягкий сезон... Айяр нарвал горсть стручков, раскрыл их, съел семена. Они были еще терпкие, не сладкие, но все-таки поддержали его. Поев, он собрал остальные стручки и завязал их в уголок плаща, взятого из склепа Иллиль. Теперь вода...

Он прислушался и уловил чуть заметный запах: неподалеку протекал узкий ручеек. Преодолевая слабость, Айяр добрался до него, напился всласть и смыл с себя грязь холмов и долины. Взять с собой воды было не во что. Того, что он выпил, должно хватить на весь путь через Пустошь.

Айяр побрел к краю долины. Дальше — на юго-запад! Его будут вести звезды.

Проходя мимо места, где лежала Иллиль, Айяр не остановился: побоялся, что не хватит мужества уйти. Надежды на то, что удастся дойти до своих и прийти сюда с помощью, почти не было. Но Айяр заставил себя не думать об этом. Необходимо было хоть ползком пересечь Кристаллический Лес. Ночь была надежным покровом. И это придавало ему сил. Боль в ноге терзала Айяра. Время от времени он останавливался и жевал семена фисана.

Прошло несколько часов. Кристаллический лес был давно позади, и Айяр уже почти пересек Пустошь, когда в небе вдруг возник луч света, откуда-то с запада, похожий на сигнал маяка.

Глава 14

НОВЫЕ ТАЙНЫ

Прижавшись к скале, Айяр следил за лучом. Луч брал начало где-то в узкой полосе между Пустошью и очищенными Зеркалом землями. Сейчас он, как палец, указывал в небо и иногда по нему, словно по поверхности воды, пробегала рябь. И в эти мгновения Айяр чувствовал в груди нечто вроде ответной дрожи, и в сознании возникало побуждение идти к лучу. Впрочем, двойное сознание Нейла-Айяра успешно сопротивлялось опасному зову.

Луч неожиданно качнулся вниз, теперь он был направлен не в небо, а на участки поселенцев за рекой. Сначала он, как

бы уточняя направление, перемещался туда-сюда в малом диапазоне, но затем, очевидно найдя цель, замер, и световая рябь по нему побежала все быстрее и быстрее. Яркость все увеличивалась и в конце концов стала невыносимой для глаз. Айяр опустил веки. Он понял, что неведомый луч, освещая какие-то определенные участки земли, очевидно, призывает их обитателей под силу Того, Что Ждет.

Однако ифтами Враг управлять таким способом не мог, и в этом заключалось их небольшое преимущество. Хотя — кто знает, что еще в этой опустошенной местности служит Тому, Что Ждет, и может нести опасность жизни и свободе ифтов?

Один раз ему послышался далекий вопль вайта, и он остановился, со страхом ожидая ответа откуда-нибудь поблизости. Но то был единственный звук, не считая редких порывов ветра. По небу потянулись облака; стало холодно. Айяр споткнулся о камень и так сильно навалился на лук, что сломал его. Близился рассвет. Пора было отдохнуть: казалось невозможным заставлять себя тащить свое измученное тело дальше. Наконец ему попался участок безлиственного кустарника, и Айяр, со свойственным ифтам инстинктом доверять растениям, забился в самую середину кустов, устроил гнездо и расправил ветви так, чтобы скрыть лаз. Страшно хотелось спать. Он съел немного семян фисана, устроился поудобнее и уснул.

...Он снова находился в месте без примет, и снова перед ним стояла игральная доска. Ему казалось, что на его стороне доски ифты и фигурки деревьев как бы сплотились в единое целое, словно готовясь к последнему бою, тогда как на стороне невидимого противника перестраивала ряды целая армия марионеток — инопланетники, ларши, лжеифты, поселенцы... Некоторые его фигуры внезапно выдвигались вперед, словно совершали ложный выпад, пытаясь спровоцировать Айяра на опрометчивый шаг. Но он не двигался, изучая пестрый состав вражеских соединений, фиксируя в памяти каждую фигуру.

Дольше всех его внимание задержалось на двоих: мнимый ифт и ларш. На ум пришло воспоминание об огромном зале зеркал, об ифтах, заточенных в стеклянные изображения... Кто создал эти зеркала-тюрьмы? Были ли их пленники отражениями настоящих ифтов, попавших в неволю в незапамятные

времена? Или это просто роботы? Как много таких узников томится в норах и можно ли их освободить? А ларш?.. Чья сила превратила в статуи его, неуклюжего прежде человека-зверя, и человека в скафандре, стоявшего в строю рядом с Хафсором в подземелье мертвого стеклянного Дерева? Теперь Айяру казалось, что, пока он смотрел на фигурку ларша, контуры ее изменились и мгновениями образ человека просвечивал сквозь обличье зверя...

Это смущало и раздражало Айяра, нарушая естественную логику размышления. Какая-то неясная мысль мелькала и ускользала снова. Он знал, что сейчас лишь на толщину высохшего листа от постижения истины, но преодолеть эту малость ему пока что не дано. Он ждал от невидимого игрока первого решительного хода, который проявил бы угрозу его маленькой армии защитников. И вдруг понял: армия марионеток готова к бою, но ее глава — второй игрок у доски — отсутствует. Однако это обстоятельство вызывало у Айяра скорее тревогу, чем облегчение или радость: хотелось видеть противника сидящим у доски и готовым к большой и смелой игре — к такой схватке, которую сам Айяр начать не решался.

Порыв ветра принес мерзкий запах лжеифтов. Айяр мгновенно очнулся. Сна как не бывало. Не делая ни одного движения, чтоб не обнаружить себя, он напряг зрение и слух. Кругозор, правда, был ограничен плотной завесой растительности, но слышно было хорошо. Враг не пытался скрыть свое появление: подошвы громко стучали по камню, одежда цеплялась за кусты...

Стараясь не шуметь, Айяр осторожно вытащил меч: даже погрузившись в сон, он продолжал сжимать его рукоять. Тревожила мысль: не покинула ли меч энергия Танта? Разве сможет он одолеть роботов без этой надежной поддержки? В неверном свете зари показалась фигура... Айяр вгляделся и едва не окликнул: «Эмбер»!

Время повернуло вспять, поток воспоминаний захватил Айяра. Когда-то Эмбер был едва ли не самым близким его другом, братом по крови. Плечом к плечу стояли они в последней битве за Ифткан! Ах, Эмбер... Сначала Валлиль, потом Хафсор, теперь Эмбер!.. У Айяра болезненно сжалось сердце. Мнимый

Эмбер стоял всего в нескольких шагах от укрытия Айяра, но не повернулся лицом к кустам. И это спасло Айяра, дало ему время опомниться, понять, что перед ним всего лишь телесная оболочка, подобие друга. Фальшивый ифт слегка наклонил голову и, видимо, прислушался.

Айяр замер, закусив губу. Если робот повернется еще немного в сторону кустарника и если зрение у него такое же острое, как было у воина, тело которого он теперь носит, то Айяру не скрыться за стеной сухих веток, и враг без колебаний убьет свою добычу.

Вдалеке раздался свист — тонкий, пронзительный. Он был похож на сигнальный свист настоящего ифта-разведчика, но чем-то неуловимо отличался от него. Лже-Эмбер поднял голову и повторил условный знак — так, чтобы его услышали дальше в Пустоши.

«Интересно, — подумал Айяр, — это облава на меня или просто патруль, хватающий любого, кого луч привел на службу Тому, Что Ждет?»

Айяр, затаив дыхание, следил за роботом. Ему казалось, что, даже если Эмбер существует в этом мире только как фиктивная сущность, он не может не чувствовать, что его бывший друг, Айяр, лежит сейчас рядом, едва прикрытый ветками кустарника. И, оттягивая время, лже-Эмбер ждет, когда нервы у Айяра сдадут и он выдаст свое присутствие. Однако робот не повернул головы. Запахнув плащ, он быстро пошел дальше. Айяр все еще не верил в свое спасение, ждал и прислушивался. Он заставлял себя сохранять неподвижность еще какое-то время, хотя все существо его требовало: бежать! Скорее оставить это тоскливое место — место нелепой встречи живого и мертвого!

Так открылся Айяру еще один момент в замысле Того, Что Ждет: лжеифты — это зеркальные отражения, копии тех, кто некогда жил в Ифткане. Пустые бездушные оболочки, тени на службе зла, заменили собой живых, подлинных и населили Янус.

Теперь на планете было два типа ифтов — одни, прошедшие через перерождение, взяли на себя миссию добра и жизни; другие, телесно воссозданные Тем, Что Ждет, не имели души и служили злу и смерти. Айяр выполз из кустов, сломал крепкую

ветку и, опираясь на нее, пошел вперед. Наступал день, но дожидаться ночи было неразумно: мнимым ифтам и другим обитателям Пустоши темнота не мешала, и не было смысла понапрасну терять время.

Вдоль дороги было много укрытий: расщелины в земле, большие камни, густой кустарник, хотя последний иногда казался таким странным и злым, что Айяр старался обходить его стороной. В полдень путник вжался в тень скалы и доел последние стручки. Хотелось пить, но воды поблизости не было. Его начали мучить воспоминания о холодных озерах Леса, язык словно ощущал вкус свежей речной воды... Усилившийся ветер принес запах морской соли. Значит, цель близка. Хотя где и как он отыщет своих на бескрайнем берегу, пока было неясно.

Солнце жгло нестерпимо. Пришлось укрываться в тени. Но покоя не было: тяжелые мысли преследовали Айяра. «Эмбер... — думал он. — Сколько же тех, кого я прежде знал и любил, служат теперь Тому, Что Ждет? Тот зал был весь уставлен зеркалами, и в них отражались чужаки, каких я на Янусе не видел. Быть может, здесь в древности жили другие расы? Существовала иная цивилизация? И это мы, ифты, — пришельцы, инопланетники? Когда же возникло Оно? Каков его возраст? И что Оно такое, чтобы держать в рабстве все живое на планете в течение необозримых веков?» Так вопрошал себя Айяр, а вокруг него кружил ветер, несущий дыхание древнего моря, суля ему скорый отдых, вселял надежду...

Это не был сладкий воздух Леса, но ифты бывали у моря и считали его добрым. Что же ждало Айяра на берегу океанской лагуны, к которой он так стремился?

Каждый холодный сезон переродившиеся ифты уходили за море. С приходом весны горстка их снова приплывала к этому берегу, чтобы прятать в соответствующих местах тайники-сокровища, чтобы те увеличивали количество прошедших перерождение. Конечно, это был очень медленный путь воссоздания лесной расы, но другого они не знали. Удастся ли повторять это снова и снова на опустошенных теперь территориях поселенцев и в районах, где бывали люди из порта, ныне целиком находящиеся во власти Того, Что Ждет? Если бы можно было вернуть к жизни пленников зеркал и подвергнуть их перero-

ждению — как сильно вырос бы тогда народ ифтов! Но кому под силу отнять добычу у Того, Что Ждет?

Айяр с нетерпением дожидался, когда солнце начнет клониться. Наконец тени стали длиннее и гуще, и он двинулся дальше, навстречу ветру. Местность менялась, стали попадаться песчаные участки. Потом начались дюны. Айяр помнил бухту, из которой несколько месяцев назад отплывали ифты. Сам он в тот раз добрался туда слишком поздно и не смог присоединиться к собратьям. Но где он сейчас и в какую сторону следовало двигаться, чтобы найти заветное место? Восточнее? Или западнее? Этого Айяр не знал.

Чем ближе к морю, тем холоднее становился ветер. Плотнее запахнув плащ, Айяр шел между дюнами и плоским берегом, стараясь не быть на виду, избегая открытых мест. Солнце все еще было очень ярким, но небо приобрело какой-то странный, угрюмо-фиолетовый оттенок, и Айяру стало не по себе. Впервые после перерождения он предпочел бы сейчас солнечный свет мраку.

В блеклом небе и тусклом свинцовом море словно бы сгустилось чувство одиночества и тяжесть дурных предзнаменований... Здесь память Айяра не была ему помощницей: он был воин и охотник, но не моряк.

Он не рискнул выйти на самый берег — там было слишком пусто и открыто, он почувствовал бы себя совсем одиноким и беззащитным, не знал бы, куда спрятаться в случае опасности. Лучше уж держаться поближе к дюнам и издали высматривать знакомые утесы, обрамляющие бухту ифтов. Наконец рельеф слева показался похожим на тот, что он искал. За неимением лучшего знака, Айяр повернул на восток и медленно двинулся к береговой линии. Впереди поднимались утесы. Из-за одного донесся условный свист — и словно бы лишил идущего остатка сил. Достигнув наконец места встречи с товарищами, Айяр утратил остатки воли и решимости, которые так долго заставляли его идти вперед. Теперь он не мог сделать ни шагу. Голова закружилась, Айяр покачнулся, тяжело навалился на трость. Палка под его весом глубоко ушла в песок, и ифт упал.

Свист повторился. Теперь он прозвучал слева. Айяр лежал и бессильно ждал прихода друзей. Первым рядом с ним оказался

Локатат, за ним Джервис и еще кто-то, кого он не знал. «Наверное, — подумал Айяр, — те, что уходили за море, вернулись раньше срока. И в самый опасный момент». Айяр спешил сюда поделиться всем, что он узнал и понял. Но теперь, когда настало время говорить, пересохшее горло и потрескавшиеся губы не слушались его. Айяра отнесли за утес. Там, в бухте, на воде покачивалось огромное дерево — корабль ифтов. На маленькой лодке его перевезли к отверстию в стволе. Влезть сам он не мог, его втащили на ремнях и понесли по длинному коридору вниз, в каюту, которая напомнила ему дорогие сердцу комнаты Ифтсайги. Ее стены окружили Айяра уютом, подобно тому как теплый плащ спасает замерзшего путника от укусов холодного ветра. Последнее, что помнил Айяр, — это мягкая постель, куда его уложили, и склонившееся над ним озабоченное лицо Килмарка.

Иллиль... Это имя разбудило его. Он пошевелился, с усилием освобождаясь от сна. По телу разливалось приятное тепло, энергия наполняла его, словно он пил сок Ифтсайги...

— Что с Иллиль?

Вопрос повторился, и Айяр открыл глаза. Рядом стоял Джервис, испытующе глядя на него, и ждал ответа.

— Я оставил ее в укромном месте. Мне не удалось ее разбудить, — сказал Айяр. — Она... — И он чуть снова не потерял сознание.

Он сосредоточился и смог связно рассказать обо всех подробностях путешествия от Зеркала через Пустошь, в самый центр владений Того, Что Ждет, а затем к морю. Столпившись позади Джервиса, его жадно слушали все бывшие на корабле ифты. Но Айяр рассказывал словно бы только для Мастера Зеркала.

Когда он поведал о хранилище зеркал, о лесе-оборотне, о мертвом дереве-башне и о рядах фигур под корнями этого дерева, среди его слушателей возникло замешательство, и Айяра впервые прервали. Кто-то, невидимый за Джервисом, попросил:

— Расскажи еще раз об этой компании ларшей!

Айяр устал и разволновался, вновь переживая прошлое. Ему хотелось скорее закончить рассказ, но он подробно еще раз

описал шеренгу безмолвных слуг Того, Что Ждет, — ларши, эволюционирующие от зверей до космолетчиков.

— Ты уверен, что они стояли именно так? Ифт последних дней в паре с ларшем, а ифт ранних времен — рядом с человеком?

Айяр молча кивнул. Джервис, в свою очередь, обернувшись, спросил:

— Ты полагаешь, Омирон, это имеет особое значение?

— Вполне возможно. Продолжай, Айяр.

И Айяр снова заговорил. Когда он дошел до описания оплавленного люка, Омирон снова вмешался:

— Ты уверен, что То, Что Ждет, находится именно там, внизу?

Айяр не сомневался, как не сомневался он в том, что ему в одиночку просто недостало сил и средств, чтобы убрать металлическую преграду. Он закончил повествование тем, как в Пустоши увидел Эмбера... Слабость опять навалилась на него. Килмарк, кажется, понял это и предложил Айяру деревянную чашу с живительным соком Ифтсайги, по-весеннему сладким, освежающим сознание и смывающим усталость. Большинство слушателей вышли из каюты, но Джервис, Килмарк и Омирон остались. Последний, вздохнув, произнес:

— Итак, к сожалению, дело еще не завершено.

Слова прозвучали отчужденно, и Айяру показалось, что Омирон считает выбор Зеркалом для миссии его, Айяра, неудачным и осуждает его. Айяр ожесточился и холодно взглянул на Омирона. Но Джервис ободряюще улыбнулся, и на Айяра словно повеяло теплом.

— Все не впустую, — сказал Джервис. — Теперь нам ясно, что эту войну не выиграть с налета. Скажи, Омирон, есть ли среди вас кто-нибудь, кто помнит, как управляться с машинами, которые смогли бы открыть люк?

Айяр приподнялся в постели и осторожно передвинул раненую ногу: она все еще болела, хотя и не так мучительно, как прежде.

— Мне кажется, что пользоваться памятью инопланетников там, во владениях Того, Что Ждет, опасно. Можно мгновенно попасть под его власть.

— Тогда, быть может, создадим цепочку памяти, — предложил Джервис. — Пусть каждый ифт вспомнит свои человеческие знания, но сам ими не будет пользоваться, а расскажет другому ифту. Инопланетная информация, полученная из вторых рук, будет безопасна, и тот, кто ею воспользуется, останется неуязвим, как ифт. Так, Омирон?

Тот согласно кивнул:

— Видимо, да. В этой истории настолько много новой информации, что трудно выделить главное. Я чувствую, что для нас очень важно понять смысл строя ларшей. Но мне это никак не удается... Да еще все эти зеркала, отражающие людей и производящие из их отражений послушных роботов... Что-то тут есть... Скажем, те ифты, что попали в зеркала, — они только там и остались или существуют еще и в реальном мире? Нас ведет Сила, исходящая от Зеркала Танта. Эта сила — живая сила воды. Само Зеркало Танта — бесконечная водная гладь, и отражающийся в ее поверхности не умирает. А какова судьба отражений, собранных в хранилище зеркал? Плен? Или — смерть?

Джервис посмотрел куда-то сквозь стену и произнес:

Место зловещее кровью пропитано
Узников чар злых в Тулроне.
Жизни здесь нету, и время застыло...

Айяр видел, что Килмарк и Омирон поняли из слов Джервиса не больше, чем он сам. Джервис усмехнулся:

— Воспоминание. Это древняя легенда о злом и искусном мастере, который построил темницу, где держал пленников. Они не могли освободиться, потому что пол этой тюрьмы был смешан с кровью и костями тех, над кем злодей имел почти полную власть. Пленники могли стать свободными лишь в том случае, если кто-то, кто сможет преодолеть злые чары, добровольно придет в темницу и принесет себя в жертву, смешав свою кровь и кости с кровью и костями тайного заклятия... Сам не знаю, почему мне это сейчас пришло в голову. — Джервис вздохнул.

— Нет ли здесь связи? Между Тулроном и Тем, Что Ждет? — спросил Килмарк.

— Я не помню. Не знаю.

— Во многих легендах скрыта истина, — задумчиво произнес Омирон. — Быть может, эта легенда не случайно вспомнилась тебе именно сейчас. Если бы нам было больше известно о Клятве Кимона!.. — Он помолчал немного и добавил: — Но твоя идея с цепочкой памяти неплоха. Ты уверен, что найдешь тот холм, через который выбрался на поверхность? — обратился он к Айяру.

— Думаю, да. Постараюсь. Но что же будет с Иллиль? — Айяр повернулся к Джервису.

— Перенесем ее сюда и, надеюсь, разбудим. Разделимся на две группы: одна пойдет за Иллиль, другая — к холму.

— А стоит ли разделяться? — с сомнением спросил Омирон. — Унести тело Иллиль можно на обратном пути.

— Одна группа может не вернуться. Нужен запасной вариант. — Айяр спустил ноги с кровати.

Омирон направился к двери.

— Я опрошу команду и выясню, чье прошлое может нам помочь.

— Возможно, сможем обойтись без помощи инопланетников, — выразил надежду Джервис.

— А все нужные инструменты есть в порту, — добавил Килмарк.

— Они не будут лишними, — согласился Джервис. — Но как мы сможем ими воспользоваться? Как справимся с отвращением ко всему человеческому?

— Иллиль подсказала натереть скафандр изнутри листьями, и я смог его носить, — сказал Айяр.

— Хороший способ. Надо запомнить, — одобрил Килмарк. — У нас тоже есть кое-что. Стоит попробовать эти штуки в действии. Пойду-ка я посмотрю.

И он вышел. Мысли Джервиса опять были где-то далеко. Он смотрел мимо Айяра и мучительно пытался соединить разрозненные обрывки воспоминаний.

— Что же за проклятие над нами! Почему мы так зависим от того, чего не знаем! — Джервис в отчаянии обхватил голову. — Я уверен, что ты видел там ответ на все наши вопросы, но не могу раскрыть его!

Глава 15

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Собравшиеся на корабле пытались соединять свои воспоминания — человеческие и ифтийские. Пока ифты один за другим покидали Совет, Омирон сказал оставшимся:

— Не кажется ли вам странным, что наши воспоминания распределяются более или менее равномерно между Зеленым Листом и Серым, но ни у кого нет воспоминаний поры Голубого Листа — золотого века нашего рода? И Клятву, данную Кимону Тем, Что Ждет, все знают только как легенду? Если те, кто вызвал наше перерождение, могли выбирать в двух веках — мощном Зеленом и увядающем Сером, — почему никого не взяли из самого лучшего — Голубого? Может, он был так давно, что они не могли вызвать из прошлого живших в нем, чтобы поместить их ловушки-сокровища? Или было еще что-то, из-за чего это век оказался закрыт для них?

— Важное до сих пор? — спросил один из братьев.

— Не знаю. Знаю только, что воспоминания о времени Кимона могли бы служить нам руководством. Идти на эту борьбу вслепую — значит быть обреченным на поражение.

— Хотя нам не хватает знаний Кимона, — напомнил Джервис, — зато мы обладаем знаниями Джетто Нкойо. — Он кивнул на одного из ифтов.

Из всех опрошенных ифтов Джейкин, бывший ранее механиком по обслуживанию роботов и носивший имя Джетто Нкойо, обладал самыми ценными человеческими воспоминаниями. Но их необходимо было использовать через вторые руки, чтобы То, Что Ждет, не смогло захватить Джейкина, обратившегося к памяти Нкойо.

— Не слишком рассчитывайте на то, что могу дать я, — сказал Джейкин. — На самом деле нам нужен техник-механик и инструменты.

— Поскольку мы не можем сотворить его из воздуха, — сухо сказал Омирон, — мы возьмем все, что можно, у тебя. Пусть Джинджир старательно запомнит твои прежние знания, а заодно и наблюдения Айяра, которые тоже могут нам пригодиться.

— Я подумал о столбе в Пустоши и его луче, — вмешался Джервис. — А вдруг он может подзывать космические корабли? Ведь ожившие скафандры взяты с кораблей. Осенью мы нашли один космолет в Пустоши. Очень древний. Но ведь там могут быть и другие.

— Значит, ты предлагаешь взять штурмом маяк? А если штурм повредит нам самим?

— Айяр полагает, что с помощью маяка слуги Того, Что Ждет, могут загонять других поселенцев в Пустошь. Тогда это действительно опасная угроза, — ответил Джервис. — Мне кажется, мы должны послать туда третью группу.

Омирон скептически посмотрел в его сторону, словно удивляясь, как он собирается выполнить этот план, не имея ни машин, ни инструментов. Внутренне Айяр был с ним согласен. Если даже Джетто Нкойо и был мастером-роботехником, неизвестно, обладал ли он достаточными инженерными знаниями, чтобы пробить ход на лестницу. Однако он еще раз подробно рассказал обо всем, что успел тогда рассмотреть и запомнить. Наконец бывший роботехник посмотрел на ифта, от которого зависела техническая сторона дела.

— Пожалуй, это все-таки нереально. Если бы у нас был высокочастотный резак, им бы можно было разрезать преграду. Или, если нижний коридор параллелен верхнему, прорезать перекрытие и спуститься вниз. Но без разреза... — Он с сомнением покачал головой. — Ты говорил, что на скафандрах все еще нацеплены пояса с инструментами?

Айяр кивнул.

— И все-таки само препятствие должно быть очень прочным. Вряд ли его удастся пробить ручным инструментом... Энергия меча действовала на пластины... Пластины... — повторил он задумчиво.

— Что за «пластины»?! — спросил Джервис, едва Джейкин замолчал.

— То, что ты называешь норами, надо полагать, сделано космонавтами. У тебя не было ощущения, будто они тебе знакомы?

— Было!

— На сколько уровней ты поднялся по лестнице?

— На два.

— И каждый раз коридоры расходились совершенно одинаково?

Айяр закрыл глаза и представил лестницу. Действительно ли коридоры были одинаковыми?

— Мне кажется, на втором и первом уровнях одинаковое количество коридоров и идут они в таких же направлениях. Но про другие не помню. И число ступенек назвать не могу.

— В таком случае... Я бы предложил пробиваться из коридора.

— Сквозь металл и камень? Чем, голыми руками? — усмехнулся Джервис. — Когда-то я перекопал немало земли, но у меня была лопата, да и земля вроде бы помягче этой...

Джейкин не ответил. Он развернул на столе неумело нарисованные чертежи, на которых Айяр изобразил коридоры и закупоренную лестницу.

— Вот здесь можно попробовать. — Бывший механик указал на дверь коридора. — Если это действительно сделано космонавтами, то двери на всех уровнях должны выходить в вертикальную шахту и располагаться друг над другом. Кроме того, в стене должно быть отверстие для ремонта. На корабле этим занимается серворобот, крепкая броня позволяет ему работать как внутри корабля, так и в открытом космосе. Таким образом, в пространство в ремонтной нише должен вмещаться один человек. Если выжечь замок, как Айяр прожег дверь, можно получить доступ к центральному кабелю. Он проходит через колодец, по которому, вероятно, можно спуститься на запечатанный уровень.

— Много «если», — сказал Джервис. — Все зависит от того, действительно ли норы созданы космонавтами.

— В общем, нам нужен резак, — сказал Джейкин. — Другого выхода я не вижу.

— Но мой меч утратил силу, — заметил Айяр.

— Значит, надо взять в плен скафандр и снять с него бластер, — ответил Джейкин. — Его энергии хватит, чтобы врезаться внутрь. А ты, Джинджир, обрати внимание вот на что... — Он пустился в объяснения принципа действия служебных дверей и расположенных за ними механизмов.

Айяр сел на койку. Он не рассчитывал на особый успех планов, основанных на счастливом стечении обстоятельств, как не доверял сделанному наугад. Лучше признать поражение, спасти Иллиль, отступить за море и оставить уничтоженный Лес и всех инопланетников Тому, Что Ждет...

— Но мы не можем... — Айяр встретился взглядом с Джервисом и замолчал.

— Не можем или не хотим? Неужели ты способен смириться с мыслью о том, что посадка семян провалится, что наш род никогда не достигнет расцвета?

В душе Айяра что-то дрогнуло. Сок дерева укрепил его тело, но не ослабевший мозг. Теперь он понял, что Джервис прав, что в самом их перерождении заложена необходимость сохранить род, создавая ловушки-сокровища, которые и произведут новых ифтов. Они так же не способны уйти от этой изначальной заданности, как инопланетники не могли избежать зова Того, Что Ждет. Не исключено, что борьба положит конец посадкам, но зато этот конец наступит в битве с Тем, Что Ждет, а не в медленном, бесплодном угасании. Айяр встал. Он нашел достойную цель, и это вернуло ему ту уверенность в себе, с которой он уходил от Зеркала. Оживший в нем воин решил пройти свой путь до конца.

— Но что будет с Иллиль?

— Когда найдем ее, Килмарк и Локатат принесут ее сюда.

Они дождались ночи. Едва стемнело, две группы покинули бухту. Корабль, спеша вернуться за море, высадил третью, маленькую группу, и та укрылась на берегу. Один отряд должен был подняться по течению реки и попытаться захватить маяк. Интересно, хоть кто-нибудь из них верит, что это удастся? — думал Айяр, провожая их взглядом. Самая большая группа во главе с Айяром направились прямо в ту западню, из которой он недавно вырвался.

Боль в ноге, доставлявшая Айяру столько мучений, стихла, хотя рана еще стесняла движения. Каждый нес с собой фляжку с густой пряной смесью, которая, по мнению Килмарка, должна была побороть их отвращение к инопланетным инструментам. Они шли немного быстрее, чем прежде Айяр, все время прислушиваясь и принюхиваясь. Похоже, что так далеко на юг

слуги Того, Что Ждет, не забирались — во всяком случае, следов их не попадалось.

— То, Что Ждет, кажется, пока не беспокоится, — заметил Айяр, когда они остановились на отдых.

— Похоже, — согласился Джервис. — А может быть, Оно занято другими делами и к тому же уверено, что мы слабые противники и нас легко будет раздавить, когда будут решены более важные задачи.

— Но ведь То, Что Ждет, начало с того, что атаковало Лес. Может быть, как намекнул Джервис, цель действительно изменилась, и Оно отказалось от уничтожения оставшихся ифтов ради более важных дел?

— Возможно, борьба с умирающим Лесом сейчас не представляет для него интереса, — продолжал Джервис. — Предположим, То, Что Ждет, решило, что инопланетники и поселенцы являются лучшими слугами и исполнителями и, используя их, можно забыть о взятых в плен ифтах. Оно спало несколько столетий, ожидая появления более сильных...

— Но То, Что Ждет, — древний враг Ифткана и ифтов, — возразил Джинджир, словно обиженный предположением, что их, как песчинки, сдувают с того места, на котором возводится нечто новое.

— Да, для ифтов То, Что Ждет, — большой враг. Мы знаем, что Оно было вынуждено пребывать в бессилии много лет, пока не победило нас с помощью ларшей. Но может быть, у Того, Что Ждет, есть иная цель, и наша долгая борьба просто отсрочила ее достижение. А теперь Оно нашло материал для осуществления своих планов.

— Но ведь поселенцы и портовики живут здесь уже давно. Почему же Оно ждало до сих пор?

Джервис пожал плечами:

— Возможно, То, Что Ждет, просто не знало о них до тех пор, пока ифты снова не нарушили его покой. Вспомнив древнюю распрю, Оно двинулось на нас. То, Что Ждет, могло и не знать, что нас так мало. Нуждаясь в слугах, Оно нашло поселенцев. Я уверен, что фальшивые ифты — эксперимент; может, не совсем удачный. Помнишь женщину-робота, которую использовали как приманку при нападении на участок? Тому, Что Ждет,

нужны были новые данные и сырье для дальнейших экспериментов...

— И, увлеченное своими попытками, Оно забыло о нас? — спросил Килмарк. — Приятная мысль. Но можно ли на нее слишком полагаться?

— Смотрите! — Райзек указал на северо-восток. Там был виден свет луча, но теперь он был направлен не на участки, а в сторону порта.

— Все еще собирают, — тихо сказал Джервис. — Сначала с участков, теперь из порта, а может, и с корабля.

Следя за лучом, Айяр удивлялся собственной уверенности в том, что они смогут захватить этот луч и тем самым хоть немного разрушить планы Врага. Они двинулись дальше, время от времени поглядывая на застывший в небе луч. Других признаков бодрствования Того, Что Ждет, не было. Пустошь казалась безжизненной. В полдень перед ними блеснули руины Белого Леса. Айяр указал на них:

— Я думаю, что То, Что Ждет, увидев вблизи себя настоящего ифта, должно использовать долину как западню.

— Вполне возможно. Гляди в оба, Айяр, — сказал Джервис. — Я зайду с севера. Будьте осторожны.

Они остались впятером: Килмарк с узелком лекарств под плащом, Локатат, Райзек, а из заморской группы Джинджир и Мирик. Темнота скрывала их передвижение. Айяр решил войти в долину не с дороги, а с юга. Он шел осторожно, но при желании его можно было заметить. Он полагался на свой нюх, но пока запах слуг Того, Что Ждет, не чувствовался.

На этой стороне зеленой долины был почти полный мрак из-за густой листвы на ветвях. Ничто не свидетельствовало об опасности. Он нашел место, где можно было спуститься, и устремился вниз. И сразу же оказался почти по колено в зеленой поросли. Впереди рос кустарник, и он решил, что источник с озерцом неподалеку. Поглядев в ту сторону, с которой должен был зайти Джервис, он увидел поднятую руку и ответил на сигнал.

Айяр осторожно пробирался под куполом крон. Обогнув одно из деревьев, он резко остановился, увидев раздавленные и переломанные растения. Кто-то прошел здесь, круша все на

своем пути. Айяру не понадобилось долго вглядываться в глубокие следы, чтобы понять, кто здесь побывал.

Скафандр — судя по отпечаткам, гуманоидного типа — спустился здесь в долину, а затем вернулся обратно. След привел Айяра к сужающемуся краю долины. Еще не дойдя, он знал, что увидит. Камни, которые он так старательно укладывал, были разбросаны; впадина, в которой оставалась Иллиль, пуста. Айяр остановился, не веря собственным глазам. Какой кошмар! Ему следовало придумать, как унести ее, а не бросать обессиленную спутницу. Теперь ее отыскал слуга Того, Что Ждет, унес в плен и рабство. Если, конечно, она еще жива...

— Ты укрыл ее здесь? — спросил подошедший Джервис.

Айяр тупо кивнул. Сколько времени прошло с того момента, как ее забрали? Если бы ифты — и он вместе с ними — не задержались в бухте до ночи, они успели бы...

Джервис крепко взял Айяра за локоть.

— Успокойся! — резко приказал он, и это вывело Айяра из оцепенения. — Что случилось, того уже не изменить. Пойдем отсюда...

— К зеркалам в норы? — Айяр дернулся, стараясь освободиться, как только вспомнил, что он там видел.

— Возможно. Но что хорошего для нас и для нее, если мы бездумно бросимся сломя голову? Я уверен, они ничего не могут с ней сделать, пока она в глубоком сне...

— Да что ты-то знаешь об этом! — огрызнулся Айяр.

— Она впала в сон, когда отдала тебе Силу Зеркала, — спокойно ответил Джервис. — Конечно, я не помню всего, что знал Мастер Зеркала, но твердо знаю: тот, кто был Сосудом Силы и опустошил себя для другого, находится под защитой Танта. Однажды ты был свидетелем мощи Танта. И теперь вокруг нас, над этой долиной, вновь чувствуются ее признаки. Природа Того, Что Ждет, — тайна, природа Танта — тоже, но мы, ифты, знаем, что, если в момент опасности воззвать к Танту от всего сердца, он придет на помощь...

— Я не Мастер Зеркала, — отмахнулся Айяр, — но в воспоминаниях, которые я вызвал из тумана древности, есть смерть и есть поражение. Где же был тогда Тант?

— Кто знает? Но ты стоял перед Зеркалом, когда оно пришло к нам на помощь по нашему зову. И не будешь же ты говорить, что его Сила не бросила вызов Тому, Что Ждет? К тому же ты сам несешь эту Силу в своем теле. Ведь не станешь ты отрицать этого? Я знаю одно: наши дороги предопределены, но их цель — за пределами нашего понимания и наших знаний. И еще я могу поклясться: мы сделаем все возможное, чтобы вернуть Иллиль.

— По крайней мере, след хорошо заметен и еще свеж.

— Но сейчас мы не можем пойти по нему.

До Айяра не сразу дошел смысл сказанного. Осознав его, он вырвал свою руку.

— Это ты не можешь, а я пойду!

— Нет!

Это прозвучало столь весомо, что Айяр осекся.

— Сначала дверь, а потом...

— Нет! — закричал Айяр.

— Да! — Что-то в тоне Джервиса удержало Айяра на месте, хотя он уже рванулся, чтобы идти. — Сперва покажи Джинджиру дверь, а уж потом мы отправимся спасать Иллиль. Или ты сомневаешься в моем слове? — В его голосе чувствовалась уверенность, и это удержало Айяра.

В конце концов Джервис одержал верх. В лучах солнца свет маяка перестал быть виден, и теперь ифты не знали, сумел ли второй отряд побороть зловещий источник излучения. Айяр всей душой стремился в путь, но идти средь бела дня было невозможно, так как очки имелись только у четверых. Он пытался отвлечься, пристально вглядываясь в усыпанную обломками дорогу к разоренной роще. Но ничто не шевелилось на земле или в воздухе; лишь чувствовалось напряжение — как это бывает, когда враг собирает силу перед решающей схваткой.

— Айяр, — спросил Локатат, — ты говорил о женщинах и детях, уведенных с участка...

Айяр рассеянно кивнул. Все это осталось в далеком прошлом; теперь перед его глазами были только ниша и след в долине...

— А ты не знаешь, с какого участка?

Айяр нетерпеливо пожал плечами. Какая разница? Поселенцы были ему совершенно безразличны. Прежде он был рабом,

потом превратился в ифта, — но никогда жители участка с их грубой и жестокой религией и мрачными обрядами не были ему симпатичны.

— Вот уж не знаю...

— Я так и думал. Прошло так много лет, я даже перестал их считать. Но иногда я вспоминаю, что был когда-то Дереком Вистерсом, вижу хорошо знакомые лица, слышу голоса. Жизнь была такой однообразной и невыносимо тяжелой, такой серой, словно ни солнце, ни лунный свет никогда не достигали ее дна. И никто не пел, как поем мы, ифты, познавшие радости Леса. И все-таки вспоминаешь... и задумываешься, как сейчас живут те, кого знал когда-то...

— У тебя остались близкие? — Какая-то нотка в голосе друга тронула Айяра. У него ведь тоже остались воспоминания о прежней жизни.

— Отец, который отправил меня в Лес, когда меня поразила зеленая лихорадка, и плачущая мать. Я помню их слезы. Скорее всего, их обоих уже нет в живых; работа на участке не способствует долгой жизни. Наверное, я не узнал бы их, если бы встретил. По их понятиям я не был хорошим сыном. Это и привело меня к сокровищу, а потом превратило в ифта — те, кто имеет к этому склонность, непременно находят приманку и перерождаются.

— Послушай! — Айяр повернулся к подъему, за которым сверкали обломки кристаллических Деревьев. Что-то двигалось по дороге.

Айяр взобрался наверх и осторожно пополз к развалинам, зная, что Локатат следует за ним. Они укрылись среди призм кристаллов, разбитых стволов и ветвей. Люди, настоящие люди, шли ровным тяжелым шагом из долины вверх. Их было десять, все в униформе портовых рабочих, и шагали они бесстрашно, словно неведомая цель поглотила все их внимание.

— Опять роботы? — прошептал Локатат.

Айяр не мог определить, но это было вполне вероятно. Они были вооружены шокерами и бластерами, но оружие лежало в кобурах — значит, эти слуги Того, Что Ждет, имеют другую миссию.

Глава 16

ВО ВЛАДЕНИЯХ ВРАГА

— Возможно, То, Что Ждет, отправило своих слуг в порт для встречи и захвата корабля, — размышлял Джервис, глядя на марширующих.

— Тебе не приходило в голову, — спросил Райзек, — что Враг по происхождению может быть вовсе не с Януса? То, Что Ждет, могло прийти из космоса и теперь пытается вернуться туда. Что, если Оно и раньше пробовало проникнуть на корабли, но ни разу не удавалось, и вот теперь делается новая попытка?

— Зачем же тогда поселенцы? — спросил Локатат.

— Они — слуги, предназначенные только для этой планеты. Или То, Что Ждет, просто подстраховалось на случай, если кто-то вздумает ему помешать. Я не могу забыть те зеркала с изображениями. Может, они прибыли сюда вместе с Тем, Что Ждет...

— Но, — прервал Джинджир, — его слугами были ларши. Почему бы не пользоваться слугами из зеркал, если они для этого предназначены?

— У Того, Что Ждет, могло быть несколько видов слуг, — сказал Джервис, — но твоя мысль не лишена оснований, Райзек. Ифты помнят только Янус. О природе Того, Что Ждет, не имели представления ни мы, ни те, чьими индивидуальностями мы теперь обладаем. Если Оно пришло из космоса много веков назад, то объяснимы и норы, похожие на коридоры космического корабля, и все прочее. То, Что Ждет, с самого начала было совершенно чуждо ифтам, не встречалось с ними, не чувствовало их мыслей именно потому, что ифты всегда были привязаны к этой планете, глубоко укоренились в ее земле, как их деревья-башни, и никогда не желали ей ничего другого. А мы можем подчиняться воздействию Того, Что Ждет, именно потому, что сами были когда-то людьми и знали другую жизнь.

— Стало быть, мы больше подходим для того, чтобы иметь дело с Тем, Что Ждет, и разгадать его загадку? — спросил Мирик, ифт с того берега моря.

— По крайней мере, это предположение объясняет многое. То, Что Ждет, всегда было чуждо ифтам. Раса, прикованная к

планете, может оказаться пораженной ксенофобией. Возможно, наше нынешнее отвращение к инопланетникам и всему, что с ними связано, — не просто обретенное с зеленой лихорадкой, призванное держать нас подальше от нашего бывшего рода. Скорее это отзвук того чувства, которое ифты всегда испытывали к чужакам. Для них, как и для нас теперь, То, Что Ждет, — воплощение зла, но ведь для других все может быть иначе.

— Но То, Что Ждет, было всегда. Кимон жил в пору Голубого Листа, и он уже знал То, Что Ждет. А с тех пор ведь прошли века...

— Давно ли ты стал ифтом? — спросил Джервис.

Мирик прикусил губу. Айяр подумал, что тот считает годы.

— Я был Раулем Орсвайном, служащим Угольного Синдиката. Сюда я прибыл в 4570 году. В следующем сезоне подхватил зеленую лихорадку во время охоты на южных островах.

— А ты? — обратился Джервис к Айяру. — Ты пришел к ифтам последним. В каком году ты высадился на Янусе?

— В 4635-м.

— А я в 4450-м, — продолжал Джервис. — Но кто из нас выглядит старше, Мирик? Итак, мы можем утверждать, что ифты живут больше двухсот лет. А закатане доживают почти до тысячи лет — это самая долгоживущая раса из всех, известных в Галактике. Но много ли мы вообще знаем о Галактике, несмотря на все наши исследования? Что мы вообще знаем о том, как измеряют время на звездах? Может, есть такие расы, для которых жизнь закатанина — один день?

— А если То, Что Ждет, вообще не человеческого происхождения? И не имеет ничего общего с другими расами? — предположил Райзек. — И для него что ифты, что инопланетники — не более чем животные?

— Вполне возможно. Мы не узнаем правды, пока не встретимся с Тем, Что Ждет. Наша двойная индивидуальность может дать нам силу против того, что находится за запечатанной дверью, ведь наши воспоминания уходят в глубины прошлого — и здешнего, и находящегося за Пределами Януса. И если То, Что Ждет, чуждо Янусу, возможно, нам поможет наше прежнее «я».

«Все это, может быть, и правда, но она не приближает нас к Иллиль», — думал Айяр. Он следил за отрядом инопланетников, пока тот не скрылся из виду. Но что стоит Тому, Что Ждет, послать и других? А что могли ифты противопоставить инопланетному оружию? Айяр высказал свои опасения вслух. Райзек кивнул.

— Я думаю, до заката солнца еще часа четыре. Если мы пойдем сейчас, нам придется туго. Надо ждать...

Айяр едва сдерживал себя. Ждать и ждать! А у Иллиль, может быть, нет времени ждать. Он не слишком доверял предположениям Джервиса, будто она находится в полной безопасности, пока не очнется от транса. Что они знают об этом? Может, Иллиль просто поскорее превратят в зеркальное отражение. Ифты ненавидят и боятся То, Что Ждет, которое всеми силами преследует ифтов. К тому же ифтами владеют страхи их прежней жизни. В науке ведь есть свои демоны и темные силы. Проще воспринимать То, Что Ждет, так, как воспринимает его ифт, — громадной и жуткой бесформенной силой зла, — чем приуменьшить его в своем сознании, придав ему форму. Рука Джервиса оттащила Айяра в зеленую тень, Райзек встал на стражу.

— Расскажи нам еще раз о коридорах.

Айяр рассказывал об этом уже не один раз. Зачем повторять снова? Но раз надо... Он вяло, шаг за шагом, мысленно повторил свой путь по норам, подробно описывая все, что мог вспомнить. Джервис дважды прерывал его: один раз при описании комнаты, где Айяр видел, как тело портового офицера помещали в контейнер, а второй — когда речь шла о помещении, где стояли рядами ифты и ларши.

— Похоже, что тела отраженных в зеркалах сохранились, — прокомментировал Мирик. — Значит ли это, что процесс обратим? Если так, что сталось с теми, кто служил образцом для создания мнимых ифтов? Ведь Айяр узнал в одном из роботов своего бывшего товарища и вспомнил имя девушки в искусственном лесу.

— Шеренга ларшей... — размышлял Джервис. — Мне кажется, именно в ней кроется разгадка или одна из разгадок.

Солнце все еще было высоко. Как медленно тянется время!.. Когда наконец завечерело и Джервис дал сигнал к походу, Айяр

почти бегом пустился по разбитой дороге. Райзек обогнал его и преградил путь.

— Ты хочешь раньше времени сломать себе шею, брат? Не лучше ли поберечь силы на будущее?

Это было разумно, и Айяр согласился с ним. Вот они уже в долине холмов. Айяр высматривал женщин и детей, но тех словно и не бывало. Не было и ездящих сами по себе машин, хотя ифты прошли по оставленным ими бороздам; Килмарк поднял щепотку черной земли, понюхал и вытер пальцы.

— Эта земля не с Януса, — сказал он, — или что-то ее преобразило.

Он знал, про что говорил. Бывший портовый врач попал в лес, собирая травы для изучения. Хотя его ифтийские воспоминания были другими — воспоминания лорда из процветающей страны, — но во всем, что касалось лечения, он соответствовал своей нынешней природе. Джинджир с дрожью огляделся. Стоило Тому, Что Ждет, проснуться, и вся Пустошь изменилась. Не осталось ничего чистого!

Айяр решительно прошел мимо холма, через который впервые проник в норы. На песке была мешанина множества нечетких следов. Видимо, недавно здесь все бурлило и двигалось.

Они подошли к другому холму, поднялись на гребень. Айяр разбросал землю, которой засыпал вход, и они спустились по лестнице на верхний уровень. Мирик пошел обследовать коридоры, но через минуту вернулся. Все двери оказались крепко заварены.

Коридоры второго уровня шли чуть дальше, но так же резко заканчивались перегородкой. Затем ифты спустились к тому месту, где было заварено продолжение лестницы. Мирик провел руками по спекшейся массе.

— Та же работа, что и наверху. И я уверен, что сделано это совсем недавно. Интересно знать, почему не закрыт и самый верх лестницы?

— Кто может понять мотивы поступков Того, Что Ждет? — сказал Джинджир. Он тоже обследовал пробку. — Это не сдвинешь, тут нужен такой взрыв, который мог бы опрокинуть дерево-башню.

— Или резак. А как насчет люка для ремонта, о котором говорил Джейкин? — напомнил Райзек.

Айяр привел их в коридор, ведущий в хранилище запасных зеркал. Джинджир, Мирик и Райзек стали искать предполагаемый люк, а Айяр тем временем переминался с ноги на ногу, горя желанием поскорее направиться на поиски Иллиль.

— Похоже, вот здесь! — Джинджир очертил рукой неопределенный овал на стене. — Айяр, к твоему мечу вернулась Сила?

Тот вытащил меч, но искр с острия не посыпалось, да и в себе он не чувствовал ответной волны.

— Нет.

— Тогда попробуем вот этим. Но работа займет много времени, если нам вообще удастся это сделать.

Джинджир достал из-за пояса сумку из коры, открыл ее и показал миниатюрные инструменты, предназначенные для работы по дереву. Они были сделаны из того же материала, что и мечи ифтов, но разве ими можно резать металл?

— Что ж, попробуй. — И Джервис повернулся к Килмарку и Локатату. — Пошли на стражу?

Под предводительством Айяра все четверо снова поднялись по лестнице на вершину холма, уже окутанного ночной мглой. Локатат поднял голову и принюхался:

— Пахнет! Там!

От одного холма к другому мелькнула одинокая тень. Но запах был сильным: врагов должно быть намного больше. Айяр внимательно осмотрел холм со всех сторон. Локатат пополз в противоположном направлении, а остальные в тревоге ждали. Айяр разглядел фигуру, распластавшуюся на склоне холма. Она была вооружена не луком, а мечом — оружием ифтов. Тогда как робот, которого Айяр и Иллиль убили в пустыне, имел оружие совершенно другого типа. Паучья фигурка замерла на склоне, словно знала, что о ее присутствии там, наверху, уже известно. Айяр внимательно оглядел весь склон: он был уверен, что там есть и другие.

— Окружают, — тихо прошептал Локатат. — Поднимаются сюда...

— Назад, — обратился Джервис к оставшимся в норе.

Айяру пришлось подчиниться.

— Сколько их?

— По меньшей мере шестеро, — ответил Локатат. — Но, возможно, и больше. Что будем делать?

— Можно попробовать другой путь. — Мысли Айяра вертелись вокруг Иллиль. — Через холм зеркал и ненастоящий лес...

Он уже поставил ногу на лестницу, но Килмарк сдержал его.

— Братьям нужно время для работы,

— Снимайте плащи! — приказал Джервис.

Айяр расстегнул и сбросил одежду с плеч.

— Клади. Вот так. — Джервис бросил свой плащ возле лестницы, рядом с плащом Айяра. Теперь весь пол вокруг лестницы был покрыт тканью. — А сейчас — в проход!

План Джервиса оставался для них тайной, но они подчинились приказу. Коридор был коротким, а расплавленный металл оказался прямо за спиной Айяра, когда он повернулся, чтобы взглянуть на лестницу. Он успел увидеть, как Джервис бросил на плащи что-то похожее на обыкновенные камешки. И тогда понял, что их преследователей встретит непреодолимое препятствие.

Лес был не просто домом для ифтов. Он заботился о них, рожденных и воспитанных в его тени, питал их своими соками. Среди растений Януса встречались странные разновидности, столь же опасные, как дикие животные, бродившие по полянам и чащам лесной страны. То, что бросил Джервис, выглядело как обыкновенные серые камешки, на самом деле это были семена, которые ифты использовали как оружие. Вот только подействует ли оно на фальшивых ифтов?

Джервис не торопился воспользоваться ими. Айяр смотрел сквозь пролет лестницы, как тот встал на одно колено, держа в руке фляжку сока, нацеженного из дерева-башни, и поднял голову, словно прислушиваясь.

Ждать всегда тяжело, и сейчас от ожидания пересыхало во рту, хотелось хоть как-то действовать. Айяр стоял с мечом наготове в своем укрытии, прислушивался к звуку шагов на лестнице и время от времени поглядывал на лжекамешки, невинно лежавшие на плащах и едва видимые в темноте.

Наконец Айяр услышал впереди шум. Джервис вынул пробку из фляжки. Свет, не очень яркий, но смертоносный, опалил брошенные плащи, затем показался завиток дыма. Джервис метнул фляжку. Сок брызнул на камешки-семена. Секунда тревожного ожидания, затем тихий всплеск, хорошо слышный в тишине, и там, где сок попал на обгоревшую ткань, поднялся пар. Из семян вырвались шевелящиеся ростки, по-змеиному изогнулись вокруг лестницы, вцепились в нее. Простая вода, вероятно, тоже вызвала бы жизнь в этих семенах, но сок вдвое ускорил их рост. Стебли тянулись в никуда, переплетались в пустоте и создавали из нее нечто чудовищное. Сначала ростки были не толще пальца, но быстро росли, выбрасывая все больше стеблей. Они поднимались по лестнице, как по шпалере, оплетая ступени со страшной скоростью, и наконец заполнили ее всю, закрыв отверстие.

От стеблей исходило слабое оранжевое свечение. Оно поднималось вверх, напоминая облако танцующих в луче света пылинок. Спрятавшиеся в коридоре ифты подхватили полы двух оставшихся у них плащей и укрылись ими от облака. Но пылинки, как и должно было быть, не разлетались в стороны, а поднимались вертикально в отверстие входа.

Ифты, закрывшись плащами, не видели и не знали, вцепились ли пылинки в роботов, как они сделали бы с живой плотью. Во всяком случае, отверстие было надежно закупорено. Джервис подал знак, Килмарк подполз к трапу и спустился вниз, а остальные стояли наготове. Айяр пошел следующим, не спеша, стараясь не привлекать внимания удушающих стеблей. Он задерживал дыхание, чтобы не вдохнуть пылинки: иначе они пустят корни и будут расти в теле. Пройдя через отверстие в полу, Айяр стал ждать Локатата и Джервиса.

— Наверху ни звука, — сообщил Джервис.

Ткань, лежавшая на полу, отяжелела от того, что росло на ней. Ифты ушли вовремя. Локатат удовлетворенно посмотрел вверх.

— Они поедают что-то, иначе перестали бы расти, — пробормотал он.

— Ну, — сказал Джервис, — уходить нам теперь придется другой дорогой.

Наверху творилось нечто невообразимое: белый стебель свободно качался, изгибаясь, затем закрутился вверх, проталкиваясь в отверстие; он явно рвался наружу, не желая оставаться в норах. Айяр с облегчением вздохнул. Он знал природу этих растений и все-таки опасался, что они потянутся за ним. Но, как сказал Локатат, им, похоже, хватило пищи, чтобы стремительно распространиться дальше; лжеифты хотя и были роботами, но не могли защититься от этих сорняков. Ифты вернулись к тем, кто работал внизу. В стене уже зияли дыры, но, глядя на обилие проводов, Джинджир скептически покачал головой.

— Как дела? — спросил Джервис, коротко рассказав о том, что случилось наверху.

— Вот. — Джинджир показал четыре сломанных инструмента. — У нас нет самого необходимого.

— Инструментов должно быть полно на складе под фальшивым деревом! — вмешался Райзек. — Среди них наверняка найдутся подходящие.

— Тогда пойдемте, — сказал Джинджир.

Они поспешили по коридору на склад зеркал.

— Сколько же их? — Килмарк посмотрел вокруг. — Многие сотни!

— Целый род, — грустно ответил Райзек. Он остановился у одного виденного раньше зеркала и вгляделся в негуманоидное мохнатое создание с удивительной мордой. — Что это? Разумное существо или животное?

— Пошли дальше, — оборвал его Айяр, и все быстро зашагали за ним.

Отверстие в потолке вело в комнату с машинами. Один встал на плечи другому, третий взобрался по ним, как по лестнице. Затем поднялся Айяр, связав перевязи мечей так, чтобы по ним могли бы подняться и спуститься остальные.

Ифты нетерпеливо смахивали пыль с машин, рассматривали их, открывали дверцы, за которыми были места для грузов или пассажиров. Конструкции были непонятны даже для их двойных воспоминаний, но ифты, преодолевая отвращение, продолжали поиски. В конце концов Джинджир выбрал инструменты странной формы. Они как будто не предназначались для

тонкой работы, но были гораздо лучше тех, что ифты принесли с собой.

— Возьмем эти. — Он поглядел на Джервиса. — Хотя лучше бы бластер со скафандра.

— Да, но где его найдешь? Попробуем этими.

Но скафандры и Иллиль должны быть где-то рядом, — подумал Айяр. Неужели ему опять помешают?

Их было пятеро против неведомой силы, таящейся в норах. Айяр, не оглядываясь, шел впереди. Вот он выбрался на площадку, где рядами стояли ифты и ларши. Он не задерживался, несмотря на то что его товарищи хотели рассмотреть эти фигуры, и вскоре достиг узкого прохода, в который провалился в прошлый раз, торопясь к фальшивой Башне Ифткана.

— Куда теперь? — спросил Локатат.

— Наверх. Только я не помню точного направления.

Локатат оглянулся на подъем к дереву.

— Это... одна из Башен... — В голосе его звучали странные ноты.

Айяр взглянул на своего спутника. Локатат уставился на дерево и хотел было идти к нему, но Айяр схватил его за руку и держал, пока не подошли остальные.

— Не смотри туда, — приказал он. — Это ловушка, в которую тебя хотят заманить.

Остальные невольно подняли глаза, но Джервис тут же отвернулся и, по примеру Айяра, схватил Килмарка и Райзека.

— Он прав. Это страшная вещь для нас! Отвернитесь! — Он отталкивал их в сторону. — Не смотрите! Нельзя!

Но искушение нелегко было побороть. Айяр стал торопливо искать, как бы побыстрее выбраться из оврага. Они опять встали друг к другу на плечи и, забравшись наверх, вошли в рощу, держась за руки. Здесь могли быть и другие ловушки, кроме тех, с которыми встречался Айяр. Они шли цепочкой в кущах зелени и, с деланым равнодушием, оглядывались вокруг. Дойдя до настоящих деревьев, они поднялись и пошли далее по веткам, стараясь держаться в тени, и наконец добрались до дальней стены, где был вход в норы.

Глава 17

ПОСЛЕДНИЙ ХОД

В роще все изменилось. Звуки, вызвавшие у Айяра только подозрения, стихли. Ифты шли в полной тишине. Казалось, исчезла душа этой местности. Айяр поделился своим наблюдением с товарищами.

— Исчезла? — повторил задумчиво Джервис. — Может быть, она просто переместилась? Но куда?

— К двери, которую хочет взломать Джинджир, — предположил Локатат.

— Может быть, но я не уверен. Похоже, То, Что Ждет, собирает теперь всю силу и созывает всех своих слуг.

— Тогда нам тем более стоит поторопиться. — С этими словами Айяр стал подниматься по склону. К его удивлению, они добрались до стены, не увидев ни одного из слуг Того, Что Ждет.

Спуск со скалы исчез, но они без колебаний срубили деревья и наскоро сделали лестницу.

Войдя в норы, они остановились, тревожно оглядываясь и принюхиваясь. Из коридора шел отвратительный запах, но определить его источник было трудно.

— Машины, — сказал Джервис.

— А я думаю, это фальшивые ифты, — начал Локатат.

— Похоже на химические реактивы. — Килмарк сосредоточенно принюхивался.

Райзек приложил ладонь к стене.

— Отсюда есть потоки энергии.

— Впереди — кристаллические пластины, — предупредил Айяр. — Они, наверное, снова включены, так что будьте осторожны.

Он пошел далее и вскоре прополз под первой парой кристаллических пластин.

— Вот комната, где они складывают тела, — сказал он, остановившись у двери. Килмарк осторожно рассматривал ряды контейнеров.

— В прошлый раз, — прошептал Айяр, — заняты были только четыре ряда, а теперь — все.

— А где делают отражения? — спросил Джервис.

— Иллиль! — вспомнил Айяр и почти побежал по коридору. Он должен освободить ее, если еще не поздно.

Прежде чем войти в дверь, Айяр принюхался, но везде было пусто — и ни одного скафандра. Только в стенах чувствовалась жизнь. Они вошли в комнату, в которой он видел, как делают отражения. Стол был пуст, и на стене — ни одного зеркала. Зато здесь стояли два скафандра. Гуманоидные, но незнакомого Айяру типа. У одного была вывернута рука и разворочено плечо. У другого не хватало шлема.

Поскольку оба металлические калеки не двигались, Айяр решил, что они безвредны. Райзек осторожно осмотрел их. Как бывший астропилот, он хорошо знал устройство скафандров. Но сейчас он качал головой:

— Никогда не видел ничего подобного.

Айяр подошел к столу и обнюхал его. Явно пахло поселенцами и портовиками. Но не ифтом. Однако Иллиль не могли не привести сюда. Из пустой зеркальной комнаты Айяр поспешил в лабораторию, в которой делались искусственные тела. Столы были также пусты, и на зеркальном ложе не булькало желе. Килмарк с силой втянул в себя воздух:

— Я чувствую запах искусственной плоти... Что-то вроде протоосновы...

Была еще третья комната, где, как помнил Айяр, формировали тело фальшивого ифта, но она тоже оказалась пустой.

— Где же... — Голова Айяра резко повернулась. Раз мозг бессилен, не поможет ли ему нос?

Вдоль коридора шли другие двери, из одной шел запах, очень слабый, но различимый даже среди множества навязчивых запахов. Конечно, это Иллиль!

Его руки потянулись к двери, толкнули ее, потом дернули, но она не открылась.

— Заперто, — решил Джервис.

— Подождите! — Райзек бросился назад, в комнату с зеркалами.

Айяр продолжал толкать упрямую дверь, но тщетно. Похоже, Сила, заложенная в него Зеркалом Танта, совершенно иссякла! Он обернулся к Джервису:

— Мастер Зеркала, можно ли призвать Силу Танта к нам на помощь?

Джервис строго взглянул на него, потом — снова на дверь.

— Если полученная тобой энергия истрачена, Тант больше ничем не поможет.

Значит, энергии нет? Но ведь именно Зеркало Танта послало его сюда, наполнив своей Силой. Потом это же сделала Иллиль. Да, на перекрытом продолжении лестницы он потерпел неудачу, и Сила с каждым шагом отступления убывала. Но теперь он пришел освободить Янус от нечисти, гнетущей его землю. Он не отказался от поисков, не бежал в сражении. Он вернулся, полный решимости.

Айяр закрыл глаза, пытаясь вспомнить выступ над Зеркалом, увидеть искрящийся язык тумана, касающийся его и Иллиль и источающий в них Силу. Ифт даже не заметил, что вытащил меч и, сжав обеими руками рукоять, направил лезвие в пол. Тогда, над Зеркалом, он познал благоговение и веру в таинственную власть. Было ли то пробуждение прежнего Айяра, или эта вера была вложена именно тогда, и сколь сильной оставалась она теперь, когда он далеко от Танта?..

Зеркало, язык из искрящихся капель... Айяр попытался вновь вызвать в себе ту вошедшую в него рябь. Он словно отделился от собственного тела и погрузился в пространство, лишенное каких-либо примет; в этом пространстве он словно бы сидел за игральной доской напротив кого-то невидимого. Все это уже происходило однажды, но теперь и пространство было иным, и присутствие невидимого игрока он ощущал как-то по-другому.

Он во имя семян и листвы на ветвях
Через пустошь враждебную шел.
Дождь его жестко сек, ветер холодом бил,
Но не про это мы песню поем.

Растения обвивали его ноги, но он не видел и не ощущал их, они стали частью его, а его плоть и кровь стали частью их. Ласковый летний ветерок овевал тело Айяра, щеки и губы освежались каплями дождя, и это утоляло жажду и голод.

Нет в тумане луны отраженья,
Меч холодным огнем засветился,
И прозрачный туманный язык
Как серебряный месяц искрился.
Ифт поднялся, исчез его страх...

Глазам ифта не дано видеть Танта, но луна высвечивала что-то темное и глубокое. Ее отражение дрожало и дробилось на тысячи серебряных точек, свободно перетекающих друг в друга. Они поднимались, соединяясь с ветром, как легкая морось. И вот они окружили тело Айяра, вошли в него...

Рука ифта — меч,
Его сердце — во мраке
Холодного света луны.
Род его вечен, как яркий на небе
Месяц в ночной темноте.

Да ведь эта баллада Кимона. Айяр не пел ее, она звучала в нем, приходя откуда-то извне. Из каких же глубин она пришла к нему?

Рожденный быть воином, встань.
Пусть дерево выше растет,
И корни, что Башню питают,
Пускай вражий меч не сечет!

Тант снова окружил Айяра своими серебряными искрами. И опять пришло ощущение, что странное видение как-то связано с происходящим. Он открыл глаза и увидел перед собой Джервиса. Ифт, бывший когда-то Мастером Зеркала и способный, как Айяр, призывать Силу, тоже вернулся из каких-то видений, в которых обрел волю.

— Сила вернулась к тебе, брат.

— Да, она вернулась. — Айяр поднял меч и уверенно очертил контуры двери. Бьющий из острия луч проникал в поверхность, оставляя за собой яркую линию расплавленного металла. Айяр толкнул дверь, и она упала внутрь как раз в тот момент, когда появился Райзек с бластером.

В комнате на полу лежали женщины и дети — наверное, те, кого видел Айяр у входа в долину. Все они были из поселенцев, но нюх подсказал Айяру, что где-то среди них — ифт. Они нашли Иллиль в дальнем углу; она была небрежно брошена туда, словно сломанная машина, в которой То, Что Ждет, больше не нуждалось.

Джервис поднял девушку, вынес в коридор, и там Айяр взял ее руки в свои. Когда-то он получил от Иллиль Силу и теперь

возвращал ее. Килмарк держал у губ Иллиль фляжку, из которой капал сок жизни. Наконец она открыла глаза и посмотрела на них невидящим взглядом, будто перед ней были не друзья, а незнакомые люди и неведомые ей просторы, в которых она затерялась.

— Иллиль! — тихо окликнул Айяр.

Теперь она узнала его. В глазах ее мелькнула тревога.

— Разве вы не чувствуете? — хрипло спросила она. — То, Что Ждет, знает!

Все огляделись, словно оказавшись неожиданно в окружении врагов. Иллиль была права: спокойствие, через которое они до того шли, исчезло. Их обнаружили.

— Идем. — Джервис, поддерживая Иллиль, провел ее мимо остальных комнат.

Райзек и Локатат отстали, но вскоре догнали отряд — теперь, кроме бластера Райзека, у них было еще два непонятных орудия.

Ифты были настороже. Они дошли уже до искусственного леса, а То, Что Ждет, до сих пор ничем не проявило себя, не показало, что знает об их присутствии. Айяр удивлялся, почему обитатели нор не нападают, почему То, Что Ждет, не раздавило их, — ведь, даже обладая могуществом Зеркала, они не выстояли бы против инопланетного оружия.

В роще что-то изменилось. Луна исчезла, стало темно, как во время грозы. Но обнаженный меч Айяра горел в темноте ровным светом, и растения уклонялись от меча, чего не было раньше. Иллиль положила левую руку на плечо Айяра.

— Пойдем, держась друг за друга, братья. Я чувствую, что Силы Зеркала хватит на всех нас. Объединимся, чтобы она проходила через всех.

Ее прикосновение не отняло у Айяра энергию, как ему сначала показалось. Наоборот, в него еще что-то добавилось, придав уверенности. Не оглядываясь по сторонам, они шли напрямик к тому дереву, что было злобной пародией на Башню Ифткана. Все разбегались с их пути. Лишь однажды они услышали в тишине неразборчивый зов ифта. Иллиль повернула голову на этот звук и запела что-то в ответ — не то песню-заклинание, не то предупреждение. Слова ее были необычны, и Айяр подумал,

что они пришли к Иллиль из далекого прошлого, в котором она была Сеятельницей Семян и прикасалась к истокам жизни, а не к ее завершению.

Вскоре они оказались в месте, которое словно бы отрицало жизнь: там, где рядами стояли навеки застывшие ифты и ларши. Иллиль и Джервис, словно по наитию, которого не испытал Айяр, стали окликать некоторых ифтов — словно эти статуи могли сойти со своих мест и присоединиться к ним. Затем они миновали комнату с машинами, прошли через коридор и оказались в зале зеркал. Иллиль неожиданно пошатнулась, выпустила руки Айяра и Джервиса, разомкнув цепь, и, закрыв лицо руками, словно не смея смотреть на зеркала, закричала:

— В них — дети Того, Что Ждет! Их нужно разбить — и все прекратится.

Потом она снова протянула дрожащие руки к Айяру и Джервису и зажмурилась. Дрожь в них утихла, только когда они вышли из зала. Вдруг они услышали крики и бросились туда, где оставили Джинджира и Мирика. Айяр был уверен, что слышит звуки схватки. Его меч ослепительно вспыхнул, но этот свет не вредил глазам воина.

У распахнутого ремонтного люка в коридоре громоздилась куча изогнутых и разорванных проводов. Поверх нее лежал мертвый Джинджир. Мирик тоже распростерся на полу, и над ним метались лучи. Пришедшие спрятались за груду, которая, впрочем, не была достаточной защитой. Райзек и Джервис, забравшие у скафандров бластеры, начали отстреливаться. Мирик поднял голову.

— Нужно попытаться уйти через дверь.

Взятыми из запасника инструментами они перерезали оставшиеся кабели и решили спускаться. Неизвестно, что ждало их внизу, но здесь их ждала только смерть под лучами.

— Я пойду первым! — Локатат подполз к отверстию и начал спускаться, но продвигался так медленно, будто ему что-то мешало.

— Теперь ты! — бросил Айяру Джервис.

Сам он и Райзек прикрывали отход. Когда в этой огненной перестрелке наступило затишье, Айяр, вложив меч в ножны, протиснулся в отверстие и, хватаясь за обрывки проводов,

спустился по трубе. Внизу был такой же коридор, как тот, что располагался наверху, но энергия, пульсировавшая в стенах, была здесь намного сильнее. Когда Айяр рискнул коснуться стены, заряд, пробежавший по руке, причинил такую боль, что он вскрикнул. Другая рука инстинктивно схватилась за меч и выдернула клинок из дымящихся ножен. Лезвие засветилось голубовато-зеленым, потом замерцало, с него сыпались искры. Питался ли меч Силой Танта, извлекая ее из Айяра, или сам питал своего хозяина? Скорее, хозяином был меч, а Айяр — лишь орудием. Повинуясь мечу, он покинул спутников и побежал по коридору.

Он знал, что там подстерегает опасность, и не удивился, что, хотя раньше все здесь разбегались от него, сейчас ему преградили путь. С ним явно хотели сразиться. Меч сам собою поднялся; энергия его так возросла, что он дрожал в руке, и Айяр с трудом удерживал рукоять, едва успевая поворачивать кисть.

Он увидел, что к нему с грохотом катятся боевые машины. Их лучи, задевая стены, оставляли на них рубцы, но невидимый барьер, воздвигнутый мечом, они преодолеть не смогли. Меч был словно живой, и его энергия входила в Айяра. Когда-то Айяр был человеком, потом ифтом — теперь он стал потоком энергии. Она была чужда этому месту, но обладала способностью напитывать собственную силу силой Врага. Машины продолжали атаку, пока свет меча не коснулся их. Ифт увидел яркие вспышки и почувствовал острый запах гари. Затем торопливо переступил через дымящиеся обломки.

Сколько еще таких машин встретилось ему далее в том коридоре? Он не считал. Он шел вперед, движимый волей найти центр, управлявший машинами, распространявший чуму, которая поражала Янус.

Коридор кончился. Айяр оказался на возвышении, почти возле потолка огромной комнаты. Повинуясь мечу, он пошел вниз по винтовой лестнице. Все здесь было пропитано такой силой, что Айяр подумал, не испепелит ли его самого оружие, которое, как он чувствовал, еще не вступило в дело по-настоящему. Он спускался все ниже и ниже. Перед ним оказалось странное сооружение. Оно щелкало, вспыхивало огнями и наполняло помещение стоном и гулом. Некоторые его части бы-

ли темны и мертвы — быть может, давно мертвы, — но другие казались живыми, состоящими из плоти и крови. Айяр никогда не видел машин, которые люди создают для того, чтобы те заменяли мозг; но память Нейла подсказала нужное слово.

Айяр оказался в самом сердце гигантского компьютера.

Глава 18

НОВОЕ НАЧАЛО

— Компьютер! — Восклицание Мирика перекрыло гудение, которым была наполнена комната, словно Лес — шепотом листьев.

Айяр оглядел длинные ряды мигающих огоньков. Сюда его привела энергия меча. Но чем может быть полезен меч, если не видно ни одного существа, которое можно атаковать и обратить в бегство?

Хотя... Кто-то должен был создать этот гигантский мозг. Наверное, это и есть — Враг. Айяр пошел вдоль высоких стен этого зала и вскоре вновь вернулся к площадке возле лестницы, где его ждали спутники.

Другого выхода в комнате не было; и здесь была только эта машина — полумертвая-полуживая. Айяр был обескуражен отсутствием Врага.

— Это компьютер, — сказал Джервис, изучив мигание огней машины. — И в нем работает какая-то программа.

Мирик прошел по комнате, внимательно вглядываясь в панели машины.

— Да, это компьютер. Но я никогда не видел таких. Работает только часть его. Как будто запустили программу, а потом почему-то остановили. Идите-ка сюда.

Они робко прошли за ним к одному из потемневших блоков, из которого висели сгоревшие провода. Видно было, что его пытались ремонтировать, но явно безуспешно.

— Те машины, которые набросились на Айяра в коридоре, — пояснил Мирик, — предназначались для ремонта компьютера. Похоже, они работали здесь дольше, чем мы можем представить...

— Кимон! — закричала Иллиль. — Кимон был здесь! Но машина... Зачем?

— Она предназначалась для чего-то очень важного, — сказал Джервис. — И создана не ифтами. Когда-то она была частично разрушена, а теперь часть ее снова работает. И мы видели результаты этой работы.

— Но кто поставил перед ней эту задачу? — спросила Иллиль. — Кто или что? Или это и есть То, Что Ждет?

Райзек отошел к стене, следя за мигающими огоньками.

— Я думаю, — медленно произнес он, — мы нашли то, что искали.

— К этому я и стремился! — воскликнул Айяр.

— Вряд ли эта машина создана на Янусе, — добавил Джервис. — Здесь нет ни одной детали, сделанной ифтами. А мы уверены, что именно ифты — исконные жители планеты, иначе они не могли бы так слиться с ее природой. Следовательно, эта машина...

Райзек вдруг засмеялся.

— Скажите, никому из вас не приходило в голову, что перед нами какая-то часть космического корабля?

— Корабля? — переспросил Килмарк. — Вот это все вокруг — часть? Разве корабль может быть таким огромным?

Локатат как бывший поселенец предположил:

— Корабль колонизаторов!

Джервис резко обернулся, но Райзек подхватил эту мысль:

— Вполне возможно. Корабль с компьютером, запрограммированным на колонизацию. Может быть, он и не имел своей целью Янус, а просто потерпел здесь аварию. И тогда компьютер начал выполнять свою задачу в новых обстоятельствах.

Джервис развил мысль дальше — говоря уже как Пит Сейшенс, перворазведчик, знаток подобных полетов:

— Компьютер попытался изменить местность, приспособить ее для чужеземных колонизаторов. И был готов уничтожить все, что могло бы им повредить...

— Например, ифтов! — добавил Локатат.

— И тогда Кимон, — подхватила Иллиль, — пришел сюда, вооруженный Силой Танта, и разрушил часть машины. Однако

со временем она восстановилась. Но почему компьютер снова ожил именно теперь?

— Вероятно, он действовал все это время, — предположил Айяр, — но из-за полученных увечий очень долго не замечал врагов, пока на Янусе не появились первые перерожденные ифты. Но почему он не разбудил колонизаторов? Или все они погибли при аварии?

— Зеркала! — Иллиль широко раскрыла глаза. — Колонизаторы — в зеркалах.

— Разумное предположение, — согласился Килмарк. — Теперь моя очередь строить догадки. Ты был прав, Джервис, когда уверял, что многое объясняют ряды ифтов и ларшей, что стояли у подножия ложного дерева. Я не знаю, на какой ступени находились ифты, но ларши были не началом процесса, а его завершением!

Джервис, кажется, понял.

— Не эволюция, а регресс. Компьютер оживил нескольких пассажиров, решив, что на Янусе можно ничего не менять и не переделывать. Но, вероятно, все ресурсы, оставшиеся у компьютера, были брошены на выполнение этой задачи, когда...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Локатат.

— Те, кого он разбудил, не избежали перерождения, — объяснил Джервис. — Они регрессировали от поколения к поколению и наконец из людей превратились в ларшей, человеко-зверей. Потом ларши были брошены против нас, чтобы очистить Янус, пока машина проектировала и пыталась воплотить новый мир, приспособленный для колонизаторов. Потом компьютер оказался почти разрушен — возможно, легендарным Кимоном, но наверняка этого сказать нельзя. Во всяком случае, разрушение было явно сознательным, и потребовалось много времени даже на частичный ремонт.

— Разрушение не удалось... — задумчиво протянул Мирик.

— Потому что его производил ифт, не знавший истинного назначения компьютера. Он наносил беспорядочные энергетические удары, уничтожил кое-что, но сердце машины сохранилось.

— А Клятва? В чем же тогда заключалась Клятва?

Джервис пожал плечами:

— История рано или поздно становится легендой. Разве мог Кимон, ифт, объяснить даже самому себе, что он здесь увидел? Он просто сразился с Тем, Что Ждет, и всей его мощью. Но что нам делать теперь? Мирик? Как вы думаете?

— Можно, конечно, повредить компьютер, как это уже было сделано однажды. Но это опять лишь на время; хотя это «время» — века. Ведь компьютер имел неизвестную программу, охрану, ремонтников. Мало ли что еще находится в этих норах! Мы должны найти центр управления и уничтожить его навсегда.

— Джервис! — Иллиль встревоженно заглянула ему в лицо. — А что же будет с теми, кого сначала спрятали в зеркала, а потом превратили в роботов? Их можно спасти?

— Не знаю, — ответил Джервис. — Чтобы разобраться в этом, нужны время и знания. Но пока эта машина распоряжается в Пустоши, пока она способна выставить целую армию — времени у нас нет.

С ним согласились все. Айяр поднял меч, собираясь сжечь управляющие блоки, но Райзек преградил его дорогу.

— Не здесь! — Он смотрел на светящиеся и пощелкивающие панели.

— А где?

— Мы не знаем, — ответил Мирик. — То, Что Ждет, контролирует здесь все, в том числе и вентиляцию. Если ты разобьешь блок, компьютер может закрыть двери, отключить доступ воздуха и заживо похоронить нас здесь. А сам при этом так и не будет уничтожен. Ничего нельзя предпринимать, пока мы не изучим все досконально.

— Смотрите! — воскликнула Иллиль.

По блоку, который они считали мертвым, пробежала вспышка. За ней — другая. Искорки вспыхивали и гасли, но никто не знал, таилась ли в этом угроза.

— Назад! — шепотом приказал Джервис, словно боялся, что машина услышит его и перекроет выход.

Айяр тоже испугался. Видимого, открыто наступающего врага, будь то келрок, лжеифт или ходячий скафандр, можно встретить лицом к лицу, но огоньки на панели компьютера, таящие в себе угрозу, — совсем другое дело. Искры трижды пробежали по панели: сначала они были голубыми, потом синими и, нако-

нец, пурпурными. Айяр знал, что товарищи тоже напряглись и пытаются определить, откуда грозит опасность.

— Мирик, как по-твоему, где находится центр управления? — спросил Джервис.

— Где угодно. Я не специалист по древним компьютерам.

— Айяр, что говорит твой меч? — спросил Мастер Зеркала.

Айяр поднял меч и направил его на панель, в которой только что забрезжила жизнь. Он сразу почувствовал, как Сила Танта рванулась из его тела, словно ей стало тесно в оковах плоти и она должна наконец сразиться с другой, чуждой ей и всему Янусу силой. Закрыв глаза, Айяр стал медленно поворачиваться, чтобы по этим приливам и отливам энергии определить, где находится сердце Того, Что Ждет. Наконец он почувствовал легкий толчок справа. Он еще чуть повернулся, и его охватила настоящая буря. За приливом следовал отлив, а затем — полное спокойствие. Айяр открыл глаза.

Перед ним были мертвые блоки без всяких следов ремонта, перекрещенные старыми рубцами. Глаза закрылись снова — так, с закрытыми глазами, Айяр инстинктивно воспринимал эту силу. Поворот — волна, поворот — отлив — волна, резкая и сильная — ослабление — смерть. Но не он один почувствовал жизнь в блоках.

— Попробуй под ногами, — предложила Иллиль.

Айяр отступил на шаг. Меч в его руке наклонился, указав блоки по полу. Айяр снова начал медленно поворачиваться. Вдруг его дернуло вниз. Увлекаемый мечом, Айяр упал на колени, а меч погрузился в пол.

Он находился в футе от лестницы, по которой спустились сюда. Искры от меча взлетали все выше, пол, там, где в него погрузился меч, раскалился докрасна, так что было больно глазам. Меч входил в пол все глубже и тянул за собой руку Айяра.

— Режь! — Джервис встал на колени и попытался помочь ему, но, коснувшись рукояти меча, тотчас отдернул руку.

Не вполне понимая, что он делает, Айяр стал резать пол. Отверстие расширилось, но он старался сделать его еще больше. Он чувствовал, как из него энергия входит в меч. В отверстии уже мог поместиться человек; оттуда пахнуло раскаленным металлом...

— Все на лестницу! Осторожно! — крикнул кто-то.

Снизу вырвался луч, слился с искрами от меча и полыхнул ослепительным светом. Ничего не видя, Айяр закричал. Меч тянул его за собой, тело пронизывали жар и невыносимая боль.

Айяр упал; он не мог ни действовать мечом, ни выпустить его. Меч стал тяжелым и неповоротливым. Айяр не мог даже пошевелить рукой. Но затем из него снова полилась энергия, сокрушающая Сила Танта, источая почему-то отвратительный запах горелого...

Он снова сидел за игральной доской. На ее поверхности ярко выделялись странные линии, квадраты, точки, назначения которых он не понимал. Его противником было То, Что Ждет, — он не видел его, но ощущал. Оно же не обращало на Айяра внимания. Нет, То, Что Ждет, не отступило, а просто окружило себя неодолимой защитой.

Вдруг Айяр заметил, что все фигуры на доске — скафандры, ларши и прочие — упали. Правда, некоторые из них пытались подняться, но тут же валились снова. Тогда как редкий строй ифтов на его стороне дрожал и качался, но все-таки не сдавался. А уверенное в себе То, Что Ждет, собираясь начать неизвестную Айяру игру, защищало себя все надежнее. Оно боялось, потому что было теперь безумным... безумным... Вероятно, Айяр выкрикнул это вслух. Чьи-то руки вцепились в него, и доска исчезла.

— То, Что Ждет, — безумно...

Чьи-то руки дергали его тело. Он ничего не видел.

— Оставьте меня...

Но крик его остался без ответа. Он чувствовал, что его словно выпотрошили, лишили энергии, и не отбиться было от этих терзающих рук...

— На воздух! Скорее отнести его! И осторожнее! Быстрее!

Высокие голоса выкрикивали бессмысленные фразы, но уже ничто не имело значения... Он чувствовал только боль, то резкую, то тупую, не стихавшую ни на минуту. Потом он закашлялся, и боль стала еще сильнее. Он жаждал темноты — казалось, она спасет от боли.

— Осторожно... Оно совсем спятило... — Пронзительный голос сверлил мрак. — Райзек, берегись деревьев!

Вдруг Айяру стало легче дышать. Руки все еще держали его, в рот тонкой струйкой лилась какая-то холодная жидкость. Что-то прохладное, смягчающее ожоги, освежило глаза. Он вздохнул. Земля под ним дрожала. Издалека доносился душераздирающий визг.

Айяр не мог пошевелиться, хотя ему хотелось бежать из этого безумного места. Руки прижали его еще крепче, снова причиняя боль. Он хотел закричать, но любой звук все равно не был бы слышен в окружившем его грохоте. Снова закачалась земля, что-то затрещало...

Он заморгал, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в тумане. Метались тени, мимо пролетело что-то большое. Он снова услышал треск.

— Надо бежать! Это ловушка. Все скорее отсюда! — раздалось над самым его ухом.

Кто-то поднял и понес его. Ноги волочились по земле, цепляясь за что-то.

Но вот земля перестала качаться. Кто-то ощупал его тело и туго перевязал под мышками. Повязка причинила такую боль, что он, избавляясь от мук, снова погрузился в черноту небытия.

— Айяр! Айяр!

Он лежал в трюме космического корабля, холодный, мертвый. Он был Нейлом Ренфо и только что продал себя в рабство вербовщикам с далекой планеты. Но его почему-то разбудили раньше времени, и теперь он умирал в герметичной капсуле для перевозки эмигрантов, его легким не хватало воздуха, тело стыло в космическом холоде. Он пытался взмахнуть руками, надеясь разбить этот гроб. Хотя бы еще несколько мгновений жизни!..

Снова темно, но холода больше нет. Мягкая влага на губах, на глазах, на лице.

Неужели его услышали и решили спасти? Нет смерти меж звезд — только жизнь! Когда с его глаз убрали холод, он разлепил веки. Он видел! Как в тумане, но видел! Над ним склонились... нет, не офицер и не корабельный врач. Овальное лицо, зеленая кожа, большие, косо поставленные глаза. Приятное лицо, пожалуй, даже красивое. Правда, нет ни бровей, ни ресниц, ни волос над широким лбом...

— Айяр! — произнесли губы.

Что такое «айяр»? Приветствие? Или, может, вопрос? Он хотел бы знать, но не было сил спросить.

Рядом появилось другое лицо — похожее на первое, но чем-то от него отличающееся.

— Айяр! — Зеленая рука второго мелькнула перед глазами Айяра.

— Как он?

— Похоже, проснулся... — с сомнением ответило первое.

— Наконец-то он начал видеть!

Так что же это — «айяр»? «Айяр из Ифткана!» — торжествующе подсказала память. Айяр — это он сам. Открытие обрадовало его.

— Память возвращается к нему... Теперь он снова Айяр! — сказал первый.

Ифты! Да, это правильное название.

— Айяр, нам надо идти дальше.

Одна из зеленокожих фигур — повыше ростом — подняла Айяра, положила его на плечо.

Айяр смотрел вниз. Земля закружилась у него перед глазами, но вскоре успокоилась. Красная земля была перемешана с черной, словно какой-то гигант поработал здесь лопатой или мечем. Меч? Рука потянулась к поясу. Видимо, Айяр произнес это слово, потому что фигура поменьше быстро ответила:

— Меч погиб в битве с Тем, Что Ждет. Наверное, меч Кимона когда-то постигла та же судьба, что и меч Айяра...

— Легенды будут сочинены потом, — сказал тот, что нес Айяра. — А сейчас пойдем, пока есть силы.

Подошли еще двое. Айяр всмотрелся в лица. Память подсказала имена:

— Джервис... Килмарк...

Оба радостно улыбнулись.

Они шли медленно: приходилось продираться сквозь колючий кустарник. Мир вокруг начал зеленеть — стали попадаться слабые стебельки с мелкими листочками.

Айяр вдохнул полной грудью и окончательно пришел в себя. Голова его была ясной, но тело бессильным.

Он осмотрелся: они стояли на опушке леса, была весна. Не сон ли это?

— Где мы? — спросил он; ему важно было знать, что они все-таки выбрались из нор.

Иллиль улыбнулась:

— В дикой местности на севере.

— В Ифткане?

— Нет. Ифткана нет и больше не будет. — По ее лицу пробежала тень. — Он никогда не возродится, потому что для этого нужны новые корни, а не прививки к старым...

Айяр не пытался понять ее ответ. Он был рад, что они наконец в лесу, хотя и не ифтийском. Но вскоре подошли другие ифты, и он попытался узнать подробности.

— Мы победили То, Что Ждет, — сказал Джервис. — Вернее, победила Сила Танта, потому что именно она, войдя в твой меч, выжгла управляющий блок компьютера. Но Оно сошло с ума, когда мозг был разрушен. Фальшивые ифты и машины тоже сошли с ума и уничтожили сами себя. Что случилось с пленниками, пока не известно. Сейчас мы идем в порт. Если там тоже есть роботы-инопланетники, да еще и потерявшие управление, мы постараемся одолеть их. Вот как далеко зашло проклятие, наложенное на Янус... — Он покачал головой. — Но главное: мы покончили с Тем, Что Ждет, навсегда, потому что со сгоревшим мозгом Оно никогда не возродится. Безумие Того, Что Ждет, оставило много жертв. Если мы не сможем освободить его бывших пленников, то хотя бы оставим в порту ленту с описанием всего, что с нами произошло, и межпланетный сигнал бедствия. Секрет нашего перерождения мы пока оставим при себе. Это мы будем объяснять только тем, кто захочет поселиться на Янусе. Но пока нам придется отступить за море... если не удастся помочь пленникам.

Тут он задумался и посмотрел на Айяра.

— Ифткан исчез и больше не возродится. Мы не знаем, много ли ифтов из прошлого лежит среди руин владений Того, Что Ждет, в Пустоши. Может быть, инопланетники помогут нам в этом. Мы создадим новый род, и он будет свободен от Того, Что Ждет. Но каждому дню — своя задача. Посев и рост нельзя торопить.

Он замолчал, и Айяр, забыв, что был когда-то Нейлом, подставил лицо ночному ветру. Ветер был сладок и холоден; он обещал весну. Уставшие ифты отдыхали среди обломков прежнего мира, а вокруг поднималась новая жизнь, к возрождению которой они были причастны. Ифткан умер, но деревья-башни вырастут снова, и потомки ифтов будут петь об этих временах. И, скорее всего, легенда окажется совсем не похожей на действительность.

Рука ифта — меч,
Его сердце — во мраке
Холодного света луны.

Род его вечен, как яркий на небе
Месяц в ночной темноте.
Рожденный быть воином, встань,
Свой род от врага защити!

Это пела Иллиль. Айяр покачал головой:

— Я не Кимон. Тот был герой-одиночка. А какой из меня герой песни?

Джервис рассмеялся:

— Оставим судить об этом потомкам. А сегодня мы поем для себя!

Он протянул руки Айяру и Иллиль, и они пошли дальше, с песнью о Кимоне — лучшей песнью для такого счастливого дня.

СОДЕРЖАНИЕ

БУРЯ НАД ПЛАНЕТОЙ КОЛДУН. *Пер. С. Сергеева* 5
ИСПЫТАНИЕ В ДРУГОМ-ГДЕ. *Пер. Д. Арсеньева* 201
КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ. *Пер. Д. Арсеньева* 353
СУД НА ЯНУСЕ. *Пер. О. Колесникова* 487
ПОБЕДА НА ЯНУСЕ. *Пер. О. Колесникова* 637

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректоры *В. Авдеева, М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі. «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.10.2014.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 3000 экз. Заказ №1808.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-699-76086-2

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **ivanova.ey@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

ISBN 978-5-699-76086-2

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

ЭКСМО